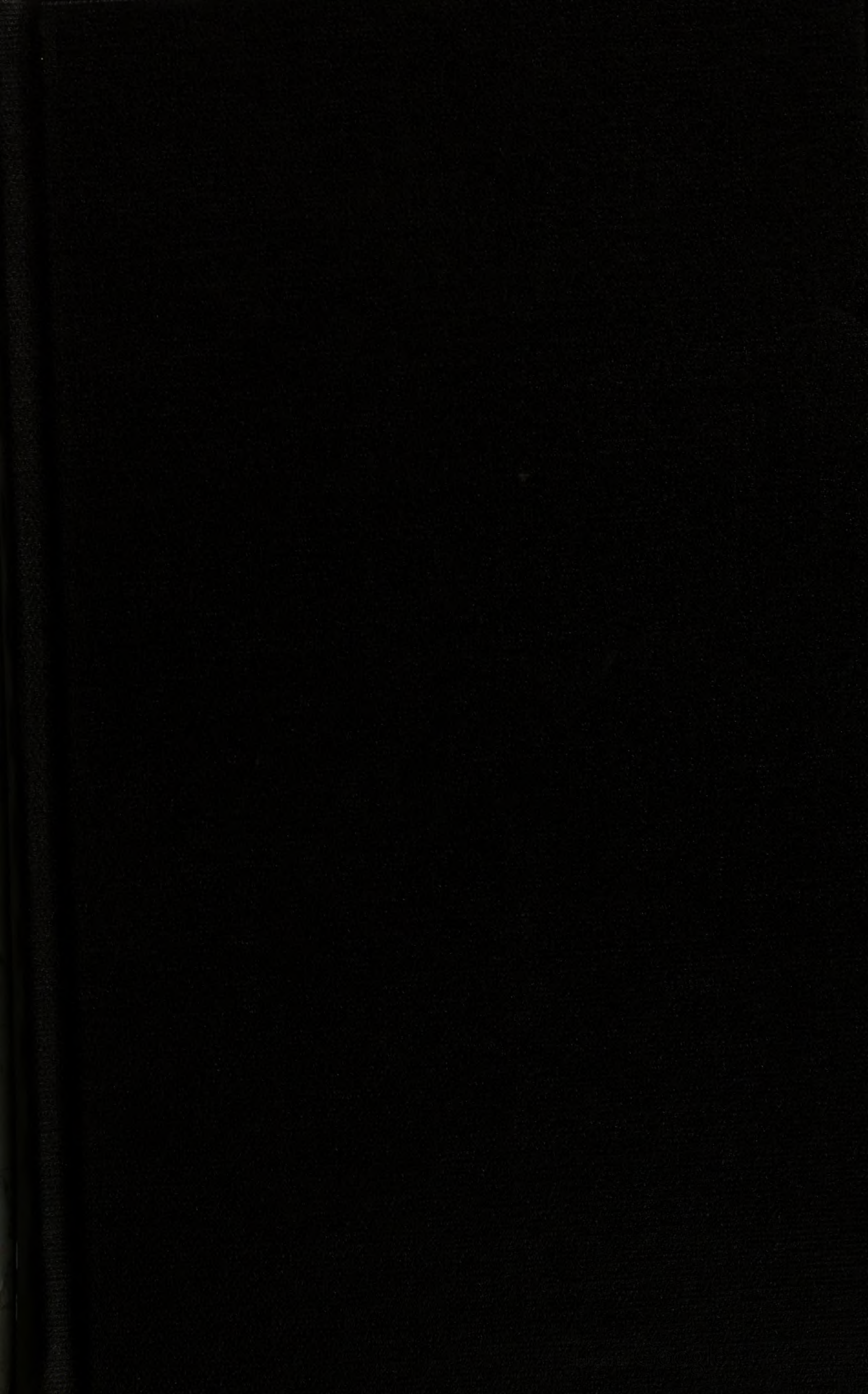

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

1893. №4 April

АПРѢЛЬ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

При этой книгѣ приложенъ портретъ А. А. Фета въ 1846 году (съ акварельнаго портрета, рисованнаго полковницей Сливицкой). Фототипія К. А. Фишера.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. слѣдующую страницу обертки).

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

Russkoe obozriênie

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.

АПРѢЛЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

The
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

А. А. Фетъ въ 1846 году.

(Съ акварельнаго портрета, рисованнаго полковницей Сливицкой).

(Фотот. К. Фишеръ, Москва).

РАННІЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

(Окончаніе.)

Неудача на экзаменѣ.—Вакація въ деревнѣ.—Сестра Лина.—Ея отъѣздъ въ Дармштадтъ.—Мое возвращеніе въ Москву.—Университетскія занятія.—Уроки у Гофмана.—Окончаніе курса Ап. Григорьевымъ и поступленіе его на службу.—Кофейня Печкина.—Калмыкъ.—Д. М. Перевощиковъ и Кирюша.—Т. Н. Грановскій.—М. С. Щепкинъ.—Д. Т. Ленскій.—Я. П. Полонскій.—Д. А. Галаховъ.—«Торопка»—Бантышевъ.—Пародія на «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ».—Паша Булгаковъ.—Танцовщица Андріанова.—Стихотвореніе Ап. Григорьева.—Константинъ Булгаковъ.—И. С. Тургеневъ.—Ап. Григорьевъ—университетскій библіотекарь.—А. А. Григорьевъ; его семейная и общественная жизнь и отъѣздъ въ Петербургъ.—Экзамены.—Субъ-инспекторъ Понтовъ.—Инспекторъ П. С. Нахимовъ.—Каникулы въ деревнѣ.—Болѣзнь матери.—Дядя Иванъ Неофитовичъ.—Новый академическій годъ.—Вечера у Полуденскихъ.—А. И. Герценъ.—Послѣдніе экзамены.—Экзаменъ у Т. Н. Грановскаго.—Визитъ къ Гофману и экзаменъ у него.—Окончаніе университетскаго курса.

Никакіе литературные успѣхи не могли унять душевнаго волненія, возраставшаго по мѣрѣ приближенія весны, Святой недѣли и экзаменовъ. Не буду говорить о корпоративномъ изученіи разныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, статистики, причемъ мы, студенты, сойдясь у кого-либо на квартирѣ, ложились на полъ втроемъ или четверомъ вокругъ разостланной громадной карты, по которой воочію слѣдили за статистическими фигурами извѣстныхъ произведеній страны, обозначенными въ лекціяхъ Чивилева.

Но вотъ начались и самые экзамены и сдавались мною одинъ за другимъ весьма успѣшно, хотя и съ возрастающимъ чувствомъ томительнаго страха предъ греческимъ языкомъ. Мучительное предчувствіе меня не обмануло, и въ то время, когда Ап. Григорьевъ радостный принесъ изъ университета своимъ старикамъ

извѣстіе, что кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ, я, получивъ единицу у Гофмана изъ греческаго языка, остался на третьемъ курсѣ еще на годъ.

Дома болѣе или менѣе успѣшно я свалилъ вину на несправедливость Гофмана; но внутренно долженъ былъ сознаться, что Гофманъ былъ совершенно правъ въ своей отмѣткѣ, и это сознаніе, подобно тайной ранѣ, не переставало ныть въ моей груди. Впрочемъ, сердечная дружба и нравственная развитость сестры Лины во многихъ отношеніяхъ облегчала и озаряла на этотъ разъ мое пребываніе въ деревнѣ. Переполненный вдохновлявшими насъ съ Григорьевымъ мелодіями оперъ—преимущественно „Роберта", я былъ очень радъ встрѣтить прекрасную музыкальную память и пріятное сопрано у Лины, и бѣдная больная мать въ дни, когда недугъ позволялъ ей вставать съ постели, изумлялась, что мы съ сестрою, никогда не жившіе вмѣстѣ, такъ часто пѣвали въ два голоса одно и то же.

Хотя, какъ я уже говорилъ выше, Лина пользовалась въ семействѣ, начиная съ нашего отца, самымъ радушнымъ сочувствіемъ, тѣмъ не менѣе привычка къ безусловной свободѣ очевидно брала верхъ, и она объявила, что возвращается въ Дармштадтъ. Самый отъѣздъ, какъ я помню, состоялся вначалѣ августа, когда въ прекрасномъ Новосельскомъ фруктовомъ саду поспѣли всѣ плоды и между прочимъ крупныя груши, подъ названіемъ „bon cretien", не уступавшія иностраннымъ „дюшессъ," хотя росли на открытомъ воздухѣ. Не помню, ходили ли тогда по только что устроенному шоссе дилижансы изъ Орла въ Москву. Полагаю, что ихъ еще не было, и не могу припомнить, въ чемъ или съ кѣмъ Лина проѣхала изъ Мценска до Москвы. Понятно, съ какимъ чувствомъ больная мать навсегда разставалась со старшей дочерью; мы всѣ были взволнованы и растроганы. Въ минуту послѣднихъ объятій всѣ были изумлены неожиданнымъ возгласомъ отца: „Что же это такое! всѣ плачутъ!" Съ этими словами невозмутимый старикъ, котораго никто не видалъ плачущимъ, зарыдалъ.

— Каковъ папа! восклицала дорогою въ каретѣ Лина, обращаясь ко мнѣ:—я никакъ не ожидала отъ него такихъ дорогихъ для меня слезъ.

Это не помѣшало самовольной дѣвушкѣ развернуть данныя ей груши „bon cretien", которыми отецъ просилъ ее похвастать передъ дядей Эрнстомъ.

— Куда я ихъ повезу болѣе чѣмъ въ 10-ти дневномъ пути? сказала она, доставая складной дорожный ножикъ и угощая меня половиною сочной груши.

— Дай мнѣ, сказала она,—что-нибудь на память изъ своихъ вещей, бывшихъ въ ближайшемъ твоемъ употребленіи.—Съ этими словами она сняла съ меня черный шейный платокъ и спрятала въ мѣшокъ.

Недѣли черезъ двѣ я и самъ вернулся въ Москву, гдѣ къ обычнымъ университетскимъ занятіямъ присоединился разъ въ недѣлю греческій урокъ у Гофмана, на что отцомъ было ассигновано по 10 р. за часъ. Не помню, чтò Гофманъ въ этомъ году читалъ въ университетѣ на моемъ курсѣ, но на частныхъ урокахъ мы съ нимъ читали Одиссею, переводя съ греческаго на латинскій, такъ какъ Гофманъ читалъ и преподавалъ греческую словесность по латыни. Жилъ онъ въ этомъ году до глубокой осени и съ открытіемъ слѣдующей весны 43 года до самыхъ экзаменовъ на Воробьевыхъ горахъ, куда, какъ помнится, отправляясь изъ Москвы пѣшкомъ, заходилъ на Малую Полянку давать мнѣ урокъ или же назначать время таковаго у себя на Воробьевыхъ горахъ. Григорьевскій слуга Иванъ, заслужившій прозваніе Гегеля, соображая вѣроятно страданіе, причиненное мнѣ профессоромъ, каждый разъ, сообщая мнѣ о приходившемъ въ мое отсутствіе профессорѣ, говорилъ: „Охъ-ма приходилъ.“ И, конечно, я догадывался, что это былъ Гофманъ.

Но чтò случилось съ потерянными при самомъ началѣ необычными въ другихъ азбукахъ буквами *кси* и *пси*, не умѣющими у меня до сихъ поръ попасть при поискахъ въ лексиконѣ въ надлежащее мѣсто, случилось и съ греческой этимологіей и преимущественно съ глаголами, не усвоенными своевременно памятью. То, что при помощи толковаго репетитора могло быть достигнуто сравнительно легко, продолжало производить отталкивающее впечатлѣніе и мѣшало усвоенію. Тѣмъ не менѣе обычная студенческая жизнь брала свое, не взирая ни на какія потрясенія и внутреннія перемѣны. Къ послѣднимъ принадлежало окончаніе университетскаго ученія Ап. Григорьевымъ, продолжавшимъ еще проживать со мною наверху Полянскаго дома. Освободившись отъ сидѣнія надъ тетрадками, Аполлонъ сталъ не только чаще бывать въ домѣ Коршей, но и посѣщать домъ профессора Н. И. Крылова и его красавицы жены, урожденной Коршъ. По привязанности къ лучшему своему ученику, Никита

Ив. самъ не разъ приходилъ къ старикамъ Григорьевымъ и явно старался выхлопотать Аполлону служебное мѣсто, которое бы не отрывало дорогаго сына отъ обожавшихъ его родителей. Какъ нарочно, секретарь университетскаго правленія Назимовъ вышелъ въ отставку, и, при вліяніи Крылова въ Совѣтѣ, едва окончившій курсъ Григорьевъ былъ выбранъ секретаремъ правленія. Радости стариковъ не было конца. За то мнѣ по вечерамъ нерѣдко приходилось оставаться одному по причинѣ отлучекъ Григорьева изъ дому.

Мои студенческія воспоминанія сороковыхъ годовъ были бы неполны безъ упоминанія кофейни Печкина. Подыматься въ нее въ бель-этажъ съ Воскресенской площади приходилось по неширокой и крутой лѣстницѣ, выходившей вверху въ небольшую комнату съ двумя или тремя столиками около окошекъ. У ближайшаго къ балюстрадѣ лѣстницы столика можно было ежедневно съ утра и до вечера видѣть густоволосаго и бѣлаго, какъ лунь, небольшаго старика, сидящаго спиною къ балюстрадѣ и лежащаго большею частію на краю стола лбомъ, подпертымъ кулакъ на кулакъ.

Старикъ этотъ, никогда не встававшій съ мѣста, былъ извѣстный всѣмъ посѣтителямъ Калмыкъ. Разсказывали, что онъ былъ въ свое время пріобрѣтенъ какою-то старухой-барыней, и когда послѣдняя умерла бездѣтной, то, оставшись безпріютнымъ, занялъ въ добрый часъ свое мѣсто въ Печкинской кофейнѣ.

Посѣтители знали только, что онъ очень старъ и не забывали его своимъ вниманіемъ. Самъ же Калмыкъ, страдая вѣроятно отъ болѣзненныхъ припадковъ, давалъ о себѣ знать, приподымая голову съ кулаковъ и испуская громкое восклицаніе: „охъ-охъ-охъ!" Сколько разъ сидя въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ, я слыхалъ, какъ тотъ или другой посѣтитель, позвонивъ слугу, говорилъ: „Дай Калмыку солянки" или: „дай Калмыку стаканъ чаю". Вкусивъ присланное, Калмыкъ, простонавъ: „охъ-охъ-охъ", безмолвно снова опускался на кулаки. Прямо противъ лѣстницы дверь вела въ болѣе просторную комнату, изъ которой вправо былъ ходъ въ билліардную, окруженную со всѣхъ сторонъ мягкими диванами. Въ эти комнаты я заглядывалъ очень рѣдко, но за то слѣдуетъ поговорить о небольшой комнатѣ вправо отъ передней Калмыка и небольшомъ кабинетѣ, отдѣленномъ отъ этой комнаты аркою. Комнату эту можно было по справедливости считать нѣкоторымъ центромъ московской науки и искус-

ства. Тамъ стоялъ столъ съ шахматами, за которымъ можно было въ извѣстные часы встрѣтить профессора Дм. Матвѣев. Перевощикова въ состязаніи съ Персіаниномъ или Армяниномъ, носившимъ названіе Кирюши. Какъ теперь помню кудрявую черную съ едва замѣтной просѣдью голову этого восточнаго человѣка, сидящаго въ суконномъ черномъ архалукѣ съ разрѣзными рукавами у шахматнаго стола противъ Перевощикова. Вѣроятно Кирюша былъ весьма сильный шахматный игрокъ, чѣмъ только и можно объяснить постоянную игру съ нимъ Перевощикова. Сочувствуя съ своей стороны знаменитому астроному, Кирюша и въ отсутствіе своего партнера, стараясь усилить значеніе какой-либо вещи, выразительно прибавлялъ: „тутъ нужно матэматыкъ". Заглядывалъ въ кофейню и Т. Н. Грановскій. Подобно Перевощикову, завсегдатаемъ кофейни былъ М. С. Щепкинъ, къ которому попеременно подходили то Ленскій, то только что начинавшій играть Садовскій, на котораго Щепкинъ смотрѣлъ, какъ на своего любимаго ученика. Помню, какъ однажды на слова Садовскаго, что N. N. вчера сидѣлъ въ третьемъ ряду креселъ, Щепкинъ сказалъ: „вотъ когда ты никого не будешь видѣть изъ сидящихъ въ театрѣ, тогда ты начнешь хорошо играть".

Помню, въ какое волненіе, чтобы не сказать негодованіе, пришелъ Щепкинъ, когда я подъ впечатлѣніемъ непріятности отъ рыбьихъ костей позволилъ себѣ сказать, что въ рыбѣ собственно ничего хорошаго нѣтъ.

— Какъ! воскликнулъ онъ: въ рыбѣ! и произносилъ слово „рыба" такимъ жирнымъ голосомъ, какъ будто глоталъ янтарные куски осетрины или стерляди. Только современемъ узналъ я, какъ два наклонные къ тучности пріятеля—Перевощиковъ и Щепкинъ ходили къ рыбьему садку облюбовывать цѣннаго осетра, но такъ какъ цѣна за него казалась имъ все-таки не по средствамъ, они давали мальчику при садкѣ полтинникъ, обѣщая еще другой, если онъ прибѣжитъ съ извѣстіемъ, что осетръ сію минуту заснулъ. Но сердце не камень, и Щепкинъ по временамъ отправлялся навѣстить своего избранника, и когда послѣдній весело пошевелится, Мих. Сем., потрясая кулакомъ, воскликнетъ: „у-у подлецъ!" и уѣдетъ домой.

Но неизмѣннымъ посѣтителемъ кофейни былъ страстный потребитель шампанскаго и неистощимый въ остротахъ Дм. Тим. Ленскій. Соль его остротъ въ большинствѣ случаевъ была не-

цензурна, но порою онъ отпускалъ и самыя невинныя остроты. Такъ, слыша чей-то совѣтъ какому-то обросшему волосами обрѣзать волосы, Ленскій замѣтилъ, что не всякому дано остриться. Помню, какъ однажды съ Я. П. Полонскимъ мы сидѣли на диванѣ въ небольшомъ кабинетѣ, о которомъ я ужъ говорилъ, предъ полукруглымъ столомъ, и Полонскій, желая позвать слугу, почему-то не являвшагося, много разъ принимался звонить стоявшимъ на столѣ колокольчикомъ.

— Согласитесь, крикнулъ намъ черезъ арку изъ смежной комнаты Ленскій,—что между студентами иногда бываютъ пустозвоны.

Не менѣе постояннымъ посѣтителемъ кофейни бывалъ уже въ то время почтенный Д. А. Галаховъ, котораго христоматія появилась около того времени. Однажды онъ вошелъ въ кофейню въ мундирномъ фракѣ со словами: „я только что отъ графа Строганова, который сказалъ мнѣ: „я васъ вызвалъ, чтобы замѣтить, что вы въ своей христоматіи помѣстили стихотворенія Фета, не зная, можетъ-быть, что онъ еще студентъ“.

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ я,—я выбиралъ стихотворенія, заслуживающія по моему мнѣнію быть помѣщенными въ христоматіи, и виноватъ, не обращалъ вниманія на положеніе автора.

Изъ билліардной порою приходилъ красивый брюнетъ, восторгавшій насъ своимъ бархатнымъ теноромъ, неподражаемый „Торопка“-Бантышевъ. И этого Щепкинъ не оставлялъ своимъ вкрадчиво-любезнымъ наставленіемъ. Кто знаетъ, сколько кофейня Печкина разнесла по Руси истинной любви къ наукѣ и искусству. Не знаю подлинно, кому принадлежала пародія на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, изображающая кофейню Печкина. Мнѣ удалось слышать ее не болѣе двухъ разъ, и потому я могу на нее скорѣе намекнуть, чѣмъ передать ее въ настоящее время. Говорилось въ ней о бренности всего великаго на землѣ:

И прошло много лѣтъ,
И кофейни ужъ нѣтъ...
. . . .
Но въ двѣнадцать часовъ...
— На билліардѣ гремятъ шары
И на лѣстницу лѣзетъ Калмыкъ.
Ленскій пьянъ и румянъ,
Ленскій держитъ стаканъ,
Ухмыляется Ленскаго ликъ.

Стихи эти едва ли не принадлежатъ Клюшникову.

Выше я упомянулъ объ образованномъ и свѣтскомъ почтъ-директорѣ Ал. Як. Булгаковѣ, какъ о своемъ человѣкѣ въ домѣ П. П. Новосильцова. По своему положенію онъ долженъ былъ принимать всѣхъ знаменитыхъ иностранныхъ артистовъ, рекомендованныхъ изъ Петербурга. Но независимо отъ его появленій въ гостиной Новосильцовыхъ, къ намъ, то-есть къ Ваничкамъ Новосильцову и Борисову, иногда заглядывалъ меньшой сынъ Ал. Як. — Паша Булгаковъ, проживавшій въ отцовскомъ помѣщеніи вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ Нѣмцемъ Гауптомъ. Раза съ два и я былъ съ Борисовымъ у Паши, потѣшавшаго насъ разными выходками, между прочимъ, декламаціей извѣстной оды

„Съ бѣлыми Борей власами".

Причемъ каждое слово онъ сопровождалъ соотвѣтственными дѣйствіями. Такъ при словахъ: „Сыпалъ иней пушисты",—онъ двигалъ пальцами рукъ, на подобіе ключницы, кормящей куръ, и затѣмъ, закинувъ голову и сильно подувъ на воздухъ, продолжалъ: „И мятели воздымалъ". А при словахъ: „Налагая цѣпи льдисты", — хваталъ попеременно правою и лѣвою рукой свободную руку за тѣ мѣста, на которыя накладываютъ цѣпи. Ко времени, о которомъ я говорю, Паша Булгаковъ, избавившись отъ надзора Гаупта, сталъ ежедневно появляться въ театрѣ, въ которомъ порою и мы съ Аполлономъ не переставали почерпать юношескіе восторги. Не удивительно, что до крайности чуткій на все изящное Аполлонъ приходилъ въ восторгъ отъ граціозныхъ танцевъ Андріановой. Дѣйствительно, она была плѣнительно граціозна при полетѣ черезъ сцену на развѣвающемся шарфѣ. Помню даже стихотвореніе Григорьева съ двустишіемъ:

Когда волшебницей въ Жизели
На легкой дымкѣ вы летѣли...

— Если только память мнѣ не измѣнила.

И вдругъ по Москвѣ разнеслась дикая вѣсть: вчера Паша Булгаковъ изъ директорской ложи кинулъ Андріановой на сцену кошку. Держась правила разсказывать только прямо соприкасавшееся съ моимъ прошедшимъ, воздерживаюсь отъ пересказа многочисленныхъ анекдотовъ о старшемъ братѣ Паши, Константинѣ, умѣвшемъ остроумными шалостями не только составить себѣ извѣстность въ гвардіи, но и заслужить пощаду со стороны Вел. Кн. Михаила Павловича. Но судьбѣ было угодно по-

казать мнѣ некрасивый закатъ этого несомнѣнно талантливаго человѣка. Въ первые годы женитьбы моей, когда судьба какъ бы нарочно закинула меня на ту же Малую Полянку въ нѣсколькихъ шагахъ отъ овдовѣвшаго уже Ал. Ив. Григорьева, я однажды увидалъ въ городскихъ рядахъ сѣдаго и сгорбленнаго старичка, въ которомъ призналъ тотчасъ же нѣкогда блестящаго Ал. Як. Булгакова. Онъ узналъ меня, въ свою очередь, но какъ-то сдержанно, чтобы не сказать пугливо, отвѣчалъ на мои привѣтствія. Это было послѣднимъ нашимъ свиданіемъ.

Однажды Тургеневъ во время пребыванія своего въ Москвѣ, сказалъ мнѣ: „вы вѣроятно знаете, что у бѣднаго Конст. Булгакова отнялись ноги, и онъ доживаетъ свой вѣкъ на квартирѣ у отца. Онъ просилъ меня познакомить его съ вами. Я увѣренъ, что вамъ интересно будетъ встрѣтиться съ этимъ оригиналомъ, и я завтра за вами заѣду въ два часа дня. Это самое его показное время, къ которому его успѣваютъ отмыть и пріодѣть отъ полуночнаго пьянства“.

На другой день мы съ Тургеневымъ съ отдѣльнаго крыльца черезъ какіе-то полутемные переходы взошли въ довольно просторную комнату съ прекраснымъ роялемъ и весьма незатѣйливою мебелью по стѣнамъ. На двухколесномъ креслѣ сидѣлъ, свѣсивъ неподвижныя, тщательно въ полосатые чулки и лаковые башмаки, обутыя ноги, самъ хозяинъ Конст. Булгаковъ, бодрый на видъ, одѣтый съ нѣкоторымъ щегольствомъ.

Пожавъ мнѣ руку, онъ отрекомендовалъ своего пріятеля, рыжеватаго Нѣмца съ одутловатымъ лицомъ, помнится, Ивана Ивановича.

— У насъ, обратился Булгаковъ къ Тургеневу,—вчера съ Иванъ Ивановичемъ былъ балъ. Накрытъ былъ большой столъ, разставлены на столѣ свѣчи, мы запаслись двумя штофами очищенной, и гостямъ было полное угощеніе.

— А вашъ балъ не безпокоитъ вашего сосѣдства? сказалъ Тургеневъ, указывая глазами на запертую дверь, ведущую, очевидно, въ помѣщеніе старика Булгакова.

— Этого? тутъ нашъ хозяинъ разразился такими громогласными и нецензурными ругательствами противъ отца, котораго, вѣроятно, къ этому уже пріучилъ, что намъ сдѣлалось не по себѣ.

Подъ предлогомъ спѣшнаго дѣла Тургеневъ скоро уѣхалъ, оставивъ меня въ такой своеобразной средѣ.

— А что Иванъ Ивановичъ, замѣтилъ Булгаковъ, подкаты-

ваясь въ креслѣ къ раскрытому роялю, — сыграемъ въ четыре руки, да посмотри прежде въ шкапчикѣ, есть ли угощеніе?

Иванъ Ивановичъ раскрылъ узкій дубовый шкапчикъ и съ видимымъ удовольствіемъ приподнялъ одинъ за другимъ за нераспечатанное горлышко два полштофа драгоцѣнной влаги.

Успокоившись на этотъ счетъ, онъ, въ свою очередь, сѣлъ на стулъ играть баса на рояли. Заиграли музыку Глинки, играли довольно продолжительно и можно сказать вдохновенно. Наконецъ нервный Булгаковъ расплакался и кончилъ восклицаніемъ: „да я, что я? я—навозъ, а Глинка—божество"! Затѣмъ, поворачивая свое кресло, онъ воскликнулъ: „завтра вечеромъ у насъ балъ; пріѣзжайте, будетъ и освѣщеніе, и приличное угощеніе".

Я поблагодарилъ за любезное приглашеніе, но, признаюсь, побоялся имъ воспользоваться. Это была единственная моя встрѣча со знаменитымъ Конст. Булгаковымъ.

Можно было предполагать, что неуклонный посѣтитель лекцій и неутомимый труженникъ Ап. Григорьевъ будетъ безукоризненнымъ чиновникомъ. Но на дѣлѣ вышло далеко не то: списки, отчеты съ своею сухою формалистикой, требующей тѣмъ не менѣе настойчиваго вниманія, не возбуждали въ немъ никакой симпатіи, и совѣтъ университета въ скорости пришелъ къ убѣжденію въ совершенной неспособности Григорьева исполнять должность секретаря правленія. Какъ нарочно упразднилось мѣсто университетскаго библіотекаря, на которое Крыловъ успѣлъ помѣстить Ап. Григорьева. Надо сказать, что пробужденіе стариковъ посредствомъ музыки Аполлона продолжалось со стороны кандидата секретаря правленія и библіотекаря точно такъ же, какъ оно производилось студентомъ I курса. Хотя Аполлонъ наверху со мною жестоко иронизировалъ надъ догматизмомъ патеровъ, какъ онъ выражался, тѣмъ не менѣе по субботамъ сходилъ внизъ по приглашенію: „Ап. Ал., пожалуйте къ маменькѣ головку чесать", — и подставлялъ свою голову подъ ея гребень. Соотвѣтственно всему этому Аполлонъ въ первое время поступленія на службу считалъ своею гордостью отдавать все жалованье родителямъ безъ остатку. И можно было только удивляться наивности стариковъ, не догадывавшихся, что молодой чиновникъ могъ нуждаться въ карманныхъ деньгахъ. Слѣдствіемъ такого недоразумѣнія было тайное сотрудничество Григорьева въ журналахъ и уроки въ богатыхъ домахъ. Къ этому Григорьевъ не разъ говорилъ мнѣ о своемъ поступленіи въ масон-

скую ложу и возможности получить съ этой стороны денежныя субсидіи. Помню, какъ однажды посѣтившій насъ Ратынскій съ раздраженіемъ воскликнулъ: „Григорьевъ! подавайте мнѣ руку, хватая меня за кисть руки сколько хотите, но я ни за что не повѣрю, чтобы вы были масономъ".

Насколько было правды въ этомъ масонствѣ, судить не берусь, знаю только, что въ этотъ періодъ времени Григорьевъ отъ самаго отчаяннаго атеизма однимъ скачкомъ переходилъ въ крайній аскетизмъ и молился предъ образомъ, налѣпляя и зажигая на всѣхъ пальцахъ по восковой свѣчкѣ. Я зналъ, что между знакомыми онъ раздавалъ университетскія книги, какъ свои собственныя, и я далеко даже не зналъ всѣхъ его знакомыхъ. Однажды, къ крайнему моему изумленію, онъ объявилъ мнѣ, что получилъ изъ масонской ложи временное вспомоществованіе и завтра же уѣзжаетъ въ три часа дня въ дилижансѣ въ Петербургъ, вслѣдствіе чего проситъ меня проводить его до Щевалдышевской гостиницы, откуда уходитъ дилижансъ, и затѣмъ вернувшись съ возможною мягкостью объявить старикамъ о случившемся. Онъ ссылался на нестерпимость семейнаго догматизма и умолялъ во имя дружбы исполнить его просьбу. Прожить уроками и литературнымъ трудомъ казалось ему самой легкой задачей.

Сборы его были несложны, ограничиваясь едва ли не бѣльемъ и платьемъ, бывшимъ на немъ въ данную минуту, такъ какъ остальное было на рукахъ Татьяны Андреевны, у которой нельзя было выпросить вещей въ большомъ количествѣ, не возбудивъ подозрѣнія. Въ минуту отъѣзда дилижанса мы пожали другъ другу руки, и Аполлонъ вошелъ въ экипажъ. Когда дилижансъ тронулся, я почувствовалъ себя какъ бы въ опустѣломъ городѣ. Это чувство сиротливой пустоты я донесъ съ собою на Григорьевскія антресоли. Не буду описывать взрыва негодованія со стороны Александра Ивановича и жалобнаго плача Татьяны Андреевны послѣ моего объявленія объ отъѣздѣ сына. Только, успокоившись нѣсколько, на другой день они рѣшились послать вслѣдъ за сыномъ слугу Ивана (Гегеля) съ платьемъ, туалетными вещами и нѣсколькими сотнями рублей денегъ. При отъѣздѣ Аполлонъ сказалъ мнѣ, у кого можно было искать его въ Петербургѣ. Оказалось, что Аполлонъ по добродушной безшабашности роздалъ множество книгъ изъ университетской библіо-

теки, которыя мнѣ пришлось не безъ хлопоть возвращать на старое мѣсто.

Я продолжалъ еще съ осени (какъ уже говорилъ выше) брать частные уроки греческой словесности у Гофмана, но въ сущности безъ всякой для себя пользы, по случаю моей грамматической неподготовленности. Какъ человѣкъ, Гофманъ во время уроковъ былъ со мною чрезвычайно милъ и подчивалъ дорогими сигарами, отъ которыхъ я отказывался. Такъ дѣло шло до самаго греческаго экзамена, который являлся рѣшающимъ мой переходъ на четвертый курсъ, такъ какъ былъ послѣднимъ изъ всѣхъ благополучно сошедшихъ преметовъ испытаній. Конечно, я до послѣдней крайности цѣлыя ночи проводилъ, готовя и повторяя пройденное. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда, придя на экзаменъ, я узналъ, что Гофманъ на него не пришелъ, и экзаменуетъ лекторъ Меньшиковъ. Когда я въ ожиданіи вызова просматривалъ греческую книгу, круглолицый и рябоватый субъинспекторъ Пантовъ, проходя мимо скамеекъ, нагнулся ко мнѣ и сказалъ шепотомъ: „выбрейте вашу бороду". Въ послѣднее время среди волненій я не подумалъ о туалетѣ и ничего не отвѣтилъ субъ-инспектору. Минуты черезъ двѣ Пантовъ снова повторилъ свое приглашеніе, но на этотъ разъ я, быть-можетъ, съ раздраженіемъ вполголоса отвѣтилъ: „ради Бога оставьте меня." Смотрю Пантовъ прошелъ къ экзаменному столу и, склонившись къ уху инспектора, что-то ему прошепталъ. Добрѣйшій Платонъ Степановичъ поднялъ руку и, глядя мнѣ въ лицо, издали призывно закивалъ указательнымъ перстомъ. „Вы являетесь въ университетъ небритымъ, сказалъ инспекторъ, да еще грубите субъинспекторамъ,—ступайте сейчасъ наверхъ къ казеннымъ студентамъ и прикажите цирюльнику васъ обрить, а по окончаніи экзамена я васъ посажу въ карцеръ".

Экзаменъ, сверхъ ожиданія, сошелъ благополучно: Меньшиковъ поставилъ мнѣ четверку, а черезъ полчаса я былъ уже въ пріемной инспектора. Въ своихъ выговорахъ Платонъ Степановичъ впадалъ въ лирическій безпорядокъ и, будучи гонителемъ стиховъ, иногда говорилъ стихами, въ родѣ: „штаны (не форменные, сѣрые) усы, волоса! за эти чудеса, приходите ко мнѣ въ два часа". „Вотъ вы, воскликнулъ онъ, переходите на четвертый курсъ, а у меня—жена, дѣти, графъ, вотъ и въ карцеръ".

Спасеніе заключалось въ словахъ: „Платонъ Степановичъ, вѣдь вы нашъ отецъ".

— „Да вы то меня не жалѣете; ужь такъ и быть, на этотъ разъ ступайте, но впредь не попадайтесь".

Оказалось, что пришедшій въ совѣтъ для провѣрки балловъ Гофманъ нашелъ четверку, поставленную мнѣ Меньшиковымъ, преувеличенною и захотѣлъ переправить ее на тройку; но деканъ нашъ, профессоръ эстетики Ив. Ив. Давыдовъ не позволилъ этого, сказавши: „вы сами не экзаменуете, а приходите уменьшать баллъ, поставленный другимъ. Я, какъ деканъ, имѣю право прибавить студенту единицу.

Велика была радость, по случаю перехода на 4-й курсъ, всѣхъ домашнихъ и дяди, начинавшаго тяготиться моимъ долгимъ пребываніемъ въ университетѣ. Но къ моей радости примѣшивалось мучительное сознаніе, что черезъ годъ все-таки не избѣжать карающей руки Гофмана при окончаніи университетскаго курса.

Не буду останавливаться на обычномъ пребываніи въ деревнѣ во время каникулъ. Все шло по старому, за исключеніемъ усилившихся болѣзненныхъ припадковъ бѣдной матери, которая вынуждена была переѣхать въ Орелъ, чтобы находиться подъ ежедневнымъ надзоромъ своего доктора Вас. Ив. Лоренца. Въ тѣ времена еще не было въ Орлѣ порядочныхъ гостиницъ, и мать занимала два номера на постояломъ дворѣ Кабанкова. Всходить въ бель-этажъ, гдѣ помѣщались эти номера, надо было со двора по высокой, деревянной лѣстницѣ черезъ открытую галлерею. Здѣсь-то ежедневнымъ посѣтителемъ матери былъ проживавшій въ Орлѣ въ своемъ домѣ ея своякъ, а нашъ дядя, добрѣйшій Иванъ Неофитовичъ.

Выше мнѣ пришлось уже говорить объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ, который подъ рукою романиста-психолога могъ бы явиться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ типовъ. Что касается до меня, то я могу разсказать о немъ только внѣшнюю правду, отказываясь разгадать внутреннюю. Усердно преданный до старости, не смотря на зеленый зонтикъ на глазахъ, чтенію *Journal des Débats*, онъ никакъ не могъ быть названъ ни необразованнымъ, ни невѣжественнымъ человѣкомъ. Добрякъ по природѣ, онъ никогда не возводилъ чувства доброты въ нравственное ученіе, но осуществлялъ его по мѣрѣ возможности рядомъ съ примѣрнымъ чувствомъ бережливости. Все это дѣлалось само собою инстинктивно. Такъ, напримѣръ, онъ никогда не наказывалъ тѣлесно провинившихся и даже не бранилъ ихъ обычными ругательствами, но изобрѣталъ собственныя.

— Ты что это выдумалъ? говорилъ онъ виноватому; — ты знаешь ли, я тебя сквозь стѣнку прогоню, — и ты выйдешь свинья. Или: да я тебя ногами съ галкой свяжу и черезъ заборъ перекину, — и ты будешь висѣть.

Ежели въ день пріѣзда нашего отца или матери, поваръ, зная требовательность послѣднихъ, подавалъ тщательно приготовленныя котлеты, то это со стороны Ивана Неофитовича ему не проходило даромъ.

— Что это ты какія котлеты подаешь? Ты меня разорить хочешь? говорилъ онъ повару.

За то отецъ нашъ, пившій за обѣдомъ по рюмкѣ бѣлаго вина, безцеремонно пріѣзжалъ со своею бутылкой, такъ какъ зналъ, что Иванъ Неофитовичъ сливалъ въ бутылку всѣ разнородные остатки и пилъ эту смѣсь. Независимо отъ семейнаго обѣда, онъ любилъ крошить хлѣбъ въ квасъ и дѣлать себѣ тюрю говоря: „это прекрасное народное кушанье".

Въ Доброводскомъ прудѣ было много карасей, и Иванъ Неофитовичъ предпочиталъ рыбную пищу мясной. Однажды я засталъ его прихворнувшаго—въ кабинетѣ надъ ухой, изъ которой онъ пальцами доставалъ карасей и, избавляясь отъ рыбныхъ костей, обтиралъ пальцы объ остатки волосъ, которые оказывались покрытыми иглами.

Въ жилеткѣ Ивана Неофитовича всегда были мѣдныя копѣечки, и когда въ гостяхъ на зовъ: „малый, квасу!" человѣкъ подавалъ ему на подносѣ стаканъ, онъ, выпивши его, клалъ на подносъ копѣечку со словами: „это тебѣ на орѣхи". Разъѣзжая въ троечныхъ дрожкахъ, онъ не дозволялъ кучеру озираться, ибо зная, что тотчасъ же заснетъ, говорилъ: „какъ увидитъ онъ, что я сплю, онъ меня будетъ шагомъ везти".

По уваженію къ чужой собственности, онъ, замѣчая, что кучеръ направлялся съ корявой колчеватой дороги на накатанную по зеленямъ стежку, всегда приказывалъ сворачивать на колчеватую дорогу, говоря: „ты хочешь, чтобы люди тебѣ проторяли дорогу, а ты долженъ ее проторять людямъ".

Проводя лѣто въ своемъ родовомъ имѣніи „Доброй Водѣ", онъ нерѣдко посылалъ за 25 верстъ въ Орелъ за письмами, журналами и покупками, но постоянно верхомъ; при этомъ не забывалъ посылать двумъ крестницамъ-старушкамъ Аннѣ Ивановнѣ и Марьѣ Ивановнѣ гостинцевъ, въ родѣ свекольника для щей, хотя бы и въ такую пору, когда застарѣвшій онъ не соблазняетъ

даже и коровъ. „Тамъ у нихъ и лошади дашь овса, а чтобы самому поѣсть, возьми съ собою крупы, хлѣба; да вѣдь въ городѣ дрова дороги, такъ возьми и полѣно дровъ".

Сосѣди, увидавъ верховаго съ полѣномъ подъ мышкой, говаривали: „опять Шеншинскій съ дрекольемъ поѣхалъ". Надо отдать справедливость добряку, что онъ очень любилъ нашу мать и, пообѣдавши дома, приходилъ въ номеръ, гдѣ она лежала за ширмами. Тутъ онъ садился за столикъ, на которомъ ему ежедневно приготовлялась тетрадка въ шесть листовъ бумаги, два-три пера и чернильница. Тетрадку онъ довольно искусно раздиралъ пополамъ, затѣмъ на четыре и окончательно на восемь частей, а потомъ начиналось писаніе приказовъ старостѣ, но на другой день приказы никогда не шли по назначенію, а кидались въ печку, чтобы появиться на слѣдующій день въ обновленномъ видѣ. Письменный трудъ задерживалъ его нерѣдко до полуночи, а затѣмъ, откинувшись въ вольтеровскомъ креслѣ, онъ засыпалъ; тогда больная звала дѣвушку и говорила: „подыми ноги братцу и положи ихъ на стулъ".

Послѣ такого успокоенія болѣзненныхъ ногъ, братецъ сидя продолжалъ храпѣть до утра.

О новомъ академическомъ годѣ четвертаго курса распространяться не буду, во избѣжаніе повтореній. Пословица говоритъ: „чужая душа—потьмы", но неменьшія потьмы представляетъ и собственная, которая врожденными склонностями служитъ оправданіемъ пословицы: „каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку". На это невольное размышленіе наводитъ меня воспоминаніе о тогдашнемъ сознаніи роковой необходимости сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы перешагнуть черезъ окончательный греческій экзаменъ. Казалось бы, не нужно было никакихъ измышленій, а стоило основательно изучить греческую грамматику. Но отчего же это тогда было для меня совершенно непосильно? Отчего я теперь въ семьдесятъ лѣтъ съ наслажденіемъ изучаю фразу латинскаго поэта и не стѣсняюсь отыскиваніемъ незнакомаго слова, тогда какъ тотъ же самый трудъ въ то время былъ мнѣ совершенно непосиленъ? Между тѣмъ тогда всѣ жизненные интересы требовали отъ меня подобнаго труда, а въ настоящее время, при отсутствіи всякихъ стороннихъ побужденій, я нахожу отраду въ самомъ трудѣ? Почему графъ Л. Толстой, совершенно незнакомый въ университетѣ съ греческимъ языкомъ, въ теченіе одного года при усидчивомъ трудѣ выучился читать

въ подлинникѣ Гомера? Что̀ можетъ быть несноснѣе и даже обиднѣе для самолюбія постояннаго сидѣнія на лекціяхъ, съ которыми справиться не въ состояніи? По-моему, это хуже состоянія Прометея, прикованнаго къ скалѣ и терзаемаго коршуномъ скуки.

Съ самаго возвращенія въ Москву я далъ себѣ слово съ Аристофановыми „Облаками“ въ рукахъ не пропускать ни одной лекціи Гофмана, а тамъ будь что̀ будетъ, и сдержалъ слово.

Не помню, по какому случаю я вошелъ въ домъ молодыхъ Полуденскихъ. Недавно кончившій курсъ въ Московскомъ Университетѣ, Полуденскій былъ женатъ на прелестной блондинкѣ. На скромныхъ домашнихъ вечерахъ ихъ царствовала самая изящная простота. Почти каждый разъ я заставалъ въ гостиной неистощимаго Ал. И. Герцена, смѣшившаго всѣхъ неожиданными остротами. Полуденскій самъ слѣдилъ за европейскою литературой, а жена его и молодая свояченица были страстныя поклонницы поэзіи. Наши небольшія чтенія заканчивались прекрасно поданнымъ ужиномъ, а къ полуночи всѣ расходились по домамъ. Тихимъ, прекраснымъ людямъ не долго суждено было оставаться на землѣ: сначала чахотка унесла горячо любимую жену Полуденскаго, а немного лѣтъ спустя и его самого.

Несмотря на мои усердныя посѣщенія лекцій Гофмана, я по мѣрѣ приближенія экзаменовъ все сильнѣе чувствовалъ надвигающуюся роковую тучу. Только изрѣдка, среди мрачнаго отчаянія, возникало восклицаніе: „если кончу курсъ, сойду съ крыльца университета, найму двухъ извощиковъ и поѣду домой, растянувшись на двѣ пролетки“. Всю Страстную, Святую и Ѳоминую недѣли я только сходилъ внизъ къ обѣду и затѣмъ, проспавъ часа два, садился за работу и на ночь заказывалъ себѣ кострюлю крѣпкаго кофе.

У Гофмана мы читали Облала Аристофана, которыя обязаны были переводить и объяснять по-латыни. Поэтому мнѣ предстояла египетская работа глазами ознакомиться со всѣми стихами комедіи, прилаживая къ нимъ латинскій переводъ и по возможности грамматически объясняя каждое слово. Излишне говорить о трудностяхъ такой мозаической работы. Погруженный въ нее въ безсонныя ночи, я буквально думалъ, что наши стѣнные часы испортились, такъ какъ почти безъ промежутка били одинъ часъ за другимъ. Между тѣмъ время экзаменовъ наступило, и всѣ они сошли для меня благополучно.

Это всего болѣе можно сказать про экзаменъ изъ Средней Исторіи у Т. Н. Грановскаго.

Не одаренный историческою памятью, я никогда не любилъ исторію, въ которой, по неправильному отношенію первоначальнаго моего преподаванія, эпохи, событія и дѣйствующія лица представляли для меня мѣшокъ живыхъ раковъ, которые и по тщательному подбору и ранжиру ихъ немедля приходили въ прежнее хаотическое состояніе, какъ только я отнималъ отъ нихъ усталую руку.

Какъ ни противно было мнѣ изучать объемистыя записки о реформаціи, но пришлось читать ихъ. Опоздавъ съ этимъ занятіемъ среди другихъ приготовленій, я прочелъ тетрадь только до половины и отправился на экзаменъ въ надеждѣ на счастливую звѣзду, которая, быть-можетъ, пошлетъ мнѣ билетъ изъ знакомой части лекцій.

Взошелъ я на самый верхній этажъ университета въ опустѣвшую аудиторію, въ которой на правой сторонѣ за столомъ предъ окнами во дворъ сидѣлъ Грановскій, а по лѣвую за такимъ же столомъ какой-то математическій профессоръ, что̀ я сознавалъ какъ-то непосредственно, такъ какъ въ данную минуту мнѣ было не до наблюденій.

Помню, что предъ профессоромъ налѣво, на скамьяхъ, мелькало нѣсколько студентовъ, тогда какъ предъ Грановскимъ было только двое, изъ которыхъ одинъ, видимо, кончалъ отвѣтъ, а другой вставалъ, чтобъ отвѣтить. Я по алфавиту былъ послѣднимъ и, поставивъ портфель на лавку, не безъ волненія ожидалъ рѣшенія участи.

— Господинъ Фетъ! наконецъ произнесъ Грановскій тихимъ и нѣсколько шепелявымъ, но яснымъ голосомъ.

Я всталъ и, подходя къ столу, усердно поклонился ему какъ профессору и какъ человѣку, котораго встрѣчалъ внѣ стѣнъ университета.

— Не угодно ли вамъ взять билетъ.

Протягиваю руку и читаю: „Крестьянская война“ (Der Bauernkrieg).

„Слава Богу, подумалъ я, вопросъ знакомый, но, къ сожалѣнію, только на половину“. Мое чтеніе лекцій какъ разъ окончилось на томъ мѣстѣ, гдѣ крестьянская война переходитъ въ Швейцарію, и тамъ уже мои свѣдѣнія равняются нулю. „Какъ же выдти изъ бѣды?“ подумалъ я. Попробую извѣстные мнѣ факты убирать

цвѣтами краснорѣчія и утомить профессора, такъ чтобы онъ на половинѣ вопроса сказалъ: довольно. Но вотъ краснорѣчіе мое на исходѣ, а между тѣмъ я вижу въ окно мчащійся фаэтонъ Дм. Павл. Голохвостова и его цилиндръ, подъѣзжающій къ университетскому подъѣзду. Я зналъ, что исторія была любимымъ предметомъ Голохвостова, и что онъ не пропускалъ случая задавать студентамъ историческіе вопросы помимо формальныхъ отвѣтовъ по билету.

„Этого не доставало, подумалъ я: теперь или никогда нужна предпріимчивость. Лучше погибнуть домашнимъ образомъ, чѣмъ подвергнуться торжественному сраму. А вѣдь Дмитрій Павловичъ еще проворенъ, соображалъ я, и въ настоящее время уже бѣжитъ по лѣстницѣ къ намъ въ аудиторію.“

При этой мысли я положилъ билетъ на столъ и почтительно поклонился Грановскому.

— Позвольте, г. Фетъ, тихо сказалъ онъ, взглянувъ на меня. Я отступилъ на два шага отъ стола и снова поклонился.

— Позвольте еще... повторилъ также тихо Грановскій.

Но я, отойдя уже до скамеекъ, еще разъ сдѣлалъ поклонъ.

Когда послѣ третьяго „позвольте“ я поклонился ему съ портфелемъ въ рукахъ, онъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ прибавилъ: „ну все равно“.

Стремительно подбѣгая къ двери, я лицомъ къ лицу встрѣтился со входящимъ Голохвастовымъ.

Грановскій поставилъ мнѣ четыре.

На предпослѣднемъ латинскомъ испытаніи мнѣ пришлось сдавать экзаменъ изъ Горація не Крюкову, а — за болѣзнію послѣдняго — Гофману, и онъ, помнится, поставилъ мнѣ четверку. Дня черезъ три предстоялъ роковой греческій экзаменъ, и я почувствовалъ такое душевное томленіе, что рѣшился во что̀ бы ни стало разрубить немедля Гордіевъ узелъ. Погода стояла не только ясная, но жаркая, и я, нанявъ извощика, въ одномъ форменномъ сюртукѣ поѣхалъ на Тверскую въ хорошо знакомую мнѣ квартиру Гофмана. Квартира оказалась запертой, и только послѣ долгихъ разспросовъ я добился адреса Гофмана, переѣхавшаго на дачу въ Петровскій паркъ. Конечно, я тотчасъ же нанялъ извощика въ паркъ. Но пріѣхавъ туда уже предъ захожденіемъ солнца, я и тамъ не засталъ Гофмана на квартирѣ. Слуга профессора объяснилъ, какъ отыскать квартиру барыни, сыновьямъ которой Гофманъ давалъ уроки. Солнце садилось, умаляя посте-

пенно надежду найти обратнаго извощика, и я рѣшился попытать счастія вызвать Гофмана на минутку для объясненій. Я прошелся раза два подъ балкономъ указаннаго дома, и мнѣ показалось, что въ растворенную дверь я слышу голосъ и даже смѣхъ Гофмана. Проходя въ другой или въ третій разъ мимо калитки, я обратился къ стоящему передъ ней ливрейному лакею съ вопросомъ: тутъ ли профессоръ Гофманъ? На утвердительный отвѣтъ я просилъ доложить ему, что студентъ Фетъ желаетъ видѣть его на минутку. Минуты черезъ двѣ слуга вернулся со словами: „профессоръ проситъ васъ обождать у него на квартирѣ, куда онъ не замедлитъ придти". Вернувшись на квартиру Гофмана, я въ волненіи сталъ ходить взадъ и впередъ по окончательно потемнѣвшей комнатѣ. Наконецъ Гофманъ вернулся и, замѣтивъ меня, крикнулъ слугѣ: „что жь ты не зажжешь лампу?"

— Какъ я радъ видѣть васъ! прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Самоваръ готовъ? спросилъ онъ слугу.

— Готовъ.

— Давай. Становится свѣжо, обратился онъ ко мнѣ, — и мы съ вами выпьемъ чаю.

На столѣ, за которымъ мы усѣлись, появился огромный самоваръ съ чайнымъ приборомъ, двумя стаканами и большою непочатою бутылкой коньяку. Я еще изъ публичныхъ маскарадовъ зналъ, что Гофманъ не дуракъ выпить, и самъ инстинктивно обрадовался возможности, подъ вліяніемъ коньяку, набраться большей смѣлости для предстоящаго объясненія. Полагаю, что мы, усердно подливая въ стаканы вдохновительной влаги, просидѣли два или три часа, судя потому, что опорожнили по-братски вмѣстительную бутылку. Голова моя горѣла, но страхъ не дозволялъ мнѣ охмѣлѣть. Хмѣлю хватило только для храбрости высказаться. Уже давно я порывался встать и отправиться домой, но каждый разъ Гофманъ удерживалъ меня словами: „куда вамъ спѣшить?" Наконецъ на повторенный вопросъ я разсказалъ, какъ мучаюсь, готовясь къ экзамену, прибавляя нѣмецкое выраженіе: „надо окончательно приложить руку" — „letzte Hand anlegen". Гофманъ расхохотался и сказалъ: „это для многихъ значитъ: въ послѣдній разъ въ жизни взять въ руки греческую книжку".

— Признаюсь, отвѣчалъ я, при мысли объ экзаменѣ мнѣ не до смѣху.

— Напрасно вы такъ тревожитесь, отвѣчалъ Гофманъ: вы

такъ усердно весь годъ посѣщали лекціи, что я ни въ какомъ случаѣ вамъ менѣе тройки не поставлю.

Я весьма сдержанно принялъ слова Гофмана, хотя въ сущности готовъ былъ задушить его въ объятіяхъ.

Крѣпко пожавши ему руку, я, поблагодаривъ за чай, вышелъ на улицу.

Пылая счастіемъ и коньякомъ, я съ наслажденіемъ почувствовалъ охватившій меня холодъ весенняго утра. Напрасно вслушивался я въ окружающее меня молчаніе, желая уловить стукъ пролетки. Не было слышно никакой жизни, за исключеніемъ собачьихъ басовъ съ лѣвой стороны еще обнаженной липовой аллеи, на которую я взошелъ изъ чувства самосохраненія. Вѣроятно шумъ моихъ торопливыхъ шаговъ раздражалъ собакъ, которыхъ густой лай не переставалъ провожать меня. Хорошо, думалось мнѣ, если собаки лаютъ на запертыхъ дворахъ, но онѣ бываютъ нерѣдко спущены на улицу, и тогда чѣмъ могу я отъ нихъ защититься съ голыми руками! Кромѣ собакъ, я легко могъ до Тріумфальныхъ воротъ подвергнуться нападенію мошенниковъ. Продолжая удваивать шаги, я услыхалъ за собою сначала легкій конскій топотъ, а затѣмъ стукъ колесъ. Такъ какъ время близилось къ разсвѣту, то я могъ хотя не съ полной ясностью различать предметы, и вскорѣ убѣдился, что догонявшая меня лошадь везла небольшой возъ съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, спѣшившимъ очевидно на базаръ. Судя о его положеніи по собственному безпокойству, я даже не рѣшился сбѣжать съ дорожки аллеи на шоссе и попросить проѣзжаго за извѣстную плату прихватить меня до перваго извозчика. Дѣйствительно ли мой неожиданный спутникъ торопился къ заставѣ, или впалъ въ сомнѣніе насчетъ моей личности, старавшейся равняться съ его повозкой, не знаю. Вступая такимъ образомъ въ безмолвное состязаніе съ проѣзжимъ, я изъ самосохраненія рѣшился ни за что отъ него не отставать. Словно наперекоръ мнѣ, желая отъ меня уѣхать, проѣзжій на значительное разстояніе пускалъ свою лошадку рысью. Понимая, что въ случаѣ нападенія я могъ броситься подъ защиту живаго человѣка, я не рѣшался отстать отъ своего спутника и каждый разъ, когда онъ трогалъ рысью, пускался бѣжать по аллеѣ. Какъ благодарилъ я судьбу, что на мнѣ не было шинели, въ которой бы я никоимъ образомъ не могъ играть роли скорохода. Слава Богу, что проѣзжій по временамъ переходилъ съ рыси на шагъ,

иначе я, кажется, упалъ бы, не добѣжавъ до Тріумфальныхъ воротъ, въ которыя мы вступили единовременно. Зато я могъ бы съ полной правдивостью повторить, прилагая къ себѣ стихъ Горація:

„Увы, въ какомъ поту и мужи, и кони".

Тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось до самой Глазной больницы идти въ ожиданіи извозчика. Здѣсь я сѣлъ на дрожки и, постепенно остывая, добрался до Малой Полянки, стуча зубами отъ холода.

Въ день экзамена Гофманъ сдержалъ слово и поставилъ тройку, которая только и нужна была мнѣ для окончанія курса. Когда, по окончаніи экзамена, я вышелъ на площадку лѣстницы Стараго университета, мнѣ и въ голову не пришло торжествовать какой-нибудь выходкой радостную минуту. Странное дѣло! я остановился спиною къ дверямъ корридора и почувствовалъ, что связь моя съ обычнымъ прошлымъ расторгнута, и что, сходя по ступенямъ крыльца, я отъ извѣстнаго иду къ неизвѣстному. Отправился я благодарить добрѣйшаго Ст. П. Шевырева за его постоянное и дорогое участіе ко мнѣ. Онъ оставилъ меня обѣдать и даже, потребовавъ у жены полбутылки шампанскаго, пилъ мое здоровье и поздравлялъ со вступленіемъ въ новую жизнь.

Былъ я и у Крюкова, который принялъ меня въ постели и никакъ не могъ понять моего намѣренія поступить на кавалерійскую службу.

А. Фетъ.

* * *

Это было давно, будто сонъ, тамъ... въ дали...
Какъ сирени душистыя пышно цвѣли!
Словно облакомъ блѣднымъ, наверхъ улетавшимъ,
Садъ казался въ мерцаньи вечернемъ кругомъ,
И песокъ на дорожкахъ, подъ цвѣтомъ опавшимъ,
Чуть бѣлѣлся, одѣтый лиловымъ ковромъ.
Словно газомъ окутаны блѣдно лиловымъ
Опускалися сумерки тихимъ покровомъ.
И сирени въ цвѣту, и небесъ глубина
Отражалися въ озерѣ свѣтломъ до дна,
Чуть рябившимся блескомъ въ дали серебристымъ,
И казалось прозрачнымъ оно аметистомъ
Окаймленнымъ вѣнкомъ... Все дышало весной,
Все молчало, вечерней полно тишиной,
Только сумерки тихо съ цвѣтами сливались,
И на землю цвѣты, словно снѣгъ, осыпались.

Н. П—о.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.

Романъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Послѣ завтрака время пролетѣло страшно быстро. Эльза оживилась и освоилась, будто забывъ, что она „у него“ въ домѣ. Аталинъ былъ доволенъ, какъ давно не бывалъ... Однако предъ сумерками Эльза снова притихла, но уже не отъ робости, а отъ какого-то страннаго непріятнаго ощущенія во всемъ тѣлѣ. Ей казалось, что все внутри ея горитъ, а по спинѣ и рукамъ пробѣгала по временамъ дрожь. Ей чудилось, что въ комнатахъ свѣжо и сыро, и на воздухѣ въ саду навѣрное будетъ лучше. На ея заявленіе объ этомъ, послѣ долгаго колебанія, Аталинъ будто вспомнилъ и спохватился предложить ей пройтись по саду. Онъ зналъ, что Эльза обожаетъ цвѣты, онъ радъ былъ похвастаться самыми чудными и рѣдкими растеніями въ полномъ цвѣту.

Карпо, у котораго руки были связаны въ дѣлѣ чистки, рѣзки и якобы ухорашиванія сада, утѣшался предоставленнымъ ему правомъ хозяйничать въ партерѣ, какъ Богъ на душу положитъ. За то партеръ былъ великолѣпенъ и казалось не было на свѣтѣ цвѣтка, экземпляра котораго нельзя было бы найти здѣсь.

Они вышли въ садъ и Эльза, очутившись среди партера, ахнула озираясь кругомъ.

— Только этимъ и могу я похвастать у себя, сказалъ Аталинъ.

— А тишиной? замѣтила Эльза... Прислушайтесь. Мертво тихо. Еслибъ я была богата, прибавила она подумавъ,—я бы купила громадный лѣсъ во сто верстъ въ окружности, выстроила бы себѣ домикъ и жила бы такъ, не выходя изъ лѣсу и никого не пуская къ себѣ.

— Никого?

— Разумѣется, взяла бы Этьена съ собой...

— И только?..

— У меня больше никого нѣтъ.

— А мужа...

— О-о! чуть слышно отозвалась она, но это восклицаніе было двусмысленно по интонаціи. Оно говорило: „Какой вздоръ!“ Въ то же время оно говорило... „Да, пожалуй!“

— Развѣ вы не желали бы встрѣтить человѣка, который бы васъ полюбилъ и счелъ бы себя счастливымъ поселиться съ вами въ этомъ лѣсу... Скажите. Отвѣчайте искренно.

У Эльзы сердце стукнуло сильнѣе при этомъ вопросѣ, который какъ будто велъ къ чему-то и она, снова слегка смутившись, молчала.

— Отчего вы не хотите отвѣчать? спросилъ онъ.

— Трудно... Объяснить нельзя, стало-быть надо молчать или лгать.

И вдругъ наступило молчаніе, которое краснорѣчивѣе, сильнѣе и опаснѣе всякихъ разговоровъ. Въ такія мгновенія два существа думаютъ объ одномъ и томъ же и чувствуютъ это, но будто тщательно оберегаютъ другъ отъ друга свою общую тайну.

— Но какъ холодно... произнесла наконецъ Эльза, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и поведя плечами.

— Не простудились ли вы подъ дождемъ, замѣтилъ Аталинъ озабоченно.—Войдемте лучше...

— Да, вернемтесь. Пора вѣдь тоже давно... объяснить вамъ, почему я захотѣла васъ видѣть... робко прибавила она, со страхомъ готовясь къ этому объясненію.

— La grosse affaire? подсмѣиваясь сказалъ онъ, но неестественно и какъ бы заставляя себя шутить.

— Да. Не смѣйтесь. Это крайне важное дѣло. И вы должны бы были уже догадаться въ чемъ дѣло.

— Я догадываюсь, но желалъ бы ошибиться, вдругъ холодно проговорилъ онъ.

Они вернулись въ домъ въ гостиную и смолкли, будто уставши отъ прогулки... Въ столовой Жакъ стучалъ посудой...

Усѣвшись, Эльза какъ-то съежилась вся. Ей или нездоровилось или она робѣла все болѣе отъ приближенія минуты роковаго объясненія.

„Если онъ откажетъ, что тогда дѣлать? думалось ей. Нельзя же бросать все и допустить, чтобы онъ рисковалъ своей жизнью и еще къ тому же изъ-за меня“.

Уже начинало смеркаться и, сквозь обманчивый полусвѣтъ въ комнатѣ, Аталинъ, молча полусознательно, глядѣлъ на ея понурившуюся въ креслѣ фигурку, а мысли его почему-то были далеко... Ему мерещился Петербургъ, а въ немъ „госпожа“ Аталина... какъ называлъ онъ давно по привычкѣ свою жену. Но почему? Какія мысли, какія мечтанія заставили его, глядя на это красивое и симпатичное ему созданіе, вдругъ вызвать воображеніемъ женщину, которая загубила его существованіе, которая была,—и станетъ еще, пожалуй, въ будущемъ—помѣхою его личнаго счастья... Почему онъ, никогда не думающій о ней, теперь вспомнилъ объ этой ненавистной ему женщинѣ, съ которой все еще связанъ, благодаря клятвѣ данной, умирающему отцу. Почему? Онъ самъ не сознавалъ этого. Или же онъ не хотѣлъ прислушаться къ внутреннему голосу, который подсказывалъ и объяснялъ все... простое, понятное, но невозможное, непонятное...

Какъ часто бываетъ въ людяхъ, что сердце и мозгъ спорятъ, даже борятся и безсовѣстно лгутъ, обманываютъ другъ друга, даже предаютъ другъ друга на пытки и мученія, иногда на казнь позднихъ раскаяній...

— Мнѣ страшно начинать, вымолвила наконецъ Эльза.

Она долго думала и колебалась, съ чего ей начать и по правдивости своей натуры начала именно съ того, что чувствовала, по пословицѣ: „что на умѣ, то и на языкѣ“.

Аталинъ пришелъ въ себя, вздохнулъ и, уже сознательно глядя въ лицо Эльзы, кротко улыбнулся, будто говоря:—Можетъ-ли быть страшно тебѣ со мною?

— Чего же вамъ, Эльза, бояться? вырвалось у него невольно.

— Чего? Неудачи... У меня просьба.

— Просьба! Ко мнѣ? У васъ?., оживился онъ. Я буду, Эльза, счастливъ исполнить вашъ малѣйшій капризъ.

— Безъ исключенія? Все!.. Все, что я попрошу, воскликнула она, выпрямляясь.

Аталинъ пристально поглядѣлъ ей въ лицо, и сомнѣніе явилось въ немъ.

— Говорите. Прямо. Все, что возможно—я исполню. A l'impossible, nul n'est tenu.

Эльза понурилась снова, понявъ значеніе этой оговорки. Помолчавъ она выговорила нетвердымъ голосомъ:

— Не соглашайтесь драться съ Монклеромъ!

Аталинъ видимо изумился, зорко поглядѣлъ на нее и отвѣтилъ угрюмо:

— Я думалъ, вы явились ко мнѣ по собственной волѣ и я былъ радъ, даже, право, счастливъ... А васъ подослали!

— Никогда! Кто же? Да и зачѣмъ? встрепенулась она.

— Спасти Монклера отъ меня.

— Я сама пришла. Никому это неизвѣстно въ зàмкѣ. А почему? Почему... Извольте. Я скажу вамъ откровенно.

И Эльза объяснила, что она получила письмо къ нему отъ графини только затѣмъ, чтобы бросить на почту и списала адресъ для себя. Затѣмъ она подробно разсказала, какъ лукаво и нечестно поступила она, подслушавъ разговоръ графини съ Жюли. Разумѣется, несмотря на свою прямоту, она ни словомъ не обмолвилась о томъ, въ чемъ, со словъ графини, Аталинъ сознался ей.

Аталинъ выслушалъ все внимательно и досадливо покачалъ головой. Разумѣется, онъ тотчасъ же понялъ коварную махинацію графини. Но почему она такъ полагалась на вліяніе на него Эльзы, онъ не понималъ. Неужели и она тоже пришла къ заключенію и убѣждена, что эта дѣвочка всевластна надъ нимъ.

— Слушайте, Эльза, заговорилъ онъ почти раздражительно.— Вы ни въ чемъ не виноваты. Ни въ чемъ ровно. Не вы причиною моей ссоры, а грубый поступокъ художника. Я не за васъ заступился, а вообще за нравственность, за приличія, за законы общежитія. Вы тутъ не причемъ... Будь на вашемъ мѣстѣ горничная Жюли, я выразился бы также..

Лицо Эльзы вдругъ потемнѣло... У нея совсѣмъ отнимали нѣчто, что она, борясь сама съ собой, то сомнѣваясь, то снова вѣря, лелѣяла уже три дня. Отнимали самую яркую золотую грезу. Изгоняли изъ сердца самое лучезарное чувство. „Я и Жюли— для него, одно и то же!.. Онъ лгалъ графинѣ?“ Подавивъ въ себѣ

горькое чувство полнаго и внезапнаго разочарованія, Эльза снова начала страстно упрашивать его не играть своею жизнью.

Онъ, наконецъ, усмѣхнулся и объяснилъ ей подробно всю махинацію графини, ради желанія спасти Монклера, а не его, Аталина.

— Она поступила просто непозволительно, даже не честно, по отношенію къ вамъ, сказалъ онъ.

— Считаете ли вы ее способной на ложь? вдругъ робко спросила Эльза.

— Если она была способна разыграть подобную комедію съ вами, то конечно... Вѣдь это ложь, что я рискую... Рискуетъ Монклеръ. Въ этомъ она прямо солгала, чтобы, зная вашу симпатію ко мнѣ, заставить васъ немедленно отправиться сюда... Она просила меня сама увернуться отъ дуэли, и я отказалъ. И вотъ она подослала васъ комедіей, обманомъ, ложью.

— О, теперь я все поняла. Все, все, прошептала Эльза и тихо схватилась руками за голову.

— Что̀, все?.. Развѣ было еще что-нибудь?

— Было. Но, что̀ именно—я не скажу. Однако, несмотря на то, что Монклеру грозитъ бѣда, а не вамъ, тѣмъ не менѣе, я все-таки умоляю васъ не стрѣляться съ нимъ. Мало ли что можетъ случиться. Господи! Мало ли что ужасное, непредвидѣнное случается. Согласитесь. Обѣщайте мнѣ это.

— Нѣтъ, ma chère enfant... холодно отозвался онъ. — Этого я вамъ обѣщать не могу. Все, что̀ хотите, но не это. C'est une affaire d'honneur...

— Ну, такъ идите рисковать, играть двумя жизнями, своею и моей... глухо вымолвила Эльза.

— Что̀ вы говорите? Я васъ не понимаю.

— Я виновна во всей этой бѣдѣ, вдругъ почти грозно сказала она.—И если вы будете убиты, то раскаяніе заставитъ меня... Я не переживу этого Не захочу пережить.

Аталинъ вдругъ вспыхнулъ... Онъ слишкомъ вѣрилъ въ правдивость этой дѣвочки, да и голосъ, лицо ея заставляли вѣрить.

„Но, если это правда? Если она способна на подобное?.. Что̀ же понять тогда?“ мысленно воскликнулъ онъ и затѣмъ произнесъ уже шепотомъ.

— Это такъ говорится. Вы на подобное не можете рѣшиться... Да оно и не нужно. Оно было бы безсмыслицей. Я вамъ чужой человѣкъ.

Эльза не отвѣтила и, еще болѣе согнувшись и понурившись въ креслѣ, закрыла себѣ лицо руками.

Она чувствовала, что помимо волненія отъ всего разговора, лицо ее пылаетъ, въ вискахъ стучитъ, а въ головѣ ощущается какая-то тяжесть, какой-то туманъ... И она рада была водворившемуся мертвому молчанію. Долго ли продолжалось оно, Эльза не помнила.

Дверь отворилась наконецъ, и на порогѣ появился Жакъ. Яркій свѣтъ лампъ съ снѣжно-бѣлаго, накрытаго стола вдругъ ворвался въ гостиную, уже давно погруженную въ сумракъ. Лакей доложилъ: „Monsieur est servi", чопорно и съ достоинствомъ.

Они поднялись и вышли ослѣпляемые свѣтомъ.

Обѣдъ прошелъ странно и таковымъ показался и Жаку. Они почти промолчали все время, не желая говорить при лакеѣ о томъ, что просилось на языкъ, о томъ, что было на умѣ у обоихъ. О пустякахъ же не хотѣлось говорить, такъ-какъ эти пустяки, сдавалось, непремѣнно должны профанировать все, что накопилось на душѣ за весь день. Послѣ быстро поданнаго обѣда, за которымъ Эльза отказывалась почти отъ всѣхъ блюдъ, чувствуя себя въ какомъ-то странно тяжеломъ, даже новомъ для нее состояніи, она, пройдя въ гостиную, не выдержала и объявила тотчасъ, что желала бы уйти въ отведенную ей комнату.

— Конечно!.. И ложитесь спать. Вы измучены. Мнѣ надо было самому сообразить это и предложить вамъ. Но мужчины глупы въ этихъ случаяхъ.

— Да, я пойду... Я очень, очень, устала. Но все-таки скажите мнѣ еще разъ. Повторите.

— Что..

— Въ послѣдній разъ... Завтра, какъ только я проснусь, я отправлюсь обратно домой. Вы еще будете спать... Скажите... Вы не можете уступить... Не стрѣляться?

— Милая Эльза, горячо выговорилъ Аталинъ...—Вы умны и умны не по лѣтамъ. Вы должны сами понять, что просите невозможное. Вѣдь эта жертва и при томъ такая...

— Которой вы для меня не можете сдѣлать.

— Которая вамъ не нужна!

— Нужна! страстно и гнѣвно вскрикнула она, будто съ угрозой поднимая на него руку.—Для Этьена нужна. Онъ будетъ сиротой...

— Эльза! Я не могу этому вѣрить!

— Клянусь вамъ, еще съ большею страстью произнесла она.— Клянусь памятью моего бѣднаго отца и его дорогой для меня могилой, что если вы будете убиты, то я покончу съ собой. Je vous le sacre, et Dieu m'entend!

Наступило молчаніе и длилось долго. Аталинъ тяжело дышалъ и наконецъ вымолвилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Простите меня... Но я... Я не вѣрю.

И послѣ новаго молчанія Эльза медленно протянула ему руку, стиснула крѣпко его пальцы и, будто нехотя выпустивъ его руку, произнесла шепотомъ.

— Adieu donc alors... Içi ou là-bas...

— Я васъ опять не понимаю, тоже прошепталъ онъ.

— Если вы останетесь живы, произнесла она медленно, чрезъ силу,—то мы, конечно, никогда въ жизни болѣе не увидимся. Не надо и я не хочу. Если же вы будете убиты, то мы свидимся уже par devant le Seigneur и тогда... пожалуй можно сказать: Au revoir à Dieu. Еслибы не братъ, я бы предпочла... второе.

Эльза проговорила это дрожащимъ голосомъ и слезы вдругъ засіяли въ ея глазахъ. Аталинъ въ волненіи двинулся ближе, хотѣлъ что-то сказать, но она остановила его почти гордымъ движеніемъ руки и, повернувшись, тихо вышла изъ комнаты.

X.

Маделена уже поджидала въ передней диковинную гостью, о которой за день не мало наговорилась съ Жакомъ и съ Карпо. И доведя ее до приготовленной горницы, она собралась было болтать въ надеждѣ выспросить дѣвочку обо всемъ.

— Je vais lui tirer les vers du nez! похвасталась она лакею и привратнику, которые были очень озадачены появленіемъ у нихъ гостьи, пѣшкомъ, въ старыхъ ботинкахъ въ поношенной соломенной шляпкѣ безъ пальто и съ дубинкой.

Однако Маделена замѣтила теперь сразу странный видъ Эльзы, и, доведя до комнаты, ей предназначенной, добрая отъ природы женщина тотчасъ участливо спросила:

— Не больны ли вы?

— О, нѣтъ, отозвалась Эльза.—Я страшно устала.

— Правда ли, что вы сто километровъ пѣшкомъ прошли?

— Нѣтъ. Меньше.

— Dieu! Я бы не могла. И одни?...

И Маделена собралась было все-таки болтать, но Эльза отвѣчала: „да“ и „нѣтъ“... Найдя на комодѣ свое платье и бѣлье, все тщательно вымытое и выглаженное, а ботинки высушенными, она поблагодарила и сказала, что ляжетъ.

— Я вамъ помогу раздѣться.

— О, что̀ вы? Вы смѣетесь надо мной, отвѣтила Эльза гордо.— Вы же видите, что я ничѣмъ не выше васъ по положенію.

— Je suis servante dans la maison, сказала Маделена, какъ бы извиняясь, но слегка назидательно.

— Eh bien, quoi?... Я, можетъ-быть, буду тѣмъ же, рѣзко отвѣтила Эльза.

— Alors je puis me retirer, сухо заявила горничная, ошибившаяся въ своихъ разсчетахъ выпытать что-либо.

— Мнѣ ничего не нужно...

— Когда разбудить васъ?

— А дома, вы полагаете, меня будятъ горничныя, когда мнѣ нужно бѣжать отворять заставы...

— Какія заставы?!

— Ну, до свиданья. Dormez bien... отвѣтила Эльза улыбаясь, но черезъ силу, потому-что чу̀вствовала себя разбитой и обезсиленной.

Горничная вышла, а она быстро раздѣлась и легла въ большую, чудно покойную кровать. Она ни на что̀ не обратила вниманія въ комнатѣ, но невольно замѣтила теперь коричневое шелковое одѣяло съ тонкою простыней, помѣченной красивымъ шифромъ изъ двухъ буквъ. Вторую букву А она понимала, но первая не имѣла смысла. Это было французское Т, у котораго не хватало наверху куска... Догадка, что это русская буква, не могла ей придти въ голову...

„Странно, что̀ со мной?“ подумала она, продолжая чувствовать тяжесть во всемъ тѣлѣ и будто легкій туманъ въ головѣ, застилавшій и комнату съ мебелью, и даже ея мысли и соображенія.

„Это-съ дороги. Я устала. И дождь. Пожалу̀й, отчасти и простуда... А главное... онъ. Да. Ужасно... Ужасно!“

И потушивъ свѣчу, Эльза стала смотрѣть во тьму комнаты, а мысль ея, усталая, лѣнивая, рвущаяся и будто придавленная, носилась Богъ вѣсть гдѣ... Ей представлялась какая-то комната, а въ ней стоятъ другъ противъ друга Аталинъ и Монклеръ, и,

держа пистолеты, все палятъ. Пули изъ пистолета Аталина все проходятъ насквозь Монклера, и онъ живъ, а пули художника застрѣваютъ въ груди Аталина, и онъ блѣдный, онъ умираетъ... Онъ тяжело вздыхаетъ, глядя на нее.

Еще днемъ, раза три, хотѣла она спросить у него какъ именно дерутся на поединкахъ, но ей не удалось это. Теперь она воображала дуэль по-своему.

Вскорѣ Эльза начала было дремать, но нѣсколько разъ просыпалась отъ собственнаго голоса. Она разговаривала съ Аталинымъ, просила, отвѣчала, вскрикивала... Голова при пробужденіи казалась каждый разъ все тяжелѣе. Ничего подобнаго никогда еще не бывало съ ней, и теперь она приписала это всему, что̀ пережила и перечувствовала за весь этотъ день.

— Онъ отказалъ! Графиня солгала! Что̀ же теперь? Если онъ будетъ убитъ, я не хочу жить. А Этьенъ?...

Усталость превозмогла наконецъ все. Она заснула крѣпкимъ, но лихорадочнымъ сномъ, съ безсмысленно страшными сновидѣніями и съ бредомъ. И все что̀ всплывало и мерещилось въ какомъ-то круговоротѣ и огнѣ,—все это давило грудь и будто душило ее. Она ворочалась въ постели, металась, глубоко вздыхала, бормотала, но однако не просыпаясь и не приходя въ себя.

Между тѣмъ Аталинъ, нѣсколько взволнованный, вышелъ въ садъ и, пройдя въ партеръ, сѣлъ на скамью. Два угольныя окна втораго этажа обыкновенно темныя—ярко-свѣтились. Уже много лѣтъ не видалъ онъ огня въ этихъ комнатахъ, всегда пустыхъ.

Онъ сталъ смотрѣть на нихъ и видѣлъ на опущенныхъ занавѣсяхъ двѣ тѣни, которыя двигались, но вскорѣ затѣмъ окна потемнѣли. Аталинъ поднялся и побрелъ въ самую чащу сада.

Никогда еще, казалось, не было на душѣ его такой смуты, какая была теперь...

Борьба, длившаяся въ немъ уже давно, теперь будто стихла... Мозгъ уступилъ сердцу и начиналъ вторить ему. Разсудокъ сознался, но сталъ грозиться, призналъ дѣйствительность, но заявлялъ свои права на власть надъ чувствомъ.

„Да. Въ этомъ сомнѣнія нѣтъ, думалъ онъ, медленно шагая по дорожкамъ сада. Я любить хочу! И не такъ какъ когда-то полюбилъ было кузину зятя. Но вѣдь это опять такъ же невозможно... Покуда жива она, эта женщина, испортившая мнѣ всю жизнь. Покуда?! Она меня переживетъ. Стало-быть и Эльза—запретный плодъ... А такъ, не женяся, взять ее? Никогда! Она

мнѣ слишкомъ мила, чтобъ я могъ рѣшиться на подобное. Да и сама она на это не пойдетъ... И странно. Будь она способна на такое—я бы ее не полюбилъ... Не полюбилъ?! Стало-быть я сознаюсь наконецъ, что люблю ее.

И пройдя еще нѣсколько шаговъ по чащѣ, Аталинъ снова сѣлъ на попавшуюся скамью и произнесъ вслухъ:

— Стало-быть я сознаюсь?!

И затѣмъ онъ опять поднялся и началъ бродить по саду, тихо, безсознательно, съ опущенною на грудь головой, какъ бы человѣкъ, который поневолѣ отдается тяжкимъ мыслямъ объ недавно постигшемъ горѣ.

Какъ много значитъ въ жизни одинъ день. Еще сегодня утромъ онъ скучалъ, вспоминалъ объ Эльзѣ, но пожималъ плечами, иронизировалъ надъ собою и вѣрно зналъ—не только надѣялся,—что это все пройдетъ... А теперь, чрезъ нѣсколько часовъ, онъ уже испуганъ. Онъ робѣетъ предъ тѣмъ будущимъ, которое надвинулось на него, темное, грозное.

„Пройди, проживи меня, будто говоритъ оно. Ты думаешь хватитъ у тебя силъ? Это ребяческое самомнѣніе. Не одолѣешь.“

Наконецъ, уставъ физически и отъ ходьбы и отъ мыслей, Аталинъ вернулся въ домъ и тихо, осторожно прошелъ на верхъ, къ себѣ въ спальню. Комната была первою по корридору и далеко отъ комнаты Эльзы, но онъ все-таки боялся нашумѣть и разбудить ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было пріятно стѣсняться, быть осторожнымъ въ этомъ домѣ, гдѣ столько лѣтъ жилъ онъ одинъ одинёхонекъ,—не имѣя повода стѣсняться.

Улегшись въ постель, онъ чувствовалъ себя немногимъ лучше Эльзы. Голова отяжелѣла подъ смутою трудныхъ думъ, сердце ныло, будто жаловалось разсудку, не понимая его указовъ и предрѣшеній...

— Да, завтра конецъ, шепталъ онъ самъ себѣ и прислушивался къ своему голосу.—Сегодня уже конецъ. Завтра утромъ она уйдетъ отсюда и, разумѣется, второй разъ не явится. Я же никогда не буду у Отвилей или въ Теріэлѣ. Надо только проснуться раньше, чтобы видѣть ее еще разъ, взглянуть на нее въ окно когда она выйдетъ изъ дому. Но говорить съ ней, слышать ея милый голосъ уже никогда не придется. Это было сегодня въ послѣдній разъ въ жизни. Ну, что же? Иначе нельзя...

Однако ночь проходила, а Аталинъ не спалъ и въ десятый, и въ сотый разъ передумывалъ одно и то же. Но утомленіе таки

взяло верхъ, и унылыя размышленія привели къ нежданному, чудному и отрадному концу...

Онъ объяснился съ Эльзой, и она уже въ объятьяхъ его... Онъ страстно цѣлуетъ ее, увѣряетъ въ любви... Но это было уже во снѣ...

Когда Аталинъ снова открылъ глаза, послѣ крѣпкаго безпробуднаго сна, на дворѣ было уже свѣтло, и толстыя темныя занавѣси его спальни были будто обрамлены проскользнувшимъ свѣтомъ. Чувствовалось, что тамъ, за окнами, горитъ яркое солнце, уже высоко стоящее въ безоблачномъ небѣ.

Онъ взглянулъ на стѣнные часы противъ кровати и ахнулъ. Онъ проспалъ уходъ Эльзы.

— Странная судьба! проговорилъ онъ. Однако—вотъ жизнь. Сама жизнь. Человѣкъ—животное, а жизнь... Жизнь на землѣ?.. Какъ опредѣлить?.. Не тò, что мы думаемъ или желали бы...

Онъ вздохнулъ и прибавилъ:

— Да, философствуй теперь. Любовь, думы, терзанья сами по себѣ. А дурацкое, глупое спанье—само по себѣ. Ужь если на то пошло... Какъ же я не почувствовалъ, что она уходитъ изъ этого дома навсегда. Я долженъ былъ проснуться въ тотъ моментъ, когда я могъ еще увидѣть ее въ послѣдній разъ... Засыпая, я былъ глубоко увѣренъ въ этомъ. И вотъ, человѣкъ вѣрилъ, а животное проспàло...

И посидѣвъ въ постели, онъ сталъ соображать, гдѣ уже можетъ быть Эльза... Было девять часовъ. Она вѣроятно поднялась въ шесть или семь и была теперь уже верстъ за двадцать отъ Парижа, въ поѣздѣ, на Сѣверной желѣзной дорогѣ.

Чувствуя, что снова онъ, конечно, не заснетъ, Аталинъ поднялся и раскрылъ окна. Затѣмъ, надѣвъ халатъ, онъ позвонилъ и, обождавъ, опять позвонилъ. Жакъ однако не появлялся... Баринъ никогда не звалъ его такъ рано, и лакей былъ въ своей комнатѣ съ лицомъ густо намыленнымъ и съ бритвой въ рукѣ. Звонокъ заставилъ его привскочить.

— Vas te faire f.... fendre! вскрикнулъ онъ, не зная какъ быть...

Однако когда Аталинъ собрался звонить въ третій разъ, въ дверь постучали.

— Entrez! крикнулъ онъ, но дверь не отворилась, а за ней раздался голосъ Маделены.

— Это я... Жака нѣтъ... Что прикажете?

Будучи въ халатѣ, онъ двинулся самъ, отворилъ дверь и

приказалъ готовить кофе, но при этомъ онъ глядѣлъ въ лицо горничной какъ настоящій инквизиторъ, пытающій несознающагося преступника.

Женщина, изумляясь этому взгляду, все-таки оставалась совершенно спокойна и ничего не докладывала...

— Давно ли ушла mamzelle Caradol? спросилъ онъ вдругъ, видя, что женщина уже повернулась къ лѣстницѣ. Маделена снова обернулась и вмѣсто отвѣта удивленно взглянула на него.

— А развѣ mademoiselle должна была сегодня уже уйти отсюда? спросила она въ недоумѣніи.

— Вы хорошо стало быть пропочивали! съ оттѣнкомъ раздраженія произнесъ онъ.

— Извините... Я не знала, отозвалась Маделена укоризненно. Я на ногахъ съ половины седьмаго, какъ всегда... но Mamzelle Caradol стало-быть ушла въ шесть часовъ... Прикажете узнать у Франсуа?

— Нѣтъ... Это лишнее. Это все равно... сказалъ онъ, стыдясь, что упрекнулъ ее задаромъ.

Аталинъ заперъ дверь и, не приступая къ своему туалету, сталъ ходить по комнатѣ. Онъ чувствовалъ себя скверно. И уныніе и раздражительность странно сказывались вмѣстѣ.

— Ну, если такъ... то надо уѣзжать. Проболтаться. Въ Россію... Ну, въ Италію... Ну, хоть къ чорту... А здѣсь оставаться невозможно.

И Аталинъ вдругъ вздрогнулъ отъ легкаго стука въ дверь.

— Однако нервы славно расходились, сухо сказалъ онъ себѣ и прибавилъ громче:—Entrez...

Въ дверяхъ появился Жакъ, но затѣмъ, найдя барина въ халатѣ, обернулся назадъ и выговорилъ: Вы можете войти...

За Жакомъ появилась опять Маделена и доложила, что Карпó не отлучался ни на минуту отъ воротъ и калитки, но не видалъ гостьи. Поэтому надо думать, что она еще спитъ.

— Какъ, еще спитъ?! вырвалось у Аталина противъ воли такъ громко, какъ еслибы онъ услыхалъ важнѣйшую новость.

И лакей и горничная удивились...

— Такъ вы стало-быть не были въ ея комнатѣ и говорили наобумъ, вскрикнулъ онъ на горничную.

Маделена разобидѣлась.

— Извините. Еслибы было можно узнать не будя ее, я бы прежде всего это сдѣлала.. Но она заперлась вчера на ключъ,

стало-быть надо взяться за замокъ и толкнуть дверь... Я ручаться не могу, что она проснется отъ этого.

— Вы правы, Маделена. Mademoiselle очевидно спитъ или въ саду гуляетъ. Вѣроятнѣе спитъ еще...

И Аталинъ радостный занялся туалетомъ. Но вдругъ сомнѣніе снова возникло.

„Вѣдь она дикая дѣвочка. Она способна, чтобы не будить привратника, перелѣзть чрезъ ограду и уйти. Недаромъ она именуется „Газелью“ въ своемъ мѣстечкѣ.“

Мысль еще разъ увидѣть Эльзу настолько сейчасъ обрадовала его, что это подозрѣніе снова сильно взволновало его.

— Oui, mademoiselle... Сейчасъ. Будьте спокойны, раздался въ корридорѣ голосъ Маделены умышленно-громкій.

Аталинъ вздохнулъ полною грудью... Почти весело принялся онъ умываться и плескаться въ водѣ.

И ему вспомнилось вдругъ... Такъ, во времена оны, когда еще онъ былъ ребенкомъ, спѣшно и весело умывался онъ въ воскресные дни, собираясь съ отцомъ къ обѣднѣ въ Кремль, гдѣ любилъ бывать, гдѣ шумно и любопытно, гдѣ тонешь среди волнъ пестраго народа подъ звонъ колоколовъ.

Однако все-таки страннымъ казалось ему, что Эльза проспала при ея привычкѣ рано вставать.

„Вѣроятно она не захотѣла разстаться такъ... думалось ему.— Такъ... Недружелюбно“... И онъ вспомнилъ уже не въ первый разъ, какъ вчера Эльза, рѣзко прекративъ излишніе разговоры, вдругъ подняла на него руку и отвернувшись вышла изъ гостиной

„Она хочетъ проститься какъ слѣдуетъ. Но вѣдь это... хуже... Разстаться навсегда прилично и вѣжливо, право, еще тяжелѣе, чѣмъ такъ, какъ вчера.“

Когда Аталинъ былъ уже почти одѣтъ, но еще въ одномъ жилетѣ, снова постучались въ его дверь, и послѣ его отклика появилась на порогѣ горничная, но уже озабоченная. Она объяснила, что гостья одѣвается, но что ей не по себѣ и даже очень не хорошо.

— Elle a très mauvaise mine. Mais trés, trés, trés mauvaise.

— Больна, хотите вы сказать?

Маделена объяснила, что по ея мнѣнію гостья совершенно больна и что ей бы слѣдовало оставаться въ постели...

— Какъ! До такой степени? воскликнулъ онъ.

— Да я же говорю вамъ... Elle trés mal...

Аталинъ быстро накинулъ платье и двинулся было къ горницѣ Эльзы, но остановился въ корридорѣ, вспомнивъ, что та только еще одѣвается, да и вообще его появленіе въ спальнѣ обидитъ ее. Онъ не зналъ что̀ дѣлать, и рѣшился спуститься и дожидаться ее въ столовой.

Чрезъ четверть часа раздались голоса на лѣстницѣ, и онъ вышелъ навстрѣчу. Эльза, снова въ своемъ сѣромъ платьѣ, спускалась по ступенямъ и приблизилась къ нему, но на столько измѣнившаяся въ лицѣ, что Аталинъ не выговорилъ ни̇ слова отъ изумленія, но въ умѣ рѣшилъ:

„Судьба! Она останется здѣсь на нѣсколько дней. Это начало болѣзни.“

— Я непростительно проспала! заговорила Эльза тихимъ голосомъ, чрезъ силу.—Мнѣ немного нездоровится.

— Немного! Да вы совсѣмъ больны.

— На воздухѣ это пройдетъ.

Эльза двинулась за нимъ въ столовую, но вдругъ на серединѣ комнаты слегка пошатнулась.

— Маленькая слабость. Позвольте мнѣ проститься съ вами. Я и такъ опоздала... Кофе я не хочу...

— Садитесь... Садитесь... вымолвилъ онъ строго, какъ бы чувствуя, что его долгъ сломить ее волю, приказывать ей.

— Мнѣ надо спѣшить... отвѣтила она, садясь на стулъ какъ бы поневолѣ.—Говорить намъ не о чемъ. Все сказано. Все стало ясно.

— Нѣтъ. Въ этомъ положеніи я не выпущу васъ. Вы останетесь... Я сейчасъ пошлю лошадей за докторомъ.

— Никогда. Богъ съ вами!..

Эльза быстро поднялась и пошла снова къ передней... Онъ заступилъ ей дорогу и сталъ горячо упрашивать, доказывая, что она серьезно больна и что когда докторъ увидитъ ее, то рѣшитъ все... Тогда онъ доставитъ ее самъ въ экипажѣ до Сѣвернаго вокзала или даже пошлетъ Маделену проводить до Теріэля.

Эльза стояла предъ нимъ молча, со сверкающими лихорадочно глазами и еще болѣе страшная... Красивая смуглота ея исчезла, и она казалась просто темно-коричневой, съ жесткимъ выраженіемъ въ лицѣ и будто старѣе лѣтъ на пять...

— Я васъ не выпущу. Ни за что... выговорилъ Аталинъ, ставъ передъ дверями передней.

— Полноте. Я сказала, что ухожу,—и уйду!

— Я васъ умоляю сдѣлать мнѣ эту уступку. Ну не для васъ... Лично для меня! горячо воскликнулъ онъ и схватилъ ее за руки.

— Никогда!.. Вы для меня ничего не хотите уступить. Я вчера всячески умоляла васъ напрасно. Какое же имѣете вы право меня просить? Пустите же... Меня никто еще никогда не заставилъ поступить противъ моей воли.

— Эльза. Ну, а если я... Ну да будь же по вашему... Если я откажусь отъ вызова Монклера... Вы останетесь?..

— Вы откажетесь?! воскликнула она, и лицо ея на минуту просвѣтлѣло.

— Да... Да... Если вы останетесь у меня здѣсь покуда не поправитесь... Ну хоть два, три дня... Сколько велитъ докторъ.

— Вы откажитесь отъ дуэли только ради того, чтобы я здѣсь... И Эльза отъ волненія зашаталась и оперлась на его протянутыя руки. Она поглядѣла ему въ глаза... Взглядъ ея, за мгновеніе лихорадочно-яркійи блестящій, вдругъ потухъ теперь...

Но этотъ исчезнувшій огонь не исчезъ ли въ его сердцѣ?

— Merci, de coeur! вымолвила она тихо... Я это вѣкъ буду помнить. Это еще важнѣе, чѣмъ платокъ въ мастерской Монклера.

— Такъ вы останетесь!

— Я прошла голодная сто километровъ, чтобы вы отказались отъ дуэли. А теперь вы просите ради того же,—сидѣть спокойно... улыбнулась она чрезъ силу.—Что̀ легче?

— Я пошлю за докторомъ? Вы будете его слушать?

— Я васъ буду слушаться!.. Васъ! Говорите, и все мнѣ теперь будетъ милымъ приказомъ... вымолвила она такимъ голосомъ, что Аталинъ вдругъ вспыхнулъ отъ смуты на сердцѣ.

Этого оттѣнка голоса этой странной дѣвочки онъ еще не зналъ. Эти простыя слова будто обожгли его. Они были произнесены чуть слышно, а въ нихъ было что-то властное, сильное и... нравственно палящее.

Оправившись отъ волненія, онъ предложилъ Эльзѣ идти тотчасъ къ себѣ и ложиться снова въ постель въ ожиданіи пріѣзда доктора, но она отказалась.

— Нѣтъ. Пойдемте теперь въ садъ... Маделена сказала, что кофе тамъ. Теперь я хочу его съ вами пить... Я себя даже лучше, крѣпче чувствую. Такъ вы не будете драться съ этимъ... ce rustre, съ Монклеромъ. Не будете? Повторите.

— Нѣтъ, нѣтъ. Если онъ напишетъ или пришлетъ виконта, я отвѣчу, что я боюсь. Понимаете, милая Эльза. Напишу письмо

Монклеру и скажу, что я струсилъ, что я хвастунъ, лгунъ. Скажу... Я скажу, Эльза, все, что вы захотите.. Идемте... Обопритесь на мою руку.

— Нѣтъ... Я одна... Я теперь могу опять сто километровъ идти.

И, выйдя въ садъ до накрытаго столика подъ большою липой, Эльза сѣла, оглянулась улыбаясь, поглядѣла на Аталина и выговорила страстнымъ шепотомъ:

— Ахъ, какъ я рада, что я заболѣла. Какъ Господь милостивъ. Какъ Онъ умѣетъ все устроить. Ну кто могъ думать... Какъ я счастлива!.. Peu s'en faut que j' expire içi meme, de bonheur!

XII.

Однако Эльза чувствовала себя крайне дурно. Чѣмъ сильнѣе была ея натура, тѣмъ труднѣе одолѣвала ее болѣзнь, но за то тѣмъ бурнѣе сказывалась.

Поневолѣ проспавъ время, назначенное ею для возвращенія обратно домой, она поднялась, разумѣется, чрезъ силу. Чувствуя, что едва держится на ногахъ отъ недомоганія и внутренняго жара, она рѣшилась солгать, что поѣдетъ въ Теріэль, но въ сущности надѣялась только добраться до сестры Марьетты, адресъ которой тайкомъ взяла изъ комода матери предъ уходомъ.

Новое объясненіе съ Аталинымъ, его неожиданное согласіе исполнить ея мольбу, его внезапная нѣжность сильно подѣйствовали на Эльзу. Она понимала, какъ трудно ему принести подобную жертву, но тѣмъ не менѣе онъ уступилъ и только ради того, чтобъ она не рисковала своимъ здоровьемъ. При этомъ онъ былъ опять совершенно другимъ, въ глазахъ его она поневолѣ читала нѣчто, что̀ боялась понять, во что̀ боялась увѣровать, чтобы не настрадаться потомъ отъ разочарованія.

Выйдя въ садъ, она почувствовала себя бодрѣе физически и совершенно здоровой нравственно, радостной, даже счастливой. Однако напившись кофе, она снова еще сильнѣе ослабла, голова опять отяжелѣла, и все тѣло горѣло подъ незнакомымъ и непонятнымъ ей гнетомъ.

Она не выдержала и объяснила, что пойдетъ къ себѣ въ горницу и опять ляжетъ на нѣсколько минутъ.

Эльза не могла предполагать и даже испугалась бы, еслибъ ей кто сказалъ, на сколько времени она идетъ ложиться въ по-

стель и когда снова поднимется. Однако на мгновеніе явилось предчувствіе, и она сказала, входя въ домъ:

— А что если я заболѣю у васъ здѣсь?..

— И слава Богу, что у меня, а не у вашей матери или у сестры. Если вы заболѣете здѣсь, у васъ будетъ все необходимое: и докторъ, и горничная, и сестра милосердія и близкій вамъ человѣкъ, который, послѣ Этьена, право, самый близкій вамъ.

— Богъ милостивъ однако — все пройдетъ въ одинъ день, уклончиво отвѣтила Эльза, но эти слова чудно коснулись сердца ея.

— Я не желаю вамъ зла, не желаю, чтобы въ самомъ дѣлѣ оказалась серьезная болѣзнь, но я бы желалъ... Правда... Я желалъ бы, чтобы вы долго были больны безъ опасности, но безъ возможности встать и уѣхать... ради того, чтобъ я могъ видѣть васъ здѣсь подолѣе.

— Зачѣмъ? кратко и грустно отозвалась она.—Конецъ будетъ все тотъ же.

— Конецъ?

— Ну да. Возвращеніе домой и разлука.

— Я буду потомъ ѣздить къ вамъ въ гости въ Теріэль.

— А потомъ... Уѣдете въ Россію или въ иную страну. Нѣтъ, право, лучше, если докторъ меня отпуститъ завтра... Однако какъ мнѣ нехорошо.

И Эльза опустилась на кресло среди гостиной, посидѣла, опустивъ голову на руки, и затѣмъ съ трудомъ двинулась чрезъ столовую, но уже опираясь на руку Аталина.

На лѣстницѣ силы окончательно покинули ее, она зашаталась, и онъ поневолѣ обхватилъ ее за талію, чтобъ удержать на ногахъ.

— Ne faites pas ça... глухо проговорила она и, сдѣлавъ страшное усиліе надъ собой, выпрямилась, но подняться по ступенямъ не могла.

— И я безумный, что позвалъ васъ идти въ садъ. Надо было тогда же лечь. Все эгоизмъ, возмутительный и гадкій.

— Маделену... произнесла Эльза тихо.

Аталинъ кликнулъ горничную, и сильная женщина, обхвативъ ее за спину подъ плечами, помогла ей потихоньку подняться и добрести до комнаты, гдѣ Эльза тотчасъ же легла на кровать не раздѣваясь...

И вдругъ ей вспомнилось и вновь почудилось, какъ Аталинъ обхватилъ ее на лѣстницѣ рукою.

— Mon Dieu, si je pouvais... mourir! прошептала она такимъ голосомъ, что добрую Маделену растрогали и голосъ и слова.

Столько горя и правды было въ нихъ.

Горничная тотчасъ вернулась внизъ къ Аталину и заявила:

— La pauvre enfant est bien mal. Хуже нежели мы думаемъ. Хорошо бы дать знать ея роднымъ.

— Роднымъ? вымолвилъ Аталинъ.—Она почти сирота. У нея только маленькій братъ семи, восьми лѣтъ. Les autres ne comptent pas.

Между тѣмъ кучеръ Джонсъ уже давно выѣхалъ съ каретой въ Парижъ, везя записку Аталина къ его доктору.

Чрезъ часъ послѣ того, что Эльза легла въ постель, докторъ г. Гарнье въѣзжалъ уже въ ворота виллы.

Это былъ уже старикъ шестидесяти лѣтъ, высокій, плотный геркулесовскаго тѣлосложенія. Онъ производилъ сразу самое выгодное впечатлѣніе своимъ бѣло-румянымъ лицомъ, квадратною сѣдою бородой, гладко подъ гребенку остриженными серебристыми волосами и прелестными голубыми глазами. Видно было, что когда-то онъ долженъ былъ быть очень хорошъ собой, да и теперь въ извѣстномъ смыслѣ былъ красавецъ. Вдобавокъ у этого гиганта голосъ былъ медленно тихій, кроткій, движенія спокойно-мягкія, не спѣшныя... Онъ сразу внушалъ полное довѣріе и какъ докторъ и какъ человѣкъ.

Гарнье, Англичанинъ по матери, былъ одинъ изъ очень извѣстныхъ докторовъ Парижа и когда-то имѣлъ огромную практику, отъ которой давно отказался, чтобы лѣчить исключительно бѣдныхъ и даромъ. Его имя было хорошо извѣстно на обоихъ берегахъ Сены, именно благодаря этому обстоятельству.

Аталина онъ зналъ давно и очень любилъ.

— Дайте честное слово, что всѣ Русскіе похожи на васъ, шутилъ онъ,—и я ѣду въ Россію на жительство и натурализуюсь Русскимъ.

Но Аталинъ не давалъ слова и отшучивался, что еслибы создать цѣлую націю отъ браковъ Французовъ съ Англичанками, то это будетъ первая нація въ мірѣ.

Всѣ паціенты Гарнье знали равно одинъ крупный фактъ изъ его прошлаго, повліявшаго на всю его жизнь и на его характеръ.

Женившись рано, еще въ двадцать лѣтъ, онъ имѣлъ восемь человѣкъ дѣтей... Однажды при возвращеніи изъ Англіи въ Гавръ, куда онъ возилъ всю семью для свиданія съ ихъ бабушкой— онъ попалъ въ одну изъ страшныхъ бурь... Пароходъ былъ уне-

сенъ волненіемъ и разбитъ на скалахъ Бретани. Вся его семья исчезла въ пучинѣ морской на его глазахъ. Спаслось лишь семь человѣкъ пассажировъ и въ томъ числѣ Геркулесъ и искусный пловецъ, самъ Гарнье.

Онъ подробно и драматично разсказывалъ Аталину не разъ эту страшную катастрофу, послѣ которой едва не сошелъ съ ума.

Получивъ записку Аталина, докторъ узналъ, что боленъ не самъ онъ, а больна „одна личность“ гостящая у него. „Une pauvre enfant“. Дѣти были слабою струной старика, а равно и подростки обоего пола. И онъ немедленно бросилъ пріемъ больныхъ и полетѣлъ изъ своего квартала, около Пантеона, въ Нельи, то-есть за тридевять земель. Джонсъ, которому было приказано: „courir ventre à terre!“ исполнилъ приказъ въ точности и привезя доктора, проѣзжалъ теперь тихимъ шагомъ взмыленныхъ лошадей и страдалъ за нихъ...

— Poavres betes, сказалъ онъ своимъ акцентомъ Жаку съ козелъ чуть не со слезами на глазахъ.—Poquoi pas un fiacre? И для какой-то дѣвчонки. Надо было нанять карету, а не гонять своихъ лошадей.

— Что лошади! отозвался Жакъ.—Погодите... То ли будетъ.

Между тѣмъ Гарнье, поздоровавшись съ Аталинымъ, котораго не видалъ уже съ полгода, спросилъ тотчасъ же:

— Обзавелись пріемной дочерью, mon bon?

— Почти, отвѣтилъ Аталинъ.—Ваше предположеніе стало бы правдой и дѣйствительностью, еслибы это существо было полною сиротой.

— Какихъ лѣтъ?

— Шестнадцати.

— О-о? протянулъ Гарнье, какъ бы вдругъ обидясь.

— Вы думали совсѣмъ ребенокъ... Я обманулъ васъ?

Гарнье не отвѣтилъ, помолчалъ и спросилъ серьезно:

— Ça n'est rien pour vous. По сущей правдѣ?...

— Нѣтъ... Что вы?.. Но я очень... Очень интересуюсь ею.

— Такъ... Такъ... ворчалъ Гарнье приглядываясь. А ну, посмотрите мнѣ dans les blancs des yeux.

И Аталинъ слегка сконфузился подъ зоркимъ взглядомъ голубыхъ глазъ старика.

— Понимаю теперь метаморфозу. Вы очень измѣнились, помолодѣли... Я себя все спрашивалъ отчего. Теперь понимаю... совершенно серьезно сказалъ онъ.

— Полноте, cher docteur... Въ мои годы поздно такъ измѣняться и по такимъ причинамъ.

— Лжете. Не слѣдъ лгать. Мнѣ? Доктору, старику и другу... Мой діагнозъ прямо говоритъ мнѣ: твой другъ, Русскій, счастливъ, ожилъ, ибо влюбленъ... Любитъ... А затѣмъ, эта ли самая личность, то-есть эта больная, произвела волшебную метаморфозу въ васъ, я могу опредѣлить лишь тогда, когда увижу васъ обоихъ вмѣстѣ. Ну, идемте къ волшебницѣ.

Все это Гарнье проговорилъ своимъ мягкимъ и кроткимъ голосомъ и объясняя какъ другъ сильно измѣнился, кажетъ бодрымъ и счастливымъ, старикъ будто радовался глядя на него. Увѣренность въ его голосѣ при этомъ заявленіи подѣйствовала и на Аталина. Гарнье, вѣдь, не предположеніе дѣлалъ, а констатировалъ фактъ рѣшительно и твердо.

„Стало-быть въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ моемъ что-то появилось выдающее меня“, думалось Аталину.

XIII.

Поднявшись оба на верхъ и войдя въ комнату Эльзы, они нашли ее на постели, съ открытыми глазами, но она не шелохнулась, не сказала ни слова и только пытливо присмотрѣлась къ Гарнье.

— Вотъ вамъ докторъ, Эльза, который васъ живо вылѣчитъ. Это мой другъ, господинъ Гарнье, сказалъ Аталинъ, насильно улыбаясь, такъ какъ видъ Эльзы его смутилъ. Ему показалось, что ей много хуже, судя по лицу и взгляду.

Онъ тотчасъ же вышелъ, не считая себя въ правѣ присутствовать при визитѣ доктора.

Гарнье, окинувъ быстрымъ и проницательнымъ взоромъ лежащую больную, которая показалась ему гораздо старше на видъ, чѣмъ говорилъ его другъ, въ нѣсколько мгновеній сообразилъ очень многое касавшееся до нее и до его друга. Одно только озадачило его: плохой костюмъ дѣвочки, отсутствіе какихъ-либо вещей въ ея горницѣ и, главное, ея типъ, оригинальность лица ея...

Онъ сѣлъ около нея, взялъ за руку и сталъ смотрѣть ей въ глаза своими добрыми и глубокими, будто вліяющими, глазами. И глаза эти, какъ всегда, сдѣлали свое дѣло. Не прошло ми-

нуты, Эльза относилась къ этому красивому старику такъ, какъ еслибы давно знала его,—съ полнымъ довѣріемъ и симпатіей.

— Я больна не серьезно? спросила она.

— Не знаю еще, ma chère demoiselle. Вотъ увидимъ.

— Мнѣ нельзя здѣсь долго оставаться. Мнѣ надо домой.

— Постараемся отпустить васъ какъ можно скорѣе.

Онъ сдѣлалъ Эльзѣ нѣсколько вопросовъ, какъ докторъ. Затѣмъ оскультировалъ и выслушалъ внимательно грудь и спину и, наконецъ, сказалъ, вздохнувъ:

— Вы сильно простудились. Скажите, когда... По вашему мнѣнію... недавно.

Эльза объяснила про свое путешествіе и прибавила то, что̀ скрыла отъ Аталина.

— Я за все время съѣла небольшой кусокъ хлѣба, а потомъ сутки не ѣла совсѣмъ.

— И все шли голодныя. Ну, а на ночлегѣ развѣ не спросили ужинать?

— Нѣтъ. Я ночевала въ лѣсу на землѣ... Наканунѣ тамъ вѣрно уже былъ дождь, потому что земля была сырая.

— И вы на мокрой землѣ провели ночь, ничего не подложивъ?

— На мнѣ, кромѣ этого платья, ничего не было...

— И спали крѣпко, конечно не чувствуя сырости?

— Какъ мертвая... Устала очень.

— Pauvre chère enfant! вырвалось у Гарнье кротко. — Вѣдь эдакое на всю жизнь можетъ отозваться...

— Oh, ma vie monsieur le docteur... грустно шепнула Эльза.— Она нужна только еще лѣтъ на семь... А больше не нужно. Тогда братъ будетъ большой мальчикъ. Je puis partir alors... et sans bagage!

Гарнье не понялъ, и все болѣе заинтригованный этимъ страннымъ для него существомъ, спросилъ, что̀ она хочетъ сказать.

— Le bagage d'un moribond? C'est un grand poids. La fatigue d'une existance. Я повторяю слова моего покойнаго отца.

И затѣмъ Эльза смолкла и отвернулась лицомъ къ стѣнѣ. Гарнье задумался. Мысли его унеслись и были на пароходѣ, среди бушующихъ волнъ разъяреннаго моря, близъ береговыхъ утесовъ Бретани. „Дѣвочка говоритъ объ усталости жизни. А онъ? Эта картина бури, поглащающая всѣхъ его дѣтей, одного за другимъ?—Какая это ноша въ жизни?!“.

Между тѣмъ Аталинъ прошелъ въ садъ и нетерпѣливо ждалъ доктора.

Черезъ полчаса Гарнье, приказавъ Маделенѣ тотчасъ раздѣть и уложить больную совсѣмъ въ постель, спустился внизъ, прописалъ рецепты и затѣмъ окликнулъ хозяина изъ дверей, выходящихъ въ садъ.

— Ну что̀? нетерпѣливо и смущенно спросилъ Аталинъ, явясь съ боковой дорожки и входя съ нимъ въ гостиную.

— Очень не хорошо, прямо скажу. Болѣзнь не смертельная, но очень опасная и долгая. Стало-быть она долго пробудетъ у васъ. Если ей надо домой, то отвезите сейчасъ. Пока еще можно. У нея воспаленіе легкихъ... Не пугайтесь, это въ нашемъ климатѣ, среди жаркаго лѣта и въ ея годы—не страшно. Но одно меня смущаетъ... Есть осложненіе. Я не могу разобраться вполнѣ. Она вмѣсто сильной слабости, напротивъ страшно возбуждена, точно взволнована чѣмъ-то случившемся съ ней... Я не требую исповѣди отъ васъ, но если вы знаете le fin mot de la chose, то скажите мнѣ просто: да.

— Да, отвѣтилъ Аталинъ, волнуясь, и прибавилъ:—можетъ-быть.

— Между вами произошло какое-нибудь объясненіе, сильно подѣйствовавшее на нее... Скажите только когда?

— Вчера вечеромъ... и сегодня

— А ея путешествіе и гроза были вчера же утромъ?

— Да

— Понимаю. Надломъ силъ усталостью и надломъ нервовъ объясненіемъ, а основаніемъ сильная простуда... Ну вотъ... Затѣмъ я вамъ скажу, что ей не шестнадцать лѣтъ, а болѣе того, года на два.

— Это такъ кажетъ.

— Или же... Погодите... Она не Француженка происхожденіемъ. Типъ у нея особый, южный.

Аталинъ объяснилъ происхожденіе Эльзы.

— О-о! поморщился Гарнье.—Не люблю я съ креолами дѣло имѣть.

— Отчего? удивился Аталинъ.

— Не пугайтесь. Я не къ тому говорю. За выздоровленіе нашей больной я отвѣчаю. Но креолы вообще или страшно крѣпкій народъ, или хрупкій какъ стекло. Смотря по тому, насколько близко или далеко отъ экватора родились и жили. А ихъ Ахиллесова пята—легкія.

Аталинъ объяснилъ, что Эльза родилась на сѣверѣ Франціи, и что она не мулатка, а квартеронка.

— Это все равно, отвѣтилъ докторъ,— мѣсторожденіе ничего не значитъ. Какъ внѣшность, типъ лица, цвѣтъ кожи и волосы, такъ и горячая кровь, сердце, легкія, даже нравъ передаются у креоловъ по наслѣдству прямѣе, устойчивѣе и полнѣе, такъ сказать, аккуратнѣе, чѣмъ у Европейцевъ. Ужъ если гдѣ водится наслѣдственность со всѣми курьезами атавизма, такъ это среди нихъ. Скажутъ мнѣ, каковы ея отецъ и мать, бабушка и дѣдушка, и я смогу сказать, что она не только есть, но и будетъ... Я увѣренъ, что ваша protegée—интересный субъектъ... Негрская кровь собственно не даетъ ничего въ смыслѣ духовномъ, а только густитъ европейскую. Черная сторона, если такъ можно выразиться, возводитъ въ квадратъ и въ кубъ индивидуальныя свойства, качества и пороки, унаслѣдованные отъ бѣлой стороны. Во всякомъ случаѣ,—улыбаясь, прибавилъ Гарнье,—имѣть съ креолами дѣло никому не совѣтую. Что это за существа, еще не разслѣдовано и не опредѣлено точно... Между двумя расами, индо-европейской и негрской, нѣтъ ничего общаго... Что же долженъ быть креолъ?.. Или Ормуздъ или Ариманъ. Или сатана или ангелъ... Если же ни то, ни другое, то самый странный „микстъ", въ которомъ животное облагорожено или человѣкъ оскотиненъ.

— Да развѣ негръ не человѣкъ? разсмѣялся Аталинъ.

— Никогда! Это звено между человѣкомъ и чимпанзе.

Гарнье, давно не видавшій своего друга Русскаго, просидѣлъ у него долго. А между тѣмъ Аталинъ нетерпѣливо ждалъ, чтобы онъ уѣхалъ... Его смущала Эльза и страшно волновалъ вопросъ: позволитъ ли она, сочтетъ ли возможнымъ, допустить его сидѣть у нея въ комнатѣ?

„Вѣдь иначе, мы не увидимся за все время ея болѣзни!" думалъ онъ, не слушая разсужденія Гарнье объ вліяніи негрской крови на европейскую въ будущихъ столѣтіяхъ. Наконецъ тотъ поднялся и своимъ тихимъ голосомъ сказалъ:

— Послушайтесь совѣта друга. Если она въ самомъ дѣлѣ для васъ что-нибудь значитъ уже... Si vous etes en train de vouloir lui devenir cher... Остановитесь во время, а то намучаетесь и проклянете свое существованіе. Не надо ни любить, ни жениться на креолкахъ, покуда нашъ безсмертный Пастеръ не окончитъ вполнѣ свои работы и не найдетъ вполнѣ вѣрнаго и усовершенствованнаго способа прививать человѣку микробовъ бѣшенства... Тогда послѣ подобной вакцинаціи, хотя бы вотъ вашей больной, смѣло влюбляйтесь въ нее. Она будетъ обезврежена...

— Voyons! воскликнулъ Аталинъ, насильно улыбаясь и даже будто обиженный этою шуткой друга.

Однако когда докторъ уѣхалъ въ его каретѣ на другихъ лошадяхъ, онъ не пошелъ на верхъ, а только справился, сидитъ ли у Эльзы горничная. На утвердительный отвѣтъ Жака, онъ кликнулъ ее и объяснилъ, чтобъ она тотчасъ ѣхала въ магазинъ Лувра съ спискомъ вещей для Эльзы, гдѣ было все необходимое, бѣлье и всякая мелочь. Затѣмъ онъ немедленно послалъ Жака въ самый городокъ Нельи за сестрой милосердія для ухода за больной, а привратника Карпо отправилъ въ аптеку. Въ домѣ не осталось никого, и онъ самъ заперъ калитку за Маделеной.

Оставшись одинъ съ Эльзою на виллѣ, онъ поднялся на верхъ и съ волненіемъ сталъ предъ ея запертой дверью.

— Эльза? окликнулъ онъ ее чрезъ дверь.—Вы спите...

— Нѣтъ, слабо отозвалась она.

— Эльза. Вы больны довольно серьезно. И будете долго больны. Можетъ-быть очень долго. За это время я не увижу васъ? прибавилъ онъ вопросомъ.

Эльза не отзывалась. Онъ молчалъ.

— Я буду одѣваться и вставать каждый вечеръ часа на два, отвѣтила она наконецъ.

— Это невозможно!

— Возможно. Я уже теперь чувствую себя лучше.

— Это ложь.

И снова наступило молчаніе. Она солгала и стыдилась...

— Будьте благоразумны... Позвольте мнѣ приходить сидѣть около вашей кровати хотя бы разъ въ день въ присутствіи сестры милосердія, за которой я послалъ...

— Дайте мнѣ подумать и приходите за отвѣтомъ... Нѣтъ! Прикажите мнѣ дозволить это вамъ...

— Я приказываю, неровнымъ отъ чувства голосомъ произнесъ онъ.

— Войдите, чуть слышно отозвалась она.

Аталинъ отворилъ дверь, вошелъ и сѣлъ на кресло, стоявшее около кровати. Эльза не смотрѣла въ его сторону и лежала отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Только ея черная, какъ смоль, кудрявая голова рѣзко выдѣлялась на бѣлой подушкѣ изъ-подъ высоко натянутаго одѣяла.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гр. Саліасъ.

НА ОКСУСѢ И ЯКСАРТѢ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.)

VI.

Кудуки Тамерлана.

Еще далеко до станціи Агашты (Акчеты) сталъ маячиться на горизонтѣ степи какой-то странный, круглый холмъ. Онъ былъ такъ правиленъ и высокъ, что невозможно было счесть его за простую опухоль земли, да и цвѣтъ его былъ не зеленый, а какой-то каменистый. Я давно уже вглядывался въ него съ напряженнымъ любопытствомъ. Ровная какъ ладонь и какъ бархатъ зеленая степная гладь особенно рѣзко выдѣляла и его темный цвѣтъ и его геометрически строгую форму. Сначала онъ былъ намъ противъ солнца и вырѣзался на его яркихъ лучахъ почти чернымъ силуэтомъ, но потомъ дорога повернула немного въ сторону, и предъ нами сразу обрисовался вдали облитый солнечнымъ свѣтомъ высокій каменный куполъ. Что̀ за диковинный куполъ! сколько ни ѣдемъ, какъ ни приближаемся къ нему, ничего не видно кромѣ этого огромнаго купола, словно онъ стоитъ прямо на землѣ, безъ стѣнъ, безъ подпоръ. Да онъ и дѣйствительно выросъ прямо изъ земли, какъ колоссальный стогъ сѣна, теперь это уже несомнѣнно, потому что мы совсѣмъ подъѣзжаемъ къ станціи Агашты и намъ теперь отлично видна глинистая площадка, на которой возвышается этотъ гигантскій каменный шалашъ.

— Что̀ это такое? удивленно спрашиваю я ямщика, толкая его въ его корявую, какъ у носорога спину и показывая рукою на загадочный куполъ, который мнѣ казался какою-то покинутою индусскою пагодой.

Киргизъ обернулся ко мнѣ своимъ обезьяньимъ лицомъ, широко осклабился и сверкая своими бѣлыми, какъ у волка, хищными зубами, самодовольно мотнулъ головой на степную диковину.

— Сардаба-кудукъ!.. Вода!.. Тимуръ-лэнгъ строилъ!.. Старый, давно... Верблюдъ поилъ, конь поилъ, человѣкъ поилъ... Увесь свѣтъ поилъ... объяснилъ онъ.

Индусская пагода оказалась простымъ кудукомъ, бассейномъ воды. Въ степи, да еще „голодной"—это, конечно, гораздо полезнѣе и даже гораздо благочестивѣе всякой пагоды.

Пока перепрягали лошадей, мы съ женой отправились осматривать Тамерлановъ кудукъ. До него не больше пятидесяти саженей отъ почтовой станціи. Сооруженіе это римской грандіозности, поистинѣ царственное.

Широкій размахъ Тамерланова духа вполнѣ проникаетъ его. Гигантскій каменный шатеръ, не сложенный, а скорѣе искусно сотканный изъ мелкихъ плоскихъ кирпичиковъ несокрушимой крѣпости, поднимается вверхъ концентрическими ступенчатыми кольцами, кое-гдѣ уже живописно поросшими бурьянами, и какъ шапкой покрываетъ своимъ обширнымъ куполомъ глубокую цистерну, въ которой теперь устроенъ колодецъ. Входъ въ этотъ каменный шатеръ одинъ, съ той стороны, откуда рѣже всего бываетъ вѣтеръ; лощина, собирающая дождевыя воды изъ своихъ вѣтвистыхъ отвершковъ, впадаетъ какъ разъ въ этотъ открытый зѣвъ кудука и несетъ къ нему въ періоды дождей, какъ по природному жолобу, степные потоки...

Повидимому, цистерна соединялась тутъ съ колодцемъ. Глухой каменный куполъ безъ отверстій, повернувшійся непроницаемою спиной ко всѣмъ господствующимъ вѣтрамъ, не давалъ испаряться водѣ, набиравшейся весной, зимой и осенью въ его глубокія хранилища, а подземныя струи колодца поддерживали и освѣжали наборную воду.

Мы вошли въ черную сырую утробу этого оригинальнаго шатра. Старую цистерну, должно-быть, уже затянуло въ теченіе вѣковъ грязью и иломъ, и теперь приходится доставать воду изъ колодца. Слякоть тамъ ужасная. Верблюды, лошади, ослы, овцы прямо вгоняются подъ темные своды кудука, гдѣ могутъ помѣ-

ститься цѣлыя стада, и оставляютъ тамъ осязательные слѣды своего пребыванія...

И теперь вокругъ древняго Тимурова водохранилища, по старой привычкѣ, вкорененной вѣками, столпилось множество распряженныхъ арбъ, нагруженныхъ верблюдовъ, утомленныхъ всадниковъ. Живописныя группы этихъ туземныхъ торговцевъ и путниковъ сидятъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ тѣнью громаднаго купола, хлопоча надъ кувшинами и мѣшками съ провизіей.

Очевидно, это излюбленный и привычный перевалъ для странниковъ „Голодной степи".

На слѣдующей станціи Мурза-Рабатѣ мы увидѣли другой такой же кудукъ,—тотъ же величественный каменный куполъ несокрушимой прочности, пережившій пять столѣтій, почтенный какъ египетская пирамида. Но вода его уже пересохла, и рядомъ съ нимъ, за довольно высокими стѣнами станціоннаго двора, похожаго на маленькую крѣпостцу, устроенъ уже артезіанскій колодецъ,—цивилизованный наслѣдникъ первобытныхъ степныхъ водохранилищъ.

Какое-то огромное хитросплетенное колесо чернѣетъ на вершинѣ его вышки. Но мѣстные обитатели жалуются на крайнее неудобство пользоваться такимъ сложнымъ и труднымъ аппаратомъ, тѣмъ болѣе, что вода этого артезіанскаго колодца, къ несчастію, горькосоленая, годная только для овецъ, ословъ и верблюдовъ.

Третій кудукъ Тамерлановъ еще дальше около станціи Малекъ. Онъ тоже заброшенъ; вода въ немъ хотя есть, но слишкомъ горькая. Крайне досадно, что такія колоссальныя и благодѣтельныя сооруженія древности не поддерживаются въ томъ видѣ, въ какомъ они когда-то были. Неужели было бы особенно трудно расчистить ихъ, обновить цистерны и обезпечить приливъ къ нимъ весеннихъ водъ. Навозъ и всякій соръ, затянувшіе ихъ, конечно, дѣлаютъ воду негодую для питья, но нельзя же серьезно думать, что въ этихъ грандіозныхъ водохранилищахъ великаго владыки древней Азіи и прежде никогда не было воды, которую могъ бы съ удовольствіемъ пить страдающій отъ жажды путникъ...

Строго говоря, нѣтъ твердыхъ историческихъ данныхъ считать эти цистерны созданіемъ Тамерлана. Но туземцы привыкли приписывать этому славному правителю своему вообще все, что̀ только уцѣлѣло отъ древности, и что̀ носитъ на себѣ печать

величія; а я лично съ особеннымъ довѣріемъ отношусь къ такимъ живымъ преданіямъ народа. Дѣйствительно, все заставляетъ думать, что эти колоссальныя общенародныя сооруженія, которыя должны были напоить страшную для всѣхъ „Голодную степь“ и сдѣлать дорогу черезъ нее такою же удобною, какъ улицы Самарканда, могли быть замышлены и исполнены только смѣлымъ и широко парившимъ духомъ, какой проявляется во всѣхъ предпріятіяхъ Тамерлана.

Впрочемъ въ путевыхъ запискахъ Испанца Рюи-Гонзалеса Клавихо, ѣздившаго въ 1403 году къ Тамерлану посломъ отъ кастильскаго короля Генриха III, на которыя мы уже имѣли случай ссылаться, разсказывается очень положительно, какъ хлопоталъ Тамерланъ объ устройствѣ въ своей имперіи удобнаго проѣзда по безводнымъ степнымъ мѣстамъ. Клавихо именно говоритъ „о почтовыхъ станціяхъ на сто и двѣсти лошадей черезъ каждый день пути“, „объ огромныхъ постоялыхъ дворахъ, выстроенныхъ въ степи“, куда окрестные жители должны были доставлять припасы, и куда были проведены „водопроводы иногда за цѣлый день пути“. Трудно сомнѣваться, чтобы испанскій путешественникъ говорилъ здѣсь о чемъ-нибудь другомъ, какъ не о „кудукахъ Тамерлана“, уцѣлѣвшихъ до нашего времени и даже доселѣ сохранившихъ прежнюю свою роль—быть центрами почтовой гоньбы и мѣстомъ отдохновенія для путешественниковъ.

Почтовая гоньба черезъ неизмѣримыя равнины Монгольской имперіи, простиравшіяся когда-то отъ Карпатъ до Китайскаго моря, существовала и гораздо раньше Тимура, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи и европейскіе путешественники XIII вѣка. Въ этомъ отношеніи интересенъ разсказъ французскаго монаха Іоанна Плано Карпини, посланнаго въ 1246 году миссіонеромъ въ Азію папой Инокентіемъ IV, и оставившаго намъ свое извѣстное описаніе путешествія въ Монголію, подъ оригинальнымъ заглавіемъ: „Libellus historicus Ioannis de Plano Carpini“.

„Получа повелѣніе отъ апостольскаго престола идти къ восточнымъ народамъ,—съ дѣтскою простотой и смиреніемъ повѣствуетъ о своемъ подвигѣ наивный инокъ,—разсудили мы отправиться прежде всего къ Татарамъ, поелику боясь, чтобъ они вскорѣ не подвергли опасности Церковь Божію.“

Въ Монголіи тогда вступилъ на престолъ Чингисъ ханъ Гаюкъ, или, какъ простодушно величаетъ его Плано Карпини, „Гогъ-Хамъ“.

Хана онъ знать не хочетъ, для него вездѣ *хамъ*, а не ханъ, и, повидимому, это имя искренно вяжется въ его представленіи съ Хамомъ Библіи, отверженнымъ сыномъ праведнаго Ноя. „*Хамскій* указъ", въ „*Хамскомъ* шатрѣ" (infra Tentorium Cham) „*Хамова* жена"—пишетъ онъ вездѣ. Впрочемъ, по его словамъ, Хамъ означаетъ у восточныхъ народовъ императора. „Бога Татары зовутъ Итогою, а Команы—*Хамомъ*, то-есть императоромъ (Sed Comani Cham, id est imperatorem ipsum appellant) говоритъ онъ.

Плано Карпини пришлось, конечно, проѣзжать сначала южно-русскими степями, то-есть равнинами Днѣпра, Дона, Волги, Урала, которыя онъ называетъ „Команскою землей". Подъ именемъ Команъ тогда, повидимому, были извѣстны не только Половцы, но еще и многіе другіе степные народы Азіи, и скорѣе всего теперешніе Киргизы.

„*Команы—по-татарски Кипчакъ*", сообщаетъ Плано Карпини, а Кипчакъ до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ главныхъ узбекскихъ родовъ среди теперешнихъ Киргизовъ.

Русскій народъ, повидимому, и въ то далекое время уже имѣлъ огромное значеніе на азіатскомъ Востокѣ и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Плано Карпини, по крайней мѣрѣ, на каждомъ шагу поминаетъ русскихъ людей, русскій языкъ, даже и въ Монголіи; только съ помощью Русскихъ онъ могъ и начать и окончить сколько-нибудь благополучно свое многотрудное путешествіе, продолжавшееся годъ и четыре мѣсяца. Провелъ его къ Татарамъ нашъ Василько, сынъ знаменитаго Романа Галицкаго; при дворѣ Гаюка ему опять помогалъ во всемъ Русскій.

„Богъ послалъ намъ на помощь одного Русскаго (quendam Ruthenam), по имени Козму, золотыхъ дѣлъ мастера, котораго Императоръ очень любилъ, и который помогалъ намъ нѣсколько", разсказываетъ Плано Карпини. „Онъ показывалъ намъ сдѣланный имъ императорскій престолъ, прежде нежели поставили его на мѣсто, и императорскую печать, имъ же сдѣланную.

Русскіе, слѣдовательно, уже и тогда являлись относительно азіатскаго кочевника его естественными цивилизаторами и пользовались въ его глазахъ особеннымъ уваженіемъ.

Когда хану нужно было написать папѣ Иннокентію отвѣтное посланіе, то онъ спросилъ Карпини: „Есть ли у папы люди, которые бы разумѣли *русскую*, или сарацинскую или татарскую грамоту?"

Русскую грамоту онъ назвалъ первою, предполагая, значитъ, ее самою распространенною среди образованныхъ народовъ. Значитъ, при дворѣ хана было столько грамотныхъ Русскихъ, что письменныя сношенія на русскомъ языкѣ уже успѣли стать вещью обычною для Монголовъ, хотя со времени окончательнаго разгрома Россіи Батыемъ (1240 г.) прошло тогда всего только 6 лѣтъ. Въ такой короткій срокъ русскій языкъ, разумѣется, не могъ бы такъ укорениться среди Монголовъ, еслибы этому не предшествовали цѣлые вѣка тѣсныхъ сношеній русскаго народа съ кочевою Азіей, только намеками вошедшія въ ея оффиціальную исторію.

Недаромъ, въ самомъ дѣлѣ, Русь то и дѣло сталкивалась со всякими степными варварами и ходила громить ихъ улусы; недаромъ русскіе удѣльные и великіе князья такъ часто роднились съ половецкими князьями и съ такою охотою брали отъ нихъ за себя дочерей разныхъ Кончаковъ, Боняковъ и Тугтороканей, словно отъ своихъ единоплеменныхъ собратьевъ. Можно сильно подозрѣвать, что Половцы—было названіе, общее для многихъ народовъ, кочевавшихъ въ „полѣ“, какъ называлась въ древности незаселенная степь; Половцы, то-есть жители „поля“, степовики, кочевники.

Изъ нашихъ лѣтописей видно, что Половцы были разные: одинъ князь приводитъ переяславскихъ Половцевъ, а другой—другихъ Половцевъ „корсунскихъ“; одинъ—Половцевъ „Товсобичей“, другой—„дикихъ Половцевъ“.

Въ Хозарскомъ городѣ Саксинѣ, у рѣки Урала, на границѣ Болгарской земли, по сказанію арабскаго историка Ибнъ-Даста, жило *40 племенъ Гузовъ*, или Команъ, (то-есть Половцевъ).

Что Половцы были такіе же Узбеки, народъ Тюркскаго племени, какъ и теперешніе Туркмены, Киргизы и пр., несомнѣнно даже изъ нашихъ лѣтописей.

Эти „безбожніи сынови Измаилови“, по словамъ Воскресенскаго лѣтописца, „изошли отъ пустыни Евѣтривскіи (какъ послѣ говорится и о Татарахъ, тоже узбекскаго племени), *изошли же суть ихъ колѣна четыре, Торкмени, Печенѣзи, Торци, Половци*“.

Монгольскіе послы объявили Русскимъ князьямъ, что пришли не на нихъ, „а на своихъ конюховъ-Половцевъ“; слѣдовательно, Половцы стерегли ихъ табуны, то-есть, жили около Монголовъ; а узбекскіе роды Монголовъ и Татаръ, давшіе главное ядро такъ называемымъ монгольскимъ или татарскимъ ордамъ Темучина,

жили Богъ знаетъ какъ далеко отъ При-Днѣпровской и При-Донской Руси, на Ононѣ, притокѣ Шилки, и на Керулынѣ, притокѣ озера Хулу-Норъ. Нужно думать поэтому, что кочевья Половцевъ передвигались въ разное время не только по южно-русской, но и по всей среднеазіатской равнинѣ. Такъ, напримѣръ: Императоръ Константинъ Багрянородный, писатель 10 вѣка, свидѣтельствуетъ, что Печенѣги жили сначала между Волгой и Ураломъ, по сосѣдству съ Хозарами *и Узами (Половцами)*, которые ихъ потомъ вытѣснили къ западу; слѣдовательно, Половцы занимали тогда теперешнія киргизскія степи Азіи.

По словамъ арабскаго географа Эль-Балхи, *главный торговый пунктъ Гузовъ, то-есть Половцевъ, былъ городъ Джерефанъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, при впаденіи ея въ Аральское море*, что вполнѣ подтверждаетъ извѣстіе Константина Багрянороднаго о мѣстности, занимаемой Половцами до появленія ихъ въ половинѣ 11 столѣтія въ При-Донскихъ и При-Волжскихъ равнинахъ. Черезъ нихъ-то главнымъ образомъ изстари завязывались различныя отношенія—торговыя, политическія и всякія другія—между Русскими и кочевниками дальней Азіи.

Интересенъ былъ способъ путешествія черезъ азіатскія степи во времена Плано Карпини:

„Мы же въ день Пасхи, отслужа обѣдню и поѣвъ кое-какъ, отправились съ двумя Татарами, приставленными къ намъ у Корензы, обливаясь горькими слезами, ибо не знали, на смерть или на жизнь мы ѣдемъ. Къ тому же мы были такъ слабы, что едва могли держаться на лошадяхъ, потому что весь Великій постъ пища наша состояла только изъ пшена съ небольшимъ количествомъ воды и соли (то-есть, по-русски говоря, пшенная жидкая каша, малороссійскій кулешъ); для питья же употребляли только снѣгъ, растаянный въ котлѣ“.

„*Ѣхали мы черезъ Команію очень скоро, потому что мѣняли лошадей разъ по 5 и болѣе въ день*“. „Такимъ образомъ ѣхали мы отъ начала Великаго поста до 8 дня по Пасхѣ“, повѣствуетъ Плано Карпини.

Изъ этого ясно, что у Монголовъ уже тогда существовала почтовая гоньба. Въ древней китайской *Исторіи первыхъ четырехъ хановъ Монгольскихъ*, переведенной съ китайскаго языка нашимъ извѣстнымъ синологомъ монахомъ Іакинѳомъ, разсказывается даже, что знаменитый мудрецъ Ѣли-Чуцай, главный совѣтникъ Чингисъ-Хана, а потомъ Угедея, убѣдилъ хана Угедея вве-

сти *подорожныя* для князей и родственниковъ хана и сдѣлать точное *расписаніе*, кому изъ нихъ сколько дозволяется брать лошадей для своего проѣзда, чтобы сдержать хотя въ какихъ-нибудь предѣлахъ непомѣрную гоньбу по степнымъ дорогамъ.

„Послѣ Команъ", продолжаетъ далѣе Плано Карпини, „въѣхали мы въ землю Кангиттовъ (Terram Kangittarum), *которая во многихъ мѣстахъ совсѣмъ безводна*, отъ сего и жителей въ ней мало. По сей причинѣ многіе изъ людей Ерослава, герцога Русскаго, проходившіе черезъ эту степь въ землю татарскую, *померли въ ней отъ жажды*. Въ этой землѣ, такъ же какъ и въ Команіи, *видѣли мы многіе черепа и кости мертвыхъ людей, лежащіе на землѣ подобно помету*. Ѣхали мы этою землей отъ 8-го дня по Пасхѣ почти до дня Вознесенія.

„Изъ земли Конгиттовъ мы въѣхали въ землю Бисерминовъ (Terram Biserminorum), которые *говорятъ языкомъ команскимъ, но законъ держатъ Сарацынскій. Въ этой землѣ нашли мы безчисленное множество разоренныхъ городовъ* съ зáмками и много *пустыхъ селеній*.

„Сею землей ѣхали мы отъ праздника Вознесенія Господня почти за 8 дней до праздника Св. Іоанна Крестителя, то-есть 24 іюня. Потомъ мы въѣхали въ землю Черныхъ Китаевъ.

„Отправясь наканунѣ Петрова дня, въѣхали мы въ землю Наймановъ (Terram Naymanorum), кои суть язычники. Въ самый же Петровъ день выпалъ снѣгъ и сдѣлалась большая стужа. Земля эта чрезвычайно гориста и холодна, и ровныхъ мѣстъ встрѣчаешь мало.

„Этою землей ѣхали мы многіе дни.

„Послѣ этого въѣхали мы въ землю Монголовъ (Terram Mongalorum), которыхъ называемъ Татарами. Сими землями ѣхали мы, кажется, *три недѣли скорою ѣздой*, и въ день Св. Маріи Магдалины (22 іюля) пріѣхали къ Куине, избранному императору. *Ѣхали же мы всею этою дорогой чрезвычайно скоро*.

„*Вставая рано, ѣхали мы до ночи безъ пищи*, и часто пріѣзжали на ночлегъ такъ поздно, что оставались безъ ужина, а ужинъ давали намъ уже по-утру. *Перемѣняя часто лошадей, мы ихъ не жалѣли, но, не останавливаясь, скакали что есть мочи*."

Я нарочно привелъ эту длинную выписку изъ безхитростнаго разсказа наивнаго средневѣковаго монаха, чтобы нарисовать характерную картину былыхъ почтовыхъ сообщеній въ той самой странѣ, по которой мы теперь ѣдемъ съ такимъ сравнительнымъ

удобствомъ, быстротою и безопасностью. Изъ краткихъ описаній Плано Карпини все-таки можно понять довольно ясно, по какимъ собственно мѣстностямъ проѣхалъ онъ. Въ его землѣ Кангиттовъ не трудно угадать безводныя Киргизскія степи, которыхъ невозможно миновать, направляясь изъ-за Волги къ Хивѣ и Бухарѣ; большія караванныя дороги пробиты были еще съ глубокой древности изъ торговаго города Болгаръ и Хозарской столицы Итиля (Астрахани) черезъ песчаныя пустыни Азіи въ Ховарезмъ (Хиву), Бухару, Шашъ (Ташкентъ) и дальше въ Балхъ и Индію. Ховарезмскіе Турки, говорившіе еще тюрскимъ, то-есть джегатайскимъ языкомъ, и уже обращенные въ мусульманскую вѣру, въ вѣру Сарацынъ, то-есть Арабовъ, господствовали надъ Хивой и Бухарой во время нашествія Чингиса, и ихъ-то цвѣтущіе города, зáмки и селенія лежали въ развалинахъ среди земли Бесерменской при проѣздѣ Плано Карпини. Изъ Бухары Карпини ѣдетъ къ Чернымъ Китаямъ, а земля Черныхъ Китаевъ есть, какъ извѣстно, Малая Бухарія, то-есть Кашгаръ и Турфанъ. Оттуда онъ направляется уже къ южнымъ границамъ Сибири, къ тѣмъ высокимъ холоднымъ горамъ ея, откуда берутъ начало водные источники, постепенно образующіе собою верховья Селенги и потомъ Шилки. Узбекскій родъ Найманъ, до сихъ поръ входящій въ составъ киргизскихъ родовъ, обиталъ въ это время именно у истоковъ Селенги, рядомъ съ родомъ Монголовъ, кочевавшимъ еще дальше къ востоку. Тамъ была и знаменитая монгольская столица Каракорумъ (у Плано Карпини Кракуримъ), отъ которой папскій посланецъ былъ всего за полдня пути, пребывая въ главномъ дворѣ хана Гаюка на Сыръ-Ордѣ.

„Голодная Степь“ замираетъ у самыхъ береговъ Сыръ-Дарьи. Уже было почти темно, когда мы проѣхали развалины большой бухарской калы, охваченной песками, защищавшей прежде переправу черезъ одинъ изъ рукавовъ Сыра. Отъ нея еще оставалось версты двѣ до самой рѣки. Ночь надвигалась рано, потому что все небо заволокло густыми свинцовыми тучами. Уже по одному тяжкому знойному воздуху, которымъ дышать было нельзя, нужно было ждать съ минуты-на-минуту сильной грозы. Я то и дѣло торопилъ Киргиза-ямщиченка, чтобъ онъ гналъ лошадей, пока еще что-нибудь видно, и пока дождь не испортилъ окончательно скверной глинистой дороги.

Вонъ, наконецъ, рѣка сверкнула, какъ широкая полоска стали, и радостныя очертанія садовъ и кишлаковъ длинною линіей вырѣзались на не совсѣмъ еще потемнѣвшемъ горизонтѣ.

Ямщиченокъ отчаянно гонитъ усталыхъ лошадей по невозможной дорогѣ, обрадованный близостію берега.

Вдругъ залпъ бури ураганомъ налетѣлъ на насъ. Намъ казалось, что нашъ жалкій тарантасишка сейчасъ подхватитъ и унесетъ въ бушующія волны Сыръ-Дарьи. Тучи желтой пыли винтомъ взвились по дорогѣ и завертѣлись кругомъ насъ; этотъ нагнавшій насъ сухой смерчъ едва не завертѣлъ въ свою неистово кружащуюся воронку нашихъ ошалѣвшихъ лошадей, которыхъ на каждомъ шагу сдувало и сбивало съ пути.

Ямщиченокъ въ ужасѣ съежился на козлахъ, не зная, держать ли ему вожжи, или самому схватиться обѣими руками за прутья козелъ. Я торопливо застегивалъ кожаный фартукъ, подтянувъ его выше нашего носа, и спускалъ зонтъ, такъ что у насъ въ тарантасѣ наступила глухая ночь. Также рѣзко и неистово вдругъ обрушился сверху долго сдерживаемый, поистинѣ тропическій, ливень. Буря немилосердно сѣкла имъ какъ розгами прямо въ лицо и ямщика и лошадей. Нельзя было понять какъ выдерживали они этотъ непрерывный градъ сыпавшихся на нихъ ударовъ. Въ одно мгновеніе бѣдняга Киргизенокъ обратился въ мокрый комочекъ грязныхъ тряпокъ. Но онъ не унывалъ,—терпѣливый сынъ степей, и чувствуя, должно-быть, свою отвѣтственность предъ нами и за скверныхъ лошадей, и за скверную дорогу и за этотъ страшный шквалъ, въ который мы такъ неожиданно попали, гналъ безъ пощады своихъ коней на встрѣчу ливню и бурѣ.

Стой! Вотъ мы у самой пристани, дальше уже некуда, развѣ прямо къ водяному дѣду на уху...

Пустынный песчанный берегъ, о который громко шлепаютъ и плескаютъ расходившіяся свинцовыя волны древняго Яксарта... Никого и ничего вблизи. Единственная киргизская кибитка, притулившаяся около безпріютнаго глинянаго дворика, завѣшана кругомъ войлоками и молчитъ какъ могила.

— Паромъ есть? Зови паромъ! кричу я, высовывая носъ изъ-подъ приподнятаго угла тарантаснаго зонта. Длинныя спицы косаго дождя больно и часто бьютъ меня по глазамъ, и я поневолѣ ныряю назадъ, закрываясь спасительною кожей.

Никакого парома однако нѣтъ. Я видѣлъ это ясно. Киргизе-

нокъ уже соскочилъ съ козелъ и, прячась за тарантасъ отъ сѣкущаго его ливня, взвылъ что-то по-киргизски своимъ нелѣпымъ гортаннымъ крикомъ.

Никто не отвѣчалъ ему; только въ черныхъ тучахъ на всѣхъ парусахъ, проносившихся надъ нами, застучалъ, загрохоталъ сердитый громъ, отъ котораго еще жестче стали хлестать и лошадей и тарантасъ косыя жала дождя...

Раза три принимался отчаянно кричать нашъ злополучный, весь измокшій Киргизенокъ, и никакого признака голоса не слышалось ни откуда ему въ отвѣтъ, словно всѣ вымерли въ эту темную, бурную ночь на пустынныхъ берегахъ Яксарта.

Дѣло становилось серьезнымъ, и я начиналъ тревожиться за жену, нервы которой были и безъ того достаточно взволнованы мрачною и безпріютною обстановкой, въ которой мы очутились. Провести такъ цѣлую ночь на берегу рѣки въ мокромъ тарантасѣ, подъ несмолкаемыми залпами грозы, не представляло намъ ничего привлекательнаго.

Я высунулся самъ и тоже сталъ орать въ темноту, сколько было силъ, понадѣясь на то, что, можетъ-быть, православная русская рѣчь окажется убѣдительнѣе для паромщиковъ-Киргизовъ, чѣмъ взыванія ихъ же брата-Азіата.

Но и мнѣ однако никто ни откуда не подавалъ голоса.

Среди неяснаго мерцанья бурно катившихся волнъ вырѣзалась далеко у противоположнаго берега рѣки какая-то громоздкая черная масса, и въ самой черной густотѣ ея мигалъ, легонько шатаясь, красный огонекъ. Правѣе этой черной громады не столько видѣлся, сколько чуялся мнѣ длинный рядъ черныхъ лодокъ, качавшихся правильною цѣпью на такой же туманной свинцовой зыби.

— Паро-о-омъ! Давайте паро-о-омъ! вопилъ я такъ, что меня по всѣмъ разсчетамъ должны были услышать не только на томъ берегу, но и на томъ свѣтѣ.

Войлочный пологъ кибитки наконецъ приподнялся, и изъ нея вышла высокая, молодая Киргизка въ мужскихъ шароварахъ и казакинѣ.

Она подошла къ ямщиченку, поболтала съ нимъ что-то посвоему и спокойно, будто дѣло сдѣлала, ушла назадъ въ свою кибитку.

— Что̀ она тебѣ сказала? Есть здѣсь паромъ? нетерпѣливо спрашивалъ я.

Но Киргизенокъ мой и при полномъ умѣ и памяти двухъ словъ не могъ связать по-русски, а ужь теперь совсѣмъ сталъ дуракъ дуракомъ. Онъ пялилъ на меня глаза, ничего не отвѣчая, и только отрицательно махалъ головой.

— Вотъ съ этимъ много узнаешь и все, что нужно, добудешь! сказалъ я самъ себѣ съ внутреннимъ смѣхомъ. — Если придется заночевать здѣсь на берегу, по крайней мѣрѣ весело съ нимъ будетъ...

И опять:

— Паро-о омъ! Давайте паро-о-омъ! По казенной надобности ѣду!..

Всему бываетъ конецъ; пришелъ, наконецъ, конецъ и нашему испытанію. Дождь пересталъ, тучи и громы унеслись дальше, хотя небо еще не расчищалось. Чей-то слабый голосъ отозвался далеко на томъ берегу.

„Ну! значитъ, ѣдутъ...“ подумалъ я.

Но гдѣ же они ѣдутъ однако? Ждемъ и смотримъ, а ничего не видимъ. Все кажется, что черная масса темнѣетъ на прежнемъ мѣстѣ, что свинцовыя волны катятся себѣ какъ катились, не нарушаемыя ничѣмъ и никѣмъ.

Но нѣтъ!.. Слава Богу... Красный огонекъ разгорается все ярче и шире какъ глазъ приближающагося циклопа; да и черная масса становится какъ будто яснѣе и больше и осязательнѣе...

Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія: что-то грузное и черное надвигается на насъ ровно и медленно, и мы уже слышимъ плескъ волнъ, разбивающихся о его бока... Вся линія лодокъ, виднѣвшаяся мнѣ, непонятнымъ образомъ тоже двигается вмѣстѣ съ этою черною махиной, не нарушая разстояній между собою.

Стой!.. Тяжелый паромъ легонько ударился о пристань, заскрипѣвъ во всѣхъ своихъ суставахъ, и тарантасъ нашъ уже съ громомъ въѣзжаетъ къ нему по деревянной настилкѣ пристани.

— По казенной или по частной подорожной ваше благородіе? вдругъ раздается среди темноты знакомый рассейскій голосъ.

— По частной! отвѣчаю я, умиленный духомъ, что услышалъ наконецъ среди этой нѣмой азіатчины родную рѣчь...

— Пожалуйте тридцать копѣечекъ... У насъ такція...

Я отдаю „такцію“ и преисполняюсь сладкою вѣрою, что теперь мы навѣрное переправимся благополучно черезъ опасную рѣку,—разъ около насъ земляки, да еще солдатики...

— Хозяинъ на откупу паромъ держитъ, вотъ и собираетъ съ

проѣзжихъ, какіе по своей надобности... А по казенной, того такъ перевозимъ... Кондракъ у насъ, объяснялъ мнѣ между тѣмъ словоохотливый солдатикъ...

Меня однако гораздо болѣе заинтересовалъ не „кондракъ“ его, а его оригинальный паромъ, который мнѣ приходилось встрѣтить въ первый разъ. Паромъ этотъ очень остроуменъ и простъ. Онъ переправляется самимъ теченіемъ рѣки безо всякихъ веревокъ и безъ всякихъ усилій человѣка. Одинъ конецъ длинной желѣзной цѣпи прикрѣпленъ къ якорю на противоположномъ берегу Сыръ-Дарьи, гораздо выше мѣста переправы; къ другому концу этой цѣпи привязанъ паромъ. Чтобы цѣпь не тонула и не обвисла, ее поддерживаетъ цѣлый рядъ лодокъ, разставленныхъ на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга, начиная отъ парома и до берега, гдѣ укрѣпленъ якорь. Стòитъ только держать на воду руль парома, — и его понесетъ черезъ рѣку въ ту или другую сторону само теченіе рѣки; цѣпь, къ которой онъ привязанъ, не даетъ ему возможности уйти внизъ по теченію, и онъ волей-неволей переплываетъ поперекъ рѣки. Несетъ такъ плавно и неслышно, что не замѣчаешь движенія; все кажется, что паромъ еще стоитъ на мѣстѣ, особенно ночью, когда не видно береговъ.

Одна только бѣда: въ очень бурную погоду при противномъ вѣтрѣ паромъ идти не можетъ; оттого-то его и не подавали намъ такъ долго, несмотря на наши отчаянныя воззванія.

— Да какъ же было подавать, ваше благородіе! оправдывался передо мною солдатикъ-паромщикъ. Раньше вашего мы только-что полковника казацкаго перевозили... Ну тѣ, извѣстно, люди военные... тѣмъ ждать не полагается. Вези да вези!.. какъ ты его не послушаешься? Все жь полковникъ, ни кто-нибудь... Поѣхать поѣхали, да на середкѣ рѣки и остановились, ни взадъ, ни впередъ... Рѣка внизъ гонитъ, а вѣтеръ вверхъ... Вотъ ты и думай тутъ... стоимъ какъ ракъ на мели, да того и глядимъ, что вотъ-вотъ сорветъ насъ съ цѣпи... Полчаса битыхъ посередъ воды простояли... Ужь не знаю, какъ и причалили...

— Ты что жь, служба, изъ Чиназа? спросилъ я. Тутъ русскаго народа много?

— Есть-таки; да теперь мало. Прежде городъ былъ уѣздный, господа всякіе жили, начальники; а теперь его разжаловали... заштатный... Домà было ужь кто построилъ, заведенія разныя... Теперь побросали...

— А простой же народъ живетъ?

— Живетъ и простой народъ, да малость. Дворовъ пятнадцать есть, да путныхъ мало. Мужики не мужики, мѣщане—не мѣщане, и не разберешь какіе! Усадьбы имъ въ городѣ дадены, а надѣлъ полевой на той сторонѣ, за рѣкой, верстахъ въ пятнадцати; да ужь и поля! Солонецъ на солонцѣ. Съ чего имъ и жить справно, на чемъ хозяйничать? Сарты — тѣ куды жь богаче живутъ, у тѣхъ сады, удобье самое, все подъ рукой, около двора своего. А наши Русскіе словно Бога прогнѣвали...

— Уральцы тутъ тоже есть?

— Да, человѣкъ семьдесятъ по берегу тутъ поприсосѣдились. Тѣ больше вѣдь самовольцы, никто ихъ тутъ не селилъ. Извѣстно, казакъ, народъ добычливый, нигдѣ не пропадетъ. Поставили себѣ хатенки вдоль по рѣчкѣ, кто гдѣ угнѣздился, рыбой занимаются. Рыба тутъ на что̀ лучше, хоть бы на Волгѣ у насъ. А Уральцы — первые рыболовы. Супротивъ нихъ на эти дѣла другаго не сыщется. И снасть у нихъ всякая прилажена какая слѣдоваетъ. Потому они къ этому дѣлу измальства привычны. А все-таки больше Сарты да Киргизы рыбой здѣсь торгуютъ, на откупъ ее берутъ. Вѣдь вотъ и въ Ташкентѣ вся рыба красная отсюда идетъ, осетръ и стерлядь. Только вотъ икры да балыка Азіаты не умѣютъ готовить, не ухитрились. Вы вѣдь, небось, въ Ташкентъ ѣдете?

— Въ Ташкентъ...

— Ну такъ я и зналъ. И дичь всякую отсюда въ Ташкентъ везутъ, потому тутъ ея конца-краю нѣту!.. Плавни жь тутъ самые по рѣкѣ, гущары, всякому звѣрю и птицѣ самый водъ... что̀ тутъ кабановъ, что̀ фазановъ, въ десять лѣтъ не перебьешь... Даже и такъ сказать, что тигра дикая водится... Не изволили никогда видѣть? Ужь и звѣрина!.. Годовалаго быка въ зубахъ уноситъ... Господа наши полковые зачастую сюда на охоту ѣздятъ...

— Уральцы-то здѣсь откуда жь взялись?

— Уральцы? да съ Петро-Александровска—вотъ откуда. Ихъ за бунтъ въ Петро-Александровскъ было сослали, ну, а потомъ прощеніе вышло — кто похочетъ, возвращайся себѣ домой, вотъ они и расползлись какъ тараканы — какіе по Аму-Дарьѣ сѣли, какіе по Сыръ-Дарьѣ, потому имъ здѣсь слободно...

— По Сыръ-Дарьѣ тоже, небось, пароходы ходятъ, какъ и на Аму-Дарьѣ? спросилъ я.

— Ходили прежде, точно, пять пароходовъ казенныхъ ходило, военныхъ—пребольшущіе! флотилія называлась. А теперь—шабашъ! Больше не приказано. Такъ они теперь и лежатъ въ Казалинскѣ, пароходы эти, разобрали ихъ да и свалили въ кучу. И купеческіе-то же походили немножко; ну да тѣ маленькіе, не то, что военные. Одначе жъ бросили скоро, не пришлось, видно, ихъ дѣло...

Пока мы бесѣдовали въ темнотѣ съ разговорчивымъ землякомъ, паромъ незамѣтно причалилъ къ правому берегу. Переѣздъ дѣлается не больше какъ въ десять минутъ и въ удивительномъ спокойствіи, безъ толчковъ, безъ криковъ, столь обычныхъ на нашихъ паромахъ...

На томъ берегу Сыръ-Дарьи очень скоро начинаются кишлаки, окружающіе старинный бухарскій городъ Чиназъ. Мы ѣхали версты три среди дуваловъ и садовъ въ глубокой темнотѣ на совсѣмъ выбившихся изъ силъ лошадяхъ по лужамъ грязи. Нетерпѣливо хотѣлось добраться до ночлега послѣ утомительной непрерывной ѣзды съ ранняго утра по пескамъ, колевинамъ и липкой грязи. Но этимъ чернымъ силуэтамъ тополей и плоскокрышихъ домовъ, казалось, конца никогда не будетъ, и никогда мы не выберемся изъ этого лабиринта черныхъ переулковъ. Огней уже не было нигдѣ видно, народа на улицѣ никого; только однѣ лягушки, обрадовавшись дождю, оглушительно квакали въ пребрежныхъ заливахъ и плесахъ Сыръ-Дарьи, привѣтствуя наше прибытіе, да изъ какой-то одинокой кузницы, потонувшей въ черномъ хаосѣ ночи, раздавались мѣрные удары молота и сыпались въ ночную темноту огненными вѣниками раскаленныя искры...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Е. Марковъ.

О ТРЕХЪ ПРИНЦИПАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(Окончаніе.)

III.

Третій принципъ, на который можетъ опереться дѣятельность человѣка, мы назвали *политическимъ*,—но это лишь слѣдуя общепринятому и явно узкому смыслу. И въ самомъ дѣлѣ, государство, Πόλις, есть, правда, самая ясная, повседневно мечущаяся въ глаза область, гдѣ проявляется этотъ принципъ; пожалуй, оно есть главная его сфера; но и всякая другая дѣятельность, какъ индивидуальная, такъ и коллективная, можетъ, согласуясь или противорѣча двумъ только что разобраннымъ принципамъ, опереться на этотъ третій принципъ ее *оправдывающей цѣли*. Такимъ образомъ скорѣе государство можетъ считаться его частнымъ проявленіемъ, нежели онъ — его выраженіемъ или продуктомъ; оно есть частное, особое проявленіе цѣлесообразной дѣятельности человѣка, вовсе не исчерпываемой имъ только.

Цѣль, чего бы она ни касалась, есть нѣчто совершенно идеальное,—есть продуктъ мысли человѣка и его воображенія, которыя, въ жаждѣ насытить себя, къ воображаемому или мыслимому влекутъ дѣйствительное. Надъ сферой этой дѣйствительности, съ ней взаимодѣйствуя, но отъ нея отдѣляясь, бродитъ иная сфера то смутныхъ, то ясныхъ признаковъ, которую человѣкъ особенно любитъ, вѣчно живетъ въ ней своимъ сердцемъ и умомъ, и настолько любитъ самую дѣйствительность, насколько она обѣщаетъ ему свести на землю что-нибудь изъ тѣхъ призраковъ. Ради этого сведенія, то жаждая его, то не хотя, возставали другъ на друга народы, взаимно боролись эпохи, соеди-

нялись и разъединялись люди въ сильныя массы. Никогда не жалѣлъ человѣкъ умереть ради котораго-нибудь изъ этихъ призраковъ, хотя ни для какой дѣйствительности онъ не хотѣлъ умирать; никогда онъ не могъ жить только для дѣйствительности, безъ всякой мысли, или надежды, или любви къ этимъ призракамъ; „царство идеаловъ",—такъ называлъ онъ всегда ихъ,— „міръ будущаго", для котораго минуетъ, проходитъ все то, что̀ теперь, что есть, чѣмъ обладаетъ человѣкъ, а что̀ онъ безъ сожалѣнія оставляетъ, манимый этими идеалами, этимъ будущимъ.

Возможно ли, чтобъ этотъ міръ человѣческихъ идеаловъ не былъ управляемъ какими-нибудь законами, которые, однако, мы знаемъ, управляютъ лишь дѣйствительностью? Есть ли въ нихъ совершенный произволъ для человѣка, или, на ряду съ нѣкоторою долей для него свободы, есть и какая-нибудь необходимость, которой онъ невольно подчиняется, хотя, быть-можетъ, ее и не сознаетъ, не чувствуетъ?

Если еще можетъ быть вопросъ о томъ, принудителенъ ли для человѣка выборъ тѣхъ или иныхъ идеаловъ,—то, несомнѣнно, разъ онъ остановился на которомъ-нибудь изъ нихъ, для него нѣтъ болѣе свободы въ формахъ осуществленія выбраннаго. Въ каждомъ идеалѣ заключены нѣкоторыя нормы, вовсе не зависящія отъ субъективнаго взгляда на него человѣка, но присущія самой природѣ его, отъ нея неотдѣлимыя, какъ вторичныя опредѣленія предмета неотдѣлимы отъ его первичнаго понятія. Такъ, человѣкъ можетъ быть религіозенъ или не религіозенъ; но, разъ онъ сталъ первымъ, онъ не можетъ не искать религіи истинной, найдя ее — не стремиться привести къ ней всякаго, и во всѣхъ же — не стремиться пробудить живѣйшей горячности ея исповѣданія и примѣненія. Стремленіе стать *универсальною*, быть *живою*, быть только *истинною*, безъ всякой примѣси лжи, заключено какъ норма въ самомъ существѣ религіи, и эти нормы принудительно ложатся на дѣятельность человѣка, не оставляя ему свободы уклоненія, разъ онъ почувствовалъ въ себѣ ея потребность. Отъ этого въ исторіи мы видимъ, что отдѣльныя эпохи бываютъ, правда, или безрелигіозны или религіозны. Но въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность людей всегда выливается въ однѣ и тѣ же формы, — очевидно, внѣ всякой зависимости, отъ воли человѣка и также отъ условій мѣста и времени: въ Іудеѣ, въ Византіи, въ новой Европѣ и древней Индіи, среди арійскаго или семитическаго племени, это была все та же борьба

сектъ, ищущихъ очиститься отъ всякаго заблужденія,— все тѣ же наступательныя войны, все тѣ же призывы: пробудиться, и ярче, ярче, глубже и глубже почувствовать абсолютность того, что̀ почувствовано какъ абсолютное нѣкоторыми. Если мы подумаемъ, что такова сущность и всякаго идеала, мы глубоко ошибемся: взявъ идеалъ красоты или справедливости, мы тотчасъ увидимъ, что у людей вовсе нѣтъ потребности ихъ насильственнаго распространенія, приведенія всѣхъ—къ признанію одного только ихъ выраженія; и, наконецъ, ошибка въ этомъ выраженіи, или слабость въ признаніи, никогда не ощущалась какъ боль, какъ страданіе другими, никогда не считалась ими за преступленіе, чѣмъ всегда считалась ошибка въ выраженіи, или слабость въ признаніи религіи.

Итакъ, есть особыя нормы въ каждомъ идеалѣ порознь, и мы можемъ установить ихъ для всѣхъ важнѣйшихъ: въ противоположность только-что указанному дѣятельному идеалу, идеалы истины и красоты существеннымъ образомъ *пассивны*. Уразумѣвая смыслъ чего-нибудь или создавая прекрасное произведеніе, я испытываю чувство живой радости; но у меня вовсе нѣтъ желанія, чтобъ это чувство испытали и другіе, чтобы кто-нибудь другой, подобно мнѣ, открылъ новую истину или создалъ такое же произведеніе. Такимъ образомъ, эти идеалы не только *субъективны*, но они и *личны*, въ нихъ нѣтъ способности переступить за границы индивидуальной жизни. Всякій другой, открывая истину или создавъ художественное произведеніе, испытываетъ чувство удовлетворенія независимо отъ испытаннаго мною, вполнѣ самостоятельно, не по заимствованію, но ощущая зарожденіе его въ себѣ. Отъ этого, нѣтъ общаго изысканія истины, совмѣстнаго созданія картины или статуи, какъ есть общія молитвы, для которыхъ люди соединяются вмѣстѣ. И отъ пассивной же природы этихъ идеаловъ не было никогда борьбы для нихъ: это — идеалы безкровные, не по добродѣтели людей, къ нимъ стремившихся, но по природѣ самыхъ идеаловъ, ни къ чему не нудящей людей, ни на что̀ ихъ не возбуждающей. И, однако, эти идеалы вовсе не лишены движенія, но только *внутри себя*. Если сущность религіи состоитъ въ томъ, чтобы, оставаясь неподвижною въ своемъ содержаніи, шириться въ сознаніи людей, приводить ихъ къ единству вѣры и ея живости, то красота и истина, оставляя человѣка спокойнымъ, сами стремятся вѣчно расшириться въ приложеніи и содержаніи, — и въ этомъ ихъ

норма. Уразумѣть только самому, но *все* неразгаданное еще, непостигнутое,—воплотить или созерцать красоту, но *всякую* и *во всемъ*, къ этому всегда усиливался человѣкъ и будетъ усиливаться, также не по капризу своему, не по произволу, но повинуясь природѣ этихъ своихъ особыхъ идеаловъ. Религія, конечно, также усложняется въ исторіи, но какъ бы невольно и по ошибочности человѣка, сама же она всегда и только стремится быть вѣрною прошлому, ни въ чемъ не измѣнить первоначальнаго содержанія; напротивъ, отойти отъ прошлаго, прибавить къ прежнему составу новую и новую черту—это всегда было сущностью науки, какъ равно и искусства.

Въ противоположность религіи, вѣчно движущей человѣка, и наукѣ и искусству, вызывающимъ его къ созерцанію, справедливость слѣдуетъ только за его трудомъ и, сообразно ему, проводитъ грани между людьми, ихъ группами и народами. Создать іерархію отношеній, дѣятельностей, положеній, всегда на основаніи уже совершеннаго труда, всегда въ основу новаго труда, который долженъ быть совершенъ въ исторіи – усиліе къ этому есть столь же вѣчный законъ для справедливости, какъ только-что указанныя нормы для религіи, истины, красоты. Быть только точною въ возведеніи этой іерархіи, всегда и вѣрно отвѣчать всякому оттѣнку въ количествѣ, въ достоинствѣ и смыслѣ совершеннаго труда — это есть единственное свойство, которымъ обладаетъ справедливость. Ни къ чему не возбуждая человѣка, ничего не давая для его созерцанія, она лишь открываетъ ему сферу возможнаго,—грани свободной дѣятельности, въ которыхъ подъ другими побужденіями онъ могъ бы двигаться.

Такимъ образомъ, какой бы идеалъ изъ возможныхъ для человѣка мы ни избрали, мы видимъ, что съ выборомъ его человѣку не остается свободы въ способахъ его осуществленія: по собственнымъ своимъ законамъ этотъ идеалъ будетъ осуществляться въ строго-опредѣленныхъ формахъ, подчиняя себѣ дѣятельность человѣка, но вовсе не подчиняясь ей. Религіозный народъ всегда былъ религіозенъ въ однихъ формахъ; онъ такъ же будетъ подниматься на другіе мирные народы, чтобы привести ихъ къ единству вѣры, какъ другой народъ, преданный болѣе размышленію, очень мало думая объ остальныхъ людяхъ, будетъ лишь углублять и углублять свое созерцаніе; какъ третій, точнѣе и ярче ощущая справедливость, будетъ строже и строже выводить отношенія гражданскаго быта, и т. д.

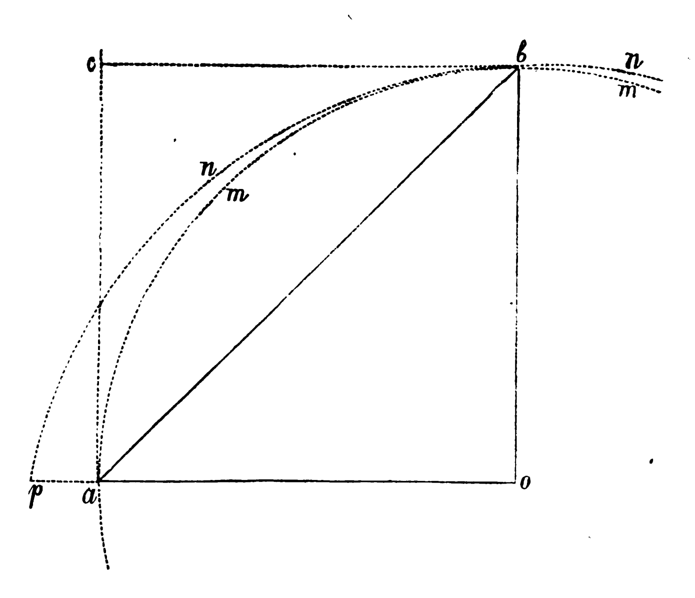
IV.

Но и, далѣе, въ самыхъ идеалахъ, предстоящихъ къ выбору человѣка, мы можемъ признать неопредѣленность лишь въ томъ случаѣ, если признаемъ его *неопредѣленно-потенціальнымъ* въ своей природѣ существомъ; и тотчасъ отвергнемъ это, разъ станетъ для насъ убѣдительно, что потенціальность его природы *опредѣлена*, ограничена. Но здѣсь мы должны сказать о томъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ этими терминами.

Потенціей мы называемъ *всякое реальное существо по отношенію къ нѣкоторому третьему, которымъ оно можетъ стать, соединившись со вторымъ;* причемъ это второе дополняющее существо по отношенію къ тому же третьему будетъ также его потенціей. Всюду, поэтому, гдѣ мы имѣемъ появленіе чего-либо новаго, или исчезновеніе прежняго, гдѣ что-нибудь происходитъ, совершается, мы имѣемъ передъ собою *потенціальный процессъ*; и насколько природа живетъ, движется, или въ ней что-либо трансформируется, она есть проявленіе только этого одного процесса.

Если мы спросимъ, на чемъ именно основана возможность для одного чего-нибудь стать другимъ, то должны будемъ замѣтить, что она вытекаетъ изъ совмѣщенія въ каждомъ данномъ реальномъ существѣ, которое, повидимому *одно* и строго *ограничено многихъ* иныхъ существъ, имѣющихъ въ немъ для себя физическій центръ, около котораго неосязаемо расположены ихъ логическія дополненія „Ἓν καὶ Πολλά“—это не опредѣленіе Космоса, это выраженіе сущности каждаго отдѣльнаго существа, всегда „единаго“ и въ то же время „многаго“. Данный треугольникъ, который я вижу и осязаю, есть въ то же время половина квадрата, еще не исчезнувшаго или, наоборотъ, не возросшаго до своей цѣлости: и, въ то же время, онъ есть отрѣзокъ круга, около котораго, не осязая, я однако вижу недостающія части, съ которыми онъ составляетъ полный кругъ: вижу центръ этого послѣдняго, лежащій въ вершинѣ одного угла *(o)*, вижу два его радіуса, идущіе изъ этого центра *(ob, oa)* и соединяющую концы ихъ хорду *(ab)*, что̀ вмѣстѣ и образуетъ лежащій предо мною треугольникъ. И ясно, что сколько есть фигуръ, въ комбинацію съ

которыми можетъ войти этотъ послѣдній (треугольникъ), всѣ эти фигуры уже физически *начаты* въ немъ (въ предлагаемомъ чертежѣ—квадратъ, кругъ *m*, эллипсисъ *n*, но не докончены, а этимъ окончаніемъ служатъ *логическія дополненія* его до нихъ,

которыхъ въ одно и то же время и *нѣтъ*—они физически никакъ не выражены, и они *есть*, присутствуютъ, потому-что лишь строго имъ отвѣчая происходитъ соединеніе данной фигуры съ другими, чрезъ что она трансформируется. Эти дополненія, существованія которыхъ мы не можемъ отвергнуть, и въ то же время никакъ не можемъ ощутить ихъ, въ дѣйствительности образуютъ около каждаго реальнаго существа какъ бы рядъ *полу-тѣней*; они дѣлаютъ его существованіе неизмѣримо болѣе содержательнымъ и полнымъ, чѣмъ какъ оно намъ представляется и составляютъ дѣйствительную причину всякихъ его преобразованій: треугольникъ потому *преобразуемъ* въ квадратъ, что въ немъ уже наполовину *образованъ* квадратъ; и еслибы этого *пред*образованія не было, не было бы возможно самое *пре*образованіе. Мы взяли для ясности примѣръ самый элементарный; но то, что столь очевидно въ этомъ элементарномъ примѣрѣ геометрическихъ фигуръ, лишь нѣсколько затѣнено сложностью въ другихъ существахъ природы, но въ дѣйствительности есть и въ нихъ, и служитъ въ нихъ также источникомъ всякаго видоизмѣненія.

Потенція и есть каждое реальное существо подъ угломъ этого воззрѣнія на него, какъ на физическій центръ множества иныхъ существъ, логически начатыхъ въ немъ, но еще физически не дополненныхъ. Всегда ли и во всякомъ ли существѣ, однако, начато неопредѣленное множество этихъ неоконченныхъ существъ?

Въ природѣ все могло бы перейти во все, ея измѣнчивость была бы неопредѣленно безгранична, она была бы только зыбка, безъ всякой прочности, еслибы каждое единичное существо въ ней имѣло около себя неопредѣленное множество этихъ возможныхъ дополненій; напротивъ, не обладая ни однимъ дополненіемъ, существо обречено было бы на вѣчную неподвижность, неизмѣняемость. Итакъ, между совершеннымъ отсутствіемъ и присутствіемъ безгранично многаго, *къ началу логической возможности чрезъ рядъ чиселъ между нулемъ и безконечностью приходитъ начало ограниченія:* ничто въ природѣ не можетъ стать безразлично всѣмъ, но только *нѣкоторымъ*, и въ этомъ нѣкоторомъ лежитъ ея опредѣленіе, начало закономѣрности въ ней.

Одно, *нѣсколько*, *множество*—таковы три модуса, подъ которыми мы можемъ представить себѣ весь безграничный рядъ чиселъ. Сообразно этимъ тремъ модусамъ и логически возможное, *физически начатое* въ отдѣльныхъ реальныхъ существахъ *бываетъ или одно что-либо*, отличное отъ даннаго существа, въ которомъ оно начато; или этихъ *зачатковъ есть нѣсколько*, но всегда немного; или, наконецъ, ихъ *неопредѣленно много* (но никогда—безгранично много). Сообразно каждому изъ этихъ трехъ случаевъ, видоизмѣняется самый *потенціальный процессъ,* какъ способъ перехода даннаго реальнаго существа въ какое-нибудь другое.

Когда зачатковъ въ немъ неопредѣленно много, этотъ процессъ становится *механически-причиннымъ*: всѣ зачатки, въ равенствѣ для себя условій осуществленія, находятся въ равновѣсіи, и необходимъ внѣшній толчекъ, наружное побужденіе, чтобы который-нибудь изъ нихъ, въ направленіи котораго данъ толчекъ, получивъ перевѣсъ надъ остальными, осуществился одинъ, когда всѣ другія остаются только возможными. Косность механической природы, ея безразличіе къ тому, чѣмъ стать, ея внѣшность какъ отсутствіе какихъ-либо внутреннихъ стремленій—все это вытекаетъ изъ указанной уравновѣшенности въ ней задатковъ, въ свою очередь основанной на ихъ множествѣ. Сфера неопредѣленной потенціальности—таково истинное опредѣленіе маханизма;

область логически возможнаго и физически начатаго, но безъ какихъ-либо предопредѣленій для окончанія начатаго, безъ всякой планомѣрности въ будущемъ, потому-что безъ какого-либо къ нему стремленія—таковы ея свойства.

Совершенно иное мы наблюдаемъ во всякомъ существѣ, которое есть только къ *одному* чему-нибудь зачатокъ. Этимъ *однимъ* опредѣленъ для него процессъ возможнаго измѣненія: послѣднее не можетъ стать всякимъ, потому-что тогда, въ зависимости отъ различій въ измѣненіи, становилось бы тѣмъ или другимъ и существо, въ которое оно переходило бы, что противорѣчитъ возможности для него перейти только въ одно что-нибудь; и, будучи совершенно опредѣленъ, этотъ процессъ до нѣкоторой степени самопроизволенъ: въ реальномъ существѣ, несущемъ въ себѣ лишь одинъ зачатокъ, нѣтъ уравновѣшенности существованія; оно стремится измѣниться въ направленіи къ осуществленію лежащаго въ немъ зачатка, въ этомъ именно направленіи бытіе его чрезвычайно полно, оно здѣсь беременѣетъ будущимъ, которымъ не беременѣетъ вовсе съ другихъ сторонъ. Зачатокъ есть въ немъ какъ бы внутренняя цѣль, которая становится, наконецъ, выраженною, осуществленною, когда оно, видоизмѣнившись опредѣленнымъ образомъ, становится единственнымъ другимъ, чѣмъ ранѣе могло стать: таково дерево по отношенію къ сѣмени, въ которомъ оно было заключено какъ его внутренняя цѣль. Сѣмя было живо ранѣе, чѣмъ начало проростать; оно вѣчно усиливалось прорости, и только недостатокъ влаги, теплоты, пищи, *внѣшнихъ дополняющихъ* условій, *другой потенціи*, мѣшало этому до времени. Итакъ, начало грани, совершенной предопредѣленности будущаго уже въ прошедшемъ, есть отличительная черта этой второй области природы, глубоко отличной отъ предыдущей. Эта именно предопредѣленность будущаго, сказываясь какъ влеченіе къ нему, какъ внутреннее самопроизвольное стремленіе, есть жизнь. Итакъ, область жизни—есть только область опредѣленной потенціальности. Взамѣнъ причиннаго процесса, который господствуетъ въ мертвой природѣ, живой природѣ присущъ *процессъ цѣлесообразный:* мы называемъ его этимъ именемъ какъ *переходъ отъ опредѣленнаго* (данное реальное существо, сѣмя) *къ опредѣленному* (другое единственно возможное существо, которымъ оно становится—дерево) *при участіи внутренняго стремленія и въ направленіи, которое уже заранѣе опредѣлено было природой въ немъ лежавшаго зачатка.*

Процессъ цѣлесообразный всегда есть процессъ *раскрывающійся*, и въ этомъ его внѣшнее отличіе отъ всякаго ряда механическаго перемѣнъ: въ немъ въ каждой послѣдующей фазѣ все яснѣе и яснѣе выступаетъ то, что̀ чрезъ него формируется; внутренняя цѣль все болѣе высвобождается, становится наружу. Реальность, полнота бытія, осуществленное все возрастаетъ; недостатокъ, недоконченность, смутность возникающаго образа—все малится, пока не исчезнетъ. Съ этимъ исчезновеніемъ, когда, остановившись предъ вещью, мы говоримъ: „вотъ она“, безъ мысли о чемъ-либо недостающемъ, безъ ожиданій,—движеніе ея прекращается или оно становится обратнымъ. Въ отличіе отъ механизма, гдѣ рядъ перемѣнъ можетъ быть безконеченъ, во всемъ живомъ онъ имѣетъ конецъ, дальше котораго не можетъ продолжаться—по отсутствію для него потенціи, какъ предустановленной возможности: дерево не растетъ, животное перестаетъ развиваться, когда они стали полною реальностью, когда сѣть предустановленныхъ возможностей, отъ начала лежавшихъ въ сѣмени, наполнилась бытіемъ, и больше имъ наполниться нечему. Дряхлость и смерть, слѣдующія за этою полнотой бытія, есть, такимъ образомъ, естественное заключеніе жизни. Здѣсь, при сохраненіи внѣшнихъ чертъ, наружнаго образа, внутреннія, поддерживающія его силы, начинаютъ малиться,—какъ ранѣе онѣ возрастали; бытіе, въ которомъ былъ прежде избытокъ, и оно гнало формы вверхъ и раздвигало ихъ, теперь становится все болѣе и болѣе недостаточнымъ,—пока самъ образъ не рухнетъ, черты его не разобьются, ничѣмъ болѣе не поддерживаемыя или не поддерживаемыя достаточно.

V.

Мы остановились нѣсколько подробно на явленіи потенціальности, потому что безъ пониманія его невозможно пониманіе природы, а человѣкъ есть одно изъ существъ ея, хотя и съ глубокими особенностями, но не выходящее изъ ихъ ряда. Его исторія, и въ ней его смутныя или ясныя влеченія, усилія—это такія же явленія природы, какъ прорастаніе, развитіе, плодоношеніе дерева, съ броженіемъ въ немъ силъ, этихъ растительныхъ, слѣпыхъ, но тѣмъ не менѣе живыхъ началъ.

Неопредѣленная потенціальность сказывается какъ уравновѣ-

шенность зачатковъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою чистую возможность безъ присоединенія къ ней какого-либо внутренняго стремленія; напротивъ, въ опредѣленной потенціальности есть это стремленіе, всегда и только къ одному. Міръ человѣческій, область исторіи представляетъ собой эти же стремленія; однако, въ немъ нѣтъ совершенной необходимости, которая обусловливается для всякаго существа возможностію перейти только въ одно что-нибудь; къ необходимости здѣсь присоединяется и нѣкоторая доля свободы, *избранія* того, *чѣмъ* стать. Растеніе, это данное, ни въ чемъ не отступаетъ и не можетъ отступить отъ пути развитія, который уже предустановленъ былъ въ сѣмени, изъ котораго оно вышло, ни также въ формахъ своихъ, въ своемъ внутреннемъ строеніи или внѣшнемъ видѣ; напротивъ, человѣкъ въ своемъ развитіи до нѣкоторой степени, хотя бы въ очень тѣсныхъ границахъ, формируетъ себя: той совершенной подневольности законамъ своего роста, какую мы видимъ въ развитіи растенія, въ его развитіи нѣтъ. Откуда вытекаетъ эта доля свободы?

Изъ *полуопредѣленной потенціальности* его природы: ни неопредѣленно-многаго, ни одного чего-нибудь, какъ зачатка, въ немъ нѣтъ; третій модусъ, подъ которымъ мы можемъ еще мыслить число, *нѣкоторое*, *нѣсколько*—соединенъ съ тою возможностію, которая лежитъ въ немъ какъ зачатокъ его жизни, его исторіи. Отсюда грань, которая положена на эту исторію, конечно, есть, но она не такъ тѣсна, какъ та грань, которую мы всюду наблюдаемъ въ органической природѣ: ихъ нѣсколько, подобныхъ граней, и потому онѣ не такъ тѣснятъ человѣка, но открываютъ для него свободу выбора и, слѣдовательно, сознанія. Онъ влечется, но не къ одному, и въ этомъ именно онъ человѣкъ,—не комъ глины, который ни къ чему не влечется, ни растеніе, которое умѣетъ влечься лишь къ одному, ни, наконецъ, животное, которое избираетъ лишь въ дѣятельности, тогда какъ онъ избираетъ въ самомъ развитіи.

Мы опредѣлили выше потенцію какъ отсутствіе полной реальности, равно какъ и отрицаніе совершеннаго ничто, небытія. Это именно полутѣнь, но такая, которой ранѣе или позже, случайно или по необходимости, предстоитъ выдти на свѣтъ яркаго бытія, куда не выйдетъ ничто, что̀ не имѣло бы для себя ранѣе этой полутѣни. То, что̀ выводитъ сюда ее, что̀ сообщаетъ яркость и полноту бытія каждой изъ подобныхъ полутѣней, мы на-

звали второю потенціей по отношенію къ возникающему реальному существу. Каково взаимное отношеніе ихъ между собой?

Въ каждой потенціи, какъ въ зачаткѣ, *выражено*, *есть* именно то, чего *недостаетъ* въ другой; напротивъ, что *есть* въ той, въ ней *отсутствуетъ*. Въ землѣ, въ стихіяхъ, которыми живетъ растеніе, нѣтъ ни законовъ его роста, ни его силъ; напротивъ, сѣмя, которое содержитъ эти силы и законы, лишено инертныхъ космическихъ веществъ, влаги, свѣта, и почти всего питающаго, что̀ лежитъ въ окружающей его природѣ. Это есть то же явленіе, хотя съ иными модификаціями, какое мы наблюдаемъ при встрѣчѣ одной геометрической фигуры съ другою при образованіи новой третьей: каждая изъ нихъ представляетъ недоконченныя части другой, и именно потому онѣ соединимы и способны образовать чрезъ это непохожее на нихъ цѣлое. *Часть*, на что̀ разлагается, какъ на свой элементъ, всякое *цѣлое*, есть именно реальное существо съ опредѣленнымъ недостаткомъ, съ сопровождающею его полутѣнью, но которой гдѣ-нибудь, когда-нибудь есть или явится точно соотвѣтствующее другое реальное существо. По этому во всякой части содержится уже цѣлое, хотя бы далекое въ будущемъ; но содержится какъ намекъ, какъ указаніе, какъ ясный недостатокъ до чего-то иного.

Въ потенціальности неопредѣленной эти части взаимно не чувствуютъ другъ друга, инертны; онѣ лишь *указываютъ*, какъ въ треугольникѣ направленіе линій указываетъ на второй треугольникъ, котораго ему недостаетъ до полнаго квадрата. Напротивъ, въ опредѣленной потенціальности, сверхъ этого указанія на недостающее, есть и *стремленіе* къ нему, какъ это мы находимъ въ сѣмени по отношенію къ влагѣ, къ свѣту, къ теплу, къ питающей землѣ. Жизнь есть стремленіе частей къ возсозданію цѣлаго, есть ощущеніе ими другъ друга ранѣе, чѣмъ они соединились, есть темное знаніе ихъ другъ о другѣ, изъ котораго, безъ сомнѣнія, родится и всякое ясное знаніе.

Такимъ образомъ стремленіе, усиліе есть, конечно, въ природѣ первое; оно предшествуетъ сознанію, но лишь въ субъектѣ, которому присущи и это данное стремленіе, и это частичное сознаніе; ранѣе и перваго, и втораго существуетъ общая ихъ возможность,—въ идеѣ цѣлаго, къ которому части стремятся, и, въ этомъ стремленіи, уже его предчувствуютъ, то-есть *повторяютъ* натурой своею то, что̀ первозданно ей предшествовало и теперь ее образуетъ. Въ грубомъ, элементарномъ при-

мѣрѣ геометрическихъ фигуръ мы можемъ уже это наблюдать: и въ самомъ дѣлѣ, если въ каждой изъ двухъ соединяющихся фигуръ, на ряду съ выраженнымъ, *есть и недостающее*, и по этому недостающему мы умозаключаемъ о другой фигурѣ, то ясно, что убравъ одну изъ нихъ, мы какъ бы продолжаемъ ее еще видѣть въ другой, а убравъ эту другую, продолжаемъ ее видѣть въ первой—видѣть въ томъ, что не представляетъ собою никакой реальности; это значитъ, что и по исчезновеніи обѣихъ фигуръ, хотя уже совершенно неощутимо для насъ, остаются ихъ слѣды,—слѣды потому, что мы о нихъ думаемъ *послѣ* того, какъ въ нихъ видѣли, но уже не слѣды, а предобразующія схемы для нашего же наблюдающаго ума, разъ онъ посмотритъ на нихъ съ той другой стороны, когда въ нихъ возникало, а не изъ нихъ исчезало, реальное цѣлое. Эти слѣды, но не оставленные живою дѣйствительностью, а протоптанные для нея, будучи только логическою возможностью для всякаго бытія, и суть истинныя его потенціи, къ которымъ еще не прибавлено ничего реальнаго, съ чѣмъ онѣ образовали бы уже дѣйствительный зачатокъ. Какъ это совершенно ясно, онѣ никогда не возникли, но всегда были и останутся, и суть именно то, что подъ именемъ ἀρχαὶ, στοιχεῖα, εἴδεα, numena человѣкъ пытался уловить и мыслью, и словомъ, къ чему тянулся всегда его разумъ, и также творческое воображеніе: это онѣ, „вѣчныя, матери“ всего живущаго, о которыхъ говоритъ Гёте во второй части своего „Фауста“:

„Коснусь я тайнъ высокихъ и святыхъ:
„Живутъ богини въ сферахъ неземныхъ,
„Безъ времени и мѣста въ нихъ витая.
„О нихъ съ трудомъ я говорю. Пойми:
„То Матери...

Фаустъ.

Что? Матери?

Мефистофель.

„Дрожишь“?

Фаустъ.

Какъ странно! Матери, ты говоришь...

Мефистофель.

„Да, Матери! Онѣ вамъ незнакомы,
„Ихъ называемъ сами нелегко мы...“

Фаустъ.

Гдѣ путь къ нимъ?

Мефистофель.

„Нѣтъ пути къ нимъ. Эти тайны
„Непостижимы и необычайны...
„Рѣшился-ль ты, скажи? Готовъ-ли ты?
„Не встрѣтишь тамъ запоровъ предъ собою,
„Но весь объятъ ты будешь пустотою;
„Ты знаешь-ли значенье пустоты?
...Оставя міръ земной,
„Ты въ міръ видѣній воспари душой
„И зрѣлищемъ невидимымъ упейся...
„Тамъ Матери! Однѣ изъ нихъ стоятъ,
„Другія же блуждаютъ иль сидятъ;
„Царитъ сознанье, созерцанье тутъ,
„Безсмертной мысли безконечный трудъ
„И сонмъ твореній въ образахъ нѣмыхъ;
„Онѣ лишь схемы видятъ, ты-жъ для нихъ
„Незримъ“...

Двѣ черты: совершенная призрачность и вмѣстѣ коренная, производящая роль по отношенію ко всему дѣйствительному отчетливо выражены въ этомъ діалогѣ и хорошо уловлены въ самомъ имени „богинь“. Онѣ—„матери“, онѣ рождаютъ изъ себя все, и съ рожденіемъ даютъ законы рожденному, и опредѣляютъ формы, которыхъ оно достигнетъ.

VI.

Эти достигаемыя формы и суть міръ идеаловъ, томящихъ человѣка. Они отличны отъ того, чѣмъ обладаетъ онъ, что̀ знаетъ и ощущаетъ, и вмѣстѣ—они близки ему, потому-что врождены въ его природу, какъ въ растущее дерево уже вложенъ плодъ, который, однако, оно принесетъ только современемъ. Съ помощью принципа потенціальности границы существующаго безгранично для насъ расширяются, самое существованіе теряетъ свои грубыя формы, и въ будущемъ мы находимъ то, что уже прозрѣвали въ прошедшемъ.

Какъ плодъ, еще не снесенный, но который врожденъ несущему дереву, влечетъ его формы вверхъ, раздвигаетъ и множитъ его ткани, вызываетъ его цвѣтокъ и заставляетъ послѣдній благоухать или пестриться красками, и все это тогда, когда самъ еще не появился, —такъ точно движеніе, наблюдаемое нами въ исторіи, повидимому вызывается внѣшними причинами, въ дѣйствительности-же лишь питается ими, а вызывается міромъ идеаловъ, открытыхъ въ человѣкѣ. Не рождаемые, но только рождающіе, эти вѣчные идеалы и единятъ, и раздѣляютъ людей, вызываютъ всю ихъ поэзію, одушевляютъ ихъ мысль, влекутъ ихъ отъ спокойствія къ подвигамъ, отъ повседневнаго къ героическому. Они цвѣтятъ исторію, еще лишь предчувствуемые человѣкомъ,—и въ нихъ же, когда исполнятся времена и сроки, безъ сомнѣнія человѣчество найдетъ совершенное утоленіе за все, чтò ради ихъ оно, какъ мать въ трудахъ и мукахъ рожденія, приняло и вынесло въ тысячелѣтія своей жизни.

Мы не будемъ исчислять этихъ идеаловъ, по грубости и безплодности подобнаго исчисленія въ примѣненіи къ вещамъ столь трудно уловимымъ, столь духовнымъ, и поэтому ограничимся лишь немногими словами о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ человѣкомъ на пути ихъ осуществленія.

Влеченіе человѣка къ идеаламъ мы указали какъ третій принципъ, которымъ оправдывается его дѣятельность. Будущее, на чтò надѣется человѣкъ, на ряду съ нравственнымъ побужденіемъ и съ пріобрѣтеннымъ правомъ, указывается имъ какъ основаніе для того, чтò онъ совершаетъ теперь. Огромное большинство подобныхъ мотивацій опредѣляется какъ мотивація политическая, и вотъ почему, обобщая это названіе, мы примѣнили его ко всякому виду цѣлесообразной дѣятельности человѣка. Продолжая это обобщеніе, и рядъ затрудненій или ошибокъ, къ которому мы переходимъ, мы назовемъ политическими.

Есть три вида заблужденій, въ которыя можетъ впасть человѣкъ, проявляя цѣлесообразную дѣятельность: *несоотвѣтствіе средствъ цѣлямъ своимъ, обращеніе средствъ въ цѣли, неправильность въ выборѣ самыхъ цѣлей.* Всякій разъ, когда человѣкъ усиливается и не достигаетъ, надѣется радоваться и страдаетъ, когда въ недоумѣніи останавливается передъ неожиданными плодами рукъ своихъ, онъ впалъ неуловимо для себя въ который-нибудь изъ этихъ трехъ видовъ зла.

Несоотвѣтствіе средствъ цѣлямъ своимъ заключается въ от-

сутствіи дѣйствительной причинной связи между актами, которые совершаются человѣкомъ предварительно и, по его предположенію, должны бы осуществить эту цѣль, какъ причины осуществляютъ свое слѣдствіе, потому-что всякій цѣлесообразный процессъ есть таковой лишь въ цѣломъ своемъ, по плану, въ немъ дѣйствующему, по соотношенію же своихъ звеньевъ онъ есть всегда причинный, и цѣль есть только самое позднее и самое важное (для кого-нибудь или чего-нибудь) звено изъ длиннаго ряда предыдущихъ. Множественность слѣдствій, которыя можетъ производить каждая причина въ зависимости отъ того, съ чѣмъ въ комбинацію она вступитъ (множественность, зависящая отъ неопредѣленности ея, какъ потенціи), даетъ возможность исправить всякій видъ подобнаго заблужденія, возвратить на надлежащій путь цѣпь причинъ и дѣйствій, уклонившихся отъ пути этого черезъ употребленіе тамъ или здѣсь несоотвѣтствующаго средства. И вообще этотъ родъ заблужденій, вслѣдствіе указанной гибкости причинъ, было бы нетрудно побѣдить, еслибы онъ не осложнялся другимъ, гораздо болѣе труднымъ для преодолѣнія: *сосуществованіемъ* каждаго почти предвидимаго слѣдствія съ рядомъ другихъ, непредвидѣнныхъ, которыя и появляются, когда цѣль достигнута, хотя они вовсе не ожидались. Мощь королевской власти, къ которой стремится длинный рядъ французскихъ государей и ихъ министровъ, вовсе не включала въ себѣ какого-либо зла для этой власти, и однако, когда весь этотъ циклъ исторіи произошелъ и завершился, для насъ, позднихъ зрителей его, ясно, что въ чрезмѣрности этой мощи заключалась implicite и ея гибель, что одни и тѣ же удары ковали тронъ Людовика XIV и эшафотъ Людовика XVI.

Второй видъ ошибокъ, обращеніе средствъ въ цѣль, особенно присущъ человѣку тогда, когда онъ стремится къ чему-нибудь избранному не индивидуально, а коллективно, не непосредственно, а черезъ учрежденія. Нѣтъ ничего обыденнѣе, напримѣръ, какъ стремясь къ просвѣщенію, къ высотѣ ума и сердца въ каждомъ вотъ этомъ человѣкѣ, начать мало-по-малу удовлетворяться тѣмъ, что просвѣщающихся много, что просвѣщеніе длится долго, что на него много жертвуется, и вообще качественныя начала перевести на количественныя измѣренія; средства все совершенствуются, на нихъ устремлено все вниманіе, и, наконецъ, въ нихъ видится уже достигнутое, уже цѣль именно въ тотъ моментъ, когда послѣдняя совершенно забыта. Мы не

будемъ еще увеличивать примѣры, ихъ легко подыщетъ всякій, со вниманіемъ оглянувшись кругомъ. Объяснимъ лишь, что каждый идеалъ ярокъ бываетъ только въ индивидуальномъ сознаніи, которое и открываетъ его, къ нему приходитъ, и тотчасъ меркнетъ, извращается, не понимается болѣе, какъ только переходитъ изъ него въ общее сознаніе, которымъ онъ владѣетъ на ряду съ множествомъ другихъ предметовъ, заботъ и пр.

Ошибка въ избраніи цѣлей бываетъ одна: смѣшеніе тѣхъ изъ нихъ, которыя вѣчны, которыми человѣкъ всегда, во всякую эпоху и во всякомъ мѣстѣ долженъ бы быть равно озабоченъ, съ тѣми другими цѣлями, которыя вытекаютъ изъ его нуждъ, изъ его временнаго положенія, и хотя, конечно, могутъ и должны быть удовлетворены, но никогда—удовлетворены въ противорѣчіе съ нуждами вѣчными, даже если въ данную минуту и являются, повидимому, настоятельнѣе, чѣмъ послѣднія. Идеалъ религіознаго объединенія, достигаемый черезъ пытки, черезъ преслѣдованія, черезъ гоненія, какъ это было въ Средніе вѣка, черезъ подобныя же преслѣдованія, гоненія упрочаемый идеалъ республиканскаго равенства, какъ это было въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи,—суть болѣе яркіе примѣры этого вида ошибокъ, которыя можно назвать историческими преступленіями.

VII.

Говоря о принципѣ цѣлей, какъ третьемъ оправдывающемъ дѣятельность человѣка, мы не можемъ не сдѣлать нѣсколько замѣчаній о государствѣ какъ формѣ воплощенія общественной жизни, до крайности недостаточной въ новое время. Древній человѣкъ, такъ глубоко отличный отъ новаго, прекрасный, но и не глубокій, могъ находить въ немъ полное и совершенное для себя удовлетвореніе; но и тѣни этого удовлетворенія не можетъ дать государство, въ которомъ все—внѣшность, все—рѣзко очерчено, твердо опредѣлено, человѣку новому, съ его гораздо болѣе сложнымъ міромъ идей и чувствъ, съ гораздо болѣе утонченною духовною организаціей, въ которой самое существенное—именно то, что̀ менѣе всего опредѣлимо, что̀ неясно выражено. Государство—это эмблема отрицанія всего мистическаго; напротивъ, новый человѣкъ сознательно или безсознательно, вольно или невольно, вслѣдствіе почти двухъ-тысячелѣтней христіанской культуры, всегда мистиченъ. Что̀ бы ни говорилъ его языкъ, какъ бы онъ

ни былъ даже кощунственъ, онъ въ самомъ характерѣ своего кощунства, какъ будто сѣтующаго на какія-то неоправданныя ожиданія, какъ будто негодующаго на какую-то супранатуральную Волю, уже не есть древній спокойно-ясный человѣкъ. И спокойно-ясная форма государства, мы говоримъ, его болѣе не удовлетворяетъ; онъ все хочетъ отъ него требовать болѣе, чѣмъ оно можетъ и должно дать; онъ, и обращаясь къ нему, говоря, что лишь въ него вѣруетъ, его признаетъ, въ дѣйствительности думаетъ о другомъ, во что̀ не вѣруетъ, но что̀, онъ смутно чувствуетъ, дало бы ему больше, чѣмъ сколько можетъ дать государство. Всѣ почти коллизіи между государствомъ и личностью, или ихъ собраніемъ—обществомъ, какія разыгрались въ новые вѣка, вытекаютъ именно изъ этого невыясненнаго недоразумѣнія; революцій не было въ Средніе вѣка, когда народы не жили еще юридическимъ строемъ, когда строй ихъ, правда хаотическій, правда безбрежный, однако въ силу этой самой безбрежности нисколько не тѣснилъ личность съ ея новымъ глубокимъ мистическимъ содержаніемъ; напротивъ, онѣ стали постоянны и, прибавимъ, неизбѣжны тотчасъ, какъ только юридическій строй взялъ на себя задачу все оформить, все выразить, все подчинить словеснымъ опредѣленіямъ. Думаютъ, что съ экономическими преобразованіями исчезнетъ ихъ причина; но это иллюзія, потому что самый источникъ ихъ никогда не былъ только въ грубой нуждѣ, въ неудовлетворенной физической потребности. Новому человѣку тѣсно жить въ государствѣ, точнѣе—недостаточно: оно есть слишкомъ грубая оболочка, оскорбляющая гораздо болѣе дорогое въ немъ, нежели чему отвѣчаетъ, что̀ умѣетъ удовлетворить.

Церковь, но какъ всеобъемлющее, всевыражающее созданіе надъ личностью и обществомъ—вотъ единственная форма, которая можетъ соотвѣтствовать этому новому содержанію; государство—лишь какъ пристройка къ Церкви, какъ нѣсколько дополнительныхъ подробностей, отчетливѣе и тверже выражающихъ, но все ея же мысль, ея духъ; жизнь умственная и художественная, какъ продолженіе этого же духа, какъ примѣненіе его къ новымъ предметамъ, но безъ какого-либо противорѣчія съ исходными точками... человѣкъ покорившійся, но тому, чему онъ и долженъ быть покоренъ, стѣсненный, но въ томъ, въ чемъ онъ и долженъ быть стѣсненъ, не похотливый, не кровожадный, не обезумѣвшій отъ горя и несчастія, какъ теперь повсюду—вотъ задача домостроительства его на землѣ. Трудъ мирный, умъ не проклинающій, сердце покор-

ное во всѣхъ скорбяхъ, — молитва прежде всего другаго, и все другое послѣ нея и изъ нея,—таковъ долженъ бы быть человѣкъ, такъ долженъ бы жить онъ, существо таинственное и высшее во всей природѣ, существо священное.

. . . .

Жизнь не есть только мастерская; иначе, зачѣмъ въ ней трудиться? что̀ выходитъ для человѣка изъ всего труда его, кромѣ сытости его усталыхъ членовъ,—но развѣ онъ только сумма ихъ, только двѣ ноги, подпирающія туловище, на которомъ зачѣмъ-то сидитъ голова? Тогда, откинувъ эту малонужную голову, можно было бы на вѣчность успокоить и члены. Но болѣе чѣмъ мастерская, жизнь есть и прекрасно украшенный храмъ; украшенный для чего? украшенный почему?—на это нѣтъ отвѣта. Она есть мастерская, но въ храмѣ, который нужно украсить для великаго въ немъ *таинства*. Въ этомъ таинствѣ — центръ всего; безъ него все непонятно, все ненужно для человѣка и вкругъ его...

Я рожденъ—развѣ это не таинство? я умру — развѣ это не другое таинство? и, проходя между этими двумя великими моментами, изъ непостижимаго источника къ непостижимому же концу, неужели я самъ такъ ясенъ, какъ это иногда кажется уму, и жизнь моя – столь простая сумма дѣлъ, забавъ, ошибокъ и къ нимъ поправокъ, какъ это представляется, пока она течетъ и не дотекла еще до роковаго исхода?..

Что̀ значитъ, въ сущности, на человѣческомъ языкѣ „понятное,“ „*естественное?*“ Не есть-ли это только синонимъ привычнаго, о чемъ мы всѐ и давно знаемъ, и потому перестали удивляться, какъ не удивлялись люди паденію предметовъ внизъ, этому обыденному проявленію всемірнаго тяготѣнія, которое, въ моментъ его открытія, показалось столь таинственнымъ, непостижимымъ и Ньютону и всѣмъ его современникамъ. Но вотъ, съ юныхъ лѣтъ, повторяя знаменитую формулу этого закона, мы больше не удивляемся ей, хотя ничего не прибавилось къ нашему пониманію тяготѣнія. Правъ-ли былъ Ньютонъ въ своемъ удивленіи, или правѣе мы въ своемъ равнодушіи? Въ источникѣ и въ природѣ своей всѣ вещи не остаются-ли, въ сущности, такъ же таинственны теперь, какъ и тогда, когда ихъ впервые открывалъ человѣкъ? Міръ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ не есть-ли непрестанное и повсюдное чудо, на которое мы не дивимся болѣе только потому, что, неблагодарные, тупые, сдѣланы вѣчными свидѣтелями этого чуда?

В. Розановъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ШЕВЫРЕВА О ПУШКИНѢ.

I.

Многимъ еще памятно то сильное впечатлѣніе, которое было произведено въ обществѣ и особенно въ литературныхъ кругахъ изданіемъ сочиненій Пушкина, вышедшимъ въ 1855 году подъ наблюденіемъ П. В. Анненкова. Среди однообразія тогдашней литературы какою свѣжестью пахнуло отъ этихъ красиво напечатанныхъ страницъ, на которыхъ читатели, рядомъ съ давно знакомыми и давно любимыми произведеніями славнаго поэта, встрѣтили новыя, дотолѣ неизвѣстныя въ печати откровенія его музы и затерянныя въ старыхъ журналахъ яркія блестки его геніальнаго дарованія и могучаго ума! Какою драгоцѣнностью казались свѣдѣнія о жизни и творчествѣ Пушкина, собранныя во введеніи, которое авторъ-издатель скромно назвалъ „Матеріалами для біографіи поэта!“ Что изданіе Анненкова не вполнѣ исчерпало литературное наслѣдіе, уцѣлѣвшее въ бумагахъ Пушкина, — объ этомъ стало извѣстно очень скоро, и самъ издатель поспѣшилъ пополнить по возможности пробѣлы своего труда, выпустивъ въ 1857 году седьмой дополнительный томъ къ шести изданнымъ за два года передъ тѣмъ. Но сила впечатлѣнія, произведеннаго изданіемъ, зависѣла не отъ новыхъ дополненій, а отъ того, что въ трудѣ Анненкова созданія поэта являлись впервые въ исправномъ, не испорченномъ опечатками текстѣ, расположенныя въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ и умно объясненныя трудолюбивымъ и внимательнымъ біографомъ.

На читателя благотворно дѣйствовало то благоговѣніе, съ которымъ издатель относился къ своему дѣлу. Если за Бѣлинскимъ остается заслуга первой полной критической оцѣнки Пушкина въ связи съ общимъ развитіемъ новой русской литературы, то прекрасное начало научному истолкованію художнической дѣятельности поэта въ связи съ событіями его жизни положено было, безъ сомнѣнія, Павломъ Васильевичемъ Анненковымъ.

Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ онъ самъ разсказалъ о тѣхъ цензурныхъ затрудненіяхъ, какія встрѣтило въ 1854—55 годахъ предпринятое имъ дѣло. Но общая исторія издательскаго труда Анненкова остается до сихъ поръ мало извѣстною. Поэтому не безполезно будетъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой сторонѣ предпріятія. Почерпаемъ ихъ изъ бумагъ самого издателя, доступъ къ которымъ открытъ намъ любезностью его наслѣдниковъ.

Извѣстно, что по кончинѣ Пушкина выпущено было такъ-называемое посмертное изданіе его сочиненій: восемь томовъ его были отпечатаны въ 1838 году, а остальные три—въ 1841 г. Вскорѣ обнаружились многочисленные и разнообразные недостатки этого изданія; тѣмъ не менѣе, оно, разумѣется, было жадно раскуплено и въ исходѣ сороковыхъ годовъ было уже рѣдкостью въ книжной торговлѣ. Въ 1850 году Н. Н. Ланская пришла къ мысли сдѣлать новое изданіе произведеній своего перваго мужа. Въ то время Иванъ Васильевичъ Анненковъ, братъ Павла Васильевича, занимался дѣлами Натальи Николаевны, по дружбѣ къ ея семейству. „Она", разсказываетъ П. В. Анненковъ, — „обратилась ко мнѣ за совѣтомъ и прислала на домъ къ намъ два сундука его бумагъ. При первомъ взглядѣ на бумаги я увидалъ, какія сокровища еще въ нихъ таятся, но мысль о принятіи на себя труда изданія мнѣ тогда и въ голову не приходила. Я только сообщилъ Ланской планъ, по которому, казалось мнѣ, должно быть предпринято новое изданіе". Мысль эта была однако очень соблазнительна, и мало-по-малу Павелъ Васильевичъ сталъ съ нею свыкаться. Въ концѣ 1850 года, какъ увидимъ далѣе, онъ уже сталъ собирать кое-какіе матеріалы для біографіи поэта. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ велъ переговоры съ Н. Н. Ланскою о пріобрѣтеніи права на изданіе. Въ 1851 году онъ заключилъ съ нею формальное условіе по этому предмету и осенью того же года привезъ извѣстіе о томъ въ Москву, гдѣ жилъ тогда Павелъ Васильевичъ. Понятно, что въ

рукахъ послѣдняго сосредоточилось все дѣло; онъ повелъ его столь энергично, что къ концу 1852 года уже успѣлъ вчернѣ набросать біографію поэта. Тѣмъ не менѣе, онъ еще долго оставался въ неувѣренности на счетъ успѣшнаго хода затѣяннаго имъ труда, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ въ его не изданныхъ замѣткахъ: „Страхъ и сомнѣніе въ удачѣ обширнаго предпріятія, на которое требовались, кромѣ нравственныхъ силъ, и большія денежныя затраты, не покидалъ меня и въ то время, когда, уже по разнесшейся вѣсти о немъ, я черезъ Гоголя познакомился съ Погодинымъ, а черезъ Погодина—съ Бартеневымъ (П. Ив.), Нащокинымъ и другими лицами, имѣвшими біографическія свѣдѣнія о поэтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я принялся за перечитку журналовъ 1817—25 годовъ". Дѣйствительно, въ бумагахъ Анненкова сохранились цѣлыя тетради его выписокъ и извлеченій изъ журналовъ не только этого, но и болѣе поздняго времени (изъ *Вѣстника Европы*, *Московскаго Телеграфа*, *Московскаго Вѣстника*, *Атенея*, *Телескопа* и т. д.). Очевидно, біографъ придавалъ особое значеніе старинной журнальной полемикѣ и справедливо искалъ въ ней указаній на то, какъ постепенно слагалось въ русскомъ обществѣ воззрѣніе на поэтическую дѣятельность Пушкина.

Рядомъ со старыми журналами, другимъ важнымъ источникомъ служило для Анненкова живое преданіе. Въ то время, когда онъ принялся за свой трудъ, еще жили и здравствовали многіе изъ соучениковъ Пушкина по Лицею, а также многіе другіе близкіе къ нему люди. Анненковъ обратился къ содѣйствію ихъ памяти. Въ числѣ лицъ, сообщившихъ ему письменныя свѣдѣнія, важнѣйшія были слѣдующія: младшій братъ поэта Левъ Сергѣевичъ, своякъ его Н. И. Павлищевъ, П. А. Катенинъ, В. И. Даль и нѣкоторые изъ лицейскихъ товарищей Пушкина, изложившіе свои воспоминанія въ одной общей запискѣ. Все это были біографическія свидѣтельства первостепенной важности, и Анненковъ воспользовался ими обильно. Изъ числа этихъ матеріаловъ записка, составленная Л. С. Пушкинымъ, появилась въ печати еще въ 1853 году; позже напечатаны были и воспоминанія лицейскихъ товарищей поэта, а также замѣтки Даля; замѣтки Павлищева, основанныя на разсказахъ его супруги, сестры Пушкина, напечатаны не были, но содержаніе ихъ извѣстно изъ сообщеній разныхъ лицъ. Не напечатанными остались только воспоминанія Катенина, и рукописи ихъ не находится въ той части бумагъ

Анненкова, которая была намъ сообщена. Впрочемъ, и относительно воспоминаній Катенина мы можемъ привести слѣдующее свидѣтельство Анненкова, найденное нами въ одномъ не изданномъ письмѣ его къ И. С. Тургеневу отъ января 1853 года: „Катенинъ прислалъ мнѣ записку о Пушкинѣ—и требовалъ мнѣнія. Въ этой запискѣ, между прочимъ, „Борисъ Годуновъ" осуждался потому, что не годится для сцены, а „Моцартъ и Сальери"—потому. что на Сальери взведено даромъ преступленіе, въ которомъ онъ неповиненъ. На послѣднее я отвѣчалъ, что никто не думаетъ о настоящемъ Сальери, а что это—только типъ даровитой зависти. Катенинъ возразилъ: стыдитесь; вѣдь вы, полагаю, честный человѣкъ и клевету одобрять не можете. Я на это: искусство имѣетъ другую мораль, чѣмъ общество. А онъ мнѣ: мораль одна, и писатель долженъ еще болѣе беречь чужое имя, чѣмъ гостиная, деревня или городъ. Да вотъ десятое письмо по этому эѳически-эстетическому вопросу и обмѣниваемъ".

Нѣкоторыя изъ лицъ, допрошенныхъ Анненковымъ, дѣлились съ нимъ только устными разсказами. Много важнаго, любопытнаго и характернаго имѣлъ случай услышать онъ отъ П. В. Нащокина, П. А. Плетнева, М. П. Погодина; но уже въ самомъ свойствѣ ихъ сообщеній заключалась извѣстная слабая сторона: изустные разсказы не могли не быть отрывочными и не представляли той опредѣленности и полноты, какой можно ожидать отъ воспоминаній, изложенныхъ на письмѣ, болѣе тщательно обдуманныхъ и нерѣдко подкрѣпленныхъ справками въ современныхъ документахъ. Повидимому, впрочемъ, не всѣ друзья Пушкина, даже опытные въ литературныхъ дѣлахъ, чувствовали себя въ силахъ послѣдовательно высказать всѣ тѣ впечатлѣнія, какія оставили въ нихъ близкія сношенія съ великимъ человѣкомъ. Такъ, П. А. Плетневъ, напечатавшій о Пушкинѣ небольшую статью въ 1838 году и призывавшій другихъ къ сообщенію свѣдѣній о немъ, самъ не рѣшался впослѣдствіи взяться за перо, чтобъ изложить свои собственныя воспоминанія, какъ можно было бы ожидать отъ его дружбы. А между тѣмъ разсказы о Пушкинѣ были одною изъ любимыхъ темъ въ его бесѣдахъ, и кто имѣлъ случай слышать ихъ, согласится съ нами, что чувство, которое питалъ Плетневъ къ дорогому покойнику, нельзя назвать иначе, какъ обожаніемъ. Казалось, все одинаково нравилось Плетневу въ личности Пушкина. Пишущему эти строки почтенный Петръ Александровичъ разсказывалъ однажды о прекрасной памяти по-

эта, и разсказъ этотъ сопровождался выраженіемъ самаго горячаго удивленія къ этой счастливой его способности. „Какъ онъ дышалъ!“ восклицалъ Плетневъ при другомъ случаѣ, вспоминая о своихъ прогулкахъ съ Пушкинымъ въ окрестностяхъ Лѣснаго Института. П. В. Анненковъ передавалъ намъ, что другой пріятель великаго поэта, М. Л. Яковлевъ, извѣстный „староста“ лицейскихъ годовщинъ перваго выпуска, разсказывая ему о послѣднемъ изъ этихъ праздниковъ, въ которомъ участвовалъ Пушкинъ (19-го октября 1836 года), забылъ упомянуть о характерномъ обстоятельствѣ, при томъ случившемся: Пушкинъ сталъ было читать въ кругу товарищей свою послѣднюю „Лицейскую годовщину“, но внезапно остановился и залился слезами. Анненковъ выражалъ сожалѣніе, что не имѣлъ возможности внести эту подробность въ текстъ біографіи. Дѣйствительно, въ его сочиненіи упоминается объ этомъ только въ подстрочномъ примѣчаніи, прибавленномъ уже послѣ того, какъ текстъ біографіи былъ подвергнутъ особой высшей цензурѣ и затѣмъ уже не подлежалъ измѣненіямъ. „Много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпались тутъ и тамъ въ потемкахъ; иныя уже угасли, и едва ли не навсегда“: такъ выражается Даль въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ, составленныхъ черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти, и тутъ же высказываетъ сожалѣніе, что многія подробности его жизни, извѣстныя на разныхъ концахъ Россіи, остаются не записанными. Анненкову прежде многихъ пришлось убѣдиться въ справедливости этого сѣтованія: потому-то и оказался въ біографіи Пушкина, написанной всего спустя пятнадцать лѣтъ по его кончинѣ, недостатокъ въ живыхъ подробностяхъ для его характеристики.

Въ числѣ матеріаловъ, находившихся въ распоряженіи Анненкова, были, сверхъ вышепоименованныхъ, еще замѣтки о Пушкинѣ, записанныя со словъ С. П. Шевырева. Судя по сохранившейся рукописи, записывалъ ихъ не самъ Анненковъ, а кто-то другой. Двѣ уцѣлѣвшія на листѣ помѣты—23-го декабря 1850 года и 3-го января 1851 года—указываютъ на время записи. Она сдѣлана довольно обстоятельно,—безъ сомнѣнія, потому, что самъ разсказчикъ постарался придать нѣкоторый порядокъ своему сообщенію. Шевыревъ говорилъ не только о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ поэтомъ, но передалъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о его дѣтствѣ и его родинѣ. Анненковъ придавалъ большую цѣну этимъ извѣстіямъ и многія изъ нихъ помѣстилъ въ своемъ трудѣ,

однако не исчерпалъ всего ихъ содержанія. Мы, въ свою очередь, пользуемся ими и на ихъ основаніи, а также при пособіи другихъ источниковъ, постараемся представить очеркъ отношеній Шевырева къ Пушкину.

II.

Степанъ Петровичъ Шевыревъ родился въ 1806 году, въ Саратовѣ, но былъ Москвичъ по воспитанію, по общественнымъ и литературнымъ связямъ и служебной дѣятельности. Привезенный въ Москву одиннадцати лѣтъ, питомецъ Университетскаго Благороднаго Пансіона и нѣкоторое время слушатель Московскаго Университета, Шевыревъ началъ службу въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ принадлежалъ къ числу „архивныхъ юношей“, увѣковѣченныхъ Пушкинымъ въ VII главѣ *Евгенія Онѣгина*. Въ 1834 году, послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей, Шевыревъ занялъ каѳедру русской словесности въ Московскомъ Университетѣ, а состоявшаяся въ томъ же году женитьба его на дочери покойнаго князя Бориса Владиміровича Голицына породнила его съ тогдашнимъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, извѣстнымъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ. Съ тѣхъ поръ Шевыреву случалось неоднократно посѣщать подмосковную Голицыныхъ, село Вяземы (въ 15 верстахъ отъ Звенигорода), въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ которымъ находилось сельцо Захарьино или Захарово, усадьба бабки Пушкина, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ. Здѣсь живали съ 1806 года и родители поэта, и самъ онъ до двѣнадцатилѣтняго возраста. Это обстоятельство доставило Шевыреву возможность собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о первыхъ годахъ его жизни. Кромѣ того, Степанъ Петровичъ еще въ ранней молодости могъ встрѣчаться въ московскомъ обществѣ съ отцомъ поэта и въ особенности съ его дядей, Василіемъ Львовичемъ, извѣстнымъ литераторомъ. Итакъ, вотъ что̀ разсказывалъ Шевыревъ о дѣтствѣ Пушкина и его роднѣ:

„Пушкинъ родился въ Москвѣ. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, человѣкъ ограниченнаго ума, больше любившій свѣтскую жизнь, подобно брату своему Василію Львовичу (имѣвшему свой домъ на Басманной и славившемуся отличнымъ поваромъ Власомъ, котораго онъ называлъ Blaise; этотъ умеръ въ Охотномъ ряду

въ послѣднюю холеру), не могъ внушить большой привязанности къ себѣ въ сынѣ своемъ. Гораздо больше могла имѣть вліянія на послѣдняго мать Надежда Осиповна, женщина, отличавшаяся умомъ. Изъ другихъ членовъ семейства есть еще братъ нашего поэта, Левъ Сергѣевичъ, который теперь служитъ въ Одессѣ при карантинѣ, добрый малый, чрезвычайно похожій лицомъ на покойнаго поэта, и сестра Ольга Сергѣевна, къ которой Пушкинъ питалъ особенную привязанность; она за Павлищевымъ, что̀ служитъ въ Варшавѣ и нѣсколько занимается литературой. Пушкины постоянно жили въ Москвѣ, но на лѣто уѣзжали въ деревню Захарьино, верстахъ въ сорока отъ Москвы, принадлежавшую родственникамъ Надежды Осиповны. Это сельцо теперь принадлежитъ помѣщицѣ Орловой. Здѣсь Пушкинъ проводилъ первое свое дѣтство, до 1811 года. Старый домъ, гдѣ они жили, срытъ; уцѣлѣлъ флигель. Мѣстоположеніе хорошее. Указываютъ нѣсколько березъ, и на нѣкоторыхъ вырѣзаны надписи, сдѣланныя, по словамъ теперешняго владѣльца Орлова, самимъ будто Пушкинымъ; но это должно-быть выдумка, потому что большая часть надписей—явно новыя. Особенно замѣтить слѣдуетъ, что деревня была богатая: въ ней раздавались русскія пѣсни, устраивались праздники, хороводы, и стало-быть, Пушкинъ имѣлъ возможность принять народныя впечатлѣнія. Въ сельцѣ до сихъ поръ живетъ женщина Марья, дочь знаменитой няни Пушкина, выданная за здѣшняго крестьянина. Эта Марья съ особеннымъ чувствомъ вспоминаетъ о Пушкинѣ, разсказываетъ о его добротѣ, подаркахъ ей, когда она прихаживала къ нему въ Москву, и, между прочимъ, объ одномъ замѣчательномъ обстоятельствѣ: предъ женитьбой Пушкинъ пріѣхалъ въ деревню (которая уже была перепродана) на тройкѣ, быстро обѣжалъ всю мѣстность и, кончивъ, замѣтилъ Марьѣ, что все теперь здѣсь идетъ не попрежнему. Ему, можетъ-быть, хотѣлось возобновить предъ рѣшительнымъ дѣломъ жизни впечатлѣнія дѣтства. Болѣе слѣдовъ Пушкина нѣтъ въ Захарьинѣ. Деревня эта не имѣетъ церкви, и жители ходятъ въ село Вяземы, въ двухъ верстахъ; здѣсь положенъ братъ Пушкина (Николай), родившійся 1802 года, умершій въ 1807 году. Пушкинъ ѣздилъ сюда къ обѣднѣ. Село Вяземы принадлежало Годунову; тамъ доселѣ пруды, ему приписываемые; старая церковь тоже съ воспоминаніями о Годуновѣ; стало-быть Пушкинъ въ дѣтствѣ могъ слышать о немъ.“

На первыхъ страницахъ своихъ „Матеріаловъ для біографіи

Пушкина“ Анненковъ изложилъ всѣ приведенныя здѣсь свѣдѣнія, лишь донолнивъ ихъ кое-чѣмъ со словъ сестры поэта и приведя нѣсколько строкъ о Захаровѣ изъ одного лицейскаго посланія Пушкина (къ П. М. Юдину, 1815 г.). Еще прежде появленія „Матеріаловъ“ въ печати, въ *Москвитянинѣ* 1851 года (№№ 9 и 10) Н. В. Бергъ описалъ свою поѣздку въ то же сельцо; но здѣсь мы находимъ въ сущности не больше данныхъ, чѣмъ въ разсказѣ Шевырева, только у Берга они облечены въ болѣе литературную форму. Подобно Шевыреву, Анненковъ признаетъ, что въ Захаровѣ Пушкинъ получилъ первыя впечатлѣнія народной жизни, а въ Вяземахъ имѣлъ случай видѣть памятники Годуновскаго времени и слышать преданія о царѣ Борисѣ. Поэтому не лишнимъ будетъ сопоставить эти соображенія со слѣдующимъ стариннымъ описаніемъ Вяземъ: „Это село отличалось каменнымъ господскимъ домомъ, съ регулярнымъ садомъ и прекрасными окружающими селеніе рощами. А паче обратила на себя вниманіе наше въ Вяземахъ церковь каменная о двухъ ярусахъ, довольно великая, строенія еще царя Бориса Годунова. И снаружи, и во внутренности ея, по счастію, вся древность соблюдена; даже внутри хотя расписаніе возобновлено, но ничего не перемѣнено изъ древняго. Примѣчательнаго въ ней усмотрѣли мы, что въ церкви на стѣнахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на подмазкѣ вырѣзаны или начерчены были ножичкомъ или какимъ другимъ острымъ орудіемъ слова польскимъ языкомъ, а литерами латинскими, кои мы разобрать не могли, однако видны изображенныя цифирью 1611, 1618 и 1620 годы и нѣкоторыя имена польскихъ пановъ“. Это описаніе находится въ путевыхъ запискахъ, веденныхъ митрополитомъ Платономъ во время путешествія въ Кіевъ въ 1804 году, то-есть очень незадолго предъ тѣмъ, какъ ребенка Пушкина стали возить по сосѣдству въ имѣніе его бабки. Такимъ образомъ, когда въ послѣдствіи онъ встрѣтилъ названіе Годуновскаго села въ разсказѣ Карамзина о подмосковныхъ воинскихъ потѣхахъ самозванца и о приближеніи Марины Мнишекъ къ Москвѣ по Смоленской дорогѣ (Исторія Государства Россійскаго, т. XI, гл. IV), то могъ дополнить картину повѣствованія изъ собственныхъ воспоминаній о Вяземахъ.

О школьныхъ годахъ Пушкина, о свѣтской жизни его въ Петербургѣ, о годахъ ссылки, проведенныхъ поэтомъ на югѣ Россіи и въ псковской деревнѣ, въ разсказахъ Шевырева говорится очень мало: очевидно, онъ избѣгалъ распространяться о та-

кихъ эпизодахъ жизни Пушкина, которыхъ не былъ прямымъ свидѣтелемъ, или о которыхъ не имѣлъ свѣдѣній изъ источниковъ, заслуживавшихъ особеннаго довѣрія. Принимая это во вниманіе, можно думать, что слѣдующія немногія подробности изъ этого періода жизни Пушкина переданы Шевыревымъ со словъ лицъ, близкихъ къ поэту въ то время.

„Лицей былъ заведеніе совершенно на западный ладъ; здѣсь получались иностранные журналы для воспитанниковъ, которые въ играхъ своихъ устраивали между собою палаты, спорили, говорили рѣчи, издавали между собою журналы и пр.; вообще свободы было очень много. Лицейскій анекдотъ: однажды императоръ Александръ, ходя по классамъ, спросилъ: „Кто здѣсь первый?“ „Здѣсь нѣтъ, ваше императорское величество, первыхъ; всѣ вторые“, отвѣчалъ Пушкинъ.

„Когда вышелъ „Русланъ и Людмила“, за разные вольные стихи, особенно за „Оду на свободу“, императоръ Александръ рѣшился отправить Пушкина въ Соловки. Здѣсь спасъ его Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ: онъ отправился къ Карамзинымъ, упросилъ жену Карамзина, чтобъ она допустила его въ кабинетъ мужа, который за своею „Исторіей“ никого, даже жену, не принималъ,—разсказалъ Карамзину положеніе дѣла, и тотъ тотчасъ отправился къ Маріи Ѳеодоровнѣ, къ которой имѣлъ свободный доступъ, и у нея исходатайствовалъ, чтобы Пушкина послали на югъ. За этотъ поступокъ Пушкинъ благодарилъ Чаадаева однимъ стихотвореніемъ въ четвертомъ томѣ „Къ Ч—ву“. Еще въ Петербургѣ былъ начатъ „Евгеній Онѣгинъ“. Послѣ позволено было ему жить въ деревнѣ, гдѣ много было написано“.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что эти свѣдѣнія переданы Шевыревымъ со словъ самого Петра Яковлевича Чаадаева, съ которымъ онъ находился, несмотря на различіе убѣжденій, въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Подружившись съ Пушкинымъ еще въ бытность его въ Лицеѣ, Чаадаевъ всегда съ удовольствіемъ и даже гордостью вспоминалъ о своемъ удачномъ вмѣшательствѣ въ дѣло ссылки поэта. Убѣждаемый Погодинымъ, онъ даже самъ собирался написать воспоминанія о своемъ другѣ, но, къ сожалѣнію, не привелъ этого намѣренія въ исполненіе, потому что не зналъ, „какъ быть съ тѣмъ, чего сказать нельзя“. За то онъ былъ крайне щекотливъ ко всякому намеку въ печати касательно его отношеній къ великому поэту. Такъ, когда, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, П. И. Бартеневъ сталъ

печатать свои статьи о молодости Пушкина, Чаадаевъ пришелъ въ большое негодованіе и выразилъ свой протестъ слѣдующимъ письмомъ къ С. П. Шевыреву:

„Я на-дняхъ заходилъ къ вамъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, чтобы поговорить съ вами о Бартеневскихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Вы, конечно, замѣтили, что, описывая молодость Пушкина и года, проведенные имъ въ Лицеѣ, авторъ статей ни слова не упоминаетъ обо мнѣ, хотя въ то же время и выписываетъ нѣсколько стиховъ изъ его ко мнѣ посланія и даже намекаетъ на извѣстное приключеніе въ его жизни, въ которомъ я имѣлъ участіе, но приписывая это участіе исключительно другому лицу. Признаюсь, это умышленное забвеніе отношеній моихъ къ Пушкину глубоко тронуло меня. Давно ли его не стало, и вотъ какъ правдолюбивое потомство, въ угодность своимъ взглядамъ, хранитъ преданія о немъ! Пушкинъ *гордился моею дружбой;* онъ говоритъ, что *я спасъ отъ гибели его и его чувства*, что *я воспламенялъ въ немъ любовь къ высокому;* а г. Бартеневъ находитъ, что до этого никому нѣтъ дѣла, полагая вѣроятно, что обращенное потомство вмѣсто стиховъ Пушкина будетъ читать его „Матеріалы". Надѣюсь однакожь, что будущіе біографы поэта заглянутъ и въ его стихотворенія.

„Не пустое тщеславіе побуждаетъ меня говорить о себѣ, но уваженіе къ памяти Пушкина, котораго дружба принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ въ себѣ живое сочувствіе ко всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная и безкорыстная мысль чтилась выше самого безпредѣльнаго поклоненія прошедшему и будущему. Я увѣренъ, что настанетъ время, когда у насъ всѣмъ и каждому воздастся должное; но нельзя же между тѣмъ видѣть равнодушно, какъ современники безчестно прячутъ правду отъ потомковъ. Никому, кажется, нельзя лучше васъ въ этомъ случаѣ заступиться за истину и за минувшее поколѣніе, котораго теплоту и безкорыстіе сохраняете въ душѣ своей; но если думаете, что мнѣ самому должно взяться за покинутое перо, то послѣдую вашему совѣту, au risque de fournir à m. Barténief une nouvelle preuve du peu d'importance qu'il faut attacher à l'amitié que m'accordait Pouchkine.—Въ среду постараюсь зайти къ вамъ изъ клуба за совѣтомъ. Искренно и душевно преданный вамъ

Петръ Чаадаевъ.

„Написавъ эти строки, узналъ, что г. Б. оправдываетъ себя тѣмъ, что, говоря о лицейскихъ годахъ друга моего, онъ не полагалъ нужнымъ говорить о его отношеніяхъ со мною, предоставляя себѣ упомянуть обо мнѣ въ послѣдующихъ статьяхъ. Но неужто г. Б. думаетъ, что встрѣча Пушкина въ то время, когда его могучія силы только-что стали развиваться, съ человѣкомъ, котораго впослѣдствіи онъ называлъ своимъ лучшимъ другомъ, не имѣла никакого вліянія на это развитіе? Если не ошибаюсь, то первое условіе біографа есть знаніе человѣческаго сердца". [1]

Чтобы объяснить себѣ всю придирчивость этого письма, нужно имѣть въ виду слѣдующее: въ первой изъ статей г. Бартенева, гдѣ говорится о Пушкинѣ въ Лицеѣ (*Московскія Вѣдомости* 1854 года, №№ 71, 117 и 119), о Чаадаевѣ упоминается только вскользь и безъ означенія его фамиліи; но во второй статьѣ, гдѣ описывается жизнь Пушкина въ Петербургѣ послѣ Лицея (*Московскія Вѣдомости* 1855 г., №№ 142, 144 и 145), Чаадаевъ уже названъ прямо, отношенія къ нему Пушкина очерчены довольно обстоятельно, а касательно ссылки замѣчено, что подробности этого происшествія еще не могутъ быть разъяснены, но что смягченію участи поэта способствовалъ одинъ изъ его друзей, обратившійся къ содѣйствію Карамзина. Все это могло бы, кажется, удовлетворить самолюбіе Чаадаева; а между тѣмъ письмо его къ Шевыреву писано уже послѣ появленія второй статьи г. Бартенева, такъ какъ только въ ней приводятся отрывки изъ посланій Пушкина. Какъ бы то ни было, Чаадаевъ, приглашая Шевырева вступиться за него, очевидно помнилъ, что Степану Петровичу хорошо извѣстно то печальное обстоятельство жизни Пушкина, которое требовалось разъяснить, и которое подало ему поводъ написать свое извѣстное посланіе:

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ...

Этого соображенія намъ, въ сущности, совершенно достаточно для подтвержденія высказанной выше догадки объ источникѣ разсказа Шевырева; а тѣмъ самымъ и разсказъ этотъ, несмотря

---

[1] Бо́льшая часть этого письма уже существуетъ въ печати (*Вѣстникъ Европы* 1871 г., № 11, стр. 342, 343); но сдѣланныя въ немъ сокращенія отнимали у него настоящій смыслъ. Мы печатаемъ письмо цѣликомъ по подлиннику, сохранившемуся въ бумагахъ С. П. Шевырева, которыя поступили въ 1893 году въ Императорскую Публичную Библіотеку.

на свою краткость, пріобрѣтаетъ значеніе цѣннаго біографическаго свидѣтельства. Въ особенности любопытно въ немъ указаніе на участіе императрицы Маріи Ѳеодоровны въ облегченіи участи, грозившей Пушкину: въ другихъ сообщеніяхъ о томъ же происшествіи не упоминается объ этомъ обстоятельствѣ.

Зная, отъ какого близкаго къ Пушкину лица идутъ разсказы Шевырева о лицейскомъ періодѣ жизни поэта, нельзя оставить безъ вниманія и встрѣчающіяся тутъ подробности о внутреннемъ бытѣ Лицея. Чертъ этого рода немного, и нѣкоторыя изъ нихъ оказываются новыми даже послѣ сообщеній Я. К. Грота и В. П. Гаевскаго о томъ же предметѣ.

III.

Непосредственное знакомство Шевырева съ Пушкинымъ состоялось во второй половинѣ 1826 года, и должно сказать, никогда не было особенно близкимъ; тѣмъ не менѣе, съ означеннаго времени разсказы Шевырева о Пушкинѣ становятся наиболѣе любопытными:

„Во время коронаціи государь послалъ за Пушкинымъ нарочнаго курьера (обо всемъ этомъ самъ Пушкинъ разсказывалъ) везти его немедленно въ Москву. Пушкинъ передъ тѣмъ писалъ какое-то сочиненіе въ возмутительномъ духѣ, и теперь, воображая, что его везутъ не на добро, дорогой обдумывалъ это сочиненіе; а между тѣмъ извѣстно, какой пріемъ сдѣлалъ ему великодушный императоръ; тотчасъ послѣ этого Пушкинъ уничтожилъ свое возмутительное сочиненіе и болѣе не поминалъ о немъ.

„Москва приняла его съ восторгомъ; вездѣ его носили на рукахъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Соболевскимъ на Собачьей площадкѣ, въ теперешнемъ домѣ Левенталя; Соболевскаго звалъ онъ Калибаномъ, Фальстафомъ, животнымъ. Насмѣшки и презрѣніе къ Полевымъ, особенно къ Ксенофонту, за его „Михаила Васильевича Ломоносова“. Здѣсь въ 1827 году читалъ онъ своего „Бориса Годунова“; вообще читалъ онъ чрезвычайно хорошо. Утро, когда онъ читалъ наизусть своего „Нулина“ Шевыреву у Веневитиновыхъ. На балѣ у послѣднихъ (Веневитиновы жили тогда на Мясницкой, почти противъ церкви Евпла, въ угловомъ домѣ) Пушкинъ пожелалъ познакомиться съ Шевыревымъ. Веневитиновъ представилъ Шевырева ему; Пуш-

кинъ сталъ хвалить ему только-что тогда напечатанное его стихотвореніе „Я есмь“ и даже самъ наизусть повторилъ ему нѣсколько стиховъ, что было „самымъ дорогимъ орденомъ“ для Шевырева. Послѣ онъ постоянно оказывалъ ему знаки своего расположенія.

„Въ Москвѣ объявилъ онъ свое живое сочувствіе тогдашнимъ молодымъ литераторамъ, въ которыхъ особенно привлекала его новая художественная теорія Шеллинга, и подъ вліяніемъ послѣдней, проповѣдывавшей освобожденіе искусства, были написаны стихи „Чернь“. Сблизившись съ этими молодыми писателями, Пушкинъ принялъ дѣятельное участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, который явился какъ противодѣйствіе *Телеграфу*. Этого журнала Пушкинъ не терпѣлъ и не помѣстилъ въ немъ ни одной пьесы. Пушкинъ очень любилъ играть въ карты; между прочимъ, онъ употребилъ въ уплату карточнаго долга тысячу рублей, которые заплатилъ ему *Московскій Вѣстникъ* за годъ его участія въ немъ.

„Пушкинъ очень часто читалъ по домамъ своего „Бориса Годунова“ и тѣмъ повредилъ отчасти его успѣху при напечатаніи. Москва неблагородно поступила съ нимъ: послѣ неумѣренныхъ похвалъ и лестныхъ пріемовъ охладѣли къ нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвиненія въ ласкательствѣ, наушничествѣ и шпіонствѣ передъ государемъ. Это и было причиной, что онъ оставилъ Москву. Императоръ прочиталъ „Бориса Годунова“ и совѣтовалъ издать его какъ романъ, чтобы вышло нѣчто въ родѣ романовъ Вальтера Скотта. Такимъ совѣтомъ воспользовался Загоскинъ въ „Юріи Милославскомъ“. Пушкинъ самъ говорилъ, что намѣренъ писать еще „Лжедмитрія“ и „Василія Шуйскаго“, какъ продолженіе „Бориса Годунова“, и еще нѣчто взять изъ междуцарствія: это было бы въ родѣ Шекспировскихъ хроникъ. Шекспира (а равно Гёте и Шиллера) онъ не читалъ въ подлинникѣ, а во французскомъ старомъ переводѣ, поправленномъ Гизо, но понималъ его геніально. По-англійски выучился онъ гораздо позже, въ С.-Петербургѣ, и читалъ Вордсворта.

„Пушкинъ просился за границу, но государь не пустилъ его, боялся его пылкой натуры,—вообще же съ нимъ былъ чрезвычайно обходителенъ.

„Въ обращеніи Пушкинъ былъ добродушенъ, неизмѣненъ въ своихъ чувствахъ къ людямъ; часто въ свѣтскихъ отношеніяхъ

не смѣлъ отказаться отъ приглашенія къ какому-нибудь балу, а между тѣмъ свѣтскія отношенія нанесли ему много горя, были причиной его смерти. Воспріимчивость его была такова, что стоило ему что-либо прочесть, чтобы потомъ навсегда помнить. Знавъ русскую исторію до малыхъ подробностей, любилъ объ ней говорить и спорить съ Погодинымъ и цѣнилъ драмы послѣдняго именно за ихъ историческую важность.

„Особенная страсть Пушкина была поощрять и хвалить труды своихъ близкихъ друзей. Про Баратынскаго стихи при немъ нельзя было и говорить ничего дурнаго; онъ сердился на Шевырева за то, что тотъ разъ, разбирая стихи Баратынскаго, дурно отозвался объ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онъ досадовалъ на московскихъ литераторовъ за то, что они разбранили „Андромаху" Катенина, хотя „Андромаха" эта довольна была плохая вещь. Катенинъ имѣлъ огромное вліяніе на Пушкина; послѣдній принялъ у него всѣ пріемы, всю быстроту своихъ движеній; смотря на Катенина, можно было безпрестанно вспоминать Пушкина. Катенинъ былъ человѣкъ очень умный, зналъ въ совершенствѣ много языковъ и владѣлъ особеннымъ умѣньемъ читать стихи, такъ что его собственные дурные стихи изъ устъ его казались хорошими. Будучи откровененъ съ друзьями своими, не скрывая своихъ литературныхъ трудовъ и плановъ, радушно сообщая о своихъ занятіяхъ людямъ, интересующимся поэзіей, Пушкинъ терпѣть не могъ, когда съ нимъ говорили о стихахъ его и просили что-нибудь прочесть въ большомъ свѣтѣ. У княгини Зинаиды Волконской бывали литературныя собранія понедѣльничныя; на одномъ изъ нихъ пристали къ Пушкину, чтобы прочесть. Въ досадѣ онъ прочелъ „Чернь" и, кончивъ, съ сердцемъ сказалъ: „Въ другой разъ не станутъ просить".

„Когда Шевыревъ, уѣзжая за границу въ 1829 году, былъ въ Петербургѣ, Пушкинъ предложилъ ему нѣсколько своихъ стихотвореній, въ томъ числѣ „Утопленникъ" и переводъ изъ „Валленрода", говоря, что онъ даритъ ихъ ему и совѣтуетъ издать въ особомъ альманахѣ, но за отъѣздомъ тотъ передалъ ихъ Погодину.

„Послѣдній разъ Шевыревъ видѣлъ Пушкина весною 1836 года; онъ останавливался у Нащокина въ Дегтярномъ переулкѣ. Въ это посѣщеніе онъ сообщилъ Шевыреву, что занимается „Словомъ о полку Игоревѣ", и сказалъ между прочимъ свое объясненіе первыхъ словъ. Послѣднее свиданіе было въ домѣ Ше-

вырева; за ужиномъ онъ превосходно читалъ русскія пѣсни. Вообще, это былъ удивительный чтецъ: вдохновеніе такъ плѣняло его, что за чтеніемъ „Бориса Годунова" онъ показался Шевыреву красавцемъ".

Вотъ все, что̀ могло быть записано со словъ Шевырева о̀бъ его собственномъ знакомствѣ съ поэтомъ. При всей своей краткости, эти разсказы имѣютъ свою цѣну: они производятъ пріятное впечатлѣніе теплотою чувства, которымъ проникнуты, а главное—любопытны тѣмъ, что касаются такихъ отношеній, о которыхъ свидѣтельство Шевырева важнѣе, чѣмъ показанія другихъ лицъ. Необходимо только, при оцѣнкѣ этихъ сообщеній, не упускать изъ виду личности самого разсказщика и той точки зрѣнія, съ которой онъ излагалъ свои воспоминанія. О способѣ сужденія Шевырева есть очень вѣрное замѣчаніе у Н. В. Станкевича; въ 1834 году этотъ даровитый юноша писалъ своему пріятелю въ Петербургъ по поводу извѣстной картины Брюллова: „Что „L'ultimo giorno di Pompei", о которой Шевыревъ a priori составилъ невыгодное мнѣніе, отозвавшееся по обычаю въ головѣ Мельгунова? Они говорятъ, что картина основана на эффектахъ, что мысль представить въ картинѣ мгновеніе неестественна, что во первыхъ... но все это похоже на сужденіе знатоковъ о представленіи „Донъ-Жуана" въ „Fantasien-Stücke". [1] Дѣйствительно, сужденія Шевырева часто бывали предвзятыя: нерѣдко фактъ подгонялся у него подъ извѣстную мысль и оттого терялъ свои дѣйствительные размѣры. Слѣды особенныхъ воззрѣній Шевырева замѣтны и въ приведенныхъ разсказахъ его о Пушкинѣ, а потому приложить къ нимъ критику оказывается особенно необходимымъ. Это мы и попытаемся сдѣлать въ слѣдующихъ главахъ настоящей статьи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Л. Майковъ.

[1] Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія, написанная *П. В. Анненковымъ*. М. 1857, стр. 95, 96.

ЗЛЫЕ ВИХРИ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

Имъ пришлось долго звонить и стоять на подъѣздѣ подъ порывами вѣтра и пронизывавшей сырости. Вово переминался съ ноги на ногу и попрыгивалъ отъ холоду въ своихъ лакированныхъ башмачкахъ.

— Однако, тебя видно здѣсь не балуютъ... Sapristi! quel ogre de suisse!—не выдержалъ онъ.

Аникѣевъ нѣсколько разъ рванулъ колокольчикъ изо всей силы.

Наконецъ послышался звукъ повертывающагося въ замочномъ отверстіи ключа, и толстая дубовая дверь тяжело пріотворилась.

Заспанный губошлепъ, въ резиновыхъ калошахъ на босу ногу и съ ливреей, накинутой на плечи, пропустилъ пріятелей. Онъ не спѣша заперъ дверь, а потомъ, опять-таки не спѣша, зашлепалъ вслѣдъ за ними по лѣстницѣ, слабо озаряя ихъ путь маленькою ручною лампочкой.

— Encore?—спрашивалъ Вово при каждомъ поворотѣ.

— Encore,—отвѣчалъ Аникѣевъ.

На площадкѣ третьяго этажа онъ остановился у двери и, нащупавъ кружокъ электрическаго звонка, придавилъ костяную пуговку. Въ то же время свѣтъ мгновенно погасъ, и заспанный губошлепъ исчезъ, какъ призракъ — даже его калошъ не было слышно.

Изнутри, у двери, раздался глухой голосъ:

— Баринъ, это вы?

— Я, я! да отворяй же скорѣе, извергъ, не держи въ темнотѣ... бою-юся!—крикнулъ Вово.

— Кто-жь это? не барина голосъ... чего вамъ угодно? кто такое? этакъ-то я вѣдь я не отопру!—какимъ-то грустнымъ, но вмѣстѣ и рѣшительнымъ тономъ объявилъ голосъ изъ-за двери.

— Никакъ все онъ-же? Платонъ Пирожковъ?—вопросительно шепнулъ Вово.

— Кому-жь другому быть... мой вѣчный Лепорелло!—тоже шепотомъ отвѣтилъ Аникѣевъ и уже почти весело приказалъ:

— Платонъ, отворяй!

Дверь отворилась и передъ Вово, озаренная лампой, поставленной на подзеркальный столъ тѣсной передней, оказалась давно ему знакомая, маленькая худощавая фигура. Тѣ-же рѣденькіе, прилизанные, бѣлобрысые волосы, тотъ-же неестественно длинный острый носъ, огромные желтые усы, печально повисшіе съ двухъ сторонъ едва замѣтнаго за ними бритаго подбородка, унылый взглядъ широко разставленныхъ глазъ. Не человѣкъ, а—дятелъ, да и только! Дятелъ былъ въ вышитой „русскимъ узоромъ" косовороткѣ и свѣтло-сѣромъ, съ барскаго плеча, пиджачкѣ, черезчуръ для него просторномъ.

Вово приподнялся на носки, раздулъ щеки, скорчилъ страшное лицо и кинулся впередъ рыча:

— А! отворилъ! ну, теперь тебѣ капутъ!

Платонъ Пирожковъ, въ одинъ отчаянный прыжокъ отскочилъ къ противоположной двери и уже готовился заорать не своимъ голосомъ, да вдругъ узналъ князя.

Онъ осклабился, причемъ его носъ выступилъ еще больше, а подбородокъ исчезъ совсѣмъ.

— Ваше сіятельство! вотъ кого Богъ послалъ... и напугали же вы меня... шутникъ вы!

— А ты все такой-же трусъ! съ твоимъ-то носомъ!—засмѣялся Вово, сбрасывая ему на руки свою пушистую соболью шубку и опять попрыгивая, чтобы согрѣть озябшія ноги.

— Да что носъ!—уныло говорилъ дятелъ, вѣшая шубку и спѣша къ Аникѣеву,—на носъ кто нынче посмотритъ, кто его испугается... вонъ у землячка одного былъ онъ не моему чета, куда объемистѣй и словно мраморный, темно-сизый съ жилками, а все-жь таки, лѣтъ семь это тому будетъ, напали невѣдомо кто

въ верстѣ отъ села, на „шасѣ", онъ имъ—носъ, а они хвать по переносью — и духъ вонъ!... Ныньче народъ балованный... намедни, въ Московской части, чай изволили слышать?

— Что такое въ Московской части?—отозвался Вово, причесывая свои черные кудерьки и плѣшку передъ зеркаломъ.

— Не слыхали-съ? вотъ этакимъ-же манеромъ, въ часъ ночной, замѣсто барина, позвонилъ, вошелъ, лакея пристукнулъ, ограбилъ все какъ есть начисто—и ушелъ, будто дѣло сдѣлалъ... Баринъ-то возвращается, дверь отперта, а лакей въ крови разливанной—„мм!"—мычитъ и больше ничего, такъ Богу душу и отдалъ. Какъ же тутъ отпирать дверь всякому безъ разбору? и днемъ-то опасливо, а ужь ночью—и-и!

— Да вѣдь это ты все врешь, Платонъ Пирожковъ, ничего такого не было въ Московской части!

— Какъ не было-съ!—весь вспыхнулъ и смѣшно будто ощетинился Платонъ, переходя за Аникѣевымъ въ слѣдующую комнату и чиркая спичками,—обижать изволите, ваше сіятельство... Это точно, бываютъ такіе, что и врутъ, а я врать передъ господами за грѣхъ почитаю. Было все это какъ докладываю, самъ-съ, своими глазами, вчерась въ „Листкѣ" читалъ и весь этотъ пассажъ съ доподлинностью тамъ ихній „рапорторъ" пропечаталъ...

— Закусить прикажете? а не то крушончикъ... у насъ три бутылки, „езельціора", „финь" есть настоящій и апельсинчики,—прибавилъ онъ зажигая лампу и уже совсѣмъ другимъ, дѣловымъ тономъ.

— Ну, подавай скорѣе! зѣвнувъ, проговорилъ Аникѣевъ, почти падая въ широкое низенькое кресло.

X.

Яркая лампа, заслоненная только одностороннимъ абажуромъ, освѣтила обширную, довольно высокую комнату.

Ничего въ ней не было роскошнаго, ни одного предмета значительной цѣнности, но все вмѣстѣ производило художественное и оригинальное впечатлѣніе. Это именно оказывалась музыкальная комната, гдѣ каждая вещь гармонично сливалась съ другою, пополняла, выясняла ея смыслъ, поднимала ея цѣнность, гдѣ не встрѣчалось ни одного кричащаго разнозвучія.

Тяжелыя, фантастичнаго рисунка занавѣси на окнахъ и дверяхъ, восточные ковры и темные французскія обои, даже совсѣмъ вблизи похожія на старые гобелены, своимъ мягкимъ кругляшимся узоромъ уничтожали всякую пустоту. Каждый столикъ, стулъ, этажерка, вазочка, бездѣлушка были своебразны и до того на своемъ мѣстѣ, что если хоть что-нибудь взять и переставить — тотчасъ нарушится цѣлость, будто отрубится палецъ отъ руки.

Со стѣнъ, изъ прекрасныхъ рамъ, глядѣли совсѣмъ живыя лица. Особенно выступала, сильно освѣщенная лампой, молодая женщина въ ореолѣ чудныхъ золотистыхъ волосъ и съ глубокими мечтательными глазами. Она чуть-что не говорила, прелестно приподнявъ удивительно хорошенькую верхнюю губку своего маленькаго рта, въ которомъ заключалось особенное очарованіе.

Это былъ портретъ матери Аникѣева въ лучшую пору ея жизни. Сынъ сильно походилъ на нее; но не чертами, а чѣмъ-то неуловимымъ, въ чемъ однако и заключается очень часто истинное, сразу поражающее сходство...

Вово неслышно мелькалъ то тамъ, то здѣсь, все осматривая и даже трогая. Наконецъ онъ остановился, кинулъ вокругъ себя общій взглядъ и подсѣлъ къ пріятелю.

— Ахъ, Миша, какъ у тебя здѣсь мило,—сказалъ онъ,—un nid adorable... впрочемъ какъ и всегда. Когда только ты успѣлъ это устроить?.. уютно, будто вѣкъ здѣсь живешь...

— Долго ли! въ два дня устроилъ какъ могъ... чтобъ не задыхаться,—отвѣтилъ Аникѣевъ,—ты знаешь, я не въ своей обстановкѣ, если кругомъ меня гадко—просто задыхаюсь, боленъ дѣлаюсь, дня не могу прожить...

— И у тебя прелестно, ты изъ ничего умѣешь создать красоту, только знаешь ли что я тебѣ скажу... вотъ сейчасъ почувствовалъ... уютно здѣсь, красиво, тепло, а все-жь таки есть что-то такое... жуткое и грустное—будто призраки, духи печальные витаютъ... того и жди какой-нибудь жалобный вздохъ услышишь!... Нѣтъ, хоть убей меня, я ни за какія сокровища здѣсь бы одинъ не остался!

Аникѣевъ повернулъ голову и ласково взглянулъ на хорошенькаго князя.

— Вотъ за это я и люблю тебя, Вово,—ты мотылекъ порхающій, ты какая-то свѣтская записная книжка „на каждый день“; но въ тебѣ душа живая, ты иной разъ чувствуешь и понима-

ешь, par intuition, такое, чего самые серьезные люди не поймутъ и не почувствуютъ. За это и люблю! Вѣрно, голубчикъ: у меня и жутко, и грустно, печальные духи вокругъ меня витаютъ... и часто я слышу их вздохи...

Вово вдругъ разсмѣялся.

— Чего ты?

— Да помилуй... вотъ мы о духахъ... я и вспомнилъ. Вѣдь теперь у насъ спиритизмъ понемногу въ моду входитъ... Я, знаешь, какъ и ты кажется, въ духовъ вѣрю... и до смерти боюсь ихъ. Только у насъ совсѣмъ не то, у насъ завелись „сеансы“ съ побоями.

— Съ побоями?

— Еще и съ какими! Тутъ есть старичокъ одинъ, Бундышевъ, спиритъ „убѣжденный“. Такъ устраиваютъ сеансы, чаще всего у Гатариныхъ, и зовутъ на Бундышева... Забавно! Тушится все, свѣчи и лампы, дѣлаютъ ночь, столъ поднимается, стучитъ, колокольчикъ звонитъ, а потомъ начинаютъ Бундышева бить куда попало, щипать... на прошлой недѣлѣ ему чуть ухо не открутили. Онъ кричитъ, визжитъ, молитъ, а на слѣдующій день по всему Петербургу ѣздитъ и съ восторгомъ разсказываетъ какъ его духи избили, какихъ пощечинъ ему надавали, синяки показываетъ. При дамахъ отвертываетъ рукава и показываетъ—parole! Коко Гатаринъ не выдержалъ, признался ему: это я самъ, говоритъ, вотъ этою рукой васъ и щипалъ и тумака вамъ далъ въ шею. Такъ вѣдь тотъ не вѣритъ, ни за что въ мірѣ, „jeune homme,—говоритъ, on ne profane pas impunément les vérités sacrées! vous allez subir les conséquences de votre mensonge!“ Коко озлился. „Такъ я же васъ такъ изобью,—говоритъ,—что поневолѣ мнѣ повѣрите!“ И избилъ, а старичокъ, какъ ни въ чемъ не бывало, духовъ прославляетъ и синяки дамамъ показываетъ—сегодня у княгини Червинской показывалъ... кругомъ хохотъ, а онъ въ позу—и цѣлую лекцію о perisprit, reincarnations и ужь не знаю о чемъ еще..

— Чортъ знаетъ что такое!—устало проговорилъ Аникѣевъ,—неужели ничего не могутъ придумать поумнѣе этого издѣвательства надъ старымъ и, очевидно, больнымъ человѣкомъ?

— А ну-ка придумай!—вѣдь скука тоже! Изъ дома въ домъ однѣ и тѣ же небылицы переносятся, всѣ передаютъ ихъ другъ другу, connaissant fort bien leur généalogie, ровно ничему не

вѣря и все-таки дѣйствуя и судя такъ, будто бы всѣ эти враки были святою истиной...

Но Аникѣевъ ужъ не слушалъ или, вѣрнѣе, слышалъ совсѣмъ другое.

Платонъ Пирожковъ внесъ на подносѣ „крушончикъ“ и розлилъ прохладительный напитокъ въ высокіе тонкіе стаканы.

Аникѣевъ чокнулся съ Вово, медленно выпилъ до дна и подошелъ къ піанино.

И снова, какъ передъ блестящимъ обществомъ Натальи Порфирьевны, холодныя клавиши ожили и запѣли. Но это были ужъ не мечты, не погибшія надежды, не борьба жизни, не пожаръ страсти и отчаянный призывъ къ наслажденію. Это было именно то, что почудилось Вово въ жилищѣ артиста—грустный шепотъ витающихъ призраковъ, ихъ жалобные вздохи.

Вово сидѣлъ съ забытымъ стаканомъ въ рукѣ и жадно слушалъ.

Дятелъ стоялъ у двери, уныло опустивъ носъ, но скоро неодобрительно мотнулъ рукою и тихонько вышелъ.

А призраки пѣли такъ внятно, такъ хватали за душу, что Вово почти ужъ начиналъ понимать, о чемъ именно поютъ они, на что̀ жалуются. Вдругъ въ ихъ мелодію ворвалось что-то новое,—звонкая, серебристая нотка безпечнаго дѣтскаго смѣха. Только смѣхъ этотъ сейчасъ же и замеръ—и опять зашептали, залетали въ мучительной истомѣ тоскующіе духи... Тише, тише... такъ тихо, будто въ безсонной темнотѣ стучитъ только, обливаясь кровью, усталое сердце, а потомъ... нѣтъ, это невыносимо, это мучительнѣй и жалобнѣй, чѣмъ всѣ вздохи призраковъ...

— Перестань, ну чего ты! c'est insoutenable... будто ребенокъ тонетъ, зоветъ и плачетъ! крикнулъ Вово, подбѣгая къ піанино и хватая руки Аникѣева.

Все смолкло.

Аникѣевъ повернулъ къ пріятелю блѣдное лицо, испуганно взглянулъ на него сухими, расширившимися глазами.

— Ты понялъ?!. въ этомъ все... и я не могу больше, прошепталъ онъ.

Вово начиналъ соображать. Ему стало очень неловко. Онъ налилъ стаканы, заставилъ Аникѣева выпить и принялся болтать всякій вздоръ, чтобъ отвлечь пріятеля отъ печальныхъ мыслей. Онъ разсказалъ даже нѣсколько смѣшныхъ и неприличныхъ анекдотовъ, которыхъ у него былъ всегда неистощимый запасъ, невѣдомо откуда бравшійся.

Но Аникѣевъ, въ другое время громко смѣявшійся и неприличному анекдоту, лишь бы онъ былъ остроуменъ, теперь очевидно ничего не понималъ. Его внезапно охватила такая слабость, что онъ легъ на диванъ, вытянулся, заложилъ руки за голову и закрылъ глаза. Ему казалось, что его заливаетъ какая-то волна и что онъ вмѣстѣ съ нею опускается все ниже и ниже. Голосъ Вово все слабѣлъ, удалялся,—и все исчезло.

— Миша!.. да никакъ ты спишь?

Вово прислушался и увидѣлъ, что это предположеніе вѣрно.

Носъ дятла показался у двери. Онъ не спѣша, осторожно ступая, подошелъ къ дивану и грустнымъ тономъ громко произнесъ:

— Баринъ, а баринъ!

Отвѣта не послѣдовало.

Тогда онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, зажегъ свѣчу, стоявшую на столѣ, взялъ ее и таинственно поманилъ Вово.

— Ваше сіятельство, пожалуйте-ка!

Вово прошелъ за нимъ въ сосѣднюю комнату, оказавшуюся спальной. Тутъ было тоже очень уютно. Вово втянулъ въ себя воздухъ.

— Чѣмъ это такъ сильно пахнетъ? спросилъ онъ.

— А вотъ-съ, изволите видѣть, этимъ самымъ-съ мрачно произнесъ Платонъ Пирожковъ, беря съ туалетнаго стола бутылку ярко-зеленой жидкости и подавая ее князю.—Варвена-съ индѣйская, настоящая, вотъ этакими громадными бутылями выписываемъ и по нѣсколько разъ на дню прыскаемъ всю спальню, бѣлье, все. Больше трехъ лѣтъ какъ безъ этого жить не можемъ, а по-моему-съ духъ тяжелый, пронзительный и сколько разъ у меня отъ него голова болѣла.

— Нѣтъ, ничего, пахнетъ не дурно, сказалъ Вово наливая себѣ на ладонь изъ бутылки, а потомъ растирая руки.

Платонъ усмѣхнулся.

— Да вѣдь чего стоютъ-съ, выписки-то эти... А я, знаете, хотѣлъ спросить у вашего сіятельства... какъ вы нашли барина?

Вово присѣлъ въ кресло у кровати и пристально посмотрѣлъ на дятла.

— Ну, вотъ что, Платонъ Пирожковъ, разсказывай все по порядку, серьезно и внушительно произнесъ онъ.

XI.

Платонъ заглянулъ въ дверь, прислушался и тотчасъ же возвратился.

— Спятъ, теперь ежели не расшевилить, до утра не проснутся. Это у насъ вѣдь давно такъ завелось, не по-людски. И въ деревнѣ, да и за границей тоже было. Иной разъ всю ночь, до поздняго утра, за книжкой либо просто со своими мыслями просидятъ на одномъ мѣстѣ. Часу въ десятомъ будить придешь, а они: „а? что? никакъ ужь утро?“ Другой разъ вотъ этакимъ манеромъ, во всемъ какъ есть, одѣмшишь, приткнутся гдѣ-нибудь на диванѣ—и спятъ. Боже упаси разбудить, такой крикъ пойдетъ, что хоть святыхъ уноси... Да нешто одно это! Одно слово, ваше сіятельство, никакъ невозможно. Замыкался я совсѣмъ, несогласенъ больше, уходить хочу...

— Это ты-то? уходить отъ Михаила Александровича? хорошъ гусь!

— Нечего гусь! каковъ ни гусь, а все жь таки и я человѣкъ... всю-то жизнь какъ рабъ за ними, какъ цѣпная собака стерегу, а что̀ въ томъ проку? какая мнѣ отъ нихъ благодарность? дѣло начну толковать, а они только ругаются: „ничего, молъ, ты не понимаешь, дуракъ, едеотъ!“ Обидѣть-то легко, едеотомъ-то, а ужь чего тутъ не понимать... кто другой, можетъ, а я ихъ понимаю вотъ какъ! наскрось вижу. Да и кого угодно со стороны спросить—всякъ скажетъ, что при такой жизни до добра не дойти: либо смерть моментная приключится, либо желтый домъ. Такъ-то-съ!..

— Однако постой, Платонъ Пирожковъ, перебилъ его Вово,— говори ты толкомъ.

— Толкомъ и хочу, ваше сіятельство, вздыхая протянулъ дятелъ,—какъ увидѣлъ васъ, такъ и осѣнило. Все выложу, какъ на духу, образумьте вы барина, не то я ни часу, вотъ какъ Богъ святъ, не останусь. Вы баринъ ласковый, настоящій, съ измальства я на васъ, ровно какъ на роднаго нашего... чай помните, пажикомъ-съ еще хаживали, при барынѣ Софьѣ Михайловнѣ, а потомъ при бабушкѣ... Можетъ во всемъ Питерѣ у насъ такого... дружбою и пріятельствомъ любящаго, такъ сказать, друга не найдется...

— Такъ чего-жь ты тянешь?

— Я не тяну-съ, а нельзя жь безъ объясненія... кабы вы все видѣли, такъ сами бы то же сказали... Одно слово: сотворите вы божескую милость, ваше сіятельство, уговорите ихъ, помирите съ барыней, съ Лидіей Андреевной...

— Съ Лидіей Андреевной?! ты никакъ и впрямь рехнулся...

— Не рехнулся я... знаю что трудно, да коли другого ничего не остается—какъ тутъ быть? А вотъ зачѣмъ мы сюда пріѣхали—спросите!

— Ну?

Платонъ сдѣлалъ испуганное лицо, таинственно наклонился къ Вово и, чуть не задѣвъ его по щекѣ носомъ, шепнулъ:

— По Сонечкѣ стосковались.

Вово кивнулъ головой. Слова дятла были для него только новымъ подтвержденіемъ.

— Ну, а Сонечку-то намъ не дадутъ, продолжалъ Платонъ уже громче,—объ этомъ и думать нечего. Это разъ. А другое—все равно такъ жить невозможно, дѣла-то, ваше сіятельство, не прежнія.

— И это знаю, что не прежнія.

— Нѣтъ, видно мало знаете, можетъ я одинъ только и знаю каковы у насъ дѣла-то. Еще когда все въ раззоръ пошло! какъ померла барыня Софья Михайловна за делёжку эту промежь себя съ братцами—сестрицами сдѣлали. А потомъ годъ отъ году хуже и хуже. Лидія-то Андреевна рвали и метали, чуяли, что не къ добру идетъ. „Служи да служи!“ — ничего только изъ этого не вышло. А потомъ пріятель, господинъ Медынцевъ, подвернулся—тутъ все прахомъ и пошло.

— А Снѣжково-то?

Платонъ безнадежно махнулъ рукой.

— Снѣжково въ рукахъ и теперь золотое дно, да руки-то у насъ гдѣ?! Снѣжково-то, помяните мое слово, черезъ годъ съ „укціону“ пойдетъ—и званія отъ него не останется. Какъ вышла эта послѣдняя, значитъ, ссора, какъ рѣшили они барыню Лидію Андреевну, значитъ, оставить—такъ что̀ сдѣлали? откуда денегъ добыли? Снѣжково заложили. Два года по заграницамъ мы, прости Господи, слонялись, а деньги водой текли. Потомъ, какъ ужь не осталось ничего,—въ Снѣжково переѣхали. Зажили. Хозяйство и все такое. Только вижу я, по глазамъ вижу, не будетъ въ томъ проку. Такъ, по моему, и вышло. Прохозяйничали годъ—

и доходовъ ровно на половину убавилось. Прохозяйничали другой—одна четверть осталась. А Лидіи Андреевнѣ деньги въ сроки подай и подай. Все, что было—то̀ и высылали. Вѣрите-ли, ваше сіятельство, эти полгода почитай безъ копѣйки въ карманѣ прожили. Иной разъ по недѣлямъ изъ комнаты не выходили, пѣть, играть забыли, отъ пищи отбиваться стали. Того и ждалъ—руки на себя наложатъ...

— Да ты бы, дуракъ, ко мнѣ написалъ, я бы къ нему пріѣхалъ!

— Эхъ, ваше сіятельство! убѣжденнымъ тономъ отвѣчалъ Платонъ, — и не пріѣхали-бы, гдѣ ужь вамъ отсюда въ нашу глушь выбраться. Собираться, это точно, стали бы, а пріѣхать-то и не удалось-бы... Да я не къ тому, я и жительства-то вашего не зналъ... А вдругъ приказъ: „укладываться!“ Ковры это, картины, вещи, книги, небель любимую — въ ящики—и въ три дня—сюда! Остановились въ Европейской, номеръ пятнадцать рублей въ сутки... Я скорѣе по квартирамъ... Богъ помогъ, вотъ эту сразу найти удалось. Перевезъ ихъ... вотъ видите, а что̀ будетъ дальше, чѣмъ жить будемъ—этого я знать не могу...

Вово сморщилъ лобъ и сдѣлалъ печальную мину, отъ чего сразу подурнѣлъ и постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ, сталъ на себя непохожимъ.

— Ну, ужь вотъ этого я не ожидалъ никакъ! проговорилъ онъ тоже не своимъ голосомъ.—Что жь онъ, Сонечку видѣлъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... они вѣдь туда, четыре года тому рѣшили, ни въ жизнь ни ногой. Съ запиской я бѣгалъ, просили прислать барышню, да Лидія Андреевна не пускаютъ. Записку прочли, вышли ко мнѣ. Я было къ ручкѣ, а онѣ отъ меня какъ отъ гадины, голову закинули и такъ гордо: скажи, молъ, своему барину, что онъ напрасно писать безпокоится. Я не стерпѣлъ... про барышню... о здоровьи спрашиваю... думалъ не выбѣжитъ-ли... вѣдь на рукахъ носилъ Сонечку, а она меня за усы таскала, любила меня, „платочкомъ“ все называла... Да куда тебѣ! повернулись Лидія Андреевна и дверь за собой затворили. Постоялъ я, постоялъ въ прихожей, все барышню поджидалъ, да такъ ни съ чѣмъ и отъѣхалъ. А вы то, ваше сіятельство, нешто у Лидіи Андреевны не бываете?

— Не бываю; но изрѣдка встрѣчаю...

— И барышню нашу видѣли?

— Недавно видѣлъ... показали мнѣ ее, а то не узналъ бы, вытянулась, вотъ какая большая!

Платонъ опустилъ носъ и высчитывалъ.

— Какъ же не большая, вѣдь черезъ три мѣсяца двѣнадцать годковъ будетъ, сказалъ онъ.

— И прехорошенькая, въ отца, или вотъ въ бабушку Софью Михайловну, кивнулъ Вово на большой фотографическій портретъ, висѣвшій надъ кроватью.

— Какъ же теперь быть?—растерянно прибавилъ онъ.

— Да ужь сдѣлайте божескую милость, помирите вы насъ съ Лидіей Андреевной—одно осталось.

Вово раздражительно повелъ плечами.

— Ты опять съ этимъ вздоромъ! Неужели ты понять не можешь, что этого никакъ нельзя?..

— А коли окромя этого неминучая погибель?..

Они не слышали какъ проснулся Аникѣевъ, какъ онъ прошелъ по мягкому ковру, и замѣтили его ужь когда онъ нѣсколько мгновеній стоялъ у двери.

Платонъ, какъ ужаленный, заметался и юркнулъ въ дверцу, въ глубинѣ спальни. Вово тоже совсѣмъ сконфузился, густо покраснѣлъ и не могъ взглянуть на пріятеля.

Аникѣевъ потянулся, зѣвнулъ.

— Прости, голубчикъ, сказалъ онъ,—видно я слишкомъ много выпилъ старыхъ винъ у Натальи Порфирьевны... не знаю какъ это вдругъ заснулъ...

— Охъ, какъ ужь поздно! прибавилъ онъ взглянувъ на часы.

— Да, пора мнѣ! встрепенулся Вово,—ну, прощай, Миша, Христосъ съ тобою!

Онъ звонко поцѣловалъ Аникѣева и совсѣмъ по-старушечьи, три раза, быстро-быстро перекрестилъ его.

— А quand? спрашивалъ онъ выходя въ первую комнату и ища свой «клякъ» и шапку.

— Если ужь этотъ дурень развивалъ передъ тобой свои планы и на меня жаловался, такъ поговоримъ, я только съ тобой и могу говорить обо всемъ этомъ... Но теперь нельзя же—и поздно, и силъ нѣтъ, пріѣзжай завтра вечеромъ, часовъ въ одиннадцать... можешь?

— Конечно могу.

Платонъ Пирожковъ, свѣтя князю на лѣстницѣ, шепнулъ:

— Слышали они... всегда спятъ такъ, что пушками не разбудишь, а нынче вотъ грѣхъ какой... Да ужь все одно... я уйду, безпремѣнно уйду... силъ моихъ нѣту...

Вово обернулся и молча показалъ ему кулакъ.

XII.

На слѣдующій день, ровно въ половинѣ двѣнадцатаго, лакей разбудилъ князя Вово. Онъ, глядя на часы, десять минутъ зѣвалъ, потягивался и разминался подъ своимъ алымъ атласнымъ стеганымъ одѣяломъ, а затѣмъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и спрыгнулъ съ кровати.

Просунувъ ноги въ мягкія туфли и накинувъ мохнатый купальный халатъ, онъ, какъ сумасшедшій, кинулся въ сосѣднюю со спальней ванную. Здѣсь лакей уже ожидалъ его и подхватилъ на ходу сброшенный халатъ. Вово съ крикомъ, визгомъ и фырканьемъ окунулся въ холодную, душистую ванну, поплескался въ ней съ минуту—и выскочилъ продолжая визжать и отфыркиваться.

Лакей накинулъ на него халатъ и принялся, съ почтительнымъ и серьезнымъ выраженіемъ, растирать его до красна.

Затѣмъ послѣдовалъ, въ строгой постепенности, обрядъ умыванья, чистки зубовъ, лощенія ногтей и всякаго прихорашиванья.

Къ половинѣ перваго Вово, въ визитномъ одѣяніи, свѣжій, сіяющій, сидѣлъ въ небольшой своей столовой за завтракомъ. Онъ пробѣжалъ политическія новости въ газетѣ, просмотрѣлъ, уже болѣе внимательно, перемѣщенія по службѣ и назначенія, заглянулъ въ объявленія о смертяхъ и панихидахъ—и отбросилъ газету.

Окончивъ завтракъ онъ перешелъ въ свой кабинетъ. Кабинетнаго и вообще мужскаго въ этой комнатѣ оказывалось весьма мало. Это былъ настоящій будуаръ легкомысленной, избалованной женщины. Причудливая низенькая и мягкая мебель. Всюду пришпиленные и набросанные куски старинныхъ пестрыхъ матерій и парчи. Пушистые ковры, тигровыя шкуры, душистые цвѣты въ корзинкахъ, фарфоровыя куколки, мелкія вещицы, альбомы, фотографіи пріятелей и пріятельницъ.

Вово подсѣлъ къ маленькому дамскому письменному столу, просмотрѣлъ кучку приглашеній и записочекъ, а потомъ развернулъ свой бюваръ. На болѣе чѣмъ полдюжинѣ крохотныхъ бумажекъ съ художественно сдѣланнымъ гербомъ Вово набросалъ каллиграфическимъ почеркомъ по нѣскольку привычныхъ французскихъ фразъ, заклеилъ въ конвертики съ такимъ же гербомъ и подавилъ пуговку звонка.

— Вотъ, отошли, сказалъ онъ вошедшему лакею,—да закладывать скорѣе и никого не принимать, скажи швейцару, а какъ Петръ подастъ карету, сейчасъ же доложи мнѣ.

Сдѣлавъ эти распоряженія, Вово быстро замелькалъ по своимъ коврамъ и тигровымъ шкурамъ, находясь, очевидно, въ необычномъ нервномъ настроеніи. Ему дѣйствительно приходилось рѣшать задачу, а это никакъ ужь не входило въ его всегдашнее утреннее препровожденіе времени.

Вово нерѣдко брался исполнять чьи-нибудь порученія, даже иной разъ и довольно деликатнаго свойства, требовавшія отъ него осмотрительности и такта. Онъ всѣмъ былъ радъ услужить. Но при этомъ онъ относился къ дѣлу всегда очень спокойно и равнодушно, чужіе интересы и затрудненія не волновали его, не нарушали его внутренняго равновѣсія.

Теперь же онъ волновался, — этотъ „Миша“ не выходилъ у него изъ головы и не давалъ ему покою. Вчера, возвращаясь отъ него и даже лежа въ постели, онъ думалъ о словахъ Платона Пирожкова.

Сегодня проснулся—и опять, сразу, тѣ же мысли.

Кончилось тѣмъ, что онъ рѣшилъ побывать у Лидіи Андреевны.

Это было не особенно для него пріятно. Лидія Андреевна, со времени своего разрыва съ мужемъ и внезапнаго его отъѣзда изъ Петербурга, сдѣлала все, что̀ можетъ только сдѣлать женщина, для того, чтобы удержать при себѣ всѣхъ его друзей и знакомыхъ. Относительно большинства, и большинства подавляющаго, ей удалось это. Но все же оказалось нѣсколько человѣкъ, незамѣтно прекратившихъ посѣщать ее. Въ ихъ числѣ, и даже раньше другихъ, былъ князь Вово.

Съ тѣхъ поръ, изрѣдка встрѣчая Лидію Андреевну, онъ ясно видѣлъ, что она не только вычеркнула его изъ своего списка,—а прежде онъ пользовался всѣми знаками большаго ея расположенія,—но прямо занесла его въ новый списокъ—своихъ личныхъ враговъ. Онъ зналъ, что многіе изъ „ея друзей“, поддер-

живающихъ съ нею постоянныя сношенія, не стѣсняются осуждать ее и подсмѣиваться надъ нею. Онъ же никогда и никому не говорилъ о ней ничего дурнаго.

Вся эта семейная драма оставалась ему непонятною, и онъ склоненъ былъ считать въ ней виноватымъ, главнымъ образомъ, Аникѣева. Но дѣло въ томъ, что онъ безсознательно любилъ „артиста", влекся къ нему, а Лидія Андреевна никогда не казалась ему привлекательной.

Пока закладывали лошадей, Вово нѣсколько разъ измѣнялъ свое рѣшеніе... Ѣхать сегодня и сейчасъ, чтобы застать навѣрно, ѣхать до вечерняго свиданія съ Аникѣевымъ. Можетъ быть что-нибудь и выяснится. Потомъ являлась мысль: нѣтъ, лучше подождать, послушать что̀ *онъ* говорить будетъ... Однако вѣдь „дятелъ" сказалъ достаточно, и все ясно...

Ѣхать ужасно не хотѣлось.

Все-таки, садясь въ карету, Вово объяснилъ кучеру адресъ Лидіи Андреевны и даже прибавилъ: „пошелъ скорѣе".

Карета остановилась у большаго, новаго дома на Фурштатской. Швейцаръ весьма предупредительно распахнулъ двери и на вопросъ Вово отвѣтилъ, что госпожа Аникѣева дома. По широкой отлогой лѣстницѣ, на каждой площадкѣ которой оказывалось четыре двери, Вово поднялся въ третій этажъ и прямо передъ собою увидѣлъ ярко-вычищенную мѣдную дощечку Лидіи Андреевны.

Онъ позвонилъ. Ему тотчасъ же отперла франтоватая горничная, впустила его, повѣсила его шубу въ темной передней, пригласила войти и пошла докладывать.

Вово оказался среди просторной гостиной, гдѣ все находилось на своемъ мѣстѣ, какъ всегда бываетъ въ „приличныхъ"-домахъ средняго круга. Вово узналъ не мало знакомыхъ прежнихъ вещей. Вотъ и Мишинъ рояль. Но Мишинаго духа, его вкусовъ и слѣда не осталось въ этой комнатѣ... Она полна Лидіей Андреевной, она представляетъ полную противоположность тому жилищу, гдѣ вчера ночью витали призраки и слышались ихъ печальные вздохи. Здѣсь нѣтъ, да чувствуется, что и не можетъ быть, никакихъ призраковъ.

XIII.

Въ сосѣдней комнатѣ легкое покашливанье, шорохъ, спущенная портьера раздвинулась и пропустила высокую, темноволосую, массивную фигуру Лидіи Андреевны. Совсѣмъ еще молодое,—ей было небольше тридцати лѣтъ, — лицо ея съ крупными очертаніями и большими сѣрыми глазами, многими признавалось очень красивымъ. Въ немъ, однако, недоставало главнаго: изящества и выраженія. Глаза ея ровно ничего не говорили. Вся она казалась какою-то тусклой, несмотря на блескъ волосъ и здоровый румянецъ, почти никогда не сходившій съ ея крѣпкихъ, круглыхъ щекъ.

Лидія Андревна оказалась въ темномъ, но весьма нарядномъ платьѣ, которому, впрочемъ, тоже недоставало изящества.

На губахъ ея мелькнула не то улыбка, не то усмѣшка, когда она, немного прищурясь, взглянула на Вово и протянула ему руку.

Онъ почтительно поцѣловалъ эту бѣлую, крупную руку и попробовалъ, было, сдѣлать ту самую милую и невинную физіономію, за которую ему обыкновенно прощалось очень многое.

На этотъ разъ однако „физіономія“ не подѣйствовала.

— Князь, какими судьбами? чему я обязана удовольствію васъ у себя видѣть? медленно произнесла Лидія Андреевна, присаживаясь на диванчикъ и указывая ему на кресло передъ собою.

„Parbleu! le commencement ne promet pas grand'chose!“ подумалъ онъ.

— Я къ вамъ по дѣлу, Лидія Андреевна...

— Я очень хорошо знаю, что безъ дѣла вы бы не пріѣхали, знаю, вѣроятно, и больше того... Вы, конечно, по порученію Михаила Александровича?

— Даю вамъ слово, что безъ всякаго порученія и что онъ бы изумился, еслибъ узналъ, что я у васъ. Пожалуста вѣрьте мнѣ, я скажу вамъ все... еслибъ я пріѣхалъ отъ него или съ его вѣдома, то не сталъ бы скрывать отъ васъ... croyez-moi, je vous prie!

— Но вѣдь вы его видѣли конечно... я знаю, что онъ въ Петербургѣ уже нѣсколько дней.

— Да, вчера я съ нимъ встрѣтился на вечерѣ у madame Вилимской и потомъ къ нему заѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ...

— Вчера... у madame Вилимской? съ удивленіемъ, помимо своей воли, переспросила Лидія Андреевна и сильно покраснѣла.

Отъ Вово не скрылись ни ея удивленіе, ни краска, ни выраженіе явнаго неудовольствія, мелькнувшее на лицѣ ея.

„Проговорился!"—подумалъ онъ и продолжалъ:

— Миша прямо мнѣ ничего не сказалъ; но изъ двухъ-трехъ его намековъ я не могъ не понять, что онъ и пріѣхалъ-то сюда главное затѣмъ, чтобы видѣть Соню... Voyons, Лидія Андреевна, не дѣлайте сердитаго лица, будемъ говорить откровенно...

Она неласково усмѣхнулась и пожала плечами.

— Говорить съ вами, князь, еслибы вы обратились ко мнѣ по порученію Михаила Александровича... это я еще понимаю...

— Ну, хорошо, конечно... вы правы... Только вѣдь вы знаете мои отношенія съ Мишей... Et puis... enfin... я могу обратиться *къ нему* по вашему порученію... затѣмъ я и пріѣхалъ...

Она опять усмѣхнулась, потомъ сдвинула брови, очевидно соображая.

— Я охотно просила бы васъ передать ему что-нибудь,—медленно сказала она,—но въ томъ-то и дѣло, что мнѣ передавать ему совсѣмъ нечего... Наши взаимныя отношенія и дѣла окончательно выяснились уже больше четырехъ лѣтъ тому назадъ... и никакихъ вопросовъ, какъ есть ничего, съ моей стороны по крайней мѣрѣ, теперь быть не можетъ... Я все пережила, какъ смогла, но теперь... теперь это для меня далекое прошлое.

— Вопросъ только въ Сонѣ,—проговорилъ Вово,—отецъ хочетъ видѣть своего ребенка и, я надѣюсь, вы не будете настолько жестоки, чтобы желать лишить его этого права.

— Ah! ne parlons pas de cruauté!—воскликнула, оживляясь, Лидія Андреевна.—Съ *моей* стороны никогда не было и не будетъ никакой жестокости. Какъ ни тяжело мнѣ это, какъ ни вредно это, наконецъ, для моей дочери—я не въ силахъ отказать ему увидѣться съ нею здѣсь, въ моемъ домѣ... Но вѣдь онъ, по своему всегдашнему упрямству, по своему деспотическому характеру, чтобы только поставить на своемъ, требуетъ ее къ себѣ. Этого никогда не будетъ! слышите, князь,—никогда!

Лицо ея вдругъ исказилось, стало злымъ и совсѣмъ некрасивымъ. Она поднялась съ мѣста и трагически произнесла:

— Только черезъ мой трупъ Соня переступитъ порогъ его дома! Я переносила все, я всегда поддавалась, не имѣла своей воли... но всему есть предѣлъ, и въ этомъ вопросѣ ни ему, да и никому со мною не справиться. Онъ зналъ на что идетъ, онъ самъ отказался отъ дочери. А у меня только она одна и осталась. Я, кажется, его ни въ чемъ не стѣсняла и не стѣсняю, я ничего не прошу и мнѣ ничего не надо... Еслибъ онъ оставилъ меня безъ всякихъ средствъ, совсѣмъ нищей — я и тогда бы не сказала ни слова, я стала бы работать, чтобы кормить мою дѣвочку. У меня все, какъ есть все отнято—и я молчу; но единственнаго моего сокровища, моего ребенка — я не отдамъ! Передайте же ему это!

Вово глядѣлъ на нее во всѣ глаза и уже почти былъ готовъ восхищаться ею. Онъ никогда не видалъ ее такою, въ такомъ экстазѣ. Жалко Мишу; но вѣдь и она права, она мать... и вотъ ей ничего не надо, она готова работать, чтобы кормить своего ребенка...

Однако онъ все же началъ соображать кое-что и вспоминать. Его всегдашняя невольная антипатія къ этой женщинѣ прорвалась сквозь восхищеніе ея горячей рѣчью.

— Хорошо,—со вздохомъ сказалъ онъ,—je vais lui dire tout... съ вашей стороны вы, конечно, правы. Сочувствуя Мишѣ, я все же не могу не сочувствовать и вамъ, особенно какъ подумаю о будущемъ... счастье еще, что вы такъ мужественны!..

Лидія Андреевна насторожилась.

— О чемъ вы говорите?—тревожно спросила она.

— Вы, конечно, ужь знаете каковы теперь денежныя дѣла Миши?

— Ничего я не знаю,—вся замирая прошептала Лидія Андреевна.

— Онъ разоренъ въ конецъ благодаря этому негодяю Медынцеву. Снѣжково почти не приноситъ доходу — какой же Миша хозяинъ!—въ банкъ платить нечего, того и гляди съ аукціона продать придется...

Лидія Андреевна забыла все.

— Господи, что-же это! только этого и недоставало!—всплеснула она руками и вдругъ заплалала горько, неудержимо.

Вово поднялся. Но она внѣ себя, всхлипывая, его удерживала.

— Князь... постойте... мнѣ надо поговорить съ вами... пожалуста устройте наше свиданіе... вѣдь онъ въ дѣлахъ какъ малый ребенокъ... я должна помочь ему... мнѣ необходимо его видѣть...

— Ну, вотъ мы и договорились, — скромно сказалъ Вово, — только знайте одно, chère Лидія Андреевна, никто не помышляетъ отнимать у васъ единственное, что вамъ дорого, вашу Соню... но Миша непремѣнно долженъ ее видѣть... отъ этого зависитъ очень многое...

— Боже мой... да развѣ я противъ?!. вы очень, очень ко мнѣ несправедливы... Привезите его ко мнѣ, уговорите его... это будетъ съ вашей стороны истинная дружеская услуга...

XIV.

Садясь въ карету, Вово увидѣлъ подъѣзжавшія извощичьи сани, а въ саняхъ толстую даму неопредѣленныхъ лѣтъ, съ крупнымъ мясистымъ лицомъ, круглыми сѣрыми глазами на выкатѣ, со вздернутымъ и въ то же время какъ-то странно загнутымъ носикомъ.

„Вдовица Бубеньева... совушка!“ — мелькнуло у него въ головѣ, и онъ приподнялъ свою маленькую „котиковую“ шапочку.

Но дама, по своей крайней близорукости, не замѣтила ни его самого, ни его поклона. А онъ, несмотря на свою всегдашнюю любезность и услужливость, не нашелъ нужнымъ подойти къ ней. Онъ скорѣе захлопнулъ за собою каретную дверцу, спустилъ переднее стекло, крикнулъ кучеру куда его везти—и помчался.

„Бѣдный Миша! не то съ гримасой, не то съ усмѣшкой подумалъ онъ,—вѣдь теперь и косточекъ отъ него не оставятъ вдовица Бубеньева съ Лидіей Андреевной, on va le massacrer... en effigie“...

Между тѣмъ толстая дама, до смѣшнаго оправдывавшая одно изъ своихъ прозвищъ:—„совушка-вдовушка,“ съ помощью швейцара вылѣзла изъ саней и стала подниматься по лѣстницѣ.

Время отъ времени она комично подпрыгивала, глядя передъ собою во всѣ свои круглые совиные глаза и все-таки наткнулась на кресло, поставленное на одномъ изъ поворотовъ лѣстницы. Она испуганно прищурилась, сразу не отдавая себѣ отчета—на что это такое наткнулась, на неодушевленный предметъ, или живаго человѣка. Затѣмъ она грузно упала въ кресло и крикнула:

— Швейцаръ, гдѣ ты тамъ?! да позвони же къ Лидіи Андреевнѣ, чтобы дверь мнѣ отворили поскорѣе!

Швейцаръ внизу разслышалъ ея пронзительный голосъ, подошелъ къ проведеннымъ изъ квартиръ, помѣщавшимся у вѣшалки электрическимъ звонкамъ—и позвонилъ.

Черезъ минуту дверь на верху отворилась.

Тогда толстая дама закричала:

— Катя, это вы?

Франтоватая горничная Лидіи Андреевны, узнавъ ея голосъ, спустилась къ ней по лѣстницѣ.

— Снимите съ меня, милая, шубку! отдуваясь и вздыхая, жалобно заговорила дама. — По четвертой лѣстницѣ нынче поднимаюсь, замучилась совсѣмъ... мое больное сердце...

Горничная, не безъ труда, боясь какъ бы гдѣ не лопнуло, стянула съ нея шубку и стала помогать ей взбираться.

Лидія Андреевна встрѣтила madame Бубеньеву въ гостиной и звонко расцѣловалась съ нею:

— Ахъ, chére amie, прикажите стаканъ сахарной воды! съ глубокимъ вздохомъ выговорила „совушка“, протягиваясь на низенькой кушеткѣ.—Сердце у меня... сердце!.. едва забралась къ вамъ, думала умру на лѣстницѣ... Всю-то жизнь, всѣ непріятности въ одно мѣсто... прямо вотъ сюда, въ сердце! ну и нельзя вынести... Je finirai mal, je le sens...

— Mais vous, chère, qu'avez vous donc?! Чтò съ вами!? воскликнула она, вдругъ оживляясь, прищуривая глаза и замѣчая слѣды волненія и слёзъ на лицѣ своей пріятельницы.

Лидія Андреевна печально махнула рукой.

— Ахъ, дорогая Варвара Егоровна! съ глубокимъ вздохомъ произнесла она.

Варвара Егоровна забыла свое сердце, спустила ноги съ кушетки и захватила пухлыми руками руку Лидіи Андреевны.

— Il y a du nouveau?! Что такое, что?! Какъ хорошо, что я собралась къ вамъ, у меня это просто предчувствіе вѣрно было, съ утра я о васъ думала и сердце за васъ щемило... Разскажите все, отведите душу... Вы знаете, какъ я люблю васъ, какъ высоко цѣню всѣ ваши душевныя качества и героизмъ въ несчастіяхъ. Вы знаете, что я все это время, всѣ эти годы, вашъ самый горячій адвокатъ!

— Знаю, милая Варвара Егоровна! съ новымъ вздохомъ сказала Лидія Андреевна, цѣлуя пріятельницу въ толстую, дряблую и пылавшую щеку.—Вы не встрѣтили на лѣстницѣ князя Вово?

— Князя Вово?! протянула Бубеньева, — нѣтъ! Правда, мнѣ

показалось, когда я подъѣзжала, какъ будто карета стояла и кто-то въ нее садился. Вы знаете, я такъ удивительно близорука... Могъ бы, кажется, подойти, не со вчерашняго дня знакомы!.. Такъ онъ былъ у васъ? посланцемъ, конечно?

Лидія Андреевна заперла дверь въ переднюю, печально подсѣла къ пріятельницѣ, еще глубже вздохнула. Во всей ея фигурѣ, грустно упавшихъ на колѣни рукахъ, въ глазахъ, безнадежно устремленныхъ куда-то прямо передъ собою, въ опущенныхъ и жалобно подергивающихся углахъ губъ, — выражалась кроткая покорность судьбѣ.

Тихимъ и зачѣмъ-то таинственнымъ шепотомъ разсказала она во всѣхъ подробностяхъ свою бесѣду съ хорошенькимъ княземъ. Она ничего не перепутала и даже не прибавила. Но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе нѣсколькихъ штриховъ и оттѣнковъ, бесѣда эта въ ея устахъ приняла совсѣмъ новый характеръ. Изъ-за нее вдругъ выглянулъ ужасный человѣкъ, злодѣй и мучитель.

И этотъ ужасный человѣкъ, злодѣй и мучитель былъ, конечно, Аникѣевъ. Выходило достаточно ясно, что онъ и разорился-то съ единственною цѣлью истерзать сердце Лидіи Андреевны.

Именно такъ отнеслась къ этой печальной новости Варвара Егоровна.

— C'est abominable! взвизгнула она и всплеснула руками,— за что̀ вамъ такое испытанье, бѣдная моя? вѣдь это непростительно, ужасно! только этого и недоставало!

— Только этого и недоставало! трагическимъ голосомъ повторила за нею Лидія Андреевна свою любимую фразу, и неудержимыя слезы, какъ въ ту минуту, когда Вово сообщилъ ей горькую новость, брызнули изъ глазъ ея.

Однако она ихъ удержала и заговорила, прижимая къ глазамъ платокъ.

— Но вѣдь вы понимаете, нельзя же допустить это... нельзя! Мнѣ ничего не надо, я давно ужь отказалась отъ всего... Не во мнѣ тутъ дѣло, а въ Сонѣ! За что же онъ ее нищей дѣлаетъ?!

— Да! ужь его отношеніе къ дочери! воскликнула Варвара Егоровна,—ça n'a pas de nom... и онъ очень ошибается думая, что все можно. Нашъ свѣтъ прощаетъ многое, смотритъ сквозь пальцы на всякій развратъ, но такое отношеніе къ своему ни въ чемъ неповинному ребенку,—нѣтъ, на этомъ онъ оборвался! Знаете, когда я кому-нибудь разсказываю... что̀ бы я ни говорила о немъ—ничто не производитъ никакого впечатлѣнія; только

и всего что отмалчиваются, пожимають плечами, говорять: „Ну да, конечно, это дурно, очень дурно“, и въ то же время я чувствую, что это совсѣмъ не то, совсѣмъ не то, нѣтъ никакого возмущенія, слова — и больше ничего! А вотъ какъ я скажу о Сонѣ,—сразу всѣ приходять въ ужасъ и васъ жалѣть начинають. Ваша сила въ Сонѣ, я вамъ давно это говорю...

— Да вѣдь я же и не спорю! сказала Лидія Андреевна,—Боже мой, Боже мой, что̀ вынесла я въ жизни ради этой дѣвочки! никто въ мірѣ не знаетъ, каково мнѣ было. Я скрывала отъ всѣхъ... вѣдь вы сами считали насъ счастливыми, примѣрными супругами и, помните, какъ удивились тогда... вѣрить не хотѣли...

— Еще бы! крикнула Варвара Егоровна, — какъ съ небесъ упало, онъ мнѣ казался всегда такимъ хорошимъ, гуманнымъ человѣкомъ и главное—человѣкомъ съ сердцемъ. Я всѣмъ такъ и говорила про него: вотъ семьянинъ, вотъ идеальный человѣкъ!.. Эти годы вашего молчаливаго страданія—я всегда всѣмъ на нихъ указываю... Потомъ, какъ ужь это случилось, я, конечно, многое припоминать стала и поняла. О, онъ хитрый человѣкъ, онъ умѣлъ отводить глаза!

— Конечно, умѣлъ! усмѣхнулась Лидія Андреевна, и по лицу ея пробѣжала злая гримаса.—Я, разумѣется, молчу и теперь передъ всѣми. Я не изъ тѣхъ, которыя любятъ выставлять на показъ все некрасивое, всю грязь... Наконецъ я все же ношу его имя; но иной разъ таить въ себѣ все тяжело...

Она ударила себя въ грудь рукой и приготовилась плакать.

Варвара Егоровна кинулась къ ней, обняла ее, начала громко цѣловать.

— Успокойтесь, голубушка, не разстраивайте себя, знаю я какъ тяжело все таить, по себѣ знаю... Я вѣдь тоже таю не мало, моя жизнь не легче вашей, можетъ-быть еще ужаснѣе. Но вѣдь мнѣ-то, мнѣ вы можете говорить все, вы знаете, какъ я люблю васъ... довѣренное мнѣ не пропадетъ, все равно какъ положенное въ государственный банкъ на храненіе...

Ей показалось, что она съострила, и она сама себѣ улыбнулась.

„Вотъ дура“! пронеслось въ мысляхъ Лидіи Андреевны.

Но это было совсѣмъ, совсѣмъ невольно, и тотчасъ же забылось.

Она глядѣла на круглое совиное лицо вдовушки, на ея влажные, быстро мигавшіе глаза съ дружескимъ довѣріемъ.

Она заговорила:

— Отъ васъ не таюсь. Правда, иной разъ силъ нѣтъ молчать... Что меня убиваетъ, такъ это фальшь. Вѣдь онъ самый фальшивый человѣкъ, какого можно себѣ представить! Подумайте только... Я на него молилась, я ему вѣрила какъ Богу, я считала его просто святымъ какимъ-то, готова была за нимъ въ огонь и воду... И все это только маска, всѣ его громкія фразы, вся его поэзія... Это человѣкъ безъ нравственныхъ убѣжденій, лѣнтяй и деспотъ. Къ тому же, повѣрите ли, иной разъ я поневолѣ начинала думать, что онъ... что у него въ головѣ не совсѣмъ въ порядкѣ...

— Я это давно уже говорю, всѣмъ говорю! перебивая ее воскликнула Варвара Егоровна.

Лидія Андреевна подняла глаза, и взглядъ ея случайно упалъ на довольно большой портретъ Аникѣева, не безъ цѣли выставленный въ этой гостиной. На нее, какъ живое, глянуло тонкое лицо артиста съ этой характерной прядью волосъ, непослушно падавшей на широкій лобъ. Свѣтлые глаза, своимъ загадочнымъ и строгимъ выраженіемъ, будто спрашивали ее: „Такъ, я сумасшедшій?“

И она потупилась. Но тутъ же ее вдругъ охватила вся злоба, все негодованіе, вся жажда мести, которыя давно, давно ее душили.

— Если онъ сумасшедшій, для него же лучше, сказала она,— тогда ему есть хоть оправданіе. Нѣтъ, онъ не сумасшедшій, онъ просто-на-просто избалованный эгоистъ безо всякаго чувства! Онъ никогда, никогда не любилъ меня и не цѣнилъ. Ну скажите, вы меня знаете, развѣ ужь я въ самомъ дѣлѣ такая дурная женщина? Развѣ я была ему плохою женой?!

— Ахъ, что вы говорите! крикнула madame Бубеньева, опять принимаясь цѣловать ее.—Ужь относительно него вы чисты какъ кристаллъ! Онъ былъ за вами какъ за каменной стѣною. Вы говорите „избалованный“,—да вы же первая его избаловали.

— Нѣтъ, не я, съ убѣжденіемъ отвѣтила Лидія Андреевна.— Онъ попалъ мнѣ въ руки совсѣмъ ужь испорченнымъ. Да и потомъ... Вѣдь я была такъ молода, почти ребенокъ, развѣ я что-нибудь понимала! А когда понимать стала — было уже поздно. Самое ужасное это то, что онъ никогда и не въ чемъ меня не слушался. Онъ считалъ меня глупой и даже не скрывалъ этого. Уменъ былъ только онъ одинъ...

— Нечего сказать, очень! язвительно перебила Варвара Егоровна, — еслибъ уменъ былъ, такъ теперь все было бы совсѣмъ иначе.

— Именно, что все было бы совсѣмъ иначе, согласилась съ нею Лидія Андреевна, — я все, все заранѣе предчувствовала, и Богъ видитъ, что сдѣлала все для того, чтобъ отвратить погибель. Когда, послѣ кончины maman и раздѣла, дѣла стали запутываться, все можно было еще спасти, все было въ рукахъ. Ему необходимо было начать службу. Я умоляла, я приставала до того, что онъ наконецъ согласился. Былъ причисленъ... Вы знаете ли, я дѣйствовала очень осторожно и почти все уже совсѣмъ устроила. Было обѣщано прекрасное назначеніе. И чѣмъ же все кончилось! Я со всѣми моими хлопотами въ дурахъ только осталась. Онъ, видите, не сошелся во взглядахъ, онъ, видите ли, не можетъ говорить то, чего не думаетъ, не можетъ дѣлать того, что считаетъ безполезнымъ или вреднымъ. Онъ не можетъ торчать въ переднихъ, лебезить и подлизываться — это его выраженія... Одинъ умнѣйшій человѣкъ, да и вы его знаете,—Николай Ѳедоровичъ,—просто рвалъ и металъ тогда, себя ему въ примѣръ ставилъ, былъ такъ добръ, что училъ его.

— И что̀ же?

— А онъ ему вдругъ при мнѣ: развѣ вы тоже достигли своего положенія такимъ путемъ, развѣ вы тоже по переднимъ бѣгали и кланялись? А Николай Ѳедоровичъ, это вѣдь добрѣйшій человѣкъ и онъ къ намъ расположенъ былъ, онъ ему прямо: „да, говоритъ, только и добился этимъ, что же дѣлать.“ Ну, словомъ—ничего не вышло, кромѣ непріятностей. Кричалъ, кричалъ, мучилъ меня: я, видите ли, заставляю его унижаться, отравляю ему душу, я запрятала его въ темный чуланъ, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни воздуха. Это его любимое сравненіе было. А какой же чуланъ, куда я могла его запереть, когда никакого вліянія я на него не имѣла, когда онъ всегда все дѣлалъ по-своему. Мнѣ оставалось только глядѣть на эти чудачества и мучиться. Мошенникъ придетъ въ домъ, на лицѣ написано, что мошенникъ, подольстится къ нему — и онъ сейчасъ же его за святаго считаетъ. Тотъ ему въ карманъ лѣзетъ; а онъ ему карманъ и выворачиваетъ. Вѣдь его, я думаю, всѣ петербургскіе жулики знали, такъ прямо и идутъ, разскажутъ какую-нибудь сказку—онъ имъ и выложитъ свои послѣднія деньги. Мнѣ нужно на хозяйство, на Соню, на самыя первыя необходимости—нѣтъ денегъ.

Да гдѣ же онѣ, вѣдь недавно сколько было?! Тутъ вотъ и приходилось узнавать всякія прелести.

— Воля ваша, или сумасшедшій, или ужь отъ своего этого ужаснаго характера, чтобы вамъ досадить и страдать заставить! перебила madame Бубеньева; но Лидія Андреевна, поглощенная воспоминаніями, не обратила вниманія на ея слова и продолжала:

— Я письма перехватывала, никого до него не допускала — и все-таки не уберегла. Довѣрился онъ этому каторжнику Медынцеву, отдалъ ему весь капиталъ. Я какъ узнала — въ ужасъ пришла. Только, конечно, сама еще тогда не знала, какой это негодяй Медынцевъ... А онъ меня успокоиваетъ, говоритъ: „вотъ ты меня считаешь ни на что не способнымъ, не практичнымъ, такъ я докажу тебѣ обратное. Меньше чѣмъ черезъ годъ нашъ капиталъ удвоится.“ — Ну, вы знаете, черезъ годъ не было ни капитала, ни Медынцева. Кажется урокъ хорошій на всю жизнь, кажется послѣ этого можно придти въ себя и начать меня слушаться, а онъ — какимъ былъ, такимъ и остался.

— Да, ужасный, ужасный человѣкъ!.. повторяла качая головою Варвара Егоровна.—Счастье еще, что у васъ одна Соня.

— Хоть и одна Соня, а все же вѣдь и ей жить надо! съ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнула Лидія Андреевна.

— Что же вы теперь думаете дѣлать?

— А ужь и не знаю. Я въ такомъ чаду, что не могу собраться съ мыслями.

— Знаете что̀?! внезапно сообразила Варвара Егоровна,—времени терять нечего, вѣдь теперь все ясно, онъ расточитель, его необходимо взять подъ опеку, только этимъ способомъ можно еще спасти то, что̀ осталось!

Лидія Андреевна задумалась.

Потомъ она охватила свою голову руками и громко заплакала.

— Я не могу больше! кричала она, совсѣмъ уже не владѣя собою,—я не хочу нищеты, я его жалѣла, я не жаловалась, выносила все. Но вижу, что моя деликатность съ нимъ насъ только погубитъ... Я его не буду жалѣть больше... я сорву съ него маску... пусть всѣ видятъ, какой это человѣкъ!.. Ахъ, скажите пожалуста,—артистъ, талантъ, идеалистъ, художникъ!.. развратный, низкій человѣкъ — и ничего больше, самый жестокій эгоистъ — вотъ онъ кто!..

Она остановилась переводя духъ.

Въ это время за спущенною портьерой, изъ сосѣдняго будуара, раздались горькія всхлипыванія.

Лидія Андреевна стремительно кинулась туда и заглянула за портьеру.

Прелестная худенькая дѣвочка съ длинною тяжелою бѣлокурою косой стояла посреди будуара, вся какъ-то съежившись, вся трепеща и горько, горько плача.

— Зачѣмъ ты здѣсь? Что ты тутъ дѣлаешь? Чего ты ревешь? Какъ ты смѣешь подкрадываться?!. Вѣдь я тебѣ сколько разъ запрещала!.. крикнула Лидія Андреевна.

Дѣвочка подняла великолѣпные глаза полные слезъ, испуганно и безсмысленно посмотрѣла на нее, притиснула руку съ мокрымъ платкомъ себѣ къ груди—и стремительно убѣжала.

XV.

Лидія Андреевна заперла на ключъ дверь изъ будуара въ корридоръ и вернулась къ своей гостьѣ.

— Что̀ это съ Соней? спрашивала Варвара Егоровна,—она плакала? неужели слышала?

— А вотъ видите! заговорила Лидія Андреевна, въ волненіи ходя по гостиной,—это еще мое мученье... несносная дѣвочка, вѣчно какъ-то подкрадывается и слышитъ то, чего ей не слѣдуетъ слышать. Плакса, нервная, обидчивая... мука, мука мнѣ съ нею! Вѣдь сколько времени просто дышать она мнѣ не давала—все объ отцѣ, все объ отцѣ... такая тоска! и никакими мѣрами я не могла съ нею сладить. Ну, наконецъ, слава Богу, перестала, ни слова теперь о немъ никогда...

— Вы думаете, она его забыла?

— Нѣтъ, я этого не думаю... Только... дѣти вѣдь очень чутки, она понимать начинаетъ, какъ онъ виноватъ передо мною... такъ никогда о немъ и не заговариваетъ... Вотъ эти слезы ея, эта нервность!.. надо лѣтомъ непремѣнно везти ее, если не за границу, такъ хоть въ Крымъ... въ морѣ ей купаться, чтобы окрѣпнуть... кумысъ тоже ей принесетъ пользу... я ужь съ докторомъ говорила, онъ со мною согласенъ, находитъ, что надо везти ее непремѣнно... А тутъ эти дѣла, эти ужасы относительно Снѣжкова! Что жь такое будетъ!

— Я говорю, надо опеку, рѣшительно объявила Варвара Его-

ровна,—а то вѣдь, чего добраго, онъ послѣднее возьметъ, да и отдастъ кому-нибудь, какой-нибудь женщинѣ...

— Вы слышали? что такое? новое еще? глухимъ голосомъ произнесла Лидія Андреевна, остановясь передъ нею.

— Нѣтъ, я ровно ничего не слыхала... я такъ, свое предположеніе...

— Говорите, говорите все, не скрывайте отъ меня, ради Бога!

— Милочка, не волнуйтесь,—ma parole—я ничего не слыхала... еслибы слышала что... развѣ вы меня не знаете—я бы ни минуты не могла скрыть отъ васъ, прямо бы къ вамъ...

Лидія Андреевна дѣйствительно знала ее, а потому могла ей повѣрить. Стала бы она скрывать!—первая прибѣжала бы, да еще и съ разными прибавленіями.

— Ахъ, зачѣмъ только вы коснулись этой гадости! съ брезгливымъ жестомъ вдругъ воскликнула Лидія Андреевна.—Отвратительно, тошно и подумать! Ну какъ же не фальшь, не жалкая, грязная комедія! Идеалистъ, художникъ! Вѣдь это началось съ перваго времени, я вамъ, кажется, говорила... Какой же онъ мужъ, какой семьянинъ? И чего онъ отъ меня требовалъ! смѣшно и противно вспомнить. Онъ не могъ выносить ночной кофты, папильотокъ, ну и всего такого... онъ былъ бы доволенъ, еслибъ я всегда сидѣла передъ нимъ въ бальномъ платьѣ, съ цвѣтами въ волосахъ, сидѣла бы и съ нимъ кокетничала, принимала разныя граціозныя позы, вела поэтическіе разговоры.

— Жизнь—не бальная зала и не поэзія, la vie est toujours la vie! глубокомысленно замѣтила Варвара Егоровна,—безъ ночныхъ кофточекъ можно только простуду схватить - и ничего больше!

— Вотъ это самое и я ему говорила, хоть и была еще тогда совсѣмъ дѣвчонкой... Я ему говорила: я тебѣ жена, а не танцовщица!.. Вѣдь не могла же я въ самомъ дѣлѣ стѣснять себя съ утра и до вечера у себя въ домѣ, играть вѣчно роль куртизанки... Аспазіи какой-то, чтобы ему нравиться. Я никогда ни на одного мужчину не взглянула; но и это, кажется, было ему не по вкусу.. „Если не для меня, такъ хоть для другихъ будь привлекательна, будь женщиной!“ Такъ и говорилъ...

— C' est un monstre de perversité! чудовище! въ негодованіи взвизгнула madame Бубеньева.

— И двухъ лѣтъ не прошло послѣ нашей свадьбы, какъ онъ сталъ все чаще и чаще объявлять мнѣ, что я „оскорбляю его

эстетическое чувство". Я, говоритъ, не могу жить безъ красоты и гармоніи... Какъ вамъ это покажется! вѣдь повѣрить трудно!

— Dieu sait quoi!

Варвара Егоровна пожала плечами и фыркнула своимъ совинымъ носикомъ.

— Ну, скоро и стала я замѣчать, что онъ ищетъ эту свою красоту и гармонію... сначала, конечно, мучилась, оскорблялась, унижалась до ревности, объяснялась съ нимъ, плакала, больная лежала, а потомъ ужь и рукой махнула. Я слышала, онъ обвинялъ меня въ томъ, что я рѣдко дома бывала... Прежде я любила и музыку и пѣніе; но вѣдь всему есть предѣлъ, онъ до одуренія меня довелъ своею музыкой, своимъ пѣніемъ, своею этою артистичностью и поэзіей! Дуры всякія, въ него влюбленныя, появляться стали, а онъ все браковалъ: не то, говоритъ, не то! Каково же было все это выносить порядочной женщинѣ!

— А вѣдь у васъ весело бывало! неожиданно для самой себя воскликнула Варвара Егоровна, очевидно вспомнивъ что-то пріятное.

— Можетъ кому и было весело, только не мнѣ. Всѣ веселились, а я хлопотала и видѣла, что мы живемъ не по средствамъ. Къ тому же я терпѣть не могу этого вѣчнаго цыганскаго табора, этой безалаберщины, шума. И чего, чего стóили всѣ эти обѣды, да ужины! А дѣла—хуже, да хуже! Со службой ничего не вышло. Вдругъ — полное разочарованіе! все надоѣло, все невыносимо, скорѣе въ деревню, въ Снѣжково. Это въ февралѣ-то, въ глушь! Для меня, вы знаете, хуже деревни быть ничего не можетъ. Мнѣ надо очень, очень мало; но безъ Петербурга я жить не могу. Отправился одинъ; я сократила расходы...

Пріѣзжаю въ Снѣжково въ концѣ мая. Онъ неузнаваемъ, загорѣлъ, глаза блестятъ... Такъ сразу и встрѣтилъ: кузина, кузина, Алина, Алина! Какая еще тамъ кузина проявилась! Никогда о ней и слуху не было, седьмая вода на киселѣ...

— Да развѣ же вы ее прежде не знали?

— И во снѣ не снилась... maman никогда ни слова... въ Харьковѣ они жили... отецъ, Лукановъ, служилъ тамъ, предсѣдателемъ что ли какой-то палаты. Умеръ, жить нечѣмъ, дѣвчонка эта съ больною матерью поневолѣ и переѣхала въ деревню, совсѣмъ маленькое у нихъ имѣньице, въ пяти верстахъ отъ Снѣжкова...

— Что жь, вы такъ сразу и замѣтили?

— Онъ и не скрывался! тотчасъ же отрекомендовалъ свою

красавицу... Отъ нее не отходитъ, такъ и ѣстъ ее глазами, всѣ дни тамъ, въ ихъ старомъ гниломъ домишкѣ пропадаетъ. А потомъ вдругъ пришелъ—и прямо:

— Lydie, я не могу молчать, я люблю ее безумно, фатально, дѣлай что знаешь...

— Что жь вы ему на это? вѣдь вы никогда, никогда такъ подробно объ этомъ мнѣ не разсказывали, съ жаднымъ интересомъ спрашивала madame Бубеньева.

— Развѣ мнѣ пріятно вспоминать объ этихъ гадостяхъ! съ большимъ достоинствомъ произнесла Лидія Андреевна. — Я отстранилась, я не хотѣла ничего видѣть, ничего знать. Я въ началѣ августа взяла Соню съ гувернанткой и вернулась въ Петербургъ. Что жь другое я могла сдѣлать?

— Еще бы! О, моя бѣдная! съ нѣкоторымъ разочарованіемъ протянула „совушка", хлопая глазами.—Mais enfin, ну, скажите мнѣ, я никому... если хотите, да и какая же тутъ тайна?... Было между ними что-нибудь?...

— Это ужь надо спросить у ея умнаго и красиваго князя, за котораго она выскочила... какъ она такое смастерила—удивительно!... Но вѣдь у меня свои глаза, и я имъ вѣрю... съ гадливою гримасой медленно проговорила Лидія Андреевна.

— Я такъ всѣмъ и говорила... Михаилъ Александровичъ былъ тогда, предъ ея свадьбой и послѣ, ужасенъ... я помню!

— Да, я помню это, конечно, лучше, чѣмъ вы... Я все на себѣ вынесла... цѣлыхъ полтора года! Никакія влюбленныя въ него психопатки его не развлекали... Только все же отошло, перемололось, кончилъ онъ свой трауръ по Алинѣ и опять началъ искать „красоту и гармонію". Ну, и нашелъ, наконецъ, психопатку, бросилъ меня и Соню, скрылся со своею „артисткой" за границу, а тамъ, кажется, очень скоро она его самого бросила...

— Фуроръ теперь она здѣсь производитъ, вы были на ея послѣднемъ концертѣ?

Лидія Андреевна только посмотрѣла съ удивленіемъ на „совушку", дернула плечомъ и даже ничего ей не отвѣтила.

Въ дверь раздался стукъ и, получивъ разрѣшеніе, горничная внесла чай съ вареньями и печеніемъ.

— А наливки хотите?.. спросила хозяйка.

— Вы знаете, я отъ этого никогда не отказываюсь, у васъ такія чудныя наливки, и совсѣмъ не крѣпки.

Лидія Андреевна едва замѣтно улыбнулась.

Пріятельницы подсѣли къ маленькому чайному столику и внезапно, сами того не замѣчая, измѣнили тему разговора. Слѣды слезъ и волненія исчезли съ лица Лидіи Андреевны. На сцену выступила скабрезная исторія общей пріятельницы, которая, отправивъ мужа въ долгую командировку, увлеклась молодымъ учителемъ сына самымъ „нагляднымъ“ образомъ. Пріятельницу смѣнилъ романъ Поля Бурже, потомъ Михайловскій театръ, несравненные, прелестные его актеры: Вальбель и Гитри и, наконецъ, все померкло и стушевалось предъ новостями Гостинаго Двора.

Варвара Егоровна очень ловко и незамѣтно уничтожала рюмку за рюмкой густую сладкую вишневку, пока наконецъ лицо ея не стало пылать, а круглые глаза не подернулись масляною пленкой.

На сцену опять появилась легкомысленная пріятельница.

— C'est ignoble! негодовала Лидія Андреевна.

— Et avec ça, вѣдь ея Иванъ Иванычъ... il est très bien... прекрасный мужчина! Очень, очень пріятный, я вотъ именно такимъ могла бы увлечься! откровенно объявила „совушка“.—Съ ея стороны это просто развратъ... О, Боже мой! Вотъ я сколько лѣтъ вдовой, я только про то знаю, какъ мнѣ это трудно... но вѣдь я же себѣ никогда, никогда ничего не позволила! Замужъ, да! а такъ... хоть умереть,—честь дороже всего въ мірѣ! Я не способна на паденіе!

Добродѣтельная „совушка“ уже болѣе десяти лѣтъ упорно искала по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ и министерствамъ того, кто толкнулъ бы ее такъ, чтобы она упала. Но всѣ ея старанія оставались всегда тщетными. Не обладая красотой и богатствомъ, она, вдобавокъ, не умѣла скрывать своихъ матримоніальныхъ цѣлей. Мужчины бѣгали отъ нея, какъ отъ огня, и пуще всего боялись оставаться съ нею глазъ на глазъ. Поэтому ей очень часто казалось, что ее обижаютъ. Она любила дать понять, что такой-то и такой-то къ ней неравнодушенъ, и что еслибъ не ея добродѣтель и строгость... Она любила двусмысленные разговоры, могла перепить любаго мужчину, жаловалась на болѣзнь сердца и время отъ времени впадала въ истерику—отъ избытка добродѣтели. Она, конечно, убавляла себѣ по меньшей мѣрѣ лѣтъ восемь и была искренно увѣрена, что ей вѣрятъ.

— Богъ мой, какъ я съ вами засидѣлась! всегда такъ! воскликнула наконецъ Варвара Егоровна, къ самымъ глазамъ поднося свои часики.—Такъ чтожъ chérie, вы послѣдуете моему совѣту? опека и, главное, скорѣе!

— Увидимъ! раздумчиво отвѣтила Лидія Андреевна,—я должна, какъ это ни ужасно, съ нимъ увидаться...

— Онъ у васъ будетъ! только бы мнѣ съ нимъ не столкнуться... Я не хочу его видѣть, а если увижу, вы меня знаете, выскажу все мое презрѣніе... Я слишкомъ люблю васъ!

Она поднялась съ кресла и схватилась за сердце.

— Ахъ, мое бѣдное сердце! оно чувствуетъ ваши несчастія какъ свои... Ай-ай! голова!

У нея дѣйствительно кружилась голова отъ предательски крѣпкой, на спирту настоенной вишневки. Пошатываясь вышла она въ переднюю.

— Ужь вы, милая Катя, пожалуста сведите меня съ лѣстницы, говорила она горничной, одѣваясь,—отъ сердца голова кружится...

Горничная, благо была темно въ передней, пофыркивала себѣ въ кулакъ, застегивая ея шубку.

Сползла „совушка" съ лѣстницы благополучно, швейцаръ кликнулъ извощика, усадилъ ее въ сани и пристегнулъ полостью.

На поворотѣ сани столкнулись съ другими извощичьими санями. „Совушка" близко-близко разглядѣла красивое лицо молодаго незнакомаго офицера, не воздержалась—и очень выразительно ему подмигнула.

„Ишь, старая сова!.. туда-же!"—весело подумалъ онъ отъѣзжая.

XVI.

У подъѣзда на набережной остановилась щегольская карета. Выѣздной лакей поразительно быстро слетѣлъ съ козелъ и распахнулъ дверцу. Въ то же мгновеніе чудесная сквозная дверь дома, черезъ которую по вечерамъ прохожіе могли любоваться на художественную обстановку широкихъ сѣней съ колоннами и перспективу отлогой лѣсницы,—безшумно растворилась.

Княгиня Алина, пахнувъ неопредѣленнымъ, какимъ-то весеннимъ запахомъ тонкихъ духовъ, мелькнула на подъѣздѣ, потомъ у лѣстницы, сбросила подбитую темнымъ соболемъ накидку на руки лакея и легко, едва касаясь мягкаго ковра, поднялась къ себѣ, въ обширную квартиру втораго этажа.

— Князь у себя? спросила она.

— Съ полчаса какъ изволили выѣхать, ваше сіятельство,— отвѣтилъ ей мягкимъ басомъ старый лакей, почтительно обращая ея вниманіе на серебряный подносикъ съ нѣсколькими визитными карточками лицъ, пріѣзжавшихъ къ ней въ ея отсутствіе изъ дому.

Она перебрала карточки своею маленькою тонкою рукой, затянутою въ перчатку. Увидѣвъ одну изъ нихъ, она едва замѣтно сама себѣ кивнула головой—вслѣдъ за этимъ визитомъ непремѣнно должно получиться важное для нея приглашеніе, которое она подготовляла уже двѣ недѣли. Остальныя карточки были не особенно интересны.

Алина прошла дальше, черезъ нѣсколько высокихъ, съ большимъ вкусомъ устроенныхъ комнатъ—и очутилась въ своей спальнѣ, передъ большимъ трюмо, отразившимъ ея прелестную фигуру. Снявъ шляпку, она прижала пуговку электрическаго звонка на туалетномъ столѣ.

Вошла молоденькая, стройная горничная, въ темномъ шерстяномъ платьицѣ и шелковомъ передничкѣ, съ манерами скромной институтки, съ хорошенькимъ, весьма неглупымъ лицомъ, которому она, очевидно намѣренно, придавала постное выраженіе.

— Скорѣе, Вѣра, переодѣваться... я ужасно устала—и поздно!—сказала княгиня, и по едва уловимому оттѣнку въ тонѣ этого обращенія можно было заключить, что хорошенькая горничная пользуется ея особенными милостями.

— Что̀ же, надѣнете, ваше сіятельство? освѣдомилась Вѣра.

— Я никого сегодня не принимаю и вечеромъ никуда не выѣду... со мной будетъ только обѣда̀ть мой пріѣзжій родственникъ, котораго я давно-давно не видала... Принеси что-нибудь мягкое, теплое...

Вѣра подняла на княгиню свои большіе, зеленоватые, хитрые глаза, но тотчасъ же ихъ опустила и вкрадчивымъ голоскомъ произнесла:

— Слушаю-съ... понимаю.

Она исчезла, а княгиня, уйдя въ глубь спальни, за свою высокую кровать, устроенную по заграничному—въ нишѣ, подъ балдахиномъ, стала спѣшно раздѣваться...

„La belle“ провела этотъ день какъ и всегда. Она проснулась въ обычный часъ, во-время одѣлась, позавтракала съ аппетитомъ. Она только приказала подать себѣ „меню“ сегодняш-

няго обѣда, чего почти никогда не дѣлала, и очень смутила повара, потребовавъ отъ него значительныхъ измѣненій.

Въ третьемъ часу она выѣхала, сдѣлала нѣсколько необходимыхъ визитовъ и заѣхала въ благотворительное учрежденіе, гдѣ была „главною дѣятельницей“.

Никто не могъ замѣтить въ ней чего-либо новаго. Та же ослѣпительная красота, сознающая себя и требующая восторженнаго, почтительнаго поклоненія. Каждое слово, каждое движеніе обдуманны, такъ что ни къ чему нельзя придраться.

Въ свѣтѣ, конечно, не могли не злословить и не подшучивать надъ Алиной по поводу ея „невозможнаго“ мужа; но злословіе и шуточки съ каждымъ годомъ стихали. Она сумѣла себя поставить, побѣдила зависть, возбужденную ея рѣдкою красотой, отняла оружіе у вражды своимъ тактомъ и безупречнымъ поведеніемъ.

Въ первые годы ея замужества на ея сердце была самая ожесточенная травля и облава. Такъ молода, такая красавица—и такой отвратительный идіотъ мужъ! Не находилось, кажется, ни одного свѣтскаго человѣка, который бы не испробовалъ надъ нею свои чары, не подвергъ ее самому разнообразному ухаживанію. Но она оставалась холодна и неприступна, очень ловко и рѣшительно указывала своимъ поклонникамъ ихъ настоящее мѣсто. Притомъ она дѣлала все въ мірѣ, чтобъ ихъ не обидѣть, не нажить себѣ враговъ. Ей удавалось это, такъ какъ она никому не отдавала предпочтенія—и всѣ это чувствовали.

Она всюду являлась подъ руку съ уродомъ-мужемъ, выдѣляя еще больше свою красоту его безобразіемъ и усугубляя его безобразіе своею красотой. Наконецъ рѣшили, что она не женщина, а только внѣшнимъ образомъ оживленная статуя.

Впрочемъ Вово разносилъ другую легенду: онъ увѣрялъ, что „la bête“ разъ навсегда привелъ ее въ ужасъ, и вотъ она вѣчно живетъ подъ этимъ впечатлѣніемъ.

Онъ увѣрилъ ее, что онъ такой же мужчина, какъ и всѣ—и съ тѣхъ поръ она чувствуетъ отвращеніе ко всему мужскому роду... que voulez-vous! c'est plus fort qu'elle... parole! je le tiens de bonne source! съ самымъ серьезнымъ лицомъ толковалъ онъ всюду, особенно дамамъ.

У нея не было друзей, ни мужчинъ, ни женщинъ, не было своего интимнаго кружка; но пожилыя дамы, во главѣ съ Натальей Порфирьевной, очень къ ней благоволили и устроили ей

въ обществѣ прекрасное положеніе. О томъ—счастлива ли она или несчастна, какъ живетъ, что скрывается подъ этою великолѣпною оболочкой—никто не зналъ, да и знать не хотѣлъ: „дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ“,—а ужъ свѣтъ и подавно...

Между тѣмъ, хоть и незамѣтно было въ Алинѣ и на этотъ разъ никакой перемѣны, хоть она и продолжала имѣть видъ холодной статуи, на которую можно только любоваться,—перемѣна была, и даже большая.

Здѣсь, въ своей спальнѣ, быстро, не по всегдашнему скинувъ визитное платье и ожидая возвращенія Вѣры — она сразу изъ статуи превратилась въ живую женщину. Такого выраженія въ ея великолѣпныхъ темныхъ глазахъ не видалъ никто — что-то горячее, и ясное, и мечтательное мерцало въ нихъ, то вспыхивая, то потухая.

Вдругъ она почти подбѣжала къ туалетному столу, быстро выдернула изъ головы шпильки—и ея темно-темнокаштановые, почти черные волосы, тонкіе и блестящіе какъ шелкъ, скользнули густою волной по обнаженной шеѣ. Она тряхнула ими, они разсыпались и охватили ее всю, доходя ей почти до колѣнъ. Тогда она подняла руки, красивѣе и бѣлѣе которыхъ нельзя было себѣ представить, и тонкими, почти прозразными пальцами искусно и привычно заплела сначала одну длинную косу, а потомъ другую, совсѣмъ даже не замѣчая, что Вѣра стоитъ сзади и съ удивленіемъ смотритъ.

— Ваше сіятельство, позвольте я сдѣлаю... какъ прикажите? наконецъ проговорила горничная.

— Оставь, ты не умѣешь... я сейчасъ!

Черезъ минуту новая прическа была готова. Переплетенныя косы тяжелымъ узломъ легли низко на затылокъ, совсѣмъ измѣнивъ форму головы и общее впечатлѣніе.

— Смотри, ничего такъ? обратилась Алина къ горничной.

Та глядѣла все съ возраставшимъ удивленіемъ.

— Ничего-то ничего, фамильярно сказала она,—такую красавицу развѣ что можетъ испортить!.. только къ чему этакъ? всегдашняя прическа не въ примѣръ лучше... и никто нынче такимъ способомъ не носитъ...

— А развѣ нужно носить какъ всѣ? у меня съ утра голова болитъ, такъ легче гораздо... Ну, покажи-ка что ты принесла? Да, это самое! давай, я надѣну...

Это было что-то среднее между капотомъ и платьемъ, что-то

неопредѣленнаго дымчатаго цвѣта и неопредѣленной мягкой матеріи, все отороченное дорогимъ, переливчатымъ, мѣстами совсѣмъ серебристымъ мѣхомъ хинхиллы.

Алина стояла предъ трюмо, вопросительно глядя на свою высокую стройную фигуру, на свое лицо, измѣненное теперь въ этой новой прическѣ. Потомъ она выдвинула одинъ изъ внутреннихъ ящиковъ шифоньерки, вынула оттуда довольно большой, въ складномъ футлярѣ, портретъ и подала его Вѣрѣ.

— Смотри и говори только правду,—похоже? измѣнилась я? очень постарѣла?

Она такъ и впилась глазами въ глаза Вѣры.

Та взглянула: эта прическа! Съ портрета перевела взглядъ на княгиню и сказала:

— Похоже, конечно, только лучше вы стали, безъ сравненія лучше!

— Не лги! постарѣла я?

— Вотъ какъ передъ Богомъ! ишь что̀ выдумали: постарѣть... да вы какъ есть барышня молоденькая... красавица... во всемъ мірѣ такой нѣту!..

Говоря это, Вѣра граціозно опустилась на колѣни, прижалась губами къ рукѣ Алины и глядѣла на нее снизу вверхъ влюбленными глазами. Алина рѣзко и съ видимымъ неудовольствіемъ отстранила ее.

— Теперь уходи, сказала она,—и какъ только снизу швейцаръ позвонитъ—сейчасъ же иди сюда и скажи мнѣ.

Вѣра поднялась, опустила глаза, сдѣлала постное лицо и выскользнула изъ спальни.

„Куда жь дѣвались эти годы? думала Алина, разглядывая свой старый портретъ.—Будто недавно, а шесть ужь лѣтъ! Говорятъ, если весело живешь, такъ не замѣтишь времени! Какая неправда! Хорошо мое веселье!..“

Она спрятала портретъ, взглянула на часы и присѣла въ низенькое, мягкое кресло.

„А вдругъ не пріѣдетъ?“ пронеслось у нея въ головѣ.

Она вся дрогнула и совсѣмъ застыла, чутко прислушиваясь. Глаза ея горѣли, щеки то и дѣло вспыхивали румянцемъ, руки похолодѣли. Она считала минуты: разъ, два, три... до шестидесяти, чтобы хоть этимъ сократить ожиданіе.

Никто, никто не повѣрилъ бы, что она можетъ быть такою, никто бы не узналъ ея.

XVII.

Аникѣевъ подъѣхалъ къ знакомому дому—знакомому, хоть онъ и никогда не бывалъ въ немъ. Уже пять зимъ жила здѣсь Алина—и онъ, конечно, зналъ это. Еще до разрыва своего съ женой, да и потомъ, пріѣзжая въ Петербургъ, сколько разъ заставалъ онъ себя предъ этимъ подъѣздомъ.

Сначала онъ долго ждалъ, что она ему напишетъ, позоветъ его. Затѣмъ ужь не ждалъ ничего, и все же его неудержимо тянуло къ ея двери. Онъ могъ бы разумѣется придти къ ней, она не рѣшилась бы не принять его. Онъ могъ заставить ее говорить, объясниться—и неизвѣстно еще, чѣмъ бы кончились эти объясненія...

Но она хорошо знала его, знала, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ явится безъ ея зова. Онъ сказалъ ей это, а что́ онъ говорилъ „такъ", что̀ онъ рѣшалъ, то рѣшалъ безповоротно, чего бы ему это ни стоило.

И она его не звала—значитъ, не хотѣла видѣть.

Никакая сила не могла его заставить подняться по этимъ ступенямъ. Но бывали безумныя минуты, бывали темные, холодные вечера съ пронзительными вѣтрами, съ дождемъ или метелью. Въ такія безумныя минуты, въ такіе ненастные, мрачные вечера безысходная тоска гнала его сюда помимо его воли. И онъ именно „заставалъ себя" у гранитнаго парапета набережной, противъ этого дома.

На вѣтру, на дождѣ, осыпаемый хлопьями снѣга, коченѣющій отъ мороза, онъ ходилъ взадъ и впередъ, со взглядомъ, прикованнымъ къ ея окнамъ, то темнымъ, то освѣщеннымъ.

Да, это было чистое безуміе, и, когда оно остывало, онъ, со стыдомъ и злобой, спѣшилъ дальше отсюда, пряча и скрывая отъ самого себя свою позорную тайну. Онъ старался не думать объ этой женщинѣ, гналъ прочь ея соблазнительный образъ. Онъ проклиналъ ее, презиралъ.

Годами постоянныхъ усилій онъ побѣдилъ, наконецъ, въ себѣ невыносимую страсть. Алина перестала врываться въ его внутренній міръ, она ужь не звучала въ его музыкѣ, въ его пѣніи, въ его горячихъ импровизаціяхъ.

Наконецъ онъ почувствовалъ, что можетъ безнаказанно встрѣтиться съ нею.

И онъ встрѣтился. Онъ спокойно, какъ ему казалось, вынесъ ея присутствіе, ея близость, пожатіе ея руки. Вотъ онъ входитъ къ ней, потому что она позвала его наконецъ и потому, что онъ когда-то сказалъ ей: „я приду къ тебѣ, когда ты меня позовешь, и я знаю, что будетъ время, когда ты позовешь меня". Это время пришло. Онъ вѣренъ своему слову...

Но вѣдь онъ долженъ былъ идти спокойнымъ, равнодушнымъ, владѣющимъ собою. А развѣ это спокойствіе, когда такъ больно замираетъ сердце, развѣ это равнодушіе? Не лучше ли назадъ, пока есть еще время? Какая цѣль, зачѣмъ ему теперь Алина! Онъ искупилъ ее, ту прежнюю Алину, своимъ душевнымъ униженіемъ, которое долго, долго жгло его стыдомъ... Вѣдь къ прошлому нѣтъ возврата...

„Эхъ, да о чемъ тутъ думать! вѣдь хуже того, что было и что есть—не будетъ!" вдругъ рѣшилъ онъ и блѣдный, съ замирающимъ сердцемъ и презрительнымъ выраженіемъ въ лицѣ вошелъ къ Алинѣ.

Его почтительно провели въ уютную, „интимную" комнату, по которой носился мучительно знакомый запахъ ириса. Хозяйка не заставила себя ждать. Она вышла съ ласковою улыбкой, крѣпко сжала его руку обѣими руками.

— Благодарю, благодарю васъ, Michel! Вы все такой же добрый, вѣдь вы могли, имѣли право и не пріѣхать! говорила она.

Но онъ и не слышалъ. Она ему нанесла нежданный, вѣроломный ударъ: онъ ѣхалъ къ новой, ко вчерашней, чужой Алинѣ, а предъ нимъ была прежняя *его* Алина, съ прежнимъ, неизмѣнившимся лицомъ, даже въ той, всегдашней, любимой прическѣ. И она глядѣла на него тѣми самыми глазами весеннихъ и лѣтнихъ *снѣжковскихъ* дней...

Это было черезчуръ. Онъ чуть не застоналъ—такъ сжалось сердце. Онъ взглянулъ на нее еще разъ острымъ, холоднымъ, какъ ей показалось, взглядомъ—и наконецъ засмѣялся, зло засмѣялся отъ боли.

— Что же тутъ маскарадъ, кузина? проговорилъ онъ,—вчерашнее или сегодняшнее?

— Ни то, ни другое, просто отвѣтила она, садясь и приглашая его рядомъ съ собою.

Это была игра, самая мучительная игра, на которую оба они потратили много искусства и силы. Это былъ поединокъ не на жизнь, а на смерть. Женщинѣ надо было навѣрное, безошибочно

узнать, сохранила ли она свою власть, или ее уничтожили эти годы. Если она побѣждена - насколько рѣшительна побѣда, нельзя ли вернуть потерянное. Мужчина, уже побѣжденный, задыхающійся отъ нежданно нахлынувшей страсти, гордости и самолюбія, долженъ былъ сохранить видъ спокойнаго побѣдителя и въ то же время проникнуть тайны женщины.

Оба они жадно, напрягая всѣ силы, искали отвѣтовъ въ глазахъ другъ друга. Но вѣдь это старая ложь, что глаза—зеркало души. Они могутъ быть зеркаломъ тогда лишь, когда человѣкъ ничего противъ этого не имѣетъ. Иначе—глядящій въ чужіе глаза увидитъ въ нихъ только свое отраженіе, пойметъ въ нихъ только себя, свои мысли и чувства...

Они говорили обо всемъ, и о самихъ себѣ между прочимъ, и бесѣда ихъ имѣла видъ самой естественной оживленной бесѣды между старыми знакомыми, между давно невидавшимися родственниками. А безмолвный поединокъ продолжался все съ возраставшимъ ожесточеніемъ.

Когда доложили, что обѣдъ поданъ, Алина сказала:

— Мы съ вами обѣдаемъ вдвоемъ: князя нѣтъ и раньше часовъ одиннадцати онъ не вернется.

Аникѣевъ только при этихъ словахъ вспомнилъ о князѣ. Еслибъ онъ оказался дома, еслибъ съ нимъ сейчасъ пришлось встрѣтиться—онъ бы не выдержалъ, онъ или бы убѣжалъ, или кончилъ какимъ-нибудь безуміемъ.

Алина, ведя своего гостя въ столовую, обошла съ нимъ и показала ему почти все великолѣпное помѣщеніе.

— Я всегда зналъ, что у васъ настоящій вкусъ, сказалъ Аникѣевъ,—помните, съ нашей прежней деревенской грубостью вы говорили про себя: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даётъ... Рога выросли... значитъ вы достигли всего, о чемъ мечтали".

— Какъ видите, спокойно отвѣтила она,—а вы сами развѣ измѣнили прежнимъ вашимъ вкусамъ? Развѣ не даетъ вамъ прежняго художественнаго удовлетворенія хоть бы вотъ такая обстановка? Развѣ бы вы отъ нея отказались?

— Конечно нѣтъ, я попрежнему люблю все, что красиво, роскошь меня ласкаетъ; но я никогда не могъ и не могу ничѣмъ своимъ, внутреннимъ, пожертвовать ради ея достиженія. Вы знаете, что это правда.

Алина усмѣхнулась.

— Любовь безъ жертвъ—не любовь! Это ваши слова, медленно произнесла она.

Онъ отвѣтилъ ей вызывающимъ, насмѣшливымъ взглядомъ.

„Боже мой, зачѣмъ она теперь это вспомнила! какъ глупо, какъ жестоко!“—мелькнуло въ головѣ его.

Но съ ея стороны это былъ лишь новый ударъ, и ударъ удачный. Цѣлый міръ былаго опьяненія, былаго безумнаго счастья воскресъ въ немъ. „Любовь безъ жертвъ—не любовь!“—повторялось въ каждомъ біеніи сердца.

Алина не щадила: ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Садясь за небольшой, накрытый на два прибора столъ, Аникѣевъ увидѣлъ посрединѣ его, въ прелестной вазѣ, большой букетъ своихъ самыхъ любимыхъ цвѣтовъ—ландышей.

— Что можетъ быть печальнѣе этихъ зимнихъ петербургскихъ ландышей,—сказалъ онъ,—они совсѣмъ не пахнутъ, они совсѣмъ даже и не похожи какъ-то на лѣсные душистые ландыши... Когда я ихъ вижу, мнѣ всегда представляется, что это картинки съ далекой выставки...

— А все же они настоящіе, и при такомъ воображеніи какъ ваше, вы легко можете перенести ихъ куда угодно и перенестись вмѣстѣ съ ними,—небрежно, ему въ тонъ, замѣтила княгиня.

— Вы слишкомъ разсчитываете на мое воображеніе, кузина, оно совсѣмъ охладѣло за эти годы.

— Не думаю, вы сами еще не можете знать, куда оно способно унести васъ...

Оно ужь его уносило: передъ его приборомъ оказался старинной чеканки массивный серебряный кубокъ. Это былъ ея кубокъ, доставшійся ей отъ бабушки, рожденной Аникѣевой. Съ одной стороны на немъ изображенъ былъ гербъ Аникѣевыхъ, а съ другой можно было разобрать буквы М. и А.

Такое совпаденіе сразу бросилось въ глаза Михаилу Александровичу, когда онъ увидѣлъ этотъ фамильный кубокъ у Алины, около восьми лѣтъ тому назадъ. Она непремѣнно хотѣла ему подарить его; но онъ наотрѣзъ отказался и горячо доказалъ, какъ ему пріятно, что такая вещь именно у нея. Она всегда пила изъ этого кубка, а когда у нихъ, въ ихъ старомъ гниломъ домишкѣ, по выраженію Лидіи Андреевны, бывалъ Аникѣевъ,—онъ непремѣнно подавался ему. Онъ даже носилъ названіе „нашъ кубокъ“ и пророчески соединялъ ихъ своими буквами М. и А. Промолчать, не обратить вниманія было нельзя.

— А! старый знакомый! съ блѣдной улыбкой проговорился Аникѣевъ, беря кубокъ и его разглядывая.

— Онъ дожидался и дождался своего хозяина, шепнула Алина.

Этимъ не кончилось. Весь обѣдъ состоялъ изъ его любимыхъ блюдъ. На это, по крайней мѣрѣ, можно было не обратить словесно вниманія; но все же нельзя было этого не замѣтить, не почувствовать.

Все, какъ есть все, оказалось сдѣланнымъ для него, чтобы доказать ему, что ничего не забыто и обо всемъ подумано. Никакая самая нѣжная сестра не въ состояніи была бы такъ позаботиться объ единственномъ, дорогомъ, послѣ долгой разлуки вернувшемся братѣ.

Сдѣлать это могла только или безумно любящая, или жестоко мстящая женщина.

XVIII.

Къ концу обѣда Алина достигла многаго. Вѣдь Аникѣевъ жилъ нервами, и всѣ неуловимыя, ускользающія отъ людей иной организаціи, мелочи дѣйствовали на него неотразимо. Алина окутала и опутала его своей атмосферой. Въ этой атмосферѣ живой красоты и внѣшней роскоши, гармонично сливавшихся другъ съ другомъ, было столько опьяненія, усыплявшаго мысль и ласкавшаго чувства.

Необходимы были рѣзкія разнозвучія, чтобы заставить Аникѣева очнуться, собрать силы, призвать на помощь всю гордость, все старое истерзавшее оскорбленіе.

Но его насторожившаяся чуткость никакъ не могла подслушать такихъ разнозвучій. Въ полунасмѣшливомъ, легкомъ и, повидимому, непринужденномъ тонѣ Алины звучало что-то и грустное и нѣжное. Съ каждой минутой онъ ощущалъ сильнѣе, что это прежняя Алина, что перемѣна, поразившая его въ ней вчера, была только внѣшней.

„Или все это игра? когда же она „играла“— вчера ли для всѣхъ, или сегодня—для него?“

Однако скоро стихли и эти вопросы. Бѣдный „артистъ“ такъ усталъ за эти послѣдніе годы, такъ чувствовалъ себя постоянно въ клѣткѣ, съ обрѣзанными крыльями. Иной разъ онъ почти физически задыхался въ своей клѣткѣ—и спрашивалъ себя: когда

же пахнётъ на него свѣжимъ воздухомъ, когда же мелькнетъ передъ нимъ хоть призракъ того, что онъ называлъ тепломъ и свободою.

Ему часто бывало такъ невыносимо холодно, что даже душа въ немъ какъ бы замирала и съёживалась. Онъ умиралъ съ голоду безъ красоты, безъ теплыхъ художественныхъ впечатлѣній. Куда ни глядѣлъ, что ни встрѣчалъ — все представлялось ему холоднымъ, некрасивымъ, отталкивающимъ.

Прежде онъ могъ еще отстраняться, хоть на нѣкоторое время, отъ „безобразія жизни". Хорошія денежныя средства помогали, оторвавшись отъ всякихъ заботъ, уходить въ невѣдомую область, существованіе, дѣйствительность которой онъ почти осязалъ, вызывая ихъ творческими звуками.

Теперь, и уже давно, всякія мелочныя заботы ежечасно требовали его, завладѣвали имъ, держали въ плѣну.

Онъ барахтался въ какой-то грязной лужѣ, съ чувствомъ омерзѣнія стараясь выловить изъ нея грязь и своими неловкими, мучительными усиліями только взбалтывая ее все больше и больше...

Въ его неудавшейся жизни, полной вѣчныхъ надеждъ на завтрашній день и никогда не сбывавшихся ожиданій, полной иногда просто смѣшныхъ погонь за всякими иллюзіями,—было одно лишь счастливое время, когда не думалось о завтрашнемъ днѣ, когда легко и свободно, во всѣ высоты и глубины, поднимали его и спускали внезапно выросшія крылья. Это было время его страсти къ Алинѣ, страсти таинственной, жутко-прекрасной, безумной, раздѣленной, жадно-ненасытной, преступной...

Преступной!.. развѣ самъ онъ не повторялъ себѣ и тогда этого слова! Но душа молчала и совѣсть была спокойна. Онъ всегда былъ голоденъ, великимъ голодомъ жизни, онъ всегда томился въ молчаливомъ одиночномъ заключеніи... И при этомъ никто, конечно, не только не могъ сочувствовать его страданіямъ; но даже и признать ихъ дѣйствительность. Ему говорили, доказывали, что онъ сытъ по горло, что онъ ничуть не одинокъ, что у него есть все для полноты счастья. Его считали нелѣпымъ фантазеромъ, распустившимъ себя, бьющимъ на оригинальность...

Нашлась только одна умненькая свѣтская женщина, которая какъ-то разъ, глядя ему въ глаза нѣжными глазами, грустно сказала:

— Vous êtes une âme en peine! вы всегда должны томиться, это ваша судьба; еслибъ вы вдругъ почувствовали себя счастливымъ, — это были бы ужь не вы...

Онъ оставался къ ней совсѣмъ равнодушенъ; но никогда не могъ забыть ея взгляда и этихъ словъ. Онъ чувствовалъ, что она сказала правду, только вѣдь отъ такой правды не стало легче. Онъ продолжалъ испытывать невысимый голодъ, томиться, ждать, погибать отъ своего мучительнаго одиночества...

Внезапная страсть къ Алинѣ, такъ щедро раздѣленная ею, накормила и напоила его, осуществила всю ту красоту, по которой изнывалъ онъ, наполнила собою его одиночество, дала ему, наконецъ, не призрачную, а живую жизнь. Преступная страсть! Значитъ жизнь—преступленіе!.. И совѣсть его молчала...

Теперь, еще больше истерзанный, одинокій, голодный—онъ очутился передъ старымъ соблазномъ.

Алина хорошо его знала, говоря, что еще неизвѣстно куда воображеніе унесетъ его. Онъ ужь вьявь видѣлъ передъ собою далекія заглохшія аллеи своего Снѣжковскаго парка. Онъ ужь переживалъ всѣ дни и минуты своего былаго преступнаго счастья.

Когда, послѣ обѣда, онъ велъ ее подъ руку, черезъ слабо освѣщенныя комнаты, въ уютный уголокъ дальней гостиной, гдѣ теперь пылалъ каминъ, и куда она приказала подать имъ кофе,—она не могла не чувствовать теперь его руки. Лицо его оставалось холодно и строго.

— А знаете ли, въ городѣ сегодня только и разговоровъ, что о вчерашней исторіи у Вилимской, говорила она.—Эта маленькая княжна возбуждаетъ всеобщее негодованіе: Скажите, что̀ вы такое сдѣлали съ нею? что̀ вы ей говорили?

— Конечно ничего, отвѣчалъ онъ, едва соображая, о чемъ это она говоритъ.—Я обмѣнялся съ нею нѣсколькими самыми банальными фразами. Я видѣлъ ее въ первый разъ, и меня представилъ ей Вово.

— А между тѣмъ вы играете главную роль во всемъ этомъ... vox populi... впрочемъ я вовсе не желаю васъ исповѣдывать... Лишній грѣхъ на вашей душѣ, и только. Я думаю, вы имъ и счетъ потеряли со времени нашей разлуки.

Онъ поднялъ на нее глаза и не опускалъ ихъ. Она выдержала его взглядъ.

Внесли кофе. Потомъ стало какъ-то особенно тихо, только потрескивали дрова въ каминѣ и мерцающія полосы теплаго свѣта ходили по комнатѣ.

Молча просидѣли они двѣ-три минуты и оба чувствовали, что вотъ сейчасъ начнется послѣдняя ихъ битва.

— Вы заговорили о моихъ грѣхахъ, кузина, самъ испугавшись своего глухаго голоса, едва шевеля внезапно высохшими губами, прошепталъ Аникѣевъ. — Неужели вамъ интересно это? или, можетъ-быть, вы хотите мнѣ, какъ старому другу, исповѣдаться въ вашихъ?

Это былъ дерзкій и грубый вызовъ; но ихъ прошлое давало ему на него право. Развѣ не слыхалъ онъ отъ нея самыхъ важныхъ и безумныхъ клятвъ, какія только, подобно вспышкамъ разряжающагося электричества, произносятся, между вздохомъ и поцѣлуемъ, въ иныя минуты! Онъ никогда не освобождалъ ее отъ этихъ клятвъ.

И теперь, когда она глядѣла на него прежними глазами, вспоминала о прошломъ и снова брала себѣ его душу — онъ могъ требовать отъ нея отчета.

Главное же — она сама признала его право и нисколько не смутилась его грубостью. Онъ сказалъ именно то, что̀ ей такъ хотѣлось отъ него слышать, безъ чего ей трудно было начать.

Она близко склонилась къ нему, опустила голову и въ то же время подняла на него свои чудные глаза, въ которыхъ отражалось пламя камина.

— Я могу исповѣдаться не только передъ вами, но и передъ всѣми, потому что „такихъ“ грѣховъ у меня нѣтъ...

— Смотри мнѣ въ глаза, смотри! вдругъ прошептала она и, прежде чѣмъ онъ могъ понять смыслъ этихъ словъ, крѣпко обняла его шею руками, пряча лицо на груди его.

Она уже знала теперь, навѣрное знала, что онъ попрежнему въ ея власти и не найдетъ въ себѣ силу оттолкнуть ее.

— Алина... вѣдь это безуміе! расслышала она.

Что жь? или она ошиблась? Онъ силой разжалъ ея руки, отстранилъ ее и поднялся съ мѣста.

— Зачѣмъ это? сверкая глазами, сказалъ онъ, — ты хороша, ты можешь опьянить кого угодно... Я человѣкъ... могу быть и звѣремъ... Ты хочешь посмотрѣть, правду ли я пѣлъ вчера, что „въ этой чашѣ отражается краса неба и ада“?..

Она поблѣднѣла; но щеки ея тотчасъ же покрылись румянцемъ. Ей даже пріятно было, что онъ ее оскорбляетъ; вѣдь она знала и понимала теперь, глядя на него, сколько мученій принесла ему.

— Нѣтъ, ты опять поторопился, Миша, кротко проговорила она, беря его за руки и заставляя сѣсть на прежнее мѣсто...

Ты и тогда не хотѣлъ ничего слушать, не хотѣлъ понять меня. Но ты долженъ наконецъ понять... Дай мнѣ сказать все, не перебивай меня... Ты мнѣ говорилъ тогда, что я вдругъ тебя разлюбила, что я испугалась скандала и продала себя за деньги, за положеніе въ обществѣ, за титулъ. Еслибъ это было такъ— я не стала бы скрывать этого теперь отъ тебя, да и не говорила бы съ тобою. Но это неправда...

— Неправда?! повторилъ онъ.

— Я не о себѣ только думала, я спасала любовь твою, которая для меня была и есть—всё. Вѣдь я ужь не ребенокъ была, когда тебя полюбила... мнѣ минулъ двадцать одинъ годъ... жизнь, вспомни, не легкая выпала, надумалась, наплакалась, всего было!.. Мы встрѣтились съ тобою оба голодные, оба холодные... намъ обоимъ надо было такъ много.. Мы не могли не полюбить другъ друга... Развѣ когда-нибудь, хотя въ мысли мимолетной, я могла упрекнуть тебя за мое паденіе?! Паденія не было, было счастье! Только тебя одного я могла любить, только тебя одного я любила въ жизни...

— Алина, ради Бога не играй ты мною! почти простоналъ онъ, уже не скрывая своего безсилія, съ ужасомъ и невѣдомою надеждой вслушиваясь въ слова ея.

Она продолжала, крѣпко сжимая его руку:

— Когда прошелъ первый бредъ, когда, помнишь, ты уѣзжалъ на двѣ недѣли изъ Снѣжкова, я оглянулась, я обо всемъ, обо всемъ передумала... Я хорошо поняла тебя — и ужаснулась за наше счастье. Я знала, что если соглашусь уѣхать съ тобой за границу, то все кончится очень скоро. Что̀ жь? я позора что ли испугалась? или того, что ты меня бросишь? Я знала, что насъ ждетъ проза, самая ужасная проза и въ концѣ-концовъ бѣдность. Ну, а твое счастье съ прозой и бѣдностью — несовмѣстимо.

— Поэтому надо было бросить меня, какъ собаку, а самой превратиться въ grande dame, предавъ себя... такому человѣку!..

— Положимъ, въ концѣ-концовъ твоя жена согласилась бы на разводъ, положимъ, мы нашли бы возможность обвѣнчаться... что̀ жь было бы дальше? Мы превратились бы въ супруговъ, не обезпеченныхъ и въ то же время вѣчно стремящихся къ поэзіи, красотѣ, роскоши. Въ концѣ-концовъ мы только бы измучили, истерзали другъ друга. Можетъ-быть наша любовь и не умерла бы, я думаю даже, что нѣтъ, но умерло бы счастье этой любви, и

она превратилась бы въ жалкаго больнаго уродца, подъ которымъ бы мы вѣчно терзались, отравляя себя и доходя до отчаянія... Ну скажи же мнѣ, что это только мои фантазіи, что въ моихъ словахъ нѣтъ правды!

— Если въ нихъ правда—мы съ тобою очень жалкіе люди.

— Можетъ-быть; но разъ мы таковы, что жь тутъ дѣлать! Да и не унижай себя напрасно. Настоящій художникъ, такой какъ ты, все же выше самаго великаго мѣщанина! Но вѣдь noblesse oblige... злая завистливая волшебница является со своимъ роковымъ подаркомъ, и этотъ ея подарокъ родившемуся художнику—вѣчная жажда и голодъ, вѣчная неудовлетворенность души, погоня за убѣгающимъ счастьемъ. Или ты забылъ, какъ пѣлъ мнѣ про это въ Снѣжковѣ? Да я-то помню—я никогда не забуду этой твоей легенды. Ты довелъ меня до слезъ тогда, почти до припадка этою своею легендой. И я поняла, тебя слушая, до какой степени ты несчастенъ, и я поклялась тогда дать тебѣ сколько можно счастья... я навсегда отдалась тебѣ съ той минуты.

— Ты бредишь, Алина, или жестоко издѣваешься надо мною...

Она покачала головой и еще крѣпче сжала его руку.

— Такъ зачѣмъ же ты ушла отъ меня, зачѣмъ заставила прожить эти тяжкія шесть лѣтъ, зачѣмъ умерла для меня и до сегодня не вставала изъ гроба?

Въ его словахъ прозвучала такая боль, что и у нея защемило сердце.

— А вотъ именно для того, чтобы могъ настать сегодняшній день, такимъ ласкающимъ шепотомъ говорила она;—этотъ день не могъ наступить раньше — поэтому я и не звала тебя... Только теперь я всего достигла, теперь я могу быть поэзіей твоей жизни...

Ея голосъ дрогнулъ, изъ глазъ брызнули слезы.

Онъ глядѣлъ на нее какъ безумный.

— Миша, ихъ нѣтъ, этихъ шести лѣтъ... Наше время вернулось, только я спокойна теперь за будущее... я твоя какъ всегда... и ты одинъ для меня въ мірѣ... тебѣ холодно — я согрѣю тебя, ты усталъ — отдохнешь у моего сердца... Миша, жизнь моя, или ты ужь не вѣришь мнѣ?.. или ты ужь меня не любишь?!

— Если ты лжешь... все равно — лги, только не дай мнѣ проснуться!

Онъ привлекъ ее къ себѣ, впиваясь въ губы прежнимъ, безумнымъ поцѣлуемъ.

— Peut-on entrer? послышался за дверью громкій, скрипящій голосъ.

Они вздрогнули, быстро отстраняясь другъ отъ друга.

Они оба совсѣмъ даже забыли о самомъ существованіи этого человѣка. Но онъ о себѣ напомнилъ.

Онъ вошелъ красный, потирая руки, отвратительно осклабляясь и сверкая вставными зубами.

— А, Михаилъ Александровичъ, cher cousin, вотъ и вы наконецъ въ нашемъ гнѣздѣ... По лицу вижу, что вамъ хорошо намылили голову... Алина на это мастеръ! проскрипѣлъ онъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Всеволодъ Соловьевъ.

О ПОЛОЖЕНІИ ПРАВОСЛАВІЯ
ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(Окончаніе.)

XX.

Все, сказанное выше о костельныхъ братствахъ, относится къ ихъ дѣятельности внутри костельной сферы и составляетъ косвенное воздѣйствіе на Православіе; но есть и другой родъ дѣятельности ихъ, прямо простирающійся на Православную Церковь и состоящій въ шпіонствѣ за православными, обольщеніи, устрашеніи и даже насиліи, что̀ все имѣетъ цѣлію совращеніе, если невозможно явное, то тайное изъ Православія въ католичество.

Можно принять за общее правило, что всякое костельное братство составляетъ ксендзовскую тайную полицію. Братчики извѣщаютъ ксендза объ угрожающей ему опасности; доносятъ, какіе гдѣ ходятъ слухи, гдѣ что случилось, и все это до малѣйшихъ подробностей. Шпіонство и доносы введены въ систему въ средѣ братчиковъ. Сестры братствъ, особенно „терціарки", „имъ же нѣсть числа" въ селахъ, мѣстечкахъ и городахъ, по цѣлымъ днямъ шепчутся съ ксендзами, то въ „плебани" (ксендзовскомъ домѣ), то въ собственныхъ домахъ. Даже по долгу своего обѣта онѣ не смѣютъ не донести своему ксендзу о всемъ, что узнаютъ отъ своихъ мужей, нерѣдко состоящихъ на государственной службѣ, или инымъ путемъ, чрезъ что̀ ксендзъ, предупрежденный объ опасности, всегда успѣваетъ скрыть свои преступныя дѣянія.

Особенное вниманіе ксендзовской полиціи обращается на православныхъ. Чрезъ нее ксендзъ знаетъ до мелочей, что совершается въ каждомъ православномъ семействѣ,—крестьянина, священника и помѣщика, и съ получаемыми свѣдѣніями сообразуетъ свои дѣйствія и отношенія къ нимъ.

Братчику прощаются всѣ грѣхи за каждаго совращеннаго имъ въ католичество не-католика. Въ Западной Россіи подъ не-католиками главнѣйше разумѣются православные. Потому костельные братчики всячески стараются совращать православныхъ въ католичество, лестью, запугиваніемъ и прямымъ насиліемъ. Со времени возвращенія уніатовъ въ лоно Православія, съ 1839 до 1863 года въ краѣ совратились единично и открыто въ католичество изъ Православія многія тысячи человѣкъ, не говоря о бо̀льшихъ еще тысячахъ православныхъ, принадлежавшихъ къ католичеству тайно. Но бывали многотысячныя совращенія одновременно. Такъ, въ 1857 году въ Порозовскомъ и въ 1858 году въ Клещельскомъ приходахъ Гродненской губерніи совратилось изъ Православія въ католичество слишкомъ тридцать тысячъ человѣкъ. Въ 1867 году совратились многія тысячи православныхъ въ Новогрудскомъ, Волковысскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ Гродненской губерніи. Многіе православные Батуринскаго прихода Минской губерніи толпами отправлялись въ радушковичскій костелъ, въ которомъ праздновалось „40-часовое набоженство“, и были на исповѣди и причастіи у ксендзовъ. Неопровержимо было доказано оффиціальнымъ разслѣдованіемъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ главными орудователями были братчики разныхъ костельныхъ братствъ.

Въ прошедшемъ году объѣзжалъ свою епархію православный епископъ. Въ одномъ мѣстечкѣ, для встрѣчи его (и показа ему) полиція согнала массу крестьянъ, безразлично католиковъ и православныхъ. Епископъ умилился такою массой „православныхъ“, роздалъ имъ множество книжекъ и изображеній и отправился далѣе. Но едва онъ двинулся въ путь, какъ крестьяне начали бросать книжки и изображенія въ грязь (время было ненастное) и топтать ихъ ногами. Всю эту продѣлку видѣла тутъ же находившаяся русская православная дама, видѣвшая и братчиковъ, шнырявшихъ въ толпахъ и уговаривавшихъ крестьянъ бросить полученныя ими книжки и изображенія, какъ зачумленныя. Эта самая дама лично мнѣ сообщала объ этомъ гнусномъ фактѣ. И сколько такихъ фактовъ повторялось во время объѣзда право-

славнаго епископа!.. Противъ всего этого есть одна, *единственная* мѣра, о которой будетъ сказано ниже.

Боясь отвѣтственности, ксендзы нерѣдко отказываются совершать требы для православныхъ, тайно совратившихся въ католичество. Тогда мѣсто ихъ занимаютъ братчики, начавшіе сами священнодѣйствовать,—и народъ, вслѣдствіе выдающагося положенія ихъ въ костелѣ, пріучается считать ихъ за ксендзовъ. Ставя на головахъ православныхъ распятіе и осѣняя ихъ знаменіемъ креста, они разрѣшали людей отъ православной вѣры. Братчики также крестили дѣтей православныхъ родителей и хоронили умершихъ, собирали православный народъ и совершали для него богослуженіе, разумѣется, по-польски и, освящая воду на подобіе ксендзовъ, окропляли ею народъ.

Руководствуясь правиломъ католичества: „Compelle intrare" (то-есть „понудь войти"), братчики ожесточенно преслѣдуютъ православныхъ, не желающихъ вступить въ католичество, стараясь вредить имъ вездѣ, гдѣ можно. Въ этомъ дѣлѣ они крайне находчивы: преслѣдуютъ православныхъ, особенно вновь присоединившихся, насмѣшками, поруганіемъ, побоями, клеветой, поджогами, потравами ихъ полей и луговъ, дерзкимъ поношеніемъ Православія и всѣми іезуитскими способами, какіе можетъ придумать фанатическая польско-католическая злость. Принявшіе Православіе въ 1865 и 1866 годахъ въ Юшковской и Шимковской волостяхъ Гродненской губерніи въ слѣдующемъ 1867 году возвратились было опять въ католичество. Для разслѣдованія этого дѣла былъ посланъ изъ Вильны состоявшій при генералъ-губернаторѣ А. П. Стороженко. Когда онъ началъ вразумлять крестьянъ, то всѣ они упали на колѣни, заявляя, что ихъ побуждаютъ къ „отсупленію отъ московской вѣры" костельные братчики всякими угрозами, и моля защитить ихъ отъ нихъ. И дѣйствительно, было потомъ доказано, что братчикъ Мартинъ и другіе угрожали имъ смертью и другими наказаніями, если они не отступятъ отъ Православія. Братчики Порозовскаго костела Гродненской губерніи насильно заставляли православныхъ отрекаться отъ своей вѣры,—именно, связавши назадъ имъ руки, водили ихъ по мѣстечку съ боемъ въ костельный барабанъ и въ концѣ улицъ наносили имъ удары палкой. Такими средствами эти достойные ревнители костела „понуждали войти" въ него православныхъ!

Какъ истинные выученики іезуитовъ, костельные братчики—

большіе мастера распускать разные ложные слухи и дѣлать безъименные ложные доносы и клятвопреступленія „ad majorem Dei gloriam", въ пользахъ католичества. Такъ, когда ксендзамъ, на глазахъ у виленскаго генералъ-губернатора, удалось обманно обойти Высочайшее повелѣніе 1832 года о возвращеніи Православной Церкви Виленской Островоротной иконы, то островоротные братчики по Вильнѣ и краю разносили сказку о чудѣ, которымъ „Московскій царь хотѣлъ, но устрашился взять въ плѣнъ польскую королеву". Тогда же въ одномъ изъ островоротныхъ молитвенниковъ былъ напечатанъ спеціальный о томъ гимнъ, сочиненный Полькой, Габріелью Пузиной, въ которомъ говорится, что уже не разъ при Острыхъ воротахъ были поражены враги Поляковъ и католичества, то-есть Русскіе, и что то же чудо совершилось и въ послѣднее время.

Въ 1867 году братчики разныхъ приходовъ Новогрудскаго и Волковысскаго уѣздовъ распускали по деревнямъ слухи, что европейскіе государи собрались въ „правдивую коммиссію", и что эта „правдивая коммиссія" будто бы убѣдила Русскаго Государя позволить принявшимъ Православіе возвратиться опять въ католичество, и будто бы принявшихъ Православіе Богъ наказываетъ скоропостижною смертію. Въ доказательство своихъ словъ братчики раздавали народу лоскутки бумаги съ какою-то надписью и печатью, будто бы разрѣшеніе Русскаго Государя и „правдивой коммиссіи" всѣмъ принявшимъ Православіе возвратиться въ католичество. Братчики Новогрудскаго же уѣзда накупили въ Вильнѣ фотографическихъ карточекъ одного изъ здѣшнихъ высшихъ лицъ того времени и, разъѣзжая по деревнямъ, внушали православнымъ возвращаться въ католичество, потому что этого будто бы желаетъ помянутое лицо, въ знакъ чего оно и посылаетъ-де имъ свою карточку. Одинъ братчикъ Озернаго костела Гродненской губерніи распускалъ слухи, будто греческій патріархъ вмѣстѣ съ своею паствой и Русскою Церковью подчиняются римскому папѣ, и будто Высочайше повелѣно принявшимъ Православіе возвращаться назадъ въ католичество и многія церкви отдать ксендзамъ для обращенія ихъ въ костелы.

Будучи же приглашены въ свидѣтели противъ ксендзовъ, дабы не выдать ихъ русскимъ властямъ, костельные братчики не побоятся никакого клятвопреступленія и ложной присяги. Русскіе чиновники, не имѣя понятія о костельныхъ братствахъ, часто

въ дѣлахъ о ксендзахъ призываютъ прихожанъ ихъ въ качествѣ свидѣтелей. Дѣло устроивается такъ, что всегда свидѣтелями являются братчики, — и этимъ объясняется, почему изъ всякаго мерзкаго дѣла кзендзъ выходитъ чистъ.

XXI.

Особеннымъ вниманіемъ костельныхъ братствъ пользуются такъ называемые смѣшанные браки и „кацапы“, какъ называютъ Поляки крестьянъ-Великоруссовъ.

Смѣшанными браками въ Сѣверо-Западномъ краѣ называются такіе браки, въ которыхъ одно изъ брачущихся лицъ — православное, другое — католическое. По нашему закону, дѣти отъ такихъ браковъ должны быть православными. Потому эти браки, и сами по себѣ, и по рождаемымъ отъ нихъ дѣтямъ, крайне ненавистны для ксендзовъ. Противъ нихъ они гремятъ въ своихъ проповѣдяхъ съ амвоновъ и изрекаютъ свои прещенія изъ конфессіоналовъ, угрожая всѣмъ, кто вступитъ въ бракъ съ православною и православнымъ, лишеніемъ причастія, отлученіемъ отъ костела и другими временными и вѣчными карами. Разрѣшаются же такіе браки ксендзами только подъ однимъ условіемъ, если брачущіеся дадутъ клятву воспитывать своихъ дѣтей въ католичествѣ. За такими семействами особенно зорко слѣдятъ костельные братчики и всѣ средства употребляютъ къ тому, чтобы дѣти ихъ дѣйствительно воспитывались въ католичествѣ. Въ концѣ-концовъ и сама мать или отецъ переходятъ тайно изъ Православія въ католичество.

Смѣшанные браки въ Западной Россіи могутъ быть раздѣлены на два рода: культурные и крестьянскіе. И въ тѣхъ и въ другихъ—результаты одни и тѣ же: воспитаніе въ католичествѣ дѣтей, числящихся „по бумагамъ“ православными. Графъ Муравьевъ, въ свою бытность виленскимъ генералъ-губернаторомъ, рѣшительно воспретилъ Русскимъ, служащимъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, жениться на Полькахъ, подъ опасеніемъ удаленія ихъ отъ службы; но со времени Потапова это запрещеніе потеряло силу, и въ настоящее время даже въ Вильнѣ находятся крупные чиновники, женатые на Полькахъ, что отражается далеко не благодѣтельно на ихъ русскихъ служебныхъ дѣлахъ.

Что же касается крестьянскихъ смѣшанныхъ браковъ, то ни

графъ Муравьевъ и никто другой не осмѣливался наложить на нихъ свое „veto", по ихъ многочисленности, такъ какъ сельское населеніе Сѣверо-Западнаго края состоитъ изъ православныхъ и католиковъ, живущихъ перемѣшанно между собою. Напротивъ правительство, руководимое абстрактными соображеніями, въ видахъ слитія въ однородную сельскую массу однородныхъ же національно, но разнородныхъ по вѣрѣ крестьянскихъ семействъ, всячески старалось облегчать заключеніе смѣшанныхъ браковъ въ краѣ. Первоначально для ихъ совершенія требовались съ католической стороны метрическое свидѣтельство о рожденіи, свидѣтельство о бытіи у исповѣди и причастія и троекратное оглашеніе брака въ костелѣ. Но такъ какъ ксендзы въ выдачѣ этихъ свидѣтельствъ и оглашеній въ костелѣ дѣлали всякія затрудненія и проволочки, то правительство постепенно уменьшало эти требованія и въ послѣднее время ограничило ихъ однимъ удостовѣреніемъ полиціи, что брачущееся католическое лицо не состоитъ въ бракѣ.

Эта мѣра—безспорно хороша, но только для католика, осмѣлившагося выйти изъ послушанія ксендзу, каковыхъ, можетъ-быть, весьма мало: какая-нибудь сирота или какой-нибудь бобыль безродный. Крестьяне же семейные на это не отважатся никогда: кара ксендзовская—нравственная и матеріальная—падетъ не только на ослушника лично, но и на его семейство, и ксендзъ дотолѣ будетъ ихъ преслѣдовать, пока не вернетъ ихъ въ полное повиновеніе себѣ, и дѣтей ихъ въ католичество. Ожидать чего-либо другаго, значитъ не знать ксендзовъ. Такимъ образомъ мѣра, абстрактно благопріятная Православію, въ дѣйствительности осталась для него безполезною, даже вредною. Какъ прежде нея доминировалъ въ деревнѣ ксендзъ, такъ онъ остался доминировать и послѣ нея.

Но вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ важенъ не столько самъ по себѣ, сколько по отношенію къ рождающимся отъ нихъ дѣтямъ. Такихъ дѣтей во всей Западной Россіи—десятки тысячъ. Всѣ они по закону должны быть православными. И дѣйствительно, всѣ они крестятся православными священниками, и записаны въ метрики православныхъ церквей: но этимъ и кончается вся ихъ православность. Всѣ они воспитываются въ католичествѣ, въ полномъ отчужденіи отъ Православія, и, пришедши въ возрастъ, становятся тайными католиками, а нѣкоторые открыто отрекаются отъ Православія. Недавно въ Вильнѣ я

имѣлъ разговоръ съ полковымъ командиромъ объ этомъ дѣлѣ. Опрашивая новобранцевъ изъ Западной Россіи относительно ихъ вѣры, онъ отъ нѣкоторыхъ получалъ въ отвѣтъ, что они православные; но когда онъ заставлялъ прочитать „Отче нашъ“, то они читали по-польски; русскихъ православныхъ молитвъ не знали ни одной; напротивъ, польскихъ католическихъ знали много. Другіе же изъ новобранцевъ, хотя и значились въ спискахъ православными, рѣшительно объявляли, что они католики, а не православные и православными никогда не бывали ни они сами, ни ихъ родители.

Понятно, что во всемъ этомъ была рука ксендзовъ. Чтобы парализовать ихъ силу, положено было брать „подписку“ съ брачущагося католическаго лица въ томъ, что оно будетъ воспитывать своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ. Такимъ образомъ это лицо оказывалось между двумя обязательствами: ксендзу,—что оно будетъ воспитывать своихъ дѣтей въ католичествѣ, и православному священнику,—что оно будетъ воспитывать ихъ въ Православіи. Полагаю, не трудно угадать, которое изъ двухъ обязательствъ возьметъ верхъ: ксендзъ съ своимъ воинствомъ „терціарокъ“ и костельныхъ братствъ остается полновластнымъ господиномъ села.

Недавно въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* (1892 г. № 259) было предложено къ улучшенію этого дѣла для Православія новое средство: брать-де „подписку“ воспитывать дѣтей въ Православіи не только съ одного католическаго брачущагося лица, но и съ другаго—православнаго. Но результатомъ этого будетъ только то, что тогда будетъ нарушаться не одна подписка, а двѣ, какъ могутъ нарушаться три, пять, сколько угодно. Виленская газета предусматриваетъ и это обстоятельство, рекомендуя установить надзоръ за соблюденіемъ этой двойственной подписки чрезъ мѣстнаго священника. Но подумалъ ли предлагающій такую мѣру о результатахъ отъ нея? А результатами будетъ обращеніе каждаго православнаго священника въ „инквизитора“ для всей мѣстности его прихода,—и я увѣренъ, что большинство сельскихъ священниковъ, если не всѣ, отнесутся къ этой мѣрѣ съ омерзѣніемъ, какъ недостойной ихъ сана, не обѣщающей успѣха Православію и весьма опасной для ихъ личнаго благоденствія. Предположимъ, дѣвица изъ крестьянскаго православнаго семейства,—и не по имени только, а дѣйствительно православнаго,—вышла замужъ за католика, имѣющаго семейство изъ

44*

отца, матери и сестеръ. Можно навѣрное сказать, что дѣти ихъ, несмотря ни какія „подписки", будутъ воспитываться въ католичествѣ. Допустимъ, что православный священникъ узналъ объ этомъ. Что же онъ будетъ дѣлать? Вторгнется ли съ полиціею въ семейство и вырветъ ли дѣтей у отца и матери, чтобъ отдать ихъ на воспитаніе чужимъ людямъ? Вѣдь это будетъ настоящая тираннія темныхъ минувшихъ вѣковъ. И это должно повториться въ тысячахъ случаевъ по всей Западной Россіи. И что будетъ критеріумомъ для опредѣленія неправославности дѣтей? Таинства въ католичествѣ и православіи одни и тѣ же; догматическія разности не имѣютъ значенія для простаго народа; обрядность не существенна въ религіи.

Иначе къ этому дѣлу отнесся покойный Виленскій архіепископъ Александръ, долгое время жившій въ Вильнѣ, сначала какъ ректоръ Виленской Семинаріи въ пятидесятыхъ годахъ, потомъ викарный епископъ, управлявшій Литовскою епархіею, за болѣзнію митрополита Іосифа въ шестидесятыхъ годахъ, и наконецъ какъ Литовскій архіепископъ въ семидесятыхъ годахъ. Не почитая возможнымъ, при настоящихъ условіяхъ, для сельскаго священника бороться за смѣшанные браки съ ксендзомъ, и не помышляя о религіозныхъ насиліяхъ, онъ желалъ по крайней мѣрѣ сохранить ихъ для русской народности, хорошо понимая, что католики, вслѣдствіе близости ихъ религіи къ Православію, будучи возвращены русской народности, сами собою войдутъ въ Православіе. Въ этихъ видахъ онъ хотѣлъ въ смѣшанныя семейства ввести католическій молитвенникъ на русскомъ языкѣ и просилъ такихъ молитвенниковъ оффиціальною бумагой у Виленскаго учебнаго округа,— и конечно не получилъ, потому что тогда такихъ молитвенниковъ не было ни въ Виленскомъ учебномъ округѣ и нигдѣ, какъ нигдѣ нѣтъ ихъ и по сіе время.

Другой спеціальный предметъ заботъ костельныхъ братствъ— крестьяне-великоруссы были вызваны въ Сѣверо Западный край графомъ Муравьевымъ и К. П. Кауфманомъ и поселены ими въ разныхъ мѣстностяхъ съ хорошими надѣлами. Но со времени Потапова ихъ начали болѣе и болѣе тѣснить мѣстные крестьяне-католики, въ чемъ первенствующую роль занимали костельные братчики. Выведенные изъ терпѣнія, великоруссы потянулись на свои старыя мѣста. Вотъ что писалъ объ этомъ профессоръ Кояловичъ въ 1886 году: „Тутъ чуть ли уже не по-

слѣдніе колонисты-великоруссы, изнемогшіе въ одиночной борьбѣ съ враждебными вліяніями, распродаютъ все и уходятъ на востокъ; а на ихъ мѣстѣ благополучно устраиваются крестьяне латинскаго закона". (*Церк. Вѣстн.* 1886, стр. 746).

XXII.

Здѣсь рождается вопросъ: совращаютъ ли костельные братчики православныхъ въ католичество ради католичества, или ради польщизны? Еслибы братчики имѣли въ виду религію, то они старались бы совращать въ латинство не только православныхъ, что̀ строго воспрещается закономъ, но и евреевъ, караимовъ, магометанъ и протестантовъ, что̀ закономъ не воспрещается. Между тѣмъ братчики стараются совращать *только* православныхъ; послѣдователямъ же другихъ религій у нихъ нѣтъ обыкновенія предлагать латинство. Еслибы они имѣли въ виду религію, то они менѣе всего должны были бы питать враждебность къ Православію, по своему вѣроученію наиболѣе близкому къ католичеству; между тѣмъ дѣло выходитъ наоборотъ. Если же мы предположимъ мотивомъ братчиковъ польщизну, то дѣйствія ихъ являются совершенно логичными: самая вредная для польщизны вѣра есть Православіе, какъ выражающая русскую народность и государственность. Съ этимъ согласуются и отношенія пановъ, ксендзовъ и костельныхъ братчиковъ къ тѣмъ изъ здѣшнихъ католиковъ, которые принимаютъ лютеранство или кальвинизмъ: отношенія ихъ къ этимъ „совратившимся" попрежнему остаются дружественными. Но прими кто-нибудь православную вѣру,—и всѣ они готовы такого человѣка разорвать на части и вредить ему на каждомъ шагу. Потому является несомнѣннымъ, что у костельныхъ братчиковъ, при совращеніи православныхъ въ латинство, имѣется въ виду не распространеніе своей вѣры, а только ополяченіе здѣшняго края посредсвомъ польскаго языка, все еще остающагося единственнымъ костельнымъ языкомъ для бѣлорусскаго католика.

Изъ всего вышесказаннаго, надѣюсь, совершенно ясно, что костельныя братства не только не меньше, но даже больше вредны Русскому государству и Православію, чѣмъ бывшія тайныя политическія общества. Цѣль у братствъ та же, что и у первыхъ,—захватъ власти и вліянія въ краѣ: между тѣмъ брат-

ства обладаютъ большею силою, чѣмъ свѣтскія политическія общества, потому что могутъ прикрываться религіей, вслѣдствіе чего слова и дѣла братчиковъ получаютъ авторитетъ какъ бы божественности, чего не имѣютъ свѣтскія общества. Потому костельныя братства вполнѣ подходятъ подъ сообщества, воспрещаемыя нашимъ закономъ, который говоритъ: „Запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинять общество, товарищество, братство, или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства". (Св. Зак. Т. XIV, ст. 164). „Запрещаются всякія противозаконныя сообщества, подъ опасеніемъ суда и отвѣтственности по всей строгости законовъ. Противозаконными сообществами признаются: а) всѣ тайныя общества, съ какою бы цѣлію они ни были учреждены; б) всѣ преслѣдующія вредную цѣль сборища, собранія, сходбища, товарищества, кружки, артели и проч, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, образовавшіяся, или дѣйствующія по соглашенію между собою нѣскольких лицъ; и в) всѣ тѣ общества, которыя по исходатайствованіи надлежащаго на оныя разрѣшенія уклонятся отъ цѣли ихъ учрежденія, или станутъ прикрывать благовидными дѣйствіями такое направленіе, которое въ какомъ-либо отношеніи вредно для государственнаго благоустройства". (Мнѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденное 27 марта 1867 года).

Иначе смотритъ на костельныя братства польское католичество. Въ его требникахъ читаемъ слѣдующее: „У настоятелей костеловъ должны лежать на сердцѣ костельныя воинства изъ міряпъ; такъ какъ посредствомъ ихъ число католиковъ неимовѣрно увеличивается и католическая религія весьма распространяется".

Графъ М. Н. Муравьевъ имѣлъ весьма ясное свѣдѣніе объ участіи костельныхъ братствъ въ послѣднемъ мятежѣ и о вредности ихъ для Православной Церкви и государства. Онъ также хорошо зналъ, что въ краѣ политика Русскаго правительства будетъ только тогда тверда, когда она будетъ опираться на народъ,—а этотъ народъ костельныя братства стараются захватить въ свои руки и ополячить. Потому онъ въ 1864 году просилъ министра Внутреннихъ Дѣлъ сообщить ему: на какомъ основаніи существуютъ костельныя братства?! — и получилъ въ отвѣтъ, что въ Министерствѣ не имѣется объ нихъ никакихъ свѣдѣній. Но отозванный изъ Вильны въ 1865 году, графъ не

успѣлъ сдѣлать что-либо рѣшительное къ уничтоженію костельныхъ братствъ.

Въ 1866 году, при К. П. Кауфманѣ, снова былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи ихъ. Но такъ какъ, вслѣдствіе упраздненія братствъ въ краѣ, польщизна лишалась своего многочисленнаго хорошо инструктированнаго воинства, то были Поляками въ Петербургѣ пущены въ ходъ всѣ средства, чтобъ это дѣло затормозить, что имъ и удалось вслѣдствіе частой смѣны двухъ преемниковъ графа Муравьева, К. П. Кауфмана и графа Э. Т. Баранова. Поляки на защиту костельныхъ братствъ обыкновенно выставляли, что у нихъ единственная цѣль есть молитва и никакихъ нѣтъ политическихъ видовъ. Но мы уже знаемъ, какова была эта „молитва"...

Можно принять за несомнѣнное, что костельныя братства не были заняты до 1868 года, въ который прибылъ въ Вильну генералъ Потаповъ. При Потаповѣ они не могли быть воспрещены; едва ли поднимался вопросъ о нихъ и при его преемникахъ. Такъ, вѣроятно, дѣло это остается и донынѣ—оффиціально не дозволеннымъ и не запрещеннымъ, но широко существующимъ въ краѣ.

Впрочемъ оффиціальное воспрещеніе здѣсь далеко не означаетъ все. Оффиціально воспрещено ксендзамъ принимать на исповѣдь и другія требы православныхъ,—и это воспрещеніе многіе десятки лѣтъ, и вѣроятно по сію пору остается мертвою буквой. Высочайше повелѣно было передать Островоротный костелъ съ часовней и иконой въ ней православному духовенству, — и вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ Высочайшее повелѣніе остается неисполненнымъ. Что костельныя братства de facto существуютъ по всему краю до настоящаго времени, объ этомъ скажетъ любой сельскій священникъ, любой народный учитель. Дѣятельность „ксендзовской полиціи" и „ксендзовскаго воинства" видна на каждомъ шагу, хотя дѣйствующихъ лицъ поймать и трудно, если только кто-нибудь почитаетъ себя въ правѣ и старается „имать".

Немаловажную роль въ сельскомъ бытѣ края играютъ такъ-называемые „костельные дѣды" и „костельныя бабы". При многихъ костелахъ, особенно богатыхъ, есть дома, служащіе богадѣльнями для престарѣлыхъ мужчинъ и женщинъ. Богадѣльники дѣлаютъ нѣкоторыя послуги при костелѣ: звонятъ, метутъ полъ и т. под., за что получаютъ пріютъ и прочее содержаніе, нерѣдко

весьма щедрое. „Дѣды“ и „бабы“, состоящіе въ полной власти ксендзовъ, обращаются ими въ дѣятельныя орудія польскаго католичества противъ Православія въ сельскомъ населеніи. Будучи ярыми фанатиками, они дерзко поносятъ Православіе въ присутствіи православныхъ крестьянъ, колебля ихъ нетвердую вѣру, и совершая это тѣмъ смѣлѣе, что, въ случаѣ открытія ихъ продѣлокъ, благоразумная сельская полиція можетъ извинить ихъ „престарѣлостью“,—„изъ ума-де выжили“...

И командуя своею „полиціей“ и своимъ „воинствомъ“, ксендзъ остается среди сельскаго населенія могущественнымъ обладателемъ положенія: можетъ безнаказанно подавлять и поносить Православіе и не давать ему ассимилировать возвращенныхъ ему уніатовъ и католиковъ.

Впрочемъ, едва ли даже возможно уничтожить костельныя братства. Можно уничтожить открытое ихъ существованіе; но они будутъ существовать тайно, въ другой формѣ. Намъ собственно вредны не братства, сами по себѣ, а та враждебность Православію, которая составляетъ сущность польскаго костела, и которая до тѣхъ поръ будетъ создавать себѣ орудія, пока сама будетъ существовать въ костелѣ. Слѣдовательно, уничтожьте въ костелѣ ненависть къ Православію, или точнѣе—источникъ этой ненависти,—и всякія костельныя братства, явныя и тайныя, потеряютъ свою зловредность для Православія; а пока въ западной Россіи польскій костелъ будетъ оставляемъ такъ, какъ онъ есть, до тѣхъ поръ онъ будетъ подавлять Православіе въ краѣ, и всѣ наши мѣры на защиту Православія противъ него какъ были, такъ и будутъ безуспѣшны.

XXIII.

Результаты давленія польскаго костела на Православіе весьма велики въ прошедшемъ, и еще болѣе угрожаютъ быть въ будущемъ. Выше я указывалъ на десятки тысячъ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, крещенныхъ въ Православной Церкви и воспитанныхъ въ польскомъ католичествѣ; здѣсь же я укажу на множество дѣтей крестьянъ, числящихся православными, совсѣмъ не крещенныхъ православнымъ священникомъ, а тайно крещенныхъ ксендзомъ или костельными братчиками. Въ губерніяхъ Виленской, Минской, Гродненской и сосѣднихъ съ ними—Лю-

блинской и Сувалкской, люди, хорошо знающіе положеніе края, насчитываютъ такихъ дѣтей свыше пятнадцати тысячъ. Что̀ же изъ этого выходитъ? Величайшій сумбуръ въ гражданскомъ отношеніи. Какъ не крещенные православнымъ священникомъ, они не записаны въ церковныя метрики, а какъ тайно крещенные ксендзомъ, они не могли быть записаны въ костельныя метрики, какъ происшедшіе отъ родителей, числящихся православными, и слѣдовательно навлекающіе на ксендза кару за противозаконное совершеніе таинства.

Въ такомъ положеніи эти дѣти росли, и многія изъ нихъ уже доросли до зрѣлаго возраста, когда требуется оффиціальное удостовѣреніе ихъ личности. Гдѣ же имъ взять это удостовѣреніе? Нигдѣ. Напримѣръ, умираетъ крестьянинъ; оставшійся послѣ него сынъ долженъ наслѣдовать ему; но онъ не можетъ наслѣдовать своему отцу, потому что не можетъ представить метрическаго свидѣтельства, что онъ его сынъ. Подобныхъ примѣровъ тысячи. Что̀ же дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ? Бо́льшая часть переселяется въ Америку, или одни молодые люди, или всѣмъ семействомъ. Лѣтъ пять назадъ сдѣлалось извѣстнымъ, что весьма большое число крестьянъ изъ Гродненской губерніи и смежныхъ эмигрировало въ Америку. Одни искали причину эмиграціи въ малоземельности, другіе — въ еврейскихъ наговорахъ; истинная причина заключалась въ метрическихъ затрудненіяхъ.

Въ послѣднее время по краю пущенъ слухъ, будто конфиденціально сообщено кому слѣдуетъ смотрѣть сквозь пальцы на открытый переходъ въ католичество тѣхъ, которые не пожела́ютъ оставаться въ Православіи. Такіе слухи были пускаемы по краю нѣсколько разъ и прежде, и всегда оказывались ложными; не думаю, чтобъ и теперь они были вѣрны, потому что предназначаемые къ устраненію затрудненій, они приведутъ еще къ бо́льшимъ затрудненіямъ, — къ уничтоженію нашей вѣковой работы для Православія, русской народности и государственности въ краѣ и рѣшительному торжеству польскаго костела.

Но, спросятъ, чего же смотрятъ мѣстныя власти, низшія: урядники, жандармы, становые, исправники, мировые посредники, и высшія: губернаторы и генералъ-губернаторы? Ужели они даже всею своею корпораціей не въ силахъ побороть ксендза и его „воинство"? Въ отвѣтъ о низшихъ сельскихъ властяхъ я приведу небольшую исторійку, въ которой ручаюсь за истинность каждаго слова.

Въ 1888 году, въ Троицинъ день, одна русская православная, помѣщица Виленской губерніи, ѣздила въ мѣстечко Т. той же губерніи на „кирмашъ“ (сельскую ярмарку) сдѣлать для себя разныя сельскохозяйственныя покупки. Утомившись отъ хлопотъ и жары, она искала мѣста, гдѣ бы отдохнуть, и воспользовалась предложеніемъ знакомаго зайти въ домъ ксендза. Помѣщеніе ксендза было богатое и обширное. Когда она вошла въ него, ксендза не было дома; онъ пѣлъ обѣдню въ костелѣ. Между тѣмъ въ домѣ его уже были гости: урядники и жандармы, привычною рукой хозяйничавшіе въ столовой около буфета, наполненнаго питіями и яствами, и не безъ ощутительныхъ послѣдствій. Скоро пришелъ и ксендзъ, и былъ съ нею познакомленъ. Послѣдовало предложеніе „подкрѣпить“ себя чѣмъ-нибудь; гостья попросила себѣ стаканъ чаю. Завязался разговоръ. Ходя по торгу она всюду между крестьянами-Бѣлоруссами слышала русскій языкъ, и, будучи твердою сторонницей „располяченія католичества для Русскихъ“ въ краѣ, она высказала предъ ксендзомъ, стоявшимъ, какъ она видѣла, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ мѣстными властями, свое сожалѣніе, что до сего времени русскому-католику не возвращено его священнѣйшее право молиться на своемъ родномъ языкѣ, и онъ вынуждается въ костелѣ слушать проповѣдь по-польски. Какъ же она была изумлена, увидѣвъ ксендза вышедшаго изъ себя и рѣзко отвѣтившаго: „Этого никогда не можетъ быть! Это противно святой католической вѣрѣ! Край этотъ былъ польскій и всегда будетъ польскій.“ Но что̀ особенно было любопытно,—гости горячо поддерживали ксендза и хоромъ вторили ему: „Этого никогда не можетъ быть! Этого никогда не можетъ быть!“

Вскорѣ за тѣмъ пришелъ къ ксендзу православный священникъ, котораго церковь находится верстахъ въ трехъ отъ мѣстечка. Барыня скоро познакомилась съ нимъ. Онъ также спросилъ себѣ чаю, и въ то время какъ „власти“ съ ксендзомъ перешли въ столовую и снова занялись содержимымъ въ буфетѣ, вступилъ съ нею въ разговоръ и повѣдалъ, что ксендзъ ловкій человѣкъ и великій фанатикъ, что въ его огромномъ приходѣ много богатыхъ пановъ, что онъ получаетъ доходу въ годъ не меньше десяти тысячъ рублей, на который онъ держитъ открытый до̀мъ для чиновниковъ, что, благодаря этимъ кормленіямъ, поеніямъ и тому подобному, въ его приходѣ все „шито да крыто“, между тѣмъ какъ польщизна болѣе и болѣе усиливается; ополя-

ченіе сплошнаго бѣлорусскаго населенія идетъ неудержимо; тайныя польскія школы процвѣтаютъ; ксендзовскій домъ служитъ мѣстомъ съѣзда для „пановъ", и изъ него ведутся польскія махинаціи. О себѣ и своихъ дѣлахъ священникъ говорилъ, что онъ, при всемъ своемъ желаніи сдѣлать что-нибудь, вполнѣ безсильное лицо; что приходъ его разбросанъ на пространствѣ сорока верстъ между католиками,—гдѣ два дома, гдѣ три; что Православіе здѣсь совершенно подавлено католицизмомъ и остается въ полномъ пренебреженіи; что русскіе православные помѣщики, которыхъ въ его приходѣ нѣсколько, въ продолженіе его десятилѣтняго священства ни однажды не бывали въ его церкви; что ксендзъ своимъ прихожанамъ не дозволяетъ вступать въ бракъ съ православными, трактуя ихъ какими-то паріями, и даже съ амвона въ своихъ проповѣдяхъ выражается о Православіи въ самыхъ оскорбительныхъ словахъ.

Описанное здѣсь мѣстечко не есть исключительное: всѣ прочія болѣе или менѣе подходятъ къ этому. Я знаю нѣсколько подобныхъ. Изъ одного мѣстечка православный священникъ лично и письменно доводилъ до свѣдѣнія епархіальнаго начальства о ксендзѣ того мѣстечка, произносившемъ въ проповѣди оскорбительныя слова о Православіи. Епархіальное начальство прочитало бумагу и, возвращая ее священнику, сказало: „О такихъ вещахъ намъ благоразумнѣе молчать!"

— Да полно,—„благоразумнѣе" ли?

Несомнѣнно, православный сельскій священникъ находится подъ страхомъ мщенія и „выживанія" отъ ксендзовской банды. Достойный священникъ, сообщившій мнѣ о метрическихъ затрудненіяхъ своихъ прихожанъ и эмигрированіи ихъ отъ того въ Америку, давая дозволеніе предать эти свѣдѣнія гласности, просилъ меня убѣдительно не называть его имени. „Боюсь", говорилъ онъ мнѣ. „И домъ могутъ сжечь, и гумно, и надѣлать множество другаго зла, чтобы выжить меня изъ прихода. Боюсь и своего начальства. Не любитъ оно, когда сельскій священникъ доноситъ о чемъ-либо, нарушающемъ его спокойствіе..."

Я знаю за несомнѣнное, что ко многимъ мѣстечковымъ ксендзамъ заѣзжаютъ становые, уѣздные жандармскіе начальники, мировые посредники и исправники ночевать, пообѣдать и кстати повинтить. Потомъ я отъ одного русскаго помѣщика въ краѣ слышалъ, что мировой посредникъ не бывалъ въ его мѣстности не менѣе 15-ти лѣтъ, и имѣю основаніе предполагать, что и

другіе посредники объѣзжаютъ свои участки не очень часто, и и имѣютъ объ нихъ весьма смутныя свѣдѣнія. А при такихъ условіяхъ, ксендзъ дѣлай что̀ хочешь, и говори что̀ хочешь!

Правда, надъ уѣздными чинами есть высшій надзоръ: губернаторы и генералъ-губернаторъ. Посредствомъ своихъ „чиновниковъ порученій", командируемыхъ возможно часто въ уѣзды, они могутъ зорко слѣдить за дѣйствіями уѣздныхъ и сельскихъ чиновъ, имѣть хорошія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и направлять ихъ къ пользамъ Россіи, устраняя все враждебное ей. Но вспомните, что̀ писалъ о современныхъ себѣ генералъ-губернаторахъ митрополитъ Іосифъ въ своихъ „Запискахъ". Вспомните, что̀ писалъ о нихъ графъ М. Н. Муравьевъ въ своихъ „Запискахъ". А если *такіе* генералъ-губернаторы были до графа Муравьева, то почему такіе же не могутъ быть послѣ него? Не безъ причины же *Гражданинъ* въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ настойчиво доказывалъ не только безполезность для русскаго дѣла, но рѣшительную вредность для него виленскаго генералъ-губернатора? Не безъ причины же въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* Каткова и *Руси* Аксакова сѣверо-западный край то представлялся „закутаннымъ въ саванъ", то сравнивался съ „болотомъ покрытымъ плѣсенью и тиной?"

Губернаторы?—Но они въ полной зависимости отъ генералъ-губернатора. Если онъ бездѣйствуетъ, то и они бездѣйствуютъ. (Подъ „бездѣйствіемъ" я разумѣю не заурядную циркуляцію „бумагъ"—„входящихъ" и „исходящихъ", обиліе которыхъ вполнѣ допускаю, а „бездѣйствіе власти" въ высшихъ государственныхъ, національныхъ и религіозныхъ интересахъ въ краѣ).

Потомъ, предположите губернатора, купившаго себѣ имѣніе въ своей губерніи. (Я не знаю, остается ли въ силѣ старый законъ, воспрещающій губернаторамъ пріобрѣтать имѣнія въ своей губерніи). Въ томъ уѣздѣ, гдѣ находится губернаторское имѣніе, исправникомъ—Полякъ, принявшій Православіе. Мы хорошо знаемъ этихъ „навроцо̀ныхъ", — ловкіе они люди, и знаютъ, гдѣ хвостомъ вильнуть. Исправникъ и дороги къ губернаторскому имѣнію исправляетъ, и рабочихъ въ потребномъ количествѣ поставляетъ, и поля отъ потравъ и лѣсъ отъ порубокъ охраняетъ, и самъ изъ губернаторскаго имѣнія почти не выѣзжаетъ. Губернаторъ улыбается своему исправнику, а исправникъ улыбается ксендзамъ своего уѣзда...

Потому можетъ быть нисколько не удивительно, что и для

Вильны сѣверо-западный край остается какъ-бы terra incognita, что изъ него въ нее доходятъ слишкомъ скудныя свѣдѣнія и весьма часто совершенно извращенныя. Напримѣръ, года два назадъ въ столичныхъ газетахъ говорилось о свалкѣ полиціи съ фанатичною толпою при проѣздѣ „бискупа“ въ Ковенской губерніи, а въ виленскомъ оффиціозѣ это отрицалось. Или: года три назадъ одинъ народный учитель довелъ до свѣдѣнія своего начальства о дерзкомъ поношеніи Православія ксендзомъ мѣстечка въ костельной проповѣди къ народу. Чрезъ учебное начальство извѣстіе объ этомъ перешло къ гражданскому. Для разслѣдованія послано было послѣднимъ изъ Вильны „довѣренное лицо“. И что̀ же нашло „довѣренное лицо“? Ксендзъ оказался „невинною овечкой“, и вся вина была взвалена на народнаго учителя, какъ „человѣка безпокойнаго“ и „кляузника“. И подѣло̀мъ! „Знай сверчокъ свой шестокъ!“

Впрочемъ, и то, что̀ доходитъ изъ уѣздовъ до Вильны, не всегда служитъ къ торжеству православно-русскаго дѣла. Укажу для примѣра на приведенное выше дѣло о рудоминской народной школѣ, перенесенной изъ сосѣдства православной церкви въ сосѣдство кабака. Почему не возстановлено здѣсь право Православія? Почему школа не возвращена на прежнее мѣсто? Почему указанія печати объ этомъ въ Вильнѣ „замолчали“? Въ отвѣтъ я могу только сказать, что—нехорошо, когда въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края губернаторомъ является *лютеранинъ*... Онъ можетъ быть хорошимъ губернаторомъ въ Пензѣ, Тулѣ, Калугѣ, но никогда—въ Вильнѣ, Минскѣ, Ковнѣ, Гроднѣ.

XXIV.

Успѣху польскаго костела, воюющаго противъ Православія въ сѣверо-западномъ краѣ, немало помогаетъ недостатокъ энергіи и единодушія въ мѣстномъ православномъ духовенствѣ. Этотъ печальный фактъ не подлежитъ сомнѣнію.

Виленскій протоіерей о. Котовичъ (редакторъ *Литовскихъ Эпархіальныхъ Вѣдомостей* и мѣстный уроженецъ) въ своей брошюрѣ о „Виленской Духовной Академіи“, изданной, кажется, въ 1869 году, указываетъ на „апатичное состояніе здѣшняго духовенства, въ которомъ оно находилось такъ долго, и изъ котораго не можетъ выдти безъ посторонней помощи, несмотря на

матеріальное обезпеченіе“. Это свидѣтельство должно быть признано весьма авторитетнымъ.

Здѣсь я долженъ указать на одно весьма нехорошее обстоятельство: нѣкоторые сельскіе священники, хорошо обезпеченные казеннымъ жалованьемъ, казенными домами и щедрымъ земельнымъ надѣломъ, отъ того еще въ большей степени предаются апатіи и индифферентности къ интересамъ Православія, чѣмъ и пользуются ксендзы, свободно хозяйничающіе въ ихъ приходахъ.

Съ указаніемъ о. Котовича и настоящимъ моимъ совершенно согласуется корреспонденція: „Голосъ Православнаго изъ Западной Руси“, напечатанная въ *Русскомъ Дѣлѣ* 1888 г. (№ 27), и по всей вѣроятности писанная православнымъ священникомъ сѣверо-западнаго края. Въ ней сказано: „Мы русскіе православные люди привыкли спать. А врагъ нашъ не дремлетъ. Не спимъ ли мы и въ западно-русскомъ краѣ? Не воображаемъ ли мы, что самый лучшій священникъ есть тотъ, который молчитъ? А если онъ при этомъ еще аккуратно представляетъ отчетность хотя бы о несуществующей школѣ, тогда этотъ священникъ—идеалъ пастыря. При немъ эпархіальная власть спокойна. И вотъ, вмѣсто того, чтобы изъ конца въ конецъ западно-русскаго края раздавалось энергичное, смѣлое, честное слово православнаго пастыря, все здѣсь молчитъ; лишь кое-гдѣ раздается безбоязненное слово истиннаго слуги Христова,—остальное все молчитъ или поучаетъ свою паству „казенными“ проповѣдями. Но молчаніе и *фарисейское* смиреніе не составляютъ силы Православія; намъ нужны здѣсь борцы, а не *фарисеи* съ ихъ сладкими рѣчами и мягкими манерами, у которыхъ на устахъ улыбка, а за пазухой камень для своего брата, православнаго, у которыхъ на словахъ жажда истинно-церковной жизни, но которые на дѣлѣ душатъ всякое проявленіе церковной жизни. Мы задыхаемся въ атмосферѣ лжи и фарисейства, развращающаго до мозга костей православнаго человѣка“. Содержимое въ этой выпискѣ заставляетъ предполагать много худаго въ средѣ сѣверо-западнаго православнаго сельскаго духовенства.

О внутреннемъ разладѣ и антагонизмѣ среди православнаго духовенства въ сѣверо-западномъ краѣ профессоръ Кояловичъ писалъ слѣдующее въ *Церковномъ Вѣстникѣ* 1886 года: „На всемъ пространствѣ края, какъ я могъ изучить, теперь разви-

вается двойной сепаратизмъ, западно-русскій и великорусскій. Одинъ изъ нихъ, западно-русскій, вступаетъ или насильно вгоняется въ союзъ съ Поляками, а въ другомъ, великорусскомъ, хорошіе русскіе люди, даже москвичи, вступаютъ въ неестественный союзъ съ русскими космополитами. Русскіе люди Западной Россіи сильно теперь разбираются, кто откуда происходитъ и какъ оканчивается его фамилія, на *овъ* или *овичъ*. Одни говорятъ: кто съ востока Россіи, тотъ носитель русскихъ православныхъ началъ; кто съ запада, тотъ полурусскій, полякующій, уніятствующій. Другая сторона за это отплачиваетъ равною монетою и говоритъ: кто съ запада, тотъ порядочный человѣкъ и ревнуетъ о благѣ западной Россіи, а кто съ востока, тотъ разнузданъ въ жизни, не хочетъ знать никакихъ преданій страны и большій другъ Поляка и жида, чѣмъ мѣстнаго русскаго. Такое разъединеніе крайне вредно для успѣховъ русской дѣятельности въ западной Россіи и крайне пріятно и полезно Полякамъ и жидамъ".

Авторитетъ профессора Кояловича, уроженца сѣверо-западнаго края, имѣвшаго обширныя родственныя и дружескія связи и въ краѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ, и всего менѣе могущаго подлежать упреку въ пессимизмѣ, можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ истинности этой характеристики. И какъ будто въ подтвержденіе ея въ томъ же 1886 году въ *Церковномъ Вѣстникѣ* было помѣщено описаніе крайне компрометирующей сцены между духовными мѣстными и великоруссами на „съѣздѣ" одного изъ благочиній Литовской эпархіи, во всей неприглядной реальности показавшей внутренній антагонизмъ въ сѣверо-западномъ православномъ духовенствѣ. Въ послѣдніе годы онъ даже прискорбно сказывался въ Литовской Семинаріи. Въ самыхъ духовныхъ академіяхъ, Московской и Петербургской, воспитанники изъ сѣверо-западнаго края держали себя, что говорится, „козыремъ", по отношенію къ товарищамъ великоруссамъ. Не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что покойный архіепископъ Алексѣй, одинъ изъ нашихъ лучшихъ іерарховъ, былъ весьма нелюбимъ сѣверо-западнымъ православнымъ духовенствомъ изъ „мѣстныхъ" за то, что онъ былъ слишкомъ великоруссъ, вводившій въ эпархіи „московскіе" порядки и опредѣлявшій на священническія мѣста въ краѣ великоруссовъ, что, впрочемъ, было основнымъ пунктомъ муравьевской церковной политики.

Потому характеристика внутренняго антагонизма въ сѣверо-западномъ православномъ духовенствѣ, сдѣланная профессоромъ Кояловичемъ, въ общемъ совершенно вѣрна, но въ частностяхъ требуетъ разъясненія.

1) Этотъ антогонизмъ ведетъ свое начало со времени виленскаго генералъ-губернаторства графа Муравьева. До него антагонизма не было, потому что тогда все православное духовенство въ краѣ состояло изъ „мѣстныхъ“ уроженцевъ, съ крайне ничтожнымъ количествомъ великоруссовъ, которые при томъ, поживши въ краѣ, совершенно ассимилировались съ „мѣстными“, принявши отъ нихъ польскій бытъ и польскій языкъ. Графъ Муравьевъ, прибывши въ Вильну, не могъ не видѣть въ мѣстномъ духовенствѣ нехорошаго духа исключительности, нерѣдко переходившей во враждебность русскому и пристрастность ко всему польскому; потому, чтобы парализовать ее, онъ предложилъ виленской духовной власти на открывшіяся священническія мѣста, въ извѣстной долѣ, приглашать великоруссовъ. Кромѣ того попечителемъ Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловымъ весь учебный, почти исключительно польскій, персоналъ округа была замѣненъ великорусскимъ. Явилось также въ краѣ множество чиновниковъ-великоруссовъ. Ко всѣмъ имъ мѣстное духовенство отнеслось враждебно. Пока былъ въ Вильнѣ Муравьевъ, эта враждебность таилась; но при его преемникахъ, она начала проявляться съ шокирующею рѣзкостью. „Мѣстные“ смотрѣли на великоруссовъ какъ на людей низшей культуры и называли ихъ, вмѣстѣ съ Поляками, „нáѣздомъ“.

2) Враждебность „мѣстнаго“ духовенства къ великоруссамъ послѣ графа Муравьева особенно выразилась въ противодѣйствіи его плану разполяченія западно-русскаго католичества, созданному при К. П. Кауфманѣ, и въ борьбѣ за народныя школы. И то и другое естественно вызвало озлобленіе великоруссовъ къ „мѣстнымъ“, на которое указываетъ профессоръ Кояловичъ въ своей другой статьѣ, напечатанной въ *Церковномъ Вѣстникѣ* 1885 года (№ 45—47): „Виленскіе поборники русскаго латинства чуть ли не всѣ крайне враждебно относились къ западно-русскому православному духовенству и точно прозелиты латинства усердствовали въ его пользу. Нужно при этомъ вспомнить, что тогда уже распалялась вражда между православнымъ духовенствомъ и русскими свѣтскими людьми по вопросу о народныхъ училищахъ и не уступала даже напряженнымъ усиліямъ тогдаш-

няго виленскаго попечителя И. П. Корнилова, старавшагося потушить ее и направлять всѣхъ къ единодушной работѣ въ пользу народнаго образованія“. Здѣсь бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство: великоруссовъ, пріѣхавшихъ въ край при графѣ Муравьевѣ, создавшихъ планъ располяченія западно-русскаго католичества и ратовавшихъ *за* него, профессоръ Кояловичъ называетъ „прозелитами латинства, усердствовавшими въ его пользу“. Но крайне враждебныя отношенія къ этому плану самого папы, его совѣтниковъ, западно-русскихъ ксендзовъ и пановъ, достаточно свидѣтельствуютъ, что планъ этотъ *не* былъ „усердствованіемъ въ пользу латинства“. Почему же мѣстное православное духовенство ратовало *противъ* этого плана? Единственно по одной причинѣ: осуществленіе его необходимо заставляло нашихъ батюшекъ сбросить съ себя дрему и апатію и побольше шевелить мозгами. Что же касается борьбы за народную школу, то мотивъ ея въ мѣстномъ духовенствѣ до сей поры остается недостаточно выясненнымъ, если только имъ не была его общая враждебность къ великоруссамъ, большинствомъ которыхъ при И. П. Корниловѣ были замѣнены сельскіе учителя изъ Поляковъ и „полякующихъ“.

3) „Мѣстныхъ“ никто не „вгоняетъ насильно въ союзъ съ Поляками“. Напротивъ, несомнѣнно извѣстно, что они издавна держались польскаго быта, говорили по-польски и были въ тѣсномъ общеніи съ Поляками. Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* 1864 года есть циркуляръ митрополита Іосифа ко всему подвѣдомственному ему духовенству, воспрещающій ему употребленіе польскаго языка во всѣхъ случаяхъ общежитія. Значитъ, это употребленіе было. Поляки признавали „мѣстныхъ“ русскихъ за „своихъ“, называя ихъ „Поляками всходнѣго вызнанія“ (то-есть „Поляками восточнаго исповѣданія“): а великоруссы, дѣйствительно, не признавали ихъ за „своихъ“ и называли ихъ „полякующими“, „уніятствующими“ и „православными Поляками“.

4) Въ жизненной „разнузданности“ великоруссъ далеко остается позади Поляка и его полякующаго литовскаго прихвостня, а въ лицемѣріи, фарисействѣ, іезуитской пронырливости, двуличности, вѣроломствѣ, предательствѣ и всякой другой лжи онъ предъ тѣмъ и другимъ совершенный младенецъ.

5) Невѣрно и то, что великоруссъ „не хочетъ знать никакихъ преданій старины“. Напротивъ, великоруссъ явился истиннымъ возстановителемъ и охранителемъ ихъ. Кто возстановилъ древне-

русскія православныя святыни въ Вильнѣ? Кто отыскивалъ древне-русскіе письменные и печатные памятники Западной Россіи? Кто собиралъ остатки древне-русскаго быта въ краѣ, создалъ для нихъ достойное хранилище и блюдетъ, какъ святыню? Все—великоруссы. Они только „не хотѣли знать“ *польскихъ* преданій страны; но это имъ служитъ въ честь, а не въ упрекъ. Напротивъ, „мѣстные“,—„тутѣйшіе“, какъ они сами себя называютъ, — дѣйствительно измѣнили преданіямъ своей страны; бросили свой древне-русскій бытъ подъ ноги Поляку; отверглись отъ своего роднаго языка и письменъ св. Кирилла и предали Православіе,—древнюю вѣру своихъ отцовъ,—польскому латинству ради польскихъ почестей и жирныхъ „бенефицій“.

6) „Мѣстный“ ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ „ревнуетъ о благѣ западной Россіи“. А великоруссъ ревнуетъ о благѣ *всей* Россіи. „Мѣстный“ одержимъ духомъ исключительности, сепаратизма, смотритъ на сѣверо-западный край, какъ на свой собственный, исключительно ему принадлежащій, и называетъ переселяющихся великоруссовъ „наѣздомъ“; напротивъ, великоруссъ западно-русскихъ, переселяющихся въ великорусскій край не называетъ никакъ, а говоритъ просто: „Добро пожаловать!“

7) Согласно съ такимъ взглядомъ „мѣстныхъ“ на „свой“ край, и на великоруссовъ, безцеремонно называемыхъ „москалями“, „кацапами“, они всѣми средствами стараются препятствовать прибытію послѣднихъ въ край, а прибывшихъ выживать изъ него, въ чемъ они въ значительной степени и успѣваютъ. Въ послѣднее время притокъ духовныхъ лицъ изъ Великоруссіи въ сѣверо-западный край болѣе и болѣе слабѣетъ. Вѣроятно, въ Вильнѣ еще не забыли одно лицо изъ высшаго духовенства, славившееся особенною ненавистью къ великоруссамъ.

8) Великоруссы, прибывшіе въ край, осмотрѣвшись вокругъ себя и убѣдившись, чѣмъ отдаетъ отъ „тутѣйшихъ“, естественно сдѣлались „бо̀льшими друзьями Поляка и Жида, чѣмъ мѣстнаго Русскаго“, по той простой причинѣ, что Полякъ являлся имъ Полякомъ, а Жидъ — Жидомъ; „мѣстный“ же на словахъ, когда для него нужно было, разыгрывалъ совершеннѣйшаго русскаго патріота, а на дѣлѣ былъ хуже всякаго Поляка и Жида.

9) Хотя достопочтенный профессоръ указываетъ на существованіе внутренняго антагонизма въ сѣверо-западномъ духовенствѣ и вообще между здѣшними русскими обобщительно; но ради

правды должно сдѣлать здѣсь большія исключенія на той и другой сторонѣ. Я лично могу указать здѣсь на многихъ „овичей“, которые во всерусскомъ патріотизмѣ не уступятъ никому; съ другой стороны, сколько было и есть „овыхъ“, имена которыхъ нельзя произносить, не краснѣя отъ стыда!.. Потому здѣсь дѣло не въ именахъ, а въ дѣлѣ: кто радѣетъ о русскомъ дѣлѣ, тотъ и Русскій, а кто враждебенъ ему, тотъ не Русскій, хотя бы и русское имя носилъ.

10) Совершенно справедливо говоритъ профессоръ Кояловичъ, что „такое разъединеніе крайне вредно для успѣховъ русской дѣятельности въ Западной Россіи и крайне пріятно Полякамъ“. Потому долгъ всякаго русскаго человѣка—стараться всѣми мѣрами объ устраненіи этого внутренняго разлада въ западно-русскомъ духовенствѣ, что̀ легко будетъ достигнуто, если обѣ стороны будутъ относиться другъ къ другу съ уваженіемъ и снисхожденіемъ. Нашъ врагъ, руководясь іезуитскимъ правиломъ:—„divide et impera“, старается внести раздѣленіе въ великую семью Русскаго народа: на сѣверо-западѣ силится возстановить противъ „Москвы“ Бѣлоруссію и Литву, на юго-западѣ—Малороссію („хохломанство“ создано рукой Поляка); но мы всѣ должны твердо держать въ умѣ, что Великая Русь, Малая Русь, Бѣлая Русь, Красная Русь есть все—Русь, *единая* Русь.

XXV.

Предъ нами двѣ борющіяся стороны: на одной—апатія, дрема, оскудѣніе „духа жива“, отчужденіе отъ дѣла общества и печати, ограниченіе участія въ немъ небольшимъ количествомъ оффиціальныхъ лицъ, характеризуемыхъ смѣсью напыщенности съ тупымъ индифферентизмомъ къ самымъ драгоцѣннымъ отечественнымъ интересамъ и замѣна канцелярскою бумажностью живаго дѣла; на другой сторонѣ—энергія, всецѣлая преданность своему дѣлу, дѣятельное, неустанное участіе въ немъ всѣхъ классовъ общества и народа, начиная отъ ксендза, литератора и магната до шляхтянки-терціарки и костельныхъ дѣдовъ. На первой сторонѣ—русско-православная церковь въ краѣ, на второй—польско-католическій костелъ. Нетрудно угадать, на которой сторонѣ должна быть побѣда, какъ она и есть.

Многіе, даже изъ вліятельныхъ людей, относятся къ подавле-

нію Православія католичествомъ въ сѣверо-западномъ краѣ индифферентно,—а что они относятся индифферентно, это доказывается самымъ фактомъ подавленія, котораго не было бы, еслибы силу имѣющіе крѣпко приняли къ сердцу интересы Православія,—тогда они нашли бы и средства къ огражденію его. Люди эти обыкновенно говорятъ: для Русскаго государства дорога въ краѣ русская народность, служащая ему фундаментомъ. Но силою исторіи здѣсь католичество поставлено выразителемъ польщизны, а Православіе—выразителемъ руссизма. Въ борьбѣ польщизны съ руссизмомъ Православная Церковь есть передовая твердыня, принимающая на себя всю тяжесть вражьяго удара: сломится эта твердыня—погибла лежащая за нею русская народность. Потому должно быть поставлено для нашей политики въ сѣверо-западномъ краѣ положеніе: *Чѣмъ тверже Православіе въ краѣ, тѣмъ прочнѣе въ немъ русская народность*. Это положеніе подтверждается дѣйствительностью. Рядомъ съ подавленіемъ Православія католичествомъ въ краѣ изгоняется изъ него польщизною и русская народность. Вотъ что о послѣдней пишетъ профессоръ Кояловичъ (*Церк. Вѣст.* 1886),—и слова его заслуживаютъ полнаго вниманія:

„Я приглядывался къ бѣлоруссамъ въ церквахъ, на базарахъ, въ мировыхъ судахъ и т. п. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ западной Россіи простой народъ выходитъ изъ патріархальнаго быта, какъ и въ восточной. Но въ восточной Россіи русскій крестьянинъ все-таки остается Русскимъ. Не такъ бываетъ въ западной Россіи. Здѣсь русскій человѣкъ рискуетъ перестать быть Русскимъ и сдѣлаться Полякомъ. Бѣлоруссъ то-и-дѣло останавливается въ недоумѣніи, гдѣ ему брать образцы интеллигентной жизни: у Русскихъ или у Поляковъ? Теперь разводится, особенно среди крестьянъ латинскаго закона, а иногда и православныхъ, совершенно новый классъ Поляковъ. Крестьяне, выдвинувшіеся впередъ своимъ благосостояніемъ, особенно купившіе значительное имѣніе, сейчасъ же заводятъ порядокъ жизни по образцу польскихъ пановъ и воспринимаютъ польскую рѣчь. Но есть и болѣе печальныя явленія. Я узналъ, что есть мѣстности, гдѣ еще недавно говорили по-литовски, а теперь говорятъ по-польски. Мало того. По всей западной полосѣ Бѣлоруссіи идетъ быстрое изученіе народомъ польскаго языка въ тайныхъ школахъ, которыя слѣдуютъ, можно сказать, по пятамъ русскихъ православныхъ учителей: даже въ церковно-приход-

скихъ училищахъ иногда бываетъ какъ бы двѣ смѣны ученья— русская и затѣмъ польская. Здѣсь спросъ на польскія книги такъ великъ, что даже русскіе книгоноши изъ внутренней Россіи занимаются продажей польскихъ книгъ. Если такъ будетъ далѣе продолжаться эта полонизація страны, то вскорѣ придется этнографамъ произвести новый пересмотръ этнографическихъ границъ, отдѣляющихъ Русскій народъ отъ Польскаго, и обозначить новые пункты польской народности въ западной Россіи, никогда прежде не бывшія".

А вотъ что было писано въ *Русскій Курьеръ* съ восточной полосы Бѣлоруссіи, изъ Витебска (1887 № 167): „Разговаривая съ православнымъ крестьяниномъ, вы замѣчаете, что онъ уже начинаетъ называть себя Полякомъ и игнорировать все русское. Прежде бѣлорусское католическое населеніе выписывало для себя много русскихъ книгъ и журналовъ; въ настоящее же время распространенное изданіе польскихъ газетъ въ Варшавѣ снискиваетъ себѣ въ Бѣлоруссіи громадный контингентъ читателей. Борьба за преобладаніе той или другой литературы въ чтеніи здѣсь совсѣмъ закончилась, и кромѣ польской книжки вы съ трудомъ найдете что-либо другое въ рукахъ читающаго Бѣлорусса".

Въ газету *Русь* (1883 № 13) писано изъ Волковысскаго уѣзда Гродненской губерніи: „Чего только не дѣлаютъ здѣсь ксендзы! Если, напримѣръ, римско-католикъ служитъ у православнаго, то ксендзъ не принимаетъ его на исповѣдь; для исполненія этого христіанскаго долга онъ заставляетъ его ходить въ костелъ по нѣскольку разъ, и каждый разъ не упускаетъ случая поносить предъ нимъ все русское и православное. Трудно изобразить всю многообразнѣйшую агитацію ксендзовъ въ нашей мѣстности, гдѣ православные приходы состоятъ въ большинствѣ изъ „присоединившихся". Подстрекаемые агентами ксендзовъ, распускающими слухи, будто Православіе будетъ изгнано, будто костелы, упраздненные и передѣланные въ церкви, будутъ снова возстановлены, присоединившіеся опять начали колебаться, перестали ходить въ церкви и посылать въ нихъ своихъ дѣтей". Печатая эту корреспонденцію, И. С. Аксаковъ присовокупляетъ: „Грустныя вѣсти! Дѣйствительно, прискорбное и даже позорное для Православія положеніе!"

Гражданинъ (1889 № 175) по поводу празднованія въ Вильнѣ полувѣковаго юбилея „возсоединенія уніи 1839 г." говоритъ:

„Вѣроятно, будетъ обѣдъ, и будутъ витіеватыя рѣчи. И опять весь этотъ наружный блескъ, всѣ эти громкія рѣчи будутъ призваны затемнить настоящую истину въ томъ самомъ западномъ краѣ, гдѣ 50 лѣтъ назадъ главный ревнитель Православной Церкви, іерархъ Іосифъ, возлагалъ столько свѣтлыхъ надеждъ на будущее, и отъ посѣяннаго имъ въ жизнь могъ ожидать жатвы. Но, увы, не такова дѣйствительность. Въ сумеркахъ дремлетъ этотъ злополучный край, призванный, Богъ одинъ вѣсть почему, на печальное прозябаніе во всѣхъ слояхъ русской жизни, начиная съ Церкви и кончая всѣми отраслями будничной жизни. Какой-то рокъ преслѣдуетъ этотъ несчастный западный край! Изъ-за него, въ вѣковомъ спорѣ съ полонизмомъ и католицизмомъ, мы гремимъ словами: „обрусеніе“ и „Православіе“ вотъ уже сколько лѣтъ,—а гдѣ это обрусеніе? Гдѣ живыя и мощныя явленія окрѣпшаго торжествующаго Православія? Гдѣ дѣятели, гдѣ дѣянія, гдѣ плоды ими насажденные? Одинъ въ краѣ высокой души іерархъ, какъ одинокая возженная свѣча, свѣтитъ въ печальномъ сумракѣ всеобщаго усыпленія, и, точно заброшенное поле, край съ своею Церковью и школою ждетъ рабочихъ учителей и пастырей“.—„Молите убо дому владыку, да изгонитъ рабовъ лукавыхъ и лѣнивыхъ и да пошлетъ на поле иныхъ дѣлателей“!..

Заключу эту скорбную картину словами профессора Кояловича (въ выше указанной статьѣ): „Когда вы разъѣзжаете по малымъ городамъ и селамъ западной Россіи съ русскимъ взглядомъ на тамошнихъ людей и ихъ дѣла, то получаемыя впечатлѣнія способны привести васъ къ самымъ безотраднымъ выводамъ. Русскимъ людямъ приходилось здѣсь то подниматься на необычайную высоту самосознанія и самоотверженія при Муравьевѣ и Кауфманѣ, то низвергаться въ бездну русскаго униженія при Потаповѣ и его преемникахъ. Я видѣлъ очень много талантливыхъ и высокообразованныхъ русскихъ людей; но въ нихъ далеко нѣтъ того оживленія, того возбужденія къ выясненію и разрѣшенію существеннѣйшихъ задачъ западно-русской жизни, какія были двадцать лѣтъ назадъ. Точно какая-нибудь буря пронеслась надъ русскими людьми западной Россіи, и ужасы глубоко залегли въ душѣ оставшихся, и передаются вновь прибывающимъ. Насъ заѣла, говорили мнѣ, потаповщина, которая, какъ система, осталась существовать гораздо дольше Потапова. Порваны нити многихъ прекрасныхъ начинаній; разсѣ-

яны хранители лучшихъ преданій; исчезаютъ тѣ немногіе уже могиканы-великоруссы временъ Муравьева и Кауфмана, которые какимъ-то чудомъ уцѣлѣли отъ потаповскаго погрома; иные помышляютъ о бѣгствѣ назадъ въ восточную Россію; русское гражданское чувство стало какъ бы преступнымъ и жестоко убито".

Sapienti sat!

XXVI.

Должно ли все это оставаться такъ?

Конечно, нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, если мы не желаемъ пренебрегать твердостью Русскаго государства, не желаемъ оставлять огромную и важнѣйшую часть его въ парализованномъ состояніи и дозволять врагу подрывать самый фундаментъ государства съ этой стороны. Потому должны быть употреблены энергическія мѣры къ устраненію враждебныхъ вліяній на Православіе и русскую народность въ краѣ, на которыхъ зиждется Русское государство,—и это должно быть сдѣлано *немедленно*, безъ прокрастинацій и проволочекъ. Вотъ что объ этомъ говоритъ профессоръ Кояловичъ: „Складъ русской интеллигентной жизни на западно-русской землѣ такъ важенъ въ настоящее время [1], что я не знаю, какая сила слова могла бы быть излишнею для возбужденія надлежащаго вниманія къ этому величайшей важности предмету. Настоящее время въ жизни простаго народа западной Россіи по справедливости можетъ быть названо *роковымъ* для него самого, а слѣдовательно и крайне важнымъ для всей Россіи".

Но что̀ же дѣлать?

Виленскій генералъ-губернаторъ Альбединскій, въ виду громадно разросшейся при Потаповѣ силы ксендзовства, которая, поддерживаемая мѣстными поляками-землевладѣльцами, безпрепятственно отрывала отъ Православія и увлекала въ католичество множество „возсоединенныхъ" въ 39-мъ году и „обращенныхъ" въ 1864-5 году, просилъ виленскаго архіепископа, впослѣдствіи московскаго митрополита, Макарія, изыскать средства къ удержанію обращенныхъ въ Православіи. На это архіепископъ Макарій отвѣчалъ: „Такъ какъ обращали ихъ въ Православіе чиновники, то пусть чиновники же изыскиваютъ и сред-

[1] Писано въ 1886 году.

ства къ удержанію ихъ" [1]. Отвѣтъ—не „пастыря добраго!" И не государственнаго человѣка. Дѣйствительно, „обращеніемъ" католиковъ по преимуществу занимались чиновники; но дѣло ихъ было хорошее, возвращавшее Православной Церкви ея древнее достояніе,—и главное, безотлагательно нужное, чтобы скорѣе положить конецъ польскимъ махинаціямъ въ краѣ чрезъ посредство костела. Между тѣмъ тогдашнее мѣстное православное духовенство, погруженное, по свидѣтельству отца Котовича, въ „апатію", неспособно было инціативно вести это дѣло: не дожидаться же было, когда оно выйдетъ изъ своей апатіи. Оставалось естественно вести это дѣло чиновникамъ. И почему „чиновникъ" не можетъ быть распространителемъ Православія? Справедливо-ли опредѣлять компетентность къ тому человѣка покроемъ его платья, а не складомъ его души? Главными дѣятелями въ обращеніи католиковъ были муравьевскіе мировые посредники, въ огромномъ большинствѣ люди умственно и нравственно къ тому вполнѣ компетентные. Оправданіемъ тому,—если только нужно оправданіе,—можетъ служить и характеръ дѣйствія противника. Подъ видомъ религіи ксендзъ являлся политическимъ агитаторомъ, даже предводителемъ мятежныхъ бандъ, и костелъ служилъ гнѣздомъ агитаціи и мятежа: потому и русскіе дѣятели смотрѣли на обращеніе крестьянъ изъ католичества въ Православіе прежде всего какъ на политическую мѣру освободить народъ изъ-подъ вліянія опасныхъ агитаторовъ.

Еслибы высокопреосвященный Макарій, вмѣсто того, чтобы грубо отталкивать предложеніе, далъ себѣ трудъ внимательнѣе разобрать все дѣло, то, я увѣренъ, онъ нашелъ бы средство упрочить въ Православіи обращенныхъ и оградить ихъ отъ польско-костельныхъ махинацій, потому что такое средство *есть*.

Вникая въ сущность борьбы польско-католическаго костела съ Православіемъ, мы видимъ въ ней то, что называется „двое противъ одного". Эти „двое"—костелъ и польская справа, а Православіе стоитъ „одно", не вспомоществуемое даже тѣми, кто долженъ ему вспомоществовать. Теперь, если мы отдѣлимъ польщизну отъ католичества, польскую справу отъ костела; если мы отнимемъ католицизмъ у злоупотреблявшаго имъ полонизма и возвратимъ его къ собственнымъ своимъ силамъ, тогда борьба будетъ равномѣрна, „одинъ на одинъ", — и тогда можно смѣло

[1] Автографъ этого письма хранится при дѣлахъ виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія.

утверждать, что католичество не будетъ одерживать верхъ надъ Православіемъ. А это отдѣленіе польщизны отъ католичества, польской справы отъ костела будетъ достигнуто чрезъ *располяченіе костела* удаленіемъ изъ него польскаго богослужебнаго языка и замѣною его, согласно правилу Тридентскаго Собора, linguâ vernaculâ, то-есть для Бѣлоруссовъ—русскимъ, для Литвиновъ и Жмудиновъ — литовско-жмудскимъ, для Латышей—латышскимъ. Польскій же языкъ въ католическомъ богослуженіи западной Россіи отнюдь не долженъ быть употребляемъ, потому-что онъ здѣсь не есть linguâ vernaculâ (народный языкъ), такъ какъ здѣсь нѣтъ польскаго народа, а есть только польскій „наносъ“ (alluvium)—панство и шляхта, которые у себя въ частномъ моленьи могутъ молиться на какомъ угодно языкѣ. Эта мѣра, признанная „мѣрою высшей государственной важности“, созданная при К. П. Кауфманѣ, и на половину осуществленная при графѣ Барановѣ, была заторможена Потаповымъ,—и такъ остается до сихъ поръ. Но она должна быть осуществлена,—и *неотложно*, какъ *единственная* мѣра, спасающая русское дѣло въ западной Россіи (это будетъ предоставлено мною съ полною ясностію въ другомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ показана зависимость отъ нея и нашей народной школы и нашего землевладѣнія въ западной Россіи). Для Православія же результаты осуществленія этой мѣры будутъ слѣдующіе:

1) Съ располяченіемъ католицизма въ краѣ естественно отдѣлится отъ него полонизмъ, который потеряетъ къ нему доступъ и не будетъ въ немъ имѣть болѣе никакого интереса, какъ къ религіи, столь же мало польской, какъ и Православіе. Вслѣдствіе того котолицизмъ останется только при своихъ силахъ.

2) Съ располяченіемъ западно-русскаго костела, естественно, онъ долженъ отдѣлиться отъ польскаго костела этнографической Польши, получивши самостоятельную администрацію, что̀ въ самомъ фактѣ отдѣленія выразится уменьшеніемъ его воинственной силы.

3) Съ располяченіемъ западно-русскаго католицизма, при великой близости его къ Православію и одинаковости съ нимъ богослужебнаго языка, онъ скоро явится по отношенію къ Православію въ положеніи обратной уніи, какъ переходная степень, и соединеніе его съ Православіемъ, — „соединеніе святыхъ Божіихъ Церквей“,—будетъ только вопросомъ времени и энергіи православнаго духовенства.

4) Съ располяченіемъ западно-русскаго католицизма, онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ силахъ дѣлать на православную паству тѣ непрестанныя наступленія, какія онъ дѣлаетъ подъ стимуломъ польщизны до сего времени.

5) Съ располяченіемъ котолицизма и православная паства сдѣлается тверже въ Православіи и индифферентнѣе къ католичеству, какъ потерявшему для нея польскій престижъ.

6) Съ располяченіемъ католицизма увеличится энергія въ мѣстномъ православномъ духовенствѣ, которое лишено будетъ возможности оправдывать свое бездѣйствіе непомѣрною силой католичества, поддерживаемаго польщизною.

7) Съ располяченіемъ западно-русскаго католицизма, западно-русскіе католики *возвратятся къ русской народности*; съ возвращеніемъ къ русской народности, они *возвратятся къ Православію;* а съ возвращеніемъ къ русской народности и Православію они *возвратятся и къ русской государственности*, — сдѣлаются нелживыми подданными Русскаго Государя.

Располяченіе западно-русскаго костела есть *единственное* средство поправить дѣло Православія въ сѣверо-западномъ краѣ. Пока же будетъ оставаться здѣсь, среди русскаго и православнаго народа, *польскій* костелъ, съ *польскимъ* ксендзомъ и *польскимъ* языкомъ въ молитвахъ, гимнахъ, проповѣди и всемъ костельномъ бытѣ, дотолѣ всѣ наши усилія поддержать въ краѣ Православіе будутъ тщетны.

Впрочемъ, освобожденіе Православной Церкви отъ давленія польскаго костела есть только одинъ изъ двѣнадцати мотивовъ располяченія западно-русскаго католичества, о которыхъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Я знаю, планъ этотъ ненавистенъ для Поляковъ, какъ отнимающій у нихъ единственное средство къ ополячиванію западно-русскихъ населеній. Они хорошо знаютъ, что языкъ есть главное выраженіе народности и главный проводникъ ея, и что особенную важность для народа имѣетъ языкъ богослужебный. Для простолюдина храмъ есть почти единственный культурный факторъ. Для него по преимуществу богослужебный языкъ есть языкъ высшей жизненной сферы, и получаетъ высшій авторитетъ и освященіе, — становится „священнымъ языкомъ“. Такимъ образомъ для русскаго католика западной Россіи дѣлается священнымъ языкомъ языкъ польскій, — языкъ чужой и враждебной ему народности. Какой результатъ этого? Польскій языкъ дѣлается

языкомъ всей его жизни. А съ языкомъ входятъ въ него польскія идеи, чувства и стремленія,—и коренной русскій человѣкъ отрывается отъ своей родной народности и „ополячивается", то-есть начинаетъ сознавать себя Полякомъ и дѣлается врагомъ своего отечества. Все это весьма хорошо понимаютъ Поляки и со всею ненавистію относятся къ этому плану. За него были умерщвлены ими виленскіе прелаты Тупальскій и Кобцеговичъ,— объ ожесточенныхъ преслѣдованіяхъ другихъ ксендзовъ, содѣйствовавшихъ осуществленію этого плана, я здѣсь умалчиваю. Когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошелъ слухъ, что папа согласенъ на располяченіе западно-русскаго католичества, то Поляки печатно заявили, что они тогда весь польскій народъ переведутъ изъ католичества въ протестантство. Когда же потомъ этотъ слухъ оказался ложнымъ, то Поляки поздравляли себя съ тѣмъ, что „москалю не удалось разломить обручальное кольцо Ядвиги и Ягелла" (читай,—разорвать порабощеніе западно-русскихъ народностей польщизнѣ).

Нѣкоторые говорятъ, будто осуществленіе этого плана опасно для Православія. Но такое опасеніе безосновательно. Люди, имѣющіе его, унижаютъ достоинство Православія, представляя его лишеннымъ внутренней силы и не могущимъ стоять лицомъ къ лицу съ католичествомъ на одной и той же народной почвѣ, при одномъ и томъ же народномъ языкѣ. Въ Германіи, Франціи, Англіи, Америкѣ мы видимъ нѣсколько религій, стоящихъ на одной и той же народной почвѣ, при одномъ и томъ же народномъ языкѣ и при полной свободѣ совѣсти. Почему же въ Россіи должно быть иначе? Почему для Православія опасно то, что не опасно ни для католицизма, ни для протестантизма? Люди, выставляющіе такое опасеніе, дѣлаютъ это или по непониманію религіозной жизни народныхъ массъ, или съ лукавымъ умысломъ подбрасывая въ общее сознаніе идеи, благопріятныя Полякамъ. При томъ Православіе въ восточной Россіи не будетъ имѣть никакого соприкосновенія съ католичествомъ; въ западной же Россіи положеніе его и при польскомъ костелѣ такъ плохо, что при располяченіи католичества не можетъ быть хуже, а лучше несомнѣнно будетъ.

Планъ располяченія западно-русскаго католичества, созданный въ 1866 году, влачится неосуществленнымъ болѣе четверти вѣка. Заторможенный Потаповымъ, онъ всѣ семидесятые года оставался выброшеннымъ изъ вниманія; всѣ восьмидесятые года, и

и по сію пору, объ немъ ведутся переговоры съ папою,—„тянется канитель", которой, кажется, и конца не будетъ.

Да и нужно ли еще спрашивать папу о дѣлѣ, точно разрѣшенномъ уже правиломъ католическаго вселенскаго Тридентскаго Собора „De linguâ vernaculâ" въ католическомъ богослуженіи? Отчего же такая проволочка въ Ватиканѣ, — можетъ-быть, выгодная для папской куріи, но едва ли совмѣстимая съ достоинствомъ Россіи?

Съ русской стороны я не хочу предполагать ничего, кромѣ неумѣнья вести дѣло; съ ватиканской же стороны,—можетъ-быть папа, особенно побуждаемый кардиналомъ Полякомъ Ледоховскимъ, не желаетъ огорчить своихъ любезныхъ Поляковъ, и въ этихъ видахъ до безконечности готовъ лавировать между русскими требованіями и польскими вожделѣніями. А можетъ-быть папа не прочь и пользоваться даровымъ могущественнымъ средствомъ польской политической агитаціи для пересиленія и подавленія католичествомъ Православія въ западной Россіи? Тогда „святому отцу" можетъ быть предложена альтернатива: *Или западно-русское католичество должно быть очищено отъ польщизны, или западная Россія должна быть очищена отъ католичества.*

А. Владиміровъ.

МАТЬ АГНІЯ.

Разсказъ.

I.

....Лѣтъ пятнадцать назадъ, а можетъ-быть и болѣе, я гостилъ у одной своей родственницы. Она жила въ старинномъ губернскомъ городѣ, гдѣ еще отъ древности сохранилось множество церквей, монастырей—было много святыни. Женщина она была очень богомольная. Въ домѣ у нея не переводились монахи, монашенки, странники и странницы. Ходила къ ней часто одна монашенка, мать Агнія. На видъ ей было лѣтъ тридцать пять, лицо она имѣла изнуренное, но миловидное, а вся фигура, всѣ движенія были у нея чрезвычайно мягкія и граціозныя.

Я тогда все бредилъ романами и трагедіями, отыскивалъ „поэзію жизни" и „жизнь въ поэзіи", за что моя родственница, женщина умная и не безъ природнаго юмора, постоянно подсмѣивалась надо мною.

— Вотъ ты все „поэзіи въ жизни" отыскиваешь, сказала она мнѣ разъ—а подъ носомъ у себя цѣлаго романа не видишь, да такого, какого тебѣ во вѣки не сочинить

— Гдѣ же это у васъ романическія лица оказались, спросилъ я—отецъ Пименъ да странница Ѳеклуша?

— Да и въ отцѣ Пименѣ, и въ странницѣ Ѳеклушѣ гораздо больше поэзіи, чѣмъ во всѣхъ васъ, поросятахъ, вмѣстѣ взя-

тыхъ, замѣтила моя родственница — а вотъ мать Агнія, такъ совсѣмъ романическое лицо.

— Мать Агнія? съ удивленіемъ спросилъ я, припоминая эту пожилую монашенку, которая, казалось мнѣ, только и умѣла, что пить чай въ прикуску, робко разговаривать „о божественномъ“, да о томъ, въ какомъ монастырѣ лучше воздухи золотомъ вышиваютъ.

— Мать Агнія? передразнила меня моя родственница.—То-то вы всѣ какіе-то перемудренные: только и знаете, что въ книжкѣ написано, а больше ничего. Да ты знаешь ли, что мать Агнія какъ барышня воспитана была, а теперь уже лѣтъ пять по Россіи колеситъ за монастырскими сборами—да! Видѣлъ вонъ монашки съ тарелочками ходятъ—и она такъ. И гдѣ только не была? Чуть не отъ Архангельска до Астрахани. И чего только съ ней не случалось? И волки ее чуть не съѣли, и ограбили ее разъ всю до-чиста, и въ степяхъ, да въ болотахъ ночевать приходилось. А ты—мать Агнія! Вотъ теперь у васъ у всѣхъ на языкѣ: „принципъ“, да „принципъ“, такъ ты „изъ-за принципа“ только и дѣлаешь, что на диванѣ съ книжкой валяешься; а мать Агнія каждый-то день ни свѣтъ, ни заря подымается, да раннюю и позднюю отстоитъ, да вечерню, да всѣ службы, да въ кельѣ у себя уберетъ, да воды натаскаетъ, да еще на продажу работу дѣлаетъ, чтобы было чѣмъ кормиться. А пошлетъ мать игуменья, она котомку за плечи и пошла колесить съ тарелочкой, да съ книжкой, и въ грязь, и въ вьюгу и въ жару“...

— Ну, а романъ-то, романъ?—спрашивалъ я уже заинтересованный...

— Вотъ тебѣ и романъ, какого тебѣ еще романа, говорила моя родственница, улыбаясь.

Но я не отставалъ. Былъ обѣщанъ романъ по всей формѣ, а это что же за романъ?

— Не стоило бы тебѣ разсказывать, сказала моя родственница—ну, ужь такъ и быть...

II.

Исторія матери Агніи оказалась совершенно простою исторіей.

Мать Агнія, въ міру Елена, или какъ звалъ ее братъ—Леночка, была дочь мелкопомѣстнаго дворянина. Учили ее, какъ говорится, на мѣдныя деньги: выучили читать, писать; приход-

скій священникъ, кромѣ того, училъ ее Закону Божію. Но когда дѣвочкѣ минуло лѣтъ десять, одна богатая родственница помѣстила ее на казенный счетъ въ Смольный

Въ то время институтокъ еще не пускали домой на вакаціи, и Леночка возвратилась въ родительскій домъ лишь черезъ семь лѣтъ, но не застала уже въ живыхъ ни отца, ни матери, а только одного брата, который служилъ въ полку, а теперь вышелъ въ отставку и зажилъ мелкопомѣстнымъ дворяниномъ, то-есть хозяйничалъ, пилъ водку, завелъ свору борзыхъ и украсилъ стѣны своего кабинета цѣлымъ арсеналомъ ружей, кинжаловъ, арапниковъ и т. д. Среди этихъ украшеній также были развѣшаны, плѣняя капитанскій взоръ, хотя аляповатыя, но соблазнительныя литографіи, представлявшія дамъ и дѣвицъ въ разнообразныхъ позахъ. Но человѣкъ онъ былъ добрый, хотя совершенно необразованный, даже мало натертый, такъ какъ, служа въ пѣхотномъ полку, по бѣдности, не могъ бывать въ обществѣ на равной ногѣ, а играть роль лизоблюда—не хотѣлъ. Сестру онъ любилъ, но совершенно не зналъ, что̀ съ нею дѣлать. Считая ее „барышней“ и „воспитанной“, онъ не зналъ, какъ къ ней приступиться. Въ ожиданіи ея пріѣзда, онъ выбрился, умылся, причесался, одѣлся въ сюртукъ, и даже вмѣсто длинныхъ охотничьихъ сапогъ, въ которыхъ всегда ходилъ, надѣлъ обыкновенные или какъ онъ ихъ называлъ „гостинные сапоги“. Трубки окончательно были изгнаны изъ гостиной и перенесены въ кабинетъ, куда онъ ходилъ курить еще задолго до пріѣзда Леночки. Изъ самаго кабинета были вынесены развѣшанныя по стѣнамъ литографированныя дамы и дѣвицы. Наконецъ здоровенная, краснощекая дворовая дѣвка Машка, съ нѣкотораго времени переселившаяся въ свѣтелку, недалеко отъ барскаго кабинета, снова была водворена въ дѣвичью.

Еще задолго до пріѣзда барышни весь домъ былъ убранъ и прибранъ, а комната, предназначенная для нея, всего тщательнѣе; капитанъ самъ слеталъ въ городъ и накупилъ всего, что̀, по его мнѣнію, долженствовало наполнить собою и украсить комнату воспитанной молодой дѣвицы. Въ этомъ случаѣ капитанъ преимущественно руководствовался опытностью и познаніями, пріобрѣтенными имъ благодаря интимнымъ отношеніямъ съ одною польскою панной, которая была не болѣе какъ женою варшавскаго цирульника, но которую капитанъ привыкъ считать образцомъ хорошаго тона и изящества.

Однако, дѣлая всѣ эти приготовленія, капитанъ все же сильно потрухивалъ въ ожиданіи пріѣзда сестры, потому что никакъ не могъ себѣ представить, что̀ изо всего этого выйдетъ и какъ теперь пойдетъ его жизнь. Былъ онъ очень озабоченъ еще тою мыслью, что для молодой дѣвицы необходимо найти жениха; но гдѣ же его найти, когда кругомъ „живутъ только подобныя мнѣ свиньи", какъ выразился капитанъ, вступивши въ бесѣду съ батюшкой объ этомъ деликатномъ предметѣ. Батюшка, тотъ самый, который еще училъ Леночку Закону Божію, хотя и утѣшалъ капитана, но болѣе въ выраженіяхъ общихъ, утверждая, что все въ Божіей волѣ, и что нельзя впередъ угадать, какъ это сдѣлается.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, Леночка пріѣхала, и вскорѣ всѣ страхи оробѣвшаго капитана разсѣялись окончательно.

Леночка оказалась такою же милою и нетребовательною дѣвушкой, какой была милою дѣвочкой. Братъ скоро къ ней привыкъ, и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ; только Машка такъ и осталась въ дѣвичьей и уже не водворялась болѣе въ свѣтелку возлѣ барскаго кабинета.

Капитанъ попрежнему проводилъ время по хозяйству или на охотѣ; Леночка тоже занималась женскимъ хозяйствомъ, а то вышивала въ пяльцахъ или читала книжку, преимущественно „божественную", такъ какъ у батюшки, единственнаго представителя просвѣщенія въ этой мѣстности, другихъ книгъ не было. Одно продолжало безпокоить капитана,— это вопросъ о женихѣ для Леночки.

„Такъ ты и истаешь у насъ, какъ свѣчечка", говорилъ онъ ей иногда, касаясь этого деликатнаго предмета.

Леночка при этомъ краснѣла и потуплялась, но не говорила, что не хочетъ замужъ, а только застѣнчиво бывало проронитъ: „Дастъ Богъ выйду, а нѣтъ—что̀ же дѣлать"?

Но, къ радости капитана, нежданно-негадано нашелся женихъ для Леночки.

По веснѣ въ сосѣдній хуторокъ пріѣхалъ помѣщикъ—молодой офицеръ; былъ онъ не изъ богатыхъ, но не мелкопомѣстный, а немного покрупнѣе. Оказалось, что офицеръ, еще юнкеромъ, служилъ въ томъ же полку, гдѣ и капитанъ, и былъ даже у него подъ начальствомъ. Капитанъ, какъ только узналъ о прибытіи „нашего юнкера", тотчасъ же бросился его провѣдать, обласкалъ, зазвалъ къ себѣ, и вскорѣ молодой офицеръ сдѣлался постояннымъ гостемъ въ капитанской усадьбѣ; причиной тому, конечно, была

Леночка. Молодымъ людямъ было свободно, никто за ними не присматривалъ, потому что всѣ „старшіе“ олицетворялись въ лицѣ одного капитана.

И вотъ дѣло кончилось тѣмъ, что капитанъ, возвращаясь однажды съ охоты и подойдя къ бѣсѣдкѣ, увидѣлъ тамъ сосѣда-офицера, обнимающаго и цѣлующаго Леночку. Капитанъ до того растерялся, что хотѣлъ убѣжать, да только не могъ сдвинуться съ мѣста; не менѣе растерялся и молодой офицерикъ; однако тутъ же несвязно объяснилъ, что „просилъ руки Елены Дмитріевны и получилъ согласіе“.

Капитанъ сперва расплакался, потомъ расхохотался, обнималъ жениха, обнималъ Леночку, тутъ же послалъ верховаго въ городъ за „шипучкой“, а дворнѣ велѣлъ выкатить боченокъ домашней наливки. Офицерикъ, столь неожиданно ставшій женихомъ, самъ увлекся своею ролью, строилъ планы о будущемъ, говорилъ, что выйдетъ въ отставку и поселится у себя на хуторѣ; а капитанъ зафантазировался до того, что представлялъ уже себѣ, какъ онъ будетъ нянчить „племянниковъ и единственныхъ наслѣдниковъ“, какъ онъ выражался. Прошла недѣля. Капитанъ не мѣшалъ молодымъ людямъ и только отпускалъ на ихъ счетъ забавныя шуточки. Наконецъ назначенъ былъ день свадьбы. Женихъ объявилъ, что ему необходимо съѣздить къ своей богатой теткѣ испросить благословенія. Леночка немного поплакала, но не противилась, утѣшая себя, что и вся-то разлука на двѣ недѣли. Женихъ уѣхалъ, а черезъ три дня и капитанъ собрался съ сестрой въ губернскій городъ, верстъ за полтораста, дѣлать приданое. Леночка говорила, что ничего не надо, но капитанъ настоялъ на своемъ, и занявши „подъ проценты“ деньги у скряги-сосѣда, пустился въ путь на тройкѣ своихъ любимыхъ караковыхъ.

III.

Въ губернскомъ городѣ у нашего капитана нашлись отдаленные родственники, у которыхъ онъ и присталъ. Узнавши, что Леночка—невѣста, они тотчасъ приняли самое горячее участіе въ дѣлахъ капитана. Родственницы пришли въ совершенный экстазъ, взяли дѣло въ свои руки, и оно закипѣло; капитанъ только успѣвалъ расплачиваться, и хотя занятыя деньги таяли

какъ снѣгъ, все же онѣ были на седьмомъ небѣ. Вслѣдствіе усиленныхъ набѣговъ родственницъ на магазины и на модистокъ, къ концу недѣли приданое было почти совсѣмъ готово, и капитанъ уже отдалъ приказъ кучеру Демкѣ: подковать караковыхъ и призвать кузнеца, чтобъ онъ осмотрѣлъ тарантасъ.

Но тутъ случилось происшествіе, надолго задержавшее капитана и Леночку въ губернскомъ городѣ...

Къ родственникамъ, у которыхъ присталъ капитанъ, ходила одна старушка—торговка, по прозванію Анна Ивановна Оказія. Эта странная кличка была за нею утверждена съ незапамятныхъ временъ, потому что Анна Ивановна имѣла привычку почти къ каждому слову прибавлять: „Ахъ, батюшки! Вотъ оказія!“

Такъ она и пошла оказія, да оказія и, въ концѣ-концовъ, всѣ забыли даже ея настоящее имя.

Эта Анна Ивановна Оказія служила какъ бы связующимъ центромъ для всего города: она торговала всѣмъ на свѣтѣ; служила посредницей при дамскихъ покупкахъ и продажахъ; была извѣстна вездѣ, начиная отъ „первыхъ домовъ“, какъ она выражалась, и кончая мѣщанскими лачугами. Безъ нея не обходились ни родины, ни крестины, ни свадьбы, ни похороны; она была участницей во всѣхъ семейныхъ радостяхъ и горестяхъ и въ „первыхъ“ и въ „послѣднихъ“ домахъ. Старушка она была бодрая, веселая, бойкая, наивно-плутоватая, и вездѣ ее любили, и вездѣ принимали.

Какъ-то подъ вечеръ, передъ самымъ отъѣздомъ капитана и Леночки, пришла Оказія, но застала дома только одну Леночку. Переговоривши о какомъ-то „шалевомъ платкѣ“, который гдѣ-то дешево продавался и пригодился бы для приданаго, Оказія, сверхъ обыкновенія, засуетилась уходить.

— Нельзя, матушка, нельзя сударушка, говорила она удерживавшей ее Леночкѣ. — Какъ же? Сегодня у Мелентьевыхъ свадьба, у Сергія вѣнчаютъ, къ шести часамъ, надо поспѣть:— вишь, солнышко-то уже низко.

И словоохотливая старушка, несмотря на недосугъ, продолжала:

— Какъ же, какъ же, дочку отдаютъ, за офицера; приданаго—два дома, да хуторъ подъ городомъ:—богатѣющая свадьба будетъ. Да и не жалко: женихъ писанный красавецъ; вотъ прозвище запамятовала, а зовутъ его Владиміръ Иванычемъ; изъ себя темно-русый, а съ лица хоть и блѣдноватый, да за то сложеніемъ взялъ. Какъ же, вчера изъ Москвы пріѣхалъ къ теткѣ,

вишь, за благословеніемъ ѣздилъ; тетка-то ему замѣсто матери; въ Москвѣ живетъ, богатѣющая.

— А какъ фамилія? спросила Леночка.

— А ужь запамятовала, сударушка, запамятовала. Стара стала, не помню ничего. Звать-то Владиміръ Иванычемъ — это такъ точно и есть, а прозвище запамятывала, ужь не взыщи.

И Оказія, еще разъ пообѣщавшись насчетъ шали, ушла.

А Леночку, и сама она не знала почему, какъ ножемъ по сердцу рѣзануло извѣстіе объ этой свадьбѣ.

Положимъ, ея женихъ то же офицеръ и зовутъ его Владиміръ Ивановичъ; и темно-русый онъ, и къ теткѣ, точно, въ Москву поѣхалъ,—да развѣ онъ одинъ на свѣтѣ темно-русый и Владиміръ Ивановичъ, и развѣ у него одного только и можетъ быть тетка въ Москвѣ? Леночка даже разсердилась сама на себя за эти мысли, но совладать съ ними не могла; такъ вотъ ей и представляется, что это ея Володя вѣнчается сегодня у Сергія. „Вотъ же нарочно не пойду,“ твердила она, досадуя на себя; а сердце все щемило, какъ передъ несчастіемъ и не давало покоя.

И когда стрѣлка стала приближаться къ шести, Леночка не могла усидѣть на мѣстѣ, и такъ, какъ была, въ домашнемъ платьицѣ, только накинувши на голову платочекъ, безъ шляпки, вышла на улицу. И чѣмъ ближе подходила она къ церкви, тѣмъ болѣе ея смутное и ни на чемъ не основанное предчувствіе обращалось въ скорбную увѣренность...

Ставши въ темномъ уголкѣ, противъ приготовленнаго посреди церкви аналоя, она уже не сомнѣвалась, что сердце ея не обмануло...

Вотъ прибыло народу, вотъ гдѣ-то зашумѣли, засуетились; вотъ изъ алтаря показался батюшка, въ облаченіи и съ крестомъ,— вотъ грянулъ хоръ...

Леночка стояла опустивши голову, не рѣшаясь поднять глаза; а когда сдѣлавши надъ собою усиліе, посмотрѣла, то, какъ разъ противъ себя, увидала, стоявшаго къ ней бокомъ, своего жениха, а рядомъ съ нимъ лѣтъ семнадцати молодую дѣвушку въ подвѣнечномъ уборѣ...

Леночка не вскрикнула, не упала, а только такъ и впилась глазами въ невѣсту...

„Охъ, я будто лучше,“ подумала она; но эта мысль тотчасъ прошла, а пришли другія, и такъ скоро приходили и уходили, что нельзя было ихъ уловить.

— Какъ только батюшка спроситъ: „не обѣщалъ ли кому?“ думала она,—я выйду и скажу: „мнѣ обѣщалъ“.

Но батюшка спросилъ, а она не вышла и не сказала, и все стояла въ своемъ углу и никакъ не могла собраться съ мыслями. Подумаетъ одно, и сейчасъ уже другое, постороннее, а тамъ еще и еще...

— Вотъ станутъ выходить, а я подойду и подравлю. Скажу: „Поздравляю васъ Владиміръ Ивановичъ!“ думала она.

Но вотъ уже всѣ вышли изъ церкви, а она все стояла, все собиралась съ мыслями, и опомнилась только, когда сторожъ сталъ тушить паникадило.

Она вышла изъ церкви и пошла не своею уже волей.

Не своею волей дошла до дому, вошла въ гостиную, и не останавливаясь, не поглядѣвши даже на брата и другихъ, сидѣвшихъ тутъ, прошла въ свою комнату, легла на кровать и уткнулась головой въ подушки.

— Леночка, что̀ съ тобою? говорилъ, стоя надъ нею и трогая ее за плечо, обезпокоенный капитанъ,—что съ тобою, куда ты ходила?

Но Леночка молчала.

Онъ попробовалъ ея лобъ, руки—руки были холодны, а лобъ слегка горѣлъ.

— Леночка! приставалъ капитанъ чуть не со слезами

Она приподняла голову и только проговорила:

— Братецъ, ради Христа, оставьте меня!

Капитанъ растерялся и ушелъ.

Послали за докторомъ.

Онъ посмотрѣлъ, прописалъ лекарство, сказалъ, что опаснаго ничего нѣтъ, но чтобы больную не трогали и не безпокоили.

На другой, на третій день Леночкѣ было ни хуже, ни лучше. Она все лежала ничкомъ, лекарство принимала, когда давали, только ѣсть ничего не ѣла. А когда уйдутъ всѣ, встанетъ съ постели, сядетъ у открытаго окошка и смотритъ въ садъ.

Докторъ пріѣдетъ, пропишетъ лекарство, покачаетъ головой...

„Тутъ какое-то сильное потрясеніе“, говорилъ онъ, „не случилось ли съ ней чего?“

Но никто не могъ ему отвѣтить.

— Ну, ничего, выходится, говорилъ докторъ,—и только снова строго подтверждалъ, чтобы не трогали больную, не приставали къ ней.

Капитанъ былъ въ отчаяніи, не ѣлъ, не пилъ, ходилъ, какъ потерянный.

Прошелъ еще день, но положеніе не перемѣнялось. А близилось время, назначенное для Леночкиной свадьбы. Капитанъ, думая, что женихъ уже вернулся къ себѣ на хуторъ, написалъ ему письмо, заклиная его тотчасъ же ѣхать въ губернскій городъ.

Письмо было отправлено не по почтѣ, а съ нарочнымъ, и капитанъ трепетно ожидалъ пріѣзда жениха, считая часы, хватаясь за это, какъ за послѣднюю надежду.

Докторъ все ѣздилъ, и все болѣе и болѣе хмурился, такъ какъ самъ запутался и ничего не понималъ, а на трепетные вопросы капитана отвѣчалъ неопредѣленно и все настаивалъ, что съ Леночкой что-нибудь случилось.

Но докопаться, что̀ именно, никто не могъ.

— Часа на три только мы ушли, она одна оставалась, разсказывалъ капитанъ доктору.—Приходимъ — нѣтъ ея. Спрашиваю Малашку: „гдѣ барышня?“ Говоритъ: „съ полчаса ушли, платочекъ накинули“.—Былъ кто-нибудь? „Никого, говоритъ, не было, кромѣ Оказіи“. Потомъ, смотримъ, входитъ Леночка, лица на ней нѣтъ, прямо противъ себя смотритъ, будто не видитъ ничего, прошла въ спальню, да и упала...

— Докторъ, спасите, ничего не пожалѣю, оканчивалъ свой разсказъ капитанъ, рыдая какъ ребенокъ...

IV.

О дальнѣйшихъ событіяхъ, вотъ какъ повѣствовалъ самъ капитанъ моей родственницѣ, долго спустя.

Разсказъ капитана.

... Вотъ наступилъ день, когда свадьба ея была назначена, а мы всѣ какъ потерянные ходимъ; ни лучше ей, ни хуже — все одно: сидитъ у себя въ комнатѣ, никуда не выходитъ, все молчитъ. Какъ къ ней приступиться, ужь и не знаю, а тутъ еще докторъ: „не трогайте, да не трогайте“. Похожу я, похожу, загляну къ ней въ дверь, сидитъ, въ окошко смотритъ; мочи моей нѣтъ; отойду, какъ ударюсь, какъ зареву...

Что дѣлать—ума не приложимъ! Войдешь къ ней: „Леночка,

обѣдать подали, ты бы покушала".—„Не хочу, братецъ".—Только и словъ отъ нея. „Я бы принесъ, какъ же такъ, не кушавши? хоть цыпленка крылушко скушай. Я принесу".—„Не надо, братецъ". Чаю чашку выпьетъ, хлѣба кусочекъ съѣстъ, и больше ничего, который день.

Самъ не свой я сталъ. Хожу, хожу, ударюсь, зареву, а что дѣлать не знаю. Одна надежда—женихъ пріѣдетъ. Жду не дождусь, всѣ глаза проглядѣлъ, по пальцамъ часы разсчиталъ, когда Демкѣ тамъ быть, когда письмо подастъ, когда онъ выѣдетъ. Думалъ было икону поднять, молебенъ отслужить, докторъ говоритъ: „не надо, это ее обезпокоитъ". Пошелъ я въ монастырь ко всенощной, сталъ около Спасова образа, слезы текутъ, удержать не могу, измучился уже очень—молюсь: „Господи, Іисусе, покарай ты меня грѣшнаго, а ее помилуй!"

Отстоялъ службу, вышелъ изъ церкви, будто мнѣ полегчало. Пришелъ домой, спрашиваю Малашку: „Что барышня?"—„Ничего, говоритъ, подъ окошкомъ сидятъ".

Пошелъ я къ ней, понесъ чашку чаю. „Выкушай, говорю, Леночка". Взяла, молча выпила. Хочется мнѣ ей еще что сказать, да боюсь. Постоялъ я, постоялъ, посмотрѣлъ на нее—вышелъ.

Вотъ рано утромъ, ни свѣтъ, ни заря, еще солнышко не всходило, не спится мнѣ. Всталъ я, одѣлся, вышелъ на улицу—иду. Къ заутрени благовѣстятъ. Зашелъ я, отстоялъ заутреню, помолиться бы—да молитва на умъ не идетъ; все думаю, все вспоминаю, вся жизнь вспомнилась: то да се, много грѣха было... Думаю: за что̀ бы ей такая напасть? Это за мои грѣхи. Сталъ опять около Спасова образа, молюсь: „Господи! Покарай Ты меня грѣшнаго, а ее помилуй!"

Вотъ отстоялъ заутреню, раннюю отстоялъ, просвирку „о здравіи рабы Елены" подалъ... Вышелъ, иду по холодку, утро славное, свѣжее,—а самъ все думаю: „что бы мнѣ сдѣлать, чѣмъ бы мнѣ ее утѣшить?"

Вотъ иду мимо графской оранжереи: дай, думаю, зайду, цвѣтовъ ей куплю, а она цвѣты любила,—авось это ее развеселитъ. Зашелъ я, садовникъ букетъ мнѣ связалъ изъ бѣлыхъ розановъ, да пышные, да пахучіе: у насъ такихъ не бываетъ. Прихожу домой. Малашка въ сѣняхъ самоваръ разогрѣваетъ. „Что, говорю, Малаша—что барышня?"

А Малашка-то голову отъ самовара подняла,—смотрю, лицо у нея будто радостное. „Започивали, говоритъ, баринъ. Вчера ве-

черомъ поздно позвали меня: „Малаша, помоги мнѣ раздѣться“; раздѣлись, въ постельку легли—и теперь почиваютъ“.

Тутъ у меня отъ радости даже слезы на глазахъ выступили; перекрестился я. Все это время вѣдь она такъ и не раздѣвалась, а приляжетъ на постель, спитъ ли, нѣтъ ли, Богъ ее знаетъ...

— Ну, Малаша, говорю,—ну... А самъ и сказать ничего не могу.

Вотъ оправился я и говорю Малашкѣ:

— Слушай-ка, говорю, дѣвушка милая, возьми, говорю, цвѣты вотъ, въ воду опусти, да на столикъ ей около кровати поставь; и просвирку вотъ положи, а я тебя ужо награжу.

Взяла Малашка цвѣты, въ стаканъ поставила, идетъ.

— Только потише, говорю—не разбуди ее, ради Христа.

А она:

— Что вы, сударь, будьте покойны!

Дверь потихоньку отперла, проскользнула.

Выходитъ.

— Ну, что? спрашиваю.

— Ничего, говоритъ,—цвѣты поставила,—почиваютъ.

Вотъ я присѣлъ на крылечкѣ, дожидаюсь. Смотрю Малашка изъ сада бѣжитъ.

— Куда ты? спрашиваю.

— Къ барышнѣ, говоритъ,—изъ окошка позвали.

Пробѣжала. Сижу я, дожидаюсь, весь ходуномъ хожу, усидѣть не могу. Выходитъ Малашка.

— Ну что? спрашиваю.

— Ничего, говоритъ, проснулись, въ постелькѣ лежатъ, цвѣты нюхаютъ. Я вошла, а они: „Кто это букетъ поставилъ?“ Я говорю: „братецъ велѣли“. Посмотрѣли на меня, усмѣхнулись. Спрашиваютъ: „Къ обѣднѣ не благовѣстили?“ Нѣтъ еще, барышня, говорю, скоро зазвонятъ, уже девятый часъ. Тутъ они велѣли платьице имъ приготовить: „да поскорѣе, говорятъ, я сейчасъ одѣваться буду“.

Побѣжала Малашка, смотрю несетъ платьице ея любимое, свѣтленькое такое было, кисейное. Вотъ выходитъ. Я опять: „ну, что?“ „Одѣлись, говоритъ, сейчасъ выйдутъ, шляпку надѣваютъ“.

Я тутъ какъ шарахнулся, за дверью притаился, думаю: „Еще чего Боже сохрани!—не буду ей показываться“.

Стою, смотрю. Вотъ вышла она на крыльцо, въ платьицѣ то своемъ,—тоненькая такая, да стройненькая, какъ цвѣточекъ, Лица только не могу разсмотрѣть: подъ вуалью, да и бокомъ ко мнѣ стоитъ. Мой букетъ въ рукахъ держитъ; нѣтъ, нѣтъ къ лицу его поднесетъ, понюхаетъ.

Сошла она съ крыльца, пошла по улицѣ.

Я выждалъ время, далъ ей отойти, схватилъ шапку, да потихоньку, по подъ стѣнками, за нею.

Идетъ она, не оглядывается; я за нею, шагахъ въ двадцати. Думаю: „вѣрно къ обѣднѣ...“ А тутъ и другое думается...

Оборони Боже, ну какъ она задумала что надъ собою? Страхъ на меня напалъ такой, что сказать не могу, Не знаю уже какъ иду, сами ноги несутъ. Пойду, пойду, да и начну креститься, а самъ только шепчу: „Господи, спаси, защити! Господи, спаси защити!“

Вотъ прошли мы сколько, вдругъ въ монастырѣ ударили въ колоколъ. Смотрю, она остановилась, перекрестилась, опять пошла. Я себѣ перекрестился, какъ тяжесть у меня съ души упала; еще перекрестился, твержу: „Господи, Господи“!—и уже самъ не знаю что.

Дошли мы до монастыря; вошла она,—я за нею. Смотрю, прямо къ Скорбящей подошла, на колѣнки стала, стоитъ. Тутъ я немного осмѣлѣлъ, ближе подошелъ, сбоку, въ углу, притаился —смотрю на нее.

Вуальку она подняла, лицо открыто.

Какъ взглянулъ на нее, такъ сердце у меня упало. Не ея лицо, да и полно; окаменѣлое какое-то. Стоитъ на колѣнкахъ, крестится, глаза на образъ подняла, смотритъ не отрываясь, а слезы изъ глазъ такъ и бѣгутъ, такъ и бѣгутъ, на букетъ на мой падаютъ: она не утираетъ. Такъ всю обѣдню и простояла.

Кончилась обѣдня, встала она, перекрестилась, вынула платочекъ, глаза утерла, потомъ опять, смотрю, перекрестилась, три земныхъ поклона ударила, взошла по ступенькамъ, къ образу приложилась, опять въ землю поклонилась, да букетикъ-то свой на ступенькахъ у Скорбящей положила...

Повернулась, пошла. Я за нею.

Вотъ, не доходя съ полдороги до дому, свернулъ я въ проулокъ, да рысью, чтобы ее-то обогнать—домой, да калиткой черезъ садъ и пробѣжалъ.

Пришелъ, сѣлъ въ гостиной, а тамъ уже за чайнымъ столомъ

тетушка сидитъ, сестрицы—насъ отъ обѣдни дожидаются. Пришелъ я, сѣлъ, онѣ спрашиваютъ: „А Леночка?“ „Сейчасъ, говорю, будетъ“;—самъ сижу, на дверь смотрю...

V.

Отворилась дверь, входитъ она. Подошла ко мнѣ, поцѣловала:

— Здравствуйте, говоритъ, братецъ. Богъ милости прислалъ; я у обѣдни была.

Тетку тоже поцѣловала, сестеръ; поздоровалась со всѣми, шляпку сняла, къ столу сѣла.

Тутъ тетка ей чашку чаю подаетъ.

— Выкушай, говоритъ, Леночка, настоялась въ церкви-то.

Взяла она чашку, благодаритъ,—а тутъ Малашка; она ей:

— Малаша, поди-ка, у меня въ спальнѣ братцева просфора стоитъ, принеси, я ее съ чаемъ съѣмъ.

Смотрю я на нее: личико у нее спокойное такое, свѣтлое, только исхудавшее, а нѣтъ, не моя Леночка,—другая! Прежде личико у нея, какъ у ребенка было, глазки только умные, да добрые, серьезные такіе, а улыбнется, бывало,—дитя малое! А теперь будто все это спало, будто она сколько лѣтъ прожила. И повадка не та стала: спокойная, да ровная и говоритъ не такъ.

Вотъ отхлебнула она чаю, да и вымолвила:

— А я вашъ букетъ, братецъ, у Божіей Матери оставила.

И улыбнулась.

— Какъ же, говорю, Леночка, я видѣлъ; вѣдь и я у обѣдни былъ.

— Видѣли?

Посмотрѣла на меня и будто затуманилась.

Я перепугался. Думаю: „И надо было сболтнуть.“

Сидимъ мы всѣ, молчимъ, на нее смотримъ.

Она обвела насъ глазами, улыбнулась.

— Что̀ вы, говоритъ, такъ на меня смотрите? Я совсѣмъ здорова. А вы лучше моею радостью порадуйтесь. Я нынче у Божіей Матери, Заступницы, себѣ милость вымолила...

Я было заикнулся что-то сказать, да и осѣкся; самъ не знаю, что̀ сказать, такъ мнѣ чудны ея рѣчи.

А она помолчала, да и говоритъ:

— Я, братецъ, сегодня уже рѣшилась; я въ монастырь пойду...

Какъ она выговорила это, такъ я и обомлѣлъ.

— Леночка, говорю, Богъ съ тобою, опомнись, вѣдь ты невѣста!

Вспыхнула она, потупилась, да потихоньку проронила:

— Христова невѣста, братецъ...

Такъ во мнѣ ходуномъ все и заходило.

— Леночка, говорю, пощади ты насъ: вѣдь сегодня, можетъ-быть, женихъ твой пріѣдетъ; я, какъ ты разнемоглась, Демку къ нему съ эстафетой послалъ, съ минуты-на-минуту его ожидаемъ. Каково ему будетъ твои рѣчи слушать?

А она такъ тихо и головки не поднимаетъ:

— Не пріѣдетъ онъ, братецъ.

— Какъ не пріѣдетъ?

— Такъ, не пріѣдетъ, я знаю...

Въ жаръ меня бросило, еще ничего не понимаю, а сердце такъ и прыгаетъ.

Не успѣлъ я слова выговорить, вбѣгаетъ Малашка, кричитъ:

— Баринъ, Демка вернулся!

— Сюда его!

Входитъ Демка.

— Ну, что̀, гдѣ Владиміръ Ивановичъ? Ты его опередилъ, ѣдетъ?

А Демка:

— Никакъ нѣтъ-съ!

Самъ потупленный стоитъ.

— Какъ нѣтъ? Значитъ, письмо есть? Чего письма не подаешь?

— Нѣту, говоритъ, письма, я ихъ въ усадьбѣ не засталъ.

— Врешь, каналья!

Демка стоитъ, молчитъ, переминается.

Чувствую, все во мнѣ перевернулось, кровь въ голову ударила, ничего не вижу, въ ушахъ шумитъ...

Вотъ скрѣпился я, говорю Демкѣ:

— Иди, я сейчасъ къ тебѣ выйду.

Только Демка повернулся идти, а Леночка—смотрю я на нее, сидитъ блѣдная, ни кровинки въ лицѣ нѣту,—а Леночка говоритъ: „постой, Демка“!

А потомъ ко мнѣ: „Пусть, братецъ, при мнѣ разсказываетъ, я и безъ того все знаю“.

— Что̀ такое, что̀ ты знаешь?

— Пусть, говоритъ, разсказываетъ.

Помертвѣлъ я совсѣмъ, чуетъ мое сердце недоброе. Говорю Демкѣ: „ну!“

Демка мнется.

— Не знаю, говоритъ, какъ вашей милости доложить.

Повернулся я къ нему: „говори, не томи!“

— Такъ и такъ, говоритъ, а промежъ ихнихъ людей такой разговоръ будто Владиміръ Ивановичъ на Милентьевской барышнѣ женившись, вторую недѣлю обвѣнчанъ,—здѣсь, въ городѣ, и вѣнчались.

Вскочилъ я. Самъ-то уже вѣрю, уже знаю, уже сердце захолонуло, а кричу:

— Врутъ, собачьи дѣти! Быть того не можетъ!

А Леночка приподнялась, смотритъ на меня:

— Нѣтъ, это правда, братецъ. Я сама на вѣнчаніи была. У Сергія вѣнчали ихъ.

Тутъ все и оказалось.

Свѣта я не взвидѣлъ, все у меня помутилось, какъ хвачу я кулакомъ по столу: чашки попадали; какъ закричу не своимъ голосомъ:

— Не бывать тому! Я его изъ-подо дна моря достану! Демка, гдѣ онъ теперь?

А Демка:

— Люди ихніе говорятъ къ тетенькѣ въ Москву и съ супругой уѣхали.

— Демка, кричу,—лошадей! Чтобы черезъ пять минутъ у крыльца были, а не то изувѣчу каналью!

Тутъ Леночка ко мнѣ, за руки меня взяла, слезинки у нея на глазахъ...

— Братецъ, братецъ...

А я самъ-то и кричу, и плачу, и руки у нея цѣлую, бормочу:

— Леночка, сестричка моя, болѣзная моя, не дамъ я тебя въ обиду, не дамъ на поруганіе! Я его, пащенка со дна моря достану, либо такъ убью, какъ собаку, либо черезъ платокъ стрѣляться! Намъ двоимъ нѣту мѣста на свѣтѣ! Либо онъ, либо я!

А она все меня за руки держитъ, сама вся дрожитъ: „братецъ, братецъ“, - только и можетъ выговорить.

Вотъ прибѣгаетъ Малашка; Демка-то самъ побоялся идти.

— Демка говоритъ, нельзя лошадей закладывать: коренникъ захромалъ, да и тарантасъ не починенъ!

— А, такъ-то! Я ему покажу, ракаліи, какъ коренникъ захромалъ...

Бросился было я...

Ну не жить бы тутъ Демкѣ; да Леночка не пустила: уцѣпилась за меня, повисла, да такъ и замерла, едва оторвали потомъ.

Отняли ее отъ меня, унесли въ спальню, а я какъ грохнулся на диванъ, и сила во мнѣ вся сразу пропала, лежу, какъ колода; слезъ нѣту, плакать нечѣмъ, лежу, только рычу по звѣриному...

Вотъ, къ вечеру я немного отошелъ, спросилъ воды, выпилъ стакана три, началъ обдумывать. Думаю, все равно, на своихъ нельзя ѣхать, завтра выправлю подорожную, закачу на почтовыхъ. Хожу я по комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, все думаю, все думаю, какъ я его, Леночкинаго обидчика достану. Думаю думаю, а кровь ко всему тѣлу прильетъ, какъ огнемъ обожжетъ: ничего уже у меня больше не осталось, только одна злоба; даже про Леночку забылъ, что съ нею—не спрашиваю, а все хожу да думаю. Во рту пересохнетъ, хлебну воды, и опять ходить, и опять думать... Истомился я, въ сумерки присѣлъ на диванъ, и не то что задремалъ, а такъ забылся, какъ въ кошмарѣ: лицо горитъ, тѣло горитъ...

Смотрю, дверь тихонько скрыпнула, показался кто-то на порогѣ, какъ привидѣніе. Вздрогнулъ я очнулся... Смотрю, а это Леночка ко мнѣ идетъ...

VI.

Идетъ она,—въ сумеркахъ-то показалось мнѣ будто не идетъ она, а сама собою движется.

Подошла, остановилась; а я у окошка сидѣлъ — ручкою на подоконникъ оперлась, позвала меня.

Смотрю я на нее, молчу, ее разглядываю.

У окна-то посвѣтлѣе; смотрю, все личико у нея осунулось, будто тѣнью подернулось, глаза впали, жалостно такъ горятъ.

Посмотрѣлъ я на нее, и вдругъ, злоба у меня будто стихать стала; жалость къ сердцу подступила такая, что и сказать не могу. А она стоитъ возлѣ меня, ручку мнѣ на плечо положила... „Братецъ, говоритъ, — что вы задумали, что вы себя мучаете, долго ли такъ-то до грѣха?"

Сказала она это, посмотрѣлъ я на нее, вспомнилъ опять все, опять злоба у меня къ сердцу подступила, кровь прилила, жжетъ, мучитъ...

— Леночка, говорю, что ты,—опомнись?—Развѣ можно такое

дѣло такъ оставить? Кромѣ того, говорю, что я за тебя всякаго, кто онъ ни будь, въ клочки разорву,—ты подумай только: вѣдь я офицеръ, государю моему вѣрой и правдой служилъ, такъ позволю ли я пащенку всякому надъ честью моей надругаться? Не бывать тому! Можно ли такое дѣло такъ оставить?

А она смотритъ на меня...

— Можно, говоритъ, братецъ...

Досада тутъ меня взяла.

— Эхъ, говорю, погорячился я, — надо было такъ сдѣлать, чтобы ты и не знала.

А она:

— Это, говоритъ, Богъ надо мною сжалился, что не допустилъ васъ потихоньку сдѣлать такое дѣло, смертный грѣхъ себѣ на душу взять.

— Какой, говорю, смертный грѣхъ? Что я его, какъ разбойникъ какой на дорогѣ подстерегу? Я его на честный поединокъ вызову, пусть насъ Божій судъ разсудитъ!

Всплеснула она руками.

— Какъ это, братецъ! Человѣка убить—да не грѣхъ?

А я:

— Какъ убить—это разница!

Она и съ мѣста приподнялась; стоитъ передо мной блѣдная, кровинки въ лицѣ нѣтъ; а глаза горятъ, сама вся вздрагиваетъ.

— Ну, говоритъ, братецъ, если уже вы грѣха не боитесь, такъ меня хоть бы пожалѣли. Легко мнѣ будетъ если вы его, или онъ васъ убьетъ? И такъ мнѣ тяжко, а вы меня въ гробъ вогнать хотите.

Взорвало это меня.

— Чтò жь, говорю, жалко его тебѣ, что ли?

— Васъ, говоритъ, жалко; васъ до грѣха до смертнаго допустить не хочу; вы ли его убьете, онъ ли васъ, я этого не перенесу.

— Ахъ, говорю, Леночка, ты дѣвушка, ты этого не понимаешь, каково мнѣ это будетъ, какъ на меня всѣ пальцами станутъ указывать, что за честь свою не съумѣлъ вступиться.

А она такъ усмѣхнулась...

— Все, говоритъ, я, братецъ, понимаю. Вы думаете, даромъ я перемучилась, уткнувшись въ уголъ, не пивши, не ѣвши лежала? Вы думаете, мало я передумала? Все я, братецъ, понимаю. Лежу, лежу, мысли мнѣ такія приходятъ, что не дай Богъ никому. Все-то мнѣ гадко кажется, а сама себѣ—гаже всѣхъ: будто кто

меня грязью обрызгалъ, и хожу я такая, вся въ грязи. А какъ вспомню я, какъ онъ меня ласкалъ, какъ цѣловалъ — такъ тошно, такъ больно станетъ; вся горю я отъ стыда, а злоба къ сердцу подступаетъ. Думаю: разорвала бы я его въ клочки; думаю: казни бы ему не выдумала, кабы воля моя была. Думаю: пойду, братцу все разскажу, онъ меня на поруганіе не дастъ. И такъ страшно мнѣ станетъ отъ этихъ мыслей, что лежу, словно окаменѣлая, ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Молитву хочу сотворить — губы не шевелятся, словъ не выговариваютъ; крестнымъ знаменіемъ хочу себя осѣнить—рука не поднимается. И такъ сколько дней не было мнѣ покоя: забудусь отъ истомы, и въ забытьи-то словно камень на сердцѣ чувствую. Вы войдете— и на васъ-то противно мнѣ смотрѣть. Въ колоколъ ударятъ, а я думаю: „вотъ люди въ церковь пойдутъ, а всѣ они гадкіе, мерзкіе, надъ Богомъ только смѣются". Мучилась я такъ-то, мучилась—силъ моихъ нѣтъ! Одно, думаю, остается, руки на себя наложить, — вонъ прудъ то, онъ недалеко. И начало мнѣ представляться, какъ я пойду, какъ въ воду брошусь, какъ вода платье подмочитъ, какъ я тонуть начну... И не страшно мнѣ нисколько, а какъ будто легче, когда объ этомъ думаю. Все мнѣ представляется: и какъ меня вытащутъ, и какъ на столъ положатъ... Думаю тоже: раковъ тутъ у насъ въ пруду нѣтъ, а рыба объѣсть не успѣетъ. Про лягушекъ вспомнила: боюсь я ихъ; ну, думаю, ужь коли смерти не бояться, такъ лягушекъ ли бояться? Думаю,—а сама даже усмѣхнулась. Лежу я такъ-то,—день, думаю, два; вотъ ночью, разъ встала, сѣла подъ окошко, смотрю въ садъ, а въ саду такъ хорошо: мѣсяцъ свѣтитъ, тѣни по дорожкамъ узорчатыя, а мнѣ отъ того еще хуже, еще темнѣе. Хоть бы мнѣ заплакать, такъ нѣтъ, не могу: слезъ нѣту. Вотъ встала я, перекрестилась, вылѣзла въ окно, иду по дорожкѣ, думаю: одинъ конецъ! Иду, вѣтки меня цѣпляютъ, страшно мнѣ стало, духъ захватываетъ, а все иду. Пришла я къ пруду, остановилась подъ ивой, а сердце такъ колотится, будто выскочить хочетъ. Прудъ тихій такой стоитъ, темный, будто застылъ. Только гдѣ, гдѣ лягушка квакнетъ, да въ воду бултыхнется. Стою я, смотрю въ воду, присмотрѣлась, вижу — недалеко отъ берега омутокъ крутитъ. Вотъ, думаю, на то самое мѣсто попала. Сяду въ лодку,—а знаю, лодка тутъ же должна быть, къ ивѣ привязана—оттолкнусь, да въ омутокъ и спрыгну. Только наклонилась посмотрѣть, гдѣ лодка, слышу, по дорожкѣ кто-

то идетъ. Вздрогнула я, притаилась. Доходитъ до меня; мнѣ изъ-подъ ивы все видно, потому что дорожку мѣсяцъ свѣтомъ такъ и залилъ—смотрю, старикъ Силантьичъ, съ дубинкой садъ обходитъ. Ну, думаю, не замѣтитъ онъ меня. Однако замѣтилъ. Сталъ противъ ивы: „Кто тутъ, выходи!“—„Это я, говорю, Силантьичъ“,—да и вышла. Онъ меня по голосу тотчасъ и призналъ. „Да это, говоритъ, барышня! А я слышу въ листьяхъ что-то шуршитъ, думалъ мальчишки малину воровать собрались,—Что, барышня, поздно гулять вышли?“ „Такъ, говорю, Силантьичъ, ночь хороша, не спится“.—„Такъ, такъ, говоритъ, красавица вы наша, погуляйте, отчего не погулять, а я васъ постерегу“.

Присѣлъ онъ на пенекъ.

„Я, говоритъ, барышня, трубочку закурю, коли милость ваша будетъ, дозвольте“. — „Закури, говорю, Силантьичъ“.

Хотѣла я уйти, да не ушла, сама тоже на лавочку присѣла. Сидимъ мы, старикъ огонь высѣкаетъ.

„Что, говоритъ, барышня, женишка поджидаете, скоро ли будетъ?“—„Нѣтъ, говорю, Силантьичъ, не поджидаю“.—„Что такъ, говоритъ,—а въ людской сказывали свадьбу скоро играть станете“.

Что уже на меня нашло—и сама не знаю; кажется родному брату, сестрѣ, матери не сказала бы, а тутъ повернулась къ Силантьичу, смотрю на него;—сидитъ, при мѣсяцѣ весь видѣнъ: голова, какъ лунь, ротъ беззубый, трубку во рту держитъ, огонькомъ попыхиваетъ—смотрю на него, да и говорю: „Нѣтъ, Силантьичъ, свадьбѣ моей не бывать; обманулъ меня женихъ, на другой женился“.

И какъ только это выговорила—какъ заплачу... плачу удержать слезъ не могу.

А Силантьичъ всталъ, ко мнѣ подошелъ, на скамьѣ подлѣ меня сѣлъ, трубку изо рта вынулъ, такъ на меня жалостливо посмотрѣлъ, да вдругъ рукой по волосамъ сталъ гладить, а самъ приговариваетъ:

„Ахъ ты, моя болѣзная, горькая ты моя! Ну, ну, Христосъ съ тобою! Ты у насъ красавица такая, всякій тебя возьметъ, съ руками оторвутъ. Не кручинься, ласточка моя сизокрылая!“

Гладитъ онъ меня—я и словъ-то хорошо не слышу, а такъ мнѣ все легче, да легче, будто не Силантьичъ, а мать родная

меня голубитъ. Отошла я немного, плакать перестала: „Нѣтъ, говорю, Силантьичъ, ни за кого я больше не пойду“.

— Аль, любишь его—обидчика?

— Люблю...

— Я, говорю, Силантьичъ, въ монастырь пойду.

Выговорила я это, и сама не знаю какъ; въ мысляхъ у меня прежде монастыря не было; выговорила, а сама какъ заплачу, еще пуще; только чѣмъ больше плачу, тѣмъ легче мнѣ дѣлается.

А Силантьичъ все свое: „Ну, ну, касатка, Христосъ съ тобою!“

Вотъ я унялась, встала.

„Прощай, говорю, Силантьичъ, перекрести ты меня“.

Перекрестилъ онъ меня.

„Христосъ, говоритъ, съ тобою, касатка, ишь ты болѣзная какая“.

Пришла я къ себѣ, раздѣлась, легла, тотчасъ же уснула, какъ убитая. Проснулась, думаю: пойду къ обѣднѣ, помолюсь Скорбящей, она меня не оставитъ.

И какъ стала я на колѣни передъ образомъ, опять мнѣ такъ горько, такъ тошно сдѣлалось, будто съ жизнью я разстаюсь. Ну, думаю, нѣтъ, не поддамся я—и стала молиться; стала молиться—и чувствую, слезы у меня текутъ; сама плачу, сама молюсь,—легче мнѣ стало; такъ бы весь вѣкъ стояла бы я тутъ да плакала. Такъ подумайте же вы, братецъ, какую муку я перетерпѣла, а вы еще прибавить хотите? Я его простила — такъ вамъ-ли его не простить?“

А я говорю:

— Не могу я его простить Леночка, врагъ онъ мнѣ на всю жизнь.

Говорю, а самъ чувствую, что ослабѣлъ я какъ-то, и злобы настоящей во мнѣ уже нѣтъ, а только такъ тошно, такъ нехорошо, что на бѣлый свѣтъ не глядѣлъ бы...

Вотъ смотрю я на нее—а у нея личико будто исказилось... Всплеснула она руками...

— Братецъ, говоритъ, не мучайте вы меня—и такъ я измучена!

Да вдругъ стала передо мной на колѣни.

— Братецъ, ради Христа, если любите меня, оставьте вы свои мысли!

Я растерялся, бросился къ ней, руки у нея цѣлую, съ колѣнъ подымаю, только и бормочу:

— „Леночка, что ты? что ты? я все сдѣлаю, какъ ты хочешь“.

Жалко мнѣ ее. Богъ знаетъ, какъ слезы на глазахъ выступили.

— Поклянитесь-же мнѣ, братецъ, что вы *ему* ничего не сдѣлаете...

Я говорю:

— „Зачѣмъ же Леночка; я своему слову господинъ; сказалъ, что все сдѣлаю, какъ ты хочешь—такъ и будетъ".

„Нѣтъ, говоритъ, поклянитесь передъ образомъ".

Нечего дѣлать, сталъ я передъ образомъ, перекрестился... Подошла она ко мнѣ, поцѣловала.

„Ну, говоритъ, братецъ, успокоили вы меня—теперь хоть и въ монастырь"...

VII.

Вотъ что разсказалъ моей родственницѣ капитанъ.

Когда она кончила, я спросилъ: „Ну, а что же дальше?".—„Чего же тебѣ дальше-то? Вотъ и все".—„Ну, а какъ же Леночка попала въ монастырь?".—„Очень просто—взяла и поступила—что тутъ за мудрость?".—„А капитанъ?".—„Капитанъ и до сихъ поръ живетъ у себя въ хуторкѣ, уже старикомъ совсѣмъ сталъ, богомольный такой, къ сестрѣ раза два въ годъ пріѣзжаетъ, у меня и останавливается. Вотъ когда-нибудь увидишь."—„Ну, а женихъ?".—„Тоже живъ, въ N. съ женой живетъ, и дѣти есть".

„Вашъ романъ не полонъ, сказалъ я; тутъ бы, какъ въ старинныхъ трагедіяхъ, порокъ долженъ быть наказанъ, а то выходитъ, что и добродѣтель торжествуетъ, но и порокъ торжествуетъ".

„Было и наказаніе", сказала тихо и серьезно моя родственница...

Я навострилъ уши.

„Какъ, закричалъ я,—ну, разскажите же пожалуста! Значитъ она видѣлась съ нимъ, встрѣтилась?"—„Видѣлась долго спустя".

И моя родственница вотъ что разсказала мнѣ со словъ матери Агніи.

Лѣтъ черезъ десять послѣ постриженія мать Агнія встрѣтилась съ своимъ бывшимъ женихомъ.

„Послали меня какъ-то за сборомъ,—разсказывала она моей родственницѣ—вотъ колесила я, колесила, прибилась, наконецъ, въ N.—городъ губернскій. Переночевала на постояломъ, зашла въ монастырь, раннюю, позднюю отстояла, иду по городу, смотрю,

домъ такой славный, рѣшеткой сквозною обнесенъ, во дворѣ стоитъ—кругомъ садъ. Крыльцо въ родѣ террасы. Смотрю, на крыльцѣ дама сидитъ за самоваромъ, около нея—дѣтишки. Дай, думаю, зайду — кажется, люди хорошіе. Пошла въ калитку—собака на меня; ну, въ иномъ домѣ не то что не оборонятъ, а еще потихоньку науськаютъ, особливо ребятишки; а тутъ, смотрю, дама съ крыльца кричитъ: „Не бойтесь, не бойтесь, она не тронетъ;“ потомъ поворотилась къ двери, крикнула: „Маша, проводи матушку,“ — а я все стою, боюсь идти-то. Выбѣжала горничная, провела меня. Ну, остановилась я, обыкновенно, поклонилась, сказала что тамъ слѣдуетъ.

Положила она мнѣ на тарелочку, а потомъ говоритъ:

„Матушка, вы устали вѣрно, вы бы съ нами чайку напились“.

Поклонилась я, присѣла къ столу, подаетъ она чашку чаю мнѣ, смотрю, такая барыня славная, миловидная, дѣтишки тутъ же, гувернантка сидитъ, за ними смотритъ.

Вотъ барыня говоритъ: „Вы, вѣрно, отъ обѣдни, матушка?“.—„Отъ обѣдни сударыня“.—„Вотъ и я, говоритъ,—все собираюсь, да никакъ рано встать не могу, мужъ-то поздно встаетъ—и я привыкла“.

Ну, тутъ слово за слово—пошелъ у насъ разговоръ. То да се, откуда, изъ какого монастыря, да трудно ли за сборомъ ходить. Я говорю. Вотъ барыня гувернанткѣ что-то по-французски и скажи. Я думаю себѣ: можетъ придется ей что секретное сказать, надо объяснить, что я по-французски понимаю.

„Сударыня, говорю — я по-французски понимаю, если что секретное придется сказать, вы при мнѣ не говорите“.

Удивилась она.

„Вотъ, говоритъ, такъ я и думала, что вы изъ образованныхъ; видъ у васъ не такой. Вы гдѣ воспитывались?“. „Въ Смольномъ“, говорю.

Тутъ она все удивлялась, какъ это я въ монахини попала, и какъ это меня за сборами посылаютъ.

Я говорю:

„Мы за сборомъ поочередно ходимъ“.

Вотъ напились мы чаю, увела она меня въ садъ, все распрашиваетъ, да какъ, да что, да почему я въ монахини пошла. Я говорю: „Какъ пошла? Очень просто. Былъ, говорю, у меня женихъ, да померъ, вотъ я и пошла“.—„Любили значитъ очень“, спрашиваетъ.—„Любила“, говорю. Задумалась она. „Да, говоритъ,

можетъ-быть, еслибы со мною такъ случилось, я тоже въ монашки бы пошла".

Вотъ посидѣли мы, она и говоритъ: „Вы у насъ и обѣдать оставайтесь и ночуйте, а завтра по холодку и пойдете. Мужа цѣлый день дома не будетъ, сегодня въ клубѣ губернатору обѣдъ даютъ, такъ онъ долго тамъ засидится. Онъ у меня—усмѣхнулась такъ—горе мое, монашекъ-то не очень долюбливаетъ, не то что бы что, а такъ, все подшучиваетъ надо мной—а вотъ я ему покажу монашку изъ Смольнаго".

Хорошо. Пообѣдали мы. Вотъ вечеромъ, часовъ уже въ восемь, сидимъ на террасѣ чай пьемъ. Подъѣзжаетъ къ воротамъ экипажъ, выпрыгнулъ мужчина, статный такой, идетъ по двору. Она и говоритъ: „Вотъ и мужъ". Взбѣжалъ онъ на террасу, подошелъ къ ней, руку поцѣловалъ: „Запоздалъ я, говоритъ немного,—а у васъ чай? Вотъ отлично, съ удовольствіемъ выпью". Потомъ посмотрѣлъ на меня, усмѣхнулся немного, поклонился. Она говоритъ: „Это, другъ мой, мать Агнія". Онъ еще усмѣхнулся, опять поклонился. „Очень радъ, говоритъ—а гдѣ дѣти?" Прибѣжали дѣти, онъ съ ними играетъ, на колѣна посадитъ, визгъ подняли—веселый такой. Вотъ я смотрю, смотрю на него, и глазамъ не вѣрю; смотрю—а это онъ, мой Владмміръ Ивановичъ. Сразу, какъ вошелъ, я его узнала. Обомлѣла, сижу, только и думаю, какъ бы мнѣ отсюда поскорѣе уйти, да какъ бы онъ не узналъ меня. Вотъ дѣти убѣжали, онъ сидитъ, съ женой говоритъ, за руку ея взялъ. Внесли лампу, поставили на столъ; оправилась я немножко, смотрю на нихъ. Да вдругъ чувствую, тошно мнѣ стало, такъ тошно, какъ въ ту ночь, въ саду, когда я топиться бѣгала. Ужь не знаю какъ, вдругъ я поднимаюсь и говорю: „Здравствуйте, Владиміръ Ивановичъ — вы меня не узнаете?" Какъ сказала, то сейчасъ жизнь, кажется, отдала бы, чтобы тѣ слова назадъ воротить—да не воротишь. Смотрю на него. Онъ откинулся, удивился, на меня глядитъ; потомъ вдругъ перемѣнился въ лицѣ, тихо такъ проронилъ: „Леночка!"—да тутъ же усмѣхнулся: ртомъ-то усмѣхается, а глаза не смѣются—оправился, да громко такъ, да развязно: „Ахъ, говоритъ, Елена Дмитріевна! Вотъ встрѣча!". Да къ женѣ: „Мы съ Еленою Дмитріевною старые знакомые, сосѣди..." А она смотритъ на насъ,—то на него, то на меня. Онъ и осѣкся. То со стула вскочитъ, то сядетъ, хочетъ сказать что-то, слово-то въ горлѣ застряло. Вотъ совладалъ онъ съ собою,

началъ что то говорить, смѣется, ненатурально такъ. Потомъ сѣлъ, замолчалъ. Сидимъ мы всѣ, молчимъ. Вотъ онъ и говоритъ: „А мнѣ, другъ мой, еще въ клубъ заѣхать надо, губернаторъ просилъ". Взялъ ее руку, поцѣловалъ. Ко мнѣ тоже: „Извините, говоритъ, такая встрѣча, но"...

Не помню уже что говорилъ, повернулся, ушелъ.

Сидимъ мы съ ней, другъ на друга смотримъ. Шевельнулась она въ креслѣ:

„Вы, говоритъ, давно ли съ мужемъ знакомы?" Такъ будто спрашиваетъ, а на самой лица нѣтъ. „Давно", говорю. Вотъ смотрю лицо у нея судоргой свело. „Не мучьте, говоритъ, скажите, что у васъ было?". — „Ничего не было, говорю, такъ знакомы были, ухаживалъ онъ за мною, какъ всѣ молодые люди за барышнями".— „А какъ давно это было?" Тутъ я въ минуту все сообразила. „Не помню, говорю, какъ давно, лѣтъ шестнадцать мнѣ было". Вспыхнула она. „Не правда, говоритъ, въ институтѣ въ шестнадцать лѣтъ не кончаютъ, а домой изъ Смольнаго не пускаютъ". Молчу я. Встала она—и я встала. Такъ на меня и напираетъ, сама блѣдная, а глаза свѣтятся. „Неправда, говоритъ, все неправда. Теперь, говоритъ, я все знаю. Вашъ женихъ не умеръ, а это онъ вашимъ женихомъ былъ, да бросилъ, значитъ, въ то самое время какъ на мнѣ женился, бросилъ, на мое приданое польстившись". А я: „Нѣтъ, не было этого; мой женихъ умеръ". Вотъ она ко мнѣ: „Не мучьте, скажите мнѣ все!" „Нечего мнѣ говорить", отвѣчаю.

Пошатнулась она, руки ломаетъ, плачетъ...

„Охъ, не мучьте, скажите мнѣ все. Легче все узнать, а то я измучаюсь". А я все свое: „Нѣтъ, да нѣтъ!" Вотъ она какъ разрыдается—истерика съ нею. Сбѣжались люди, гувернантка, дѣти. Я, подъ шумокъ, котомочку надѣла, съ крыльца спустилась, да и пошла"...

Такъ кончился романъ матери Агніи...

Г. О.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ СУДА

КЪ

КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ ВЪ ПРИБАЛТИКѢ.

Много надеждъ возлагалось большинствомъ мѣстнаго населенія Прибалтійскаго края на новый русскій судъ, какъ на судъ правый, скорый и милостивый—въ противоположность упраздненнымъ дворянскимъ, сословнымъ нѣмецкимъ судамъ, гдѣ вообще лицамъ небогатымъ и невліятельнымъ не легко было добиться нелицепріятной расправы. Въ особенности надѣялись на новый судъ крестьяне, оказывавшіеся большею частью неправыми въ своихъ притязаніяхъ къ помѣщикамъ предъ прежними судебными установленіями, бывшими въ рукахъ помѣщиковъ Балтовъ, то-есть тѣхъ самыхъ лицъ, противъ которыхъ имъ приходилось вести дѣла. Съ 1885—1890 годъ русскія административныя власти и бывшій въ краѣ прокурорскій надзоръ (губернскіе прокуроры съ товарищами) силились сколько могли охранять крестьянъ отъ пристрастной балтійской судебной расправы, но по существующему порядку могли оказывать лишь косвенное содѣйствіе, вносить только легкій коррективъ въ мѣстную нѣмецкую неправду.

Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы новые суды высказали свой взглядъ на крестьянское дѣло въ Прибалтикѣ, выяснили свое соотношеніе къ этой существеннѣйшей политико-экономической сторонѣ жизни Балтійской окраины и то направленіе, которому будутъ придерживаться въ толкованіи и примѣненіи своеобразнаго—преимущественно въ интересахъ помѣщиковъ—законодательства края по крестьянскому дѣлу.

Хотя были скептики изъ коренныхъ Русскихъ, которые не особенно много ожидали отъ новыхъ судовъ, помня ненормальную съ 1864 года дѣятельность суда въ Имперіи подъ вліяніемъ либеральныхъ вѣяній шестидесятыхъ годовъ, что было причиной жестокихъ на него нападокъ со стороны консервативной части населенія Россіи и побудило, незабвенной памяти, Михаила Никифоровича Каткова энергически протестовать на столбцахъ *Московскихъ Вѣдомостей* противъ *судебной республики*,—но эти отдѣльные голоса скептиковъ заглушались общимъ ликованіемъ по поводу упраздненія прежнихъ невозможныхъ балтійскихъ судовъ и объединенія Прибалтійскихъ губерній въ судебномъ отношеніи съ остальными частями Имперіи. Большинство надѣялось, что при введеніи судебной реформы въ этихъ губерніяхъ устранено будетъ все то, что не соотвѣтствовало государственнымъ интересамъ на Балтійскомъ побережьѣ, что многіе недостатки Судебныхъ Уставовъ будутъ исправлены и что нынѣшній министръ Юстиціи Н. А. Манасеинъ, этотъ истинно русскій человѣкъ и глубокій знатокъ балтійскихъ дѣлъ, не приминетъ назначить въ Прибалтику лучшихъ, испытанныхъ русскихъ людей, снабдивъ ихъ инструкціей жить въ мирѣ и согласіи, какъ между собою, такъ и съ русскими людьми въ краѣ, служащими по другимъ вѣдомствамъ, относиться съ должнымъ уваженіемъ къ представителямъ власти, отдѣлаться отъ тѣхъ замашекъ и пріемовъ, основанныхъ на крайнемъ самомнѣніи, увѣренности въ своей непогрѣшимости и на нелѣпой доктринѣ самодержавія судебной корпораціи—словомъ, отъ того направленія, находившагося въ полномъ противорѣчіи съ общимъ политическимъ строемъ въ Россіи, за которое судебные дѣятели въ Имперіи нерѣдко и справедливо подвергались нареканіямъ.

Однако такое сомнительное покачиваніе головой скептиковъ оказалось, къ сожалѣнію, не лишеннымъ нѣкотораго пророческаго значенія. Уже въ октябрѣ и ноябрѣ 1889 года, когда со всѣхъ сторонъ необъятной матушки Руси стали съѣзжаться въ Прибалтику новые русскіе судебные дѣятели, стала выясняться, даже за мирною трапезой, при частномъ обмѣнѣ мыслей, столь свойственная намъ, Русскимъ, рознь въ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ. Уже тогда стало замѣтно, что изъ этихъ наѣхавшихъ русскихъ людей втораго призыва многіе прибыли съ предвзятыми идеями творить судъ и расправу въ новомъ духѣ и направленіи, въ смыслѣ умиротворенія враждующихъ инородныхъ элементовъ,

обузданія разыгравшихся страстей, укрощенія многихъ черезчуръ расходившихся рьяныхъ русскихъ дѣятелей перваго призыва, продолжавшихъ будто бы безцѣльно угнетать и преслѣдовать бѣдныхъ культурныхъ Балтовъ, несмотря на то, что послѣдніе де уже покорились и прекратили свое сопротивленіе совершившимся преобразованіямъ, подчинились вновь водворившемуся русскому порядку вещей. Не мало изъ этихъ новыхъ людей, несмотря на понятное свое малое знакомство со всѣми изгибами и проявленіями мѣстной жизни, стали сразу относиться къ прежнимъ русскимъ дѣятелямъ свысока, съ обидною снисходительностью, какъ къ администраторамъ, людямъ низшаго порядка, не хотѣли вѣрить и прислушиваться къ ихъ опыту и испытанному знанію всѣхъ условій мѣстной жизни. Къ изданнымъ до судебной реформы распоряженіямъ и разъясненіямъ по крестьянскому дѣлу, хотя и послѣдовавшимъ законно, въ установленномъ порядкѣ, иные новые судебные дѣятели отнеслись съ пренебреженіемъ, какъ къ чему-то для нихъ необязательному, высказывали стремленіе ихъ игнорировать, полагая, будто они призваны лишь руководствоваться однимъ закономъ, и то преимущественно его буквой, и какъ на tabula rasa чертить все, что имъ заблагоразсудится.

Не прошло и года, какъ стало совершившимся фактомъ, что не только идетъ разноголосица между администраціей и судомъ, но что рознь проникла и въ среду самого суда. Въ одной губерніи изъ двухъ Мировыхъ Съѣздовъ каждый придерживался инаго направленія, а Окружной Судъ смотрѣлъ на одни и тѣ же предметы совсѣмъ различно, чѣмъ Судъ Мировой.

Такое прискорбное разномысліе обратило на себя вниманіе и печати, и *Московскія Вѣдомости* (№ 43 за 1892 годъ) посвятили этому предмету статью: „Объ единомысліи русскихъ дѣятелей въ Прибалтикѣ", убѣждая русскихъ людей на Балтійской окраинѣ прекратить рознь, спѣться между собою. Въ пунктѣ 1 означенной статьи описывалось какъ въ Эстляндской губерніи по вопросу какое имущество, какихъ именно крестьянъ, какимъ порядкомъ и въ какомъ объемѣ можетъ быть продано безъ *разстройства крестьянскаго хозяйства*, администрація съ Окружнымъ и Мировымъ Судами представили изъ себя щуку, рака и лебедя въ баснѣ и указывалось на ненормальность такого порядка вещей, вредно отражающагося на практикѣ и поведшаго уже къ разоренію нѣкоторыхъ крестьянъ.

Затѣмъ изъ рѣшенія Общаго Собранія Сената 4 февраля 1891 года ст. 4 узнали о разногласіи, происшедшемъ въ Лифляндской губерніи, гдѣ губернское начальство съ нотаріусами съ одной стороны и Рижскимъ Окружнымъ Судомъ съ другой— разошлись въ вопросѣ о взысканіи гербоваго сбора при покупкѣ, продажѣ и арендованію крестьянами участковъ мызной земли, причемъ правыми, по разъясненію Сената оказались губернское начальство и низшіе органы суда, нотаріусы, а не Окружной Судъ, въ которомъ засѣдаютъ профессіональные юристы, лица съ высшимъ юридическимъ образованіемъ [1].

Наконецъ, въ только что вышедшемъ неоффиціальномъ изданіи предсѣдателя Газенпотско-Гробинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей А. А. Башмакова „Учрежденіе о Курляндскихъ крестьянахъ 25 августа 1817 г. Либава, 1892 г. (стр. 583 и 584) живописуется какъ въ Курляндской губерніи по двумъ однороднымъ дѣламъ Газенпотско-Гробинскій Съѣздъ Мировыхъ Судей (хотя впрочемъ въ виду рѣшенія Кассаціоннаго Департамента Сената) постановилъ рѣшеніе въ направленіи діаметрально противоположномъ тому направленію, какому proprio moto придерживался Виндавско-Гольдингенскій Съѣздъ Мировыхъ Судей, а именно о примѣненіи ст. 176 и 177 Курляндскихъ крестьянъ улож. 1817 года о значеніи формы въ сдѣлкахъ объ арендѣ крестьянами земли. Такъ какъ и въ Эстляндской губерніи дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи подобныя же правила какъ и въ Курляндской губерніи, то при сравненіи практики Мироваго Суда обѣихъ губерній оказывается, что направленіе, которое проглядываетъ въ означенномъ рѣшеніи Газенпотско-Гробинскаго Мироваго Съѣзда Курляндской губерніи, одинаково съ направленіемъ Ревельско-Гапсальскаго Мироваго Съѣзда Эстляндской губерніи, въ которомъ до 1893 года предсѣдательствовалъ П. М. Арцыбушевъ и въ которомъ Эстляндскій губернаторъ состоитъ почетнымъ членомъ и который не расходился вообще съ администраціей и съ практикой, господствовавшею среди русскихъ властей до судебной реформы [2]. Этотъ послѣдній Съѣздъ съ самаго начала стремился къ

---

[1] Объ этомъ подробно сказано въ пунктѣ 2-мъ указанной статьи въ № 43 *Московскихъ Вѣдомостей* 1892 года.

[2] Смотри наши статьи въ №№ 43 и 324 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1892 годъ: „Объ единомысліи русскихъ дѣятелей въ Прибалтикѣ“ и „О поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Эстляндіи“.

тому, чтобы зорко и строго слѣдить за тѣмъ, чтобы законоположенія, установленныя въ интересахъ крестьянъ и въ огражденіе ихъ отъ эксплоатаціи помѣщиковъ неуклонно исполнялся на дѣлѣ, не обходилися бы, имѣли дѣйствительное примѣненіе, не оставались мертвою буквой [1].

Оба Съѣзда отказывали въ искахъ помѣщикамъ, не заключившимъ съ крестьянами формальныхъ письменныхъ арендныхъ контрактовъ, утвержденныхъ въ установленномъ порядкѣ, тогда какъ Виндавско-Гольдингенскій Съѣздъ Мировыхъ Судей Курляндской губерніи признавалъ возможнымъ присуждать исковыя требованія, основанныя на неформальныхъ, неутвержденныхъ кѣмъ слѣдуетъ арендныхъ контрактахъ на крестьянскія усадьбы.

Равнымъ образомъ Виндавско-Гольдингенскій Съѣздъ разошелся съ Газенпотско-Гробинскимъ Съѣздомъ и по вопросу о томъ, подлежатъ ли мировыя сдѣлки непосредственному исполненію или онѣ могутъ служить лишь основаніемъ для предъявленія иска за исполненіе мировой сдѣлки. Первый 23 января 1891 г. призналъ, что мировыя сдѣлки, хотя бы заключенныя и въ судѣ, составляютъ юридическія сдѣлки, состоявшіяся при участіи суда, но не имѣющія равнаго значенія съ судебнымъ рѣшеніемъ, вошедшимъ въ законную силу, и потому не подлежащія принудительному взысканію наравнѣ съ судебными рѣшеніями, и что въ случаѣ неисполненія мировой сдѣлки, лицо, имѣющее право требованія по ней, можетъ лишь предъявить въ подлежащемъ судѣ искъ, но не можетъ требовать принудительнаго исполненія мировой сдѣлки. Второй же Съѣздъ разъяснилъ этотъ спорный вопросъ иначе. По его мнѣнію, дѣло, оконченное сторонами въ видѣ мировой сдѣлки, не можетъ быть возобновлено, ни предъявленіемъ снова той-же исковой просьбы, ни предъявленіемъ новой исковой просьбы, основанной на той-же мировой сдѣлкѣ. Въ случаѣ неисполненія одною изъ обязавшихся сторонъ мировой сдѣлки, записанной въ протоколъ въ порядкѣ 34 ст. Прав. о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, судъ выдаетъ примѣнительно къ 138 ст. тѣхъ-же правилъ исполнительный листъ, въ коемъ, послѣ слова „опредѣлилъ", пишется: исполнить мировую сдѣлку такихъ то слѣдующаго содержанія, и прописывается дословно

---

[1] Нѣкоторыя рѣшенія Ревельско-Гапсальскаго Съѣзда напечатаны въ „Положеніи о крестьянахъ Эстляндской губерніи" 5 іюня 1856 г. неоффиціальное изданіе А. П. Василевскаго, Ревель 1891 г. стр. 207—209.

текстъ мировой сдѣлки. Съ этой цѣлью Волостной Судъ обязанъ, при окончаніи сторонами дѣла миромъ, провозгласить въ засѣданіи записанную резолюцію о томъ, что судъ опредѣлилъ „мировую сдѣлку утвердить къ исполненію". Образецъ такого опредѣленія Волостнаго Суда приложено къ той-же инструкціи. (См. ст. 79 Инструкціи для вол. и верхн. крест. суд. Газ.-Гроб. округа, изданной въ Либавѣ, въ 1892 году)[1].

Для сужденія о томъ, на сколько старательно, любовно и внимательно отнеслись новыя судебныя установленія къ крестьянскому дѣлу въ Прибалтикѣ, насколько рѣшенія новаго суда въ этомъ дѣлѣ обстоятельны, серьезно обоснованы и мотивированы, имѣются слѣдующія данныя:

1) Изъ указа Сената, отъ 24 мая 1891 года, № 4011, по дѣлу бар. Бера съ Вальтеромъ о 450 руб. арендныхъ денегъ[2] видно, что Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Виндавско-Гольдингенскаго Съѣзда Мировыхъ Судей Курляндской губерніи, отъ 22 мая 1891 года потому, что Съѣздъ *не вошелъ въ обсужденіе одного изъ доводовъ отвѣтчика Вальтера*, заключающагося въ томъ, что арендный договоръ не былъ вопреки §§ 176 и 177 Курлянд. Крест. Улож. 1817 г., корроборированъ въ установленномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего, на основаніи тѣхъ же параграфовъ, слѣдовало бы отказать въ искѣ Бера; при этомъ Сенатъ замѣтилъ, что *Съѣздъ оставилъ означенное возраженіе отвѣтчика безъ всякаго обсужденія*, тогда какъ, въ виду 2.994 статьи Св. гражд. Узак. губ. Прибал. по прод. 1890 г., *возраженіе это не можетъ быть признано не имѣющимъ никакого значенія*. Такимъ образомъ оказывается, что Виндавско-Гольдингенскій Съѣздъ не обратилъ никакого вниманія на *то существеннѣйшее* не только въ данномъ, *но и вообще въ крестьянскомъ дѣлѣ обстоятельство*, что арендный договоръ не былъ совершенъ въ установленномъ порядкѣ, какъ этого требуется Положеніемъ о крестьянахъ въ связи съ указанной Сенатомъ ст. 2.994 Св. гражд. Узак.

2) Изъ другаго указа Кассац. Депар. Прав. Сената, отъ 7 января 1892 г., № 54, по дѣлу бар. Бера съ Вальтеромъ о 340 р. 70 к.[3] видно, что тотъ же Виндавско-Гольдингенскій Съѣздъ,

---

[1] См. Учрежденіе о Курляндскихъ крестьянахъ 1817 года А. А. Башмакова, Либава, 1892 г. стр. 599.

[2] См. *Учр. о Курл. Крест. 1817 г.*, изд. Башмакова Либава 1892, стр. 583.

[3] Тамъ же, стр. 584.

не только вопреки ст. 49 Прав. о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ учрежденій, не удовлетворилъ просьбу *арендатора Вальтера* объ истребованіи отъ истца рѣшительной присяги по ст. 465 Курл. Учр. 1817, но утверждая, будто такая присяга не можетъ имѣть мѣста, когда отношеніе тяжущихся опредѣляются письменными документами, *не привелъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе* такого своего заявленія.

3) Равнымъ образомъ изъ распубликованнаго рѣшенія Кассаціоннаго Департамента Сената, отъ 29 января 1892 года, по прошенію Елизаветы и Антонины фонъ-Ренненкампфъ и др. (Рѣшенія 1892 г., ст. 7), видно, что Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Везенбержско-Вейсенштейнскаго Съѣзда Мировыхъ Судей Эстляндской губерніи по этому дѣлу, такъ-какъ Съѣздъ оставилъ *безъ всякаго обсужденія* документы, представленные просителемъ въ подтвержденіе того, что имъ соблюдены всѣ правила, требуемыя закономъ 18 февраля 1866 г., *и даже не упомянулъ о нихъ въ своемъ рѣшеніи*, а такъ какъ при такихъ условіяхъ заключеніе Съѣзда о несоблюденіи означенныхъ правилъ, какъ постановленное безъ разсмотрѣнія всѣхъ имѣющихся въ дѣлѣ для разрѣшенія этого вопроса данныхъ, не можетъ быть признано правильнымъ.

4) Затѣмъ, въ нумерѣ 323 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 21 ноября 1892 года, въ статьѣ „О поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Эстляндіи“, было подмѣчено нами, какъ въ указѣ 11 апрѣля 1892 года, № 2.669, по дѣлу Браше и Неймана Сенатъ констатируетъ, что законъ не лишаетъ всякаго огражденія сдѣлокъ не облеченныхъ въ требуемую закономъ форму, и это говоритъ онъ *по общему правилу*, разъясненному неоднократно Правит. Сенатомъ, не указывая *по какому именно, гдѣ и въ какомъ законѣ выраженному* правилу и *какимъ рѣшеніемъ* разъясненному.

5) Точно такъ же поскупился Прав. Сенатъ мотивировать пунктъ 1 своего указа, отъ 7 января 1892 г., № 54 по дѣлу бар. Бера и Вальтера о 340 р. 70 к., въ каковомъ пунктѣ Сенатъ просто *признаетъ правильнымъ* толкованіе Виндавско-Гольдингенскимъ Съѣздомъ Мировыхъ Судей, §§ 175—177 Курл. Улож. 1817 г. въ томъ смыслѣ, что договоры объ арендной крестьянской землѣ, хотя и должны быть совершены въ установленномъ въ этихъ §§ порядкѣ, но не могутъ считаться недѣйствительными и не имѣющими никакого юридическаго значенія по тому

одному, что не корроборированы, не внесены въ подлежащую книгу. Тѣмъ прискорбнѣе отсутствіе соображеній въ указѣ Сената, что, какъ сказано будетъ ниже, Съѣздъ толкованіе свое §§ 175—177 не подкрѣпилъ ссылкою на законъ.

6) Одновременно съ этимъ *Рижскій Вѣстникъ*, въ № 257, отъ 23 ноября 1892 г., сообщаетъ, какъ V Отдѣленіе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Прав. Сената 13 декабря 1891 года по дѣлу крестьянина Лапина съ помѣщикомъ Герцбергомъ, отмѣнило въ первый разъ рѣшеніе Венденско-Валкскаго Съѣзда Мировыхъ Судей Лифляндской губерніи *по нарушенію Съѣздомъ ст. 27 Уст. Угол. Суд.* и возвратило дѣло для разсмотрѣнія его по существу, а второй разъ отмѣнило послѣдующее рѣшеніе того же Съѣзда потому, что, Съѣздъ *ссылаясь на Пол. о Лифлянд. крест. 1860 г.*, не представляющее будто бы крестьянамъ-арендаторамъ права пользованія лѣсомъ, растущимъ на арендуемыхъ ими участкахъ, безъ согласія арендодателя, *не указалъ ни одной статьи этого Положенія въ подтвержденіе такого вывода, принятаго* притомъ *совершенно неправильно въ основаніе оправдательнаго приговора.*

Обстоятельства этого дѣла столь характерны и столь живо показываютъ какъ помѣщики Балты относятся къ крестьянамъ арендаторамъ, что нельзя на нихъ не остановиться. Дѣло было въ томъ, что крестьянинъ Павелъ Лапинъ, состоя въ продолженіе 25 лѣтъ арендаторомъ повинностной (крестьянской) усадьбы „Скинке", принадлежащей помѣщику Бруно фонъ-Герцбергу, въ теченіе этого времени выростилъ на этой усадьбѣ лѣсъ, на который въ мартѣ 1889 года *вооруженными батраками помѣщика, подъ командою лѣснаго надзирателя, сдѣлано было нападеніе* съ цѣлью его вырубки. *Несмотря на протесты и запрещенія Лапина*, порубка этого лѣса батраками г. Герцберга продолжалась все лѣто до осени 1889 г. и возобновилась весной 1890 г., причемъ *большая часть лѣса была срублена и увезена въ усадьбу помѣщика Герцберга.* Хотя Лапинъ и обращался при этомъ къ содѣйствію волостнаго старшины, въ видахъ огражденія своихъ правъ на вырубаемый и свозимый къ помѣщику лѣсъ, но и волостной старшина оказался безсильнымъ остановить незаконныя дѣйствія порубщиковъ. Обвиняя помѣщика фонъ-Герцберга и лѣснаго надзирателя въ самоуправствѣ, выразившемся въ самовольной порубкѣ лѣса, крестьянинъ Лапинъ просилъ мироваго судью 3 участка Венденско-Валкскаго округа подвергнуть этихъ лицъ законной отвѣтственности. *Мировой судья, по рѣше-*

нію своему, утвержденному и Съѣздомъ Мировыхъ Судей, дѣло по обвиненію указанныхъ лицъ въ самоуправствѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1889 г., *прекратилъ за давностью*, а по обвиненію ихъ въ таковомъ же проступкѣ, совершенномъ обвиняемыми въ 1890 г., пріостановилъ производствомъ впредь до разрѣшенія подлежащимъ судомъ вопроса о правѣ собственности на вырубленный лѣсъ.

При вторичномъ разсмотрѣніи дѣла мировой судья и Венденско-Валкскій Съѣздъ *оправдали обвиняемыхъ помѣщика и лѣснаго надзирателя*. При разсмотрѣніи дѣла въ третій разъ, вслѣдствіе кассаціи Сената, Рижско-Вольмарскій Съѣздъ призналъ, что право владѣнія лѣсомъ всегда остается за помѣщикомъ, хотя бы участокъ земли, гдѣ находится лѣсъ, былъ въ арендѣ у другаго лица. Изъ этого вывода, по мнѣнію Съѣзда, вытекаетъ то, что право рубить лѣсъ, растущій на отданной въ аренду землѣ, принадлежитъ всегда владѣльцу земли, если не было заключено особаго договора съ арендаторомъ на право рубки послѣднимъ лѣса, и потому нужно признать, что лѣсъ, вырубленный обвиняемыми, никогда не находился во владѣніи Лапина, *а слѣдовательно, и вопросъ о самоуправствѣ въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста*, такъ какъ лѣсъ изъ владѣнія Герцберга не выходилъ и осуществлять самовольно свое право послѣднему надобности не представлялось, потому что и право рубки лѣса всегда оставалось за обвиняемымъ [1].

Вслѣдствіе шаткости и неопредѣленности судебной практики и представившейся суду спорности многихъ коренныхъ сторонъ поземельнаго устройства крестьянъ въ Прибалтикѣ всеобщее вниманіе было обращено на то, какъ выскажется Правительствующій Сенатъ по спорнымъ вопросамъ и въ какомъ направленіи послѣдуютъ его рѣшенія?

Къ сожалѣнію, пока еще имѣется мало въ этомъ отношеніи данныхъ, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, которыя доступны публикѣ. Изъ распубликованныхъ къ руководству рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента только 3, отъ 29 января 1892 г., ст. 7, 8 и 53 касаются Балтійскаго края и предмета настоящей статьи, а изъ рѣшеній Общаго Собранія—одно 4 февраля 1891 года, ст. 4.

[1] Это рѣшеніе обжаловано Лапинымъ въ Сенатъ и рѣшеніе вопроса о правѣ помѣщиковъ въ Лифляндіи рубить лѣсъ, выращенный крестьянами на повинностной землѣ, по словамъ *Рижскаго Вѣстника*, переданъ на разсмотрѣніе Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената.

Тѣмъ не менѣе въ печать проникли нѣкоторые рѣшенія и указы, кои даютъ возможность, хотя бы отчасти, судить какому направленію слѣдуетъ Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ.

Въ этомъ случаѣ по имѣющимся даннымъ можно различать рѣшенія старыхъ департаментовъ отъ новыхъ кассаціонныхъ, не касаясь опубликованныхъ рѣшеній Общаго Собранія, изъ которыхъ лишь одно вышеупомянутое затрогиваетъ поземельное устройство крестьянъ, способствуя пріобрѣтенію и арендованію ими земли путемъ освобожденія крестьянъ отъ уплаты гербоваго сбора, а черезъ то уменьшенія расходовъ по совершенію о семъ актовъ [1].

Изъ рѣшеній старыхъ департаментовъ мы имѣемъ въ виду 2 указа, Межеваго Департамента Правительствующаго Сената по Эстляндской губерніи, отъ 7 и 8 іюня 1890 г. №№ 1023 и 1025 по дѣламъ помѣщиковъ Людерса и графа Буксгевдена съ крестьянами, опубликованные въ № 32 и 35 *Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 16 августа и 6 сентября 1890 г.

Въ обоихъ этихъ указахъ проглядываетъ основательное знакомство съ законоположеніями о крестьянахъ Прибалтійскаго края, полное вниманіе и къ самому дѣлу и къ интересамъ крестьянъ, а также ясное сознаніе русскихъ правительственныхъ задачъ въ краѣ; отъ нихъ вѣетъ тѣмъ же русскимъ духомъ, какимъ отличались дѣйствія русскихъ властей за періодъ времени съ 1885 г. до судебной реформы. Въ нихъ законы разобраны полно и всесторонне, крестьяне ограждены отъ несправедливаго, насильственнаго выселенія изъ занимаемыхъ ими участковъ, причемъ разъяснено: а) что барщина въ Эстляндіи давно отмѣнена и помѣщики *не имѣютъ права требовать отъ крестьянъ исполненія послѣдними барщинныхъ повинностей въ формѣ рабочихъ дней для производства тѣхъ или другихъ работъ*, и б) что при арендѣ крестьянами земли должны быть въ точности, строго и своевременно исполнены Правила 18 февраля 1866 г., начертанныя въ огражденіе крестьянъ отъ эксплоатаціи и притѣсненій помѣщиковъ и, между прочимъ, что крестьянамъ должны быть предъявлены *всѣ арендныя условія*, а не нѣкоторыя лишь, имѣющія по мнѣнію помѣщика существенное значеніе.

---

[1] Объ этомъ рѣшеніи Сената подробно сказано въ № 43 *Московскихъ Вѣдомостей* 1892 г. въ нашей статьѣ «Объ единомысліи русскихъ людей въ Прибалтикѣ»

Этими указами Межевой Департаментъ Сената отмѣнилъ со всѣми послѣдствіями рѣшеніе нынѣ уже упраздненныхъ приходскихъ и уѣздныхъ судовъ и оберъ-ландгерихта.

Въ виду такого правильнаго и серьезнаго отношенія одного изъ старыхъ департаментовъ Сената къ крестьянскому дѣлу въ Прибалтикѣ нельзя не пожалѣть, что рѣшенія этихъ департаментовъ большею частью имѣютъ значеніе *сепаратныхъ*, обязательныхъ лишь по тому дѣлу, по коему состоялись, и не рекомендуются подобно кассаціоннымъ рѣшеніямъ ко всеобщему руководству. Оттого и одинъ изъ упомянутыхъ выше указовъ № 1023, а именно по дѣлу Людерса о безусловной отмѣнѣ барщины не былъ принятъ во вниманіе при утвержденіи въ Эстляндіи формы арендныхъ контрактовъ, причемъ М. В. Д. въ предложеніи на имя Эстлядскаго губернскаго начальства, отъ 28 марта 1891 года № 3180 [1], указало, что указомъ этимъ нѣтъ основанія руководствоваться какъ указомъ сепаратнымъ, а потому и не сдѣлало распоряженія объ отмѣнѣ существующей нынѣ въ Эстляндіи барщины въ размѣрѣ 25%, какъ о томъ ходатайствовало Эстляндское губернское начальство.

Обратимся теперь къ кассаціоннымъ рѣшеніямъ и посмотримъ какого значенія и характера по крестьянскому дѣлу въ Прибалтикѣ рѣшенія новыхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ, образованныхъ съ 1864 г. въ составъ Правительствующаго Сената для завѣдыванія судебною частью въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда (ст. 114 Учр. Суд. Уст. изд. 1883 г.), всѣ *рѣшенія и опредѣленія коихъ, которыми разъясняется точный смыслъ закона*, публикуются во всеобщее свѣдѣніе для руководства, къ единообразному истолкованію и примѣненію оныхъ (ст. 815 Уст. Гражд. Суд. и ст. 933 Уст. Угол. Суд. изд. 1883 года).

Такихъ указовъ имѣемъ мы въ виду 6, изъ которыхъ о 2-хъ указахъ по Эстляндской губерніи, а именно: о рѣшеніи 29 января 1892 года по дѣлу Браше, распубликованномъ во всеобщее свѣдѣніе (Рѣшенія за 1892 г. ст. 8) и отъ 6 іюня 1892 г. по дѣлу бар. У.—Ш. съ Анною Лаугъ, мы подробно говорили въ №№ 323, 324 и 329 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1892 годъ въ статьѣ „О поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Эстляндіи".

Первымъ изъ этихъ указовъ по Эстляндской губерніи, равно

---

[1] Смотри № 322 *Московскихъ Вѣдомостей* 1892 г. нашу статью „О поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Эстляндіи".

какъ указомъ отъ 7 января 1891 года № 54 по дѣлу бар. Бера и Вальтера о 340 р. 70 к. (по Курляндской губерніи) [1] парализуются всѣ законоположенія мѣстныхъ положеній 1817 и 1856 года о крестьянахъ этихъ губерній относительно безусловной необходимости, чтобы арендные контракты на крестьянскія арендныя земли были совершены письменно, по установленной формѣ (въ Эстляндіи) и утверждены установленными властями. Правительствующій Сенатъ въ первомъ рѣшеніи разъяснилъ, что когда законъ требуетъ совершенія письменнаго договора, онъ не лишаетъ всякаго огражденія сдѣлокъ хотя не обличенныхъ въ требуемую закономъ форму, но существованіе коихъ, тѣмъ не менѣе доказано и признано, что Ревельско-Гапсальскій Мировой Съѣздъ не имѣлъ основанія отказывать помѣщику въ примѣненіи ст. 110 и 175 Положенія 1856 года (касающихся прекращенія аредныхъ договоровъ и выселенія арендаторовъ) только потому, что не было заключено письменнаго контракта объ арендѣ участка.

Вторымъ указомъ Правительствующій Сенатъ призналъ правильность толкованія Виндаво-Гольдингенскимъ Съѣздомъ мировыхъ судей Курляндской губерніи §§ 175—177 Курлянд. крест. Полож. 1817 г., толкованія, въ силу коего требованія, основанныя на арендномъ договорѣ о крестьянской усадьбѣ, неутвержденномъ въ установленномъ порядкѣ,—могутъ быть присуждены. Къ такому вызоду Съѣздъ, какъ это видно изъ его рѣшенія 19 октября 1890 г., пришелъ на основаніи тѣхъ соображеній, что договоръ, заключенный барономъ Беромъ съ крестьяниномъ Вальтеромъ, не можетъ считать недѣйствительнымъ потому лишь, что онъ не корроборированъ, ибо хотя такого рода договоры и должны совершаться порядкомъ, указаннымъ въ параграфахъ 175 и 176 Полож. о Кур. крест., и хотя въ послѣднемъ изъ этихъ параграфовъ сказано, что договоры эти получаютъ законную силу не прежде, какъ только по внесеніи ихъ судомъ въ книгу; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что такого рода арендные договоры, не внесенные въ книгу, не имѣютъ никакого юридическаго значенія и что ими не могутъ нормироваться правовыя отношенія участвовавшихъ въ заключеніи ихъ лицъ. Напротивъ, неформальность заключенія такихъ договоровъ

[1] Этого рѣшенія въ числѣ распубликованныхъ кассаціонныхъ рѣшеній Сената за 1890 и 1891 года не удалось найти.

можетъ по мнѣнію Съѣзда влечь за собою одно лишь послѣдствіе, а именно: право каждаго изъ участвующихъ въ договорѣ отказаться отъ осуществленія его. Но коль скоро стороны, не взирая на неформальность договора, добровольно осуществляютъ его, то-есть каждая изъ нихъ начинаетъ пользоваться установленнымъ по договору въ пользу ея правомъ, то въ силу того общаго правила, что въ двухсторонних гражданскихъ сдѣлкахъ право одной стороны налагаетъ на другую сторону извѣстную обязанность и что никто не долженъ обогащаться на счетъ другаго,—необходимо признать, что пользованіе правами, установленными хотя бы и неформальными договорами, не можетъ быть безвозмезднымъ и что размѣръ и срокъ вознагражденія за пользованіе такими правами опредѣляются не на иномъ какомъ-либо основаніи, а только на основаніи условій того же самаго неформальнаго договора, неотвергаемаго сторонами въ существѣ своемъ. Параграфъ же 177-й того же Положенія о Курляндскихъ крест., на который Вальтеръ тоже ссылается въ своемъ апелляціонномъ отзывѣ, *необязателенъ для новыхъ судовъ*, такъ какъ этотъ параграфъ „Положенія" относится не къ матеріальному, а къ *процессуальному* (?) праву, отмѣненному Судебными Уставами Императора Александра II, которые не только не воспрещаютъ принимать въ доказательство спорныхъ гражданскихъ правъ неформальные договоры, а, напротивъ, обязываютъ судъ всякаго рода акты, какъ совершенные и явленные установленнымъ порядкомъ, такъ и домашніе, а равно и другія бумаги, принимать въ соображеніе при рѣшеніи дѣла (ст. 105 Уст. Гражд. Суд.).

Такими своими рѣшеніями, отчасти обязательными къ руководству, судъ лишаетъ практическаго примѣненія статьи 68 и 76 Эстл. Крест. Полож. 1856 г. и §§ 175 — 177 Курл. Крест. Улож. 1817 г.

Останавливаясь на означенныхъ двухъ рѣшеніяхъ Сената, нельзя необратить вниманія на то, что 1) въ обоихъ рѣшеніяхъ, какъ это выше сказано, не приведено ни статей закона, ни кассаціонныхъ рѣшеній въ подкрѣпленіе выводовъ и юридическихъ афоризмовъ (своихъ и Виндавско-Гольдингенскаго Съѣзда); 2) ст. 105 Уст. Гражд. Суд. изд. 1883 г., которая, обязывая мировой судъ *принимать въ соображеніе* при рѣшеніи дѣла всякаго рода акты какъ совершенные и явленные въ установленномъ порядкѣ, *такъ и домашніе, а равно и другія бумаги*, вовсе *не обязываетъ судъ присуждать помѣщикамъ* ихъ требованія съ крестьянъ

арендаторовъ, основанныхъ на неформальныхъ, неутвержденныхъ кѣмъ слѣдуетъ, арендныхъ контрактовъ *вопреки тому указанному выше закону*, что такого рода акты недѣйствительны и не могутъ служить суду и правительственнымъ мѣстамъ основаніемъ къ удовлетворенію исковъ, предъявленныхъ въ силу такихъ неформальныхъ контрактовъ; 3) изъ указа 7 января 1892 г. видно, что Виндавско-Гольдингенскій Съѣздъ кратко высказалъ мысль,—будто § 177-й Курл. Улож. 1877 г., о непринятіи судомъ жалобъ по неформальнымъ арендымъ контрактамъ и о возвращеніи исковъ на нихъ основанныхъ—*необязателенъ для новыхъ судовъ*, такъ какъ будто онъ относится не къ *матеріальному*, а процессуальному праву, отмѣненному Судебными Уставами Императора Александра II, которые будто бы *не воспрещаютъ принимать въ доказательство спорныхъ гражданскихъ правъ неформальные договоры—не далъ себѣ труда развить эти свои завѣренія и подкрѣпить ихъ мотивами и ссылками на законы.* Тѣмъ менѣе такое поверхностное отношеніе къ дѣлу понятно, что въ вопросѣ,—о томъ имѣетъ ли § 177 процессуальное или матеріальное значеніе заключается весь центръ тяжести, и отъ этого вопроса зависитъ весь дальнѣйшій ходъ разсужденія, какъ замѣтилъ А. А. Башмаковъ въ своемъ только что изданномъ „Учрежденія о Курляндскихъ крестьянахъ, 25 августа 1817 г. Либава 1892 г." (стр. 584). Такую необоснованность категорическаго заявленія Съѣзда,—будто § 177 касается процессуальнаго лишь права,—тѣмъ менѣе можно оправдать, что существуетъ ст. 2994 Св. гражд. Узак. губ. Прибал. по прод. 1890 г., въ силу коей правило, выраженное въ этой статьѣ о зависимости формы сдѣлокъ отъ воли заинтересованныхъ сторонъ *не распространяется на тѣ случаи, въ которыхъ закономъ требуется опредѣленный порядокъ совершенія сдѣлки*, какъ въ данномъ случаѣ объ арендныхъ контрактахъ на крестьянскія земли; 4) Замѣчательно, что въ Указѣ Сената, 7 января 1892 г., № 54, ничего не упоминается объ этой 299 статьѣ, которая очевидно имѣетъ большое значеніе при рѣшеніи вопроса о неформальныхъ арендныхъ контрактахъ, тогда какъ въ раньшемъ по времени и упомянутомъ выше указѣ 24 мая, 1891 г. № 4011 Сенатъ замѣтилъ Виндавско-Гольдингенскому Съѣзду Мировыхъ Судей, что онъ не надлежаще оставилъ безъ разсмотрѣнія возраженіе отвѣтчика Вальтера объ отказѣ въ искѣ, начатомъ бар. Беромъ на основаніи неформальнаго аренд-

наго контракта, тѣмъ болѣе, *что въ виду этой 2994 статьи выраженіе Вальтера не можетъ быть признано не имѣющимъ значенія.*—Такимъ образомъ въ указѣ 1891 г. Сенатъ какъ бы косвенно признаетъ, что неформальность арендныхъ контрактовъ представляется существеннѣйшимъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ аренды крестьянской земли и можетъ служить основаніемъ къ отказу въ искахъ, основанныхъ на неформальныхъ, неутвержденныхъ контрактахъ. 5) Такое серьезное значеніе придалъ вопросу объ облеченіи въ законную форму и утвержденіи арендныхъ контрактовъ на крестьянскую землю и Газенпотско-Гробинскій Съѣздъ Мировыхъ Судей, разсматривавшій 23 сентября 1891 г. то же дѣло бар. Бера и Вальтера о 450 руб. с. арендныхъ денегъ, послѣ того какъ Сенатъ тѣмъ же указомъ 24 мая 1891 г. № 4011 отмѣнилъ рѣшеніе Виндавско-Гольдингенскаго Съѣзда Мировыхъ Судей. Газенпотско-Гробинскій Съѣздъ, войдя по указаніямъ Сената въ этомъ указѣ № 4011 въ обсужденіе возраженій Вальтера [1] отказалъ барону Беру въ искѣ на основаніи §§ 176 и 177 Положенія о Курл. крест. въ виду невнесенія арендного договора въ корроборационную книгу при Волостномъ Судѣ, признавъ такимъ образомъ, что требованіе этихъ §§ не является простымъ усиленіемъ доказательной формы сдѣлки, но должно считаться составнымъ условіемъ самаго заключенія этой сдѣлки, безъ котораго арендный контрактъ на крестьянскую усадьбу вовсе не существуетъ и никого не обязываетъ.—Здѣсь имѣетъ примѣненіе, по мнѣнію Съѣзда, 2999 ст. III ч. Св. гражд. Узак., въ силу которой несоблюденіе формы въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ она предписана закономъ, влечетъ за собою недѣйствительность самой сдѣлки и даже невозможность утвержденія оной впослѣдствіи. На этомъ основаніи и арендный договоръ на крестьянскую усадьбу, въ случаѣ невнесенія его въ корроборационную книгу, въ виду §§ 176 и 177 Положенія о Курл. крест., долженъ считаться недѣйствительнымъ и создаетъ только натуральныя обязательныя отношенія (naturalis obligatio), то-есть такія, которыя вольно сторонамъ исполнять по взаимному согласію, но которыя, будучи нарушены, не могутъ служить правильнымъ основаніемъ для исковаго производства.

Къ сожалѣнію, это рѣшеніе Газенпотско-Гробинскаго Съѣзда,

[1] См. «Учрежденіе о Курляндскихъ крестьянахъ 1817 г. изд. неоф. А. А. Башмакова, Либава, 1892 г., стр. 583.

постановленное въ духѣ примѣненія законоположеній о Прибалтійскихъ крестьянахъ и въ огражденіе этихъ крестьянъ, не было обжаловано Правительствующему Сенату и потому неизвѣстно какъ къ нему отнесся бы Сенатъ, призналъ ли бы онъ правильнымъ это рѣшеніе, основанное на его же замѣчаніи въ указѣ 1891 года, и какъ бы разрѣшилъ вопросъ о значеніи формы и утвержденія въ дѣлѣ аренды крестьянами земли у помѣщиковъ, послѣ недоумѣній, вызванныхъ въ этомъ случаѣ двумя его указами 1891 и 1892 гг., которые какъ-то плохо вяжутся между собою.

Точно также очень жаль, что осталось необжалованнымъ и другое рѣшеніе Газенпотско-Гробинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей, 24 февраля 1892 года, по дѣлу гр. Ламсдорфа и Рудзроге о 182 руб. арендной платы, коимъ этотъ Съѣздъ по вопросу о томъ, имѣетъ ли § 176 Курляндск. крестьян. Учр. 1817 года, объ утвержденіи арендныхъ контрактовъ, значеніе процессуальное или матеріальное—*пришелъ къ выводамъ противоположнымъ* тѣмъ, къ какимъ по тому же вопросу пришелъ Виндавско-Гольдингенскій Съѣздъ въ своемъ рѣшеніи 19 октября 1891 года. Газенпотско-Гробинскій Съѣздъ, признавъ, что *упущеніе предписанной закономъ формы въ дѣлѣ аренды крестьянскихъ участковъ влечетъ за собою признаніе отсутствія всякаго договора и недѣйствительности самой сдѣлки*,—исходилъ отъ того соображенія [1], что предъявленіе аренднаго контракта въ Волостномъ Судѣ по § 176 Курляндск. крестьян. Учр. 1817 года должно быть причислено къ первому изъ трехъ упоминаемыхъ въ ст. 2995 Св. гражд. Узак. губ. Прибал. изд. 1864 года, видовъ участія суда при совершеніи юридическихъ сдѣлокъ, т.-е. къ необходимому, по ст. 2996 того же Свода, совершенію сдѣлки въ самомъ судѣ *при прямомъ его посредствѣ*, а это прямо указываетъ, что если этого посредства не было, то и нѣтъ самой сдѣлки, подобно тому какъ ея нѣтъ безъ участія сторонъ.

Стороны и судъ являются неотъемлимыми участниками въ совершеніи сдѣлки и потому ст. 2999 того же Свода (по продолж. 1890 г.) гласитъ, что несоблюденіе формы въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ она предписана закономъ (ст. 2996), влечетъ за собою недѣйствительность самой сдѣлки и даже невозможность

---

[1] Подробную мотивировку съѣзда см. въ „Учрежденіи о Курляндскихъ крестьянахъ изд. неоф. А. А. Башмакова, Либава 1892 г., стр. 585, 586.

утвержденія ея впослѣдствіи. Этой ст. 2999, по мнѣнію Съѣзда, вполнѣ соотвѣтствуютъ §§ 175—177 Курляндск. крестьян. Учр. 1817 года, въ силу коихъ, какъ *письменный договоръ* объ отдачѣ земли въ аренду, такъ и *словесный*, о которомъ составляется въ судѣ протоколъ (§ 175 и 176 Курлянд. Учр. 1817 г.), словомъ, *оба рода таковыхъ договоровъ получаютъ законную силу не прежде какъ только по внесеніи ихъ судомъ въ имѣющуюся для договоровъ книгу* (§ 176) и что затѣмъ, *если договоръ заключенъ на другомъ основаніи, нежели какъ здѣсь предписано, то, въ случаѣ невыполненія его*, не принимаются жалобы, и судъ всѣ таковые иски возвращаетъ (§ 177).

Послѣ всего сказаннаго едва ли не позволительно в о мень шей мѣрѣ усомниться въ правильности соображеній и выводовъ, изложенныхъ въ указахъ Сената 29 января и 11 апрѣля 1892 года за №№ 2669 и 54 по дѣламъ Браше и Бера.

Точно также трудно согласиться съ выводомъ, сдѣланнымъ Правительствующимъ Сенатомъ въ указѣ 6 іюля 1892 года по дѣлу барона У.—Ш. съ Лаугъ, будто арендные договоры на крестьянскіе участки въ Эстляндской губерніи подписываются однимъ помѣщикомъ или заступающимъ его мѣсто, и это будто бы согласно § 5 временныхъ дополнительныхъ Правилъ, 23 января 1859 года [1] и въ силу такого своего взгляда отмѣнилъ рѣшеніе Ревельско-Гапсальскаго Съѣзда Мировыхъ Судей, который въ искѣ истцу помѣщику о такъ называемомъ желѣзномъ (основномъ) инвентарѣ отказалъ на томъ основаніи, что договоръ объ арендѣ не былъ подписанъ отвѣтчикомъ крестьяниномъ, и самое полученіе инвентаря послѣднимъ отрицалось. Въ этомъ указѣ Правительствующій Сенатъ разошелся во взглядѣ и съ губернскимъ начальствомъ и съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ,

---

[1] Содержаніе этой и слѣдующей 6 статьи Правилъ 1859 таково:

§ 5. Крестьянину-арендатору вручается за подписью помѣщика или заступающаго его мѣсто написанный въ 3-хъ экземплярахъ на печатныхъ бланкахъ контрактъ, въ коемъ должны быть указаны какъ всѣ условія, собственно только лично до него, арендатора, относящіяся, такъ и вообще всѣ сдѣлки заключенныя имъ, съ отступленіемъ отъ означенныхъ въ поземельной книгѣ основныхъ правилъ, но безъ нарушенія нижеприведеннаго § 14.

§ 6. Контрактъ этотъ педставляется на утвержденіе въ Приходскій Судъ. По утвержденіи онаго, одинъ экземпляръ остается при поземельной книгѣ, другіе два выдаются договаривающимся сторонамъ (см. ст. Крест. Пол. 5 іюля 1856 года).

которые еще ранѣе Сената и имѣя въ виду тотъ же § 5 Правилъ 1859 года разъяснили и указали кому слѣдуетъ, что арендные контракты на крестьянскую арендную землю должны быть подписаны обѣими договаривающимися сторонами, т.-е. помѣщиками и крестьянами-арендаторами, и недѣйствительны, если на нихъ имѣется одна лишь подпись помѣщика арендателя. Объ этомъ нами подробно было указано въ № 324 и 329 „Московскихъ Вѣдомостей" 1892 года въ статьѣ „О поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Эстляндіи".

Не повторяя подробностей, указанныхъ въ этой статьѣ, замѣтимъ только, что изъ §§ 5 и 6 вовсе нельзя заключить, что арендодателя контракты могутъ быть лишь съ одною подписью арендателя; въ § 5 лишь говорится, что помѣщикъ долженъ вручить за своею подписью три экземпляра контракта, которые, до утвержденія контракта, очевидно суть только одни проекты, имѣющіе значеніе предложенія арендатору условій аренды, причемъ подпись арендодателя гарантируетъ только арендатора отъ измѣненія помѣщикомъ условій аренды.

Такимъ образомъ изъ §§ 5 и 6 Правилъ 1859 г. болѣе чѣмъ смѣло сдѣлать столь категорическій выводъ, какой, относительно подписи контрактовъ однимъ лишь арендодателемъ, сдѣланъ въ указѣ отъ 6 іюня 1892 года, и черезчуръ мало данныхъ идти въ разрѣзъ взглядамъ и распоряженіямъ администраціи въ дѣлѣ, направленномъ къ огражденію интересовъ крестьянъ и къ удостовѣренію обоюдною подписью договаривающихся сторонъ того, что устанавливающія между помѣщикомъ и крестьяниномъ въ силу арендныхъ контрактовъ юридическія отношенія установились съ добровольнаго согласія крестьянъ, при сознательномъ принятіи ими на себя обязательствъ.

Истинный смыслъ, значеніе и характеръ законоположеній о заключеніи арендныхъ контрактовъ на крестьянскія земли вообще сталъ бы, быть-можетъ, суду болѣе ясенъ и понятенъ, еслибы при разсмотрѣніи дѣлъ въ судѣ принимались во вниманіе и соображеніе, разъясненія, распоряженія и циркуляры административныхъ властей (губернскаго начальства, Коммиссіи Крестьянскихъ Дѣлъ, бывшаго Генералъ-Губернаторскаго Управленія и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), уполномоченныхъ по закону содѣйствовать надлежащему и точному исполненію постановленій крестьянскихъ Положеній, вникать въ дѣйствительный смыслъ этихъ Положеній и предотвращать чрезъ публика-

ціи и объявленія могущія встрѣтиться недоумѣнія (см. ст. 1297 ст. Пол. о кр. Эстляндск. губерніи 1856 г.).

Такого рода распоряженія и разъясненія неминуемо помогли бы суду въ правильномъ разрѣшеніи дѣла, не говоря уже о томъ, что они, какъ изданныя на основаніи закона компетентными властями, въ установленномъ въ законѣ порядкѣ и высшими инстанціями не отмѣненныя, не могутъ быть никѣмъ, даже и судомъ, игнорируемы и должны имѣть дѣйствительное примѣненіе на дѣлѣ, не оставаясь мертвою буквою.

Въ данномъ случаѣ вопросъ, должны ли арендные договоры на крестьянскія арендныя земли быть подписываемы обѣими договаривающимися сторонами или однимъ помѣщикомъ, во многомъ выяснился бы, если при рѣшеніи дѣла бар. У—Шт. съ Лаугъ были приняты во вниманіе всѣ распоряженія, послѣдовавшія съ 1859 по 1892 г. не только со стороны администраціи, но и самого Эстляндскаго дворянства, принимавшаго дѣятельное участіе въ составленіи и начертаніи Положенія 1856 г. и Правилъ 1859 г., и въ интересахъ котораго, какъ премущественнаго контингента помѣщичьяго класса, изданы были главнымъ образомъ Правила 1859 г. [1]

Изъ этихъ разъясненій и распоряженій судъ узналъ бы, что само дворянство справедливо и подобно Ревельско-Гапсальскому Съѣзду Мировыхъ Судей (рѣш. 25 іюля 1890 г., № 171, по дѣлу Браше) признавало, что контрактныя условія крестьянъ съ помѣщиками подвергнуты законодательствомъ такимъ ограниченіямъ, которыя по обще-правовымъ понятіямъ на практикѣ не имѣютъ мѣста при иныхъ договорахъ, и это вслѣдствіе того, что договоръ заключается между двумя лицами, разныхъ, неодинаковыми правами надѣленныхъ, состояній, изъ которыхъ одно и въ экономическомъ отношеніи подчинено распоряженіямъ другаго, въ былое время безусловно, а отчасти по обычаю и нынѣ. Равнымъ образомъ дворянство указывало, что поземельная книга, имѣющая аналогичное значеніе съ проектами контрактовъ, вручаемыми помѣщиками арендаторамъ, заключаютъ въ себѣ лишь условія для предложенія въ аренду участковъ, или требова-

---

[1] Всѣ эти многочисленныя распоряженія, послѣдовавшія въ разное время, сгруппированы въ «Сборникъ узаконеній и распоряженій о крестьянахъ Эстляндской губерніи А. П. Василевскаго I, Ревель, 1888 г.» (стр. 33—63, 78—156) и въ имъ же изданномъ «Положеніи о крестьянахъ Эстляндской губ. 5 іюля 1856 г., Ревель, 1891 г.» (стр. 195—198).

нія, предъявленныя арендаторамъ, и что содержаніе книги имѣетъ для арендатора лишь на столько силу, насколько оно формальнымъ контрактомъ изъ чисто односторонне предложенныхъ условій превращено въ двухстороннее условіе. [1] Самое составленіе проектовъ контрактовъ по § 5 Правилъ 1859 года, по объясненію дворянства, должно происходить безо всякаго содѣйствія крестьянъ въ тѣхъ именно случаяхъ, когда нельзя было склонить крестьянъ къ заключенія судебнымъ порядкомъ формальныхъ арендныхъ контрактовъ съ препровожденіемъ двухъ экземпляровъ проекта контрактовъ къ приходскому судьѣ въ удостовѣреніе того, что помѣщикъ со своей стороны удовлетворилъ требованія ст. 68 Пол. о крест.1856 г. въ редакціи Правилъ 1859 года о заключеніи арендныхъ контрактовъ. [2] Далѣе, само дворянство циркуляромъ 7 апрѣля 1859 года, № 788 (тамъ же, стр. 140) указывало, что Приходскіе Суды должны всѣми мѣрами разъяснять крестьянамъ, что заключеніе арендныхъ контрактовъ судебнымъ порядкомъ установлено именно лишь для ихъ, крестьянъ, защиты, и приноситъ имъ пользу, что арендные контракты *со стороны крестьянъ должны заключаться главнымъ образомъ по доброй волѣ и безъ малѣйшаго принужденія и даже попытокъ къ уговариванію,* что Приходскіе Суды (нынѣ Коммиссары) должны утверждать лишь такіе арендные контракты, которые крестьяне добровольно представили ему, и вовсе не дѣло Приходскихъ Судей наблюдать за тѣмъ, представляютъ ли имъ крестьяне контракты, отданные имъ помѣщиками или нѣтъ.

Наконецъ какъ дворянство, [3] такъ Эстляндское губернское начальство и Эстляндская Коммиссія Крестьянскихъ Дѣлъ [4] напоминали надлежащимъ властямъ о необходимости, чтобы Приходскіе Суды прочитывали крестьянамъ относящіеся до получаемыхъ ими въ аренду участковъ листы поземельной книги, заключающіе въ себѣ основанія арендныхъ условій, иначе говоря, принимали мѣры, чтобы крестьяне сознательно относились къ заключенію арендныхъ контрактовъ и были бы основательно ознакомлены съ ихъ содержаніемъ. Словомъ, изо всѣхъ этихъ данныхъ судъ легко бы убѣдился, что хотя о подписаніи крестьянами

---

[1] См. упомянутый выше Сборникъ 1888 г. стр. 135 и 136, п. 9 цирк. 24 марта 1859 г., № 687—723 и п. 6 Соображеній, къ нему приложенныхъ.

[2] Цирк. 25 августа 1859 г., № 1.019; тамъ же, стр. 142 и 143.

[3] Циркуляръ 12 мая 1882 г., № 168; тамъ же, стр. 152, п. 4.

[4] Цирк. 30 сентября 1884 г., № 77; тамъ же, стр. 147, п. 3.

арендныхъ контрактовъ вовсе не упоминается въ Правилахъ 1859 года, но что предписанія Эстляндскаго губернскаго начальства и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1886, 1889 и 1892 годовъ о томъ, чтобы арендные контракты были непремѣнно подписаны крестьянами-арендаторами [1] составляютъ лишь развитіе и разъясненіе Положенія 1856 г. и Правилъ 1859 г., ни въ чемъ не противорѣчатъ Правиламъ 1859 г., соотвѣтствуютъ разуму закона, видамъ и стремленіямъ законодателя, совершенно согласны со смысломъ и духомъ какъ всѣхъ этихъ узаконеній, такъ и вообще нашего законодательства. Дѣйствительно, какъ инымъ порядкомъ удостовѣриться, что крестьяне заключаютъ арендные контракты добровольно и сознательно, какъ не путемъ подписи ими арендныхъ контрактовъ и провѣрки подлежащими властями, что эти контракты дѣйствительно ими подписаны, и что сверхъ того, имъ хорошо также извѣстны и условія аренды.

Не лишено интереса и значенія, хотя далеко не ясное и понятное кассаціонное рѣшеніе 29 января 1892 года по дѣлу о выселеніи Іосифа Эслона изъ участка въ имѣніи Кенда, Эстляндской губерніи, распубликованное подъ № 53 въ рѣшеніяхъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента за 1892 годъ.

Обстоятельства дѣла не сложны. Арендаторъ имѣнія „Кенда" Вильгельмъ Гертель предъявилъ у мироваго судьи искъ, коимъ просилъ признать контрактъ, заключенный съ нимъ субъарендаторомъ, Іосифомъ Эслономъ, нарушеннымъ симъ послѣднимъ, выселить его изъ занимаемаго имъ участка на *мызной* землѣ того имѣнія и присудить съ него къ платежу денежной суммы за неотбытые имъ рабочіе дни и другія работы по контракту по разсчету по день выселенія его изъ участка. Отвѣтчикъ Эслонъ противъ этого иска возразилъ тѣмъ, что хотя онъ дѣйствительно и пользовался арендуемымъ имъ участкомъ на условіяхъ, изложенныхъ въ контрактѣ, заключенномъ первоначально въ 1882 году на одинъ годъ, а затѣмъ словесно продолжавшемся изъ году въ годъ, но съ Юрьева дня 1890 года онъ прекратилъ работу потому, что работы, возложенныя на него по контракту, оказались слишкомъ тяжелы, и онъ взамѣнъ работы пожелалъ арендатору вносить деньги, о чемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года и объявилъ арендатору, но тотъ не согласился. Мировой Судья

[1] См. № 324 *Московскихъ Вѣдомостей* 1892 г. «О поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Эстляндіи».

удовлетворилъ искъ о признанія контракта нарушеннымъ по винѣ отвѣтчика и о выселеніи его изъ участка, но въ требованіи уплаты за неотбытые рабочіе дни и другія работы по преждевременности отказалъ, а Ревельско-Гапсальскій Мировой Съѣздъ по аппелляціонной жалобѣ Эслона утвердилъ это рѣшеніе, причемъ высказалъ слѣдующія соображенія: за отсутствіемъ въ 3-й части Св. гражд. Узак. указаній на то, чтобы договоръ аренды могъ оплачиваться чѣмъ либо, кромѣ денегъ и замѣнимыхъ вещей, настоящій договоръ, заключенный между сторонами, слѣдуетъ считать договоромъ арендо-служебнымъ, подлежащимъ дѣйствію 432 и послѣд. ст. Полож. о крестьян. Эстляндской губерніи; на основаніи же этихъ узаконеній одностороннее нарушеніе такого договора до окончанія срока предоставлено хозяину съ правомъ удержанія слѣдующей до окончанія срока платы, между прочимъ, за умышленное нерадѣніе по службѣ; въ данномъ же случаѣ такое нерадѣніе Эслона представляется доказаннымъ. Въ кассаціонной жалобѣ Эслонъ просилъ объ отмѣнѣ этого рѣшенія, доказывая: 1) что Съѣздъ неправильно призналъ спорный договоръ арендо-служебнымъ; 2) что въ 432 и послѣдующихъ статьяхъ говорится о договорахъ найма въ услуженіе, а не о договорахъ арендо-служебныхъ и 3) что признаніе договора нарушеннымъ одною стороной не даетъ еще права на выселеніе виновной стороны, а предоставляетъ противной сторонѣ лишь право требовать исполненія или взысканія убытковъ за неисполненіе.

Правительствующій Сенатъ нашелъ, что возбуждаемые просителемъ въ кассаціонной жалобѣ вопросы разрѣшаются прямымъ смысломъ 113 ст. Пол. о крест. Эстляндской губерніи 5 іюля 1856 года и 4.116 ст. Свода гражд. Узакон. Прибалтійскихъ губерній: на основаніи 113 ст. Пол. о крестьян. Эстляндской губерніи, каждая аренда, гдѣ арендаторъ, за предоставленное ему право пользованія арендным участкомъ, вознаграждаетъ помѣщика отбываемою работой, почитается барщинною арендой. Къ числу такого рода договоровъ долженъ быть отнесенъ и тотъ договоръ, который составляетъ предметъ спора по настоящему дѣлу, такъ какъ, какъ видно изъ рѣшенія Съѣзда, участокъ *мызной* земли отданъ былъ въ арендное пользованіе просителя съ обязательствомъ отбытія имъ за это извѣстныхъ по хозяйству работъ, статья же 4.116 помѣщена въ отдѣлѣ узаконеній, относящихся до договоровъ аренды и найма вообще, и потому должна

имѣть полное примѣненіе и по отношенію къ договору настоящему; а въ силу этой статьи всякій договоръ аренды или найма можетъ подлежать отмѣнѣ по требованію даже одной стороны въ томъ случаѣ, когда арендныя или наемныя деньги не внесены въ установленный по договору срокъ, каковое условіе для барщинныхъ арендъ всеконечно должно соотвѣтствовать прекращенію отбыванія условленныхъ работъ. А такъ какъ въ рѣшеніи своемъ Съѣздъ установилъ, что проситель обнаружилъ умышленное нерадѣніе, выразившееся въ неисполненіи тѣхъ работъ, которыя онъ долженъ былъ отбывать какъ эквивалентъ за пользованіе участкомъ, то Съѣздъ и былъ вправѣ утвердить рѣшеніе мироваго судьи, коимъ договоръ признанъ нарушеннымъ и искъ Гертеля о выселеніи просителя изъ означеннаго участка подлежащимъ удовлетворенію. По сему признавая доводы просителя къ отмѣнѣ обжалованнаго рѣшенія Мироваго Съѣзда не заслуживающими уваженія, Правительствующій Сенатъ кассаціонную жалобу Іосифа Эслона оставилъ безъ послѣдствій.

Вникая въ это рѣшеніе, нельзя не отмѣтить того существеннаго обстоятельства, что арендовавшійся Эслономъ участокъ находился на *мызной* землѣ, Положеніе же о крестьянахъ Эстляндской губерніи 5 іюля 1856 года вообще касается только *крестьянской арендной земли*, оставляя безъ регламентаціи отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, поселенныхъ на *мызныхъ* земляхъ.

Въ частности указываемая Сенатомъ статья 113 этого Положенія, помѣщенная въ Раздѣлѣ II, въ Главѣ II о пользованіи *крестьянскою арендною* землей въ пунктѣ I (О барщинѣ) лит. В, Отдѣленія I этой главы посвященнаго особымъ постановленіемъ объ отдѣльныхъ видахъ пользованія *крестьянскою арендною* землею, едва ли можетъ касаться аренды *мызныхъ* земель, и трудно согласиться съ мнѣніемъ Сената, что къ числу барщинной аренды (временной и постоянной), о которой говорится въ ст. 113, долженъ быть отнесенъ договоръ Гертеля съ Эслономъ. По отношенію къ арендѣ *мызныхъ* земель Ревельско-Гапсальскій Съѣздъ Мировыхъ Судей удостовѣрилъ, что въ ч. 3 Св. гражд. Узакон. нѣтъ указаній на то, чтобы договоръ аренды могъ оплачиваться чѣмъ-либо другимъ, кромѣ денегъ и замѣнимыхъ вещей (ст. 4033), и это удостовѣреніе Съѣзда не опровергнуто Правительствующимъ Сенатомъ и подтверждается Сводомъ гражд. Узак. губ. Прибалт. изд. 1864 года и по продолженію 1890 г.

Поэтому и мало понятно, какимъ образомъ по мнѣнію Сената ст. 4116 этого Свода гражд. Узакон., касающаяся уплаты арендныхъ *денегъ*, должна имѣть полное примѣненіе къ настоящему дѣлу о *барщинной* арендѣ. Казалось бы, что въ виду *отсутствія* въ этомъ сводѣ *постановленій о барщинной* арендѣ ст. 4116 онаго не можетъ быть примѣняема къ этой послѣдней арендѣ, оплачиваемой *отбываніемъ условленныхъ работъ*. Если Сенатъ признаетъ возможнымъ примѣнить къ данному дѣлу ст. 113 Пол. 1856 года о *барщиной* арендѣ, то почему же онъ не примѣнилъ къ нему и прочихъ статей этого положенія (114—166), среди которыхъ есть узаконеніе о прекращеніи барщинной аренды (ст. 121)? Точно также представляется вопросомъ, почему Сенатъ, если считалъ Полож. 1856 года вообще примѣнимымъ къ арендѣ *мызныхъ* земель, примѣнилъ по отношенію ко взносу арендной платы не ст. 174 и 175 этого Положенія, касающіяся платы арендаторамъ арендной платы *наличными деньгами*, а ст. 4116 Св. Гражд. Узак., *не примѣнимую* въ виду означенной 174 и 175 Пол. 1856 года *къ арендѣ крестьянской арендной земли*, устанавливающейся въ силу спеціальнаго для нихъ закона—Положенія о крестьянахъ.

Указывая, что къ данному дѣлу относится ст. 113 Пол. 1856 года *о барщинѣ* Сенатъ, этимъ какъ бы санкціонируетъ возможность аренды *мызныхъ* земель въ формѣ *барщинной аренды* и тѣмъ затрогиваетъ вопросъ, *возможна ли нынѣ барщина въ Эстляндіи при арендѣ мызныхъ земель?* Эта сторона дѣла оставлена Сенатомъ безъ разсмотрѣнія, хотя барщина повсемѣстно отмѣнена въ Прибалтійскомъ краѣ еще съ 23 апрѣля 1868 г. и согласно разуму и духу закона, намѣренію законодателя и послѣдовавшихъ разъясненій по Лифляндской и Курляндской губерніямъ (о чемъ подробно сказано въ № 322 *Московскихъ Вѣдомостей* 1892 года въ статьѣ „О поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Эстляндіи") надо предполагать, что она не можетъ имѣть мѣста въ Эстляндской губерніи и при томъ не только по отношенію къ пользованію крестьянскою арендною землею, но и *мызною*. Если даже и допустить, что въ этомъ случаѣ законоположенія, дѣйствующія въ Эстляндіи, недостаточно ясны и означенный выводъ не можетъ быть сдѣланъ изъ нихъ прямо и непосредственно, то почему Сенатъ не коснулся этого вопроса, не разобралъ дѣла всесторонне и не отвѣтилъ категорично на вопросъ, можетъ ли или не можетъ существовать въ Эстляндіи

барщина? и если можетъ, то въ какомъ видѣ, въ какомъ размѣрѣ, на основаніи какихъ законоположеній.

Опредѣляя значеніе сдѣлки Гертеля съ Эслономъ, едва ли Ревельско-Гапсальскій Съѣздъ не взглянулъ на дѣло правильнѣе Сената и едва ли взглядъ Съѣзда на эту сдѣлку, какъ на договоръ *арендно-служебный*, не болѣе соотвѣтствуетъ закону, чѣмъ толкованіе Сената о томъ, что эта сдѣлка предоставляетъ собой *барщинную аренду*. На такое заключеніе наводитъ ст. 434 Пол. о крест. 1856 г., по силѣ коей „дворовымъ людямъ въ возмездіе за ихъ работу помѣщикъ можетъ отдавать поземельные участки, въ границахъ только одной *мызной* земли, но отнюдь не въ границахъ крестьянской арендной земли“.

Нельзя не пожалѣть, что Сенатъ не далъ себѣ труда мотивировать, почему взглядъ Съѣзда непримѣнимъ къ данному дѣлу и почему именно настоящая сдѣлка не подходитъ подъ упомянутую статью 434. Тѣмъ болѣе можно объ этомъ сожалѣть, что при новизнѣ дѣла, сбивчивости и неясности законоположеній о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Прибалтикѣ полнота, всесторонность, обстоятельность, точность, опредѣленность и ясность разъясненій высшихъ компетентныхъ установленій, разъясненій, даваемыхъ при томъ въ руководство, болѣе всего цѣнны и необходимы. Многому ли послужитъ, спрашивается, данное рѣшеніе Сената 29 января 1892 года по дѣлу Гертеля и Эслона? не останется ли та же неясность въ опредѣленіи сдѣлокъ, подобныхъ настоящей, въ толкованіи статьи 434, а равно по разрѣшенію вопроса *объ арендѣ мызныхъ земель и о* существованіи барщины?

Въ заключеніе нельзя не привѣтствовать сочувственно нѣкоторыхъ рѣшеній судовъ по крестьянскому дѣлу.

1. Такъ, въ № 2 *Ревельскихъ Извѣстій* за 1893 годъ напечатано, что С.-Петербургскою Судебною Палатой по третьему Департаменту Гражданскихъ Дѣлъ рѣшеніемъ 4 сентября 1892 года утверждено рѣшеніе Ревельскаго Окружнаго Суда отъ 3 февраля 1892 года по дѣлу барона Икскуля съ Гансомъ Антономъ относительно толкованія пункта 3 ст. 110 Пол. о крестьянахъ Эстляндской губерніи о томъ, что арендный договоръ можетъ быть уничтоженъ и во время продолженія срока онаго въ случаѣ продажи аренднаго участка. Какъ Окружный Судъ, такъ и Палата нашли, что въ этомъ случаѣ арендный контрактъ можетъ быть прекращенъ не ранѣе того, какъ сдѣлка о куплѣ-продажѣ аренднаго участка не только будетъ окончательно заключена между

продавцомъ и покупателемъ, но и корроборирована, ибо только судебное утвержденіе (корроборацiи) дѣлаетъ такую сдѣлку обязательною для третьихъ лицъ. Этотъ же вопросъ о толкованіи п. 3 ст. 110 Пол. 1856 года доходилъ и до Правительствующаго Сената по дѣлу Рененкампфа и другихъ объ отмѣнѣ рѣшенія Везенбержско-Вейсенштейскаго Мироваго Съѣзда (рѣшеніе 29 января 1892 года, ст. 7), но Сенатъ, по формальнымъ причинамъ, оставилъ безъ обсужденія указанія жалобщика на неправильность соображенія Съѣзда о значеніи запродажной записи съ точки зрѣнія дѣйствующихъ въ Прибалтикѣ узаконеній.

Эти рѣшенія Окружнаго Суда и Палаты тѣмъ больше имѣютъ практическое значеніе, что до сихъ поръ помѣщики выселяли арендаторовъ, не купившихъ своихъ арендныхъ участковъ, по однимъ запродажнымъ записямъ до совершенія и утвержденія купчихъ контрактовъ, въ тотъ еще періодъ времени, когда между контрагентами могутъ быть споры и пререканія и когда предположенная купля-продажа можетъ еще не состояться и во всякомъ случаѣ не имѣетъ еще значенія для третьихъ лицъ.

2. Симпатично также рѣшеніе Газенпотско-Гробинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей отъ 22 апрѣля 1892 года по дѣлу Торнова и Ружевича о выселеніи изъ усадьбы Путне. [1] Въ этомъ рѣшеніи Съѣздъ нашелъ, что Мировой Судья не имѣлъ основанія удалять Ружевича изъ усадьбы лишь вслѣдствіе непредставленія имъ доказательствъ и представленія истцомъ купчей о пріобрѣтеніи усадьбы, такъ какъ аренда усадебъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ состоитъ на особомъ правѣ; въ частности въ Курляндской губерніи это право опредѣляется законами 6 сентября 1863 года и 18 февраля 1866 года (П. С. З. №№ 40.034 а, и 43.029), изъ коихъ видно, что крестьяне-арендаторы не состоятъ въ отношеніи арендной земли въ такомъ положеніи отсутствія всякой юридической связи съ землей, въ каковомъ находятся наниматели вообще. А потому, если въ отношеніи обыкновенныхъ квартирныхъ дѣлъ и допускается судебною практикой такое правило, вслѣдствіе коего на обязанности истца-домовладѣльца лежитъ тяжесть одного лишь доказательства своихъ владѣльческихъ правъ, и искъ считается доказаннымъ, доколѣ отвѣтчикъ не докажетъ своихъ правъ въ видѣ уплаты наемныхъ денегъ или про-

[1] *Учрежденіе о курляндскихъ крестьянахъ 1817 г.*, неоф. изд. А. А. Башмакова, Либава 1892 г., стр. 587—589.

долженія наемнаго договора, то такое распредѣленіе доказательствъ въ дѣлахъ аренднаго содержанія въ Прибалтійскомъ краѣ не можетъ имѣть мѣста, и въ нихъ не можетъ быть доказана необходимость удаленія крестьянина-арендатора изъ усадьбы до тѣхъ поръ, пока истецъ уклоняется отъ представленія въ судъ аренднаго контракта, по смыслу и содержанію коего только и можетъ быть постановлено рѣшеніе объ удаленіи арендатора изъ усадьбы примѣнительно къ пп. 1 и 4 ст. 29 Уст. Гр. Суд. (измѣн. статьей 69 Положенія 9 іюля 1889 года). Затѣмъ, по представленіи арендаторомъ контракта, судъ нашелъ, что отвѣтчикъ утратилъ уже подъ собой основаніе аренднаго договора, на которомъ онъ стоялъ до 23 апрѣля 1886 года, а потому, за истеченіемъ срока сего договора, собственникъ земли могъ бы требовать его удаленія изъ усадьбы, еслибы съ своей стороны имъ были точно исполнены тѣ дѣйствія, по совершеніи коихъ можетъ послѣдовать принудительное удаленіе арендатора по Правиламъ 6 сентября 1863 года, и что удаленіе арендатора изъ усадьбы раньше полученія имъ полнаго за усадьбу вознагражденія или внесенія соотвѣтствующей суммы въ депозитъ суда на общемъ основаніи (ст. 3.522 ч. III Св. гражд. Узак.) было бы прямымъ нарушеніемъ примѣчанія къ § 3 закона 6 сентября 1863 года.

Взглядъ Съѣзда на необходимость вознаградить арендатора прежде, чѣмъ его выселить, примѣнимъ и въ прочихъ двухъ губерніяхъ Прибалтійскаго края, въ которыхъ законодательство о вознагражденіи удаляемыхъ арендаторовъ схоже въ основаніяхъ своихъ съ Курляндскимъ. Справедливо въ этомъ случаѣ замѣчаетъ предсѣдатель Газенпотско-Гробинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей А. А. Башмаковъ, только-что издавшій неоффиціально свое прекрасное и полное изданіе: *Учрежденіе о крестьянахъ Курляндской губерніи 1817 года*, Либава, 1892 г. (стр. 588), что „не подлежитъ сомнѣнію, что закономъ 6 сентября 1863 года о крестьянской арендѣ въ Курляндской губерніи признаны за арендаторами крестьянскихъ усадебъ такія права, которыя уже довольно рѣзко отличаютъ крестьянскую аренду отъ общей, предусмотрѣнной въ 3 ч. Свода гражд. Узак., и надѣляютъ разрядъ хозяевъ въ крестьянскомъ сословіи Курляндской губерніи частью тѣхъ гарантій, которыя признаны за арендаторами сосѣдней губерніи по Лифляндскому Положенію 1860 года. Сила аграрнаго закона 6 сентября 1863 года не можетъ не отозваться и на самомъ

ходѣ гражданскаго процесса инымъ образомъ, нежели обыкновенная аренда.

„Съ этой точки зрѣнія необходимо признать, что аграрные законы Прибалтійскаго края ставятъ арендаторовъ крестьянскихъ участковъ въ особое положеніе, что и должно быть принято въ разсчетъ, въ частности, по дѣламъ, касающимся выселенія крестьянъ-арендаторовъ съ занимаемыхъ ими участковъ крестьянской арендной земли, за истеченіемъ срока аренды; ибо съ прекращеніемъ срока арендныго контракта на крестьянскія усадьбы, взаимныя юридическія отношенія владѣльцевъ и крестьянъ не могутъ почитаться вполнѣ прекращенными: крестьянинъ арендаторъ сохраняетъ право преимущественной аренды и покупки участка, право на вознагражденіе за произведенныя имъ затраты и улучшенія и т. п., и всѣ эти права имѣютъ характеръ не обязательный, личный, но вещный, связанный съ землею“.

Констатируя это, а также и то, что аграрное законодательство Прибалтійскихъ губерній, не будучи приведено въ единство, представляетъ одну изъ наиболѣе спорныхъ отраслей мѣстнаго законодательства, вслѣдствіе чего рѣшенія низшихъ инстанцій нерѣдко отмѣняются высшими, г. Башмаковъ совершенно основательно замѣчаетъ, что „въ виду подобныхъ явленій, указывающихъ на возможность разномыслія во взглядахъ суда при опредѣленіи правъ истца-собственника требовать выселенія арендатора, суды должны вообще въ интересахъ же правосудія допускать дозволенное закономъ *предварительное исполненіе рѣшеній* по дѣламъ сего рода съ крайней осторожностію, дабы не причинить отвѣтчику напраснаго, а иногда непоправимаго матеріальнаго ущерба“.

Добавимъ отъ себя, что такое состояніе аграрнаго законодательства Прибалтійскаго края должно бы побуждать суды *вообще* относиться къ своимъ рѣшеніямъ по крестьянскому дѣлу съ полнымъ вниманіемъ и осмотрительностію и постановлять свои рѣшенія, изучивъ подробно и всесторонне это дѣло и серьезно обосновавъ всѣ свои положенія, выводы, заключенія.

3) Иначе какъ съ благодарностію нельзя отнестись къ печатанію въ неоффиціальной части *Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* многихъ рѣшеній Виндавско-Гольдингенскаго Съѣзда Мировыхъ Судей, состоящаго подъ предсѣдательствомъ И. В. Францессона, каковыхъ рѣшеній, касающихся дѣятельности Волостныхъ и Верховныхъ Крестьянскихъ Судовъ и вообще кресть-

янскаго дѣла въ Курляндіи напечатано къ 1893 г. болѣе 50.— Печатаніе такихъ рѣшеній очевидно приноситъ пользу, давая возможность вообще мировому суду въ Прибалтикѣ достичь возможнаго однообразія въ примѣненіи узаконеній. Остановимся на двухъ рѣшеніяхъ Съѣзда (ст. 24 и 28), представляющихъ интересъ въ бытовомъ отношеніи [1].

а) Въ первомъ изъ нихъ отъ 22 мая 1891 года Виндавско-Гольдингенскій Съѣздъ Мировыхъ Судей по дѣлу Грозъ-Ивандenскаго *Мызнаго Правленія* съ крестьяниномъ Яковомъ Веромъ о 17 руб. и 10 к. убытковъ нашелъ, что искъ къ Якову Веру предъявленъ отъ неизвѣстнаго лица, такъ какъ *Мызное Правленіе* частнаго имѣнія, вступившее въ данномъ случаѣ въ роли истца, не выражаетъ понятія о какомъ-либо физическомъ или юридическомъ лицѣ, слѣдовательно такой искъ, въ коемъ какъ самъ истецъ, такъ равно уполномоченный или представитель его не названы опредѣленно, а лишь подразумѣвались, не подлежалъ вовсе принятію (20 ст. Прав. о пр. гр. д. В. С. У.).—Это рѣшеніе имѣетъ значеніе для всего Прибалтійскаго края, гдѣ помѣщики усвоили себѣ обыкновеніе обращаться къ властямъ не отъ своего имени и не чрезъ довѣренныхъ лицъ, снабженныхъ законными уполномочіями, а отъ имени какихъ-то произвольно изобрѣтенныхъ ими *Мызныхъ Управленій* за подписью первыхъ попавшихся лицъ, завѣдующихъ de facto хозяйствомъ въ имѣніяхъ. Этотъ обычай такъ укоренился, что прежніе суды сплошь и рядомъ принимали иски и учиняли по нимъ судъ и расправу, несмотря на то, что они были предъявлены отъ имени фиктивныхъ и никѣмъ непризнанныхъ *Мызныхъ Управленій*. Еще ранѣе Виндавско-Гольдингенскаго Съѣзда Эстляндское губернское начальство сдѣлало подобное распоряженіе, чтобы въ Эстляндской губерніи не чинилось производства по бумагамъ отъ имени и на бланкахъ *Мызныхъ Полицій* вмѣсто начатія дѣлъ въ качествѣ частныхъ лицъ (цирк. 13 мая 1889 г. № 568).

б) Второе рѣшеніе Съѣзда отъ 24 іюля 1891 года затрогиваетъ вопросъ о примѣненіи ст. 156 Учр. о Курлянд. крестьян. 1817 года, касающейся понужденія работниковъ къ выполненію договора личнаго найма. Съѣздъ призналъ, что въ настоящее время Волостные Суды, примѣняя по гражданскимъ дѣламъ ст. 156

[1] См. «Учрежденіе о Курляндскихъ крестьянахъ 1817 г.» А. А. Башмакова, Либава 1892 г. стр. 590 и 601.

Учр. о Курл. крест., не вправѣ: во 1-хъ, принимать какія бы то ни было понудительныя мѣры къ тому, чтобы заставить работника вступить въ услуженіе по договору, такъ какъ, съ одной стороны, въ чемъ должны заключаться такого рода мѣры понужденія—въ законѣ не указано, съ другой же стороны, понужденіе рабочаго къ вступленію въ услуженіе предоставлено *начальству*, а подъ словомъ *начальство* законъ разумѣетъ не судебную, но административную власть; во 2-хъ, подвергать какому бы то ни было наказанію рабочихъ за то, что они, вопреки заключеннымъ договорамъ личнаго найма, не являются въ услуженіе, ибо такого рода дѣянія не указаны въ Положеніи о Лифляндскихъ крестьянахъ въ числѣ наказуемыхъ дѣяній и въ 3-хъ, что Волостные Суды вправѣ опредѣлять своими рѣшеніями только гражданскія послѣдствія нарушеній договоровъ личнаго найма и разрѣшать споры о правахъ и обязанностяхъ, вытекающихъ изъ таковыхъ договоровъ. Такое рѣшеніе Съѣзда согласно съ духомъ Прибалтійскаго законодательства о работникахъ, что можно заключить хотя бы изъ статьи 446 Эстл. Кр. Пол. 1856 года, аналогичной со статьею 156 Курл. Учр. 1817 г. въ которой прямо сказано, что если работникъ понуждается къ исполненію обязанности поступленія въ услуженіе, то принуждается *полицейскими* мѣрами. Равнымъ образомъ это рѣшеніе совпадаетъ и съ указомъ Сената по Эстляндской губерніи отъ 9 января 1886 года № 28 по дѣлу Ганса Серги, коимъ признано, что Серга не подлежитъ вовсе уголовной отвѣтственности за отказъ исполнить договоръ найма, хотя онъ къ такому исполненію обязанъ былъ даже судебнымъ рѣшеніемъ, поставленнымъ въ гражданскомъ порядкѣ [1].

Прежніе нѣмецкіе суды всякими путями старались принуждать крестьянъ работать на помѣщиковъ и, напр., въ дѣлѣ Серги упраздненный Оберъ-Ландгерихтъ присудилъ Сергу по ст. 29 Уст. о нак. нал. мир. суд. къ штрафу въ 15 руб. или къ аресту на три дня, какую мѣру, вмѣсто указанной въ законѣ *полицейской* мѣры, Сенатъ призналъ неправильною и отмѣнилъ со всѣми послѣдствіями, оставивъ Сергу отъ суда свободнымъ.

Что̀ же сказать въ заключеніе нашего повѣствованія?

Прежде всего утѣшительно, что еще недостаточно данныхъ,

---

[1] См. „Положеніе о крестьянахъ Эстляндской губ. 5 іюля 1856 года, изд. неоф. А. П. Василевскаго, Ревель, 1891 г.», стр. 204 и 205.

чтобы придти къ какимъ-либо окончательнымъ выводамъ отрицательнаго свойства. Если въ дѣятельности суда и проявляются далеко не симпатической стороны стремленія хотя бы напр. проявить во что бы то ни стало свою самостоятельность и свободу отъ всякаго сторонняго вліянія и воздѣйствія; считать себя стоящими выше прочихъ правительственныхъ органовъ, призванными сказать послѣднее свое властное слово во всѣхъ важнѣйшихъ спорныхъ вопросахъ—то это, можетъ-быть, объясняется и новизною дѣла и недостаточнымъ знакомствомъ съ мѣстными законами и порядками и неуясненіемъ себѣ истинныхъ задачъ Россіи на ея окраинахъ и, наконецъ, тѣми взглядами на вещи, тенденціями и направленіемъ, при господствѣ которыхъ воспитались и образовались новые судебные дѣятели, нахлынувшіе со всѣхъ сторонъ Имперіи въ Прибалтійскій край.

Затѣмъ простому разсудку людей, не предубѣжденныхъ, не профессіональныхъ юристовъ, не усвоившихъ себѣ всю бездну юридической премудрости до степени открытаго провозглашенія pereat mundus—fiat justitia, не стремящихся къ абсолютной, внѣ времени и мѣста, справедливости вслѣдствіе чего такое мнимое правосудіе обращается въ неправосудіе (summum jus summa injuria)—многія указанныя явленія непонятны, и въ ихъ умѣ рождается множество вопросовъ, на которые они тщетно ищутъ отвѣта.

1) Какимъ образомъ, спрашиваютъ они себя, можетъ проявляться такое легкое, поверхностное отношеніе къ крестьянскому дѣлу, имѣющему первостепенное государственное значеніе особенно на Прибалтійской окраинѣ, въ которомъ узкій, односторонній взглядъ одной какой-либо профессіи, хотя бы и судебной, всего менѣе умѣстенъ и которое должно быть разсматриваемо съ широкой, всесторонней государственной точки зрѣнія?

2) Какимъ образомъ законы, изданные Верховною Властью съ спеціальною государственною цѣлью огражденія крестьянъ, никѣмъ не отмѣненные, примѣнявшіеся, развивавшіеся и разъяснявшіеся въ теченіе 50—75 лѣтъ, вдругъ разомъ со введеніемъ судебной реформы теряютъ практическое значеніе, обращаются въ мертвую букву, въ никому негодный балластъ.

3) Какимъ образомъ однѣ правительственныя власти говорятъ одно, а другія—судъ—діаметрально противоположное. Однѣ изъ нихъ всякими мѣрами стремятся къ примѣненію данныхъ законовъ на дѣлѣ и въ полной мѣрѣ, другія же—суды—своими рѣшеніями

совершенно разстраиваютъ стараніе первыхъ и дѣлаютъ излишнимъ примѣненіе тѣхъ же самыхъ законовъ? Почему при несомнѣнной даже спорности нѣкоторыхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу въ Прибалтикѣ не всѣ правительственные органы идутъ по тому направленію, которому слѣдуютъ представители власти и которое указано законодательствомъ; почему нѣкоторые изъ нихъ не ограждаютъ интересовъ крестьянъ и играютъ, можетъ-быть даже помимо своей воли, на руку Балтамъ помѣщикамъ, и это нерѣдко лишь въ погонѣ за одною буквою закона или въ угоду устарѣвшимъ взглядамъ, принципамъ, quasi непреложнымъ истинамъ, выработаннымъ гдѣ-то, не у насъ, много вѣковъ назадъ и имѣющимъ часто одно значеніе памятниковъ сѣдой старины?

4) Почему различные судебные органы одного даже вѣдомства и губерніи допускаютъ разногласія и каждый въ предѣлахъ своей власти не принимаютъ мѣръ къ его устраненію?

5) Непонятно какимъ образомъ могло вкрасться столь извѣстное и къ сожалѣнію печальное разногласіе въ рѣшеніяхъ Кассаціоннаго Департамента Сената по Прибалтійскому краю, гдѣ судебная реформа введена всего 3 года, въ продолженіе какого времени Сенатъ не могъ быть еще заваленъ кассаціонными жалобами до степени невозможности разобраться къ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ и не противорѣчить самому себѣ? Какъ, спрашивается, указъ отъ 24 мая 1891 года № 4011 могъ не вполнѣ быть согласенъ съ указомъ отъ 7 января 1892 года № 54, когда между двумя указами прошло всего 7 мѣсяцевъ, когда оба указа послѣдовали по одному и тому же III Отдѣленію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, между одними и тѣми же тяжущимися, Беромъ и Вальтеромъ, и когда, какъ изъ пункта 2-го указа Сената 1892 года № 54 видно, что вопросъ шелъ и о томъ, составляетъ ли послѣдующее дѣло одно дѣло съ прежнимъ или нѣтъ, а слѣдовательно прежнее дѣло могло быть выведено на справку и быть принято въ соображеніе при рѣшеніи послѣдующаго? Неужели нельзя было бы или членамъ присутствія, или прокурорскому надзору или канцеляріи Департамента устранить несогласіе между двумя указами, и почему въ этомъ серьезномъ и, какъ оказывается, спорномъ вопросѣ о значеніи формы при сдѣлкахъ объ арендѣ крестьянской земли не воспользоваться статьями 802³ и 803³ Уст. Гражд. Суд. изд. 1883 г., дозволяющимъ передавать дѣла изъ Отдѣленій Кассаціоннаго Департамента въ Присутствіе онаго, гдѣ разсматриваются дѣла, по которымъ оказывается не-

обходимость въ разъясненіи смысла закона для руководства къ однообразному ихъ истолкованію и примѣненію? Неужели такая очевидная необходимость не представилась никому изъ участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣлъ Бера и Вальтера.?

6) Дѣйствительно ли нормально сдѣлалось положеніе Газенпотско-Гробинскаго Съѣзда Мировыхъ Судей, куда для вторичнаго рѣшенія переданы были изъ Виндавско-Гольдингенскаго Съѣзда Мировыхъ Судей оба означенныя, совершенно однородныя, дѣла Бера и Вальтера вслѣдствіе отмѣны первоначальныхъ рѣшеній этого втораго Съѣзда? Первый Съѣздъ, по указаніямъ Сената, поставленъ былъ въ необходимость, отказавъ по первому дѣлу истцу въ судебной защитѣ, такъ какъ его требованія основаны были на неформальномъ арендномъ крестьянскомъ контрактѣ, удовлетворить его претензію по второму дѣлу, несмотря на ту же неформальность арендная контракта. Какому изъ двухъ указовъ впредь придерживаться Газенпотско - Гробинскому и Виндавско-Гольдингенскому Съѣздамъ, до коихъ оба указа относятся? Или ихъ вовсе игнорировать какъ несогласные между собою, особенно въ томъ случаѣ, если они не будутъ распубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

7) Какой, спрашивается, авторитетъ при подобныхъ условіяхъ могутъ имѣть для низшихъ судовъ рѣшенія высшихъ, и не будутъ ли первые относиться слегка недовѣрчиво къ указаніямъ послѣднихъ?

8) Отчего кассаціонныя рѣшенія, несмотря на ихъ сбивчивость и всѣмъ извѣстныя противорѣчія, должны служить руководствомъ къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ, хотя бы даже въ этихъ рѣшеніяхъ и не приведено было законовъ, на коихъ основаны афоризмы, выраженные въ этихъ рѣшеніяхъ?

9) Почему эти кассаціонныя рѣшенія должны служить руководствомъ, а таковымъ руководствомъ, будто бы, не могутъ быть, и во всякомъ не являются для судовъ распоряженія и разъясненія прочихъ не судебныхъ правительственныхъ органовъ, изданныя правильно, законно въ предѣлахъ предоставленной имъ власти?

10) Какимъ образомъ суды не даютъ себѣ труда не только опровергнуть правильность законныхъ распоряженій этихъ не судебныхъ властей, но даже упомянуть о нихъ, всецѣло игнорируя ихъ?

11) Возможно ли признать правильность той теоріи, которая

на дѣлѣ едва ли не получила права гражданства въ области суда, что изъ одного и того же коллегіальнаго учрежденія могутъ по дѣламъ аналогичнымъ, одного и того же рода и характера, исходить разнорѣчивыя рѣшенія и это не по случайному недосмотру, не по слабости человѣческой, а сознательно, ради осуществленія того принципа, что всякій составъ присутствія совершенно самостоятеленъ и независимъ и, напримѣръ, составъ присутствія изъ Д. Е. Ж. въ своихъ направленіи и выводахъ не обязанъ считаться со взглядомъ, высказаннымъ уже присутствіемъ изъ А. Б. В., и каждый составъ присутствія вправѣ изрекать свои велѣнія въ любомъ смыслѣ, не стѣсняясь прежними рѣшеніями. Отчего бы, казалось, въ подобныхъ случаяхъ разномыслія, зависящаго отъ различія въ составѣ присутствія, не переносить дѣла на разсмотрѣніе высшей инстанціи, въ интересахъ и закона и правосудія, не дожидаясь подачи заинтересованными сторонами всякихъ кассаціонныхъ, апелляціонныхъ, частныхъ и иныхъ жалобъ?

12) Чтò, спрашивается, можетъ побуждать вѣрить заявленію, а тѣмъ болѣе голословному, суда, когда такое заявленіе очевидно не вяжется съ имѣющимся въ наличности закономъ? Такого рода заявленія суда въ глазахъ слабыхъ смертныхъ производятъ то же впечатлѣніе, какъ когда математикъ чертитъ предъ человѣкомъ, руководствующимся простымъ здравымъ смысломъ, извѣстную шуточную акціому, приводящую къ тому выводу, что 2×2=5. Простой человѣкъ, твердо знающій, что 2×2=4, чуетъ очевидную фальшь мнимой акціомы, не будучи однако въ состояніи доказать, гдѣ и въ чемъ кроется ошибка въ выкладкахъ математика, приведшая къ безсмысленному заключенію, что 2×2=5.

А. П. Василевскій.

28 января 1893 г.
Москва.

ВЕСНА.

Изъ дальняго, невѣдомаго края
Къ намъ въ царство зимняго томительнаго сна
Прекрасная и вѣчно-молодая
Летитъ волшебница Весна.
Съ улыбкою плѣнительной и ясной,
Съ вѣнкомъ на головѣ, вся въ блескѣ и цвѣтахъ
Она летитъ... Веселья слѣдъ прекрасный
И думы творческой сквозитъ въ ея чертахъ...

Все ожило подъ взоромъ чаровницы:
Ручьи проворные лепечутъ и бѣгутъ,
И по небу лазурному плывутъ
Прозрачныхъ облаковъ златыя вереницы...
Проснулись рѣки, сбросили оковы,
И рядится земля и въ травы, и въ цвѣты,
И распускаются зеленые листы,
И свѣжимъ духомъ ихъ наполнились дубровы.
Полночныхъ соловьевъ торжественные хоры
Гремятъ привѣтъ прибытію Весны...
И дѣвъ становятся мечтательнѣе взоры,
И юношей сердца тревогою полны...

Анатолій Александровъ.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МИШЕЛЯ ТЕЙСЬЕ.

Соч. **Эдуарда Рода.**

(Переводъ съ французскаго **Е. Поливановой.**)

III.

Второй день, проведенный Монде въ Парижѣ, былъ всесь посвященъ имъ Тейсье, который уже болѣе съ нимъ не разставался. Только послѣ полудня они разлучились на самый короткій промежутокъ времени.

— У меня назначено съ *нею* свиданіе въ улицѣ Пирамидъ, объяснилъ Мишель.—Краткое рукопожатіе, два, три слова на тротуарѣ, и этого уже много... А затѣмъ я опять къ тебѣ!..

Найдя себѣ повѣреннаго, Тейсье уже не выпускалъ его изъ рукъ: не было уже болѣе и рѣчи о коммиссіи, о работахъ, о дѣлахъ.

— Цѣлый день полныхъ каникулъ! говорилъ онъ почти радостно и затѣмъ съ откровенностью прибавлялъ: а я-то каковъ? мнѣ былъ даже почти непріятенъ твой внезапный пріѣздъ!.. Но что̀ дѣлать! Мнѣ представляется, что у меня уже болѣе нѣтъ друзей: я боюсь каждаго взгляда, всѣ люди только мѣшаютъ мнѣ... Но ты, ты вѣдь для меня болѣе чѣмъ родной братъ!..

И вся ихъ старинная дружба пробуждалась въ безконечныхъ разговорахъ, которые возвращались все къ одному и тому же предмету. Монде вполнѣ сознавалъ, что со стороны Мишеля это

не болѣе какъ эгоизмъ влюбленнаго и что онъ хватается за него только за тѣмъ, чтобы говорить о Бланшъ. Но истинная дружба не самолюбива, и довольный тѣмъ, что онъ оказываетъ услугу безо всякой задней мысли, выслушивалъ потокъ долгосдерживаемыхъ изліяній Мишеля. Говоря по правдѣ, онъ мало имъ удивлялся. Ему казалось, что онъ знаетъ Мишеля со всѣхъ сторонъ, знаетъ всѣ изгибы, всѣ неожиданности его одновременно и подвижной и мощной природы, въ которой, однако, таятся зачатки какой-то женской причудливости. Слушая, наблюдая его, отвѣчая ему, онъ снова видѣлъ его во всѣхъ фазисахъ его жизни: онъ видѣлъ его нѣсколько дикимъ ребенкомъ, который съ неожиданной шумливостью присоединялся къ играмъ своихъ товарищей, которыхъ обыкновенно онъ скорѣе избѣгалъ; затѣмъ онъ видѣлъ его студентомъ, трудолюбивымъ, самолюбивымъ, блѣднымъ, исхудалымъ отъ безсонныхъ ночей вслѣдствіе усиленныхъ занятій, съ презрѣньемъ относящимся къ развлеченіямъ прочей молодежи; затѣмъ далѣе, онъ видѣлъ его начинающимъ журналистомъ, преодолѣвающимъ силою воли вседневный трудъ, быстро достигающимъ успѣха, не принося въ жертву своихъ убѣжденій, и порою, въ настоящую для того минуту, проявляя собою изъ-за человѣка пера человѣка дѣла, становясь вождемъ партіи, чѣмъ-то въ родѣ какого-то побѣдителя. Въ то же время вызывая въ своей душѣ другія воспоминанія, Монде видѣлъ передъ собою въ различные періоды времени внутреннюю сущность этого общественнаго дѣятеля: видѣлъ передъ собою человѣка съ твердыми и нѣжными чувствами, мало-сообщительнаго, но съ тонкою и чуткою душей, который дѣлался откровененъ лишь послѣ многихъ колебаній и затѣмъ быстро снова весь уходилъ въ себя, характеръ котораго состоялъ изъ множества различныхъ оттѣнковъ. Какимъ же образомъ подобнаго рода человѣкъ могъ еще быть способнымъ и на страстныя увлеченія?

— Никогда бы я этого о тебѣ не подумалъ! то и дѣло повторялъ Монде съ удивленіемъ, въ которомъ чуть-чуть проглядывало какъ бы и восхищеніе... Изрѣдка пошалить, это бы ничего: это до нѣкоторой степени даже входитъ въ складъ жизни человѣка въ твоемъ положеніи; это не повредило бы ни твоей карьерѣ, ни твоей семейной жизни, тебя бы поняли... Но страсть, истинная страсть, романтическая, безумная, которая уже не разсуждаетъ?.. Потому что,—долженъ сознаться,—съ самаго вчерашняго вечера ты мнѣ несешь удивительную чепуху!..

И онъ принимался говорить разумныя рѣчи, обсуждать со всѣхъ сторонъ вопросъ о томъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать, упрямо искалъ рѣшенія вопроса.

— Напрасно ты стараешься подыскать какое-нибудь рѣшеніе этому вопросу, рѣшенія нѣтъ! говорилъ ему Тейсье со свойственною ему спокойною ясностью пониманія.

— Какъ знать? отвѣчалъ Монде.—Ты не въ состояніи найти рѣшенія, потому что это касается лично тебя... Я же здѣсь лицо незаинтересованное, можетъ быть мнѣ и удастся...

Затѣмъ онъ продолжалъ уже болѣе робко:

— Во всякомъ случаѣ существуетъ тотъ выходъ, о которомъ я уже говорилъ тебѣ... Да, именно, необходимо призвать на помощь здравый смыслъ, энергію, возвратить себѣ самообладаніе, пока на то еще есть время; принесите, наконецъ, жертву, которая если и не дастъ вамъ счастія, то по крайней мѣрѣ доставитъ вамъ сознаніе того, что вы поступили благородно...

Тейсье пожималъ плечами.

— Все это только безполезныя слова, говорилъ онъ.

Тогда Монде принимался придумывать какой-нибудь другой выходъ и ничего не могъ придумать вплоть до тѣхъ поръ, какъ наступило время его отъѣзда.

— Берегись! повторялъ онъ еще и на дебаркадерѣ желѣзной дороги, куда провожалъ его Мишель.—Умоляю тебя, будь остороженъ, осмотрителенъ... Ты подумай только о томъ, что̀ будетъ, если узнаетъ твоя жена!..

— Да какъ же она узнаетъ?..

— Почемъ знать?.. Случайность какая-нибудь, внутреннее чутье... Вѣдь она такъ любитъ тебя!.. Ахъ, несчастный, несчастный! зачѣмъ ты стремишься портить свою жизнь!.. Впрочемъ, я буду знать обо всемъ, что̀ съ тобою, ты будешь писать мнѣ, надѣюсь?..

— Непремѣнно... Еслибы ты зналъ, какую ты мнѣ доставилъ отраду, какъ это облегчаетъ, когда можешь высказать то, что̀ лежитъ у тебя на сердцѣ!..

Они пожали другъ другу руку, и скорый поѣздъ умчалъ встревоженнаго Монде, между тѣмъ какъ Тейсье медленно, пѣшкомъ, направился къ себѣ домой.

Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю Монде уже получилъ обѣщанное письмо:

„Пишу тебѣ, мой добрый другъ, ради удовольствія поговорить

откровенно, облегчить душу, посѣтовать на свою долю. Кромѣ этого мнѣ не о чемъ писать тебѣ, совершенно не о чемъ. Дни идутъ одни за другими, не принося никакой перемѣны въ нашемъ положеніи, которое, впрочемъ, можетъ измѣниться развѣ только къ худшему. Состояніе моего духа все то же, то-есть нерѣшительное и мучительное. Порою мнѣ почти кажется, что я счастливъ и что, не взирая ни на что̀, вся эта безумная любовь полна радостей: наши восхитительныя встрѣчи, отчасти разсчитанныя, наши краткія, изрѣдка назначаемыя свиданія, наши письма! Все это ребячества, скажешь ты. Да, ребячества: но я уже говорилъ тебѣ, мое сердце юно, его желанія не соотвѣтствуютъ его годамъ. Затѣмъ, въ тѣ дни, когда мнѣ не удалось повидаться съ нею, когда мы были стѣснены или разлучены надоѣдливыми людьми, все внезапно измѣняется: я дрожу отъ лихорадочнаго волненія, весь полонъ тревоги, чувствую себя подъ вліяніемъ ужасной несказанной муки, отъ которой я страдаю еще болѣе вслѣдствіе того, что я долженъ скрывать ее. Въ такія минуты я все особенно ясно сознаю, особенно ясно все вижу вокругъ себя, подобно заблудившемуся путнику, предъ которымъ все вдругъ освѣтится внезапнымъ блескомъ молніи. Внутренній голосъ говоритъ и твердитъ мнѣ, что мы еще въ самомъ началѣ нашего тернистаго пути, что это не можетъ такъ продолжаться, что потребности нашей любви будутъ все болѣе возрастать вслѣдствіе силы этой любви, что наступитъ минута, когда мы потеряемъ власть надъ собою. И тогда, замирая отъ желанія и безумно призывая эту минуту, когда все будетъ забыто, я въ то же время ясно представляю себѣ то горе, то отчаяніе, ту гибель, которая вслѣдъ затѣмъ послѣдуетъ. О, зачѣмъ я такъ ясно сознаю все, зачѣмъ я не могу не видѣть и не разбирать того, что̀ говоритъ будущее!.. Еслибы, наоборотъ, мнѣ только бы обладать тою безпечностью, тою способностью забываться, тою безсознательностью своихъ поступковъ, которые свойственны другимъ мужчинамъ!.. Тогда бы, не заглядывая впередъ, я отдался бы на волю теченія и по крайней мѣрѣ заранѣе не страдалъ бы о будущихъ несчастіяхъ. Но нѣтъ, уносимый потокомъ, я вижу куда онъ влечетъ меня. Я нахожусь въ двухъ шагахъ отъ водопада, на краю острова, который весь сотрясается. Потокъ сейчасъ унесетъ его. Я это знаю и не властенъ ничего сдѣлать, и не желаю быть въ силахъ что-либо сдѣлать, и въ этомъ-то и заключается для меня истинная агонія!.. И со всѣмъ этимъ надобно двигаться, дѣй-

ствовать, жить, разыгрывать комедію, лгать, безпрестанно лгать и словомъ, и взглядомъ, и устами и глазами, тѣмъ, кто со мной соприкасается, тѣмъ, кого я люблю! Я презираю себя за свою слабость, ненавижу себя за свое двуличіе, считаю себя низкимъ, виновнымъ, слабодушнымъ, словомъ, съ каждымъ днемъ чувствую себя все болѣе несчастнымъ, мой другъ, и все это говорю тебѣ, чтобы все это сказать тебѣ и чтобы ты пожалѣлъ меня. Пиши мнѣ, говори мнѣ о себѣ, это меня развлечетъ. Или нѣтъ, то, что я тебѣ сейчасъ говорю, еще новая ложь: ты отлично знаешь, что ничто и никто не въ состояніи отвлечь меня отъ единственнаго интересующаго меня предмета. Слѣдовательно, говори мнѣ о *насъ*, прошу тебя. Но не указывай мнѣ на средства исцѣленія, это не стоитъ, такихъ средствъ не существуетъ. А еслибъ я и узналъ хорошее средство, то я отшатнулся бы отъ него."

Тейсье далеко не былъ такъ проницателенъ въ своемъ безуміи, какъ онъ это воображалъ себѣ. Если онъ свободно читалъ въ себѣ самомъ и въ будущемъ, то онъ ничего не видѣлъ изъ того, что происходитъ вокругъ него. А Сюзанна между тѣмъ никла и увядала, снѣдаемая тою грустью, которая всѣ предметы затягиваетъ какъ бы чернымъ покрываломъ. Движенія у нея были медленны и томны, въ глазахъ читалось страданіе; она какъ будто распространяла вокругъ себя какую-то меланхолическую тѣнь. Она появляла полное равнодушіе ко всему, къ дому, сбрасывая съ себя всѣ домашнія заботы, къ свѣту, пренебрегая всѣми своими свѣтскими обязанностями, къ занятіямъ своего мужа и даже къ своимъ дѣтямъ. Да, смѣхъ Лорансы уже болѣе не веселилъ ее, и она оставляла Анни погружаться въ свойственную ей безмолвную задумчивость. Время отъ времени дѣвочки спрашивали ее:

— Мама, ты нездорова?

Тогда она прижимала ихъ къ себѣ съ внезапнымъ порывомъ нѣжности, вызывавшимъ у нея на глаза слезы. Однажды съ тревогой чуткаго ребенка, который угадываетъ то, что онъ не въ силахъ понять, Анни сказала ей:

— Мама, я не хочу, чтобы ты умирала!

А Сюзанна, цѣлуя ея голову, шептала:

— А я, я такъ желала бы умереть!

Близкіе знакомые, часто посѣщавшіе Тейсье, не догадывались о драмѣ, тѣмъ не менѣе видѣли то, чего не видѣлъ Мишель. Порою они бесѣдовали объ этомъ между собою съ чувствомъ какого-то смутнаго безпокойства. Долгое время согласія, весе-

лость, счастье супруговъ Тейсье были для нихъ предметомъ удивленія, почти восхищенія, и, не отдавая себѣ въ томъ полнаго отчета, они сами наслаждались хорошимъ настроеніемъ, миромъ и тишиной, сердечностью, которыми дышалось въ уютномъ отелѣ въ улицѣ Сенъ-Жоржъ. Все это теперь исчезало, какая-то глухая тяжесть чувствовалась даже въ маленькой гостиной. Однажды де Торнъ и Пейро спросили Мишеля:

— Что̀ такое съ г-жею Тейсье? Она кажется больною.

Мишель съ изумленіемъ отвѣчалъ имъ:

— Ничего. Съ нею ровно ничего нѣтъ. Она вовсе не больна!

Что̀ же происходило въ этой раненой до самой глубины душѣ?

Въ тотъ день, когда передъ Сюзанной внезапно обнаружилась истина, она почувствовала какъ тяжкій ударъ какъ бы надвое разбилъ ее. Она упала съ высоты такихъ иллюзій! Это было столь чудовищно, что этотъ человѣкъ, этотъ честный человѣкъ, и вдругъ у ногъ этой молодой дѣвушки!.. Въ эту минуту ей показалось, что она увидала въ немъ такую глубину порока и лицемѣрія, что подъ вліяніемъ какого-то отвращенія, она безмолвно отшатнулась назадъ и затворила за собою дверь, какъ бы желая воспрепятствовать своему взору смотрѣть на позоръ этихъ двухъ лицемѣрныхъ любовниковъ. Потомъ послѣ продолжительнаго одиноко сдерживаемаго прилива отчаянія, во время котораго ее душили рыданія, она почувствовала въ себѣ одно за другимъ иныя чувства, которыя сперва были всѣ подавлены чувствомъ омерзѣнія: ее стала снѣдать ревность, самолюбіе еще болѣе обостряло ея терзаніе и вызывало въ ея сердцѣ и эгоизмъ, и ненависть и жестокость. Затѣмъ, когда она оказалась въ состояніи нѣсколько размышлять, она почти угадала истину: она почувствовала, что между Бланшъ и Мишелемъ существуютъ какія-то особенныя узы и тѣмъ болѣе крѣпкія вслѣдствіе того, что, можетъ-быть, они еще не вполнѣ виновны и что та борьба, которую они ведутъ противъ самихъ себя, еще болѣе сближаетъ ихъ. Дойдя до этого заключенія, она почувствовала меньшее возмущеніе, но страданіе ея еще болѣе усилилось, а ея парализованная воля останавливалась передъ тѣмъ, чтобы принять какое-либо рѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлать? Уѣхать? Это значитъ предоставить имъ полную свободу; а затѣмъ остаются еще дѣти, привычка, остатки привязанности, остатокъ надежды, невыносимая мысль о томъ, что онъ сожалѣть о ней не будетъ. Ну, что же, поднять шумъ, защищать

свои права жены и матери, требовать ихъ разрыва? А если они откажутся? Къ чему же въ такомъ случаѣ поднимать шумъ, зачѣмъ жаловаться? Зачѣмъ прибавлять новое униженіе, которое уже не будетъ тайнымъ, къ тому униженію, которое она можетъ по крайней мѣрѣ нести безмолвно, про себя?.. Такимъ образомъ остается только все игнорировать и молчать... И Сюзанна молчала, молчала съ мукой въ сердцѣ, съ безпорядкомъ въ мысляхъ, собирая весь остатокъ своихъ силъ на то, чтобы вести себя какъ обыкновенно, жить своею жизнью, какъ бывало встрѣчать дружелюбною улыбкой Мишеля, быть въ состояніи протягивать руку Бланшъ, которая входя искала глазами своего Мишеля. Сюзанна долгое время молчала, жертвуя, или думая, что она жертвуетъ своимъ внутреннимъ существомъ. Она молчала, но тѣмъ не менѣе не покаряясь своей судьбѣ и вѣчно терзаемая самыми разнородными чувствами. То она старалась ободрить себя въ страданіи и въ видѣ утѣшенія говорила себѣ: „Есть и болѣе несчастныя. У меня по крайней мѣрѣ мои дѣти!..“ А то такъ въ ушахъ ея раздавались иныя слова: „Ахъ, дѣти! Что̀ такое дѣти?.. Все кончено, все кончено, у меня нѣтъ болѣе жизни!. Или же вдругъ она спрашивала себя съ тоской, въ которой мелькалъ лучъ надежды: „Неужели же онъ никогда не замѣтитъ, что я все знаю, что я умираю?.. Неужели же онъ до того слѣпъ, что не видитъ моей агоніи?..“ Или: „Неужели же наша прежняя любовь, наша привязанность, наши общія тревоги и горести, наши общія радости, неужели всѣ эти звенья той цѣпи, которая меня такъ всецѣло къ нему приковала, неужели же всѣ эти звенья уже совершенно порваны, порваны настолько, что мнѣ ничѣмъ уже не удержать его?.. Не вернется ли онъ когда-нибудь ко мнѣ, при мысли о прошломъ, о долгѣ, не вернется ли онъ ко мнѣ изъ состраданія, Боже мой!..“ И она приглядывалась къ тому, не проявитъ ли онъ какого-нибудь признака привязанности, а если она и подмѣчала такой признакъ, то онъ доставлялъ ей мало радости. Невыносимая мысль отравляла ей всякую радость, отнимала у нея всякую надежду: „Да, конечно, онъ любитъ меня немножечко, онъ оставляетъ мнѣ второе мѣсто въ своемъ сердцѣ, то, что она позволила оставить мнѣ, то, чего она не пожелала!..“

Среди своихъ мукъ и горя Сюзанна испытывала къ своему мужу нѣчто въ родѣ чувства снисходительности и порою находила ему оправданія. Но Бланшъ она ненавидѣла ненавистью, которая

росла съ каждымъ днемъ, которую она обсуждала, которую она еще болѣе увеличивала своимъ затаеннымъ гнѣвомъ, страданіями своего самолюбія, которыя были еще острѣе, еще нестерпимѣе страданій ея сердца. Чтò же такое было въ этой дѣвушкѣ, чтобъ онъ такъ предпочелъ ее ей? Она была ни красивѣе, ни умнѣе многихъ другихъ. Почему же онъ избралъ именно ее среди столькихъ женщинъ, которыя были несравненно прекраснѣе ея, которыхъ онъ привлекалъ къ себѣ ореоломъ своей славы и своего могущества?.. Послѣ каждой изъ своихъ рѣчей онъ получалъ письма съ нѣжными изліяніями отъ многихъ женщинъ, которыя готовы были броситься къ нему на шею. Часто онъ показывалъ эти письма Сюзаннѣ, и она думала: „Ему ихъ не надо, потому что онъ любитъ меня.“ Увы! это было потому, что онъ любилъ не ее, а другую!..

Затѣмъ возникали новые вопросы. Съ какихъ поръ началась эта любовь? Въ теченіе сколькихъ мѣсяцевъ или сколькихъ лѣтъ мужъ ея уже не принадлежитъ ей? И она старалась наблюдать, соображать, возстановлять прошедшее, угадать все.

Но все, чтò ей удавалось открыть, только увеличивало ея отчаяніе. Одну минуту она пыталась увѣрить себя, что это можетъ быть не болѣе какъ мимолетная прихоть. Но нѣтъ: это была великая безпричинная любовь, какою всегда бываетъ истинная любовь. Мишель любилъ Бланшъ не по той или иной причинѣ, любилъ ее не за ея глаза, ни за ея волосы, ни за грацію, ни за умъ: онъ любилъ ее просто потому, что любилъ ее; и Сюзанну доводила до отчаянія эта неуловимость причины, противъ которой не было возможности бороться именно вслѣдствіе ея неуловимости; его любовь была очевидно глуха, слѣпа, неизбѣжна, какъ сама судьба: „По крайней мѣрѣ, еслибъ еще она была достойна такой любви!“ часто повторяла себѣ Сюзанна.

Она не знала этого или же забывала: человѣкъ всегда бываетъ достоинъ любви, которую онъ къ себѣ внушаетъ или которую онъ самъ испытываетъ, и только одни сами любящіеся знаютъ другъ друга, потому что во глубинѣ души каждаго человѣка таятся скрытыя сокровища, открываемыя только любовью. Тѣхъ сокровищъ, которыя, подобно легендарному золоту въ Священной Рѣкѣ, сіяли въ душѣ Бланшъ, которыя привлекли и очаровали Мишеля, Сюзанна не могла видѣть: для нея, ея соперница являлась интриганкой, которая заставила себя полюбить ради славы увлечь великаго человѣка, котораго можетъ-быть она даже вовсе и не

любила, или во всякомъ случаѣ если и любила, то не ради него самого, такъ какъ она не знала его бѣднымъ, скромнымъ, обдѣленнымъ судьбой.

Такія и еще другія подобныя же имъ мысли вертѣлись во время безсонныхъ ночей въ головѣ Сюзанны и приносили ей нѣчто въ родѣ дурнаго утѣшенія, потому что теперь въ ней часто пробуждались дурныя чувства. Ей доставляло удовольствіе увѣрять себя, что Мишель былъ одураченъ и вовсе не владѣлъ тѣмъ сердцемъ, которое онъ считалъ всецѣло принадлежащимъ ему; она наслаждалась при мысли о томъ, что̀ есть скорбнаго, что̀ есть больнаго въ ихъ любви; она радовалась каждому ихъ неудавшемуся свиданію, постояннымъ разъединявшимъ ихъ препятствіямъ, никогда неутоляемой ихъ жаждѣ видѣть другъ друга, сдержанности, жертвамъ, которыя они налагали на себя ради нея, той лжи, которая жгла имъ уста. Но скоро и это утѣшеніе для нея исчезало: „Что̀ же такое, думалось ей, все равно они счастливы...“ И въ отчаяніи она снова возвращалась къ мысли о томъ, чѣмъ все должно кончиться, къ той мысли, которая отъ спокойствія ведетъ насъ къ страху, отрываетъ насъ отъ всего, что̀ для насъ дорого, миритъ насъ съ нашими преходящими страданіями. „Не можетъ же это такъ вѣчно продолжаться!“ И она воображала себѣ Мишеля, который, послѣ полнаго разочарованія, снова возвращается къ ней униженный, разбитый, и во всемъ ей признается. Она тихо говоритъ ему: „Я уже давно все знала; я прощаю тебя.“ Или же она отталкивала его, чтобы видѣть какъ онъ въ свою очередь страдаетъ несчастный и одинокій: „Ты самъ того хотѣлъ, это твоя вина: искупай ее!... Что̀ я могу для тебя сдѣлать? Сердце мое мертво, ты убилъ его!...“

Да, среди повседневныхъ привычекъ жизни, исполняя обязанности хозяйки дома, принимая гостей, слушая ихъ, отвѣчая имъ, въ свѣтѣ, въ театрѣ, у кроватокъ своихъ дѣтей, играя и смѣясь съ ними, Сюзанна все думала объ этихъ вещахъ, или же еще о другихъ, еще болѣе безумныхъ, болѣе жестокихъ, болѣе сладостныхъ. Кто могъ бы прочитать эти мысли въ ея ясномъ взорѣ, на ея спокойномъ челѣ? Для этого нуженъ былъ бы любящій взоръ, а Мишель ее не любилъ!... Иногда только, когда грустныя размышленія уносили ее вдаль и неподвижность ея позы выражала страданіе, ее пробуждала изъ этого горькаго полусна Анни, которая ласково брала ее за руку и своимъ полнымъ состраданія голоскомъ спрашивала:

— Мама, ты нездорова?

Или же вдругъ Лоранса становилась на самыя цыпочки, чтобы достать губками до ея губъ...

Но вотъ однажды буря разразилась, разразилась внезапно и безо всякой прямой къ тому причины.

На долю Тейсье выпала въ палатѣ ужасная недѣля. Обсужденіе бюджета было въ полномъ разгарѣ. Одну минуту, по поводу бюджета министерства исповѣданій, паденіе кабинета казалось неизбѣжнымъ.

Но якобинское большинство еще держалось: послѣ трехдневной борьбы, богатой всякими неожиданностями, нападеніе коалиціи консервативныхъ силъ было отбито весьма слабымъ большинствомъ. Мишель стоялъ на своемъ посту безъ всякаго отдыха, обнаруживая столько дѣятельности, столько энергіи, какъ будто онъ все свое сердце полагалъ въ эти пренія, а въ дѣйствительности трепеща при мысли, что успѣхъ его тактики, можетъ-быть, поведетъ его ко власти, къ еще новымъ обязанностямъ, которыя всецѣло его поглотятъ и лишатъ его еще нѣсколькихъ рѣдкихъ минутъ счастія. Нервный, тревожный, онъ превозмогалъ въ себѣ этотъ страхъ и усиліемъ воли смѣло шелъ впередъ. И изо всего множества слѣдившихъ за нимъ людей одна только Сюзанна была въ состояніи угадывать, что всѣ эти великіе вопросы, которые онъ рѣшалъ своимъ мощнымъ голосомъ, властнымъ движеніемъ своей руки, едва обращали на себя его вниманіе; что бюджетъ, министерство, побѣда или пораженіе его партіи весьма мало занимали его мысли; что онъ тѣмъ отважнѣе бросился въ борьбу, чтобы только сколько-нибудь обмануть вѣчно гнетущее его страданіе; что среди самой горячей битвы, среди бушующихъ вокругъ него страстей, подобно бурнымъ вѣтрамъ вокругъ мачты, онъ думалъ только о ней, о ней, и все только о ней.

Въ субботу, послѣ послѣдняго усилія предъ пораженіемъ, Мишель вернулся домой, одновременно довольный и тѣмъ, что онъ до конца исполнилъ свой долгъ и тѣмъ, что онъ побѣжденъ, хотя и не можетъ себя упрекнуть ни въ малѣйшей слабости. Кромѣ того, онъ былъ страшно утомленъ, не былъ въ состояніи ни о чемъ думать и только съ удовольствіемъ помышлялъ о наступающемъ отдыхѣ.

Дѣти находились вмѣстѣ съ матерью въ маленькой гостиной. Онъ почти весело поцѣловалъ Анни, взялъ на колѣна Лоренсу и, играя ея локонами, воскликнулъ:

— Кончено!.. Ужь и давно пора!.. Теперь я могу спать цѣлую ночь, а завтра буду отдыхать!..

— Да, ты въ отдыхѣ нуждаешься, холодно замѣтила Сюзанна.

Наступило молчаніе, которое нарушилъ Мишель, принявъ на себя развязный видъ.

— Кстати, я сейчасъ встрѣтилъ Бланшъ; я пригласилъ ее провести воскресенье съ нами.

Подобныя приглашенія слушались часто безъ вѣдома Сюзанны.

Съ тѣхъ поръ, какъ она знала въ чемъ дѣло, она переносила ихъ, скрывая свои терзанія. Почему же именно сегодня она почувствовала возмущеніе, котораго не скрыла? Очень любившая молодую дѣвушку, Анни ужь хлопала въ ладоши. И вдругъ у Сюзанны почти невольно, безсознательно сорвалось какимъ-то грубымъ крикомъ: „Не хочу!.. Едва вырвался у нея этотъ крикъ, какъ она уже поняла весь его смыслъ. Поспѣшно она выслала изъ комнаты дѣтей, сказавъ, что сейчасъ будетъ звонокъ къ обѣду, и затѣмъ, оставшись наединѣ съ мужемъ, ожидала того, что̀ будетъ.

— Почему же ты не хочешь? спросилъ Мишель, стараясь принять удивленный видъ и всѣми силами стараясь совладѣть съ охватившимъ его сильнымъ волненіемъ.—Почему? Что̀ случилось?

Она поднялась съ мѣста и двинулась къ нему.

— Что̀ случилось? отвѣтила она дрожащимъ голосомъ и мѣряя его взглядомъ.—Ты меня спрашиваешь, что̀ случилось?

По складкѣ на ея лбу, по ея блѣдности, по измѣнившемуся выраженію ея лица, на которомъ мелькало чувство ненависти, Мишель понялъ, что часъ, котораго онъ такъ боялся, наступилъ. Тогда, собравъ всѣ свои силы, все свое хладнокровіе, онъ отвѣтилъ твердымъ голосомъ, инстинктивно слѣдуя тактикѣ лжи, которая единственно только и представлялась ему теперь:

— Я не понимаю, что̀ ты желаешь сказать...

Она не дала ему продолжать.

— Не говори мнѣ ничего... ты солжешь... Это было бы безполезно: я все знаю!

Онъ попытался возражать ей:

— Все?.. да ничего нѣтъ?.. Ровно ничего, клянусь тебѣ!

Она снова прервала его.

— Молчи!.. Я васъ видѣла.. О, ужь давно?.. Это было въ день пріѣзда Монде... Она сидѣла вотъ тутъ, въ этомъ креслѣ. Ты былъ у ея ногъ, она гладила твои волосы, ты ей говорилъ... Я

отворила дверь, увидала васъ и снова ушла... Вы ничего не слыхали... Вы все позабыли... И это въ двухъ шагахъ отъ меня, въ двухъ шагахъ отъ дѣтей!..

Мишель блѣднѣлъ, слушая ее. Всякая ложь была немыслима противъ этого свидѣтельства ея собственныхъ глазъ: онъ понялъ это и попытался прибѣгнуть къ иной защитѣ.

— Будь спокойна! сказалъ онъ,—я болѣе лгать не стану!.. Я уже слишкомъ много лгалъ, и это мнѣ уже слишкомъ дорого стоило... Но не упрекай меня: я лгалъ ради тебя!..

Сюзанна хотѣла возражать, но онъ въ свою очередь остановилъ ее движеніемъ руки.

— ...Да, ради тебя, чтобы какъ можно долѣе ты не страдала отъ этого несчастія... да, отъ несчастія, противъ котораго мы совершенно безсильны... Повторяю, мы лгали, заботясь о тебѣ... И это не единственная жертва, которую мы принесли тебѣ... Мы любимъ другъ друга, это правда, но это и все, слышишь ли, все?.. Мы оба поняли, что мы никогда не можемъ принадлежать другъ другу...

Сюзанна усмѣхнулась.

— Она не твоя любовница! вскрикнула она,—ты именно это хочешь сказать, не такъ ли?.. Что̀ же мнѣ-то изъ этого!.. Да я бы тысячу разъ предпочла, чтобъ она была твоею любовницей, ты меньше бы любилъ ее!.. О, если такова твоя единственная защита!.. Вѣрь мнѣ, прошу тебя, не пытайся оправдываться, особенно оправдывать ее, это невозможно... Если желаешь, не будемъ вовсе говорить объ этомъ... Скажи мнѣ только, что̀ намѣренъ ты дѣлать... Потому что ты не можешь не понимать этого, вѣдь надобно же чѣмъ-нибудь кончить... Человѣческимъ силамъ есть предѣлъ, я слишкомъ страдала, у мена больше силъ не хватаетъ... Теперь наступила твоя очередь!..

И Сюзанна упала въ кресло, закрывъ лицо руками, между тѣмъ какъ Мишель взволнованно шагалъ по комнатѣ.

— Я сдѣлаю то, что̀ пожелаешь, Сюзанна, сказалъ онъ, наконецъ, очень кротко и опускаясь на стулъ противъ жены.

Она недовѣрчиво посмотрѣла на него.

— Да, повторилъ онъ, я сдѣлаю то, что̀ ты пожелаешь... Ты страдаешь: еслибы ты знала какъ мнѣ это больно!.. Бѣдная, дорогая моя, неужели ты полагаешь, что я рѣдко думалъ о той минутѣ, когда ты все узнаешь и что заранѣе я не перестрадалъ въ душѣ этого тяжкаго часа?.. Ахъ, если ты ревнуешь меня

къ счастью, то успокойся: у меня нѣтъ и никогда не было счастья!.. Ужь цѣлые мѣсяцы жилъ я среди постоянныхъ мученій сердца и совѣсти, презиралъ себя, ненавидѣлъ, приходилъ въ отчаяніе... трепеталъ при мысли объ этомъ послѣднемъ терзаніи, видѣть тебя до такой степени страдающею по моей винѣ, изъ-за меня... и тѣмъ не менѣе сознавалъ себя вполнѣ безсильнымъ сдѣлать что̀ бы то ни было!

При этихъ послѣднихъ словахъ Сюзанна пожала плечами.

— Сознавалъ себя безсильнымъ что̀ бы то ни было сдѣлать! повторила она съ горечью. — Да, это именно такъ: я не могу, это обыкновенное извиненіе всѣхъ трусовъ. Прежде всего, ты могъ бы не любить ее, какъ мнѣ кажется... или по меньшей мѣрѣ остановить себя во̀время, перестать видѣться съ ней, стараться избѣгать ее... Вотъ какъ ты и поступилъ бы, безъ сомнѣнія, еслибы ты думалъ обо мнѣ... Но ты считалъ меня болѣе слѣпою, чѣмъ это оказывается въ дѣйствительности, и потакалъ себѣ, говоря себѣ ради своеобразнаго успокоенія своей совѣсти: „Я буду лгать, она ничего не узнаетъ, а больше ничего и не нужно!..." Но разсчеты твои оказались не вѣрны, мой милый: я знаю все, и теперь слѣдуетъ рѣшиться на что-нибудь...

Такъ какъ Мишель безмолвствовалъ, она снова продолжала:

— Да, рѣшиться на что-нибудь... На что̀ же?... Подумалъ ли ты объ этомъ заранѣе?... Задался ли ты хоть разъ вопросомъ о томъ, что̀ ты предложишь мнѣ, когда придетъ наступившая теперь минута?... Нѣтъ?... Ты, вѣроятно, разсчитывалъ на мою доброту, на мою слабость?... Но во мнѣ уже нѣтъ доброты, и я не хочу быть слабою... Вотъ уже нѣсколько недѣль какъ я живу одною мыслью, однимъ страданіемъ, меня преслѣдуетъ все одно и то же неотступное терзаніе... И это испортило меня... Я уже не добра, и не хочу быть доброю... Я хочу чтобъ и изъ-за меня страдали другіе... Теперь все кончено!... Мы уже не можемъ болѣе жить вмѣстѣ, ты со своею лживостью, я со своею раной... Это уже невозможно... Ну, и пусть!... Примемъ все, какъ есть, разъѣдемся!...

Мишель, снова начавшій ходить по гостиной, вдругъ остановился предъ нею.

— Это невозможно! воскликнулъ онъ: — ты сама это отлично знаешь! Ты говоришь безумныя вещи!

— Ахъ, да! возразила Сюзанна съ ироніей: — твое положеніе, твоя партія, твое назначеніе, твоя газета, словомъ, твоя роль,

роль великаго, честнаго человѣка!... Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, время о чемъ думать!.. А я объ этомъ думать не желаю!

— Да, и я точно также, что̀ бы ты тамъ себѣ не воображала... Вовсе не это меня останавливаетъ... Я думаю о дѣтяхъ, Сюзанна, о тебѣ...

— О мнѣ?... Развѣ я принимаюсь теперь въ разсчетъ?...

— Развѣ ты не попрежнему моя жена, Сюзанна? Моя жизнь, моя юность, вся привязанность, накопившаяся въ моемъ сердцѣ цѣлыми годами...

— Берегись! перебила она его насмѣшливо. — Ты, пожалуй, еще станешь увѣрять меня, что ты меня любишь!...

И она съ яростью прибавила:

— Прочь, лгунъ, прочь!...

Но Мишель заговорилъ очень кротко:

— Да, я могу сказать тебѣ, что я люблю тебя, и это нисколько не будетъ ложью... Я не люблю тебя такъ, какъ ты хотѣла бы быть любимой, я люблю тебя иначе и, можетъ-быть, лучше... И ты это знаешь... Ты знаешь, что между нами есть связь, которую ни что̀ не съ силахъ разорвать... Въ чемъ же заключается эта связь, если не въ самой прочной, самой дорогой привязанности?... Да, Сюзанна, я люблю тебя, не взирая на свою вину, не взирая на то, что̀ ты мнѣ наговорила, словомъ, не взирая ни на что̀, я все-таки люблю тебя!...

Она его слушала, и къ ней начинала возвращаться надежда, та безумная надежда, которая возникаетъ въ сердцѣ вопреки очевидности.

— Въ такомъ случаѣ, ту, другую, ты не любишь?... воскликнула она.—Скажи мнѣ, что ты ее не любишь, что ты никогда ее не любилъ и, не взирая ни на что̀, я повѣрю тебѣ... Скажи мнѣ, что это была прихоть, что она миновала, что все кончилось...

И она почти умоляла его съ чисто женскою потребностью быть какъ бы то ни было успокоенной, и хотя бы помощью новой лжи отвернуться отъ логичности положенія, которое вдругъ испугало ее.

— Нѣтъ, съ грустною серьезностью отвѣтилъ Мишель,—я не скажу тебѣ ничего подобнаго.... Часъ правды наступилъ: намъ нужна полная правда... Ее я также люблю...

Наступило продолжительное молчаніе, полное невысказанныхъ мыслей. Затѣмъ Тейсье медленно и съ усиліемъ сказалъ:

— Однако, если одна изъ васъ должна быть принесена въ

жертву, то, ты отлично это знаешь, ужъ конечно не ты... У нея нѣтъ никакихъ правъ, у тебя же они есть...

— Не говори мнѣ этого! вскричала Сюзанна, и затѣмъ глухимъ отъ сдерживаемаго волненія голосомъ прибавила: — я не хочу, чтобы ты изъ чувства долга оставался моимъ, слышишь?... Я не хочу удерживать тебя насильно... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!... Ты свободенъ, знай это, и ты можешь уйти!...

Онъ пожалъ плечами.

— Это слова, одни слова!... Я не свободенъ; еслибъ я даже желалъ этого, я не могу уйти и не уйду... Говоря со мной, такъ ты слушаешься только своего самолюбія... Умоляю тебя, заставь его умолкнуть: оно здѣсь ровно ни причемъ, здѣсь дѣло идетъ о несравненно болѣе серьезныхъ вещахъ... Развѣ ты не понимаешь, что я честный человѣкъ?... Я былъ слабъ, правда, я не сумѣлъ совладѣть со своимъ сердцемъ... Но вѣдь я боролся... И прежде всего я знаю, чѣмъ я обязанъ по отношенію къ тебѣ: я не хочу чтобы ты страдала по моей винѣ.

— Теперь уже слишкомъ поздно, прошептала Сюзанна, — слишкомъ поздно... Я уже слишкомъ много страдала.

— Особенно, продолжалъ Мишель, — я не хочу, чтобы по моей винѣ страдали дѣти... Я никогда не желалъ этого, даже въ минуты сильнѣйшаго безумія... Я сознавалъ, что это и несправедливо, и невозможно... Она тоже сознавала это... Неужели же ты не понимаешь этого?.. И неужели же ты думаешь, что тебѣ пожертвовать своимъ чувствомъ негодованія больнѣе, чѣмъ было больно намъ принести въ жертву нашу любовь?..

Сюзанна, казалось, уже болѣе не слушала его: ея большіе помутившіеся глаза смотрѣли только внутрь нея самой.

— О, что до меня, сказала она тѣмъ тономъ скорбной ироніи, которымъ она говорила съ самаго начала ихъ бесѣды, — я уже въ счетъ не иду!.. Всѣ эти разсужденія для меня слишкомъ тонки!.. Я знаю только то, что тебѣ надлежитъ сдѣлать выборъ теперь... Она или я, мой милый, она или я: ты долженъ теперь рѣшиться.

И снова Мишель остался безмолвнымъ. Сознаніе у него было вполнѣ ясно, онъ былъ совершенно спокоенъ и твердо рѣшилъ, безо всякаго притворства, безо всякихъ оговорокъ, довести это тягостное объясненіе до конца.

— Она также, тихо началъ онъ, — она также составляетъ

часть моей жизни. Я не въ состояніи такъ сразу вырвать ее изъ своего существованія... У меня на это не хватаетъ силъ... Нѣтъ, не хватаетъ, а еслибъ у меня хватало на это силъ, то мнѣ кажется, я былъ бы негодяемъ... На это нужно время. Мало-помалу то, что есть въ нашемъ чувствѣ дурнаго, успокоится: любовь перейдетъ въ дружбу, въ дружбу дозволенную. И тогда...

Сюзанна прервала его рѣзкимъ движеніемъ.

— Ты увертываешься! воскликнула она.—На это нужно время, время!.. Для васъ это — счастіе, для меня — страданіе!.. Нѣтъ, никакихъ отсрочекъ!.. Я переносила сколько могла, я больше не въ силахъ терпѣть!

Мишель съ минуту подумалъ.

— Не могу же я такъ бросить ее! прошепталъ онъ, скорѣе отвѣчая на свои собственныя мысли, чѣмъ на слова жены.

А Сюзанна рѣзко воскликнула:

— А меня ты бы бросилъ?

— Еслибъ она потребовала отъ меня сдѣлать выборъ, то неужели ты думаешь, что я сталъ бы колебаться!.. Но она никогда бы отъ меня этого не потребовала!

— Разумѣется, она тебѣ ничего, ничего; она отлично знаетъ, что то, что ты даешь ей, она воруетъ у меня... О, какъ ей должно быть стыдно, если у нея осталась хоть капля гордости!

— Она это знаетъ, понимаетъ и тѣмъ не менѣе она меня полюбила!.. Вѣдь ты добра, неужели же у тебя нѣтъ никакого состраданія къ ней?

— Состраданія?.. Состраданія за то, что ты ее любишь?.. За то, что она отняла тебя у меня, у дѣтей?.. Слушай, Мишель, увѣряю тебя, ты разсуждаешь не какъ серьезный человѣкъ... Ты ослѣпленъ, ты бредишь... Развѣ ты не знаешь женщинъ? Развѣ ты не знаешь меня! Можно подумать, что за всѣ долгіе годы нашей совмѣстной жизни ты ни разу не потрудился обратить вниманія на то, какова я... Ты разсуждаешь, споришь, какъ будто ты разговариваешь съ человѣкомъ хладнокровнымъ. Развѣ ты не видишь, что я не слушаю тебя?.. Я не въ состояніи ни размышлять, ни разсуждать... Я только хочу, чтобы ты сдѣлалъ свой выборъ, вотъ и все: она или я, она или я!..

И при видѣ того, что всѣ усилія разбиваются объ эту судорожную волю, которая вдругъ проявляется сильнѣе его воли и борется противъ нея, Мишель почувствовалъ какъ въ немъ под-

нимается какое то глухое чувство гнѣва, чувство гнѣва сильнаго, который неправъ и который инстинктивно готовъ въ качествѣ послѣдняго аргумента перейти къ грубости.

— Берегись, Сюзанна! проговорилъ онъ грозно.

Она быстро поднялась и, двинувшись къ нему, приняла вызывающій видъ.

— Угрозы! угрозы теперь! Ты, ты смѣешь угрожать мнѣ!

Ему сдѣлалось стыдно, онъ быстро овладѣлъ собою.

— Я не угрожаю тебѣ, проговорилъ онъ, понижая свой тонъ,— я не думаю угрожать тебѣ, я отлично знаю, что на твоей сторонѣ и справедливость, и всѣ права... Но только я чувствовалъ себя очень утомленнымъ, по возвращеніи домой... и у меня вовсе нѣтъ силы... Умоляю тебя, будь благоразумна, пойми, не добивай меня.

Она захотѣла воспользоваться своимъ преимуществомъ.

— Не добивать тебя?.. Такъ это ты жертва, а я палачъ?.. Такъ это я тебя обманула?.. Такъ это я лгала?..

— Повторяю тебѣ еще разъ, сказалъ онъ,—я знаю, что ты не въ чемъ не виновата предо мною, что во всемъ виновенъ одинъ только я... но мы все-таки же не враги, не взирая на то, что произошло между нами... Напротивъ, мы два друга, два товарища, если хочешь, которымъ угрожаетъ одна общая опасность... Намъ нужно соединиться для борьбы съ нею... Намъ слѣдуетъ столковаться, согласиться между собою, даже и въ томъ случаѣ, если это нѣсколько трудно... У насъ есть семья, не забывай этого!..

— А ты развѣ объ этомъ вспомнилъ?

Онъ продолжалъ, не обращая вниманія на этотъ возгласъ:

— Для этой семьи, для нашихъ дѣтей, мы и должны прежде всего жить... Они не должны страдать ни отъ нашихъ несогласій, ни отъ нашихъ страстей...

Снова она сухо прервала его:

— Отъ твоихъ страстей... У меня ихъ нѣтъ...

— Я ужъ принесъ ради нихъ жертву... Принесу еще бóльшую, полную жертву... Но, умоляю тебя, имѣй немножко терпѣнія!.. Не злоупотребляй своими правами, не требуй отъ меня ничего такого, что̀ превышало бы мои силы... Потому что иначе и на тебя падетъ доля отвѣтственности за то, что можетъ случиться...

— Повторяю тебѣ, что я тутъ не причемъ, перебила его Сю-

занна.—Не мои поступки разъединяютъ насъ, а твои... Ты меня обманулъ... Ты не умѣлъ довольствоваться своими семейными привязанностями... Ты испортилъ нашу семейную жизнь... Ты сталъ искать себѣ счастія внѣ твоей семьи... Я безмолвно терпѣла, сколько могла... Терпѣла бы и дольше, еслибы была въ состояніи... Но только я не могу болѣе... Развѣ я въ этомъ виновата?.. Неужели же я должна имѣть больше силы, чтобы терпѣть зло, чѣмъ ты, чтобы избѣгать дѣлать зло?.. Еслибъ я была святая, то можетъ быть, но я не святая!..

Она на минуту умолкла и потомъ болѣе мягко продолжала:

— Все, что̀ я могу сдѣлать, Мишель, это простить тебѣ впослѣдствіи, когда все это уже отойдетъ далеко... Да, я прощу тебѣ... ради дѣтей... и ради самой себя... потому что я не въ состояніи жить съ этою злобой въ сердцѣ... Я позабуду; въ концѣ-концовъ все позабывается... И какъ знать? можетъ быть мы еще и можемъ быть счастливы!..

Онъ прошепталъ и въ этомъ шепотѣ сказалось все.

— Счастливы.

И онъ тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ оскорбившемъ Сюзанну возгласѣ.

— Ну, все равно, продолжала она, хмуря брови.—Мы снова счастливы быть не можемъ, пусть!.. Но ты это видишь самъ: сознаешь самъ, хотя и стремишься доказать себѣ противное, твое мѣсто здѣсь... да, долгъ твой совершенно ясенъ, ясенъ до очевидности!.. Ты не можешь насъ бросить, насъ, своихъ близкихъ, вся жизнь, вся будущность которыхъ зависитъ отъ тебя... Слѣдовательно ты обязанъ покинуть ее... И не говори, что у тебя на это не хватитъ мужества; у тебя должно хватить мужества, потому что ты обязанъ это сдѣлать!..

Мишель почти уже болѣе не обнаруживалъ сопротивленія, побуждаемый этою логичностью, которую поддерживало въ немъ помимо его воли, все, что̀ въ его природѣ было честнаго и прямаго; а между тѣмъ того слова, котораго у него требовали, не были въ состояніи произнести его уста.

— Послушай, Сюзанна, попытался онъ еще возразить ей,—остановимся пока на этомъ, прошу тебя, и поразмыслимъ оба до завтраго... Я уже ничего ясно не сознаю сегодня, я слишкомъ измученъ... Можетъ-быть мы найдемъ какое-нибудь рѣшеніе, какой-нибудь выходъ...

— Нѣтъ! нетерпѣливо воскликнула она,—никакихъ болѣе размышленій!.. Ужь больше мѣсяца я размышляю: это очень мучительно и ровно ни къ чему не ведетъ... Рѣшайся, пора!.. Выбирай! оставайся съ нами.

Тейсье сдѣлалъ движеніе отчаянія.

— Нѣтъ, послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ онъ,—рѣшительно я не могу ничего обѣщать... Я хочу, чтобъ она знала о томъ, что произошло: ея судьбы это тоже касается. Она также должна сказать свое слово!..

И онъ вышелъ, а Сюзанна не рѣшилась его болѣе удерживать.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Эдуардъ Родъ.

ИСТОРІЯ ГРЕЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ ВЪ ТРУДѢ ФРАНЦУЗСКАГО УЧЕНАГО.

Histoire de la Sculpture Grecque par Maxime Collignon. Tome premier. Paris, 1892. Firmin-Didot et C-ie.

I.

Послѣднія десятилѣтія завершающагося вѣка ознаменованы въ наукѣ классической археологіи необычайнымъ подъемомъ интереса къ памятникамъ жизни Грековъ и Римлянъ. И отдѣльныя лица, и ученыя общества и правительства какъ бы спорятъ другъ съ другомъ въ своемъ горячемъ увлеченіи всѣмъ, что увеличиваетъ запасъ нашихъ знаній по исторіи культуры этихъ народовъ: ихъ домашняго и общественнаго быта, ихъ религіи, состоянія искусствъ и ремеслъ и т. д. Этотъ высокій интересъ доказывается и необычайнымъ оживленіемъ, отличающимъ теперь спеціальные органы и изданія академій и ученыхъ корпорацій, и массой отдѣльныхъ трудовъ, ежегодно поступающихъ въ книжное обращеніе, и тѣми огромными матеріальными жертвами, которыя добровольно полагаются на дѣло археологическихъ раскопокъ по всей территоріи эллинскаго и римскаго міра.

Учено-литературная разработка вопросовъ классической археологіи и искусства приняла теперь во всей Европѣ и Америкѣ столь обширные размѣры, что стоять на высотѣ знанія всего печатнаго матеріала не представляется возможнымъ уже и для записнаго библіографа. Этою, день ото дня всё возрастающею, массой большихъ изданій, книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ съ

одной стороны, и, съ другой, физическою невозможностью обнять одному человѣку безпрерывно увеличивающіяся приращенія ученаго достоянія объясняется возникновеніе обширной литературы библіографическихъ компендіевъ, обзоровъ, указателей, оглавленій, хроникъ, распространенной теперь по всѣмъ цивилизованнымъ странамъ міра.

Въ то время какъ спеціалисты дѣятельно работаютъ надъ разъясненіемъ вопросовъ, изъ которыхъ слагается наука классической археологіи и исторіи искусства, люди богатые, правительства и ученыя общества тратятъ большія суммы на методическія раскопки греко-римской почвы по всей Южной и Западной Европѣ, въ Азіи и Африкѣ.

Русская Императорская Археологическая Коммиссія производитъ раскопки на сѣверномъ берегу Чернаго моря, на мѣстѣ древнихъ греческихъ поселеній; Турецкое правительство составляетъ музей памятниковъ греческаго искусства, открытыхъ на его территоріи [1]; Греческое правительство вмѣстѣ съ Аѳинскимъ Археологическимъ Обществомъ производитъ дѣятельныя раскопки въ Аѳинахъ, въ Аттикѣ и въ другихъ мѣстахъ Греціи; Нѣмецкое правительство истратило большія суммы на грандіозныя раскопки въ Олимпіи и Пергамѣ; Французы производили и продолжаютъ ежегодно производить раскопки во многихъ областяхъ европейской Турціи, въ сѣверной и центральной Греціи, на островахъ Архипелага, въ Малой Азіи. Англія, своими колоссальными пріобрѣтеніями въ области памятниковъ греческаго искусства, главнымъ образомъ, и возбудившая соревнованіе правительствъ другихъ странъ, продолжала дѣлать изысканія въ Малой Азіи, на островахъ Эгейскаго моря и въ Сѣверной Африкѣ. Австрія отправляетъ археологическую экспедицію на островъ Самоѳракію и въ древнюю Ликію. Американскіе ученые производятъ раскопки въ Троадѣ, на островѣ Кипрѣ, въ разныхъ частяхъ собственной Греціи; въ Нью-Йоркѣ созидается огромныхъ размѣровъ музей для памятниковъ искусствъ, въ которомъ классической древности отводится почетное мѣсто [2].

---

[1] *Salomon Reinach*, Catalogue du Musée imperiale d'Antiquités de Constantinople. Constantinople. 1882.

[2] О грандіозности одного отдѣленія гипсовыхъ слѣпковъ съ памятниковъ скульптуры и архитектуры можно судитъ по изданію: Metropolitan Museum of Art. Tentative Lists of objects desiderable for a Collection of Casts, sculptural and architectural, intended to illustrate the History of Plastic Art. New-York. 1891.

Тратятъ большія денежныя средства на предпріятія этого рода не только правительства и ученыя общества, но и частныя лица, какъ Шлиманнъ и бароны Ротшильды.

Что касается Италіи, то эта страна стала въ послѣднія десятилѣтія, съ эпохи своего объединенія, археологическою по преимуществу. При министерствѣ народнаго просвѣщенія образованъ особый, спеціальный департаментъ археологическихъ раскопокъ и охраненія памятниковъ древности по всему королевству. Вся страна раздѣлена на небольшіе округа, съ своимъ инспекторомъ въ каждомъ изъ нихъ. На обязанности этихъ чиновъ лежатъ наблюденіе надъ случайными находками и методическими раскопками, производимыми правительствомъ или частными лицами, и доклады о томъ министерству просвѣщенія. Нечего прибавлять, что разрытіе Помпей продолжается и понынѣ съ большою энергіей и безпрерывно.

Всѣ народы Западной Европы, занявшіе прежнія поселенія Римлянъ, участвуютъ въ извлеченіи на Божій свѣтъ остатковъ римской культуры. Открытія этого рода совершаются въ Испаніи, Франціи, западной и южной Германіи, Англіи, Австріи и въ придунайскихъ земляхъ.

Количество памятниковъ археологіи и искусства, открываемыхъ такимъ способомъ на обширной территоріи древне-эллинскаго и римскаго міра, громадно и крайне разнообразно по своему характеру. Произведенія зодчества, ваянія, живописи, издѣлія художественныхъ ремеслъ, памятники письменности на камнѣ, на металлахъ, на кости, терракоттѣ, деревѣ, папирусѣ, тканяхъ вызываютъ ревностную разработку въ длинномъ рядѣ спеціальныхъ ученыхъ трудовъ.

Но эта же масса новыхъ данныхъ возбуждаетъ желаніе обобщеній, синтеза. Оттого вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ спеціальныхъ изслѣдованій, посвящаемыхъ отдѣльнымъ, частнымъ и нерѣдко весьма дробнымъ вопросомъ археологіи, появляются общія обозрѣнія всѣхъ памятниковъ того или другаго искусства, всей его исторіи отъ первыхъ началъ до эпохи паденія и исчезновенія включительно. Таковы исторія греческой и римской архитектуры, исторія живописи на глиняныхъ сосудахъ или такъ-называемой „вазовой живописи", исторія скульптуры, ваянія или пластики.

Не касаясь здѣсь общихъ сочиненій по другимъ родамъ ис-

кусства классической древности, остановимся лишь на новѣйшей обработкѣ исторіи греческой скульптуры.

Эта область археологическаго вѣдѣнія впервые поставлена была на научный путь во второй половинѣ минувшаго вѣка знаменитымъ Винкельманомъ въ его общемъ и главномъ сочиненіи по исторіи искусства въ древности [1]; нѣмецкими же учеными излагалась она въ общихъ трудахъ и въ новѣйшее время. „Исторія греческой пластики“ Фэйрбаха [2], Овербека [3], обширные отдѣлы, посвященные античному ваянію въ „Исторіи изобразительныхъ искусствъ Шнаазе“ [4], въ „Исторіи пластики“ Любке [5], въ „Памятникахъ классической древности“ Баумейстера [6], во „Всемірной Исторіи древняго искусства“ фонъ-Зибеля [7]— все это труды нѣмецкихъ ученыхъ, говорящіе о необычайной энергіи и основательныхъ познаніяхъ авторовъ въ этой обширной вѣтви исторической науки. Эти общія обозрѣнія предмета явились результатомъ предварительной спеціальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ крупныхъ и мелкихъ, произведенной главнымъ образомъ также нѣмецкими учеными. Ни одна страна не могла выставить такого количества спеціалистовъ въ классической археологіи и въ исторіи античнаго искусства, какъ Германія, работающая и здѣсь, какъ во всѣхъ остальныхъ вѣтвяхъ науки о классической древности, съ неизмѣннымъ постоянствомъ, безъ перерывовъ, свидѣтельствующихъ объ утомленіи и паденіи интереса, безъ скачковъ и особаго нервнаго возбужденія, проявлявшихся въ исторіи этой науки у нѣкоторыхъ другихъ народовъ Западной Европы.

Въ виду выдающихся успѣховъ нѣмецкой науки, необходимость въ общихъ и систематическихъ трудахъ по исторіи греческаго и римскаго ваянія сознали затѣмъ Англичане и Американцы. Въ отвѣтъ на эту потребность появилось три труда: „Исторія греческой скульптуры“ Перри [8], предназначенная для

[1] *Winckelmann*, Geschichte der Kunst des Alterthums.

[2] *Feurbach*, Geschichte der griechischen Plastik. 2 voll. 1853.

[3] *Overbeck*, Geschichte der griech. Plastik. 2 voll. 1 изд. 1857—58. 4 изд. 1892.

[4] *Schnaase*, Geschichte der bildenden Künste. 2 изд. 1866 и слѣд.

[5] *Lübke*, Geschichte der Plastik. 1 изд. 1863.

[6] *Baumeister*, Denkmäler der klassischen Alterthums. 3 voll. München 1884—1888.

[7] *Lud. von Sybel*, Weltgeschichte der Kunst. Marburg 1888.

[8] *Perry*, Greek and Roman Sculpture. London 1882

болѣе обширнаго круга читателей, и двухтомное сочиненіе, подъ тѣмъ же заглавіемъ, Мэррея [1], разсчитанное на болѣе тѣсный кругъ людей, подготовленныхъ къ чтенію книгъ такого рода университетскимъ ученіемъ, и отличающійся тѣмъ же характеромъ капитальный трудъ по исторіи ваянія въ древности, написанный г-жей Митчель [2], ученою американкой, проведшей много лѣтъ въ археологическихъ студіяхъ, спеціально осмотрѣвшей и изучавшей для того всѣ главные музеи міра и работавшей во многихъ библіотекахъ и университетскихъ городахъ Европы.

Но хотя авторы означенныхъ сочиненій и стояли на высотѣ современной науки, труды ихъ, благодаря необычайнымъ успѣхамъ археологическихъ раскопокъ послѣдняго десятилѣтія, неимовѣрно скоро устарѣли въ нѣсколькихъ своихъ отдѣлахъ и преимущественно въ исторіи древнѣйшаго періода этого искусства.

Потребовалась новая переработка такихъ важныхъ и полныхъ трудовъ, какъ сочиненія Овербека и Мэррея. Открытія на Аѳинскомъ Акрополѣ и въ другихъ мѣстахъ Греціи заставили перваго изъ этихъ общепризнанныхъ ученыхъ предпринять спеціальное путешествіе въ Элладу, чтобы поставить новое изданіе своей книги на научный уровень, соотвѣтствующій дѣйствительному положенію дѣла [3]. Несомнѣнно, новой переработкѣ подверглось бы и почтенное сочиненіе г-жи Митчель, еслибы преждевременная смерть не положила конца удивительной энергіи этой замѣчательной женщины.

Позднѣе Англичанъ нашли возможнымъ выпустить общій трудъ по исторіи греческой скульптуры Французы. За исполненіе этого дѣла въ широкихъ размѣрахъ [4] взялся Максимъ Коллиньонъ, адъюнктъ-профессоръ словеснаго факультета въ Сорбоннѣ.

---

[1] *Murray*, a History of greeck Sculpture. 2 voll. London 1880 - 83; 2 изд. 1892.

[2] *Lucy Mitchell*, a History of ancient Sculpture. London 1883.

[3] Первая половина перваго тома этого труда въ новой обработкѣ появилась въ концѣ минувшаго года. Она увеличена страницъ на 60 сравнительно съ третьимъ изданіемъ; обозрѣнію памятниковъ данъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иной распорядокъ; много перемѣнъ и въ характерѣ изложенія. Число иллюстрацій увеличено множествомъ новыхъ данныхъ. На страницахъ нашего журнала вскорѣ данъ будетъ отчетъ объ этой книгѣ К. Д. Чичаговымъ.

[4] Изъ французскихъ сочиненій по исторіи греческаго ваянія можно указать на книгу *Ern. Beulé*, L'art grec avant Péricles.., но этотъ трудъ уже совершенно устарѣлъ и *P. Paris*, La Sculpture antique. Paris 1889—краткій обзоръ, написанный для университетскаго юношества и учениковъ высшихъ художественныхъ школъ.

Имя этого основательнаго писателя-археолога стало появляться въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда онъ, по окончаніи курса Высшей Нормальной Школы, сдѣлался въ 1873 г. членомъ Французской Школы въ Аѳинахъ. Превосходный рисовальщикъ и хорошо подготовленный эллинистъ, онъ съ первыхъ же поръ возбудилъ большія надежды въ отечественныхъ ученыхъ старшаго поколѣнія. Первый его археологическій трудъ былъ посвященъ обозрѣнію памятниковъ живописи и скульптуры, имѣвшихъ своимъ содержаніемъ миѳъ о Психеѣ. Художественные матеріалы, какъ статуи, барельефы, рѣзные камни, изучалъ онъ кромѣ французскихъ музеевъ, въ музеяхъ Италіи; обширная литература имъ собрана была съ такою полнотой и разобрана съ такою основательностью, что уже этотъ, вполнѣ юношескій трудъ обратилъ на себя особое вниманіе извѣстнаго французскаго эллиниста Эгже (Egger), представлявшаго отчетъ о занятіяхъ Коллиньона Академіи Надписей и Словесныхъ Наукъ Французскаго Института [1] въ 1874 году. Кромѣ необычайнаго трудолюбія, Эгже съ особенною силой указывалъ на художественное чутье и ученый, критическій тактъ Коллиньона. Всѣ эти свойства молодаго археолога подавали поводъ къ блестящимъ надеждамъ на успѣхи его въ будущемъ.

Дальнѣйшіе труды его показали, что парижскіе академики надѣялись на него недаромъ. Переселившись изъ Италіи въ Аѳины, онъ принялся за подробное изученіе, между прочимъ, богатаго собранія глиняныхъ сосудовъ (вазъ) Аѳинскаго Археологическаго Общества, плодомъ котораго явился его подробный, систематическій каталогъ ихъ. [2] Это былъ первый описательный трудъ по отношенію къ вазамъ, собраннымъ исключительно на греческой почвѣ. Неизмѣримо полезный для самого автора, который имѣлъ здѣсь возможность подробно изучать каждый сосудъ въ отдѣльности и пріучать свои глаза къ точной классификаціи важнѣйшихъ образцовъ гончарнаго дѣла

---

[1] См. Institut de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Rapport fait au nom de la Commission de l'École française d'Athènes sur les traveaux des membres de cette École par M. Egger, lu dans la séance du 6 novembre 1874. Paris 1874, стр. 6 и слѣд.

[2] Catalogue des vases peints du musée de la Societé Archéologique d'Athènes pas Maxime Collignon. Paris 1878. Въ томъ же году появилось въ печати и его сочиненіе: Essai sur les monuments grecs et romains relatifs au mythe de Psyche. Paris 1878.

и живописи, собранныхъ изъ различныхъ эпохъ и мѣстъ,—этотъ трудъ отвѣчалъ вмѣстѣ съ тѣмъ насущной потребности въ такого рода описаніи. Здѣсь молодой археологъ явился первымъ изъ французскихъ ученыхъ, который посвятилъ себя католигизированію сокровищъ греческаго искусства, находившихся въ Аѳинахъ. Онъ раздѣлилъ при этомъ музеографическій трудъ съ нѣмецкими археологами, которые уже съ конца шестидесятыхъ годовъ принялись за составленіе систематическихъ описаній скульптурныхъ коллекцій, въ то время еще разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ этого города. [1]

И идея, и самое исполненіе этого предпріятія встрѣчены были съ живѣйшимъ участіемъ во Французскомъ Институтѣ, слушавшемъ докладъ о занятіяхъ Коллиньона, на этотъ разъ писанный именитымъ Перрò [2]. Первый опытъ г. Коллиньона на музеографическомъ полѣ Греціи вызвалъ въ ближайшіе же годы послѣдователей въ лицѣ Поля Жирара и Жюля Мартà. Первый изъ этихъ, начинавшихъ тогда ученыхъ, взялъ на себя трудъ составленія каталога предметовъ изъ бронзы и свинца, принадлежащихъ тому же музею Аѳинскаго Археологическаго Общества, второй принялся за изученіе и каталогизированіе терракотовыхъ изваяній того же музея. [3]

Работая надъ каталогомъ вазъ, продолжая обработку темы о художественныхъ изображеніяхъ миѳа о Психеѣ, путешествуя по разнымъ мѣстамъ Греціи и Малой Азіи, Коллиньонъ въ годы

---

[1] *R. Kekulé*, Die Antiken Bildwerke im Theseion zu Athen. Leipzig 1869; *Heydemann*, Die Antiken Marmorbildwerke in der so genannten Stoa des Hadrian, dem Windthurm des Andronikus, dem Wärtershäuschen auf der Akropolis, der Ephorie im Cultus Ministerium zu Athen. Berlin 1874. Позднѣе явился наиболѣе полный каталогъ скульптуръ разрозненныхъ аѳинскихъ собраній изъ-подъ пера *Lud. von Sybel*, Katalog der Sculpturen zu Athen. Marburg 1881. Эти предварительные труды облегчили послѣ греческому археологу Каввадіи составленіе каталога Центральнаго (теперь Національнаго) Музея въ Аѳинахъ: Κατάλογος τοῦ Κεντρικοῦ Ἀρχαιολογικοῦ Μουσείου ὑπο Π. Καββαδία. Ἐν Ἀθηναῖς 1886 и слѣд. Недавно вышло 2-е изданіе, болѣе полное сравнительно съ прежнимъ. Этотъ же каталогъ есть и на французскомъ языкѣ.

[2] Institut de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Rapport de la Commission des Écoles d'Athènes et de Rome sur les travaux de ces deux Écoles pendant l'année 1875 par M. Perrot. Paris 1876, стр. 18 и слѣд.

[3] *Paul Girard* работалъ надъ составленіемъ Catalogue des objets de bronze et de plomb appartenant au musée de la Société Archéologique d'Athènes. *Jules Marthà*, Catalogue des terrecuites du Musée de la Societé Archéologique d'Athènes. Paris 1880.

своего заграничнаго пребыванія печаталъ различныя статьи археологическаго и эпиграфическаго характера. По возвращеніи изъ-за границы онъ получилъ каѳедру классической археологіи въ словесномъ факультетѣ въ Бордо. Съ этого времени начинается его обширная учено-литературная дѣятельность, проявляющаяся въ печатаніи статей въ Bulletin de Correspondance Hellénique, въ Monuments de l'Art antique, изданіи предпринятомъ товарищемъ его Оливьэ Рэйэ, преждевременная смерть котораго и доселѣ поминается съ тяжелою грустью не одними французскими учеными, въ Revue des Deux Mondes, Gazette Archéologique и пр., и въ составленіи книгъ по греческой археологіи для Bibliothéque d'enseignement des Beaux-Arts, въ продолженіи и окончаніи „Исторіи греческой керамики", начатой Рэйэ, и другихъ трудахъ. [1]

Выдающіяся дарованія и замѣчательная энергія должны были выдвинуть г. Коллиньона въ средѣ другихъ ученыхъ его поколѣнія и потому, когда въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ возникъ въ Сорбоннѣ вопросъ о порученіи преподаванія классической археологіи, то его кандидатура поставлена была на первый планъ—и это первенство осталось за нимъ. Въ 1889 году пишущій эти строки былъ въ числѣ его слушателей въ Сорбоннѣ и присутствовалъ на его археологическихъ семинаріяхъ и потому по непосредственнымъ впечатлѣніямъ имѣлъ случай убѣдиться въ превосходныхъ свойствахъ этого ученаго, и какъ профессора, способнаго увлекать аудиторію богатствомъ познаній и замѣчательною ясностью изложенія, и какъ строгаго руководителя археологовъ-студентовъ въ ихъ письменныхъ работахъ.

Выше изложенный перечень главнѣйшихъ трудовъ профессора Коллиньона показываетъ, что авторъ сочиненія, заглавіе котораго поставлено въ началѣ этой статьи, употребилъ около двухъ десятилѣтій на различныя работы въ области классической археологіи. Только эта продолжительная и исполненная замѣчательной энергіи подготовка дала ему возможность и право приступить къ составленію сочиненія, и большаго по своему объему, и требовавшаго обширныхъ и основательныхъ свѣдѣній въ этой спеціальной области.

---

[1] *Maxime Collignon*, Manuel d'Archéologie Grecque. Paris 1881; *его же* Mythologie figurée de la Grèce. Paris 1883; Phidias par M. Collignon. Paris 1886; Histoire de la Céramique Grecque par O. Rayet et M. Collignon. Paris 1888.

Нужно отдать полную справедливость познаніямъ автора въ избранномъ предметѣ и замѣчательному изяществу его изложенія. Книга профессора Коллиньона отнынѣ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду однородныхъ трудовъ западно-европейской науки: полнота собраннаго имъ матеріала и монументальнаго, и литературнаго, ясность и справедливость его собственныхъ сужденій и характеристикъ и блескъ его языка, чуждый въ то же время цвѣтистости, а иногда и вычурности, свойственной нѣкоторымъ французскимъ ученымъ, дадутъ этой книгѣ широкое распространеніе въ разнообразныхъ кругахъ читателей. Не нося характера сочиненія популярнаго, но сохраняя повсюду строго научный характеръ, она ясностью изложенія, обиліемъ и удивительной роскошью сопровождающихъ текстѣ иллюстрацій привлечетъ къ себѣ вниманіе и такъ-называемой „большой публики“, по крайней мѣрѣ наиболѣе серьезной ея части, питающей интересъ къ историко-художественнымъ знаніямъ и до нѣкоторой степени подготовленной къ чтенію археологическихъ сочиненій общаго содержанія.

Являясь послѣ цѣлаго ряда трудовъ, посвященныхъ греческой скульптурѣ, книга профессора Коллиньона сохраняетъ въ то же время много оригинальныхъ чертъ, строго отличающихъ его отъ своихъ предшественниковъ. Эта самостоятельность прежде всего является въ объемѣ и содержаніи его сочиненія. Называя свое сочиненіе „Исторіей греческой скульптуры“, Коллиньонъ останавливается въ своей программѣ на самомъ началѣ римской имперіи, именно на той ея порѣ, когда греческое искусство теряетъ свою независимость, поступая на службу Римлянъ и ихъ особыхъ художественныхъ вкусовъ. Другіе авторы, какъ Овербекъ, Перри, Митчель обыкновенно излагають, подъ соотвѣтственнымъ заглавіемъ, и исторію римской скульптуры до главнѣйшихъ образцовъ паденія этого искусства въ IV в. по Р. Хр. Эти изложенія какъ придаточныя, какъ дополнительныя, во всякомъ случаѣ не вызываемыя главною задачей вышеназванныхъ сочиненій, обыкновенно отрывочны и недостаточно полны. Обиліе спорныхъ вопросовъ въ исторіи скульптуры римскаго періода и всё еще большой недостатокъ спеціальнаго изученія этой эпохи искусства очевидно дѣлаютъ невозможнымъ болѣе подробное и систематическое изображеніе предмета. Не имѣя особой спеціальной подготовки въ художественномъ матеріалѣ этой эпохи, профессоръ Коллиньонъ счелъ за лучшее отказаться отъ греко-римскаго искусства.

Другое отличіе труда французскаго ученаго заключается въ томъ, что авторъ строже своихъ предшественниковъ ограничивается въ своемъ изложеніи произведеніями искусства, оставляя въ сторонѣ произведенія художественной промышленности. Оттого у него мы напрасно стали бы искать обсужденія и соотвѣтственныхъ изображеній такъ-называемыхъ „Милосскихъ терракоттъ", занимающихъ свое мѣсто въ исторіи архаическаго періода греческой пластики у Овербека, Перри, Мёрре, г-жи Митчель и др. Исключеніе совершенно справедливо дѣлается имъ для древнѣйшей поры, какъ до-исторической, такъ и первыхъ вѣковъ грубаго архаизма, когда ремесло не поднялось еще на степень искусства и когда между этими областями скульптурной производительности Грековъ еще не легло никакого различія. Но отклоняя отъ себя методическое изложеніе исторіи ремесленнаго производства, авторъ пользуется этого рода данными для сравненія во всѣхъ случаяхъ, когда того требуетъ польза его главнаго дѣла, когда, напримѣръ, незначительная терракотта, ничтожная бронза, или изображеніе на монетѣ служатъ для выясненія характера его главнаго предмета, именно статуй и памятниковъ декоративной скульптуры.

Первый томъ сочиненія г. Коллиньона обнимаетъ исторію греческаго ваянія съ древнѣйшихъ временъ до вѣка Перикла и Фидія включительно. Обширный и разнообразный матеріалъ изложенъ въ четырехъ „книгахъ", заключающихъ въ себѣ по нѣскольку большихъ главъ.

Содержаніе первой книги составляютъ начатки пластическаго искусства на греческой почвѣ (Les Origines). Подъ этой рубрикой авторъ обозрѣваетъ тему, значительно расширенную открытіями послѣднихъ десятилѣтій. Подробное разсмотрѣніе вопроса о началахъ, о происхожденіи греческаго искусства можетъ составить отдѣльное и обширное сочиненіе; поэтому г. Коллиньонъ вынужденъ былъ ограничиться, конечно, лишь главнымъ и общимъ въ этомъ вопросѣ. Но и при неизбѣжной для него краткости, онъ сообщилъ много интересныхъ и поучительныхъ данныхъ.

Подобно своимъ ближайшимъ предшественникамъ, французскій ученый начинаетъ обозрѣніе этого предмета съ восточной половины греческой территоріи, съ Малой Азіи и острововъ Архипелага. Здѣсь были сдѣланы первые опыты знакомства Эллиновъ

съ искусствомъ Востока,—Египта, Ассиріи, Финикіи; отсюда искусство мало-по-малу распространилось на Западъ, перешло на материкъ Балканскаго полуострова и чрезъ него послѣ проникло въ западный бассейнъ Средиземнаго моря, въ созданныя здѣсь греческія колоніи.

Обращаясь къ древнѣйшей порѣ страны начатковъ эллинскаго искусства, авторъ, естественно, прежде всего задался вопросомъ о первыхъ обитателяхъ бассейна Эгейскаго моря. Среди различныхъ теорій, профессоръ Коллиньонъ останавливается на Пеласгахъ, съ одной стороны, и Карійцахъ и Лелегахъ, съ другой. Пеласги для него — отдаленные предки Эллиновъ, народъ арійскаго племени. Предѣлами расширенія ихъ нашъ авторъ указываетъ полуостровъ Пиндъ въ Өессаліи на сѣверѣ и островъ Критъ на югѣ. Имя Пеласговъ — родовое названіе множества мелкихъ народовъ, которые носили свои собственныя имена: таковы Өракійцы, Дарданяне Троянской области, Фригійцы Малой Азіи, Этеокритяне, древнѣйшіе обитатели острова Крита, народности арійской расы, утвердившіеся съ самой отдаленной древности въ восточномъ бассейнѣ Средиземнаго моря. Карійцы и Лелеги, составлявшіе другую этнографическую группу и первоначально господствовавшіе въ Малой Азіи между рѣкою Меандромъ и скалистою областію Ликіи, также играютъ важную роль на зарѣ греческой исторіи. Эти народы, происхожденіе и взаимныя отношенія которыхъ въ наукѣ до сихъ поръ не установлены, рано устремляютъ свое вниманіе на море: распространившись по архипелагу Спорадскихъ и Цикладскихъ острововъ, они проникаютъ до материка Греціи. Лелеги занимаютъ многіе кантоны Пелопоннеса, укрѣпляются по берегамъ Мегариды и Локриды; Карійцы же тѣмъ временемъ основываются въ Арголидѣ. Здѣсь они живутъ до прибытія Эллиновъ (Ахейцевъ Гомера), которые вытѣсняютъ ихъ на острова Архипелага, откуда въ свой чередъ они удаляются Критянами, могущество которыхъ народною поэзіей олицетворено въ легендарномъ царѣ Миносѣ.

Исторія этихъ первобытныхъ народностей, ихъ взаимной борьбы, ихъ переселеній по морю и сушѣ теряется во миракѣ отдаленной древности. Здѣсь не подлежитъ сомнѣнію только одно, что Эгейское море было постояннымъ театромъ народныхъ передвиженій въ разныхъ направленіяхъ. Переѣзжая отъ одного острова до другаго на своихъ парусныхъ судахъ и лодкахъ, эти народы то враждуютъ между собою, то соединяются въ одну плотную силу

для походовъ въ другія земли. Такъ, въ правленіе фараоновъ Рамсеса II, Мерефта и Рамсеса III народы Архипелага нѣсколько разъ дѣлаютъ нападенія на берега Египта.

Среди этихъ народностей, постоянно находящихся въ передвиженіяхъ то съ цѣлью переселеній, то съ цѣлями военными, уже въ отдаленную пору являются Финикіяне. На одномъ изъ острововъ Цикладскаго архипелага, Ѳерѣ (нынѣ Санторинъ), они основываются въ XV столѣтіи до Р. Хр., и это мѣсто, конечно, не было первымъ этапомъ ихъ на греческихъ моряхъ. Предварительно они заводили свои поселенія на островахъ Кипрѣ, Критѣ и позднѣе Родосѣ. Мало-по-малу они затѣмъ распространяютъ свою ловлю пурпуровыхъ раковинъ на Цикладскихъ островахъ: на Оліарѣ, Нисирѣ, на Милосѣ и пр., и по берегамъ Пелопоннеса. Культура этого народа-мореплавателя была несравненно выше степени развитія и благосостоянія Карійцевъ и Лелеговъ. Вступивъ рано въ соприкосновеніе съ Египтомъ и Халдеей, Финикіяне заимствовали многія формы этихъ старыхъ цивилизацій и потому оказали весьма сильное вліяніе на первичныя населенія Греціи.

Историческія преданія объ этой отдаленной эпохѣ страдаютъ, конечно, большою неопредѣленностью. Болѣе свѣта пролили на разрѣшеніе этой проблемы богатыя данныя новѣйшихъ археологическихъ раскопокъ на Греческомъ Востокѣ. Вещественные предметы, здѣсь въ изобиліи найденные, даютъ намъ возможность судить о промышленности народовъ, которые жили первыми на послѣдующей аренѣ греческой исторіи, и о главномъ характерѣ той первобытной цивилизаціи малоазіатскаго побережья и острововъ Эгейскаго моря, которую принято въ наукѣ называть „Эгейскою цивилизаціей". Эта отдаленная пора всего лучше рисуется въ древнѣйшихъ памятникахъ культуры Троянской области и Кипра.

Раскопки Шлиманна на Гиссарлыкѣ вскрыли предъ глазами ученаго міра остатки цивилизаціи чрезвычайной древности. [1] Это—

---

[1] *Schliemann*, Ilios. Stadt und Land der Troianner. Forschungen und Entdeckungen in der Troas und besonders auf der Baustelle von Troja... Leipzig 1881; *его же* Troja. Ergebnisse meiner neuesten Ausgrabungen auf der Baustelle von Troja, in den Heldengräbern, Bunarbaschi und andern Orten der Troas im Jahre 1882. Leipzig 1884; *его же* посмертное изданіе: Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890. Leipzig. 1891. Ср. ниже цитуемое сочиненіе *Schuchardt*, Schliemann's Ausgrabungen, стр. 27 слѣд.; *И. Цвѣтаевъ*, Учебн. атласъ античн. ваянія. I, Москва 1890, таб. II—IV.

цивилизація, соединяющая въ себѣ продукты каменнаго и бронзоваго вѣковъ; каменныя оружія и утварь встрѣчаются здѣсь рядомъ съ наконечниками копій и кинжалами изъ бронзы; бронза употреблялась здѣсь для топоровъ, копій и разныхъ предметовъ домашняго быта. Литейное дѣло и ковка драгоцѣнныхъ металловъ были извѣстны и пользовались распространеніемъ. Масса золотыхъ, серебряныхъ и электровыхъ вещей, въ формѣ украшеній—колецъ, браслетъ, бусъ, серегъ и ушныхъ подвѣсокъ указываютъ на мѣстное происхожденіе, равно какъ и чаши изъ золота и серебра. Произведенія гончарнаго дѣла по несовершенству ихъ техники принято ставить въ первую линію въ длинномъ рядѣ памятниковъ керамики, найденныхъ на греческой почвѣ. Изображенія человѣческихъ фигуръ на глиняныхъ сосудахъ Гиссарлыка поражаютъ своею примитивною грубостью. Но еще ниже человѣческія изображенія изъ камня. Неумѣнье каменосѣчцевъ справиться съ жесткимъ матеріаломъ выступаетъ здѣсь со всею силой. Въ каменныхъ идолахъ Гиссарлыка съ перваго взгляда видишь скорѣе какія-то музыкальные инструменты, чѣмъ человѣкоподобныя фигуры; и рисунокъ и исполненіе здѣсь еще чисто дѣтскія. Только народъ, стоявшій на очень низкой ступени развитія, могъ довольствоваться такими изваяніями. Эти произведенія мѣстной промышленности поражаютъ грубостью своихъ формъ и сами по себѣ, и особенно при сравненіи ихъ съ предметами, попавшими сюда отъ другихъ культурныхъ народовъ Востока путемъ торговли и взаимныхъ сношеній.

Шлиманнъ вѣрилъ, что онъ нашелъ во второмъ изъ шести слоевъ Гиссарлыка (считая отъ материка) Гомеровскую Трою. Ученый міръ въ большинствѣ своихъ представителей отвергъ эту смѣлую гипотезу: древніе обитатели этого мѣста явились Дарданянами и Тевкрами египетскихъ источниковъ или что то же Пеласгами, предками Эллиновъ, въ глазахъ однихъ ученыхъ, Семитами они показались другимъ, Вавилонскую цивилизацію усмотрѣли здѣсь третьи ученые. Не допуская догматизма въ рѣшеніи столь труднаго вопроса, нашъ авторъ склоняется къ гипотезѣ о принадлежности древнѣйшихъ жителей Гиссарлыка къ арійскому племени. Вмѣстѣ съ Шлиманномъ онъ вѣритъ, что Гиссарлыкъ долженъ считаться мѣстомъ Трои, но при этомъ онъ отрицаетъ возможность объясненія предметовъ, открытыхъ Шлиманномъ, какъ принадлежности Трои Гомера. Культура этого древнѣй-

шаго пласта Гиссарлыка, по Коллиньону, древнѣе Троянской, древнѣе XII вѣка до Р. X. Однако не отождествляя разрытаго Шлиманномъ города съ Гомеровскою Троей, онъ не слѣдуетъ и мнѣнію другихъ ученыхъ, относившихъ древность вещей, найденныхъ въ этихъ раскопкахъ, ко времени не позднѣе XVI столѣтія до нашей эры.

Памятники быта Шлиманновской „Трои" въ своихъ древнѣйшихъ образцахъ находятъ близкую аналогію съ произведеніями первыхъ обитателей Кипра, родину которыхъ отыскиваютъ въ Сиріи или Киликіи, не знавшихъ еще ни желѣза, ни серебра; металлы представлены у нихъ бронзою и частію золотомъ. Гончарное дѣло и пластика ихъ стоятъ на самой первой ступени; глиняныя изваянія ихъ доказываютъ совершенно дѣтскую безпомощность въ техникѣ.

Раскопки послѣднихъ десятилѣтій даютъ намъ возможность взглянуть на остатки первобытной культуры Цикладскихъ острововъ. Для историка ваянія здѣсь главный интересъ заключается въ большой серіи статуэтокъ, высѣченныхъ изъ мрамора или изъ мѣстнаго известняка и представляющихъ нѣсколько типовъ. [1] Большинство ихъ изображаетъ женскую обнаженную фигуру, объясняемую въ наукѣ за грубое подобіе богини Истаръ Вавилонянъ и Астарты Финикіанъ. Геологическія основанія, играющія важную роль въ открытіи памятниковъ этого рода на островѣ Ѳерѣ, заставляютъ отнести появленіе ихъ ко времени, которое предшествовало поселенію Іонянъ и Дорянъ на этихъ островахъ. Не будучи продуктомъ культуры греческой, эти статуэтки принадлежатъ неизвѣстной народности, можетъ быть Карійцевъ или Лелеговъ, вытѣсненныхъ отсюда позднѣе Греками.

Таково состояніе пластическаго „искусства" на побережьѣ Малой Азіи и на островахъ Эгейскаго моря въ эпоху, предшествующую появленію здѣсь Грековъ.

Выше стоитъ культура вообще и пластическое дѣло въ частности въ эпоху, которую въ послѣднія десятилѣтія въ наукѣ принято называть „Микенской эпохой". Названіе это—чисто условное и основано только на томъ, что раскопки Шлиманна въ Микенахъ доставили наибольшее количество памятниковъ быта, составлявшихъ нѣкогда принадлежность культуры не только Ми-

[1] *И. Цвѣтаевъ*, Учебн. атласъ античн. ваянія I, табл. I, №№ 1—9.

кенъ, не только всей Арголиды, но и Лакедемона, и Аттики, и Беотіи, и Θессаліи и разныхъ прибрежныхъ странъ Эгейскаго моря. Перечислять и характеризовать хотя бы и главнѣйшіе памятники скульптуры Микенъ, здѣсь мы не станемъ. Они въ большинствѣ своемъ извѣстны. Въ лучшихъ своихъ образцахъ [1] они несравненно выше не только всего, что могъ представить намъ весь „Эгейскій періодъ", но и выше всего древнѣйшаго греческаго искусства, которое будетъ развиваться здѣсь позднѣе. Важнѣе для насъ вопросы о происхожденіи „Микенской" культуры о времени ея процвѣтанія и о народности, которой эта культура принадлежала. Но они настолько же интересны, насколько и трудны для рѣшенія. Указать какой-либо одинъ источникъ культуры этой эпохи не представляется возможнымъ. Одни произведенія искусства коренятся въ Ассиріи, другія въ Египтѣ, третьи въ Финикіи, четвертыя носятъ характеръ самобытности. Народомъ-посредникомъ между Азіатскимъ Востокомъ и Египтомъ всего естественнѣе считать Финикіянъ, которые могли привозить въ прибрежныя страны Греціи и смежнаго съ нею сѣвера и свои фабрикаты, представлявшіе подражанія иноземнымъ образцамъ, и предметы торговли, добытые прямо въ Египтѣ и на Востокѣ. Но если съ большою вѣроятностью указывается народъ - поставщикъ легко переносимыхъ иноземныхъ фабрикатовъ, то кто же былъ тотъ народъ, который оставилъ по себѣ слѣды обширной дѣятельности въ Арголидѣ, преимущественно въ Микенахъ и Тиринѳѣ? Много было высказано разныхъ взглядовъ по этому вопросу. Покойный нашъ академикъ Стефани усмотрѣлъ здѣсь даже Готовъ или Геруловъ, явившихся въ Пелопоннесъ въ III и IV ст. нашей эры! Другіе видѣли здѣсь Карійцевъ, третьи Ахеянъ. Къ признанію этого послѣдняго народа склоняется и проф. Коллиньонъ, слѣдуя греческимъ преданіямъ объ Ахеянахъ, вышедшихъ сюда изъ Лидіи, съ Пе-

[1] *Schliemann*, Mykenae. Bericht über meine Forschungen und Entdeckungen in Mykenae und Tiryns. Mit einer Vorrede von W. E. Gladstone. Leipzig 1878; *Schuchardt*, Schliemann's Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenä, Orchomenos, Ithaka im Lichte der heutigen Wissenschaft. Leipzig 1891, стр. 166 и слѣд. Западно-европейская литература по этому вопросу, равно какъ и по вопросу о Троѣ, очень обширна и разнообразна. Изъ русскихъ обозрѣній см. *В. П. Бузескулъ*, Раскопки Шлиманна въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѳѣ (Филологическое Обозрѣніе I, стр. 19 и слѣд.); *И. Цвѣтаевъ*, Учеб. атласъ антич. ваянія I, таб. IV—VII.

лопсомъ во главѣ, который положилъ здѣсь начало Ахейской династіи. Ахейскіе цари послѣ далеко расширили свою власть по Пелопоннесу и надъ островами Эгейскаго моря.

Остается не менѣе интересный вопросъ—хронологическій. „Микенская“ эпоха восходитъ въ древнѣйшихъ образцахъ, судя по египетскимъ источникамъ, къ XV и XIV ст. до Р. Х., по самому умѣренному счету; ея цвѣтущій періодъ приходится на время отъ XV до XII вѣка; онъ, такимъ образомъ, предшествуетъ нашествію Дорянъ на Пелопоннесъ, относимому къ 1104 году до нашей эры. Народъ сильный физическою и военною мощью, но несравненно менѣе культурный, чѣмъ представители цвѣтущей поры „Микенской“ эпохи, Доряне нарушили поступательное движеніе искусствъ. Съ этого времени началось быстрое паденіе цивилизаціи прежнихъ Пелопоннесскихъ государствъ. Грубые побѣдители не усвоили сравнительно уже изящныхъ формъ жизни побѣжденнаго населенія. Микенская культура, вслѣдствіе обѣдненія страны и выселенія ея прежнихъ жителей изъ Полопоннеса, неминуемо должна была замерѣть: время ея постепеннаго упадка относятъ къ XI—IX вѣкамъ до нашего лѣточисленія.

Гибельныя послѣдствія разрушенія „Микенской“ цивилизаціи неисчислимы. Греціи послѣ того пришлось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ учиться снова тому, что было ея достояніемъ ранѣе Дорическаго разгрома. Пришлось снова обращаться къ тому же Востоку за уроками, который былъ ея учителемъ и въ древнѣйшій періодъ. Время этого вторичнаго обученія обнимаетъ собою IX—VII вѣка до Р. Х. Къ этой порѣ по преимуществу относятся данныя для исторіи искусства Гомеровскихъ поэмъ; это время геометрическаго стиля въ живописи и пластикѣ; это время преобладанія восточныхъ формъ въ греческомъ искусствѣ; къ концу этого періода относится образованіе главнѣйшихъ пластическихъ типовъ Греціи.

Совершенно вѣрно представляется г. Коллиньономъ искусство Гомера стоящимъ на гораздо низшей ступени, чѣмъ искусство Микенской эпохи лучшей поры. Совершенно справедливо указываются имъ и значеніе финикійскаго ввоза различныхъ товаровъ къ Грекамъ, и принадлежность различныхъ предметовъ роскоши, упоминаемыхъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ, другимъ странамъ и народамъ; справедливы его указанія на подражаніе чужимъ образцамъ — ассирійскимъ, египетскимъ, финикійскимъ. въ описаніяхъ такихъ фантастическихъ произведеній искусства,

какъ щитъ Ахилла, и на важность критскихъ находокъ, дающихъ намъ твердыя точки опоры для сужденія о тѣхъ реальныхъ предметахъ, которые могли проноситься въ воображеніи поэта, при описаніи этого щита. — Въ вопросѣ о геометрическомъ стилѣ греческаго искусства Коллиньонъ сопоставляетъ замѣчательный памятникъ вазовой живописи съ образцами чеканной бронзы и, описывая ихъ, даетъ вѣрную характеристику этого оригинальнаго направленія орнаментики, разъ появившагося и затѣмъ безповоротно смѣненнаго иными, болѣе естественными формами.

Немногими, но характерными примѣрами иллюстрируетъ нашъ авторъ „восточный стиль“ живописи и скульптуры этой эпохи. Опредѣляя начало его въ произведеніяхъ Грековъ Малой Азіи и острововъ, гдѣ вліяніе ассирійскаго и египетскаго искусства чрезъ посредство Лидіи, Финикіи, Фригіи было столь естественно, онъ указываетъ на постепенное распространеніе его на материкѣ собственной Греціи,—въ Беотіи, въ Аттикѣ, въ Пелопоннесѣ, на необычайную производительность мастерскихъ Коринѳа и Халкиды, сдѣлавшихся центрами этого оріентализирующаго производства и путемъ дѣятельной колонизаціи распространившихъ произведенія этого рода въ Сициліи и Италіи.

Изучая матеріалъ, сюда относящійся, проф. Коллиньонъ приходитъ къ заключенію, что греческій геній къ концу VII вѣка мало-по-малу освободился отъ гнета восточныхъ образцовъ. Чисто греческіе сюжеты, заимствованные у миѳологіи, съ этого времени занимаютъ въ произведеніяхъ живописи и скульптуры первое мѣсто, восточный же элементъ, постепенно суживаясь въ размѣрахъ, получаетъ лишь декоративный характеръ. Отъ прежняго его могущества остаются гирлянды лотуса, пальметты и другія немногія украшенія, занимающія мѣсто бордюра, рамы для картинъ уже чисто греческой миѳологіи. Памятники съ явнымъ преобладаніемъ греческаго элемента начинаются съ VII столѣтія: одни изъ нихъ ясны для насъ въ живописныхъ изображеніяхъ вазъ, другія извѣстны лишь благодаря подробнымъ описаніямъ, какъ знаменитый Ларецъ Кипсела, видѣнный во II ст. нашей эры въ Олимпіи, въ храмѣ Геры, Павсаніемъ [1] и послужившій темой многихъ ученыхъ изслѣдованій въ новое время.

[1] Pausan. V, 17 и 18.

Нужно признать несомнѣннымъ мастерство, съ которымъ г. Коллиньонъ разобрался въ матеріалѣ столь обширномъ и столь разнообразномъ, который онъ долженъ былъ изучать и излагать до настоящей поры. Чтобы яснѣе представить характеристику художествъ на почвѣ греческаго міра съ до-историческихъ поръ до конца VII вѣка, онъ долженъ былъ вмѣстѣ разсматривать и керамику, и скульптуру и живопись многихъ и совершенно различныхъ эпохъ, дѣятелями которыхъ являлись разные народы, какъ извѣстные, такъ и темные, лишь гадательно опредѣляемые.

Только съ VI вѣка до Р. Хр. почва для историка греческой скульптуры становится тверже; только съ этого времени онъ можетъ излагать ея самостоятельное развитіе, не разсѣевая своего вниманія между разнородными искусствами и ремеслами. Это конечно не избавляетъ его отъ необходимости привлекать и произведенія живописи для сравненія, но дѣлается это лишь по временамъ; во всякомъ случаѣ памятники скульптуры Грековъ, сохранившіеся до нашего времени, начинаются съ конца VII вѣка и съ VI ст. въ распоряженіи историка ихъ становится все больше и больше. Только съ этого времени начинаются статуи и рельефныя изображенія большихъ размѣровъ, служившія украшеніями храмовъ и другихъ архитектурныхъ сооруженій.

Приступая къ изложенію статуарнаго дѣла Грековъ, нашъ авторъ начинаетъ съ древнѣйшихъ извѣстій о божескихъ статуяхъ, какимъ является упоминаніе о сидящей статуѣ Аѳины въ храмѣ Трои у Гомера, и даетъ весьма полную характеристику древнѣйшихъ изваяній изъ дерева (τὰ ξόανα). Путемъ подбора литературныхъ свидѣтельствъ и аналогій, представляемыхъ глиняными статуэтками, найденными въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи и отвѣчающими древнѣйшимъ формамъ деревянныхъ божескихъ идоловъ, профессоръ Коллиньонъ указываетъ разные этапы этой первобытной, деревянной скульптуры. Наиболѣе развитыя формы ея, приписываемыя народными преданіями миѳическому Дедалу и встрѣчающія себѣ аналогію въ египетскомъ искусствѣ, онъ находитъ возможнымъ указать въ такъ называемомъ „Аполлонѣ" изъ Орхомена, въ Беотіи—наиболѣе грубой изъ мраморныхъ статуй мужскаго типа, дошедшихъ до насъ и открывающей собой длинную серію этихъ обнаженныхъ „Аполлоновъ" съ вытянутами по бо-

камъ руками, съ выставленною впередъ лѣвою ногой, съ неизмѣнною улыбкой на устахъ. [1]

Женскій типъ эпохи деревянныхъ изваяній сталъ для насъ яснымъ въ мраморныхъ образцахъ скульптуры VI вѣка, недавно найденныхъ на островѣ Делосѣ, во время французскихъ раскопокъ. Одна изъ нихъ, предполагаемая статуя Артемиды, совершенно напоминаетъ издѣлія идоловъ изъ досокъ: такъ велико сходство этой статуи съ доской и такъ мало истиннаго сходства съ женскою фигурой. [2] Пользуясь другими образцами мраморныхъ женскихъ изваяній, нашъ авторъ указываетъ, какъ мало-по-малу создавался первый изъ извѣстныхъ намъ женскихъ типовъ. И для этого онъ склоненъ искать прототипа на чужбинѣ, именно въ статуарномъ искусствѣ Ассиріи. Выработку этихъ двухъ типовъ, мужской обнаженной фигуры и женской, носящей одежду, профессоръ Коллиньонъ предполагаетъ уже готовою, установившеюся во второй половинѣ VI столѣтія до Р. Хр., когда получило у Грековъ свое начало статуарное производство изъ твердаго камня. Дальнѣйшему времени предстояло лишь развивать ихъ, мало-помалу приближаясь къ природѣ, къ формамъ дѣйствительности.

Этими замѣчаніями о первоначальной скульптурѣ изъ дерева авторъ заканчиваетъ свою первую „книгу“. По количеству собраннаго здѣсь матеріала и по разнообразію его характера, эта часть сочиненія представила ему наибольшія трудности.

Легче для него становился трудъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Вопреки своимъ предшественникамъ, профессоръ Коллиньонъ время греческаго ваянія съ конца VI ст. до Персидскихъ войнъ дѣлитъ на два отдѣльные періода. Первый, подъ особымъ заглавіемъ „Les Primitifs“, обнимаетъ собою скулпторовъ и сохранившіеся памятники съ конца VII столѣтія, приблизительно по 520 г. до Р. Хр. Второй періодъ, носящій наименованіе „L'Archaïsme avancé“, простирается съ 520 года до Персидскаго разгрома 480 года.

Это дѣленіе, основанное на рѣзкомъ различіи характера скульптурнаго искусства за указанныя эпохи, строже и проще,

---

[1] *Brunn-Bruckmann,* Denkmäler der griechischen und römischen Sculptur №№ 76; 77; нашъ Учебный атласъ античн. ваянія I, таб. X. Сначала эти обнаженныя статуи назывались изображеніеми Аполлона; но съ тѣхъ поръ какъ нѣкоторые памятники этой категоріи были найдены на кладбищахъ, явилась возможность объясненія ихъ и какъ надгробныхъ статуй атлетовъ.

[2] *Brunn-Bruckmann* указ. изд. № 57а.; нашъ Атласъ I, таб. IX, № 3.

чѣмъ изложеніе того же самаго подъ рубрикой архаическаго періода, съ подраздѣленіемъ его на первую и вторую эпоху, у Овербека, Перри, Митчеля и друг. Но для насъ, можетъ-быть, было бы трудно подыскать термины, соотвѣтственные этимъ Les Origines, Les Primitifs, L'Archaïsme avancé.

Вторая „книга" посвящена обозрѣнію первой изъ указанныхъ выше эпохъ. Въ концѣ VII и въ теченіе всего VI столѣтія наибольшая скульптурная производительность проявляется на островахъ Эгейскаго моря, въ Іоніи и Азіатской Греціи. Отсюда и начинается обозрѣніе исторіи скульпторовъ и памятниковъ ваянія этого времени. На островѣ Наксосѣ, или по Плинію, на Хіосѣ началось употребленіе мрамора въ скульптурное дѣло; Паросъ далъ отличный мраморъ для этого искусства, распространившійся сначала по островамъ Эгейскаго моря, затѣмъ перешедшій и на материкъ Греціи. На Наксосѣ найдена древнѣйшая, принадлежащая VII столѣтію, надпись съ именемъ скульптора Ификартида; на Наксосѣ дѣлана, вѣроятно, и вышеназванная статуя Артемиды, открытая на островѣ Делосѣ: судя по надписи, посвятительница этой статуи, Никандра, была уроженкой острова Наксоса, и потому весьма правдоподобно предположеніе, что она привезла эту статую съ своей родины уже готовою, такъ какъ Делосской школы скульпторовъ ни въ мраморѣ, ни въ бронзѣ не было.

Одновременно съ оживленною дѣятельностью скульпторовъ Наксоса видимъ неменѣе сильное производство на островѣ Хіосѣ; матеріаломъ здѣшнихъ изваяній служитъ также паросскій мраморъ. Плиній Старшій [1] отнесъ основаніе хіосской школы скульпторовъ Мелантомъ къ самому началу счисленія по олимпіадамъ, то-есть къ 776 году до Р. Хр., и установилъ преемство этого искусства въ четырехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Хотя наука справедливо отвергла эту невозможную хронологическую дату, по справедливости заподозривъ дѣйствительное существованіе Меланта, называемаго въ преданіяхъ сыномъ Посейдона; но неоспоримъ фактъ скульптурной дѣятельности художниковъ Миккіада и сына его Архерма, называемыхъ Пиніемъ сыномъ и внукомъ Меланта. Съ этими именами найдена статуя крылатой Артемиды, по однимъ ученымъ, или Побѣды (Ники) по

[1] Plin. Nat. Hist. XXXVI, 11.

другимъ. [1] Характеръ надписи указываетъ на принадлежность статуи и ея творцовъ первой половинѣ VI столѣтія до Р. Хр. Какъ ни поражаетъ насъ своею грубостью это изваяніе, но идея и посильное исполненіе въ мраморѣ фигуры, летящей по воздуху уже сами по себѣ представляютъ широту замысла художниковъ, очевидно, ушедшихъ далеко отъ тѣхъ изъ собратій, которые ограничивались дѣланіемъ мужскихъ статуй въ видѣ „Аполлоновъ“ и женскихъ фигуръ совершенно неподвижнаго, скованнаго въ своихъ дѣйствіяхъ типа.

Архермъ, дѣлавшій эту статую въ сообществѣ съ отцомъ своимъ, пользовался очевидно славой среди своихъ современниковъ: кромѣ Делоса и своего отечественнаго города, его произведенія существовали на Лесбосѣ и даже въ Аѳинахъ. Время разцвѣта его дѣятельности указываютъ между 580—550 годами до Р. Хр. Искусство ваянія было наслѣдственнымъ въ этой фамиліи: дѣти Архерма, Бупалъ и Аѳеній, прославили произведеніями свою родину Хіосъ; они работали для Делоса, для Крита, Смирны и другихъ мѣстъ. При Августѣ статуи Бупала упоминаются въ Римѣ, какъ вывезенныя изъ греческихъ городовъ.

Новѣйшія раскопки на островѣ Делосѣ открыли нѣсколько статуй, служащихъ для характеристики хіосской скульптуры, сдѣлавшей въ теченіе первой половины VI столѣтія огромные успѣхи. Теперь становится яснымъ, почему хіосскіе художники вызываются въ Аѳины при Пизистратѣ и имѣютъ тамъ успѣхъ. Это, по всей вѣроятности, скульпторы Хіоса вводятъ въ свои произведенія роскошную іонійскую драпировку женскихъ фигуръ, которая замѣчается и въ нѣкоторыхъ Делосскихъ статуяхъ, [2] и въ длинномъ рядѣ женскихъ изваяній Аѳинскаго Акрополя времени съ Пизитрата до Персидскаго разгрома Аѳинъ въ 480 году, о которыхъ мы должны будемъ сказать нѣсколько словъ немного ниже. Стремленіе къ изяществу формъ и старательность въ отдѣлкѣ подробностей костюма, доходящая до изысканности, служатъ характерными свойствами скульптурной школы Хіоса. Дальнѣйшее вліяніе ея на ваятелей Аттики не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Вопросъ о художественной производительности такихъ цент-

---

[1] *Homolle*, Bull. de Correspondance Hellénique III, pl. VI, VII. *И. Цвѣтаевъ.* Учеб. Атл. античн. ваянія I, таб. IX, №№ 4—5.

[2] Нашъ Атласъ, I таб. IX, №№ 6—7.

ровъ, какъ Наксосъ и Хіосъ въ эпоху до 520 годовъ выясняется главнымъ образомъ, благодаря археологическимъ открытіямъ послѣднихъ десятилѣтій, давшимъ наукѣ нѣсколько драгоцѣннѣйшихъ образцовъ ваянія этой поры. Проф. Коллиньонъ стоитъ на высотѣ своей задачи, проводя предъ глазами читателя и свидѣтельства древнихъ писателей и недавно найденныхъ надписей, и главнѣйшіе памятники этого своеобразнаго искусства.

Менѣе новаго матеріала получила наука послѣдняго времени отъ раскопокъ въ Іоніи и Азіатской Греціи, благодаря тому, что Англичане и Французы уже издавна обращали туда свое вниманіе и много лѣтъ назадъ обогатили свои музеи драгоцѣнными образцами архаической скульптуры. Для изученія ваянія Малой Азіи этого періода нужно отправляться въ Лондонъ, Парижъ и частію въ Нью-Йоркъ. Поэтому и въ соотвѣтственномъ обозрѣніи памятниковъ ваянія у г. Коллиньона (кн. II, гл. II) мы встрѣчаемся въ наибольшемъ количествѣ со старыми знакомыми: статуей Самосской Геры въ видѣ колонны, своеобразнымъ памятникомъ Луврскаго музея, съ Милетскими статуями сидящихъ мужчинъ и женщинъ со священной дороги близъ храма Дидимейскаго Аполлона, съ образцами фриза храма изъ Асса въ Троадѣ, съ самоѳракійскимъ барельефомъ, изображающимъ Агамемнона, Талѳибія и Эпея. [1] Но и здѣсь внесены нашимъ авторомъ нѣкоторые новые матеріалы, а старые объясняются съ полнотой и отчетливостью, которыя являются въ первый разъ и не въ одной Франціи въ трудахъ общаго характера. Со статуей Самосской Геры Коллиньонъ справедливо сопоставляетъ одну женскую статую, найденную въ 1887 году близъ Эрехѳейона въ Аѳинахъ, обнаруживающую близкое съ нею сходство, и бюстъ, открытый также на Аѳинскомъ Акрополѣ, того же самосскаго типа.

Богатый съ начала VII столѣтія и могущественный въ слѣдующемъ вѣкѣ, Самосъ считается родиной усовершенствованія литейнаго дѣла Грековъ. Отсюда вышелъ, по однимъ преданіямъ, Главкъ, называемый изобрѣтателемъ новаго способа обработки металла. Здѣсь Ройкъ и Ѳеодоръ въ первый разъ начали отливать статуи изъ бронзы, открывъ тѣмъ самымъ новую эпоху въ исторіи греческой скульптуры. Время Ройка относится, по болѣе вѣроятнымъ даннымъ, къ началу VI вѣка до

---

[1] *Clarac*, Musée de Sculpture II, pl. 116, 238, нашъ Учеб. Атласъ античн. ваянія I, таб. VIII, IX.

Р. Хр., тогда какъ разцвѣтъ разнообразной дѣятельности Ѳеодора принадлежитъ половинѣ этого столѣтія. Въ числѣ его закащиковъ былъ и знаменитый тиранъ самосскій Поликратъ; для Эфеса онъ вмѣстѣ съ другими строитъ храма Артемиды, впослѣдствіи сожженный Геростратомъ, на Лемносѣ онъ принимаетъ участіе въ устройствѣ Лабиринта, въ Спартѣ онъ возводитъ огромное зданіе, служившее еще въ римскую эпоху для народныхъ собраній. Какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, какъ чеканщикъ и литейщикъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго: оттого насчетъ его необычайнаго искусства сложились цѣлыя легенды. Профессоръ Коллиньонъ характеризуетъ и матеріальное процвѣтаніе Самоса, и школу его мастеровъ, работавшихъ преимущественно въ бронзѣ, и главнѣйшіе памятники, какъ дошедшіе до насъ, такъ и тѣ, о которыхъ сохранилось только литературное преданіе, и вопросъ о томъ, въ чемъ состояла особенная заслуга Главка, съ одной стороны, и Ройка и Ѳеодора, съ другой, при существованіи обработки металловъ уже въ древнѣйшую пору Греціи—все это онъ характеризуетъ очень ясно и съ достаточною для общаго сочиненія полнотою.

То же свойство мы должны отмѣтить въ очеркѣ скульптуры этого времени въ Малой Азіи. Вопросъ о Милетскихъ статуяхъ имъ изложенъ рельефнѣе и полнѣе его предшественниковъ; образцовъ этихъ изображдній онъ даетъ болѣе, чѣмъ Овербекъ, Мэррей и Митчель. Типъ лица этихъ безголовыхъ статуй (за исключеніемъ одной), неясный въ прежнихъ изложеніяхъ, до нѣкоторой степени становится понятнымъ послѣ сопоставленія съ этими статуями бюста, найденнаго тамъ же, на мѣстѣ Дидимъ, въ нынѣшней Гіерондѣ. При характеристикѣ скульптуры храма Діаны Эфесской, проф. Коллиньонъ воспользовался данными раскопокъ г. Вуда и изслѣдованіями Мэррея: въ числѣ его рисунковъ справедливо является и реставрированная послѣднимъ ученымъ часть колонны знаменитаго храма Эфеса, покрытой скульптурными украшеніями и носящей надпись съ именемъ Креза, который принесъ это произведеніе искусства въ даръ богинѣ. [1] Это громкое въ исторіи имя придаетъ величайшую цѣну памят-

[1] *Brunn-Bruckmann*, указ. изд. № 148. Рисунокъ этого памятника, представленный въ нашемъ Атласѣ (I, таб. XVII, № 3), послѣ новѣйшихъ работъ Мэррея становится уже недостаточнымъ и потому въ ближайшемъ изданіи его будетъ замѣненъ нами другимъ.

нику, здѣсь изображенному. Баснословно богатый царь Лидіи могъ сдѣлать даръ великолѣпному храму Артемиды, только наиболѣе цѣнный, наиболѣе художественный. Онъ поставилъ на немъ свое имя, конечно, на память современниковъ и отдаленнаго потомства, поэтому мы въ правѣ судить по скульптурнымъ изображеніямъ этого дара о состояніи ваянія въ его время. Мастеръ, дѣлавшій эти рельефы, долженъ быть однимъ изъ лучшихъ представителей тогдашняго искусства.

Характеристику скульптуры Іонянъ Малой Азіи нашъ авторъ заканчиваетъ упоминаніемъ о вліяніи ея, съ одной стороны, на дорическое населеніе острова Родоса и, съ другой, на финикійско-египетское искусство Кипра, на художниковъ Финикіи и, немного позднѣе, на искусство Персіи.

Раскопки послѣднихъ десятилѣтій дали много новаго матеріала по исторіи древнѣйшаго періода скульптуры на островахъ Эгейскаго моря и частію въ Малой Азіи. Благодаря тѣмъ же археологическимъ открытіямъ новѣйшаго времени, становится яснѣе первичная эпоха ваянія и на материкѣ Греціи, особенно въ такихъ областяхъ какъ Беотія, Аттика, Лаконія. До археологическихъ изысканій Аѳинской Французской Археологической Школы въ Беотіи, начатыхъ на мѣстѣ святилища Птойскаго Аполлона и до необычайно плодотворныхъ новѣйшихъ раскопокъ самихъ Грековъ на Аѳинахъ Акрополѣ мы ничего не знали о характерѣ древнѣйшаго ваянія въ этихъ областяхъ. Въ настоящее же время проф. Коллиньонъ создаетъ новый большой отдѣлъ въ своей книгѣ, котораго не было у его предшественниковъ. Отъ скульпторовъ Беотіи получились обнаженныя фигуры типа „Аполлоновъ“ въ формѣ нѣсколькихъ статуй. Въ лучшихъ образцахъ этой категоріи искусство дѣлаетъ уже значительный прогрессъ въ сравненіи съ самымъ древнимъ образцомъ этого типа, „Аполлономъ“ изъ Орхомена, принадлежащимъ этой же области. Кромѣ нѣкоторыхъ успѣховъ въ анатоміи, скульпторы занимающей васъ поры рѣшаются на нововведеніе въ этомъ, какъ бы канонизированномъ, типѣ: они уже нѣсколько отдѣляютъ руки отъ боковъ и бедръ, чего не позволяли себѣ художники предшествующаго времени, хотя еще и вытягиваютъ ихъ въ томъ же отвѣсномъ и бездѣйственномъ положеніи. Слѣдя за этими подробностями, мы такимъ образомъ научаемся познавать, съ какою

постепенностью, какимъ медленнымъ, хотя и постояннымъ шагомъ двигалось скульптурное искусство Грековъ въ своемъ историческомъ развитіи. Наибольшаго развитія въ формахъ стана, ногъ, головы и лица этотъ первичный типъ обнаженныхъ мужскихъ фигуръ достигъ въ изваяніи, найденномъ въ 1854 г. въ Пелопоннесѣ, въ Тенеѣ, и въ настоящее время хранящемся въ Мюнхенской Глиптотекѣ.[1] Послѣ этого выступаетъ уже новый родъ соотвѣтственныхъ скульптуръ съ свободною и естественною позой рукъ.

Ученіе о скульптурѣ Аттики въ эту эпоху составляетъ исключительный плодъ раскопокъ новаго времени. Прежнія исторіи греческой пластики не имѣли этого отдѣла совсѣмъ. Новѣйшія находки познакомили ученый и художественный міръ и съ новымъ матеріаломъ, которымъ пользовались аттическіе ваятели, и съ цѣлымъ рядомъ скульптурныхъ сюжетовъ, неизвѣстныхъ доселѣ. Съ незапамятныхъ поръ водворилось въ Аттикѣ ремесло вырѣзыванія изъ дерева; въ Аѳинахъ и въ историческія времена существовалъ цехъ такъ-называемыхъ Дедалидовъ, славившихся этимъ искусствомъ и производившихъ свое имя и свой родъ отъ знаменитаго въ греческой миѳологіи Дедала. Раскопки на Аѳинскомъ Акрополѣ показали, что ваятели перешли отъ дерева къ мрамору непрямо, а черезъ посредство особаго известняка, который своею чрезвычайною мягкостью представлялъ большія удобства для неопытныхъ мастеровъ. Этотъ камень (πῶρος, πώρινος λίθος) открытъ въ значительныхъ остаткахъ фронтонныхъ группъ нѣсколькихъ древнѣйшихъ храмовъ Акрополя. Сюжетъ этихъ изваяній разнообразенъ: въ одной группѣ представлена борьба Зевса съ Тиѳономъ и сраженіе Геракла съ Эхидною, матерью Тиѳона; въ другой изображена борьба Геракла съ Тритономъ; въ третьей мы встрѣчаемъ борьбу съ Лернейскою гидрой; въ четвертой видимъ буйвола, растерзываемаго львами и пр. Открытіе этихъ туфовыхъ скульптуръ, обильно насыщенныхъ яркими красками,[2] явилось настоящимъ откровеніемъ для археологовъ и потому вызвало цѣлую литературу въ Западной Европѣ. Греція сочла нужнымъ послать точныя копіи съ главнѣйшихъ изображеній ихъ даже на Парижскую всемір-

[1] *Brunn-Bruckmann* указ. изд. № 1; нашъ Атласъ I, таб. X, № 3.

[2] Превосходные образцы этой раскраски даются и г. Коллиньономъ. но всего лучше представлена голова Тиѳона въ Antike Denkmäler, herausgegeb. vom Deutsch. Archäol. Institut I, Taf. 30. Ср. нашъ Атласъ I, таб. XXIII, №№ 4—5; XXIV, №№ 1—2,

ную выставку 1889 года. Естественно, что и профессоръ Коллиньонъ отвелъ подобающее мѣсто обозрѣнію этихъ важныхъ пріобрѣтеній исторіи греческаго искусства. Останавливаться долѣе на этомъ вопросѣ мы здѣсь не станемъ, имѣя намѣреніе говорить о результатахъ новѣйшихъ археологическихъ раскопокъ въ Аѳинахъ въ другой статьѣ на страницахъ этого журнала.

Сведеніемъ главныхъ свидѣтельствъ греческой и латинской литературы о древнѣйшей порѣ ваянія въ Пелопоннесѣ и Сициліи и характеристикою наиболѣе важныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ, заканчиваетъ нашъ авторъ вторую „книгу“ своего сочиненія. Количество памятниковъ, обозрѣваемыхъ имъ здѣсь, значительно больше, чѣмъ у его предшественниковъ; изображенія ихъ несравненно лучше, чѣмъ у кого бы то ни было изъ авторовъ общихъ обозрѣній исторіи греческой скульптуры.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

И. Цвѣтаевъ.

* * *

Скрылися тучи!.. И смолкнули въ сердцѣ
Ропотъ невольный, печаль!..
Вновь освѣтили мечты и надежды
Жизни лукавую даль!

Сонъ ли обманчивый, призракъ ли странный
Сердцу забыться помогъ?...
Ризой ли свѣтлою въ сумракѣ ночи
Съ неба повѣялъ мнѣ Богъ?..

Еле колышатся тѣни ночныя...
Кто же послалъ мнѣ покой?..
Чуткая ночь будто дремлетъ и дышетъ!..
Звѣзды горятъ надъ землей!..

М. Іевлевъ.

КЛИМАТЫ И ЭНДЕМІИ.

Локалистическое ученіе о холерѣ, желтой лихорадкѣ и маляріи P. Ch. Pauly.[1]

(Переводъ съ нѣмецкаго реферата H. Reimer'а, съ дополненіями изъ подлинника д-ра И. Ф. Лебедева.)

Предисловіе переводчика.

Въ *Вѣстникѣ Общественной Гигіены* (январь 1893 года) появилась статья: *Мѣстныя условія, располагающія къ развитію холерныхъ эпидемій и охраняющія отъ нихъ по ученію P. Ch. Pauly.* Книга Pauly вышла въ концѣ 1874 года, а у насъ послѣдній холерный годъ былъ 1873; вотъ почему, между прочимъ, работа Pauly о холерѣ не обратила на себя особеннаго вниманія. Не будучи увѣренными—явится ли когда-нибудь полный переводъ книги Pauly на русскій языкъ, мы считаемъ нелишнимъ ознакомить публику съ этимъ интереснымъ трудомъ теперь, когда холера произвела уже у насъ большія опустошенія и угрожаетъ тѣмъ же въ предстоящіе годы. Есть довольно подробный рефератъ книги Pauly на нѣмецкомъ языкѣ, H. Reimer'а [2], извѣстнаго писателя по климатологіи. Мы находимъ удобнымъ напечатать полный переводъ этого реферата, съ оцѣнкой работы нѣмецкою критикой, и прибавить подходящія дополненія изъ подлинника. Стараясь выбирать наиболѣе характерныя мѣста изъ кни-

[1] Climats et endémies. Esquisses de Climatologie comparée par P. Ch. Pauly, médecin principal de premier classe, médecin en chef de l'hôpital militaire d'Oran et de la division d'Oran. Paris, G. Masson, éditeur. Предисловіе помѣчено: Oran, juillet 1874 г., 744 стр.

[2] *Fortschritte der Klimatologie in Frankreich* стр. 247—275, въ журналѣ: *Viertel-jahrschrift für Klimatologie* изд. H. Reimer 1876 г. Leipzig.

ги Pauly, мы придерживались главнымъ образомъ фактической стороны его работы. Въ выдержкахъ изъ столь обширнаго труда мы могли только вскользь упоминать о цѣлыхъ интересныхъ отдѣлахъ при описаніи каждой климатической области, каковы отдѣлы по ботаникѣ, геологіи, гидрологіи, физической географіи, орографіи (описаніе горъ), этнографіи (описаніе народовъ), а также объ исполненной достоинства и обстоятельности полемикѣ Pauly съ контагіонистами. Всѣми подробностями можетъ удовлетворить только подлинникъ, изложенный живо, увлекательно и общедоступно.

Не предрѣшая, чтобъ изысканія Pauly могли объяснить всѣ загадочные вопросы въ ученіи объ инфекціонныхъ болѣзняхъ,— въ чемъ откровенно оговаривается самъ авторъ,—мы не можемъ не замѣтить однако же, что собранныя имъ указанія многихъ солидныхъ писателей, подкрѣпленныя личными наблюденіями въ Алжиріи, даютъ много основаній для уясненія причинъ здоровости и нездоровости извѣстныхъ мѣстъ, а также степени распространенія въ нихъ тѣхъ заразныхъ болѣзней, которыя разбираетъ Pauly.

Мѣры борьбы съ холерой, послѣдовательно и настойчиво примѣненныя по принципамъ Пóли и Петтенкофера, обѣщаютъ весьма вѣроятный успѣхъ, особенно въ небольшихъ городахъ и деревняхъ. Для большихъ городовъ правильная сплавная канализація [1], дренированіе низкихъ мѣстъ, предупрежденіе скученія бѣднаго населенія давно уже проповѣдывались Шервеномъ, Петтенкоферомъ, Эрисманомъ и мн. др.; Pauly присоединяется къ нимъ со всею силой своего убѣжденія, выработаннаго всесторонними изслѣдованіями его руководящей идеи.

---

[1] Къ удивленію, несмотря на тяжелый урокъ прошлогодней эпидеміи, въ періодической печати не встрѣчается даже предположеній объ устройствѣ канализаціи въ какомъ-либо изъ нашихъ городовъ, или, по крайней мѣрѣ, извѣстій объ основательной очисткѣ во время зимы; вопросъ по канализаціи Кіева и Москвы рѣшенъ еще до холеры; въ Одессѣ, Варшавѣ и Ялтѣ канализація давно построена. О запасахъ же дезинфекціонныхъ средствъ свѣдѣній не мало. Видимо, что господство контагіонистическихъ воззрѣній отводитъ глаза отъ болѣе существенныхъ мѣръ.

Рефератъ H. Reimer'a.

Книга Pauly обязана своимъ появленіемъ долголѣтнимъ наблюденіямъ въ Алжиріи; она такъ добросовѣстно и основательно обработана, во многихъ случаяхъ такъ оригинальна, что въ высокой степени заслуживаетъ нашего вниманія [1]. Въ то время, какъ у другихъ французскихъ писателей мы удивлялись незнанію литературъ англійской и нѣмецкой, у Pauly мы встрѣтили тщательное изученіе всѣхъ выдающихся работъ иностранныхъ писателей. Вмѣстѣ съ „Историко-географической патологіей" Гирша онъ пользовался „Міромъ растеній" Гризебаха и всегда старается въ своей книгѣ приводить изъ этихъ писателей большія цитаты, чтобы познакомить съ ними своихъ соотечественниковъ. Географическія познанія Pauly расширилъ выдержками изъ статей журнала Петермана, и, въ противоположность господствующей манерѣ излагать климатологическія разсужденія гадательно, онъ подкрѣпляетъ свои аргументы точными географическими фактами. Pauly старается доказать, что климаты такъ же, какъ населенныя мѣста и жилища рѣзко дѣлятся на *здоровые* и *нездоровые*, смотря по тому, въ какомъ количествѣ и постоянствѣ къ нимъ имѣетъ доступъ дѣятельный кислородъ атмосфернаго воздуха. Въ большей части обитаемыхъ мѣстъ гигіеническія условія тѣсно связаны съ очертаніемъ почвы. Обширныя равнины и плоскогорья отличаются почти всегда здоровымъ климатомъ; большая часть гористыхъ островов подъ тропиками—также, если въ центрѣ острова горы образуютъ коническія возвышенія. Напротивъ, узкія береговыя полосы, которыя замыкаются идущими по длинѣ берега цѣпями горъ (какъ, напримѣръ, бразильскій берегъ отъ Ріо до Бахіи и восточный Центральной Америки и т. п.) всегда нездоровы и суть постоянные очаги маляріи. Это замѣчаніе относится также къ тѣмъ островамъ, которые по длинной оси своей перерѣзываются горными кряжами, какъ Мадагаскаръ, Суматра, Ява,—когда направленіе господствующихъ вѣтровъ не параллельно горнымъ цѣпямъ, а болѣе или менѣе поперечно къ

[1] Pauly. Climats et endémies. Esquisses de climatologie comparée. Paris, 1875.

послѣднимъ. Также многіе пункты богатаго побережья Средиземнаго моря подлежатъ тому же закону. Берега этого моря защищены довольно высокими горами, которыя своими отрогами образуютъ большое количество изолированныхъ, полукруглыхъ, запертыхъ бухтъ, съ болѣе или менѣе широкою береговою полосой, снабженною небольшими рѣчками и всегда чрезвычайно плодородною. Въ каждой такой полукруглой котловинѣ, богато одаренной природой, въ прежнія времена возникали самостоятельныя политическія группы, ревностно охранявшія свою независимость, республики (Спарта, Смирна, Тирзусъ и т. п.), отличавшіяся всегда богатствомъ и благосостояніемъ. Но въ этихъ морскихъ заливахъ малярія была постояннымъ зломъ, то затихая по временамъ, то возрождаясь съ новою силой. Эти же наблюденія указываютъ также на необходимость свободной вентиляціи человѣческихъ жилищъ (въ особенности госпиталей, казармъ и т. п.), которыя должны имѣть постоянный притокъ свѣжаго воздуха. (*См. прил. 1).*

Изъ числа самыхъ распространенныхъ и тяжелыхъ эндемій три ясно зависятъ отъ климатическихъ вліяній—это: малярійныя лихорадки, холера и желтая лихорадка [1].

Слѣдуя съ запада на востокъ, Pauly описываетъ семь климатологическихъ поясовъ изъ различныхъ мѣстъ земной поверхности, въ которыхъ постоянно повторяющіяся одинаковыя явленія приводятъ его къ общимъ законамъ ихъ происхожденія. Вмѣстѣ съ авторомъ и мы начнемъ съ Центральной Америки.

Центральная Америка. Здѣсь находятся въ близкомъ сосѣдствѣ совершенно различныя въ гигіеническомъ отношеніи области, а именно: восточный или атлантическій берегъ и внутреннія плоскогорья Никорагва и Костарика. Атлантическій берегъ отъ Веракруса и мексиканской провинціи Табаско до самаго Панамскаго перешейка включительно отличается крайне нездоровымъ климатомъ. На всемъ протяженіи отъ 8 до 17 градуса широты восточный берегъ представляетъ низменную и гладкую равнину, на которой медленно текутъ рѣки, берущія начало въ

---

[1] Желтая лихорадка—заразная болѣзнь тропическихъ странъ; отечествомъ ея считаются Большіе Антильскіе острова. Болѣзнь характеризуется быстрымъ разложеніемъ крови, желтухой, кровоизліяніями во всѣ органы и ткани тѣла, наконецъ самымъ страшнымъ признакомъ—кровавою «черною рвотой» и задержаніемъ мочи. Приступъ лихорадки съ крайнимъ угнетеніемъ сознанія и желтухой убиваетъ больныхъ въ 1—3 дня.

Кордильерахъ, и возмущаются только по временамъ препятствіями, свойственными этой широтѣ. Періодическіе дожди выносятъ изъ первобытныхъ лѣсовъ много всякихъ обломковъ и иногда цѣлыя деревья, переплетенныя ліанами и другими вьющимися растеніями и растительными паразитами. Эти наносы запружаютъ устья рѣкъ и образуютъ лагуны, которыя быстро покрываются водяными растеніями. Лагуны представляютъ почти сплошной рядъ отъ Тибаско до Панамскаго перешейка, изрѣдка только прерываясь мысами, образуемыми отрогами Кордильеровъ. Такія низменныя, сырыя долины только изрѣдка встрѣчаются на западномъ берегу Гватемалы и Костарики, и тогда онѣ носятъ такой же характеръ флоры и опустошительной маляріи, какъ весь восточный берегъ. Почва послѣдняго исключительно наносная. Сѣверо-восточные пассаты гонятъ водяные пары океана къ гребню Кордильеровъ, и дожди тамъ идутъ почти цѣлый годъ. Сухое, или правильнѣе бѣдное дождями, время ограничивается февралемъ, мартомъ и апрѣлемъ; собственно дождливое продолжается отъ мая до октября и располагается такъ: послѣ великолѣпнаго утра къ полудню начинаютъ собираться облака; затѣмъ въ теченіе 1—2 часовъ идетъ проливной дождь, сопровождаемый ударами молніи; около 5—6 часовъ дождь перестаетъ, наступаетъ прекраснѣйшій вечеръ и ясная ночь. Позже, въ ноябрѣ, декабрѣ и отчасти въ январѣ, идутъ непрерывные дожди, извѣстные подъ именемъ „Temporales“. Что касается поверхности почвы, то при средней температурѣ въ 27°—30° Ц. развивается роскошная растительность. Но переселенцы избѣгаютъ этой мѣстности, ибо ея климатъ съ жаркою, влажною и неподвижною атмосферой уже черезъ нѣсколько дней обнаруживаетъ свое разрушительное дѣйствіе въ формѣ глубокой анэміи. О вредѣ климата для переселенцевъ на Гондурасскомъ берегу и вблизи его на островѣ Роатанѣ писалъ давно Lind. Уже черезъ нѣсколько дней является сильная рвота, головная боль, а 2—3 дня спустя наступаетъ разложеніе крови. Подобное же передаетъ Thion de la Chaume о Картагенѣ и Портобелло, называвшихся когда-то „могилой Испанцевъ“. То же относится къ Аспинвалю и Панамѣ, гдѣ желѣзная дорога стоила такого огромнаго количества человѣческихъ жизней. Изъ сказаннаго явствуетъ, что атлантическій берегъ Центральной Америки представляетъ гнѣздо эндемій, особенно малярійныхъ, и долженъ считаться однимъ изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстъ земнаго шара. Какъ причинные моменты, можно

назвать: аллювіальную почву, направленіе рѣкъ, періодическія наводненія, густые лѣса, проливные дожди, высокую температуру, москитовъ, которые наполняютъ лагуны съ гніющими органическими остатками, наконецъ, очертаніе почвы и застой атмосферы.

Этому типу нездоровыхъ мѣстъ авторъ противополагаетъ плоскія возвышенности Гватемалы и Гондураса, а также долины Никорагуа, лежащія очень невысоко надъ уровнемъ моря. Озеро Никорагуа лежитъ только на 36, а озеро Монагву на 47 метровъ надъ морскимъ уровнемъ. Высота сама по себѣ еще не обусловливаетъ здоровости мѣста. Кордильеры здѣсь ниже, чѣмъ въ остальной Центральной Америкѣ, и мѣстами даже прерываются. Они раздѣляются на двѣ цѣпи, изъ коихъ одна идетъ по берегу Атлантическаго океана, другая по берегу Тихаго съ отдѣльными конусами дѣйствующихъ вулкановъ. Близость моря объясняетъ чрезвычайную ровность температуры, которая колеблется между 26—31° Ц. Существенною причиной здоровости мѣстъ служатъ сѣверо-восточные пассатные вѣтры. Въ дождливое время года эти вѣтры перестаютъ дуть, тогда воздухъ становится влажнымъ и появляются легкія лихорадки; вообще же климатъ Никорагуа при правильномъ режимѣ одинъ изъ здоровыхъ въ жаркомъ поясѣ. *(См. прилож. 2)*.

Бразильскій берегъ. Во второй картинѣ Pauly изображаетъ климатъ Ріо-Жанейро и бразильскаго берега. Его характеризуютъ сильный жаръ и высокой степени влажность; слѣдствіемъ этихъ факторовъ является необыкновенно богатая растительность и густые первобытные лѣса на юго-восточномъ берегу. Безвѣтріе здѣсь часто, за исключеніемъ мыса Фріо; сильныя бури съ грозами, которыя прежде очищали неподвижную атмосферу, сдѣлались рѣже съ тѣхъ поръ, какъ начали истреблять первобытные лѣса. Въ общемъ климатъ Ріо сталъ хуже, ибо, несмотря на быстрое увеличеніе населенія, не принимается никакихъ мѣръ къ правильному очищенію города. *(См. прилож. 3)*.

Бассейнъ Ла-Платы. Третій предметъ изслѣдованія представляетъ бассейнъ рѣки Ла-Платы. Континентъ Южной Америки къ югу значительно суживается, постепенно дѣлаясь такимъ образомъ болѣе доступнымъ дѣйствію морскаго воздуха. Мы видимъ въ долинѣ Ла-Платы необозримую равнину отъ южной Бразиліи до цѣпи Андовъ. Главный хребетъ горъ отъ Кордовы имѣетъ среднюю высоту въ 600 метровъ (только отдѣльныя вер-

шины въ 1.000—2.000 метровъ), и не представляетъ поэтому нигдѣ достаточнаго загражденія для воздушныхъ теченій.

Его сѣверные и южные отроги постепенно спускаются уступами въ обширную равнину. Также мало ограждаютъ отъ вѣтровъ съ восточной стороны возвышенности Парагвая, представляющія скорѣе холмы небольшой высоты (около 400 метровъ). Такимъ образомъ вся равнина открыта восточнымъ и западнымъ морскимъ вѣтрамъ. Средняя годовая температура береговой полосы колеблется между 21 и 15° Ц.; въ равнинѣ же въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки температура часто подымается днемъ до 30—35° Ц., ночью же падаетъ до—2° Ц. Дневныя колебанія температуры между восходомъ солнца и 2 ч. пополудни относительно велики—въ 6°, иногда (если дуетъ Pampero) 15°, даже 18° Ц.

Въ Монтевидео гигрометръ Соссюра показываетъ 87% средней влажности, дождя за годъ выпадаетъ 1.106 мм. (въ Парижѣ 560 мм.). Ночные дожди, сопровождаемые грозами, очень обыкновенны. Большая часть водяныхъ осадковъ выпадаетъ на западѣ отъ Пампасъ, когда дуютъ продолжительные западные вѣтры черезъ высоты съ Тихаго океана. Луга тамъ, вѣчно зеленѣющіе, даютъ постоянный кормъ безчисленнымъ стадамъ рогатаго скота. Почти горизонтальная поверхность земли даетъ свободный доступъ вѣтрамъ; безвѣтріе здѣсь рѣдко. Экваторіальные сѣверозападные вѣтры осаждаютъ пары на западномъ склонѣ Кордильеровъ и дѣйствуютъ изсушающимъ образомъ на равнину Ла-Платы, въ особенности зимой, когда, при долгомъ дѣйствіи помянутыхъ вѣтровъ, наступаетъ засуха и пересыхаютъ даже рѣки. Вообще же это здоровое время года, съ постоянно яснымъ небомъ. Прохладные, сопровождаемые дождемъ и грозами, вѣтры юго-западные (Pampero) и юго-восточные (Suestadas). О необыкновенной производительности и здоровости равнины Ла-Платы говорятъ согласно всѣ писатели. Несмотра на постоянныя междоусобныя войны, туда является масса переселенцевъ. Наблюденія показали, что число смертныхъ случаевъ тамъ на $^1/_3$ меньше числа рожденій и случаи глубокой старости очень обыкновенны. Однако же большіе города, какъ Монтевидео, Буэносъ-Айресъ не щадятся холерой и желтою лихорадкой. Pauly приписываетъ это дурнымъ гигіеническимъ условіямъ городовъ, въ которыхъ можно встрѣтить подражаніе европейскимъ столицамъ въ видѣ макадамовыхъ мостовыхъ, газоваго освѣщенія, красивыхъ высокихъ зданій, но никакого признака канализаціи;

дожди очищаютъ улицы и дворы; выгребныя ямы, вырытыя прямо въ землѣ, заражаютъ атмосферу и почву; воду для питья берутъ изъ цистернъ, въ которыя иногда попадаетъ бычачья кровь. Не болѣе двухъ лѣтъ, какъ начали обращать вниманіе на чистоту городовъ, особенно въ Монтевидео; въ окрестностяхъ города стали разводить Eucalyptus globulus. Буэносъ-Айресъ находится еще въ худшихъ гигіеническихъ условіяхъ; эпидемія желтой лихорадки въ 1871 году дала новое доказательство противъ теоріи разсѣеванія эпидемій: болѣе 100.000 жителей выселились изъ города, и не наблюдалось ни одного случая занесенія болѣзни. *(См. прил. 4).*

Алжирія. Слѣдуя за авторомъ на востокъ, въ Европу, мы остановимся на климатическихъ и эндемическихъ условіяхъ Алжиріи. Вліяніе Сахары здѣсь выражается очень рѣзко. Обширная песчаная пустыня и каменистый Гаммадасъ быстро накаляются лѣтомъ; слои воздуха отъ нихъ постоянно поднимаются вверхъ и притягиваютъ полярное теченіе, которое, въ видѣ легкихъ бризовъ (venti delicati, venti somniculares) поддерживаютъ слабое движеніе воздуха въ это время года. Морскіе или дневные бризы начинаются въ 10 часовъ утра и продолжаются до вечера, съ небольшими паузами затишья, потомъ черезъ нѣсколько часовъ начинаютъ дуть легкіе южные вѣтры. Безвѣтріе, безразличные, слабые и перемѣнчивые вѣтры здѣсь преобладаютъ. Все-таки, при внимательномъ наблюденіи днемъ и ночью, не ограничиваясь указаніемъ флюгера, который иногда остается неподвижнымъ, можно замѣтить преобладаніе южныхъ вѣтровъ изъ Сахары и отсутствіе западныхъ. Вѣтры изъ Сахары происходятъ вслѣдствіе ночныхъ охлажденій песка и камня. Сѣверные вѣтры на пути къ Сахарѣ постепенно теряютъ свою влагу, которая осаждается на горныхъ хребтахъ Южной Европы: Пиринеяхъ, Альпахъ, Балканахъ и Кавказѣ, имѣющихъ направленіе съ запада на востокъ. Влажность воздуха, проходящаго надъ Средиземнымъ моремъ, обнаруживается только въ нижнихъ слояхъ, вообще же онъ сухъ и бѣденъ водяными осадками. Совершенно обратное наблюдается въ юго-восточныхъ провинціяхъ Соединенныхъ Штатовъ (Каролина, Виргинія, Флорида, Алабама и проч.), гдѣ сѣверо-восточные пассаты богаты водяными парами и осаждаютъ ихъ по пути къ Мексиканскому заливу. Климатъ Средиземнаго моря поэтому не имѣетъ свойствъ чистаго морскаго климата.

Ясное небо, рѣдкій дождь, жаркіе дни и прохладныя ночи,—

явленія обычныя. Поверхность Сахары составляютъ возвышенныя каменистыя плато (Hammadas) или наносные песчаные холмы Aregs — ложбины между ними (Ouadis) и культивированныя низменности (Oasis).

Быстрымъ лучеиспусканіемъ этихъ обнаженныхъ поверхностей ночью воздухъ сильно охлаждается и тянется къ морю въ видѣ легкихъ южныхъ вѣтровъ. Отъ этихъ вѣтровъ нужно отличать жгучій сирокко, который сильно дуетъ только нѣсколько разъ въ году въ теченіе 2—3 дней.

Между Телемъ и Сахарой лежитъ возвышенное плато, представляющее систему высоколежащихъ плоскостей, постепенно понижающихся съ сѣвера къ югу и примыкающихъ къ первому ряду оазовъ Сахары. Эта плоская возвышенность со всѣхъ сторонъ доступна вѣтрамъ и потому отличается замѣчательною здоровостью, что подтверждается согласными показаніями всѣхъ французскихъ врачей, жившихъ тамъ. Когда генералъ Вимпфенъ въ маѣ 1870 года спустился съ высотъ, гдѣ состояніе здоровья войскъ было вполнѣ удовлетворительно, въ долинѣ Теля появились перемежающіяся и ремиттирующія лихорадки. Путешествуя въ Алжиріи, можно встрѣтить чрезвычайно рѣзкія пониженія температуры. Ночные туманы, которые разсѣеваются восходящимъ солнцемъ, лѣтомъ и осенью въ долинахъ очень обыкновенны. Вообще алжирскія плоскогорья, при хорошей защитѣ отъ холодныхъ ночей, очень здоровы. Въ низменныхъ долинахъ Теля напротивъ всякій годъ, даже сухой, съ іюня по декабрь бываютъ эпидеміи той или другой формы. Pauly передаетъ много интересныхъ наблюденій о заболѣваніяхъ между жителями долины Habra и далѣе о ходѣ эпидеміи, которая въ октябрѣ 1859 года появилась въ экспедиціонномъ корпусѣ генерала Мартенпрея. Войска находились въ равнинѣ Trifnah въ Марокко, между рѣками Kys и Mulrja, очень сходной по характеру съ долиной Habra, также перерѣзанной каналами для орошенія. Какъ только войска стали собираться въ долину Habra для нападенія на укрѣпленія одного воинственнаго племени, появилась холера. Въ 1-й дивизіи, которую сопровождалъ Pauly, съ 14—26 октября было 340 смертныхъ случаевъ, 22 октября только 113; кромѣ того 677 холерныхъ больныхъ были эвакуированы въ Немуръ и окрестности его, гдѣ большая часть ихъ умерли. Въ то же время въ колоннѣ генерала Дюрьяна, оперировавшей въ параллельномъ направленіи на высотахъ, не

было даже легкихъ заболѣваній холерой. Въ кавалерійской дивизіи генерала Дево, маневрировавшей также въ долинѣ, случаевъ заболѣванія холерой было мало, что̀ Pauly объясняетъ постоянными передвиженіями этой части войскъ. 27 октября непріятель былъ разбитъ, и армія расположилась лагеремъ на взятомъ невысокомъ холмѣ Ain-Tafughal, находившемся всего въ разстояніи 600 метровъ отъ прежней губительной стоянки и открытомъ со всѣхъ сторонъ вѣтрамъ. Съ того же дня, когда состоялось это, повидимому, незначительное перемѣщеніе лагеря, встрѣчались только единичные случаи холеры, и къ 10 ноября эпидемія совершенно прекратилась. Въ періодъ усиленія эпидеміи съ 14 по 27 октября 1-я дивизія потеряла около 1.000 людей; въ такой же промежутокъ времени ея ослабленія, съ 27 по 10 ноября, потеря равнялась 21 человѣку. Эти послѣдніе случаи Pauly располагаетъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Число смертн. случаевъ.
27 октября 1859 г.	0
28 „	3
29 „	0
30 „	2
31 „	0
1 ноября	2
2 „	0
3 „	1
4 „	4
5 „	5
6 „	1
7 „	1
8 „	1
9 „	1

Съ 27 октября до 3 ноября и съ 6—9 ноября 4 дня не наблюдалось ни одного смертнаго случая, пять дней по одному, два дня по два, 1 день 3. Это были все легкія холерныя заболѣванія, у людей, ослабленныхъ уже раньше поносами и дизентеріей. 4 и 5 ноября было 4 и 5 смертныхъ случаевъ, которые совпали съ приваломъ возвращавшихся войскъ въ двухъ глубокихъ и низкихъ ущельяхъ въ долинѣ Angad. Pauly считаетъ это наблюденіе неопровержимымъ доказательствомъ такого положенія: ар-

мія, перемѣняющая мѣсто своего расположенія, никогда не разноситъ холеры, какъ бы ни была сильна эпидемія, поразившая ее. Въ ноябрѣ армія размѣщена гарнизонами въ Алжирѣ, Оранѣ и Константинѣ, однакожъ холера тамъ не распространилась, несмотря на отсутствіе всякихъ мѣръ по дезинфекціи лагерныхъ вещей.

Далѣе Pauly дѣлаетъ замѣчаніе, что одна только высота мѣста не гарантируетъ отъ эпидемическихъ болѣзней; на высотахъ встрѣчаются также благопріятныя условія для развитія, именно въ болѣе или менѣе замкнутыхъ горами котловинахъ и лощинахъ и въ сырыхъ дурно вентилируемыхъ ущельяхъ. Чуди и другіе находили въ Перуанскихъ Андахъ ущелья и узкія долины, въ которыхъ, несмотря на высоту надъ уровнемъ моря въ 3.000 метровъ, свирѣпствовала малярія; напротивъ, у подошвы Андъ они встрѣчали равнины, которыя, несмотря на роскошную растительность, влажность, зной и постоянные наносы органическихъ остатковъ, отличались замѣчательною здоровостью. То же наблюдается въ Алжиріи. Не абсолютная высота обусловливаетъ здоровость плоскогорій Теля, которыя едва достигаютъ 1—1½ тыс. метровъ, но ихъ относительная возвышенность и доступность со всѣхъ сторонъ свободному движенію воздуха.

Разведеніе лѣсовъ въ Алжиріи лучше всего можетъ предотвратить вредное дѣйствіе преобладающихъ южныхъ вѣтровъ. Алжирія имѣетъ множество ключей, бьющихъ изъ вторичныхъ отроговъ горъ. Вообще авторъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое мнѣніе о климатѣ Алжиріи. Кромѣ трехъ очень жаркихъ мѣсяцевъ въ климатѣ Алжиріи выдаются два слѣдующихъ качества, важныхъ въ медицинскомъ отношеніи: всегда палящее солнце днемъ и постоянно свѣжій, часто холодный, располагающій къ простудамъ воздухъ въ тѣни и ночью. Статистика военнаго госпиталя въ Mastaganem'ѣ показываетъ на 134 смертныхъ случая 54 случая легочной чахотки! Часто больные послѣ болотныхъ лихорадокъ получали чахотку, такъ что эти болѣзни не исключаютъ другъ друга. Разслабляющій и обезсиливающій жаръ избѣгается во время лѣтнихъ мѣсяцевъ только на плоскогорьяхъ. Жители сѣвера въ первомъ стадіи чахотки могутъ, по автору, съ большою пользой проводить зимніе мѣсяцы въ Алжирѣ только съ условіемъ ихъ состоятельности, когда они могутъ получить всѣ жизненныя удобства. Туберкулезные, обязанные жить въ городахъ, занимаясь въ конторахъ, канцеляріяхъ и шко-

лахъ, дышать комнатнымъ воздухомъ, скоро умираютъ отъ чахотки въ Алжирѣ. *(См. прил. 5.)*

Барцелона. Затѣмъ Pauly переходитъ къ описанію восточнаго берега Испаніи. Здѣсь обнаруживается самая тѣсная связь между климатическими условіями и эпидеміями. Общее направленіе Иберійскихъ горъ и Сіерра-Невады—съ сѣверо-востока на юго-западъ; потому холодные сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, дующіе на внутреннихъ плоскогорьяхъ Испаніи, не достигаютъ прибрежья, обращеннаго къ Средиземному морю; юго-западные же, южные и юго-восточные имѣютъ полный доступъ. Поэтому прибрежная восточная полоса Испаніи имѣетъ жаркій климатъ и почти тропическую растительность, также какъ берега Центральной Америки, Валенція, Мурція, Альмерія и Малога по справедливости называются terras calientes. Уже съ первыхъ шаговъ въ Испанію, въ Гератъ, мы вступаемъ въ маларійную мѣстность. Мягкость климата возрастаетъ съ приближеніемъ къ Барцелонѣ и Валенціи. У Таррагоны, гдѣ деревья цвѣтутъ всю зиму, показываются уже пальмы, которыя къ югу постепенно увеличиваются въ числѣ. Здѣсь между самыми обыкновенными рыночными фруктами можно встрѣтить вмѣстѣ съ апельсинами, финики и бананы. Около устья рѣки Эбро отъ Таррагоны до гавани Alfaques находится много въ высшей степени нездоровыхъ мѣстностей, въ которыхъ свирѣпствовали эпидеміи.

Устья Эбро мелководны, илисты, заграждаются песчаными наносами, въ окрестностяхъ имѣютъ много опасныхъ болотъ. Торричини и Торшаза нѣсколько разъ страдали отъ холеры и даже желтой лихорадки. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Валенціи находится мелкая, наполненная испорченною водой лагуна — озеро Альбуфера—постоянный очагъ маляріи. Его окрестности представляютъ обширныя рисовыя поля „tierras de arraz“, которыя, хотя очень выгодны для обработки, но крайне нездоровы, и ихъ жители изъ году въ годъ страдаютъ отъ жестокихъ лихорадокъ. Также столь прославленная по мягкости климата—Эльхе, представляющая настоящій пальмовый оазисъ среди сухой песчаной почвы, не свободна отъ вредныхъ болотъ. Далѣе на югъ встрѣчаемъ губительную гнилую лагуну, Mar Menor, въ окрестностяхъ которой такъ часто свирѣпствовала эпидемія желтой лихорадки: въ Аликанте въ 1804, 1810, 1812 и 1870 годахъ, въ Мурціи—въ 1804 и 1812, въ Картагенѣ въ 1804, 1810 и 1812. Отъ Картагена до Тарифы берегъ Средиземнаго моря смотритъ

прямо на югъ къ Африкѣ и носитъ совершенно тропическій характеръ. Здѣсь растутъ сахарный тростникъ, индиго, кофе и ананасы. Нѣкоторыя мѣста его въ провинціи Альмерія также прославились опустошительными эпидеміями желтыхъ лихорадокъ: Мологѣ въ 1741, 1803 и 1804 годахъ, Рондо въ 1804, Espera Rembla въ 1802 г.

Въ концѣ іюля 1821 года Барцелона опустѣла послѣ эпидеміи желтой лихорадки; изъ 25,000 заболѣвшихъ умерло 18,000! 60,000 жителей покинули городъ, но однакожъ заразы не разнесли. Въ 1834 и 1865 г. г. въ Барцелонѣ свирѣпствовала холера. Эпидемія желтой лихорадки была наблюдаема коммиссіей французскихъ врачей подъ предсѣдательствомъ Pariset, которая представила доказательства, подтверждающія ученіе контагіонистовъ; но Chervin отвѣчалъ на ихъ доводы рѣзкою критикой. Въ 1822 г. Chervin оспаривалъ также контагіонистическіе доводы Guyan'а по эпидеміи желтой лихорадки въ Гибралтарѣ. Раньше Guyan, встрѣтившись съ Chervin'омъ на Антильскихъ островахъ, раздѣлялъ антиконтагіонистическія воззрѣнія на эпидеміи желтой лихорадки, въ доказательство чего прислалъ своимъ товарищамъ пакетъ съ бѣльемъ отъ умершихъ этой болѣзнью. Посылка однако была сожжена въ Гаврѣ, и Guyan едва избѣжалъ большаго штрафа.

О городахъ Средиземно-морскаго прибережья, какъ замѣчаетъ Pauly, нельзя судить по первому впечатлѣнію. Для прибывшаго съ сѣвера кажется, напримѣръ, воздухъ Гибралтара чрезвычайно пріятнымъ и освѣжающимъ до тѣхъ поръ, пока, при отсутствіи бризовъ, не появятся густыя облака и туманъ, которые ограничиваютъ и держатъ въ застоѣ почвенныя испаренія. Давно уже замѣтно, что, при расположеніи Гибралтара за скалой высотой отъ 1.200 до 1.400 метровъ, свободная вентиляція невозможна, и что въ верхней части города открытыя клоаки, въ которыхъ смѣшиваются всѣ городскія нечистоты, при засухѣ часто терпятъ недостатокъ въ водѣ. Въ сосѣдствѣ съ Гибралтаромъ лежитъ Тарифа, самый южный городъ Европы съ весьма неблагопріятными почвенными условіями. По срединѣ проходитъ клоака, въ которую открываются всѣ выводящіе каналы города, въ высшей степени нечисто содержимые, куда бросаются даже трупы животныхъ. Guyan замѣчаетъ, что трудно найти другое мѣсто на земномъ шарѣ столь благопріятное для развитія желтыхъ лихорадокъ; однакожъ эта эпидемія никогда тамъ не наблюдалась, что можно объяснить только той совершенною вентиляціей, которою

пользуется городъ, благодаря своему открытому положенію на мысу: западные и восточные вѣтры обдуваютъ его какъ настоящіе морскіе. Кадиксъ болѣе доступенъ вѣтрамъ чѣмъ Гибралтаръ, но далеко менѣе Тарифы при одинаковыхъ съ ними почвенныхъ условіяхъ; вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ на плоскогорьяхъ Мурціи, Валенціи и Ла-Манча восточные вѣтры имѣютъ тоже континентальный характеръ; когда они слабы, то бѣдны положительнымъ электричествомъ, когда они дуютъ сильно и продолжительно, ослабляютъ приливъ и отливъ и тѣмъ препятствуютъ очищенію выводныхъ каналовъ города; въ результатѣ являются болѣе или менѣе тяжелыя эпидеміи. Guyan объясняетъ отсутствіе эпидемій въ Тарифѣ тѣмъ, что этотъ городъ не имѣетъ никакихъ коммерческихъ сношеній съ Америкой. Это справедливо; но вѣдь Тарифа находится въ постоянномъ сношеніи съ Кадиксомъ и Гибралтаромъ. Pauly находитъ, что при всѣхъ эпидеміяхъ желтой лихорадки на берегахъ Испаніи мѣстныя условія играли главную роль. Нигдѣ не возникала желтая лихорадка, гдѣ не было благопріятныхъ условій для маляріи. Отдѣльные случаи заболѣванія желтою лихорадкой въ Сенъ-Назерѣ, Брестѣ, Саутгамптонѣ Pauly приписываетъ вліянію Гольфштрома. *(См. прилож. 6.)*

Приложенія.

Прилож. 1. Упоминая въ предисловіи о доктринахъ контагіонистовъ, Pauly считаетъ открытымъ вопросъ о занесеніи заразъ во всѣхъ случаяхъ эпидемій холеры и желтой лихорадки; но, ставъ на практическую почву борьбы противъ вторженія этихъ опустошительныхъ болѣзней, Pauly смѣло совѣтуетъ рѣшительно уклоняться отъ идей контагіонистовъ, опасныхъ въ томъ смыслѣ, что они не настаиваютъ на улучшеніи почвы и воздуха населенныхъ мѣстъ, а рекомендуютъ мѣры главнымъ образомъ противъ занесенія заразы. Безпечность и медлительность въ гигіеническихъ улучшеніяхъ, указанныхъ наукой и цивилизаціей, жестоко караются взрывами эпидемій.[1]

Во введеніи къ своей работѣ Pauly объясняетъ, какимъ образомъ сложились его взгляды. Путешествуя по Алжиріи въ должности военнаго врача, онъ часто встрѣчалъ изнуренныя, желтыя фигуры Арабовъ въ извѣстныхъ селеніяхъ (по долинамъ Mina, Habra) и рядомъ съ ними, въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ, Арабовъ того же самого племени, цвѣтущихъ здоровьемъ (Lemmorah). Сначала ему казалось, что причина этого явленія въ высотѣ мѣста; но дальнѣйшія наблюденія показали, что не въ абсолютныхъ высотахъ сила: Lemmorah гораздо ниже, напр., Sebdou, гдѣ держится упорная малярія. Появленіе и прекращеніе жестокой холеры въ 1859 г. въ экспедиціонномъ корпусѣ генерала Мартенпрея, при которомъ находился Pauly, особенно поразили его. Потомъ Pauly сталъ разбирать литературу по эндеміямъ и у многихъ авторовъ нашелъ подтвержденіе своихъ идей. Съ особенною признательностью онъ отзывается о Chervin'ѣ, какъ своемъ предшественникѣ, который въ 1821 г. отправился на Антильскіе острова, чтобы на мѣстѣ изучить желтую лихорадку; въ результатѣ своихъ наблюденій Chervin пришелъ къ локалистическимъ воззрѣніямъ, которыя подробно разработалъ Pauly также въ отношеніи холеры.

Въ сужденіяхъ о здоровости извѣстныхъ мѣстъ Pauly преду-

---

[1] Приведемъ подлинныя слова Pauly, которыя руководили всей его работой. Les conditions dans lesquelles les processus morbides se produisent variant infiniment avec les lieux, les sociétés, les siècles, ce serait une tâche ingrate et oiseuse d'affirmer que ces condissions ne pourront jamais et nulle part, malgré leur variabilité engendrer la transmissibilité.

Mais sur le terrain pratique, sur celui des vrais intérêts des communautés qu'on veut défendre des atteintes, de ces graves endémies, je n'hesite pas à le dire, il faut resolûment s'éloigner des idées contagionnistes, qui ont le grave danger d'endormir les populations urbaines menacées et de les empêcher de réaliser les améliorations que les progrès de la science et de la civilisation commandent imperieusement. Il y aurait péril à différer plus longtemps l'amélioration radicale du sol urbain et des atmosphères urbaines.

преждаетъ, что единичные случаи заболѣванія заразными болѣзнями не противорѣчатъ общему характеру этихъ мѣстъ; случаи желтой лихорадки наблюдались въ Англіи и Франціи у вернувшихся изъ тропическихъ странъ, но эпидемій отъ нихъ не наблюдалось. Точно также отдѣльныя, даже тяжкія, заболѣванія холерой могутъ быть въ здоровыхъ мѣстахъ при господствѣ эпидеміи на большихъ пространствахъ.

Прилож. 2. Западный берегъ Центральной Америки спускается къ Тихому океану не отвѣсными стѣнами, а широкими, плоскими уступами и обработанными склонами. Коническія возвышенія вулкановъ (El. Viéjo, Monotombo, Ometepec, Madeira, Orosi, въ 6—10 т. ф.), раздѣленныхъ широкими равнинами, не препятствуютъ силѣ пассатныхъ вѣтровъ.

Адмиралъ Vernon вернулся изъ Картагены въ апрѣлѣ 1741 г. только съ $^1/_{10}$ частью своего экипажа, потерявъ тамъ остальныхъ отъ жестокихъ лихорадокъ. Porto-Bello, представляя обширную, прекрасную бухту, такъ защищенъ высокими отвѣсными скалами, что даже морскіе бризы не могутъ проникнуть въ гавань, а вблизи города начинаются обширныя болота; E. Reclus справедливо называетъ Porto-Bello вулканомъ, непрерывно выдѣляющимъ пары и убійственныя міазмы. Компанія Панамской желѣзной дороги должна была оставить эту гавань, какъ исходный пунктъ линіи, потерявъ тамъ массу людей до начала работъ. Во время постройки Панамской дороги погибло 70,000 рабочихъ; оттого 1 километръ (469 саж.) дороги стоилъ 500,000 фр. Портъ на о. Roatan также окруженъ высокими горами и также убійственъ для экипажей кораблей (Lind) [1]. Долина рѣки San-Juan на восточномъ берегу Центральной Америки, расположенная по направленію пассатныхъ вѣтровъ, отличается сравнительною здоровостью.

На плоскогорьяхъ и равнинахъ Никорагвы, несмотря на отвѣсные лучи солнца, въ тѣни и ночью всегда освѣжаетъ постоянный сѣверо-восточный пассатный вѣтеръ; днемъ 26°—31° Ц., ночью рѣдко бываетъ 21° Ц. Населеніе Никорагвы поражаетъ цвѣтущимъ видомъ и живостью характера; въ городахъ ежедневно встрѣчаешь праздничное движеніе по улицамъ; игры здоровыхъ, загорѣлыхъ, почти голыхъ, дѣтей, веселыя и шумныя толпы прохожихъ, группы всадниковъ въ пестрыхъ, живописныхъ костюмахъ, на красивыхъ лоснящихся лошадяхъ — на каждомъ шагу (Squier). Къ сожалѣнію, экспансивность характера обусловливаетъ частыя междоусобныя войны, которыя уничтожаютъ плоды долголѣтней культуры драгоцѣнныхъ растеній (плантаціи какао, кофе, индиго и т. п.). По поводу описанія Squier'а упитанныхъ быстро размножающихся стадъ рогатаго скота и лошадей въ Никорагвѣ, Pauly указываетъ на благосостояніе домашнихъ животныхъ, какъ признакъ здоровости мѣста; тотъ же скотъ, пере-

[1] Lind. Essai sur les maladies Européens dans les pays chauds 1785 г.

везенный въ Aspinwol, Porto-Bello и Cortagen'у быстро худѣетъ, шерсть взъерошивается, при убоѣ даетъ мало безвкуснаго мяса, размножаемость прекращается, только буйволы дольше другихъ породъ сопротивляются вліянію малярійныхъ мѣстностей [1], но есть мѣста въ Центральной Америкѣ, гдѣ не могутъ существовать и буйволы. Lancisi сообщаетъ, что въ 1712 г. во время жестокой эпидеміи маляріи въ окрестностяхъ Рима пало также отъ эпизоотій 300,000 головъ скота. О совпаденіи бодраго вида и плодовитости домашнихъ животныхъ съ здоровостью мѣста упоминаетъ также Гиппократъ и другіе древніе писатели.

О силѣ и постоянствѣ пассатныхъ вѣтровъ даютъ понятіе волны озеръ Никорагуа и Монагуа, которыя Squier сравниваетъ съ волнами океана.

Pauly подробно разбираетъ вліяніе культуры мѣстъ на ихъ здоровость. Во власти человѣка оздоровить извѣстную территорію культурой; точно также онъ часто злоупотреблялъ своею силой и опустошалъ цвѣтущія области, которыя со временемъ обращались въ крайне нездоровые очаги маляріи. Покореніе Испанцами Америки сопровождалось варварскимъ опустошеніемъ страны съ 1492 г.; къ 1507 г. изъ милліоннаго населенія Санъ-Доминго осталось только 60.000; полмилліона Индѣйцевъ изъ Никорагуа вывезены и проданы въ рабство; убивали людей иногда съ единственною цѣлію упражненія палачей въ ловкости. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ продолжали опустошеніе Центральной Америки морскіе разбойники (флибустьеры) сначала одни, потомъ въ союзѣ съ Англичанами во время войнъ послѣднихъ съ Испанцами; оставшіяся индѣйскія селенія и богатые испанскіе города (Гранада, Леонъ, Новая Сеговія) по нѣскольку разъ уничтожались до основанія. До сихъ поръ свидѣтельствуетъ о минувшемъ варварствѣ масса развалинъ индѣйскихъ селеній и городовъ во многихъ теперь зараженныхъ болотистыхъ лѣсахъ Центральной Америки. „Такъ поступали націи, которымъ присвоивается эпитетъ цивилизованныхъ; вмѣсто улучшенія обитаемыхъ мѣстъ онѣ уничтожали результаты вѣковой культуры и сѣяли малярію“ говоритъ Pauly.

О силѣ растительности въ Центральной Америкѣ даетъ понятіе фруктовое дерево гуява, которое въ полномъ ростѣ, за сутки, прибавляется на шесть дюймовъ въ окружности ствола.

Прилож. 3. Гавань Ріо-Жанейро, одна изъ величайшихъ въ мірѣ (29 верстъ длиной и 21 шириной), окружена высокими горами, покрытыми густымъ тропическимъ лѣсомъ; у подножія горъ обширныя болота. Благодаря міровому коммерческому значенію города, въ началѣ семидесятыхъ годовъ населеніе его доходило до 365.000; узкія улицы загромождены многоэтажными

---

[1] Въ нездоровыхъ мѣстахъ нашего Кавказа замѣчается такое же явленіе въ отношеніи домашнихъ животныхъ.

домами; удаленіе грязи и нечистотъ предоставлено дождямъ; при плохой нивеллировкѣ улицъ получаются во многихъ мѣстахъ зловонныя лужи. Наблюденія метеорологической обсерваторіи Ріо-Жанейро за семнадцать лѣтъ, съ 1851 по 1867, показали: среднія мѣсячныя 26,5°—21,2° Ц., влажность 83%, количество дождливыхъ дней въ годъ 98 (123—57), количество осадковъ 1.096 мм., 53 дня сплошнаго тумана и 125 дней ночныхъ тумановъ. Движеніе воздуха поддерживается слабыми бризами; бризы съ берега (le terral) несутъ болотныя испаренія, морскіе бризы (le viraçâo) ослабляются горами, загромождающими входъ въ гавань; другіе вѣтры рѣдки и непродолжительны; грозы бываютъ въ среднемъ 26 разъ въ году. Положеніе Ріо подъ 23° ю. ш. вводитъ его въ „полосу затишья Козерога"; по M. Moucher на 100 дней приходится 25—30 дней полнаго затишья. При такихъ условіяхъ теплоты, влажности и застоя вредныхъ испареній не удивительно, что жестокая малярія, тифы тамъ не переводятся, желтая лихорадка съ 1850 г. и холера съ 1855 г. стали болѣзнями эндемическими—ежегодными; чахотка приняла ужасающіе размѣры: въ госпиталѣ Santa losa da Mesericordia за 5 лѣтъ, съ 1861 по 1866 г., на 60.284 больныхъ—4.618 состояло чахоточныхъ.

Низменная, торговая часть Бахіи по загрязненію не уступаетъ Ріо, но заразныя болѣзни въ Бахіи менѣе опустошительны, такъ какъ бухта до нѣкоторой степени открыта пассатнымъ вѣтрамъ; высокая часть города, съ широкими улицами и садами, расположена на плоскогорьѣ, всего на 60 метровъ лежащемъ выше прибрежной Бахіи, почти свободна отъ маляріи и желтой лихорадки; пріѣзжіе негоціанты каждый вечеръ уѣзжаютъ туда, предохраняя себя отъ тропическихъ болѣзней.

Бразильскія горы по направленію къ экватору постепенно переходятъ въ плоскогорья и обширныя луговыя равнины южныхъ притоковъ Амазонки; оттого пассатные вѣтры имѣютъ полный доступъ, и эта обширная область, несмотря на близость къ экватору, отличается замѣчательною здоровостью; постоянный вѣтеръ освѣжаетъ тропическую жару, что даетъ возможность заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Цвѣтущій видъ и умственная энергія населенія напоминаютъ скорѣе тѣ же качества жителей умѣреннаго пояса. Главный городъ этой области Pernambuco, подъ 8° ю. ш., только въ 1849 г. подвергся мѣстной эпидеміи желтой лихорадки около лимана, образованнаго впаденіемъ двухъ рѣкъ, гдѣ гигіеническія условія были тогда крайне плохи. Pauly отмѣчаетъ нѣкоторыя историческія событія, характеризующія выдающіяся физическія и моральныя качества населенія сѣверной Бразиліи въ зависимости отъ здороваго климата; въ провинціи Pernambuco возникло первое инсуррекціонное движеніе и были первыя битвы съ португальскими войсками, давшія независимость Бразиліи отъ метрополіи въ 1817 г. Въ Бразильскомъ парламентѣ, въ 1870 г.,

депутаты сѣверныхъ провинцій — Pernambuco, Céara и Maranham—ратовали противъ невольничества и одержали побѣду надъ депутатами южныхъ провинцій.

Прилож. 4. Martin de Moussy [1], разработавшій статистику бассейна Ла-Платы, нашелъ, что на каждый бракъ Европейцевъ высшаго класса приходится болѣе семи дѣтей, у туземнаго населенія, Индѣйцевъ, Негровъ, Метисовъ — $8^3/_4$ дѣтей на бракъ.

По оффиціальнымъ отчетамъ, смертность на половину меньше рождаемости, что̀, по Euler'у, должно дать удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ; но на самомъ дѣлѣ въ эту отчетность не вошли многія грудныя дѣти, а также солдаты, павшіе на поляхъ битвъ во время частыхъ междоусобій.

Относительно долговѣчности доказано точными разслѣдованіями, что одна Негритянка жила 180 лѣтъ. Особенно часто встрѣчаются бодрыя старухи между Индѣйцами. Въ провинціи Sanhuis въ 1866 году на 57.581 жителя насчитывалось болѣе 200 стариковъ отъ 100 до 130 лѣтъ.

На огромномъ почти горизонтальномъ пространствѣ, отъ Rio Negro (Патагонія) до р. Парагвая и отъ Атлантическаго океана до Кордовы, вѣтеръ въ одномъ направленіи дуетъ съ большою силой, говоритъ Martin de Maussy; по рѣкамъ Ла-Платѣ и Паранѣ всегда можно идти подъ парусами; часто вздымаются такія волны, что суда испытываютъ качку, какъ на морѣ. По этимъ рѣкамъ „климатъ здоровый даже въ мѣстахъ низкихъ и болотистыхъ“ (Page, Azara).

Дожди идутъ обыкновенно ночью; особенность ихъ въ равнинѣ Ла-Платы та, что на три дождя два бываютъ съ сильными грозами, очищающими воздухъ.

По точнымъ метеорологическимъ наблюденіямъ Page'а въ городѣ Asuncion'ѣ, съ мая 1853 года по февраль 1856 года отмѣчено только два дня затишья, 26 и 27 декабря 1853 г.; вообще же по его выводамъ оказалось, что зимой вѣтеръ дуетъ со скоростью 6—36 миль въ часъ (3—18 метр. въ секунду, считая милю морскую въ 1.853 метр.), лѣтомъ со скоростью 4—12 миль (2—6 метр. въ секунду).

Многіе путешественники (Page, Chomé, Head) удостовѣряютъ, что, несмотря на частые ночлеги подъ открытымъ небомъ, въ холодныя ночи, въ сырыхъ мѣстахъ, прямо на землѣ, когда ихъ одежда промокала иногда насквозь отъ росы и дождей, они ни разу не болѣли.

Рѣзкое возмущеніе атмосферы производитъ Pampero; но за то время послѣ этихъ ураragановъ—замѣчательно пріятно и здорово (Head).

Boudin отмѣчаетъ поразительную рѣдкость перемежающихся лихорадокъ въ Южной Америкѣ внѣ тропиковъ, даже во мно-

---

[1] Martin de Maussy. Description géographique et statistique de la Confédération argentine. 1860.

тихъ мѣстахъ, гдѣ стоячія воды, лагуны, болота занимаютъ обширныя пространства; это тѣмъ болѣе удивительно, что среднія годовыя и лѣтнія температуры здѣсь гораздо выше, чѣмъ въ Южной Европѣ и Алжирѣ. Въ Монтевидео, напримѣръ, средняя годовая 19°, лѣтняя 25°; въ Римѣ — 16° и 23° Ц. То же подтверждаетъ A. Orbigny, Bonpland и Dupont. Arago писалъ изъ Монтевидео, что въ городкѣ Lan Borja, построенномъ между рѣкой Уругваемъ и громаднымъ болотомъ, за 18 лѣтъ, съ 1831 по 1849 г., онъ видѣлъ только два случая легкой перемежающейся лихорадки. Saurel за 10 лѣтъ наблюденій въ Монтевидео, съ 1840 по 1850, отмѣчаетъ только въ 1849—50 гг., перемежающіяся лихорадки: въ годы пандемій холеры и желтой лихорадки по всему земному шару. Напоминая по этому случаю о своемъ предисловіи, Pauly приводитъ слова Lind'a по поводу спорадическихъ случаевъ заразныхъ болѣзней въ мѣстахъ здоровыхъ: „Развѣ я не видалъ холеры, желтой лихорадки, тропическаго воспаленія печени даже въ самой Англіи?“ Martin de Moussy, врачъ и натуралистъ, провелъ 18 лѣтъ въ Аргентинѣ, потому его мнѣнія можно считать особенно компетентными; онъ утверждаетъ, что маларійныя лихорадки наблюдаются только на сѣверѣ съ 28°, въ провинціяхъ Tucuman, Salta Jujuy, гдѣ отроги Андъ образуютъ болѣе или менѣе глубокія долины, въ которыхъ разбросаны селенія. Тотъ же авторъ отмѣчаетъ, что распахиваніе въ первый разъ полей въ бассейнѣ Ла-Платы не вызываетъ тѣхъ жестокихъ лихорадокъ, которыя наблюдаются во многихъ мѣстахъ тропическихъ странъ.

Во время ожесточенной трехлѣтней войны, съ 1865 по 1868 г., Уругвая противъ трехъ союзниковъ—Бразиліи, Аргентины и Парагвая,—какъ на театрѣ войны, такъ и на военныхъ корабляхъ наблюдались эпидеміи маларіи и холеры (Bourel Kancière); въ это время холера господствовала въ Ріо-Жанейро и по всему берегу до Буэносъ-Айреса; не удивительно, что скученіе людей при невзгодахъ и лишеніяхъ войны, когда не могло быть рѣчи о самыхъ простыхъ правилахъ гигіены, вызывало вспышки эпидемій; масса неубранныхъ тѣлъ на поляхъ сраженій и труповъ скота, уничтожавшагося на фермахъ побѣжденныхъ, заражали атмосферу на большихъ пространствахъ.

Частыя междоусобныя войны, анархія, непрочность правленія служили постояннымъ препятствіемъ къ выработкѣ законовъ по общественной гигіенѣ и системы оздоровленія городовъ, которые росли съ поразительною быстротой, благодаря богатству страны и оживленной торговлѣ.

Прилож. 5. Алжарія лежитъ къ сѣверу отъ 30°, гдѣ находится полоса „затишья Рака“, или, правильнѣе, полоса встрѣчныхъ и перемѣнныхъ вѣтровъ, которые даютъ полный штиль при высокомъ стояніи барометра, тогда какъ экваторіальное затишье сопровождается низкимъ стояніемъ барометра. Далѣе начинается господство западныхъ морскихъ вѣтровъ; но до 36° они слабо

выражены и, благодаря континентальному характеру Алжиріи, скоро утрачиваютъ свойство морскихъ вѣтровъ. Duveyerier въ алжирской Сахарѣ въ іюлѣ наблюдалъ отъ 26% до 21% влажности, въ августѣ одинъ разъ болѣе 10% при температурѣ воздуха только въ 31°Ц. Дожди такъ рѣдки, что уже въ алжирской Сахарѣ бываетъ одинъ дождь въ шесть, семь лѣтъ. Разница въ температурахъ дня и ночи доходитъ до 20°Ц, въ среднемъ 17°; если же взять t° на солнцѣ (до 56°.Ц), то разница окажется въ 30°—35°, оттого въ нижнихъ слояхъ атмосферы часто бываютъ росы и ночные туманы.

Параллельные морскому берегу ряды алжирскихъ плоскогорій имѣютъ среднюю высоту въ 700, 800 метровъ; ширина ихъ доходитъ до 240 километровъ, въ среднемъ 120 килом. Только на этихъ плоскогорьяхъ чувствуется почти постоянное движеніе воздуха дневныхъ и ночныхъ бризовъ; племена, занимающія эти высоты (Hamyans, Harraes и др.) поражаютъ своимъ здоровымъ мужественнымъ видомъ, особенно когда сравнить ихъ съ вялыми, золотушными потомками Мавровъ и Евреевъ, живущими въ долинахъ и городахъ. Здоровье войскъ замѣчательно улучшалось, когда ихъ, по стратегическимъ соображеніямъ, переводили на плоскогорья.

Прибрежные города Алжиріи пользуются освѣжающимъ дѣйствіемъ морскихъ бризовъ, что особенно чувствуется въ знойные лѣтніе дни; мѣста въ этихъ городахъ, доступныя вліянію бризовъ, отличаются здоровостью. По этому поводу Pauly припоминаетъ описаніе Александріи Діодоромъ Сицилійскимъ; въ древней Александріи улицы были такъ распланированы, что бризы [1] съ моря имѣли въ городъ полный доступъ; берега озера Maréotis были прекрасно культивированы и усѣяны роскошными виллами; всѣ отзывы древнихъ писателей подтверждаютъ здоровость и процвѣтаніе Александріи; послѣ варварскаго разрушенія этого города улицы разбиты иначе, озеро обратилось въ болотистую гнилую лагуну, и новая Александрія много разъ опустошалась чумой и холерой. О различныхъ отношеніяхъ улицъ къ силѣ холеры Pauly упоминаетъ, что въ сильную эпидемію 1849 года въ Оранѣ, rue Napoleon, rue Austerlitż очень пострадали отъ холеры; rue Vienne была свободна отъ нея. Всѣ эти смежныя улицы находились въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ почвы, высоты и качества населенія.

Обычный порядокъ вѣтровъ въ Алжиріи, по Pauly, таковъ:

1) *Днемъ*, *лѣтомъ* и *осенью*: съ восходомъ солнца полное затишье до 9, 10 часовъ, когда начинается легкій морской бризъ до заката солнца; *зимой* и *весной* бризы рѣдки, только на нѣсколько часовъ въ ясные и жаркіе дни; господствующіе вѣтры—юго-западные и южные.

---

[1] Vents étériens—господствующіе вѣтры лѣтомъ на берегахъ Средиземнаго моря.

2) *Ночью, лѣтомъ* и *осенью*: съ заката солнца затишье до полуночи, когда начинается береговой бризъ съ Сахары, почти всегда крайне слабый; *зимой* и *весной*: южные вѣтры очень часты и дуютъ почти всю ночь.

M. G. Aimé производилъ наблюденія надъ силой вѣтровъ въ городѣ Алжирѣ съ 10 декабря 1844 года по 31 іюля 1845 года; получилось 91 разъ слабый вѣтеръ, 51—очень слабый, 59—почти безвѣтріе, 64—полное затишье, то-есть 265 разъ слабые вѣтры и затишье; 39 разъ—довольно сильный вѣтеръ, 19—сильный, 6—очень сильный, всего 64 раза. Южные, континентальные вѣтры преобладаютъ въ Алжиріи. Вѣтры часто бываютъ такъ слабы, что не въ состояніи повернуть флюгера, который остается утромъ въ томъ же положеніи, какъ стоялъ вечеромъ. Обыкновенное украшеніе алжирскихъ пейзажей—вертикальный столбъ дыма, подымающійся отъ костровъ; въ поразительно прозрачномъ воздухѣ Алжиріи во время затишья этотъ дымъ видѣнъ за 40,50 километровъ.

Pauly подробно описываетъ топографію Теля, который составляется изъ ряда долинъ, образованныхъ перпендикулярными отрогами главныхъ поперечныхъ хребтовъ; съ запада на востокъ долины располагаются въ такомъ порядкѣ: Mleta, lac Salé, Sig, Habra, Mina, Riou, Cheliff; между другими хребтами Eghris, за Москарой—Mitidja, Isser, Tafnah; эти долины болѣе или менѣе замкнуты горами, соединяются между собою иногда узкими извилистыми проходами по теченію рѣчекъ; бока горъ иногда совершенно отвѣсные, какъ, напримѣръ, въ долинѣ Habra; высота этихъ стѣнъ доходитъ до 1.600 метровъ (Isser); иногда долины такъ глубоки и узки, что представляютъ видъ воронки. Дно долинъ во многихъ мѣстахъ покрыто толстымъ слоемъ наносной глинисто-песчаной, илистой почвы, чрезвычайно плодородной; часто встрѣчается красная глина съ 6%—7% окиси желѣза, особенно въ долинахъ Habra, Mina, Trifnah; по наблюденіямъ Kanald-Martin'a и Mac-Clelland'a почва съ большимъ содержаніемъ желѣза находилась въ самыхъ нездоровыхъ малярійныхъ мѣстахъ Индіи. Дождевыя воды собираются въ долинахъ, поддерживая сырость почвы и питая болота; роскошныя группы олеандръ—указатели постоянной сырости и маляріи. Понятно образованіе тумановъ въ долинахъ при ночныхъ охлажденіяхъ неподвижнаго воздуха; наиболѣе сгущается туманъ между 2 и 4 часами ночи. Pauly приводитъ много примѣровъ крайней нездоровости алжирскихъ долинъ. Простудныя заболѣванія очень часты, малярія ежегодно даетъ самыя злокачественныя формы, иногда съ быстрыми смертельными исходами; осложненія лихорадокъ холероподобными припадками нерѣдки, холерныя эпидеміи принимали опустошительный характеръ. Чахотка при сидячемъ образѣ жизни быстро развивается въ Алжиріи и уноситъ много жертвъ.

Алжирскіе Арабы горькимъ опытомъ убѣдились въ опасности селиться въ долинахъ; по окончаніи полевыхъ работъ они уходятъ въ свои деревни на высотахъ; много неопытныхъ французскихъ колонистовъ погибло отъ несоблюденія этой предосторожности.

Въ апрѣлѣ 1868 года семьдесятъ зуавовъ заняли постъ Medjah въ долинѣ Riou, гдѣ эта послѣдняя соединяется съ долиной Chéliff; съ конца мая по 25 іюня *весь отрядъ поступилъ въ госпиталь* съ жестокими лихорадками; семеро умерло отъ различныхъ осложненій болотнаго отравленія.

На высокомъ плоскогорьѣ, въ укрѣпленіи El-Arricho стоялъ гарнизономъ отрядъ въ двѣсти солдатъ; за восемь мѣсяцевъ ихъ пребыванія тамъ, кромѣ раненій на работахъ и двухъ случаевъ серьезнаго пораженія груди, никакихъ внутреннихъ болѣзней; многіе совершенно выздоровѣли въ El-Arricho отъ тяжкихъ послѣдствій малярiи, которою солдаты страдали раньше.

Описывая топографію Алжиріи въ отношеніи міазматическихъ болѣзней, Pauly возражаетъ Hirsch'у, трудъ котораго тѣмъ не менѣе онъ высоко цѣнилъ; говоря о распространеніи малярiи, Hirsch придаетъ мало значенія высотѣ мѣста, потому что въ горахъ Техаса, Мексики, Перу, Индіи наблюдались очаги интензивной малярiи; Hirsch разбираетъ только значеніе абсолютныхъ высотъ, но не останавливаетъ вниманія на относительныхъ возвышенностяхъ, въ которыхъ вся суть дѣла въ различныхъ пунктахъ надъ уровнемъ моря.

Pauly описываетъ интересный случай мѣстной холерной эпидеміи аутохтонной, по Гризингеру, въ округѣ Mascara въ 1868 году. Весна этого года была необыкновенно дождлива; ливни съ наводненіями продолжались даже и въ іюнѣ. Вслѣдъ за ними начали свирѣпствовать перемежающіяся лихорадки: госпитали переполнились тяжкими маларійными больными, особенно изъ мѣстностей между Мостагемомъ и Маскарой; въ первой половинѣ августа въ госпиталяхъ этихъ городовъ отмѣчено уже восемь смертныхъ случаевъ „альгидной" злокачественной лихорадки. Съ 16 іюля партія арестантовъ въ 197 человѣкъ изъ Орана, гдѣ холеры не было, помѣстилась въ лагерѣ Oued-Fergang, въ 32 килом. отъ Маскары, для починки плотины на рѣкѣ Habra. Мѣсто, гдѣ былъ разбитъ лагерь, такъ окружено горами, что имѣло видъ воронки. 16 августа былъ первый холерный случай, потомъ съ 26 августа по 5 сентября отправлено въ Маскарскій госпиталь еще одиннадцать человѣкъ. 7 сентября, по настоянію старшаго врача Маскарскаго госпиталя, Boyreau, арестанты были переведены въ Saint-Hippolite, въ трехъ килом. отъ Маскары. Къ сожалѣнію, и это мѣсто, хотя находилось на порядочной высотѣ, но имѣло видъ лощины, окруженной холмами. 107 арестантовъ, зараженныхъ въ Oued-Fergang'ѣ маларіей и холерой, вскорѣ поступили въ госпиталь. Всего за эту эпидемію умерло отъ холеры 21 арестантъ, 8 конвойныхъ солдатъ, 8 солдатъ

другихъ отрядовъ и 2 городскихъ жителя, итого 39; всѣхъ заболѣвшихъ холерой было 86.[1]

Прилож. 6. Долины восточнаго берега Испаніи составляются многочисленными отрогами Иберійскихъ горъ, потому съ трехъ сторонъ онѣ обыкновенно защищены отъ вѣтровъ; глубина долинъ отъ моря до подошвы горъ большею частью 12, 16 килом.; только въ Валенціи и Мурціи до 40 килом. Средняя высота горъ около 2.000 метр.; отдѣльные хребты и вершины въ 3.000, 3.500 метр.

По Audouard'у, въ Барцелонѣ, за четыре мѣсяца его наблюденій, съ іюля по ноябрь пасмурныхъ и облачныхъ дней было отъ 24 до 30 въ мѣсяцъ; вѣтры почти всегда были южные, юговосточные и юго-западные, очень слабые; за весь октябрь сильный вѣтеръ отмѣченъ только *два раза*. Въ Тарифѣ по Chervin'у, [2] со словъ мѣстныхъ врачей, Ucéda и Guttierez, не бываетъ *восьми часовъ затишья;* западные и восточные вѣтры какъ разъ совпадаютъ съ направленіемъ городской клоаки. Въ 1819 году, по оффиціальнымъ отчетамъ, было доставлено въ Тарифу 12 больныхъ жителей лихорадкой изъ Кадикса и острова Léon, 6 изъ нихъ умерли; но никто изъ родныхъ этихъ больныхъ и ухаживавшихъ за ними не заразился желтою лихорадкой.

При сильныхъ восточныхъ вѣтрахъ, говоритъ Pascalis, въ городѣ Гибралтарѣ и бухтѣ полная тишина, а въ двухъ миляхъ такія волны, какія бываютъ при штормахъ. Морскіе врачи и инженеры много разъ указывали на засореніе нечистотами уличныхъ каналовъ въ верхней части Гибралтара отъ недостатка воды для промывки; зловоніе отъ этихъ каналовъ при затишьѣ или западныхъ вѣтрахъ поразительное (Mullin, Hennen, Woadward, Pilkington).

Барцелона въ самомъ длинномъ діаметрѣ имѣла 1.600 метровъ; улицы узки и извилисты, дома трехъ и четырехъ-этажные со множествомъ фабрикъ; горы плотно замыкаютъ городъ и обширную бухту съ трехъ сторонъ; гавань не глубокая, въ нее спускаются всѣ нечистоты 150-тысячнаго населенія.

Французская коммиссія съ Pariset во главѣ явилась въ Барцелону съ предвзятыми контагіонистическими воззрѣніями; подъ вліяніемъ паники, господствовавшей въ городѣ, она собирала преувеличенные и ложные слухи и помѣстила ихъ въ своемъ отчетѣ.

Главные факты, указанные въ отчетѣ въ подтвержденіе занесенія желтой лихорадки, приводились такіе. Корабль Grand-Turc, пришедшій изъ Гаванны въ Барцелону 29-го іюня 1821 г., хотя имѣлъ чистое санитарное свидѣтельство, но, вѣроятно, имѣлъ боль-

[1] Въ Африкѣ въ этомъ году не было эпидемической холеры, въ Европѣ весьма слабыя эпидеміи—въ Германіи, въ Эссенѣ, на рѣкѣ Руру и у насъ въ двухъ селеніяхъ Липовецкаго уѣзда Кіевской губерніи. Г. И. Архангельскій,—Холерныя эпидеміи въ Европейской Россіи 1874 года, стр. 210.

[2] Chervin. Examen critique des pretendues preuve de contagion de la fievre jaune observée en Espagne. Paris. 1828 года.

ныхъ желтою лихорадкой, которые всячески скрываются капитанами, чтобы не подвергаться строгостямъ карантина. Жена и дѣти капитана Sagréras'a по прибытіи корабля Grang-Turc провели на немъ два дня и вскорѣ всѣ умерли въ Барцелонеттѣ. 15-го іюля, въ день національнаго праздника и игръ въ гавани, три члена семьи помощника капитана Grand-Turc находились на кораблѣ; черезъ 24 часа двое заболѣли желтою лихорадкой и умерли въ концѣ іюля и 3-го августа. Изъ сорока человѣкъ, смотрѣвшихъ на игры въ гавани съ корабля Grand-Turc, тридцать пять вскорѣ умерли. Гигіеническія условія Барцелоны были признаны коммиссіей удовлетворительными.

Когда Chervin провѣрилъ всѣ эти сообщенія въ 1827 году, по точнымъ оффиціальнымъ документамъ, то оказалось: Grand-Turc вышелъ изъ Гаванны 28-го апрѣля; за два мѣсяца пути не потерялъ ни одного человѣка экипажа. Семейство капитана Sargéras'a въ половинѣ сентября переѣхало на о. Минорку совершенно здоровымъ. Два родственника помощника капитана Ferrand'a умерли отъ желтой лихорадки въ концѣ сентября и началѣ октября, то-есть уже въ концѣ эпидеміи. Изъ сорока человѣкъ бывшихъ на кораблѣ Grand-Turc 15-го іюля *никто не умеръ*. О санитарныхъ условіяхъ Барцелоны въ 1821 г. Chervin написалъ слѣдующія свѣдѣнія: въ протоколѣ муниципальнаго совѣта 6-го августа значится, что каналъ Candal распространяетъ невыносимое зловоніе; въ воззваніи того же совѣта отъ 18 января 1822 г. говорится, что всѣ врачи признали между прочимъ загрязненіе гавани причиной прошлогодней эпидеміи; 14-го августа 1821 г. врачи медицинской академіи и санитарнаго совѣта признали „условія болота въ гавани, большое количество тамъ нечистотъ изъ городскихъ клоакъ и канала Candal, нечистое содержаніе судовъ, стоящихъ на якорѣ". Коммиссія изъ шести членовъ, инженеровъ и представителей муниципалитета, внесла свой докладъ 30-го августа о мѣрахъ къ оздоровленію Барцелоны; подтвердивъ вышеизложенное въ яркихъ краскахъ, коммиссія указываетъ еще на гряду песка, заграждающую устье канала Candal, гдѣ застаиваются всѣ нечистоты изъ боенъ, фабрикъ и другихъ промышленныхъ заведеній. [1]

Chervin первый тщательно изслѣдовалъ почвенныя условія и степень вентиляціи мѣстъ, пораженныхъ желтою лихорадкой. [2]

---

[1] Какъ опасно бываетъ въ годы эпидемій портить воздухъ раскапываніемъ нечистотъ, видно изъ факта, приведеннаго Pauly: въ августѣ 1870 г. эпидемія желтой лихорадки въ Барцелонѣ началась послѣ очистки порта, куда спускались всѣ городскія нечистоты.

[2] Pauly такъ характеризуетъ Chervin'a. «Я счастливъ, что въ своей работѣ могу часто упоминать имя скромнаго ученаго съ благороднѣйшимъ, геройскимъ характеромъ и непоколебимою любовью къ истинѣ. Chervin былъ идеальнѣйшимъ представителемъ врачебной профессіи. Въ 1814 г., во время вторженія во Францію союзниковъ, Chervin, уже докторъ медицины, записался въ отрядъ волонтеровъ; съ ружьемъ и патронами, корпіей и перевязками, онъ при-

Гольфштромъ приноситъ иногда, на нѣсколько дней, къ берегамъ Франціи и Англіи воду такой же температуры, какую она имѣетъ въ то же время въ Богамскомъ каналѣ, близь Мексиканскаго залива; вмѣсто обычныхъ 14° вода показываетъ 18°, 20° Ц. (Petermann-Mittheilungen 1870 г.). Это, по мнѣнію Pauly, подвергаетъ указанные берега временно условіямъ тропическихъ странъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

И. Лебедевъ.

лагалъ свою энергію и знанія по требованію обстоятельствъ; и такъ въ теченіи всей своей жизни онъ самоотверженно и страстно служилъ человѣчеству. На шестидесятомъ году онъ умеръ въ Парижѣ въ скромной студенческой квартирѣ. Увѣренный въ томъ, что желтая лихорадка—болѣзнь не контагіозная, Chervin, продавъ свое наслѣдство, отправился на Антильскіе острова изучать эту ужасную болѣзнь на ея родинѣ. Онъ работалъ въ Санъ-Доминго, Гваделупѣ и Мартиникѣ, проѣхалъ Соединенные Штаты, Луизіану, долго жилъ въ Новомъ Орлеанѣ, потомъ въ Каэннѣ и Гаваннѣ. Тотчасъ по прибытіи началъ собирать самыя точныя свѣдѣнія; записывалъ все, изслѣдовалъ все: мѣста, пораженныя эпидеміей, климатъ по временамъ года, нравы и обычаи жителей; разспрашивалъ врачей, членовъ магистратовъ, жителей всѣхъ классовъ, до Негровъ и рабовъ. Былъ счастливъ, когда ему поручали больныхъ желтою лихорадкой; онъ ихъ не покидалъ, наблюдалъ днемъ и ночью; не смущался ничѣмъ: одинъ ухаживалъ за больными, вскрывалъ трупы подъ палящимъ солнцемъ, работалъ съ изверженіями больныхъ, даже пробовалъ и глоталъ ихъ «черную рвоту». По возвращеніи въ Парижъ Chervin изложилъ свои наблюденія во многихъ брошюрахъ и сообщеніяхъ въ Медицинской Академіи. Въ полемикѣ онъ стойко держался своихъ убѣжденій и истины, не стѣсняясь никакимъ положеніемъ своихъ противниковъ».

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

---

1) „Пятницы“ художниковъ.

(Отрывокъ изъ моихъ воспоминаній).

Съ 1850 года, когда я вышелъ въ отставку, я проживалъ большею частію въ деревнѣ. Въ Москву пріѣзжалъ я нѣсколько разъ, но на короткій срокъ, а въ Петербургѣ я былъ за это время только разъ,—проѣздомъ за границу въ 1857 году. Въ 1858 году я овдовѣлъ. Была глубокая осень, — сидѣлъ я въ своей глуши и думалъ, что мнѣ дѣлать! У меня осталось трое маленькихъ дѣтей, — средства были небольшія, и я не могъ рискнуть переселиться въ Москву или Петербургъ, куда тянуло меня желаніе усовершенствоваться въ живописи. При существовавшемъ тогда крѣпостномъ правѣ, и въ небольшомъ имѣніи жить было возможно: было изобиліе и въ пищѣ, были лошади, экипажи и т. д.; денегъ, правда, было мало, за то все было дешево.

Итакъ, я сидѣлъ въ своемъ домикѣ; на дворѣ завывалъ осенній вѣтеръ, морозило, и на дорогѣ образовалась замерзшая грязь (колоть), такъ что ѣзда была невозможна.

Былъ уже вечеръ, и когда я вышелъ на крыльцо, чтобы посмотрѣть, какая погода, меня охватила невыразимая тоска: кругомъ все мертво, только завываетъ вѣтеръ, холодно,—и въ этой-то обстановкѣ я долженъ жить безъ надежды выбраться туда, гдѣ есть люди, движеніе, гдѣ есть средства для занятія искус-

ствомъ. Рискнуть такъ поѣхать, я боялся, не надѣясь, что я въ состояніи буду что-нибудь заработать своими рисунками и картинами.

Хотя бы навѣстилъ меня кто-нибудь въ моемъ одиночествѣ! Но кто же пустится въ путь по такой дорогѣ и въ такую погоду!...

Но, только что я вошелъ въ домъ, черезъ какіе-нибудь четверть часа, отворяется дверь, и входитъ Иванъ Ивановичъ Соколовъ (художникъ), имѣніе котораго находится въ пятидесяти верстахъ отъ меня. Лѣто онъ проводилъ въ этомъ имѣніи. Я невыразимо ему обрадовался. Послѣ первыхъ привѣтствій, И. И. Соколовъ спросилъ меня, что-жъ я теперь намѣренъ дѣлать,— я ему отвѣчалъ: „сидѣть у моря и ждать погоды". Но И. И. сталъ уговаривать меня, чтобы я непремѣнно ѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ дѣтей на попеченіе сестеръ моей покойной жены, которыя жили саженяхъ въ тридцати отъ меня и очень любили моихъ дѣтей, что я тотчасъ же буду зарабатывать деньги, за что̀ онъ ручается.—Онъ прожилъ у меня нѣсколько дней. Кончилось тѣмъ, что я поддался его убѣжденіямъ и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ.

Въ концѣ октября Соколовъ заѣхалъ ко мнѣ по пути въ Петербургъ, и вмѣстѣ мы отправились въ дорогу. Въ Петербургѣ мы остановились тоже вмѣстѣ, гдѣ-то на Гороховой улицѣ въ chambres garnies, недалеко отъ Большой Морской. Въ первую пятницу Соколовъ забралъ всѣ мои рисунки, эскизы, картины,— и отправился въ собраніе художниковъ, которые собирались по пятницамъ. Я на это собраніе не поѣхалъ, чтобы не быть свидѣтелемъ того, какъ отнесутся къ моимъ работамъ художники. Возвратившись съ вечера, Соколовъ объявилъ мнѣ, что всѣ мои рисунки были разсмотрѣны; художники нашли въ нихъ много интереснаго, — отобрали изъ нихъ лучшіе, чтобы положить ихъ въ магазинъ эстамповъ А. И. Беггрова. Мало того, даже выставили цѣны на рисункахъ. Поставленная на рисункахъ цѣна очень меня удивила: она показалась мнѣ громадною. Я никакъ не разсчитывалъ, чтобы ихъ купили за такую цѣну, — однако, все-таки, отобранные рисунки я отнесъ на другой день въ магазинъ къ Беггрову. Не прошло и двухъ недѣль, какъ бо̀льшая часть моихъ рисунковъ была раскуплена, и у меня въ карманѣ очутилась порядочная сумма денегъ. Не могу выразить, какъ ободрилъ меня этотъ первый небольшой успѣхъ.

Въ слѣдующую пятницу я отправился на собраніе художниковъ, которые очень тепло и участливо отнеслись ко мнѣ; я, со своей стороны, благодарилъ ихъ за такое вниманіе ко мнѣ. Такъ какъ эти собранія художниковъ потомъ получили въ Петербургѣ громкую извѣстность и были интересны въ высшей степени, то я постараюсь передать исторію ихъ возникновенія, продолженія и, наконецъ, ихъ прекращенія.

Въ началѣ, за годъ или за два до моего пріѣзда въ Петербургъ, нѣсколько художниковъ согласились собираться поочереди другъ у друга, чтобы порисовать и провести вмѣстѣ время, съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ исполненные на вечерѣ рисунки поступали бы на пользу хозяина. Художники, собиравшіеся первое время, были: Зичи, князь Максютовъ, Боголюбовъ, Ив. Ив. Соколовъ, два брата Шарлемань, Рюль, Ловецари, Премацци, Штромъ, Петцольдъ,—другихъ не вспомню, но тутъ же участвовалъ и А. И. Бегровъ, у котораго былъ (и теперь существуетъ) магазинъ эстамповъ на Невскомъ проспектѣ.

Вечера эти проходили въ высшей степени пріятно: собирались все люди талантливые, молодые, всѣ рисовали,—шелъ оживленный разговоръ. Хозяева устраивали скромный ужинъ, по семейному, безо всякой претензіи; разгула не могло и быть никакого, но веселость била ключомъ. Скоро на этихъ вечерахъ стали бывать Ѳедоръ Ѳедоровичъ Львовъ, (тогда конференцъ-секретарь Академіи Художествъ), В. Ф. Тиммъ (издатель *Художественнаго Листка*) и, кажется, секретарь Ея Высочества В. К. Маріи Николаевны, Евгеній Ив. Мюссаръ, у которыхъ тоже стали собираться по пятницамъ.

Глядя, какъ работали всѣ эти талантливые художники, я учился у нихъ и знакомился со многими пріемами техники, которые были мнѣ неизвѣстны. Мало того, я не былъ даже знакомъ съ тѣми кистями, которыми работали художники-акварелисты. У меня были прескверныя кисти. А когда я купилъ у Бегрова акварельную кисть, заплативъ за нее десять рублей, то я, какъ говорится, тогда только увидалъ свѣтъ. Кисть эта до сихъ поръ цѣла, и почти такъ же хороша, какъ и новая. А сколько я ею наработалъ впродолженіи 32 лѣтъ!

По инціативѣ Ѳ. Ѳ. Львова, хорошаго акварелиста, чрезвычайно дѣятельнаго и симпатичнаго человѣка, Комитетъ Общества Поощренія Художникамъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ этимъ собраніямъ и, чтобы расширить дѣятельность ихъ и

привлечь на эти собранія большее число художниковъ, выхлопоталъ разрѣшеніе устраивать Собранія въ одной изъ залъ на Биржѣ. Когда мы стали проводить наши пятницы въ этомъ помѣщеніи, то тутъ приняли въ нихъ участіе и другіе художники, какъ-то: Сверчковъ, Лагоріо, Айвазовскій, Эрасси, Бейдеманъ, М. П. Клодтъ, Микѣшинъ, Риццони, архитекторы: Гартманъ, Монигетти, Бруни, А. Брюловъ, Н. Ѳ. Брюловъ, кромѣ того, тутъ были Каррикъ—фотографъ художникъ, актеръ Самойловъ, и начали появляться любители искусствъ, во главѣ которыхъ были: графъ Григорій Александровичъ Строгановъ, графъ Кушелевъ-Безбородко, Александръ Николаевичъ Кокоревъ, Бенардаки, Утинъ, Безцѣнный и многіе другіе.

Около года собирались художники на Биржѣ, когда вздумали устроить костюмированный вечеръ. Но такъ какъ дамы не приглашались, то нѣкоторые изъ художниковъ сдѣлали себѣ женскіе костюмы: такъ архитекторъ Гартманъ былъ одѣтъ маркизой, я—степною, небогатою помѣщицей, и еще кто-то (не помню) танцовщицей. На этомъ маскарадѣ, состоявшемся 9-го декабря 1860 г. были и профессора-художники, въ костюмахъ капуциновъ, домино и т. п. скромныхъ костюмахъ. Ив. Ив. Соколовъ былъ загримированъ и одѣтъ старымъ, толстымъ помѣщикомъ, подъ пару мнѣ. Вечеръ этотъ прошелъ необыкновенно оживленно, была музыка, были устроены разныя импровизаціи.

В. Ѳ. Тиммъ въ своемъ журналѣ сдѣлалъ рисунокъ этого вечера, помѣстивъ тамъ портреты участвовавшихъ лицъ.

Затѣмъ Ѳ. Ѳ. Львовъ испросилъ у президента Академіи Художествъ—Ея Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны разрѣшеніе собираться художникамъ въ залахъ самой Академіи, гдѣ собранія наши получили гораздо большее значеніе, и „пятницы“ стали извѣстны всему Петербургу. Въ огромныхъ залахъ Академіи было много простора, а просторъ былъ нуженъ, такъ какъ число посѣтителей пятницъ все увеличивалось, и надо было установить много столовъ, на которыхъ рисовали художники.

Было установлено такое правило, что всякій художникъ за проданный рисунокъ получалъ только половину денегъ, а другая половина шла въ общую кассу. Черезъ нѣсколько времени собралась сумма, достаточная для того, чтобы мы могли пріобрѣсти посуду и бѣлье для нашихъ скромныхъ ужиновъ, даже могли взять напрокатъ рояль. Каждый членъ собранія вносилъ на пятницу одинъ рубль. На эту сумму (внесенную вечеромъ) устраи-

вался чай, закуска, ужинъ и освѣщеніе. Ужинъ обыкновенно состоялъ изъ двухъ блюдъ, а на третье подавали: изюмъ, орѣхи и миндаль,—(это называлось *cochonneries*). Было и вино, но, конечно, не много, да его и не нужно было. Веселость, оживленіе, бывшія на этихъ вечерахъ, не требовали искусственнаго возбужденія. Веселость и такъ била ключемъ, да и *вообще* тогда былъ большой подъемъ духа!

И сколько было интересныхъ личностей на этихъ „пятницахъ"! Знаменитости во всѣхъ родахъ искусства охотно посѣщали наши вечера. Такъ какъ существовало правило, что всякій, обладающій какимъ-либо талантомъ, обязанъ былъ, по просьбѣ художниковъ, выказать свое искусство, то мы слушали пѣніе Тамберлика, разсказы И. Ѳ. Горбунова, чтеніе нѣкоторыхъ литераторовъ и даже маленькія, комическія театральныя представленія. На нашихъ собраніяхъ постоянно присутствовало общество пѣвцовъ Нѣмцевъ *(Лидертафель)*, доставлявшее большое удовольствіе образцовымъ исполненіемъ музыкальныхъ пьесъ.

Въ 1861 году отъ продаваемыхъ рисунковъ составилась порядочная сумма, которая и послужила основаніемъ нашего фонда. Въ концѣ 1861 года въ залахъ Академіи устроенъ былъ еще маскарадъ, затѣянный въ бо́льшихъ размѣрахъ, съ разными процессіями и пантомимой.

Приготовленія дѣлались громадныя. Въ одной изъ огромныхъ залъ Академіи устроили подмостки для пантомимы и мѣста для публики. Купецъ Громовъ пожертвовалъ массу досокъ для этой постройки, которой больше всего распоряжался А. П. Боголюбовъ, который, какъ бывшій морякъ, досталъ нѣсколько матросовъ, которые вмѣстѣ съ плотниками устраивали помостъ, ставили декораціи. Моряки все дѣлали ловко, быстро, и Боголюбовъ лихо командовалъ ими, точно командиръ корабля во время сильнаго волненія. Когда были устроены подмостки, художники начали разучивать пантомиму, сочиненную графомъ Соллогубомъ, подобравъ къ ней соотвѣтствующіе мотивы музыки изъ разныхъ оперъ. Дѣлались репетиціи процессій, въ которыхъ главную фигуру изображала *Пятница* изъ Робинзона; ее предполагалось нести на носилкахъ во время процессіи.

У начальства Преображенскаго полка испросили откомандировать на маскарадъ нѣсколько солдатъ, которые должны были стоять у дверей, одѣтые въ мундиры разныхъ эпохъ, начиная съ формы, бывшей при императорѣ Петрѣ I. Всѣ залы были укра-

шены роскошными растеніями, и все должно было быть освѣщено громадными люстрами a'giorno.

Весь Петербургъ, начиная съ самыхъ аристократическихъ фамилій, задолго готовился къ этому маскараду, стараясь сдѣлать оригинальные и роскошные костюмы. Цѣна за билетъ назначена была, кажется, рублей пять; но желающихъ быть въ маскарадѣ явилась такая масса, что пришлось увеличить цѣну за билетъ; не смотря на это нѣкоторыя лица предлагали сто пятьдесятъ руб. за билетъ, чтобы попасть на маскарадъ, такъ какъ ожидали, что Императорская Фамилія почтитъ Своимъ посѣщеніемъ нашъ маскарадъ. 28-го февраля 1861 г. состоялся этотъ балъ-маскарадъ, и вышелъ такъ удаченъ, какъ мы и не ожидали. Были костюмы поразительные по богатству, красотѣ и оригинальности. Веселость охватила всѣхъ посѣтителей, танцы происходили съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Пантомима и процессіи произвели необыкновенный эффектъ; словомъ, этотъ маскарадъ вышелъ роскошенъ, градіозенъ,—и до него врядъ ли когда-нибудь что-либо подобное видѣлъ С.-Петербургъ, такъ что Великая Княгиня Марія Николаевна пожелала, чтобы мы повторили этотъ вечеръ,—что̀ мы, конечно, съ охотой и исполнили, хотя число билетовъ было уже ограничено.

Съ своей стороны, Великая Княгиня, въ благодарность за исполненіе ея желанія, пригласила все наше общество (въ пятницу) къ себѣ на вечеръ въ ея дворецъ. Оригинальнѣе этого вечера трудно было себѣ представить, и стѣны дворца до и послѣ этого вечера никогда не заключали такого общества и не видѣли подобнаго зрѣлища. Ея Высочество просила, чтобы мы провели у нея вечеръ точно такъ же, какъ мы проводили свои пятницы въ Академіи, и ни въ чемъ бы не стѣснялись. Одно только поставлено было въ условіе, чтобы всѣ были во фракахъ. Когда мы явились во дворецъ, то увидѣли, что въ большой залѣ были поставлены столы; на нихъ лежали уже наши рисовальныя принадлежности: доски съ натянутой на нихъ бумагой, кисти, краски, карандаши и пр.

Великая Княгиня встрѣтила насъ съ обворожительною любезностью, и въ то же время ея обращеніе съ нами было такъ просто, что мы всѣ ободрились и чувствовали себя почти какъ у себя въ Академіи.

Какъ и на нашихъ вечерахъ, мы сѣли за свои рисунки, работали, болтали; затѣмъ импровизовали какую-то сцену, для чего

намъ отыскали какіе-то костюмы; потомъ продѣлывали все то, что дѣлали у себя: кто разсказывалъ, кто пѣлъ и игралъ на роялѣ, кто изображалъ какіе-нибудь типы, и т. д.

Великая Княгиня на все это смотрѣла съ удовольствіемъ, и любезности ея не было конца. Затѣмъ былъ сервированъ роскошный ужинъ, и уже тутъ наши продѣлки достигли своего апогея.

На другой день Великая Княгиня сказала князю Гагарину (вице-президенту Академіи Художествъ), что за ужиномъ придворная прислуга была до того поражена такимъ обществомъ, что думала, что насъ отправятъ или въ сумашедшій домъ, или засадятъ куда-нибудь. Разсказывая это, Великая Княгиня очень смѣялась.

Кажется въ 1858 году пріѣзжалъ въ Петербургъ Теофиль Готье. Онъ посѣщалъ наши вечера, перезнакомился со многими художниками, и впослѣдствіи сдѣлалъ описаніе этихъ вечеровъ и характеристику лучшихъ художниковъ изъ членовъ этого Общества.

Случалось, что нѣкоторые любители дѣлали у себя вечеръ исключительно для насъ, и вечера эти бывали очень пріятны. Кто желалъ—рисовалъ, или слушалъ музыку, или кто-нибудь изъ литераторовъ читалъ свои произведенія... Особенно пріятны были вечера у графа Алекс. Ник. Кушелева-Безбородко, въ его тогда новомъ, мраморномъ дворцѣ. Графъ былъ радушнѣйшій хозяинъ, и въ его домѣ было много произведеній иностранныхъ и русскихъ художниковъ. Всѣ эти картины онъ подарилъ предъ своею смертію (онъ умеръ 27 лѣтъ) Академіи Художествъ, и галлерея этихъ картинъ носитъ и теперь названіе „*Кушелевской*".

Но какъ вѣчнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, Русскихъ, всякія общества, собранія какъ-то не держатся долго, то и нашимъ собраніямъ пришелъ конецъ. Это произошло, кажется, въ 1863 или въ 1864 году. На собранія наши начали появляться личности совсѣмъ не подходящія. Потребовали повѣрки денегъ, и притомъ тѣ, кто въ сборѣ ихъ не участвовалъ и поэтому правъ на нихъ не имѣлъ, и когда имъ это замѣтили, то они обидѣлись, произошли пререканія, споры,—дошли до скандала... Всѣ перессорились,—и вскорѣ пятницы наши окончились.

Потомъ старались ихъ возобновить, устроили Клубъ Художниковъ, но это было совсѣмъ уже не то. Это былъ просто клубъ, какъ и всѣ клубы, въ которомъ бывало и пріятно, но ничего похожаго на прежнія пятницы создать уже не могли...

Собранія эти оставили по себѣ добрую память. Мастерство

проявляемое даровитыми художниками, имѣло вліяніе на менѣе опытныхъ художниковъ, которые усваивали себѣ пріемы техники, имъ еще неизвѣстные. У такихъ мастеровъ, какъ Зичи, Лагоріо, Сверчковъ, Боголюбовъ и другіе, было чему поучиться. Затѣмъ на этихъ вечерахъ ходожники сближались между собой, и кружокъ ихъ становился все тѣснѣе и тѣснѣе; но наступилъ кризисъ, и все распалось...

Не могу не упомянуть о двухъ личностяхъ, придававшихъ много оживленія нашимъ вечерамъ, хотя и не художниковъ. Это были, во-первыхъ, Константинъ Андреевичъ Рюль и, во-вторыхъ, артистъ В. В. Самойловъ.

К. А. Рюль—это былъ феноменально-талантливый человѣкъ и прекраснаго сердца. Онъ и рисовалъ очень хорошо пастелью и гвашью, и музыкантъ былъ прелестный, при замѣчательной музыкальной памяти; кромѣ того, талантливый разскащикъ, удивительный фокусникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдко можно было встрѣтить болѣе беззаботнаго человѣка въ жизни. У него почти никогда не было денегъ въ карманѣ, хотя онъ получалъ порядочное жалованье, какъ начальникъ телеграфа въ Гатчинѣ. Слухи о немъ дошли до покойнаго Императора Александра II. Онъ пожелалъ видѣть Рюля, и разъ Рюль былъ приглашенъ обѣдать у Государя. По желанію Государя Императора, на обѣдѣ онъ проявлялъ многіе фокусы, и наконецъ Рюль изобразилъ постепенно пьянѣющаго человѣка, что̀ дѣлалъ онъ художественно. Государь очень смѣялся.

Покойный Государь до самой смерти помнилъ Рюля и оказывалъ ему помощь. Такъ какъ вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія вина у Рюля стало слабѣть зрѣніе, то Государь Императоръ поручилъ Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему помѣстить Рюля у себя на дачѣ, гдѣ ему запрещено было давать вино, кромѣ одного стакана краснаго вина за обѣдомъ.

Артистъ В. В. Самойловъ нерѣдко посѣщалъ пятницы и также рисовалъ, и рисовалъ очень не дурно. Онъ былъ очень остроуменъ, отличный разскащикъ, но циникъ, подчасъ дерзкій и въ выраженіяхъ не стѣснялся. Я помню слѣдующій съ нимъ эпизодъ. Изъ числа архитекторовъ, посѣщавшихъ пятницы, былъ нѣкто П., истый Нѣмецъ. Онъ воспитывался въ Академіи Художествъ, былъ чрезвычайно талантливъ, какъ архитекторъ-художникъ, но, какъ строитель, былъ плохъ, и его блестящіе проекты были большею частію совсѣмъ неудобны къ постройкѣ. П. по-

стоянно ругалъ Россію и Русскихъ, и наконецъ на одномъ изъ вечеровъ заявилъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Россіи, этой дикой страны, гдѣ его не понимаютъ и не цѣнятъ, и что будетъ онъ подлецъ, если когда-нибудь вернется въ Россію. Въ это время на вечерѣ былъ и Самойловъ. П. дѣйствительно уѣхалъ въ Берлинъ, но, проживъ тамъ два года, вернулся опять въ Петербургъ. Когда онъ, послѣ своего возвращенія, явился на пятницу, то, здороваясь со всѣми, подошелъ и къ В. В. Самойлову и протянулъ ему руку. Тогда Самойловъ, не подавая руки, напомнилъ П., что онъ самъ сказалъ, что будетъ подлецъ, если вернется въ Россію,— онъ вернулся, слѣдовательно..., а подлецамъ Самойловъ руки не подаетъ! Вышелъ было скандалъ, но многіе постарались смягчить этотъ эпизодъ, придавъ ему видъ шутки, и П. принужденъ былъ промолчать.

Многое уже исчезло изъ моей памяти, и, быть-можетъ, найдутся лица, которыя дополнятъ мои записки пропущенными мною эпизодами. Это было бы очень желательно, такъ какъ описанный мною періодъ изъ жизни нашихъ художниковъ имѣлъ свое значеніе, при чемъ не могу не сказать, что кружокъ нашъ своимъ развитіемъ больше всего былъ обязанъ Ѳ. Ѳ. Львову, который своею энергіей, своею любовію къ искусству, а также и своимъ положеніемъ конференцъ-секретаря Академіи много содѣйствовалъ его (кружка) существованію и былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ его.

К. Трутовскій.

---

2) Письмо К. Н. Леонтьева къ А. А. Фету.

12 декабря 1890 г. Оптина пустынь.

„Сердце сердцу вѣсть подаетъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Я только-что собрался Вамъ послать оттискъ моей статьи „Анализъ, стиль и вѣяніе“ *(Русск. Вѣстн.)*, какъ получилъ оба тома Вашихъ интересныхъ „Воспоминаній“. Спасибо Вамъ, — я ихъ, конечно, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* читалъ; — но прочесть то же самое въ отдѣльной книгѣ почему-то всегда пріятнѣе и полезнѣе. Представленіе о трудѣ въ этомъ видѣ — яснѣе, цѣльнѣе, „дифференцированнѣе“, если можно такъ выразиться. Надо вѣдь сознаться, что не только газеты, но и журналы суть одно изъ проявленій того „Вавилонскаго“ *смѣшенія*, къ которому, повидимому, неудержимо стремится современное человѣчество. Они *смѣшиваютъ* мысли, путаютъ, затемняютъ представленіе. Свои оттиски я опоздалъ выслать потому, что заказалъ одному монаху (переплет-

чику) сброшюровать ихъ, а другому (краснописцу) исправить *(экземплярахъ въ 18)* опечатки по одному, мною исправленному экземпляру. Ф. Н. Б. не досмотрѣлъ, и корректоры напутали много („совершенно“ — вмѣсто „современно; „*новорожденный* глазъ“, вмѣсто „невооруженный глазъ“ и т. д.). Б—гу, однако, мысль статьи (противу порчи языка) очень нравится, и онъ хотѣлъ позаботиться объ особомъ изданіи. Не знаю, сдержитъ ли слово. Русскіе пріятели и единомышленники, вы знаете, не надежны! Надежные очень рѣдки!

С. находитъ большою моей заслугой то, что я отвергаю „Гомерическій“ (это его слово) характеръ „Войны и Мира“.—Но неужели есть и были у насъ люди, которые уподобляли „Войну и Миръ“ Иліадѣ? — „Шекспиръ!“—(какъ воскликнулъ Флоберъ), я понимаю; но Гомеръ—это странно. Гомеръ прежде всего *наивенъ*, а у Толстаго никогда наивности и тѣни ни въ чемъ не было.

Хотя я до *новѣйшей проповѣди* Льва Николаевича не большой охотникъ, но такъ какъ моя статья до этой проповѣди мало касается, а трактуетъ о его дѣйствительныхъ и незабвенныхъ заслугахъ, то думаю одинъ экземпляръ этихъ оттисковъ и ему въ Ясную Поляну послать... „*Автору, молъ*, „Войны и Мира“ и т. п., *но не автору* „Моей Вѣры“, „Исповѣди“ и т. д.“ Тѣмъ болѣе, что онъ у меня Великимъ Постомъ прошлымъ былъ и проспорилъ очень любезно (и очень безпутно) цѣлыхъ два часа.

Съ грустію и участіемъ прочелъ я о томъ, что Вы, дорогой Аѳ. Аѳ., жестоко скучаете. Это было видно и изъ нѣкоторыхъ прежнихъ Вашихъ писемъ.

Я *вѣрю* Вамъ, я *догадываюсь*, что это должно быть иногда ужасно, вспоминаю при этомъ двѣ-три эпохи изъ моей прежней жизни, чтобъ уяснить себѣ Ваше состояніе; но *личнымъ чувствомъ* понять Васъ, къ счастію своему, *не могу. Именно здѣсь, въ Оптиной, именно теперь*, эти послѣдніе годы — я не знаю, что такое *скука!* Да и вообще — я ее въ жизни мало зналъ; а когда случалось нѣчто въ этомъ родѣ, то понятно это хуже всего на свѣтѣ! Послушайте, что я Вамъ *по секрету* скажу. Я помню всѣ Ваши бесѣды хорошо. Разъ я уходя протянулъ Вамъ руку „черезъ порогъ“, Вы *отступили* и меня заставили вернуться, говоря: „безъ *суевѣрій* нѣтъ человѣка“.

Вспомните также, что любимый Вами Шопенгауеръ вѣрилъ въ *колдовство*, какъ въ *особаго рода* естественный фактъ.

И такъ послушайтесь моего *суевѣрія* и давайте *поколдуемъ* вмѣстѣ.

Вставши утромъ, *каждый день* въ теченіе трехъ, напримѣръ, мѣсяцевъ, *креститесь на образъ* и приговаривайте мысленно: *„Господи, пошли мнѣ вѣру въ Церковь и въ загробную жизнь“*. И больше ничего!.. Придетъ вѣра,—пройдетъ старческая скука (или хоть значительно уменьшится).

Я не могу требовать, чтобы Вы сразу стали чувствовать то, *что я чувствую*—когда читаю или слышу: „Вѣрую во Единаго Бога Отца...“ „И во Едину Соборную, Апостольскую Церковь“... „Чаю воскресенія мертвыхъ и т. д. Подобною силой *внушенія* я не одаренъ... Но я прошу Васъ допустить сначала, что это *особаго рода весьма распространенное и милліонамъ людей* доступное колдовство. И этого довольно... Въ самомъ рѣшительномъ согласіи на подобный опытъ есть уже нѣкоторый оттѣнокъ духовнаго смиренія: „*Кто* знаетъ! *Я* навѣрное не знаю! *Нѣчто* мистическое и разумомъ *моимъ* я отвергать не могу!“ и т. д.

А—въ совершенно правъ, говоря: „Я *хочу* вѣрить и *буду* вѣрить!“ „Хочу“ и потому *стремлюсь;* стремлюсь и потому готовъ и *просить Кого-то!..* А этотъ „Кто-то“ сказалъ: „Просите—и дастся вамъ; толцыте—и отверзится вамъ“.

Не доводамъ моимъ слабымъ подчиняйтесь, а вѣрьте моему *личному опыту, точно такому же* ровно двадцать лѣтъ тому назадъ на Аѳонѣ! Аминь... Помози Вамъ Господь, а я Васъ очень люблю и жалѣю *такъ,* какъ жалѣешь того, котораго при этомъ искренно уважаешь!

Уважающій васъ **К. Леонтьевъ.**

P. S. Мнѣ очень было пріятно ѣсть Ваши „бифштексы“, но, зная доброту Марьи Петровны и любезность ея, я убѣжденъ, что ей угощать меня было еще пріятнѣе, чѣмъ мнѣ ѣсть. Будучи осенью этой въ Москвѣ, и не безъ хлопотъ, я позволилъ себѣ опять ѣсть мясо, и по безсилію, и во избѣжаніе лишнихъ заботъ объ *особой* пищѣ, которую доставать труднѣе; но, возвратившись домой, я опять отъ него отказался; ибо я уже третій годъ *здѣсь* не ѣмъ его, по благословенію старца,—и нахожу въ этомъ маленькомъ отреченіи большую *„суевѣрную“* отраду.

Вотъ видите, Вы откровенны, и я тоже...

Скажите Вл. С. Соловьеву, что его равнодушіе ко мнѣ очень меня огорчаетъ. А вѣдь онъ меня *очень* любитъ.

Богъ съ нимъ, право! Такой ужь у него фанатизмъ своей проповѣди, что всѣ чувства забываются!

НА ПУТИ ВЪ АМЕРИКУ.

Письмо первое.

I.

Полтава. — Кіевъ. — Вѣна. — Цюрихъ. — Парижъ.

Въ январѣ очень холодно путешествовать по Европѣ, особенно въ этомъ году, когда всюду, даже въ теплой Франціи, только и толковъ, что о снѣгѣ и снѣжныхъ заносахъ. Я выѣхалъ изъ центра Малороссіи, изъ Полтавы, гдѣ вотъ уже мѣсяцъ стоитъ такая лютая зима, трещатъ такіе морозы и навалило такіе сугробы, что можно подумать, что живешь не въ благословенной солнечной Хохландіи, а въ пустынныхъ сибирскихъ тундрахъ. Предстоялъ заѣздъ въ Кіевъ для визированія паспорта, какъ будто эту чисто фискальную процедуру нельзя продѣлывать на соотвѣтствующей пограничной станціи. Жителю Петербурга или Москвы виза паспорта обходится около рубля, на обитателей же провинціи эта международная игра во взаимную вѣжливость ложится большою тяготой, требуя подчасъ далекихъ заѣздовъ въ города, въ коихъ помѣщаются иностранныя консульства.

Полтава не городъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова, а большая скучная деревня, въ которой еще недавно на улицахъ царствовала такая невылазная грязь, что поздравительные визиты на Новый годъ и въ Свѣтлый праздникъ выполнялись обывателями чуть-ли не на волахъ. Теперь городъ хотя скверно, но вымощенъ, однако все же не имѣетъ водопровода и довольствуется какими-то грязными колодцами. Холерное бѣдствіе въ этомъ году

пощадило, можно сказать, грязную Полтаву, а что̀ будетъ на весну— извѣстно одному Господу Богу. Я еще засталъ здѣсь холерныхъ больныхъ, и мнѣ памятенъ визитъ въ здѣшній холерный баракъ, открытый vis-a-vis съ городскимъ кладбищемъ какъ разъ насупротивъ памятника извѣстному молороссійскому поэту Котляревскому. Холерный полтавскій баракъ выстроенъ очень оригинально и его сто̀итъ описать нѣсколько подробнѣе. Весь участокъ, занятый подъ холерную больницу, имѣетъ форму прямоугольнаго трехугольника, обнесеннаго высокимъ заборомъ, который въ то же время служитъ стѣнкой двухъ бараковъ для больныхъ и всѣхъ административныхъ бараковъ. По короткому катету помѣщаются двое воротъ въ отдѣленіе, и между ними помѣщенія для сторожа, для врача, фельдшера, аптеки, сестры милосердія, для прислуги, цейхгауза, кухни и для надзирателя. Окна всѣ смотрятъ *внутрь* двора, а *наружу* выходитъ лишь *одно окно* изъ аптеки, черезъ которое подается привозимая сюда пища [1] и медикаменты. Можно легко себѣ представить, какъ сильно долженъ былъ поражать фантазію простолюдина подобный своеобразный видъ холернаго барака. Здѣсь же находится телефонъ, соединяющій баракъ съ амбулаторіей въ городѣ, съ конторой и съ кабинетомъ (и съ квартирой) старшаго врача больницы. Въ кухнѣ, кромѣ плиты для разогрѣванія пищи, находятся два куба,—одинъ меньшій для нагрѣванія воды для чая (паромъ), другой большій для нагрѣванія воды для ваннъ. Вода проведена изъ сосѣдняго колодца, у котораго работаетъ локомобиль, снабжающій паромъ какъ оба эти куба, такъ и дезинфекціонную камеру. По длинному катету расположены: дезинфекціонная камера и при ней осмоленная кадка съ крышкой на замкѣ для складыванія платья больныхъ до дезинфекціи; изъ этого помѣщенія окно ведетъ въ прачешную. На разстояніи 3—4 саженъ отъ прачешной начинается первый баракъ, въ которомъ находится ванная комната и затѣмъ помѣщеніе для 20 — 25 кроватей съ разстояніемъ до трехъ аршинъ между ними. Полъ въ баракахъ земляной; на внутренній дворъ выходитъ много небольшихъ оконъ и дверей. Для отгораживанія больныхъ устроены переносныя ширмы. Такой же баракъ находится и по гипотенузѣ трехугольной загородки. Уголъ, противоположный короткому катету, отгороженъ внутреннимъ заборомъ

---

[1] Пища изготовлялась въ общей кухнѣ полтавской губернской земской больницы.

съ воротами и съ отверстіемъ въ стѣнѣ, черезъ которое проходитъ труба съ пріемникомъ для отбросовъ и для сливанія нечистотъ, выносимыхъ изъ бараковъ, яма, куда ведетъ эта труба, находится, слѣдовательно, за этимъ внутреннимъ заборомъ, въ небольшомъ дворикѣ, гдѣ также помѣщается усыпальница, помѣщеніе для похоронныхъ принадлежностей (дроги и т. под.), конюшня, помѣщеніе для вскрытій, и посереди дворика — печь для сжиганія вещей малоцѣнныхъ (солома изъ матрацовъ и т. п.). Помощью особаго канала, выведеннаго въ яму, эта же печь ее вентилируетъ. Яма, въ кубическую сажень емкостью, закрыта сверху, и въ нее входитъ труба съ внутренняго двора, черезъ которую вливаются нечистоты, и другая—для наливанія известковаго молока. Съ наполненіемъ ямы до трехъ четвертей ея объема, она засыпалась известью и затѣмъ землей, а рядомъ устраивалась другая такая же и т. д.

Я умышленно остановился такъ долго на этихъ подробностяхъ, дабы показать, что при нѣкоторомъ желаніи можно безъ большихъ затратъ организовать и устроить вполнѣ раціонально баракъ для холерныхъ больныхъ.

Показывать баракъ и своихъ холерныхъ больныхъ повелъ меня старшій врачъ больницы д-ръ С—кій, по указаніямъ котораго въ Полтавской губерніи велась вся борьба съ эпидеміей.

Извощикъ, которому мы приказали везти себя въ холерный баракъ, нѣсколько разъ оглянулся на насъ и какъ-то глупо ухмылялся, видимо желая вступить въ разговоръ.

— Чего ты радуешься, спросилъ его мой компаніонъ,—или бывалъ у насъ въ баракѣ? Мнѣ твоя физіономія какъ будто знакома!

— Точно такъ, послышался сиплый басъ извощика, и молодое улыбающееся лицо здоровеннаго парня уже смѣло глянуло на насъ съ козелъ.—Сперва оченно не хотѣлось поступать къ вашей милости, больно ужь пужали, что живаго потрошить будете, да вотъ ишь все наврали, таково хорошо было, и сестры такія добрыя, вѣкъ не забуду, болталъ расходившійся возница и горячо принялся увѣрять насъ, что онъ теперь всѣмъ разсказываетъ, какъ хорошо лежать въ буеракѣ (то-есть въ баракѣ).

У воротъ насъ встрѣтилъ сторожъ, а вскорѣ явился и дежурный фельдшеръ и молодой, маленькій съ блѣднымъ не-русскимъ лицомъ врачъ. Больныхъ оказалось всего пять человѣкъ, два въ мужскомъ отдѣленіи и три—въ женскомъ.

— Ну, что Наумовъ? спросилъ старшій врачъ, пока мы производили нашъ туалетъ, снимали сапоги и замѣняли ихъ широкими кожаными туфлями и облачались въ широкіе бѣлые балахоны.

— Поправляется,—весело, хоромъ, отвѣтили всѣ присутствующіе;—выскочитъ, навѣрное, а вотъ Антонъ и дѣвочка больно плохи. Вчерашняя баба тоже нехороша, объяснялъ докторъ, все хочетъ что-то сказать, да ничего у нея не выходитъ. Антонъ все бредилъ, а теперь пересталъ и не приходитъ въ себя, несмотря на ванны и обливанія.

Наумовъ былъ арестантъ, который, когда его доставили съ признаками холеры изъ тюрьмы, устроилъ въ воротахъ барака цѣлый скандалъ. Не хотѣлъ выходить изъ кареты, сталъ биться и кричать, что въ баракѣ его отравятъ, что его привезли рѣзать и потрошить живаго. Собралась толпа любопытныхъ, и дѣло едва не приняло непріятнаго оборота. Въ баракѣ Наумовъ видимо боялся первое время, смотрѣлъ на всѣхъ ухаживающихъ дикимъ, недружелюбнымъ взоромъ, не охотно давалъ себѣ ставить клистиры [1] и положительно ожидалъ, что его начнутъ заживо потрошить. Кажется, нигдѣ не былъ напечатанъ такой разсказъ, относящійся до бывшихъ у насъ въ прошломъ году холерныхъ безпорядковъ. Когда толпа буяновъ разносила въ какомъ-то южномъ городкѣ холерную больницу, то нѣсколько человѣкъ больничной прислуги, со страху, попрятались въ сарай, гдѣ стояли заготовленные деревянные гробы и забились въ нихъ.

Скоро бушующая толпа добралась и до сарая и, найдя здѣсь гробы съ покойниками, любезно пригласила ихъ вставать, заявляя, что теперь бояться нечего: больница разрушена, а доктора побиты. Поблѣднѣвшіе отъ страха покойники повскакали со своихъ мѣстъ, и миѳъ пошелъ гулять по народу. Къ счастію, слу-

[1] Въ полтавской холерной больницѣ примѣнялся довольно широко тотъ способъ лѣченія холеры, который принято называть способомъ Кантани, по имени предложившаго его итальянскаго профессора. Способъ этотъ состоитъ во вливаніи въ кишки больнаго, гдѣ, якобы, и гнѣздится знаменитая «запятая», раствора дубильной кислоты и, кромѣ того, во вливаніи подъ кожу больнаго особымъ шприцомъ соляного раствора, что, въ свою очередь, имѣетъ цѣлью пополнить происходящую при холерѣ убыль жидкости въ крови. Однако способъ этотъ, какъ и многіе другіе, будучи вполнѣ пригоднымъ при лѣченіи легкихъ случаевъ холеры, и въ началѣ заболѣванія, оказался вполнѣ не дѣйствительнымъ въ тяжелыхъ формахъ и при запущенныхъ и далеко подвинувшихся случаяхъ.

чай Наумова былъ легкій, и онъ уже на другой день сталъ поправляться и вмѣстѣ съ тѣмъ понимать, что въ тюрьмѣ ему наговорили вздору про баракъ и что вообще онъ обманутъ. Сестры милосердія окончательно побѣдили его, растормошили; онъ повеселѣлъ, началъ говорить и, наконецъ, сознался, почему онъ себя такъ нелѣпо велъ при пріѣздѣ, и объяснилъ, что другіе арестанты увѣрили его, что его везутъ въ баракъ для производства надъ нимъ опытовъ.—Когда мы вошли въ мужской баракъ, Наумовъ лежалъ одѣтый въ халатѣ, причесанный, на койкѣ и какимъ-то конфузливо-ласковымъ взглядомъ оглядѣлъ насъ.

— Ну что̀, братъ, не потрошили сегодня, спросилъ его мой спутникъ, останавливаясь у кровати.

— Никакъ нѣтъ, извините, тихимъ шепотомъ отвѣтилъ Наумовъ, стараясь блѣдными пальцами запахнуть полы халата. Извѣстно, наврали, прибавилъ онъ,—а я, дуракъ, и уши развѣсилъ, оправдывался онъ, когда мы отошли къ другой кровати, гдѣ за ширмами лежалъ весь посинѣлый и какъ-то странно скрюченный человѣкъ. Въ груди его начиналъ уже звенѣть предательскій колоколецъ — ясный признакъ наступающей агоніи. Очевидно было, что страдалецъ долженъ скончаться очень скоро. Глаза его были мутны и обращенные на меня, очевидно меня не видѣли. Руки тихо дрожали.

— Ну что̀, Антонъ, спросилъ его мой спутникъ, наклоняясь къ самому уху больнаго,—какъ себя чувствуешь? Антонъ не пошевельнулся и не перемѣнилъ позы. Мы тихо вышли изъ барака. Это былъ первый случай холеры, которую мнѣ пришлось видѣть въ эту эпидемію и, признаюсь, я ожидалъ бо̀льшаго, приготовился къ бо̀льшимъ страданіямъ, бо̀льшимъ ужасамъ.

Въ женскомъ отдѣленіи одна больная тоже выздоравливала, но маленькая дѣвочка лѣтъ восьми, кажется нищенка по профессіи, тихо умирала и, вся сине-багровая, лежала безъ всякихъ признаковъ сознанія. Третья больная тоже умирала, и видъ ея производилъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Глаза у нея смотрѣли, по моему, совершенно сознательно, но страшная худоба, посинѣвшія ноги, высунувшіяся изъ-подъ сбившагося одѣяла, сиплый, непонятный шепотъ, какая-то икота,—все это слышится мнѣ до сихъ поръ и не даетъ забыть этой тяжелой картины. Рѣзкимъ контрастомъ съ умирающей являлось молодое, розовое, но серьезное личико хорошенькой сестры милосердія, которая съ сосредоточеннымъ видомъ наклонилась выслушивать шепотъ больной.

Черезъ два часа послѣ нашего отъѣзда больная скончалась, причемъ никто такъ и не понялъ, что̀ она хотѣла сказать предъ кончиной. Насъ облили съ головы до ногъ сулемой, и даже сапоги мои совсѣмъ промокли, когда мы вышли садиться на нашего извощика.

Холера оживила немного сонную Полтаву, которую не оживляетъ даже земское собраніе, состоявшееся здѣсь въ началѣ года. Собраніе шло вяло, мертво и ничѣмъ не нарушало окружающаго соннаго царства. Въ городѣ ужасно мало читаютъ. На весь городъ имѣется одна книжная лавка, да и то плохая, и одинъ мальчикъ-газетчикъ, который продаетъ никому не нужный *Одесскій Листокъ*.

Достопримѣчательностей въ Полтавѣ также никакихъ не имѣется, если не считать неуклюжаго и неизящнаго памятника великому преобразователю Россіи, который „покоился“ здѣсь послѣ знаменитой битвы, въ которой ученики поколотили своихъ учителей. Въ этомъ году Полтава поступила съ холерой не хуже, чѣмъ со Шведомъ—разбила на голову ужаснаго врага и заставила его отступить ни съ чѣмъ. Остается лишь пожелать, чтобы Полтава навсегда сохранила тотъ же способъ обращенія со своими врагами.

Въ двухъ верстахъ отъ города находится извѣстная „Шведская могила“, въ общей оградѣ съ небольшою деревенскою церковкой. Могилу эту скорѣе слѣдовало бы назвать русскою, потому что въ ней не лежитъ ни одного Шведа, а погребено 1.200 русскихъ храбрецовъ. Могила содержится съ непростительною небрежностью и съ полнымъ забвеніемъ того значенія, которое имѣла Полтавская битва въ исторіи не только Россіи, но всей Сѣверной и Восточной Европы.

Желѣзнодорожный вокзалъ въ Полтавѣ раздѣляетъ участь общую многимъ русскимъ вокзаламъ, то-есть отнесенъ на нѣсколько верстъ отъ городской черты, неизвѣстно по какимъ мудрымъ соображеніямъ. Кіевъ отстоитъ отъ Полтавы едва на 400 верстъ и тѣмъ не менѣе ѣхать до него приходилось болѣе 30 часовъ! Поѣзда припоровлены плохо и къ тому же на каждой станціи стоятъ зачѣмъ-то по получасу. Особенно плохо двигается поѣздъ по такъ-называемой „сахарной“ Фастовской дорогѣ, и я никогда не могъ себѣ уяснить, для чего, при нашихъ безконечныхъ разстояніяхъ, требуется еще изводить пассажира несносною медленностью ѣзды.

Говорятъ, Россія стала неузнаваемою во всѣхъ отношеніяхъ за послѣднія 20—30 лѣтъ, но желѣзнодорожные порядки въ ней все еще руководствуются девизомъ „тише ѣдешь, дальше будешь“.

Въ Кіевѣ изъ-за визированія паспорта пропалъ цѣлый день. Поѣздъ уходитъ въ 10 часовъ утра, а господинъ австрійскій консулъ изволитъ почивать до одиннадцати.

Кіевъ безусловно красивый городъ, расположенный на живописныхъ днѣпровскихъ кручахъ, но все же въ технико-санитарномъ отношеніи ему многаго недостаетъ, чтобы стать городомъ съ европейской, а тѣмъ болѣе американской точки зрѣнія. Если въ Америкѣ возникаетъ самый крошечный городокъ, имѣющій какихъ-либо полсотню домовъ, то вы можете быть увѣрены, что городъ этотъ тотчасъ же будетъ снабженъ канализаціей, каждый домъ будетъ имѣть проведенную воду, ватеръ-клозетъ, газъ и другіе аттрибуты современнаго городскаго комфорта. Улицы будутъ хорошо освѣщены по ночамъ; всюду газъ, электричество, всюду пройдетъ конка, всюду проникнетъ телефонная проволока и другія блага нашей культуры. И съ этой точки зрѣнія большинство нашихъ русскихъ городовъ, гдѣ не имѣется ни канализаціи, ни хорошей воды, ни ватеръ-клозетовъ, ни электрическаго освѣщенія улицъ, ни дешевыхъ телефоновъ, ни порядочныхъ мостовыхъ, ни конокъ, не могутъ, конечно, претендовать на названіе города, какъ мѣстности, представляющей сумму извѣстныхъ жизненныхъ удобствъ для своихъ обитателей. Умѣнье нашихъ городскихъ обывателей обходиться безъ всего этого напоминаетъ умѣнье дикаря расправляться посредствомъ однихъ пальцевъ съ поданнымъ ему европейскимъ обѣдомъ. То же впечатлѣніе производитъ и Кіевъ, и ни его красивое мѣстоположеніе, ни его величайшіе историческіе памятники не могутъ заставить меня забыть, что его обыватели, подобно дикарямъ, обходятся во многихъ случаяхъ жизни безъ вилки и ножа.

Отъ Кіева до австрійской границы рукой подать, всего какихъ-нибудь 400 верстъ (черезъ Волочискъ). Здѣсь ходятъ два поѣзда, но австрійскія власти, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ съ осмотромъ пассажировъ и дезинфекціей ихъ багажа, рѣшили пропускать къ себѣ ежедневно лишь одинъ поѣздъ, и злополучные пассажиры другаго поѣзда, прибывающіе въ Волочискъ вечеромъ, должны здѣсь ночевать и ожидать цѣлыхъ восемнадцать часовъ! Наконецъ и нашимъ ожиданіямъ пришелъ конецъ, и мы тронулись изъ Волочиска. Еще нѣсколько минутъ и поѣздъ подойдетъ

къ австрійской границѣ, всего лишь нѣсколько верстъ отдѣляютъ насъ отъ пестрой имперіи Габсбурговъ.

На сердцѣ у меня жутко. Мучительно стоитъ въ головѣ вопросъ о томъ, что̀ ожидаетъ меня за границей, въ которой я не былъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Мучительно дѣйствуетъ именно сознаніе, не слишкомъ ли я свыкся съ русскою обломовщиной и буду ли въ состояніи освоиться съ чуждыми мнѣ порядками и обычаями. А поѣздъ уже мчится по мосту черезъ какую-то пограничную рѣчку, и позади надолго остается все родное, болѣзненно близкое, впереди ожидаетъ все чуждое, отчасти заманчивое, отчасти отталкивающее...

II.

Къ счастію, въ день нашего пріѣзда чрезъ Подволочискъ была отмѣнена дезинфекція пассажирскихъ вещей, установленная по случаю развившейся у насъ эпидеміи, а то пребываніе при 20 градусахъ мороза въ холодныхъ баракахъ, въ которыхъ Австрійцы производятъ осмотръ зачумленныхъ русскихъ пассажировъ и ихъ вещей, было бы куда непривлекательно.

До Вѣны насъ провожалъ настоящій русскій морозъ: всюду по дорогѣ была такая масса снѣга, окна вагоновъ (двойныхъ рамъ не полагается) такъ сильно промерзли, что не пришлось увидать ни клочечка земли той скромной Галиціи, по которой мы проѣзжали.

Въ Вѣнѣ зима начала исчезать, а дальше на Западъ наши русскія шубы можно было смѣло сложить въ багажъ и замѣнить болѣе подходящимъ европейскимъ костюмомъ.

Вѣна препротивный городъ. Я въ немъ много разъ бывалъ, и всегда онъ производилъ на меня впечатлѣніе большой, растянувшейся на нѣсколько верстъ Варшавы. „Тѣхъ же щей да погуще влей", какъ говоритъ русская пословица, да и къ тому же Вѣнцы своею любовью къ внѣшней, ка́зовой сторонѣ во многомъ напоминаютъ Варшавянъ. Прославленный типъ вѣнской красавицы, признаюсь, мнѣ также не по нутру. Это что-то тяжелое, неграціозное, хотя во многомъ и напоминающее нашу славянскую полновѣсную красоту.

„Der schöne blaue Donau" совсѣмъ не виденъ въ городѣ и развѣ только извращенное воображеніе можетъ найти, что синій Дунай кружится съ красавицей Вѣной въ сладострастномъ вихрѣ

штраусовскаго вальса, безъ котораго не могутъ обходиться легкомысленныя Вѣнки. Вѣнцы — плохая карикатура на Парижанъ: та же любовь къ зрѣлищамъ, та же любовь къ удовольствіямъ, къ фланированію и, пожалуй, къ скандалу. Но какая разница между изящнымъ Парижаниномъ и неуклюжимъ Вѣнцемъ, въ которомъ все неизящно, начиная отъ костюма и кончая любовью къ брелокамъ, огромнымъ часовымъ цѣпочкамъ и экстравагантнымъ галстукамъ.

Всего интереснѣе въ Вѣнѣ ея исторія „убѣждающая, что Вѣнцы какъ ни какъ, а кельтскаго происхожденія, и что еще Римляне владѣли этимъ городомъ, въ которомъ нынѣ насчитывается болѣе милліона жителей. Вѣна, подобно Тифлису, не разъ лежала у ногъ самыхъ разнообразныхъ завоевателей. Отъ хозяйничанья Турокъ ее спасъ въ 1682 году король польскій Янъ Собѣсскій, и одинъ Наполеонъ I хозяйничалъ въ ней дважды. Въ настоящее время Вѣну нельзя назвать нѣмецкимъ городомъ: тутъ такая же пестрая смѣсь языковъ, какая замѣчается во всей Австрійской Имперіи; тутъ и Чехи, и Венгры, и Итальянцы, — и все вмѣстѣ образуетъ такую микстуру, которую трудно глотать съ удовольствіемъ. Даже въ языкѣ отразилось это смѣшеніе, и тотъ, кто говоритъ хорошимъ нѣмецкимъ языкомъ, не всегда будетъ понятъ Вѣнцемъ.

Еще одна особенность Вѣны: здѣсь почти всѣ банкиры—бароны, и почти всѣ бароны — Жиды.

Литературная жизнь въ Вѣнѣ очень слаба, Нѣмецъ идетъ печататься въ Германію, Полякъ—въ Краковъ, Венгерецъ—въ Буда-Пештъ, а Чехъ—въ Прагу; такимъ образомъ на долю Вѣны ничего не остается, и въ этомъ обстоятельствѣ заключается столь важное отличіе австрійской столицы отъ Парижа, что его никогда не забыть и не заполнить.

Отъ Вѣны въ Парижъ ведутъ двѣ дороги, то-есть, если хотите, многое множество дорогъ, но двѣ изъ нихъ считаются излюбленными. Одна чрезъ Эльзасъ, Стразбургъ и Нанси; по этой дорогѣ ходитъ знаменитый „экспрессъ — d'Orient“ съ удобными вагонами, вагономъ-ресторановъ, спальными приспособленіями и всяческимъ дорожнымъ комфортомъ. Другой путь идетъ чрезъ Тироль, минуя Эльзасъ и Нѣмцевъ-Пруссаковъ, чрезъ Швейцарію и выходитъ во Францію въ пограничной станціи Дель. Этотъ послѣдній путь чрезъ Тирольскіе Альпы (Via Aalberg) считается въ настоящее время въ Европѣ однимъ изъ самыхъ живописныхъ

и куда болѣе величественнымъ, чѣмъ прославленный туристами путь чрезъ Земмерингъ.

Къ сожалѣнію, упавшая лавина завалила на нѣсколько верстъ тирольскую дорогу, и намъ не пришлось видѣть Инспрука и всей этой милой, граціозно-величественной природы. Такъ какъ намъ хотѣлось навѣстить одного пріятеля, жившаго въ Мюнхенѣ, то мы рѣшили избрать третій путь и, доѣхавъ до Мюнхена, повернуть въ Швейцарію чрезъ Боденское озеро, это lacus Brigantinus древнихъ Римлянъ. Какъ рѣшено, такъ и сдѣлано. Остановка въ Мюнхенѣ—въ этихъ нѣмецкихъ Аѳинахъ, благодаря крайне дурной погодѣ, не представила ничего интереснаго. На улицахъ то дождь, то снѣгъ, всюду слякоть, и всѣ строительныя затѣи погибшаго баварскаго короля-чудака—его знаменитая Максимиліана—стоятъ тусклыя отъ непогоды и какъ бы оплакиваютъ своего столь таинственно погибшаго властелина.

Непогода преслѣдовала насъ вплоть до Боденскаго озера, на которомъ разыгралась такая буря, волны такъ яростно трепали нашъ крошечный пароходикъ, вѣтеръ поднималъ такой свистъ и вой, что мы какъ бы получили нѣкое подобіе „морскаго крещенія", необходимаго, впрочемъ, намъ въ виду предстоящаго въ скоромъ времени океанскаго путешествія въ Сѣверную Америку. Нѣкоторыхъ дамъ не на шутку закачало, но мужчины-пассажиры держали себя молодцами, пили, ѣли и не обращали вниманія на качку.

Боденское озеро очень велико, воды его нейтральны, а берега принадлежатъ частью Нѣмцамъ, частью Швейцарцамъ. Навигація на немъ продолжается круглый годъ, но бывали зимы, когда и оно замерзало. Послѣдній разъ, если не ошибаемся, оно замерзло пятьсотъ лѣтъ тому назадъ въ жестокую зиму, и замерзло такъ основательно, что по немъ ѣздили и перевозили тяжести, какъ по какой-нибудь Невѣ. Боденское озеро самое большое и наименѣе живописное изо всѣхъ швейцарскихъ озеръ, но вода въ немъ того же самаго загадочнаго зеленаго цвѣта, какъ и въ другихъ озерахъ Швейцаріи. Извѣстно, что цвѣтъ швейцарскихъ озеръ (изумрудный), а пиринейскихъ горъ (фіолетовый) приводитъ въ отчаяніе многихъ натуралистовъ, пытавшихся дать объясненіе этому капризу природы. Въ длину Боденское озеро имѣетъ около семидесяти верстъ, а самое широкое мѣсто не болѣе двѣнадцати; глубина очень велика и, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, доходитъ до 275 метровъ. Въ хорошую

погоду здѣсь открывается чудная панорама на Альпійскія горы, но мы кромѣ мрака, тучъ и темноты ничего не видали.

Въ Романсгорнъ на швейцарской сторонѣ мы прибыли, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и тотчасъ же поѣхали дальше черезъ Винтертуръ въ Цюрихъ.

Въ Цюрихѣ я не былъ болѣе двадцати лѣтъ, и найденныя мною перемѣны по истинѣ громадны. Городъ похорошѣлъ и украсился чрезвычайно. Прелестное Цюрихское озеро одѣлось новою роскошною набережной, заведена желѣзная дорога на сосѣднюю съ городомъ вершину „Utliberg", составлявшую искони излюбленное мѣсто прогулокъ цюрихскихъ жителей. Фихъ и Вислиценіусъ производили на этой горѣ свои знаменитыя восхожденія для опредѣленія вліянія мышечной работы на азотистый обмѣнъ организма. Обзавелся городъ и оригинальною веревочною дорогой, ведущей отъ набережной Лимата въ верхнюю часть города къ Политехнической школѣ, откуда открывается чудесный видъ на озеро и на весь городъ. Наверху, возлѣ Политехникума, проложены новыя улицы, старые дома сломаны, и все застроено до неузнаваемости. Веревочная дорога устроена весьма оригинально, просто и красиво. Когда одинъ вагонъ съ пассажирами опускается внизъ по отчаянно крутому наклону, то другой, соединенный съ нимъ на блокѣ, поднимается кверху. Опусканіе вагона производится собственною его тяжестью, къ которой присоединяется тяжесть воды, наливаемой въ особое пространство въ днѣ вагона. Когда вагонъ придетъ внизъ, воду изъ него выпускаютъ, а вагонъ поднятый вверхъ наполняютъ, въ свою очередь, водой, и тогда онъ является въ роли двигателя для нижняго вагона. Наполненіе водой (и опорожненіе) совершается въ какихъ-нибудь двѣ, три минуты, и вагончики цѣлый день катаются взадъ и впередъ. Получается очень курьезное впечатлѣніе, особенно если принять во вниманіе, что почти вертикальное полотно дороги перекинуто въ видѣ віадука черезъ улицы и идетъ на уровнѣ верхнихъ этажей домовъ и на уровнѣ крышъ.

Мнѣ довелось совершить также поѣздку по желѣзной дорогѣ на вершину Utliberg'a, и хотя на дворѣ стоитъ зима, и во всемъ поѣздѣ насъ было лишь два пассажира, но на верху мы нашли комфортабельную гостиницу, гдѣ за весьма умѣренную цѣну намъ дали прекрасный обѣдъ. Невольно являлось сопоставленіе съ состояніемъ нашихъ горныхъ прогулокъ, напримѣръ, вблизи отъ кавказскихъ минеральныхъ водъ, гдѣ не только зимой, но и

лѣтомъ было бы тщетно искать простой скамьи, не токмо что пристанища и обѣда.

Съ Utliberg'а открывается превосходный видъ не только на Цюрихъ и его сплошь застроенное озеро, но и на грандіозную цѣпь Альпійскихъ горъ, начиная отъ Сактиса и кончая Юнгфрау.

Въ день нашего посѣщенія хорошо былъ виденъ Пилатъ, гора Риги и Бернскіе Альпы. Цюрихъ—теперешній центръ умственной жизни Нѣмецкой Швейцаріи—является также центромъ швейцарской промышленности, всяческой старины и образованія. Здѣсь находится лучшій швейцарскій университетъ, нѣкогда излюбленный нашею молодежью и первоклассное Политехническое училище. Цюрихъ очень старинный городъ, и Римляне его называли „Turicum." Въ Цюрихскомъ кантонѣ сосредоточивается нынѣ почти вся шелковая промышленность Швейцаріи, и здѣсь считаютъ болѣе десяти тысячъ шелкоткацкихъ станковъ. Кромѣ шелковаго дѣла здѣсь процвѣтаетъ хлопчатобумажная индустрія, и здѣсь же находится центръ швейцарской книжной торговли. Цюрихъ полонъ историческихъ воспоминаній, и множество его памятниковъ видѣли времена Карла Великаго и Людовика Нѣмецкаго. Оффиціальною столицей Швейцаріи числится, какъ извѣстно, не Цюрихъ и даже не Женева, а скучный неинтересный Бернъ. Я никогда не могъ понять, почему этой чести удостоился Бернъ, который хотя и имѣетъ свое героическое прошлое, но никогда не жилъ тою интеллектуальною жизнью, которою во всѣ времена отличалась Женева. Не даромъ про нее сказано, что она распространяетъ запахъ мускуса на всю Европу. (Genève c'est le grain de musc qui parfume l'Europe). Цюрихъ всегда былъ торгашемъ par excellence, Бернъ—представителемъ швейцарской традиціи и скуки, а Женева центромъ культуры, резиденціей Кальвина и знаменитаго автора „Новой Элоизы". Къ сожалѣнію, центръ этотъ всегда былъ слишкомъ независимъ и всегда стремился обособиться отъ остальной Швейцаріи. Эта маленькая кальвинистская республика всегда слишкомъ любила свою независимость и дорожила своей автономіей. Добавимъ, что въ Европѣ Женева считается однимъ изъ наиболѣе богатыхъ городовъ, и въ ней насчитываютъ до сотни милліонеровъ.

Цюрихъ памятенъ также и русскому оружію, ибо здѣсь, въ его окрестностяхъ, разыгрался одинъ неудачный эпизодъ знаменитаго Итальянскаго похода Суворова. Именно здѣсь, почти

сто лѣтъ тому назадъ, былъ разбитъ Русскій корпусъ генерала Римско-Корсакова, преждевременно покинутаго Австрійцами, французскимъ генераломъ Массеною. Массена думалъ расправиться тѣмъ же порядкомъ и съ Суворовымъ, который поспѣшалъ на соединеніе съ Корсаковымъ, но на Суворовѣ ему пришлось сломать собственные зубы, и нашъ великій полководецъ своимъ отступленіемъ черезъ Гларисъ (изъ Мутенской долины) покрылъ неувядаемою славой русское оружіе (Французовъ было шестьдесятъ тысячъ, а Русскихъ двадцать тысячъ) и навсегда породнилъ съ нами швейцарскія кручи, политыя русскою кровью. Русскіе туристы охотно посѣщаютъ Швейцарскіе Альпы, искрещиваютъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ, но многимъ ли изъ нихъ извѣстна та великая драма, которую нѣкогда сыгралъ здѣсь босой, голодный оборванный Русскій сѣрый солдатъ, завоевавъ эти твердыни и прокладывая путь штыкомъ черезъ полчища враговъ. Вотъ небольшой эпизодъ, заимствованный изъ превосходнаго описанія исторіи войны Россіи съ Франціей въ 1799 г., сдѣланнаго Милютинымъ. Со стороны Италіи позиція на С. Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроло по крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные потоки, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины пути. Здѣсь, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ—Госписъ (Hospice), въ которомъ жили нѣсколько капуциновъ.

Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ велъ свою малочисленную армію. Обходное движеніе князя Багратіона заставило республиканцевъ начать отступленіе. Однако они держались еще шагъ за шагомъ, останавливались на выгодныхъ позиціяхъ и наконецъ поднялись на самую вершину горы. Здѣсь предстояло русскимъ войскамъ одолѣть самое упорное сопротивленіе непріятеля и самыя ужасныя преграды мѣстности. Французы заняли сильную позицію впереди Госписа. Какъ ни была недоступна эта позиція съ фронта, однако же Русскіе отважно пошли на приступъ; Французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ; укрываясь за утесами и каменьями, республиканцы цѣлили, какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ силь-

ною потерей, но войска Русскія ничего не считали невозможнымъ: одушевленные присутствіемъ Суворова и Великаго Князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облитыя кровью. И снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго. Однакожь упрямый Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился, во что бы то ни стало, выбить непріятеля изъ сильной позиціи. Время было дорого; день уже склонялся къ вечеру, а князь Багратіонъ все еще взбирался на крутыя ребра С.-Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ неимовѣрными усиліями карабкались со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то опираясь штыками. Даже и привычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на эти недосягаемыя выси. Войска были утомлены до крайности, гора казалась имъ безконечною; вершина какъ будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду. Было уже четыре часа пополудни, какъ Суворовъ въ третій разъ повелъ атаку на С.-Готардъ. Въ то же время и князь Багратіонъ появился наконецъ на снѣжной вершинѣ противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, не ждавшіе никакъ нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпиталь. Русскіе заняли С.-Готардъ. Утомленныя до изнеможенія войска стягивались мало-по-малу на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь, у входа въ обитель, встрѣтили его капуцины. Настоятель, семидесяти-лѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, пригласилъ полководца войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ. „Нѣтъ, святой отецъ, сказалъ Суворовъ,—какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу: отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ и за трапезу“.

Въ Цюрихѣ я прожилъ три дня, весь отдавшись давнопрошедшимъ воспоминаніямъ и вызывая въ памяти давно исчезнувшіе образы когда-то бившей здѣсь ключемъ жизни русской колоніи. Отъ Цюриха до Парижа всего двѣнадцать часовъ ѣзды. Кажется, Берне въ своемъ „Дневникѣ“ объясняетъ, какія познанія и какой багажъ необходимъ каждому человѣку, который желаетъ путешествовать съ пользой. Это слѣдующее: 1) естествовѣдѣніе, 2) математика, 3) механика, 4) географія, 5) сельское хозяйство, 6) языки, 7) рисованіе, 8) четкое и быстрое письмо,

9) умѣнье плавать, 10) нѣкоторыя медицинскія познанія, 11) изящныя искусства, въ особенности игра на духовомъ инструментѣ, который можно развинтить и спрятать въ карманъ. Кромѣ того путешествующій долженъ имѣть съ собою нѣкоторые спиртуозные предметы, какъ, напримѣръ: 1) бутылку виннаго уксуса, 2) бутылку французской водки, 3) бутылку перувіанскаго бальзама, 4) бутылку нашатыря противъ обмороковъ, 5) бутылочку гофманскихъ капель.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ познаній я обладалъ развѣ только медицинскими, но за то цѣлебныхъ жидкостей со мною вовсе не было. Рядомъ со мною въ вагонѣ помѣстился кондитеръ изъ Сербіи, который ѣхалъ на всемірную выставку въ Чикаго. Къ моему удивленію онъ недурно объяснялся по-польски и вскорѣ посвятилъ меня во всѣ перипетіи своихъ блужданій по бѣлу-свѣту со своею спеціальною миссіей знакомить человѣчество съ сербскими сладостями. Онъ успѣлъ побывать въ Австраліи и въ Константинополѣ, въ Индіи и у насъ въ Россіи.

Нашъ путь лежалъ черезъ Дель и знаменитую крѣпость—дѣвственницу Бельфоръ, которая одна, кажется, не была позорно взята прусскими войсками въ минувшую кампанію. Въ Парижъ мы попали въ самый разгаръ карнавала: на улицахъ шумъ, гамъ и такое инфернальное веселье, что трудно повѣрить, чтобы такъ веселился народъ якобы удрученный своимъ колоссальнымъ панамскимъ скандаломъ. Всюду на бульварахъ тучи конфети, масса разноцвѣтной бумаги носится въ воздухѣ и покрываетъ всѣ деревья какою-то причудливою паутиной.

Маски, хохотъ, рѣзкія зазыванія продавцевъ и разнощиковъ, грохотъ экипажей, трубы конокъ и пузатыхъ омнибусовъ придаютъ Парижу во время карнавала, въ знаменитый mardi-gros, крайне своеобразный, ни съ чѣмъ несравнимый видъ.

Увеселительно - канканныя заведенія клубничнаго характера имѣются здѣсь на каждомъ шагу, но знатоки парижской жизни усматриваютъ во всемъ этомъ бѣшеномъ весельи и разгулѣ, во всей этой лихорадочной жаждѣ удовольствій, которая собираетъ цѣлыя толпы фешенебельныхъ людей на „танецъ животовъ" или на нелѣпыя представленія звѣзды нынѣшняго сезона, Американки Лои Фуллеръ, не болѣе какъ смертельную апатію и усматриваютъ во французскомъ обществѣ сильную живительную струю тѣхъ же идей опрощенія, выразителемъ которыхъ у насъ въ Россіи

отчасти является толстизмъ, „замѣненный здѣсь болѣе моднымъ буддизмомъ“. Настоящіе Парижане не любятъ и никогда не любили ни своихъ „boulevardiers“, ни своихъ „растакуеровъ“. Благодаря имъ, этимъ радоначальникамъ теперешнихъ декадентовъ, Пруссія дала такой жестокій урокъ Франціи. Парижъ, какъ центръ разгула, притягиваетъ къ себѣ подобно магниту всѣ родственные элементы, и не даромъ составилось даже убѣжденіе, что парижскія оргіи, всѣ эти „Moulin Konge“, всѣ эти „Jardin de Paris“ служатъ путеводною звѣздой для сотенъ пассажировъ различныхъ поѣздовъ - молній, которые на всѣхъ парахъ везутъ въ этотъ Ville-Lumière туристовъ изъ пампасовъ Америки и отдаленныхъ уголковъ всего свѣта.

Перемѣнъ въ Парижѣ за время, въ которое я его не видалъ, нашлось немало. Въ послѣдній разъ я былъ въ этой „столицѣ Европы“ тотчасъ послѣ встрёпки, заданной великому городу коммуной. Парижъ, еще весь теплый отъ пожаровъ и пролитой крови, былъ какой-то скучный, грязный и угрюмый. Современный Вавилонъ былъ неузнаваемъ. Точно гигантъ поверженный во прахъ и собирающій новыя силы на борьбу со всѣми и со вся. Всюду дома стояли въ развалинахъ и чернымъ рѣзкимъ пятномъ выдѣлялись на общемъ фонѣ. Ни одинъ городъ міра, кажется, не былъ такъ политъ кровью какъ Парижъ. Тюльерійскій дворецъ былъ разрушенъ и дымился. Hôtel de Ville тоже. Теперь опять все свѣтло, чисто и радостно. Рана зажила, повидимому, безслѣдно, рубцевъ нигдѣ незамѣтно и новая кожа еще нѣжнѣе, еще розовѣе и блестящѣе старой. Ничто такъ не возрождается быстро, какъ города. Парижъ въ этомъ отношеніи настоящій фениксъ и еще Бодлеръ про него сказалъ:

Le vieux Paris n'est plus. La forme d'une ville change plus vite helas! que le coeur d'un mortel. Парижскія улицы красивы и оживлены чрезвычайно. Описать Парижъ въ нѣсколькихъ строкахъ такъ же трудно, какъ заключить океанъ въ пивную бутылку. Другіе города просто мертвецы послѣ Парижа. Прогулка на бульвары попрежнему доставляетъ настоящее развлеченіе, послѣ котораго не нужно ни театра, ни какого-либо другаго зрѣлища.

Парижанинъ можетъ никуда не ѣздить путешествовать, ибо Парижъ это цѣлый міръ, въ которомъ не устаешь дѣлать открытія и получать новыя впечатлѣнія. На бульварахъ, правда, по временамъ скверно пахнетъ отъ слишкомъ большаго количества

писсуаровъ, но вѣдь это судьба многихъ прекрасныхъ городовъ, и даже такая прославленная красавица, какъ милая моему сердцу Москва, и та издаетъ подчасъ прескверный запахъ, хотя это ничуть не уменьшаетъ ея оригинальной полуазіатской красоты.

Какъ бы то ни было, но Парижъ какъ городъ является наиболѣе интелектуальнымъ центромъ всего міра и въ его умственной атмосферѣ, которою дышетъ всякій пріѣзжій, чувствуется дыханіе тѣхъ великихъ умовъ, которые здѣсь жили и волновали человѣчество. Геній заразителенъ, и лучше быть зараженнымъ великими идеями, чѣмъ микробами. Недаромъ парижскій Гаврошъ, по словамъ Коппе, такъ же энциклопедиченъ и универсаленъ, какъ самъ Вольтеръ.

Неожиданный выборъ въ президенты сената знаменитаго по своей непопулярности Ферри (тонкинецъ, Ferry la Honte) прошелъ въ Парижѣ, въ этомъ Ville-Monstre гладко, безо всякихъ серьезныхъ, а тѣмъ болѣе уличныхъ безпорядковъ и великій городъ продолжалъ хохотать, веселиться и торговать напропалую. Ни серьезная стачка металлическихъ рабочихъ въ Ривъ де Гіерѣ, продолжающаяся цѣлыхъ два мѣсяца, ни студенческіе безпорядки въ Сорбоннѣ на публичныхъ курсахъ извѣстнаго Ларумэ, ни новые налоги на роскошь (фортепіано и ливреи) не измѣняютъ общаго праздничнаго настроенія Парижанъ.

Налоги на роскошь больше всего оправдываютъ пословицу, что „ничто не ново подъ луною“. Заключая въ себѣ черты какъ прямаго, такъ и косвеннаго обложенія, эти налоги возникли еще въ тѣ времена, когда съ одной стороны стало замѣчаться въ обществѣ накопленіе богатствъ, причемъ считалось справедливымъ облагать налогомъ именно лицъ съ хорошимъ имущественнымъ положеніемъ и когда съ другой стороны подобный налогъ вводился исключительно по нравственнымъ побужденіямъ, какъ средство противодѣйствія развитію излишняго мотовства и показной роскоши. Налоги на роскошь, введенные въ Англіи Виліамомъ Питтомъ, имѣли именно въ виду положить предѣлъ разоренію англійской аристократіи. Весь XVII и XVIII вѣка полны такими налогами. Извѣстно, что, напримѣръ, въ Швеціи, при Карлѣ XII существовалъ налогъ на парики, вызолоченныя шпаги и шелковые предметы одежды. Въ Австріи существовалъ даже нелѣпый съ теперешней точки зрѣнія налогъ на сапоги и башмаки. Одинъ краткій перечень предметовъ роскоши, служившихъ

для обложенія въ разныхъ государствахъ и въ разныя времена, лучше всего покажетъ, какъ измѣнчивы наши взгляды въ этомъ отношеніи. Вотъ списокъ этихъ предметовъ: билліардъ, кегли, экипажи, высокіе каблуки, тюльпаны (Голландія), верховыя лошади, перчатки, часы, пудра, собаки, ружье, игральныя карты, гербы, серебряная и золотая посуда, мужская прислуга и пр. Налогъ на гербы (на домахъ, экипажахъ и ливреяхъ), другими словами, налогъ на тщеславіе и понынѣ сохраняется въ Англіи и даетъ около милліона рублей въ годъ. Любопытно, что противъ налога на фортепіано во Франціи высказались простые рабочіе, мастера фортепіаннаго цеха, которые предвидятъ паденіе своихъ заработковъ съ введеніемъ новаго налога.

Торгуетъ Парижъ на славу, одинъ магазинъ „Au Bon Marché", послужившій канвой для извѣстнаго романа Е. Золя, имѣетъ оборотъ въ 125 милліоновъ франковъ и пользуется услугами 4.000 прикащиковъ и служащихъ. Это идеалъ розничной торговли. Этого гиганта убившаго вмѣстѣ съ своими не менѣе колоссальными сподвижниками („Лувръ" „Printemps" и пр.) всю мелкую розничную парижскую промышленность, коснулся также новый налогъ и взамѣнъ 250.000 франковъ „Bon Marché", напримѣръ, обложенъ нынѣ сборомъ въ 1.250.000 въ пользу государства.

Въ первые же дни по пріѣздѣ въ Парижъ мнѣ пришлось случайно посѣтить Люксембургскую картинную галлерею, гдѣ между произведеніями первоклассныхъ французскихъ художниковъ (Майссонье, Детайль и др.) пріютилась картина нашей молодой соотечественницы Башкирцевой. Собственно тутъ три ея вещи; два этюда женскихъ головокъ и большой холстъ, на которомъ изображено 5—6 человѣкъ уличныхъ ребятишекъ, собравшихся у забора и о чемъ-то пресерьезно дебатирующихъ. Картина очень хороша и проникнута большою теплотой, позы дѣтей превосходны, въ каждой подробности видна бездна ума и наблюдательности художника и ни капли той изломанности, ни капли той бьющей на эффектъ дѣланности и фальши, которая, по моему крайнему убѣжденію, наполняетъ страницы столь прославленнаго у насъ въ Россіи дневника этой преждевременно погибшей и очевидно богато одаренной натуры.

Эйфелева башня, которая видна изъ оконъ моей квартиры, перестала, кажется, гипнотизировать Парижанъ, съ тѣхъ поръ

какъ ея строитель посаженъ въ тюрьму. Парижане наконецъ-то образумились и перестали любоваться этою гигантскою нелѣпостью, вышиной въ 300 метровъ. И какъ странно, что Американцы въ Чикаго хотятъ перещеголять эту нелѣпость! Иначе какъ внушеніемъ объяснить себѣ этого нельзя!

Кто-то сострилъ, что Парижъ представляетъ собою единственный городъ, который можно любить такъ нѣжно, какъ женщину; но, конечно, такія фразы ничего не выясняютъ и не объясняютъ. Парижъ, говорятъ, заполоненъ провинціей; и въ немъ мало осталось этихъ истыхъ Парижанъ, этихъ Parisiens pur sang, которые удѣлѣли лишь среди купечества и среди простыхъ рабочихъ. Истый Парижанинъ и представляетъ собою типъ настоящаго Француза, въ которомъ какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла соединяется все хорошее и все дурное французской натуры, то-есть его отзывчивость ко всему истинно доброму, колоссальная веселость и героичное величіе въ моментъ несчастія.

Изъ печальныхъ новостей въ мірѣ литературномъ должно отмѣтить смерть Тэна. Въ короткое время Франція теряетъ двухъ своихъ великихъ людей, и не успѣла закрыться могила Ренана, какъ уже вырыта другая свѣжая могила, въ которую опускаютъ Тэна.

Тэнъ скончался отъ сахарной болѣзни, осложненной пораженіемъ легкихъ на 65 году своей жизни. Образованіе онъ получилъ сперва въ „Ecole normale", а позже въ лицеѣ Кондорсе, гдѣ товарищемъ его по классу былъ знаменитый Гизо, причемъ уже въ 20 лѣтъ Тэнъ открылъ въ университетѣ курсъ философіи. Однако его независимый умъ не могъ ужиться въ рамкахъ университетской жизни; онъ скоро вышелъ въ отставку и посвятилъ себя исключительно наукѣ и литературѣ.

Плодовитость Тэна какъ писателя просто поразительна, подобно Ренану, и онъ чуть ли не каждый годъ въ теченіе долгихъ лѣтъ (съ 1856) выпускалъ по капитальному тому, изъ коихъ отмѣтимъ особенно популярные у насъ въ Россіи „Histoire de la littérature Anglaise" и „Les Origines de la France contemporaine".

Тэнъ былъ изъ числа сорока безсмертныхъ, и его мѣсто уже намѣчено Э. Золя, съ которымъ покойный разошелся послѣ его первыхъ романовъ. Тэнъ женился очень поздно, имѣя болѣе 40 лѣтъ, на дочери извѣстнаго французскаго художника Денюэля.

Тэнъ усердно сотрудничалъ и въ общей прессѣ, и *Journal des Débats* помѣстилъ не одну статью покойнаго ученаго. Кстати сказать, эта газета на-дняхъ превратилась въ изданіе, которое стало выходить два раза въ день, что̀, однако, ничуть не отбавило отъ него нестерпимой скуки. Какъ позитивистъ Тэнъ имѣлъ большое вліяніе на строй мысли въ современной Франціи и, нѣтъ сомнѣнія, оставилъ крупный слѣдъ въ ея исторіи литературы.

Изъ Парижа мой путь лежитъ въ Лондонъ.

В. Святловскій.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Современная французская молодежь.—Отцы и дѣти Théâtre Libre.—Протесты противъ морали книжки чековъ.—«Обязанности».—Современный юноша въ романахъ молодежи.—Старые идеалы и исканіе души. — Молодые моралисты и философы. —Новая книга г. Мельхіора де-Вогюэ.—Христіанское настроеніе.—Католическое духовенство и соціалисты-агитаторы. — Чертовщина. — Исканіе путей и выходовъ

Мы пойдемъ въ *Théâtre Libre*, если вамъ угодно. Я знаю, надъ нимъ много смѣялись, на него даже клеветали очень много, стараясь представить его мѣстомъ, гдѣ процвѣтаетъ клубника. Но это неправда: никогда на сценѣ этого театра порокъ не представлялся въ привлекательномъ видѣ. Совсѣмъ наоборотъ. Пьесы, которыя давались въ *Th. Libre* въ теченіе его шестилѣтняго существованія, не всѣ отличались одинаковыми достоинствами и интересомъ, но ни въ одной изъ нихъ не было хотя бы самаго отдаленнаго намѣренія подѣйствовать на грубые инстинкты сволочи. Эта сволочь и ея инстинкты, напротивъ, всегда карались молодыми авторами самымъ безпощаднымъ образомъ. Даже черезчуръ. Такъ что я, видѣвшій всѣ пьесы Th. Libre, присутствовавшій при его рожденіи, даже содѣйствовавшій отчасти его успѣху постановкой переведенною мною и Оскаромъ Метенье „Власти тьмы",—я всегда находилъ, что компанія „Свободнаго театра" относится къ жизни черезчуръ запальчиво, — желчно и жестоко. У нея нѣтъ никакихъ иллюзій, что̀ было бы, однако, вполнѣ естественно для молодыхъ людей только-что начинающихъ жить. Все она видитъ въ черномъ свѣтѣ. На сценѣ, напримѣръ, почтенный старецъ, убѣленный сѣдинами, съ розеткой

ордена Почетнаго Легіона въ петлицѣ великолѣпнаго сюртука. Оказывается—мерзавецъ изъ мерзавцевъ: взяточникъ, развратникъ, прикрывающій свое пройдошество красивыми словами, настоящій Іудушка. Или, напримѣръ, дама, мать многочисленнаго и уже взрослаго потомства. Всѣ и всегда считали ее добродѣтельною женщиной. А она, оказывается, всю свою жизнь обманывала мужа, жила съ его другомъ, рожала отъ него дѣтей, которыхъ мужъ считалъ своими. И узнаетъ онъ правду только на закатѣ дней, убѣждаясь, что прошлое счастье одинъ обманчивый сонъ! Но старики Th. Libre, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, часто при всей своей смѣхотворности, все-таки сохраняютъ кое-какія иллюзіи, нѣкоторую внутреннюю теплоту, особенно когда они несчастны, а не дѣлаютъ несчастными окружающихъ. Молодежь же, если она умна, приводитъ положительно въ ужасъ черствостью своего сердца, ненасытностью аппетитовъ, наглостью цинизма возведеннаго въ теорію, полнымъ и совершеннымъ невѣріемъ ни во что: ни въ Бога, ни въ добро, ни въ честь, ни въ отечество, ни въ справедливость, ни даже въ то, что небо иногда бываетъ синее, что весеннее солнце согрѣваетъ землю и выгоняетъ изъ нѣдръ ея изумрудную траву и яркіе цвѣты. У этой молодежи нѣтъ весны!.. Если вы видите на сценѣ Th. Libre влюбленнаго юношу, погодите умиляться: онъ влюбленъ не въ бѣлые зубы и не въ красивые глаза молодой дѣвушки, а въ ея „magot“ (приданое). Его любовь какъ рукой сниметъ, какъ только онъ узнаетъ, что прельстившее его magot погибло въ дымѣ лопнувшаго банка. Впрочемъ и предметъ его сердца, невинная дѣвица, которой непремѣнно хочется замужъ, вполнѣ понимаетъ, что „бракъ есть союзъ капиталовъ“, и что безъ капитала нѣтъ и законнаго брака. Чтобъ устроить свою свадьбу, она первая будетъ хлопотать о томъ, чтобы папаша, отложивъ въ сторону деликатныя соображенія, принялъ въ домъ „тетушку“, которая сумѣла добыть капиталъ,—не сохранивъ невинности,—и желаетъ имъ подѣлиться съ родными. Другая дѣвица, ненарокомъ потерявъ то, что Дюма называетъ ея „капиталомъ“, идетъ еще дальше. Чтобы возстановить свою „честь“, она, при содѣйствіи своей мамаши (въ своемъ родѣ, однако, очень добродѣтельной женщины!), напаиваетъ за обѣдомъ добродушнаго малаго, влюбленнаго въ нее по уши, и заставляетъ его, уходя, ошибиться дверью: вмѣсто коридора онъ попадаетъ въ комнату дѣвицы. Бракъ послѣ того дѣлается неизбѣжнымъ...

Въ томъ и въ другомъ случаѣ только старики-отцы и возмущаются (въ душѣ!) совершаемымъ вокругъ нихъ безстыдствомъ. Молодежь же вполнѣ довольна и счастлива своими удачно доведенными до конца операціями.

Все это, я согласенъ, очень некрасиво. Но развѣ можно упрекнуть авторовъ въ безнравственности? Вѣдь они ее то и клеймятъ, противъ нея вооружаются. Всмотритесь поближе во всѣ пьесы Th. Libre, и вы увидите, что ихъ молодые авторы борются съ желчнымъ остервенѣніемъ противъ ходячей морали, противъ фарисейскихъ идей отяжелѣвшихъ буржуа, противъ лицемѣрія, замѣны идеаловъ книжкой чековъ и сберегательной кассы, противъ ложныхъ понятій о чести, долгѣ и общественной справедливости. Я помню, съ какимъ негодованіемъ встрѣчала театральная критика эти боевыя пьесы; о нѣкоторыхъ изъ нихъ она даже съ гадливостью отказывалась говорить: „онѣ де такъ отвратительны, что перо и т. д.“ Стыдъ, видите ли, обуялъ этихъ критиковъ, когда при нихъ утверждали, что для возстановленія потерянной чести дочери родители не отказываются совершать величайшее безчестье. Но когда этимъ критикамъ предлагали взятки отъ Панамы, они ихъ брали, и ужь безо всякаго стыда прятали ихъ въ карманъ. Въ самомъ дѣлѣ, просмотрите списки publicité панамскаго общества, и вы въ нихъ найдете имена какъ разъ тѣхъ критиковъ, которые больше всего вооружались противъ Th. Libre во имя добродѣтели! Не думайте, что это случайность. Не думайте даже, что критики, о которыхъ идетъ рѣчь, простые лицемѣры. Нѣтъ, эти господа совершенно вѣрно выражаютъ буржуазныя понятія и міровоззрѣніе буржуазіи, а литературная молодежь представляетъ собою другія понятія и другое міровоззрѣніе. И вотъ почему эти люди не могутъ другъ друга понять. Этотъ расколъ между „отцами“ и „дѣтьми“ выражается рѣшительно во всемъ, — въ теоріи и въ практикѣ, въ идеяхъ и въ симпатіяхъ. Старики любятъ жирный смѣхъ гривуазнаго водевиля, звучный стихъ и трогательную мелодраму. Молодежь ненавидитъ стихи, презираетъ водевиль и вымышленныя страданія. Ей не до смѣха; когда она улыбается, ея улыбка напоминаетъ оскаленные зубы озлившейся собаки, и вовсе не говоритъ о радостномъ настроеніи. Она всѣмъ недовольна, все осмѣиваетъ зло и желчно. Вотъ, напримѣръ, послѣдняя пьеса Th. Libre. Авторъ ея, Лабрюйеръ — очень молодой человѣкъ, начинающій писать. Очень талант-

ливый писатель, смѣю васъ увѣрить. И что̀ же, вы думаете, онъ дебютируетъ гимномъ любви, веселымъ смѣхомъ человѣка, начинающаго жить? Ничуть не бывало. Онъ пишетъ злую сатиру на „обязанности“, то-есть на людей, которые только и говорятъ, что о долгѣ, справедливости, обязанности, но при первомъ столкновеніи съ жизнью, и какъ только эти прекрасные принципы становятся имъ поперекъ дороги для достиженія намѣченной цѣли, они ихъ отбрасываютъ въ сторону, какъ ненужное тряпье. Герой Лабрюйера—молодой человѣкъ, товарищъ прокурора, получившій мѣсто прокурора въ провинціальномъ городѣ. Передъ нимъ открывается блестящая карьера, и во имя ея онъ не остановится ни передъ какою подлостью. Начинаетъ онъ съ того, что сразу порываетъ сношенія съ женщиной, съ которою жилъ шесть лѣтъ, и которая его любитъ. Женщина эта беременна. Онъ этимъ не смущается: почему онъ знаетъ, что она беременна отъ него, а не отъ кого другаго! Своею холодностью и разсчетливою жесткостью онъ доводитъ свою ex-возлюбленную до полнаго отчаянія. Она рѣшается вытравить своего будущаго ребенка, и трупъ его оставляетъ у подъѣзда квартиры строгаго прокурора. Онъ произноситъ по этому поводу много прекрасныхъ сентенцій, которыя заключаются формальнымъ намѣреніемъ арестовать „преступницу“. Долгъ прежде всего! Однако страхъ за собственную шкуру мѣшаетъ ему привести въ исполненіе это намѣреніе. Приходится идти на сдѣлку. Вся послѣдующая дѣятельность молодаго представителя закона—одинъ непрерывный рядъ сдѣлокъ съ совѣстью. Того требуетъ среда, въ которой прокуроръ хочетъ составить себѣ положеніе. Мѣстный депутатъ, дѣлецъ и пройдоха, попался въ очень грязномъ подлогѣ. Справедливость требуетъ предать его суду. Уже дѣло начато, и молодой прокуроръ льститъ себя надеждой, что оно обратитъ на него вниманіе, выдвинетъ его впередъ. Но депутатъ, какъ всѣ депутаты, имѣетъ въ рукахъ мѣстную печать. А печать, какъ извѣстно, отличается всевѣдѣніемъ. Ежели прокуроръ поведетъ дѣло противъ представителя народа, тотъ обнаружитъ его исторію съ Маргаритой. Надо выбрать одно изъ двухъ. И, разумѣется, прокуроръ предпочитаетъ прекратить дѣло за недостаткомъ уликъ. Все это продѣлывается съ обѣихъ сторонъ съ большимъ достоинствомъ, съ употребленіемъ большаго количества красивыхъ и звучныхъ фразъ.

* * *

Ежели теперь, оставивши Th. Libre, мы сдѣлаемъ экскурсію въ область чисто-литературную, обратимся къ романамъ современной молодежи, гдѣ рамки шпре, чѣмъ на театрѣ, и гдѣ мысль высказывается рѣзче и полнѣе, мы встрѣчаемся съ той же самою особенностью. Молодые авторы точно сговорились: всѣ одинаково изображаютъ жизнь, преобладающіе типы этой жизни, ея кристаллизованную поверхность и ея внутреннюю суть. Возьмите романы Гиша, Декава, Барреса, Эрмàна, Поль Адана и др. и прослѣдите въ нихъ типъ современнаго молодаго человѣка. На различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, въ разныхъ видахъ и костюмахъ, это все тотъ же черствый скептикъ и карьеристъ, который поклоняется только собственному „я", который ни во что не вѣритъ, никого кромѣ себя не любитъ. Тоска разбираетъ отъ этого мучительнаго однообразія. Тѣмъ болѣе, что и типъ-то не новый. Онъ выводился двадцать разъ у Золя, у Гонкура, у Бальзака. Разница только въ томъ, что у стариковъ это былъ типъ исключительный и, надо сказать, сильный. А у современныхъ романистовъ это человѣкъ въ высшей степени ординарный, просто первый встрѣчный. А между тѣмъ въ этой разницѣ вся суть. Растиньякъ Бальзака, Нантасъ Золя, оба съ нравственной точки зрѣнія несомнѣннѣйшіе проходимцы. Но они обнаруживаютъ столько энергіи, ума, упорства, силы воли, что невольно покоряютъ васъ, очаровываютъ, и вы почти готовы простить имъ всѣ прегрѣшенія. Но что кромѣ презрѣнія можетъ внушить вамъ ничтожный писателишка Гиша, прокуроръ Поль Адана, унтеръ-офицеръ Декава, или утонченный юноша Морисъ Барреса, которые для удовлетворенія своей утробы, мелкихъ цѣлей и жалкихъ страстишекъ попираютъ ногами мораль и чужія жизни! Авторы, впрочемъ,—надо имъ отдать справедливость,—нисколько не желаютъ идеализировать своихъ героевъ и совсѣмъ не скрываютъ своего къ нимъ презрѣнія. Но они, какъ и драматурги „Свободнаго театра", презираютъ не только сверстниковъ, но и отцовъ, и даже этихъ послѣднихъ они казнятъ безпощаднѣе и злѣе. Ни въ одномъ изъ современныхъ романовъ я не знаю ни одного положительнаго типа судьи, министра, депутата, сенатора, финансиста, высшаго чиновника, журналиста. Все это типы отрицательные, смѣшные или подлые. Даже чаще всего подлые. А вѣдь эти люди—китъ-рыба, на которомъ стоитъ и держится современный режимъ! Но не подумайте, что, относясь отрицательно къ столпамъ этого режима,

литературная молодежь щадитъ массу, толпу. Увы, и этого нѣтъ! Ни въ одной литературѣ, я увѣренъ, такъ не достается „кормильцу земли", крестьянину, какъ во французской. Онъ выставляется не иначе какъ жестокимъ и жаднымъ скопидомомъ, малорѣчивымъ и подозрительнымъ врагомъ всего великодушнаго и благороднаго. За нимъ признаютъ только одно побужденіе,— грубо-матеріальное, одну любовь—къ шерстяному чулку, въ которомъ хранятся его сбереженія... Я не хочу разбирать здѣсь, вѣрно такое воззрѣніе или нѣтъ, и хорошо это или дурно. Это отвлекло бы меня очень далеко въ сторону. Когда-нибудь мы спеціально займемся этимъ вопросомъ, и тогда мы увидимъ, что даже крупнѣйшіе представители современнаго романа во Франціи проглядѣли перемѣну, совершившуюся въ здѣшнемъ крестьянствѣ за послѣдніе полвѣка. Теперь я говорю только о литературѣ, поскольку въ ней отражается и выражается современная французская жизнь и ея теченіе. И я отмѣчаю фактъ, противъ котораго, полагаю, никто спорить не станетъ, и который мнѣ кажется въ высшей степени знаменателенъ: изъ французской литературы исчезло жизнерадостное настроеніе; жизнь, которую она рисуетъ, мрачная и пошлая, безъ просвѣта, безъ идеала. Въ ней преуспѣваютъ только проходимцы съ волчьими зубами, съ животными аппетитами, съ ледянымъ сердцемъ. И такою представляется жизнь молодымъ людямъ, которые выросли и выступили на сцену много лѣтъ спустя послѣ кровавыхъ событій „ужаснаго года", которые его не видали и знаютъ о немъ по наслышкѣ! Откуда это, почему?

* * *

Ихъ отцы, которые теперь отяжелѣли, когда-то боролись, завоевали для нихъ свободу печати, рѣчи, сходокъ, стачекъ, развода, понастроили великолѣпныхъ школъ,—все вещи, безъ которыхъ, — думали отцы, — жить нельзя. Дѣтямъ оставалось бы только жить и радоваться. А они унылы, и даже ненавидятъ тѣхъ, кто радуется и смѣется! Чего же они хотятъ?

Отвѣтить на это очень трудно, и прежде всего потому, что эти дѣти сами хорошенько не знаютъ, чего хотятъ. Несомнѣнно однако, что они хотятъ чего-то другаго, что̀ непохоже на переживаемую дѣйствительность, и хотятъ они этого очень сильно, часто даже съ тоской и болью. Какъ люди заблудившіеся въ

дремучемъ лѣсу они ищутъ выхода. Чтобы найти его они мечутся безтолково въ разныя стороны, забираются иногда въ такія чащи, гдѣ уже ровно ничего не видно, и волей-неволей приходится пятиться назадъ.

Это, можетъ-быть, черезчуръ фигурально. Но оно выражаетъ совершенно вѣрно положеніе вещей.

Дѣло въ томъ, что нынѣшняя молодежь, унаслѣдовавшая отъ отцовъ всевозможныя соціальныя богатства, не получила отъ нихъ ровно никакихъ идеаловъ. Она вступила въ жизнь, когда весь циклъ намѣченныхъ побѣдъ предыдущихъ поколѣній былъ завершенъ. То, о чемъ мечтали дѣятели XVIII в., что̀ воспѣвали въ стихахъ и въ прозѣ Викторъ Гюго, Беранже и Ж. Зандъ, что̀ составляло предметъ страстной пропаганды П. Л. Курье, Арманъ Карреля, зажигательныхъ рѣчей Ледрю Роллена и Ко,— все осуществилось, вошло въ законную силу, марсельеза сдѣлалась даже казеннымъ гимномъ. Духовенство преслѣдовалось изо всей мочи, Распятія удалены всѣ изъ школъ и спрятаны въ кладовыя вмѣстѣ съ хламомъ, въ Страстную пятницу вольно каждому устраивать банкеты, на которыхъ дозволяется съѣдать неограниченное количество ветчины и пѣть богохульныя пѣсни; можно не только пользоваться, но и злоупотреблять правомъ всенароднаго голосованія; въ газетахъ и въ книгахъ можно безцензурно говорить все, что̀ взбредетъ въ голову; можно собираться, безъ помѣхи со стороны полицейскаго коммисара, на публичныя сходки, дѣлать стачки, бранить безнаказанно все вверху стоящее, выливать потоки грязи на ближняго, можно дѣлать карьеру какую угодно, всѣми правдами и неправдами, можно обогащаться на счетъ наивныхъ и дурачковъ, на основаніи закона.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти либеральные законы и вольности, царство небесное не настало на землѣ. „Юдоль плача и печали“ не превратилась въ рай, волки не сдѣлались овцами. Совсѣмъ—наоборотъ.

Торжествующіе отцы, основавшіе аѳинскую республику послѣ стольких огорченій и потому склонные къ жизнерадости, съ недоумѣніемъ смотрятъ на дѣтей, ничего не понимая и спрашиваютъ: да чего-же имъ еще надобно?

„Душа надобна“, какъ говоритъ Акимъ во „Власти Тьмы“. Вотъ что надо! Взять молодаго человѣка, вооружить его съ головы до ногъ въ блестящее оружіе и сказать: дерись!—мало.

Нужно знамя, во имя котораго слѣдуетъ бороться, нужна вѣра, что дѣло, за которое борешься—правое дѣло. А ихъ-то нѣтъ.

Посмотрите на отцовъ. Не всѣ они вѣрили въ Бога. Но всѣ вѣрили въ справедливость идей, осуществленія которыхъ добивались, за которыя страдали и даже жертвовали жизнью. У нихъ были свои поэты, передъ которыми они поклонялись съ восторгомъ, въ экстазѣ. Вспомните популярность Беранже, почести, которыя воздавались В. Гюго!

У нынѣшней молодежи нѣтъ поэтовъ. Она смѣется надъ Гюго и презираетъ Беранже. Тотъ и другой для нихъ—жалкіе болтуны. Изъ стариковъ она дѣлаетъ исключеніе только для Боделера. Только его болѣзненные образы, тяжелые какъ кошмаръ и загадочные какъ сфинксъ, способны волновать души современной молодежи. Но Боделеръ, самъ неимѣвшій никакихъ идеаловъ, не можетъ удовлетворить молодой души, жаждущей свѣта, ищущей формулы: какъ жить свято? Онъ можетъ только возбудить, взволновать фантазію, но настоящаго слова не говоритъ.

Это слово, которое французская молодежь не нашла въ отечественной литературѣ, она ищетъ за границей. Вотъ чѣмъ объясняется небывалый и единственный въ своемъ родѣ успѣхъ во Франціи иностранныхъ писателей: Л. Толстаго, Достоевскаго, Ибсена. Нравится не эпическая сторона ихъ огромнаго таланта, а мучительное недовольство, страстное и раздраженное исканіе свѣта и правды, переходящее въ рыдающую жалость и милосердіе къ бѣдному страдающему человѣческому существу. Эта жалость такая всеобъемлющая и искренняя, что утѣшаетъ, даетъ почти полную програму жизни, объясняетъ ея смыслъ. Я могъ бы доказать это множествомъ примѣровъ. Но для цѣлей настоящей характеристики достаточно будетъ нѣсколько, да и то главнѣе всего для поясненія моей мысли. Одинъ изъ представителей молодежи, о которой идетъ рѣчь, Эдуардъ Родъ, написалъ нѣсколько лѣтъ назадъ романъ, въ которомъ ему хотѣлось изобразить душевное настроеніе современнаго молодаго человѣка, недовольнаго, не знающаго гдѣ преклонить голову, ищущаго постигнуть „Смыслъ жизни“ (такъ этотъ романъ называется). Романъ написанъ въ формѣ признаній, немного тяжело, но очень искренно. И въ чемъ же, по мнѣнію автора, заключается „смыслъ жизни“? Показавши, что ни любовь къ женщинѣ, ни родительская любовь, ни общественная дѣятельность не могутъ дать полнаго счастья, онъ вводитъ случайно своего героя во храмъ,

и тамъ въ таинственномъ полумракѣ, при желтомъ мерцаніи восковыхъ свѣчей, среди простыхъ и набожно молящихся людей, заставляетъ его проникнуть въ тайну счастія, которое заключается въ вѣрѣ во Единаго и Милосерднаго Бога. Взволнованный и очарованный открытіемъ своимъ, герой Рода шепчетъ блѣдными устами (правда, только устами!) импровизированную хвалу Богу.

Вспомните исторію Левина въ „Аннѣ Корениной", и вы увидите, что романъ Рода—простой пересказъ ея на французскій ладъ. Вспомните романъ Бурже (какой угодно!), и вы опять убѣдитесь, что славная разгадка его успѣха,—несомнѣнно очень большаго,—заключается въ новой струѣ, которую онъ внесъ въ свои произведенія, струѣ милосердія и всепрощенія къ человѣческимъ прегрѣшеніямъ, то-есть именно въ христіанскомъ настроеніи, составляющемъ характерную черту произведеній Достоевскаго ~~и Толстаго~~.

Ежели исканіе, или, вѣрнѣе, стремленіе къ этому настроенію еще не успѣло выразиться съ достаточною полнотой и смѣлостью въ беллетристической формѣ, то въ статьяхъ, этюдахъ и трактатахъ современныхъ моралистовъ Франціи только объ этомъ и говорятъ. Тотъ самый Родъ, о романѣ котораго я сейчасъ говорисъ, напечаталъ книгу о „*Нравственныхъ идеяхъ настоящаго времени*", гдѣ приходитъ къ заключенію, что „много идей (*моральныхъ и религіозныхъ*), относительно которыхъ можно было думать, что онѣ совсѣмъ перестали пользоваться благосклонностью, и даже сдѣлались смѣшными, начинаютъ занимать свое прежнее мѣсто". Другой молодой человѣкъ, Пьеръ Лассеръ, въ книгѣ „*Христіанскій кризисъ*" говоритъ: „Настоящій кризисъ,—*ежели онъ существуетъ*,—простой протестъ молодой и здоровой совѣсти противъ искусственнаго режима, страстно восхваляемаго послѣдними представителями предшествующаго поколѣнія. Она (то-есть молодежь) чувствуетъ что что-то живетъ и бьется внутри нея, разрывая научную броню, въ которую ее хотѣли заключить цѣликомъ, какъ въ тюрьму..."

Вы видите, какъ все это темно и расплывчато! „Что-то бьется", „много идей возвращаются на свое мѣсто". Что̀ бьется? какія именно идеи возвращаются? Я уже вамъ сказалъ, опредѣленнаго отвѣта мы не найдемъ. Люди заблудились въ лѣсу, ищутъ выхода, сами

не зная хорошенько какого. Послушайте, напримѣръ, одного изъ самыхъ модныхъ и читаемыхъ молодыхъ философовъ,—Поля Дежардена. Пока онъ ограничивается описаніемъ того, что̀ всѣ видятъ, отчего всѣ страдаютъ, вы понимаете его, и говорите: вполнѣ вѣрно, истинная правда. Но какъ только онъ принимается указывать путь къ свѣту, онъ заводитъ насъ въ такія дебри, гдѣ ровно ничего не видно, и гдѣ онъ самъ спотыкается на каждомъ шагу, протянувши впередъ руки. Утвержденія его сводятся тогда къ такимъ истинамъ, какъ слѣдующія: свѣтъ тамъ, гдѣ свѣтло; счастье тамъ, гдѣ существуетъ нравственное равновѣсіе. „Наша бѣда въ томъ, говоритъ онъ *(Le devoir présent)*, что мы теперь меньше люди, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ... Правда въ томъ, что мы не знаемъ, что̀ съ собою дѣлать... Мы чувствуемъ внутри себя нравственное раздвоеніе, намъ нужно объединиться." Все это совершенно справедливо, кромѣ „шестидесяти лѣтъ". Двадцать пять, даже пятнадцать лѣтъ назадъ, никакого раздвоенія не было. То было время борьбы, и стало быть энтузіазмовъ. Люди поколѣнія Гамбетты шли, положимъ, къ цѣли, которая теперь признается ошибочною, или узкою, но они вѣрили въ нее, и этого было довольно. Никому не придетъ серьезно въ голову утверждать, что Гамбетта, Ж. Симонъ, Деруледъ, Флоке или Ж. Ферри, Золя, Доде, Франсуа Коппе, Гонкуръ и множество dii minores прошлаго поколѣнія были отравлены ядомъ сомнѣнія, что они когда-нибудь были мучимы Гамлетовскимъ вопросомъ: быть или не быть? И что это такъ, можно видѣть изъ того, что эти люди рѣшительно не понимаютъ страданій сверстниковъ г. Поля Дежардена, и считаютъ ихъ чудаками или позёрами. Исключеніе составляетъ развѣ одинъ Золя, который ежели имъ и не сочувствуетъ, то во всякомъ случаѣ понимаетъ ихъ. Нѣтъ, бѣда, о которой говоритъ молодой философъ, бѣда только современнаго поколѣнія, то-есть выросшаго послѣ 1870 года. Оно дѣйствительно подобно утлой лодкѣ безъ паруса и безъ руля, оно ищетъ направленія, и не находитъ его. У самого г. Дежардена нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. „Я вѣрю съ полною искренностью, говоритъ онъ, что человѣчество имѣетъ назначеніе, и что мы живемъ для чего-нибудь. Что̀ слѣдуетъ понимать подъ словомъ человѣчество? Я въ сущности ничего не знаю объ этомъ, кромѣ того, что это *нѣчто* еще не существуетъ, но нарождается изъ небытія, и что это касается меня, здѣсь присутствующаго. Что̀

слѣдуетъ понимать подъ словомъ назначеніе? И объ этомъ я знаю не больше...“ Однимъ словомъ, г. Дежарденъ знаетъ не больше того, что и всѣ мы, имѣющіе глаза и уши. Не больше того знаетъ и г. Секретанъ *(Цивилизація и вѣрованія)*, но онъ по крайней мѣрѣ ясно сознаетъ, чего недостаетъ современному человѣчеству. „Мы видимъ вмѣстѣ со всѣми, что наше равновѣсіе неустойчиво, и что настоящее положеніе вещей не можетъ продолжаться. Нужно, чтобы цивилизація очистилась и преобразилась въ огнѣ милосердія, или она рухнетъ въ пожарѣ, зажженномъ ненавистью, которая тлѣетъ повсюду...“ Я цитирую всѣ эти выдержки изъ очень интереснаго сборника статей г. Мельхіора де-Вогюэ, недавно вышедшаго и озаглавленнаго: „Heures d'Histoire“. Г. Вогюэ давно и съ любовью слѣдитъ за движеніемъ больной и мучительной мысли молодаго поколѣнія, которому старается прочистить дорогу, и которое старается ободрить и утѣшить. Въ свое время онъ принесъ молодежи—Толстаго и Достоевскаго, ввелъ въ положительную французскую душу элементы славянскаго мистицизма, неопредѣленнаго, но широкаго и чарующаго идеала. Потомъ, въ длинномъ рядѣ публицистическихъ работъ, онъ шелъ всегда впереди, освѣщая путь, указывая въ явленіяхъ настоящаго признаки близости обѣтованной земли. Молодежь съ симпатіей шла за нимъ, признавши въ немъ своего вожака и учителя. Теперь г. де-Вогюэ съ радостью указываетъ ей на черныя точки въ синемъ небѣ, въ которыхъ видитъ „аистовъ“, перелетныхъ птицъ, вѣстниковъ теплаго сезона. Эти аисты—молодые моралисты и философы только-что названные, и другіе, не молодые, но совершающіе ту же работу, то же самое предвѣщающіе...

* * *

Конечно, трудно предсказать, что̀ выйдетъ изъ настроенія, которое я стараюсь здѣсь обрисовать: выйдетъ ли обновленная религія, нео-католичество, построенное на широкой морали и общественной справедливости, или нѣчто совсѣмъ новое и непохожее на то, что мы видѣли до сихъ поръ. Но несомнѣнно, что матеріализмъ во Франціи отжилъ свой вѣкъ. И это во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ обнаруживается человѣческое міросозерцаніе: въ морали и въ философіи, въ литературѣ и въ соціологіи, въ живописи и въ скульптурѣ XIX вѣка, и его идеалы въ самомъ дѣлѣ находятся при смерти.

Когда вспомнишь, что десять лѣтъ тому нельзя было считаться передовымъ человѣкомъ, не заявивши себя „libre penseur", не отпуская остротъ насчетъ духовенства и вѣрующихъ, вѣнчаясь въ церкви или крестя своихъ дѣтей! Какъ далеко мы ушли отъ этого времени! Теперь можно быть вѣрующимъ или невѣрующимъ, но смѣяться надъ религіей и служителями Церкви считается въ высшей степени дурнымъ тономъ. Пошлая „антиклерикальная" литература, процвѣтавшая еще недавно, совершенно исчезла изъ обращенія. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ и,—надо сказать правду,—изъ самыхъ подлыхъ преслѣдователей духовенства путемъ печати, Лео Таксиль публично раскаялся, и даже, кажется, поступилъ въ монахи. Ни одна газета, какъ бы велика или мала она ни была, не позволитъ себѣ вышучивать чужихъ вѣрованій, зная, что этимъ шуткамъ теперь нѣтъ сбыта. А одна изъ самыхъ распространенныхъ въ настоящее время французскихъ газетъ прямо и нарочито выступаетъ защитницей духовенства. И никто ее не осуждаетъ за это. Совсѣмъ—наоборотъ. Одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ коньковъ радикализма, вопросъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства, которое такъ запальчиво требовалось въ эпоху процвѣтанія libre penseur'ства, теперь сданъ въ архивъ самими поклонниками. Радикалы поняли, что при существующемъ возрожденіи религіознаго чувства, реформа, которой они добивались, еще болѣе усилила бы духовенство. Изгнанные монахи спокойно возвратились въ свои монастыри, которые закрыты только съ главнаго входа, тогда какъ въ малую дверь можно входить сколько угодно и убѣдиться, какая кипучая дѣятельность царитъ въ нихъ теперь. Не такъ давно я самъ обѣдалъ съ однимъ изъ такихъ „изгнанныхъ" монаховъ въ компаніи министра libre penseur'a и двухъ вожаковъ радикализма, и присутствовалъ при ихъ горячихъ спорахъ о политико-экономическихъ вопросахъ съ этимъ почтеннымъ и интереснымъ францисканцемъ. Самъ инициаторъ преслѣдованій духовенства, Ж. Ферри, горячо раскаивается въ своей политической ошибкѣ и, вѣроятно, ищетъ только случая публично сознаться въ ней. Всего два дня назадъ дочь коммунара Камелина, воспитанная въ принципахъ полнаго невѣрія, по своему настоянію вѣнчалась въ церкви; огорченный родитель, обвиненный политическими друзьями въ „измѣнѣ убѣжденіямъ"(!), принужденъ былъ публично заявить, что не считалъ себя вправѣ насиловать совѣсть молодой дѣвушки.

Все это, могутъ сказать, доказываетъ только, что Франція сдѣлалась болѣе вѣротерпимою, такъ какъ преслѣдованіе религіи вообще не въ характерѣ Французскаго народа. Но нѣтъ, дѣло не въ одной терпимости, а именно въ возрожденіи христіанскаго настроенія въ массѣ французской интеллигенціи. Это фактъ. И католическое духовенство, несомнѣнно самое чуткое и дисциплинированное, уже это замѣтило и употребляетъ всѣ усилія, чтобы воспользоваться этимъ настроеніемъ для возстановленія вліянія и могущества папизма. Вчера еще враждебно настроенное по отношенію къ республиканскому режиму, оно пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выразить ему свою покорность, и открыто, торжественно поетъ въ церквахъ: „Domine, salvam fac Rempublicam!“ Леонъ XIII совѣтуетъ своимъ подчиненнымъ и приверженцамъ признать законность существующаго порядка вещей, а правительство республики посылаетъ чрезвычайнаго посла для присутствія на его юбилейномъ торжествѣ. Въ то же время папа сочиняетъ знаменитую энциклику: „Rerum novarum“, о положеніи рабочихъ, открыто принимая подъ свое покровительство притязанія рабочихъ классовъ, а католическіе священники устраиваютъ въ церквахъ публичные дебаты съ анархистами о соціалистическихъ теоріяхъ и о томъ, какія средства болѣе пригодны для торжества этихъ идей: революція или евангельская проповѣдь. Другіе священники занимаются практическимъ соціализмомъ, организуя рабочія общества, народные банки, общества взаимопомощи и т. п. Они издаютъ газеты и ежемѣсячные журналы, разъѣзжаютъ по странѣ, проповѣдуя народу необходимость рабочихъ союзовъ и экономическаго единенія, устраиваютъ конгрессы по образу и подобію соціалистическихъ, распространяютъ въ народѣ сотни и сотни тысячъ религіозно-соціалистическихъ брошюръ. Я хочу всѣмъ этимъ сказать, что католическое духовенство готово на всевозможныя жертвы, дѣлаетъ огромныя уступки требованіямъ и духу времени, лишь бы вернуть свое вліяніе на массы, выпущенное изъ рукъ, благодаря торжеству идей конца XVIII вѣка. Послушайте соціалистовъ по спеціальности и агитаторовъ по ремеслу, и вы убѣдитесь, что они очень озабочены конкурренціей аббатовъ и патеровъ, „соціалистовъ-іезуитовъ“, какъ они выражаются. Раздраженіе противъ духовенства со стороны этихъ господъ такъ велико, что не разъ они вступали въ рукопашную съ проповѣдниками христіанскаго соціализма. Въ прошломъ году во многихъ парижскихъ церквахъ

происходили сцены такого возмутительнаго вандализма, что правительство принуждено было вмѣшаться: проповѣдникамъ воспрещено было касаться сюжетовъ свѣтскаго свойства, и даже нѣкоторыя церкви были закрыты. Анархисты и соціалисты-революціонеры врывались въ церкви вооруженными бандами, и между ними и вѣрующими происходили настоящія сраженія: дубины свистѣли въ воздухѣ, стулья летѣли въ головы, бѣлыя рясы священниковъ, которые съ высоты каѳедръ командовали своими приверженцами, были забрызганы грязью, церкви были осквернены. Это показываетъ до какой степени агитаторы по ремеслу боятся конкурренціи духовенства.

* * *

Въ моемъ качествѣ безпристрастнаго наблюдателя французской жизни я не могу идти дальше того, что̀ сказалъ до сихъ поръ. Я не могу, подобно нѣкоторымъ писателямъ, утверждать, что во Франціи дѣло клонится къ воскрешенію папизма, и что замѣченное всѣми христіанское настроеніе перейдетъ въ неокатоличество. Для такого утвержденія у меня нѣтъ данныхъ. Ихъ нѣтъ, впрочемъ, и у тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что дѣло такъ именно и будетъ. Они судятъ по простому наведенію. А этого мало. Ихъ умозаключенія—простыя догадки. Факты, основанные на наблюденіи, даже прямо противорѣчатъ такимъ преждевременнымъ выводамъ. Когда я, сосредоточившись, стараюсь вспомнить, встрѣчалъ ли я среди множества знакомыхъ мнѣ интеллигентныхъ Французовъ такихъ, у которыхъ можно было бы замѣтить прямое и неоспоримое увеличеніе религіозности,—я долженъ отвѣтить отрицательно. Но за то я встрѣчалъ и встрѣчаю довольно много молодыхъ и среднихъ лѣтъ людей, которые афишируютъ свое увлеченіе буддизмомъ, спиритизмомъ, черною магіей и всякаго рода чертовщиной. Насколько въ такихъ увлеченіяхъ играетъ роль позировка, желаніе казаться оригинальною и загадочною натурой, и насколько искренность,—не всегда легко отличишь. Но все же я встрѣчалъ людей, которыхъ привыкъ считать серьезными и вдумчивыми, и которые вдругъ увѣровали въ полную нелѣпость: въ колдовство (они называютъ это „envoutement"), въ возможность разговаривать съ тѣнями умершихъ, въ послѣдовательныя воплощенія душъ, въ таинственную силу словъ и заклинаній и въ тому подобный вздоръ. Когда мнѣ удавалось глубже проникнуть въ души этихъ людей, я убѣждался, что имѣю предъ собой неуравновѣшенныя натуры

героевъ Достоевскаго, которыя плывутъ по жизненнымъ волнамъ безъ вѣтрила и безъ руля, истериковъ и нервно разстроенныхъ.

Среди учащейся молодежи, за вычетомъ той части ея, которая вступаетъ въ жизнь съ заранѣе составленнымъ планомъ идти по стопамъ родителей, по проторенной дорожкѣ, замѣчается большой интересъ къ вопросамъ моральнаго и соціальнаго характера. Эта молодежь стала далеко серьезнѣе, чѣмъ 8—10 лѣтъ назадъ. Роковой вопросъ: „что дѣлать?“, надъ которымъ не задумывались, который даже не ставили себѣ ихъ старшіе братья, волнуетъ молодыхъ искателей новыхъ вѣрованій и новой правды. Но уже одно то, что такой вопросъ ставится, показываетъ, что люди не знаютъ, что дѣлать, что они, какъ Иванъ-Царевичъ, стоятъ на распутьи двухъ дорогъ, не зная, какую выбрать, куда идти.

* * *

Это положеніе мучительное и во французской жизни совершенно новое. Какъ далеко я ни оглядываюсь назадъ во французскую исторію, я не нахожу другаго момента, аналогичнаго нынѣшнему. Въ прошломъ, какая бы работа тамъ ни совершалась,—творческая или разрушительная,—цѣли были всегда призрачны и ясны, какъ кристаллъ. Даже черезчуръ ясны, потому что такая ясность исключаетъ синеву горизонта, обнаруживаетъ нѣкоторую узость, прозаичность желаній. Теперь жизнь замутилась. Слишкомъ много разрушено старыхъ основъ, слишкомъ много народилось новыхъ теченій и новыхъ требованій; на развалинахъ стараго все приходится строить сначала. А образца и плана нѣтъ! Исчезли религіозныя вѣрованія, исчезла вѣра въ справедливость общественной организаціи, основанной на принципахъ 1789 года, исчезло довольство буржуазною семьей, буржуазною моралью, буржуазнымъ міросозерцаніемъ. И не доволенъ не только мужчина. Французская женщина, не принимавшая раньше участія въ умственной жизни страны, пройдя полный курсъ наукъ въ новоустроенныхъ (всего 12 лѣтъ назадъ!) коллежахъ и учительскихъ институтахъ, тоже выражаетъ недовольство и выставляетъ новыя требованія. Въ чемъ эти требованія заключаются, мы будемъ имѣть случай узнать подробно, когда займемся изученіемъ современной французской семьи. А пока я упоминаю объ этомъ только для дополненія общей характеристики искательнаго настроенія французской интеллигенціи нашихъ дней.

И. Яковлевъ.

„НА ТРОЙКАХЪ“.

(Очерки поѣздки на Ирбитскую ярмарку.)

ЧАСТЬ 2-я.

Лѣса и дороги.

I.

Встрѣчные.

Ночь была черна. Лошади бѣжали осторожно. Хотя путь лежалъ уже не по Волгѣ, а по твердой землѣ, но ямщикъ боялся сбиться и сдерживалъ тройку, часто перекликаясь съ задними ямщиками. Мороза не было, но вѣтеръ ходилъ винтомъ и забирался подъ шубы хуже мороза, и ничѣмъ отъ него нельзя было отдѣлаться. Колокольчики надоѣдливо верещали, особенно по ухабамъ, откуда насилу вылѣзали повозки.

До Собакина еще кое-какъ добрались, но дальше пошла такая дорога, которую даже татары ругали по-русски, а путники ругали татаръ. Матвѣй Матвѣевичъ выходилъ изъ терпѣнія, но какъ на грѣхъ: то коренникъ распряжется, то пристяжная перескочитъ постромку, или повозка такъ засядетъ въ ухабъ, что лошади по нѣсколько минутъ бьются на мѣстѣ, прежде чѣмъ ее вытащить; приходилось даже вылѣзать изъ повозокъ.

— Ну-ка! говорилъ безцеремонно татаринъ.—Выходи, бачка!

Но когда распрягся коренникъ и пришлось дожидаться, пока его приводили въ порядокъ, Панфиловъ истощилъ весь запасъ

вразумительныхъ словъ и ругаться началъ уже Кротовъ, который зналъ откуда-то много татарской брани и отдѣлывалъ ею ямщика на всѣ корки. Длинная-длинная ночь, безжалостно длинная, скучная, сырая, казалось, завладѣла всѣмъ міромъ и не думала никогда проходить. Ѣдешь, ѣдешь, а все вокругъ прежній мракъ, и съ неба все что-то сыплется, и вѣтеръ бѣгаетъ по полю, не зная куда дѣваться, и слышится шумъ за повозкою, словно чей-то хвостъ мететъ за собою падающій снѣгъ...

Усталость взяла свое. Опустили зонты, подняли фартуки и стали дремать подъ скучную пѣсню начинающейся вьюги.

Матвѣй Матвѣевичъ спалъ какъ убитый, не просыпаясь даже на станціяхъ, когда въ повозку впрягали свѣжихъ коней. Богъ вѣсть, что̀ грезилось ему въ эту долгую ночь, но когда онъ открылъ глаза,—былъ уже день. Онъ разсѣянно оглядѣлся, какъ бы стараясь что-то припомнить, и видно было по этимъ неувѣреннымъ взорамъ, что впечатлѣніе какой - то грезы не успѣло еще остыть.

— Гдѣ ѣдемъ? спросилъ онъ Бородатова, протирая глаза; но Бородатовъ самъ только что проснулся и въ свою очередь спросилъ ямщика:

— Гдѣ ѣдемъ?

Не оборачиваясь, татаринъ поднялъ руку и указалъ на виднѣвшіяся вдали сквозь голые прутья деревьевъ первыя постройки уѣзднаго города.

— Вонъ онъ, Малмыжъ!

День былъ пасмурый. Сѣрое небо съ бродячими рваными тучами словно обвисло отъ гнетущей тяжести и готовилось опять порошить снѣгомъ. Сухой вѣтеръ налеталъ порывами, ударялся въ задокъ повозки и пропадалъ на долго. Когда, проѣхавъ городомъ, вошли на почтовую станцію и Панфиловъ увидалъ смотрителя, то первое слово было про Тирмана.

— Давно ли проѣхалъ?

— Тирманъ?.... давно. Въ пять часовъ утра были здѣсь, сказалъ смотритель, справившись по книгѣ.—И ѣсть ничего не стали; перепрягли лошадей—и дальше!

— Чортъ знаетъ, что за человѣкъ! пожалъ плечами Панфиловъ и обратился къ Сучкову:—А вы говорите, догонимъ!

Въ комнатѣ за столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ; разговоръ у нихъ начался, вѣроятно, давно, потому что нельзя было понять, изъ-за чего они спорили. Развалившись на широкомъ

стулѣ и лихо заломивъ ногу на ногу, сидѣлъ пожилой господинъ въ теплой венгеркѣ, очевидно, бывшій военный, съ Георгіемъ на груди, съ пухлыми щеками, похожими на флюсъ, усатый, съ солидной проплѣшиной и съ такимъ богатырскимъ „нутромъ", изъ котораго смѣхъ вылеталъ точно эхо изъ бочки. Должно-быть, этотъ господинъ въ своей жизни накуралесилъ не мало: это замѣчалось по его толстому носу, разрисованному, какъ драгоцѣнная ваза, мелкими красненькими узорами; наконецъ, по его хриплому, громкому кашлю было замѣтно, что его богатырское нутро сотни разъ простужалось, прокапчивалось табакомъ и выжигалось всѣми средствами, какія только до сего времени вѣдомы акцизнымъ чиновникамъ. Передъ нимъ сидѣлъ молодой Еврей, черноглазый, лопоухій, съ едва пробившимися усами; несмотря на молодость, онъ имѣлъ такое сдержанно-хитрое выраженіе лица, точно собирался сказать: „А я знаю, гдѣ раки зимуютъ!" и сидѣлъ очень смирно, тогда какъ его родственникъ выходилъ изъ себя и, казалось, непремѣнно хотѣлъ либо свернуть себѣ шею, либо вывихнуть плечи, до такой степени сильно онъ работалъ всѣми суставами; то съеживался такъ, что у него совсѣмъ пропадала шея, а голова казалась посаженною прямо на плечи, то внезапно выпрямлялся и вытягивалъ шею какъ гусь, то вдругъ произносилъ такое слово, отъ котораго все лицо его морщилось какъ отъ лимоннаго сока, и онъ, растопыривъ руки, откидывался въ сторону, точно защищаясь обѣими руками отъ своего усатаго собесѣдника, спокойно сидѣвшаго на стулѣ.

Разговоръ у нихъ былъ національный. Еврей доказывалъ, что Евреи необходимы Россіи, что безъ Евреевъ заглохнетъ промышленность, а военный говорилъ, что „всѣхъ васъ нужно прогнать, либо всѣхъ перевѣшать!"

— Какъ такую слову можетъ сказать образованный человѣке?! удивлялся Еврей, пряча шею.

— Благородства въ васъ нѣтъ! говорилъ военный.

— Какого же благородства хочетъ господинъ полковнике съ бѣдный Еврей?

— Бѣдный Еврей! Ты у меня этой бѣдностью не форси! Бѣдныхъ вездѣ очень много. Жадность васъ одолѣла, вотъ что! Много вашего брата я видалъ подъ Варшавой, во время оно. Стояли мы тамъ въ мѣстечкѣ... Я еще корнетомъ былъ... Скука смертельная, удавиться не грѣхъ! Вотъ и придумали себѣ

штуку: давай жидовъ пробовать. Поставили чанъ на дворѣ... налили въ него, чортъ знаетъ чего! Говоримъ жидамъ: кто хочетъ сѣсть сюда по самую шею, тому золотой. Полѣзли два жида въ чанъ, сидятъ въ помояхъ, только однѣ головы выставили... Постой же! думаемъ. Былъ у насъ ротмистръ—отчаянный человѣкъ—взялъ пистолетъ, навелъ на жидовъ, да какъ крикнетъ: „прощай, жиды!" Еще не успѣлъ онъ и выстрѣлить, какъ жиды такъ съ головой и нырнули въ помои.. И ничего-съ! Получили по золотому, да еще спасибо сказали.

Еврей, спрятавъ шею, всплеснулъ руками, а военный, увидавши его сморщенное, испуганное лицо, принялся хохотать во все горло,

— Ай да жиды! Что хочешь надъ ними продѣлай, только отдай золотой.

— Мнѣ ужасно удивительно, мнѣ совсѣмъ даже удивительно, заговорилъ горячо Еврей,—какъ образованный человѣке можетъ такъ поступать,—мнѣ совсѣмъ даже удивительно.

— А на кой же ихъ чортъ понесло въ помои? Жадность замучила!

— Ай-ай-ай, какое ругательство было!

— А ты слыхалъ пословицу: „жидъ самъ бьетъ, и самъ кричитъ". И всегда вы такъ: запутаете человѣка разными гешефтами, облупите его, надуете, и сами же кричите, что васъ притѣсняютъ. Именно такъ—жидъ самъ бьетъ, и самъ кричитъ!

Еврей страшно разволновался, выслушавъ это. Онъ всплеснулъ руками, глаза его заблестѣли и голосъ сдѣлался рѣзкимъ, гнусавымъ.

— Жидъ самъ бьетъ, и самъ кричитъ! воскликнулъ онъ въ ужасѣ. — Господинъ полковнике! Аа,ай, господинъ полковнике, какой это срамъ говорить такую пословицу! А вы знаете, почему такая нехорошая пословица стала на свѣтѣ? А вы знаете, господинъ полковнике, откуда такая пословица? Былъ на свѣтѣ одинъ очень глупый панъ! У пана была дочь, которая сходила съ ума! Одинъ глупый докторъ приказалъ, чтобъ сумасшедшая панна всегда веселилась... Ай-ай, какое тогда сдѣлали скверное дѣло: взяли Еврея, одѣли его въ длинный кафтанъ, надѣли колпакъ, въ руки дали большого палке и привели Еврея на дворъ. А на него выпускали стаю собакъ. Собаки рвали его со всѣхъ сторонъ за кафтанъ, бѣдный Еврей билъ собакъ палкой и кричалъ на весь дворъ. Я думаю, всякій будетъ кричать, когда его рвутъ

собаки! А безумная панна сидѣла у окошечке и хохотала, и говорила всѣмъ: вотъ какой жидъ—самъ бьетъ, и самъ кричитъ! Вотъ, господинъ полковнике, откуда такая глупая пословица!

Въ это время его увидалъ Сучковъ.

— А, Матвѣй Ивановичъ, сказалъ онъ, подходя къ нему и протягивая руку.—И ты съ нами на ярмарку?

— Матвѣй Ивановичъ!? Это онъ-то Матвѣй Ивановичъ! воскликнулъ военный и опять захохоталъ хриплымъ раскатистымъ смѣхомъ.

Панфиловъ неодобрительно покосился на него, но ничего не сказалъ и потребовалъ себѣ обѣдать. Еврей, очевидно, былъ радъ, что пришли посторонніе, и сейчасъ же пустился въ веселые разговоры съ Сучковымъ.

— А вы не забыли старика Левенштейнъ? Это его внучекъ, говорилъ онъ, указывая на молодаго Еврея.—Отъ дѣдушки сынъ, отъ сына еще сынъ. Ого! вотъ какой старикъ Левенштейнъ! И, желая пошутить, добавилъ: дѣдушка — капиталъ, отецъ—процентъ, а этотъ—процентъ на процентъ. Ого! Вы помните старика Левенштейнъ?

Молодой Еврей при этомъ началъ улыбаться все шире и шире, наконецъ сдѣлалъ такую гримасу, что военный, глядя на него, прыснулъ со смѣху, и солидный животъ его заплясалъ по колѣнамъ.

Въ комнату вошли еще двое: какой-то мужчина въ старой рыжей енотовой шубѣ и дама необыкновенно крѣпкаго сложенія. Это оказались артисты: мужчина былъ фокусникъ, а дама силачка, „дѣвица-Геркулесъ“, какъ она называлась въ афишахъ. Такіе артисты за стаканъ водки никогда не откажутся потѣшить попутчиковъ, и когда Сучковъ предложилъ имъ „погрѣться“, то фокусникъ, прежде чѣмъ выпить, накрылъ шляпой рюмку, гдѣ потомъ, вмѣсто рюмки, оказалась перчатка.

— Вотъ это, братъ, люблю! воскликнулъ военный.—У насъ тоже въ полку былъ одинъ... такъ тотъ, чортовъ сынъ, у меня въ сапогѣ яичницу сдѣлалъ! Настоящую яичницу—съ лукомъ!!

Фокусникъ, не долго думая, досталъ изъ кармана колоду картъ и подалъ военному, щеголяя массой перстней съ поддѣльными камнями.

— Прошу замѣтить одну... Вотъ такъ! Держите всю колоду двумя пальцами. Вотъ такъ! Ну,—ейнъ, цвей, дрей!

Онъ сильно ударилъ рукой по колодѣ, которая вся разлетѣ-

лась по полу и только замѣченный валетъ остался у военнаго въ пальцахъ.

— Ахъ ты прохвостъ! весело крикнулъ военный.

Фокусникъ еще много показывалъ разныхъ штукъ, такъ что его и „дѣвицу-Геркулеса" пришлось угощать обѣдомъ.

II.

Дремучіе лѣса.

Время летѣло быстро. Закусивъ въ Малмыжѣ, Панфиловъ уже нигдѣ болѣе не оставался подолгу, и когда солнце стало клониться къ западу, тройки мчались отъ послѣдней деревни, приближаясь къ Вятскимъ дремучимъ лѣсамъ, которые тянутся непрерывно на нѣсколько сотъ верстъ.

Маленькія, пузатенькія лошадки, гнѣдыя, съ черными гривами, черными хвостами и такими же черными полосками по всему хребту, лихо несли повозки, такъ лихо, какъ не ѣздятъ еще нигдѣ въ Россіи. Ямщикъ-Татаринъ даже не трогалъ кнута, а лишь покрикивалъ на нихъ, называя ихъ крысами.

Уже алѣли верхушки дремучаго лѣса и жуткая просѣка разинула свою пасть, какъ гигантское чудовище, и страшно было погружаться въ ея нѣдры.

Сразу стало темнѣе и глуше, едва въѣхали въ эту просѣку. Мѣткое народное слово недаромъ зоветъ такіе лѣса—дремучими. Старый, непроходимый лѣсъ теменъ и страшенъ, пахмуръ и задумчивъ. Сѣдыя сосны стоятъ сторожами по обѣ стороны просѣки, а дальше—мракъ и тайна.

Мчится тройка во весь духъ по гладкой скрипучей дорогѣ, звенитъ колокольчикъ, пофыркиваютъ шустрыя лошаденки, но уже нѣтъ того раздолья, нѣтъ той свободы, что по широкой Волгѣ: гнететъ и давитъ окольная чаща. Старыя косматыя ели и толстыя сосны, отягченныя снѣгомъ, хмуро слѣдятъ и провожаютъ взорами рѣзвую тройку—куда, молъ, летишь?.. А солнце все ниже опускается, и въ лѣсу становится мрачнѣе, мрачнѣе, и начинаетъ трогать душу нелѣпое предчувствіе.

— Абзы! сказалъ Бородатовъ.

Ямщикъ обернулся. На этотъ окликъ повернется съ удовольствіемъ всякій Татаринъ.

— Спой, что ли, намъ пѣсенку!

— Для ча, нѣтъ, бачка! На водку дашь?

— Да вѣдь вамъ Магометъ запретилъ водку?

— Запретить запретилъ, а все, бачка, пьемъ.

— Ну, ладно, дамъ. Затягивай пѣсню.

Татаринъ кашлянулъ, утерся и затянулъ грубымъ голосомъ, очень медленно, на двухъ нотахъ:

„О... царь...
Царь... Иванъ..."

Но потомъ заголосилъ во всю мочь, на одной только нотѣ, быстро, быстро, какъ только можетъ выговорить языкъ:

„Царь Иванъ Васильичъ Грозный
Ка́зань городъ бралъ!"

Потомъ опять медленно и грубо продолжалъ тягучій припѣвъ, опять на двухъ нотахъ:

„Красный баш-макъ!.."
Красный баш-макъ!.."

И вся его пѣсня была въ такомъ родѣ, съ тѣми же грубыми тягучими двумя нотами въ началѣ, съ тою же одною зазвонистою скороговоркой и тѣмъ же тягучимъ припѣвомъ.

Между тѣмъ зубчатыя верхушки лѣса, рдѣвшія подъ косыми лучами, начинали блѣднѣть и сѣрѣть; иногда онѣ вдругъ потухали совсѣмъ, когда плывущее облако загораживало солнце, а то вдругъ опять вспыхивали умирающимъ свѣтомъ, но все слабѣе, слабѣе, и все угрюмѣе становилась лѣсная чаща и тусклая тѣнь ложилась впереди дороги. Но небо было свѣтло, и думалось, что гдѣ-то далеко въ сторонѣ, на просторѣ, сіяетъ еще день, а здѣсь уже сгущались сумерки, и мохнатыя вершины тихимъ шумомъ возвѣщали о вечерѣ, и въ отвѣтъ имъ также тихо скрипѣли голые стволы сосняка, и крѣпче задумывались угрюмыя ели, раскинувшія во всѣ стороны свои косматыя вѣтви.

Приказчикамъ было скучно. Кротовъ свирѣпо глядѣлъ по сторонамъ, досадуя на свою бѣдность: вотъ бы изъ этакаго лѣса да построить себѣ палаты!.. Анютинъ тоже глядѣлъ на лѣсъ, тоже всматривался въ чащу и вспоминалъ прежнее разбойничье время, да современныя сплетни про нѣкоторыхъ извѣстныхъ купцовъ-милліонеровъ, у которыхъ дѣды содержали здѣсь постоялые дворы...

— Не выпить ли? внезапно толкнулъ онъ Кротова, начиная было завидовать этимъ безгрѣшнымъ потомкамъ.

Наливши стаканъ коньяку, Анютинъ залпомъ осушилъ его и такъ отъ удовольствія крякнулъ, что даже ямщикъ обернулся и съ минуту молча глядѣлъ, улыбаясь во все лицо, какъ Кротовъ наливалъ себѣ и затѣмъ тоже выпилъ, запрокинувъ голову.

— Что глядишь? окликнулъ его Анютинъ.

Татаринъ молчалъ и продолжалъ улыбаться.

— Больно якши! сказалъ онъ, наконецъ, съ такимъ удовольствіемъ, будто самъ только-что выпилъ.

— Недурно! похвалилъ Кротовъ, поглаживая себя по шубѣ. Такъ, знаешь, и пошелъ огонекъ по жиламъ.

— Больно якши!! повторилъ Татаринъ и вытеръ себѣ губы.

— Что жь утираешься?

Но Татаринъ опять ухмыльнулся и, взглянувши мелькомъ на лошадей, снова повернулъ къ сѣдокамъ свое скуластое темное лицо, съ подрѣзанными усами и густою, какъ щетка, бородою.

— Прикащики? спросилъ онъ, выговаривая „брыкасшики“.

— Прикащики. А тебѣ что?

— Ничего, отвѣтилъ лукаво Татаринъ и опять улыбнулся. Хозяинъ ѣдетъ — водку пьетъ, а насъ не потчуетъ, а брыкасшикъ самъ пьетъ и насъ потчуетъ.

— Да, такъ тебя попотчивать?

Тотъ весело и широко улыбнулся, даже глаза у него зажмурились отъ удовольствія... Но когда Кротовъ хотѣлъ налить ему коньяку, и онъ увидалъ бутылку, то, махнувши рукою, сказалъ:

— Не могу вино. Водку могу.

— Вотъ еще какіе капризы!

— Законъ не велитъ.

— Полно врать! разсердился Кротовъ. — Пей, что даютъ! Все равно у васъ законъ ничего не велитъ ни вина, ни водки, а вы вѣдь трескаете лучше нашего брата!

— Ничего, успокоилъ его Анютинъ, наливая въ стаканъ. — Это тоже водка: перцовка; видишь, — желтая. Самъ настаивалъ для дороги.

Татаринъ заколебался и нерѣшительно принялъ изъ его рукъ стаканъ. Выпивъ, онъ сильно крякнулъ и сильно потрясъ головой.

— Больно якши!! восторженно сказалъ онъ, утирая губы. — Спасибо! Больно якши!

— Ну, теперь разсказывай, почему тебѣ водку пить можно, а вино нельзя?

Чувствуя себя обязаннымъ передъ ними, Татаринъ подумалъ, какъ бы разсказать покрасивѣе, и началъ поэтому издалека:

— Шелъ пророкъ Магометъ... Вотъ онъ шелъ и видитъ, люди сидятъ, вино пьютъ. И всѣ цѣлуются и обнимаются... Вотъ Магометъ говоритъ: „ишь вино — больно хорошо! Надо велѣть всѣмъ его пить: всѣ будутъ цѣловаться и обниматься, всѣ братьями будутъ, — больно хорошо!"... Потомъ Магометъ шелъ назадъ. Видитъ, люди всѣ пьяные, и ругаются и дерутся... Магометъ сказалъ: „нѣтъ! вино – скверное дѣло! сперва—больно хорошо! потомъ — больно гадко!"... И запретилъ пить вино.

— А водку?

— Водки тогда не было, отвѣтилъ Татаринъ совершенно серьезно.—Про водку законъ ничего не велитъ. Водку пьемъ, а вино нельзя. А старики у насъ и водку не пьютъ.

Въ воздухѣ стояла непонятная тишина. Было глухо, почти мертво, но не было тихо, потому-что неуловимые звуки исходили отъ бора; они не слышались, а скорѣе ощущались, какъ ощущается слухомъ въ пустой комнатѣ присутствіе живаго человѣка, который молчитъ и даже не шевелится; но есть что-то слышное въ самой жизни. Обманываетъ ли зрѣніе, обманывается ли слухъ, но только никогда, ни въ какую пору не бываетъ совершенно тихо въ густомъ лѣсу, хотя бы не дрожалъ отъ вѣтра ни единый листъ, ни единая хвоя. Вонъ — свалившаяся сосна; лѣтъ двѣсти росла она тутъ — огромная, сѣрая; свалилъ ее ураганъ и выворотилъ вверхъ корнями. Но не ему бороться съ вѣковыми лѣсами! Зацѣпили сосну товарищи за курчавую голову и держатъ на своихъ плечахъ; и не упала она трупомъ на землю, а легла поперекъ, какъ больная; а къ торчащимъ корнямъ ея протянула мохнатую лапу сосѣдняя елка; еще годъ — и дотянется она до корней, и закроетъ ихъ товарищескою рукой отъ постороннихъ взглядовъ, и злыхъ непогодъ.

— Отмахали станцію! весело воскликнулъ Татаринъ, снова обернувшись къ Кротову и улыбаясь во все лицо.—Грѣться будемъ! водку пить будемъ!... Гайда!! крикнулъ онъ на коней и весело захлопалъ руками.

Дѣйствительно, вскорѣ показалась станція, съ стариннымъ острокрылымъ орломъ наверху, а за нею раскинулся поселокъ, дворовъ въ пять или въ шесть.

III.

Чужое горе.

Когда вошли въ комнату, тамъ за столомъ сидѣлъ молодой смотритель, въ разстегнутомъ сюртукѣ, и ерошилъ волосы, которые и безъ того были уже всѣ спутаны. У него было сумрачное, точно грязное, усталое лицо и взглядъ былъ разсѣянъ и золъ. Казалось, смотритель былъ пьянъ. Взглянувъ на пріѣзжихъ, онъ не перемѣнилъ своей небрежной позы и продолжалъ ерошить волосы.

— Лошадей поскорѣе! сказалъ ему Панфиловъ.

Видя, что народу не мало, смотритель спросилъ утомленнымъ голосомъ, въ которомъ чувствовалась досада и разсѣянность:

— Сколько васъ тамъ?

— Сколько васъ тамъ?! невольно передразнилъ его Матвѣй Матвѣевичъ, начиная сердиться.—Мы не бараны, чтобы насъ отсчитывать по-штучно! Вамъ говорятъ, лошадей!

— Да сколько, сколько?

— Три тройки, да поскорѣе!

— Столько нѣту, заявилъ смотритель и, вставши, направился къ двери.

— Господинъ смотритель! строго остановилъ его Панфиловъ. Потрудитесь достать лошадей: у меня курьерская!

— Говорю, сейчасъ нѣтъ. Подождите!

— Это не мое дѣло! разгорячился Матвѣй Матвѣевичъ.—Что за безобразіе! Пожалуйте лошадей, я знать ничего не хочу!

— Ради Бога, потише, сказалъ на это смотритель вялымъ и лѣнивымъ голосомъ, видя, что Панфиловъ начинаетъ сердиться и повышаетъ тонъ.

— Нѣтъ, не потише, чортъ побери! отвѣтилъ тотъ уже вовсе громко.—Знайте свою обязанность!

На бѣду, въ дѣло вмѣшался мужикъ, стоявшій до этого у печки. Онъ подошелъ къ Панфилову и тихо, точно по секрету, началъ шептать ему: „Будьте покойны! Сейчасъ вернется... По своему дѣлу поѣхали...“

— Да что жь, Михайло Кузьмичъ, обратился онъ къ смотрителю.—Вѣдь можно это сейчасъ...

Но Панфиловъ не далъ ему даже докончить. Едва онъ услыхалъ, что лошадей куда-то угнали по своему дѣлу, какъ закричалъ на смотрителя:

— Какъ же вы смѣли? Какъ вы смѣете! Тутъ курьерскія,— а вы по своимъ дѣламъ!

Сучковъ и Бородатовъ тоже накинулись на него съ упреками; поднялся страшный шумъ. Смотритель только весь сморщился и замахалъ руками, а мужикъ все вздыхалъ: „Ахъ, ты Господи! Да постойте! Да вѣдь это...“ Но его шепота не было слышно среди другихъ голосовъ.

— Не кричите вы, ради Бога!!. закричалъ уже самъ смотритель тонкимъ, взвизгнувшимъ голосомъ. Онъ подошелъ къ Панфилову и добавилъ совершенно тихо:

— Здѣсь,—указалъ онъ куда-то, — умираетъ мой сынъ... ребенокъ... У меня голова мутится... Вонъ Савельичъ все сдѣлаетъ вамъ... Я ничего не знаю... Сынъ умираетъ... единственный!... Отправилъ за докторомъ... Ну, жалуйтесь на меня... ну, дѣлайте что хотите!

Онъ опять замахалъ руками и опустился на стулъ. Мгновенно наступило молчаніе; всѣ переглянулись. Только тутъ замѣтили, что смотритель былъ страшно блѣденъ, даже какъ будто позеленѣлъ. А мужикъ опять зашепталъ Панфилову:

— Сейчасъ все устрою... Три нужно? Двѣ-то найду, а вотъ третью... Нешто у Сидора взять? али къ Кривому сбѣгать?.. Небось, Сидоръ услалъ... Ахъ, ты, матушки мои, свѣты! Одною минутой, господа,—обождите!

И мужикъ, пыхтя и шепча, осторожными, но торопливыми шагами направился къ двери и скрылся. Всѣ чувствовали себя неловко. Чужое горе подѣйствовало на нихъ удручающе. Можетъ-быть, имъ стало совѣстно за свои крики, можетъ-быть всякому пришла на мысль своя семья, съ которой тоже, Богъ вѣсть, что теперь дѣлается.

— Извините, пожалуйста, сказалъ Матвѣй Матвѣевичъ, подходя къ смотрителю.—Кто же зналъ, что у васъ семейное горе и что ребенокъ больной. Я не сталъ бы кричать.

— Единственный! отвѣтилъ на это смотритель и опять началъ путать волосы.

Всѣ молчали.

Анютинъ осторожно толкнулъ Кротова и, когда тотъ обернулся, мигнулъ ему въ сторону, гдѣ была выходная дверь, и оба

затѣмъ вышли осторожными шагами на дворъ, къ повозкамъ. Туда же пришелъ и сучковскій прикащикъ, Паткинъ, человѣкъ слабохарактерный, попросту — трусъ. Онъ перепугался еще въ началѣ спора, изъ боязни, какъ бы ихъ здѣсь не поколотили, и теперь былъ въ сильномъ волненіи.

— По баночкѣ что ли? спросилъ онъ веселымъ, заискивающимъ тономъ, желая этимъ скрыть свое замѣшательство.

— Нѣтъ, мы куримъ, отвѣчали прикащики и продолжали свою бесѣду. Говорили всѣ тихо, серьезно, точно боялись нарушить покой больнаго, хотя и стояли подъ открытымъ небомъ.

Вскорѣ вернулся мужикъ и привелъ лошадей. Сбѣжались ямщики, и въ четверть часа повозки были готовы.

— Ахъ, матушки мои, свѣты! Эко дѣло какое! шепталъ суетливый мужикъ, хлопоча около лошадей и бѣгая вокругъ повозокъ... Одно—къ Кривому идти!.. Лошадищей вотъ сколько!.. Эко дѣло несчастное! Лѣкарей этихъ тоже... легкое дѣло!..

И когда все было улажено, онъ побѣжалъ съ докладомъ. Всѣ вышли, размѣстились по повозкамъ и молча тронулись въ путь. Было уже темно. Лѣсная дорога стелилась гладко и ровно. На небѣ мерцали звѣзды, но часто заволакивались плывущими тучами. Иногда выглядывалъ молодой мѣсяцъ; за эти двое сутокъ онъ значительно пополнѣлъ, хотя все еще былъ похожъ на шаловливаго мальчугана, стараясь залить своимъ серебромъ всю землю,—но черныя тучи одна за другой наползали на него, какъ старыя няньки, и онъ пропадалъ за ними, но вдругъ опять выскальзывалъ и шалилъ, расточая свое серебро на верхушки лѣса, на дорогу, на придорожныя сосны, но не дерзалъ соваться въ самую чащу, и тамъ попрежнему было темно и страшно.

Лунный свѣтъ всегда странно дѣйствуетъ на душу. Когда лѣтнею ночью выйдешь на широкое поле, на широкое-широкое, и заглядишься вдаль,—все молчитъ, все дремлетъ. Стоишь среди простора и понимаешь ясно въ эти минуты, какъ ты одинокъ на свѣтѣ,—одинокъ и ничтоженъ. Какою бы ни была красавицею ночь, но глядишь на нее—не какъ очарованный, но съ тоскою, съ вопросомъ. Ночь ли тебя вопрошаетъ, ты ли вопрошаешь ее, но только есть какое-то непонятное общеніе человѣка съ этимъ блѣднымъ сіяніемъ, съ этими вѣковѣчными звѣздами, далью, съ этимъ глубокимъ небомъ... Только не понимаютъ твоей тоски ни небо, ни звѣзды, ни сіяющая даль, и ты видишь

что они не понимаютъ тебя. Можетъ-быть, оттого, что видишь все это, и становится на душѣ такъ постыло.

А зимой? среди лѣса? въ тѣсной повозкѣ?

Все вокругъ приняло вздорный фальшивый видъ. Голые стволы сосенъ, загроможденные вѣтками елокъ, кажутся уродливыми великанами, снѣгъ кажется блѣдно-зеленоватымъ, а высокій пень или кустъ дѣлается похожимъ на человѣка, поджидающаго тебя издали съ недоброю цѣлью. Все фальшивитъ, все не то, что есть, все обманываетъ, и начинаетъ мало-по-малу обманываться сердце. Впереди—спина ямщика, человѣка вовсе чужаго, незнакомаго даже лицомъ; сбоку—спящій сосѣдъ... онъ не убьетъ, не обманетъ, но онъ за то и не пойметъ тоски и одиночества, не раздѣлитъ ихъ. И томится въ чужбинѣ сердце о чемъ-то родномъ, и взываетъ къ безконечному небу: „брата!.. друга!..“

Но поетъ колокольчикъ свою неугомонную пѣсню подъ дугой, и сиротлива становится жизнь,—точно кто-нибудь насмѣялся надъ нею, горько насмѣялся—и покинулъ тебя въ одиночествѣ.

IV.

Смотритель.

Иногда ляжешь спать лунною ночью, за окномъ такъ ясно и хорошо, а проснешься по утру,—за окномъ уже сѣрая муть, и снѣгъ сыплется, какъ изъ рѣшета, и глядишь въ окно въ недоумѣніи: когда же все это случилось? Такъ думалъ и Матвѣй Матвѣевичъ, когда по утру не увидалъ ни неба, ни лѣса, а только мелькающій снѣгъ, который сыпался въ такомъ изобиліи, что сквозь него трудно было разглядѣть, что дѣлалось впереди дороги.

И онъ и Бородатовъ долгое время молчали, думая о погодѣ, о Перми, гдѣ можно будетъ пересѣсть въ спокойные вагоны и отдохнуть въ теплѣ отъ всѣхъ невзгодъ Сибирскаго тракта. Пришелъ на память Матвѣю Матвѣевичу хитрый Тирманъ,—гдѣ-то онъ теперь рыщетъ? вспомнился гусляръ Чебоксарскій съ его задушевными пѣснями—хорошо бы еще ихъ послушать!

— Трррр!! закричалъ вдругъ Татаринъ, перебивая теченіе его мыслей, и тройка остановилась у станціи, похожей какъ двѣ капли воды на тѣ, которыя миновали еще вчера вечеромъ; та-

кая же угрюмая, сѣрая, съ такимъ же стариннымъ орломъ наверху, съ такими же хрустящими подъ шагами ступенями, съ тою только разницей, что здѣсь въ маленькое оконце выглянула на проѣзжихъ женская головка, мелькнуло затѣмъ розовое платье, но когда вошли въ комнату, тамъ никого не было, кромѣ смотрителя, валялся лишь на окнѣ недочитанный романъ съ вышитою по канвѣ закладкой да около пустаго стула лежалъ оброненный платокъ.

— Господинъ Панфиловъ! Какъ изволите поживать? Все ли въ добромъ здоровьѣ?

Такими словами привѣтствовалъ смотритель Матвѣя Матвѣевича, улыбаясь и слегка пригибая спину. Панфиловъ съ нимъ поздоровался, хотя и не помнилъ, что это за человѣкъ. За двадцать девять лѣтъ ежегоднаго путешествія по этому пути многіе признали Матвѣя Матвѣевича въ лицо и запомнили его фамилію.

— Лошадей, пожалуйста, поскорѣй, сказалъ онъ, распахивая шубу.—Да еще нѣтъ ли стакана воды?

— Лошади, господинъ Панфиловъ, въ одну минуту будутъ готовы, а насчетъ воды, – возразилъ радушный смотритель, – Господи Боже: у меня самоваръ кипитъ! Воды, извините, не дамъ, господинъ Панфиловъ! позвольте васъ чайкомъ угостить, не задержу-съ! Ей-Богу, не задержу!

Онъ ласково засмѣялся и крикнулъ, повернувъ голову къ двери:

— Сестрица! сестрица!

Въ дверяхъ показалась молодая дѣвушка въ розовомъ платьѣ, съ платкомъ на плечахъ; вѣроятно, она стѣснялась чужихъ и вышла съ очень сердитымъ лицомъ, точно ее обидѣли.

— Подай поскорѣе чаю господину Панфилову. Милости прошу, господа! Насчетъ лошадей не извольте безпокоиться: сію минуту все будетъ готово. У меня задержекъ не бываетъ-съ!

Онъ проворно собралъ все лишнее со стола, спряталъ недописанный листокъ почтовой бумаги, но сейчасъ же опять его подвинулъ къ Панфилову, сказавши:

— Мужичку письмо писалъ: сыну посылаетъ. Темный народъ! неграмотны.

При этомъ онъ указалъ въ письмѣ на двѣ послѣднія строчки и весело, добродушно усмѣхнулся. Тамъ было написано: „Лошадки тебѣ кланяются, три коровки тоже, четвертую продали“...

— Хи-хи-хи, какіе поклоны! сказалъ смотритель и принялъ съ большимъ уваженіемъ папиросу изъ панфиловскаго портси-

гара.—Мужичокъ-то пишетъ отъ сердца, только читать смѣшно-съ! Просвѣщенія не имѣетъ.

Когда дѣвушка, стѣсняясь и краснѣя, подала Матвѣю Матвѣевичу большой стаканъ чаю на огромномъ черномъ подносѣ, съ толстою мельхіоровою ложкой, смотритель, видя ея смущеніе, сказалъ, не отрываясь отъ дѣла (онъ прописывалъ въ это время подорожныя):

— Скучаетъ сестрица, людей не видитъ! Одичала совсѣмъ! Только книжками и развлекается, да у насъ какія книжки—пустяки одни!.. А погодка-то, г. Панфиловъ,—вѣдь вовсе, съ позволенія сказать, дрянь! Форменная дрянь!

— А взгляните-ка въ книгѣ, перебилъ его тотъ,—когда здѣсь проѣзжалъ Тирманъ?

— Тирманъ-то?

Смотритель не только не взглянулъ на книгу, но даже бросилъ писать и повернулся къ Матвѣю Матвѣевичу.

— Съ Тирманомъ у насъ, я вамъ скажу, цѣлая катавасія вышла. Ей-Богу, катавасія! Форменная катавасія! Помилуйте: подкатили это они къ вечеру, часовъ этакъ около семи на вчерашнія сутки. Я это съ Тирманомъ занялся, тѣмъ да другимъ, а тутъ молодой человѣкъ остался. Прихожу назадъ — батюшки мои! такъ-то съ сестрицей любезничаютъ, шуры-муры, да разныя штуки... вѣдь какой тоже вострый... Попеняйте ему, молодому-то человѣку: никогда у меня этого не бывало. Не ѣдетъ, да и шабашъ! Цѣлая катавасія! Тирманъ торопится, а этотъ уперся. Такого промежь себя шума настроили, что, того гляди, подерутся. Никогда у меня этого не бывало, чтобы шумъ заводили проѣзжіе.

Панфиловъ отъ души пожалѣлъ, что Мифочка послушался Тирмана: пусть бы подольше поспорили! И, допивши стаканъ, простился съ смотрителемъ.

— Можетъ-быть, въ послѣдній разъ, г. Панфиловъ, видимся. На возвратномъ пути, впрочемъ, заѣдете, а то скоро желѣзная дорога пройдетъ,—просвѣщеніе, святое дѣло! Гибнемъ мы здѣсь въ глуши-то. Да не у насъ ее проведутъ, намъ отъ этого еще хуже будетъ: ужь совсѣмъ никого не увидимъ тогда! Будьте здоровы! Счастливаго пути!

На облучекъ залѣзъ Татаринъ, сверкнувъ на лету зелеными пятками своихъ сапоговъ, и повозки снова тронулись въ путь по запушенной свѣжимъ снѣгомъ дорогѣ.

Гдѣ-то вдали на селѣ кончалась обѣдня. Звуки праздничнаго колокола доносились сюда вмѣстѣ съ вѣтромъ, и хорошо было сознавать, что какіе-то чужіе, невѣдомые люди сейчасъ молились „о плавающихъ, путешествующихъ"... Уже нѣсколько верстъ отъѣхали отъ этого мѣста, а все еще время отъ времени казалось, будто въ воздухѣ разливаются звуки колокола. Это гудѣлъ лѣсъ тихимъ ропотомъ; но гудя, онъ стоялъ солидно, какъ великанъ, не трогаясь ни однимъ сучкомъ, и только боковыя сосны и ели качали укоризненно головами, точно стыдя вѣтеръ за его проказы съ молодыми елками. И вѣтеръ стихалъ, словно пристыженный. Тогда снѣгъ сыпался спокойно и ровно на землю, и было очень тихо вокругъ, пока опять не поднимался ропотъ и придорожныя деревья опять не начинали своихъ споровъ съ капризнымъ вѣтромъ.

— Завтра будемъ подъ Пермью! увѣренно говорилъ Панфиловъ, видя какъ мчатся по гладкой дорогѣ шустрыя вятки. — Авось, какимъ-нибудь чудомъ Тирманъ застрянетъ въ пути!..

Впереди уже открывался просторъ. Лѣса кончались съ ихъ таинственнымъ гуломъ, суровостью и гладкою дорогой.

V.

На просторѣ.

На просторѣ снѣгъ сыпался иначе, чѣмъ въ лѣсу, и вѣтеръ гулялъ беззаботно по широкому полю, дуя то вправо, то влѣво,— какъ вздумается.

Миновали станцію, гдѣ отняли вятокъ и дали русскую тройку, для которой понадобились снова и кнутъ и брань... Проѣхали еще станцію, гдѣ старый Татаринъ, онъ же староста, умѣлъ выпивать, не переводя духа, столовый стаканъ водки — всегда на панфиловскій счетъ. И на этотъ разъ Панфиловъ не отказалъ ему въ заведенномъ обыкновеніи, только попросилъ дать ямщика получше.

— Не безпокойся, бачка,—хорошъ будетъ!

И далъ совсѣмъ пьянаго, который свалился на первомъ же ухабѣ, такъ что Бородатову пришлось держать его за кушакъ цѣлую станцію. Панфиловъ выходилъ изъ себя отъ досады и бранился безъ устали. Но ямщикъ, покачиваясь на облучкѣ, ве-

село вскрикивалъ на тройку, не признавая себя пьянымъ, хотя возжи валились изъ рукъ, и глаза едва глядѣли, и голосъ былъ похожъ на мычаніе.

— Н-но! Но! мычалъ онъ, стараясь поднять руку, на которой болтался кнутъ.

На всякомъ ухабѣ онъ страшно перегибался; спина валилась назадъ, голова тянула впередъ, и весь онъ, казалось, разчленялся по суставамъ,—а ухабы были на каждомъ шагу. Несмотря на это, ямщикъ все бодрился и все кричалъ: „Н-но!“ и упрашивалъ Бородатова не безпокоиться и не держать его за кушакъ, увѣряя, что для него это дѣло привычное. Панфиловъ терялъ всякое терпѣніе и злобно дожидался слѣдующей станціи, чтобы излить всю свою ярость на смотрителя, — но разстояніе было въ двадцать верстъ, и гнѣвъ его то охлаждался, то вновь закипалъ, и когда вдали показалась постройка, а ухабы сдѣлались глубже и чаще, и ямщикъ опять началъ сердиться, зачѣмъ его держатъ, Матвѣй Матвѣевичъ дошелъ до неистовства и стучалъ по повозкѣ кулаками, готовый хоть бѣгомъ добѣжать, лишь бы скорѣе увидать смотрителя, которому уже заранѣе приготовилъ бурную встрѣчу.

Заслышавъ колокольчики, смотритель взглянулъ въ окошко и узнавъ панфиловскія повозки, радостно крикнулъ женѣ:

— Симочка! Матвѣй Матвѣевичъ ѣдетъ. Выходи встрѣчать!

Дѣло въ томъ, что года три назадъ, Матвѣй Матвѣевичъ крестилъ у этого смотрителя ребенка,—разумѣется, заочно, и простодушный Акимъ Ильичъ считалъ его своимъ родственникомъ. Узнавъ отъ Тирмана, что слѣдомъ за нимъ ѣдетъ дорогой гость, приготовился къ встрѣчѣ: радостный, улыбающійся, въ новомъ мундирѣ, выбѣжалъ онъ на крыльцо, прямо къ повозкѣ, и только хотѣлъ воскликнуть что-то сердечное, какъ оттуда загремѣлъ свирѣпый голосъ Панфилова:

— Смотритель! Чортова голова! Какихъ ямщиковъ держите! На кого онъ похожъ: на ногахъ не стоитъ, мерзавецъ!

Акимъ Ильичъ отступилъ отъ повозки и весь покраснѣлъ отъ стыда и обиды, но Панфиловъ продолжалъ изливать свою ярость, не узнавая кума, котораго и въ обыкновенное время не отличилъ бы отъ сотни его сослуживцевъ.

— Скоты! смѣяться вздумали: на смѣхъ даете такихъ ямщиковъ,—негодяи!!.

— Позвольте-съ... да какъ же вы смѣете! Да что же это та-

кое! вскипятился въ свою очередь Акимъ Ильичъ, уязвленный въ самое сердце, и продолжалъ, чуть не плача: какое право имѣете? Я человѣкъ служащій!

Онъ взглянулъ на жену, стоявшую въ дверяхъ, съ перепуганнымъ лицомъ, къ которому такъ не шли теперь ея праздничныя одежды, и въ огорченіи началъ еще больше сердиться, а Панфиловъ кричалъ изъ повозки:

— Лошадей, чортъ васъ побери! Да ямщика трезваго!

— Такъ нельзя! сказалъ Сучкову взволнованный смотритель.— Эдакъ никакъ нельзя: я жаловаться пойду! Я на нихъ въ судъ подамъ: публичное оскорбленіе! Этого невозможно!...

Но Сучковъ началъ его уговаривать.

— Не горячитесь, голубчикъ! Словно не знаете Матвѣя Матвѣевича, вѣдь порохъ! Вспыхнулъ, а черезъ пять минутъ, глядишь, самъ же придетъ извиняться. Человѣкъ вспыльчивый, что̀ жь подѣлаешь!... А такой ямщикъ хоть кого изъ терпѣнія выведетъ.

Дѣйствительно, не прошло и пяти минутъ, какъ Панфиловъ засѣлъ въ глубину повозки и молча остывалъ отъ излитаго негодованія. Тогда Сучковъ и смотритель подошли къ нему.

— Грѣхъ вамъ, Матвѣй Матвѣевичъ! Я васъ дожидался, какъ родственника, а вы вонъ какъ!... Сына моего крестили, а теперь и знать не хотите. Оскорбляете порядочнаго человѣка... Грѣшно-съ, Матвѣй Матвѣевичъ! Судиться я съ вами не буду: я человѣкъ не кляузный...

Панфиловъ опомнился, и ему стало очень, очень совѣстно, но все-таки онъ сидѣлъ въ своей повозкѣ и молча слушалъ укоры.

— Голубчикъ, да вѣдь я тебя не узналъ! проговорилъ, наконецъ, Матвѣй Матвѣевичъ, высовывая голову. — Прости, ради Бога, не сердись!... Мнѣ и не вспомнилось сгоряча, давай мировую.

Смотритель сразу повеселѣлъ, протянулъ къ нему руки, расцѣловался и радостно побѣжалъ впередъ; всѣ вылѣзли изъ саней и, смѣясь въ душѣ внезапному обороту дѣла, пошли за нимъ въ комнаты.

— Здравствуйте, моя дорогая! обратился Панфиловъ къ кумѣ.— А я привезъ своему крестнику конфетъ. Ѳедоръ Николаевичъ, достань-ка коробку!

Бородатовъ досталъ изъ повозки запасную коробку леденцовъ, предназначавшихся для закуски коньяку, и подалъ ее съ такимъ видомъ, будто и въ самомъ дѣлѣ ее берегли для подарка.

— А гдѣ же мой крестникъ?

Добродушные хозяева просіяли и оба, толкая другъ друга, бросились къ двери и затѣмъ вывели за руки мальчугана, котораго наскоро одѣли и причесали. Матвѣй Матвѣевичъ постарался изобразить на своемъ огрубѣломъ замороженномъ лицѣ нѣчто въ родѣ улыбки и, держа въ одной рукѣ коробку, другою рукой манилъ къ себѣ ребенка, но мальчикъ, при видѣ незнакомыхъ людей, уперся, сдѣлалъ грустное лицо, а потомъ заплакалъ на всѣ комнаты, уткнувшись головой въ платье матери. Панфиловъ поскорѣе отдалъ подарокъ, и крестника увели во-свояси.

О происшедшей ссорѣ не было и помина. Всѣ пили чай и весело разговаривали, однако Матвѣй Матвѣевичъ начиналъ уже сожалѣть о своемъ увлеченіи, стоившемъ ему порядочной проволочки во времени.

— Поѣдемте, господа, пора! сказалъ онъ, вставая.—Впереди еще обѣдъ, и такъ въ дорогѣ вовсе не видишь времени.

Хозяева вышли ихъ проводить, напутствовали добрыми пожеланіями, благодарили за память, воображая, что конфеты везлись спеціально для крестника.

Скрипнули сани, заболтали колокольчики и впереди опять легла пустынная путь-дорога.

Моросилъ снѣжокъ. Лихо катили сани, поскрипывая полозьями, весело покрикивали ямщики, и на далекое пространство разносился говоръ колокольчиковъ.

Начинало уже вечерѣть, когда путники пообѣдали на одной изъ станцій и торопливо тронулись дальше. Грязное небо дѣлалось все сумрачнѣе и какъ будто опускалось все ниже и ниже.

Мелкій снѣжокъ закрутился быстрѣе, гуще и вдругъ повалилъ хлопьями. По деревьямъ, окаймлявшимъ дорогу, пробѣжалъ вѣтеръ, взвылъ на минуту и умчался неизвѣстно куда; потомъ опять загудѣлъ гдѣ-то сбоку и кинулся вверхъ, и перепуталъ всѣ снѣжные хлопья, которые такъ и шарахнулись отъ него подъ ноги лошадямъ.

„Плохо дѣло!“ подумалъ Матвѣй Матвѣевичъ, прислушиваясь къ гудѣнью вѣтра. „Не спроста гудитъ.“

И вѣтеръ, точно, гудѣлъ не спроста.

Въ его пѣснѣ слышалось что-то зловѣщее, словно онъ явился предвѣстникомъ вьюги или, по тамошнему нарѣчію, буры. Онъ бѣгалъ больше по низу и, опередивъ повозки, дулъ прямо на нихъ,

подметая снѣгъ подъ ноги лошадямъ, которыя съ трудомъ добѣжали до слѣдующей станціи.

Войдя, никто, противъ обыкновенія, не крикнулъ смотрителю: „Лошадей!“ Всѣ молчали и не знали, на что̀ рѣшиться.

— Скверная погода! сердито вымолвилъ Панфиловъ, садясь на диванъ. Того и гляди, метель!

— Главное дѣло, къ ночи! поддакнулъ Бородатовъ.

Остальные поглядѣли въ окошко и ничего не сказали. За окномъ сильно стемнѣло, хотя было еще не поздно.

— Такъ какъ же господа? спросилъ Панфиловъ, оглядывая всю компанію и не зная, на что̀ рѣшиться.

Среди общаго раздумья и тишины вдругъ гдѣ то жалобно-жалобно запищалъ вѣтеръ, такимъ тоненькимъ голосомъ, точно муха, попавшаяся въ паутину.

— Придется ночевать, должно-быть...

Никто не возражалъ. Всѣ глядѣли въ разныя стороны и всѣ были невеселы; только Кротовъ, спокойно потирая руки, искалъ чего-то взорами; не то онъ соображалъ, хорошо ли здѣсь ночевать, не то дожидался случая, чтобы шепнуть Анютину: „Не поставить ли по баночкѣ, ради вьюги?“ и былъ спокойнѣе прочихъ.

— Въ третьемъ году вотъ такъ же, сказалъ Сучковъ, — мы остались, а Игнатьевскіе прикащики поѣхали, на-авось! Ну, и поплатились: всю ночь плутали. Нѣкоторые доѣхали до станціи, одного насилу оттерли, а другому—прямо финалъ! Вытащили изъ повозки закоченѣлаго,—что̀ за удовольствіе!

Всѣ повѣсили головы. Блуждать до утра подъ метелью никому не хотѣлось.

— Господа, я, по совѣсти, не могу васъ пустить, вмѣшался въ разговоръ смотритель, сѣденькій старичекъ, стоявшій тутъ же въ дверяхъ.—Переночуйте лучше; за ночь погода уймется, и съ Богомъ! а то долго ли до грѣха? И волковъ здѣсь у насъ много, цѣлыми стаями ходятъ.

При этихъ словахъ Кротовъ машинально ощупалъ въ карманѣ револьверъ... Положеніе было тягостное, натянутое, и молчаніе долго не прерывалось, пока Сучковскій прикащикъ, перетрусившій еще на той станціи, при первомъ вѣтрѣ, осмѣлился проговорить, запинаясь на каждомъ словѣ.

— Помилуйте-съ... куда же ѣхать?... Изволите ли видѣть,—вьюга очень сильная... съ дороги собьешься...

Всѣ въ душѣ съ нимъ были согласны.

— А тамъ, говорятъ... волки-съ голодные...

— Конечно... конечно!... въ раздумьѣ соглашался Панфиловъ, послѣ чего прикащикъ, видя, что дѣло идетъ на-ладъ, продолжалъ уже съ большею увѣренностью.

— Чтò за бѣда! И всего-то потеряли бы какія-нибудь сутки-съ!

Это неосторожное слово сразу испортило все. Панфиловъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Сутки? ужаснулся онъ и даже попятился отъ прикащика, точно тотъ поднялъ вопросъ объ его чести.—Чтобъ я потерялъ сутки? Да вы съ ума сошли!... Лошадей, пожалуйста! рѣшительно заявилъ онъ смотрителю и затѣмъ обратился къ Сучкову.

— Вамъ какъ угодно, а мы поѣхали!

Поднялся шумный говоръ. Всѣ встали, всѣ говорили. Смотритель пробовалъ успокоить, но принужденъ былъ, въ концѣ концовъ, распорядиться о лошадяхъ.

— Я тридцать лѣтъ ѣзжу—Богъ милостивъ! возвышался надъ всѣми голосами голосъ Панфилова. Не первую метель выноситъ! Ѣдемъ, господа, нечего медлить! Съ Богомъ, въ дорогу!

И первый, рѣшительными шагами направился къ выходу. Его воодушевленіе сломило и разогнало общую робость. Всѣ перекрестились и послѣдовали за нимъ; только смотритель, провожая ихъ, неодобрительно покачалъ головой.

На дворѣ былъ сущій адъ. Вѣтеръ съ визгомъ и ревомъ пригибалъ чуть не до земли деревья; въ мглистомъ воздухѣ крутился снѣгъ, шарахаясь летучими массами вправо и влѣво.

— Доѣдемъ, ямщикъ? твердымъ голосомъ спросилъ Панфиловъ.

Тотъ отвѣчалъ такимъ же твердымъ голосомъ.

— Съ этакими сѣдоками—Богъ милостивъ!

Всѣ усѣлись, крѣпко запахнувшись. Прокричали голоса, зазвонили колокольчики, и повозки, едва отдѣлившись отъ станціи, погрузились во мракъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. Телешовъ.

КРИТИКА.

В. Г. КОРОЛЕНКО.

Критическій этюдъ.

И гдѣ же Духъ Господень—ту свобода.
2. *Коринфянамъ* III, 17.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

IX.

Теперь мы перейдемъ къ анализу быть-можетъ лучшаго изъ всего, что написалъ до сихъ поръ г. Короленко, — къ анализу его разсказа, озаглавленнаго *Ночью*. Это описаніе одной ночи— ночи въ дѣтской. Но здѣсь—цѣлый маленькій міръ, съ его радостями и печалями, съ его наивнымъ простодушіемъ, съ его какою-то особенною, чистою и ясною, неуловимою поэзіей—міръ дѣтской жизни.

По общему мнѣнію никто не описывалъ такъ дѣтей, какъ Диккенсъ. Кто не проливалъ слезъ надъ исторіей маленькаго Павла Домби, увядающаго какъ цвѣтокъ, взросшій на чахлой почвѣ, лишенной влаги и солнечныхъ лучей, кому не памятна трогательный разсказъ о бѣдствіяхъ и приключеніяхъ Давида Коперфильда? Въ нашей литературѣ дѣтская жизнь привлекала къ себѣ вниманіе графа Л. Толстаго. Какое бы огромное значеніе ни придавалось такимъ произведеніямъ знаменитаго художника, какъ

Война и Міръ, *Анна Каренина*, но все же *Дѣтство и Отрочество* навсегда останется самымъ свѣжимъ, самымъ благоухающимъ цвѣткомъ въ вѣнкѣ графа Л. Н. Толстаго.

Въ *Дѣтствѣ и Отрочествѣ* есть какое-то особое настроеніе—свѣжее, весеннее: настроеніе ранней весны, когда только-что выставили рамы и съ поля, изъ сада пахнуло въ комнаты весеннимъ холодкомъ, запахомъ сырой, оттаивающей земли, только-что разбухшихъ древесныхъ почекъ.

Но у Диккенса, при всей трогательности и живости изображенія дѣтскаго міра, дѣтской души, вы чувствуете, что это взрослый человѣкъ разказываетъ о дѣтяхъ, разказываетъ о томъ, что̀ онъ съ любовію наблюдалъ, что̀ онъ съ любовію воспринялъ въ свою душу. Вотъ почему онъ, разсказывая о дѣтяхъ, трогаетъ васъ, потрясаетъ, вызываетъ у васъ улыбку грустнаго умиленія при воспоминаніе о вашемъ прошломъ, о вашемъ дѣтствѣ, но не можетъ заставить васъ слиться съ дѣтскою жизнью, на мгновеніе почувствовать снова самого себя ребенкомъ.

Графъ Толстой ближе намъ, роднѣе. Когда перечитываешь его *Дѣтство и Отрочество*, невольно кажется, что—

Все это ужь было когда-то,
Но только не помню когда...

Онъ околдовываетъ васъ этимъ весеннимъ настроеніемъ, тѣмъ настроеніемъ, которое такъ чудесно выразилъ другой поэтъ:

Весна! Выставляется первая рама,
И въ комнату шумъ ворвался:
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса...

Но и у графа Толстаго вы чувствуете, что это взрослый человѣкъ разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ, показываетъ тѣ образы, которые въ живомъ воспоминаніи наполняютъ его душу сладостною тоской о навсегда утраченномъ и невозвратномъ.

Очеркъ г. Короленко *Ночью* производитъ еще иное, особое впечатлѣніе—впечатлѣніе особой поэзіи, особаго юмора. Это не та грустная, задумчивая, обаятельная своею тихою грустью поэзія, какую мы встрѣчаемъ въ другихъ произведеніяхъ нашего автора, это не тотъ человѣчный юморъ, юморъ стыдливаго отношенія къ несовершенствамъ человѣческимъ, къ паденію человѣческому, къ страданію человѣческому, самое яркое выраженіе котораго мы находимъ въ разсказѣ г. Короленко *Въ дурномъ*

обществѣ. Въ очеркѣ *Ночью* душа автора, поддаваясь инымъ впечатлѣніямъ, какъ бы освобождается отъ этой постоянной задумчивости, отъ этого постояннаго грустнаго раздумья; онъ отдается непосредственному чувству безо всякой примѣси рефлексіи, и вотъ у него является еще новый тонъ, неожиданный, но столь же обаятельный, какъ и тонъ другихъ его разсказовъ. Это тонъ наивной поэзіи, наивнаго юмора, какъ бы уже сливающагося съ наивною поэзіей дѣтской жизни, съ наивнымъ ея юморомъ. Авторъ самъ какъ бы обращается въ ребенка, проникается дѣтскимъ настроеніемъ, дѣтскими грезами; онъ *живетъ* вмѣстѣ съ дѣтьми, живетъ ихъ радостями и печалями, живетъ ими такъ же серіозно, какъ сами дѣти. Онъ какъ бы забываетъ, что у него есть иныя радости и печали, иные интересы, забываетъ свою грусть и свою скорбь, забываетъ о томъ широкомъ мірѣ, который онъ видѣлъ и знаетъ, о тѣхъ болѣзненныхъ и запутанныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, надъ которыми онъ такъ грустно задумывался, — и весь міръ сосредоточивается для него здѣсь, въ освѣщенной мерцающею свѣчей полутемной дѣтской, изъ темныхъ угловъ которой выглядываютъ таинственные призраки, которую наполняютъ таинственные и неуловимые ночные звуки.

Вотъ въ чемъ заключается особенность очерка г. Короленко. Это не взрослый человѣкъ разсказываетъ намъ о дѣтяхъ, какъ у Диккенса, это не взрослый человѣкъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ, какъ у Толстого: — въ очеркѣ г. Короленко дѣтская жизнь какъ бы сама о себѣ разсказываетъ съ дѣтскою наивностью и съ дѣтскимъ простодушіемъ. Этотъ тонъ дѣтской наивности и дѣтскаго простодушія можно найти развѣ въ иныхъ сказкахъ Андерсена — и больше нигдѣ. Вотъ почему въ очеркѣ г. Короленко, помимо его удивительнаго, чуднаго и неожиданнаго настроенія, помимо его общаго колорита, дѣти являются не дѣтьми *вообще*, а маленькими людьми, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особую индивидуальность, ярко выраженную, изъ которыхъ каждый живетъ своею особою, самостоятельною жизнью, такою же самостоятельною какъ и жизнь взрослыхъ людей. Очеркъ г. Короленко не отрывокъ, въ которомъ схвачены черты дѣтской жизни, не этюдъ, въ которомъ удачно схвачены краски и тѣни и показаны въ разнообразныхъ сочетаніяхъ—нѣтъ, это совершенно завершенная картина, это маленькій романъ, стройный во всѣхъ частяхъ и законченный, героями котораго являются маленькіе дѣти. О, тутъ есть и завязка и развязка, и тотъ цен-

тральный пунктъ, изъ котораго вытекаетъ все дѣйствіе, и который объединяетъ собою весь романъ.

Дѣло въ томъ, что въ домѣ совершается событіе: на свѣтъ должно появиться новое маленькое существо. Гдѣ-то за сѣнями, за корридоромъ, въ отдаленной отъ дѣтей комнатѣ, мать ихъ мучится родами. Вотъ вокругъ этого событія сосредоточивается весь маленькій дѣтскій романъ, это событіе нарушаетъ на одну ночь обычный ходъ жизни дѣтской. Начало разсказа вводитъ насъ однако въ эту обычную жизнь дѣтской, со всѣми ея настроеніями.

„Было около полуночи. Въ комнатѣ слышалось глубокое дыханіе спящихъ дѣтей.

„Въ углу комнаты, на полу, стоялъ мѣдный тазъ. На днѣ его было немного воды и стояла свѣча въ подсвѣчникѣ. Свѣча сильно нагорѣла, фитиль покрылся темною шапкой и тихо потрескивалъ. Кромѣ того, на стѣнѣ стучалъ маятникъ, а на полу, въ освѣщенномъ кружкѣ около таза, размѣстились нѣсколько тараканов. Сдавшись на заднія лапки и поднявъ головы кверху, они смотрѣли на огонь и шевелили усами...

„На дворѣ бушевала непогода.

„Дождь стучалъ по крышѣ, трепалъ листья въ саду, плескался на дворѣ въ лужахъ. По временамъ онъ стихалъ и уносился вдаль, въ темную глубину ночи, но послѣ этого прилеталъ къ дому съ новою силой, бушевалъ еще больше, сильнѣе обливалъ крышу, хлесталъ по ставнямъ и порой казалось даже, что онъ струится и плещетъ уже въ самой комнатѣ... Тогда въ ней водворялось какое-то безпокойство: маятникъ какъ будто смолкалъ, свѣча готовилась погаснуть, съ потолка сползали тѣни, тараканы тревожно водили усами и видимо собирались бѣжать.

„Но бурные порывы непогоды продолжались недолго. Казалось, дождь рѣшилъ про себя никогда уже не прекращаться, и, когда вѣтеръ оставлялъ его въ покоѣ,—онъ принимался гудѣть широко и ровно—и на дворѣ, и въ саду, и въ переулкѣ, и въ пустырѣ, по полямъ... Гулъ этотъ, просачиваясь сквозь запертыя ставни, стоялъ въ комнатѣ то ровнымъ жужжаніемъ, то тихими всплесками.

„Тогда маятникъ принимался опять отчеканивать свои удары съ рѣзкимъ упрямствомъ, свѣча тихо кряхтѣла, тараканы успокоивались, хотя, повидимому, упрямство дождя наводило на нихъ грустное раздумье.

„Все это слышалъ и глядѣлъ на все это изъ-подъ своего одѣяла одинъ изъ двухъ братьевъ-погодковъ, которые спали въ освѣщенной комнатѣ. Старшаго звали Васей, младшаго—Маркомъ. Въ семействѣ былъ обычай давать шутливыя прозвища. У Васи была очень большая голова, которою онъ въ раннемъ дѣтствѣ постоянно стукался объ полъ, поэтому его прозвали Голованомъ. Маркъ былъ некрасивъ и смотрѣлъ нѣсколько изъ подлобья, отчего получилъ названіе Мордика.

„Мордикъ сладко спалъ, а Голованъ уже съ полминуты прислушивался къ шуму дождя ..

„Онъ былъ большой фантазеръ и часто думалъ о томъ, что происходитъ на свѣтѣ, когда всѣ спятъ: и онъ, и Маркъ, и дѣвочки, и старая нянька,—и значитъ некому смотрѣть... Неужели комната остается все такая же, и маятникъ продолжаетъ стучать, хотя его никто не слушаетъ, и свѣча продолжаетъ свѣтить, хотя свѣтить некому, и тараканы только безсмысленно сидятъ на полу, уставившись на огонь?.. Не разъ уже, просыпаясь съ этою мыслью, онъ осторожно выглядывалъ изъ-подъ одѣяла... На этотъ разъ онъ самъ не замѣтилъ, когда проснулся, и ему показалось, что наконецъ-то онъ застигаетъ комнату врасплохъ. Вотъ уже съ полминуты онъ смотритъ на нее, не шевелясь, полуприщуреннымъ глазомъ, а въ ней все продолжается какая-то собственная таинственная жизнь, которая прячется обыкновенно, когда на нее смотрятъ.

„Все въ ней живо, удивительно, необычно и странно... Дождь мечется и злится снаружи, отбиваясь отъ вѣтра, маятникъ споритъ съ шумомъ дождя, свѣча уныло кряхтитъ, тараканы хранятъ разумный видъ, какъ будто сейчасъ только разговаривали между собой и рѣшили единогласно, что положеніе свѣчи дѣйствительно жалкое, а дождь буянитъ совершенно напрасно. Кромѣ того, Вася сознавалъ, что всѣ они вмѣстѣ—вся комната со всѣми предметами — смотритъ недоброжелательно на дѣтей, которыя спятъ, ничего не подозрѣвая въ своихъ постеляхъ.

„Однако, было и еще что-то, самое странное, что Голованъ никакъ не могъ уловить. Когда же онъ раскрылъ совсѣмъ глаза и шевельнулся,—все сразу исчезло.

„Маятникъ застучалъ тише и безъ особеннаго выраженія, свѣча просто трещала, а не кряхтѣла, комната спохватилась и приняла обычный, будничный видъ.

„А между тѣмъ онъ все же чувствовалъ, что что-то такое

странно... въ немъ самомъ, или въ комнатѣ, или можетъ отъ этого шума. Нѣтъ, это простой дождь,—шумитъ вовсе не громко, точно бормочетъ кто-то вяло и неразборчиво. Что-то струится и каплетъ, точно кто плачетъ подъ стѣной, и чьи-то вздохи проносятся по деревьямъ сада... А въ саду теперь темно межъ деревьевъ, и въ бесѣдку ни одинъ человѣкъ не рѣшился бы пойти въ полночь, да еще въ дождь. Маркъ хвастался разъ, что пошелъ бы, еслибъ ему позволили... Но и то, конечно, не въ такую ненастную, бурную ночь...

„По спинѣ у него пробѣжали мурашки, онъ припалъ къ подушкѣ и завернулся съ головой въ одѣяло.

„Тогда ему показалось, что гдѣ-то въ стѣнѣ, или за стѣной, или подъ поломъ происходитъ странное движеніе и говоръ. Слышались чьи-то голоса и шумъ чьихъ-то шаговъ.

„Что это такое? Онъ высунулъ голову, чтобъ яснѣе слышать, но тогда звуки опять исчезли. Ему казалось, что онъ долженъ бы знать, что̀ это такое, и тогда онъ понялъ бы и то, отчего ему кажется странно. Но онъ забылъ и не можетъ вспомнить, потому что во снѣ ему снилось совсѣмъ другое...

„Тогда имъ стала овладѣвать тревога.

„— А знаешь, Маркуша, что я скажу тебѣ?—сказалъ онъ вкрадчиво, обращаясь съ спящему брату.

„Но Маркъ отвѣтилъ только продолжительнымъ храпомъ“.

Таково настроеніе дѣтской, на фонѣ котораго совершенно ясно обрисовывается индивидуальный характеръ Васи. Этотъ Голованъ—мечтатель и художникъ, съ поэтическою жилкой. Ни одно впечатлѣніе не пройдетъ мимо него и вся эта таинственная жизнь дѣтской ночью оставляетъ въ его душѣ свой слѣдъ, глубокій и поэтичный. Что бы съ нимъ ни случилось впослѣдствіи, по какой бы дорогѣ онъ ни пошелъ, какія бы впечатлѣнія жизнь ни оставила въ его душѣ, то таинственное и мистическое, что запало въ эту душу среди полутемной дѣтской останется въ этой душѣ, и созрѣетъ и принесетъ свой плодъ. Маркъ прозванный Мордикомъ, былъ другаго закала. Онъ былъ реалистъ, и храбрецъ. Онъ не вѣрилъ фантазіямъГолована, хотя самъ побаивался того зеленаго человѣка, о которомъ разсказывалъ ему братъ, когда они сходились ночью у таза со свѣчкой. Сюда, къ тазу со свѣчкой, если нянька не усмотритъ, иногда приходили и дѣвочки: маленькая Маша и уже совсѣмъ крошечная Шурочка.

„Тогда начинались долгіе и очень занимательные разговоры. Никогда дѣтямъ не говорилось такъ дружно и хорошо: казалось, тихій ночной часъ придавалъ бесѣдѣ особую прелесть мечты и фантастической неопредѣленности, а общая забота о томъ, чтобы не разбудить няньку, сплачивала мальчиковъ и дѣвочекъ въ тѣсный кружокъ ночныхъ заговорщиковъ.

„Впрочемъ, дѣвочки говорили очень мало; онѣ прихватывали съ собой одѣяла, простыни, платья и напяливали все это на себя, какъ попало. Старшая помогала младшей, а та безпрекословно повиновалась. Чѣмъ эта костюмировка бывала нелѣпѣе, тѣмъ больше доставляла наслажденія. Въ особенности если удавалось прихватить нянькины башмаки и ея красивый, съ большими цвѣтами головной платокъ, тогда обѣ дѣвочки замирали въ молчаливомъ самосозерцаніи. Протянувъ ножонки въ огромныхъ башмакахъ, не шевеля головой въ фантастическомъ уборѣ, Шура сидѣла солидно и молча, а старшая, Маша, дѣлала какія-то гримасы. Она воображала себя большою дамой, а мальчики въ однихъ рубашонкахъ казались ей кавалерами во фракахъ.“

Такъ же случилось и въ эту ночь. Когда страхъ Васи дошелъ до послѣднихъ предѣловъ, проснулся Мордикъ.

„Но въ эту минуту онъ вдругъ почувствовалъ, что теперь онъ не одинъ въ комнатѣ. Онъ вздрогнулъ, обернулся и увидѣлъ, что Маркъ стоитъ на своей кровати, опершись о стѣнку, и смотритъ предъ собой такимъ взглядомъ, точно онъ не совсѣмъ еще проснулся. Но когда Вася радостно обратился къ нему, онъ тотчасъ вспомнилъ, что днемъ они поссорились изъ-за колоды картъ. Поэтому онъ быстро легъ въ кровать и уткнулся въ подушку. Васю это огорчило.

„— Ты развѣ не пойдешь къ свѣчкѣ? спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

„— Не пойду! рѣшительно отвѣтилъ Маркъ.

„— Отчего?

„— Ага, отчего? А карты помнишь?..

„— Ну! выходи. Завтра отдамъ.

„— Врешь?

„— Право отдамъ. И еще дамъ трубу играть до обѣда.

„— Ей-Богу?

„— Ну, ей-Богу.

„— Скажи три раза.

„— Оставь.

„— Нѣтъ, скажи три раза, а то сейчасъ засну.

„Въ душѣ Васи подымалась глухая досада: развѣ мало одной клятвы? Но Маркъ былъ задира и иногда любилъ поломаться, а теперь вдобавокъ вымещалъ вчерашнюю досаду, сознавая, что Голованъ въ его рукахъ и исполнитъ его безцѣльное требованіе. Дѣйствительно, покраснѣвъ отъ стыда, Вася скороговоркой произнесъ трижды: „ей-Богу, дамъ карты".

„Тогда Мордикъ вылѣзъ изъ кровати и подошелъ къ свѣчкѣ къ большой радости брата."

Вотъ маленькій эпизодъ по которому можно составить себѣ понятіе обо всемъ разсказѣ. Этотъ споръ между дѣтьми, это „а карты помнишь?" — весь этотъ разговоръ — все это проникнуто такимъ простодушіемъ и наивностью, которыя какъ бы сливаются съ простодушіемъ и наивностью самихъ дѣтей. Таковъ тонъ автора вездѣ. Таковъ его тонъ и тогда, когда онъ не показываетъ своихъ маленькихъ героевъ въ дѣйствіи, а только разсказываетъ о нихъ. Прелестью дѣтскаго простодушія, безконечно нѣжнаго юмора дышетъ разсказъ автора о томъ, какъ дѣти, собравшись у свѣчки, заводятъ нескончаемые разговоры и споры обо всемъ на свѣтѣ (страницы 243—247). Голованъ обыкновено фантазировалъ, Мордикъ подвергалъ его фантазіи холодному анализу. Голованъ говорилъ, что онъ все помнитъ, даже то, какъ папа укралъ маму изъ окна. Мордикъ опровергалъ Васины фантазіи.

„Маркъ, скептическій и положительный, напоминалъ порой, что раньше Вася разсказывалъ иначе, и начиналъ утверждать, что все это враки и „не можетъ быть". Вася страдалъ и старался смягчить Марка мягкостью и заискиваніемъ; но иногда это не дѣйствовало, и Мордикъ, со свойственными ему упрямствомъ и жестокостью, начиналъ отрицать все. Вопервыхъ, онъ утверждалъ, что онъ все-таки былъ бы, еслибы даже папу съ мамой сдѣлали опять неженатыми. Онъ все-таки былъ бы себѣ, да и только, и знать бы ничего не хотѣлъ... Мало ли что!.. Потомъ онъ говорилъ, что Вася не видалъ, какъ папа украдывалъ маму черезъ окно, потому что Васи тогда не было; папа съ мамой были еще неженаты, а самъ же Вася говоритъ, что у неженатыхъ не бываетъ дѣтей. Потомъ онъ шелъ еще дальше и подвергалъ сомнѣнію самый фактъ „украдыванія". Женятся всегда днемъ и выходятъ прямо въ двери; онъ видѣлъ, какъ на сосѣд-

немъ дворѣ женился лакей. Онъ сошелъ съ крыльца и сѣлъ на извощика, а горничная, которая тоже съ нимъ женилась, сѣла въ барскую коляску.

„— Ну врешь, ну вотъ и врешь! горячо вступалась за Васю Маша. — Я сама слышала; папа говорилъ въ гостиной, что мама—краденая, и что ее хотѣли отнять.

„— Нѣтъ, не краденая, нѣтъ не краденая! упрямо твердилъ Мордикъ.

„— Значитъ, по твоему, папа солгалъ, скажи: солгалъ? наступала горячо Маша.

„— Папа смѣялся, а вы, дураки, вѣрите!.. Что взяла?.. И козла не было, все это однѣ выдумки и враки, и не можетъ быть...

„— Нѣтъ, не враки, нѣтъ не „не можетъ быть“, а ты—противный спорщикъ, гадкій Мордикъ!..

„— Враки, враки, враки!.. твердилъ Маркъ съ холоднымъ озлобленіемъ.

„— Не враки, не враки, не враки!.. старалась переспорить его Маша, а маленькая Шура, всегдашняя сторонница сестры, начинала плакать.

„Шумъ будилъ няньку. Но если даже этого не случалось,— бесѣда все же была совершенно испорчена. Дѣти въ эти минуты ненавидѣли Мордика, какъ и тогда, когда они съ трудомъ возводили карточные домики, а онъ упрямо стрѣлялъ въ нихъ каждый разъ изъ угла бумажными шариками.“

Уже по приведеннымъ мною отрывкамъ читатели могутъ видѣть какъ живо и жизненно изображены эти дѣти, этотъ міръ и жизнь дѣтской. Мы какъ бы чувствуемъ около себя этихъ дѣтей, любуемся ими, чувствуемъ какую-то отрадную теплоту отъ соприкосновенія съ этими чистыми и наивными дѣтскими душами.

Чѣмъ же авторъ достигаетъ этого впечатлѣнія, какими средствами онъ сдѣлалъ для насъ ясною „психологію“, какъ теперь выражаются, дѣтской души?

Конечно, тутъ неотразимо дѣйствуетъ самый тонъ разсказа, о которомъ я уже говорилъ—неотразимо дѣйствуетъ эта наивность, какъ бы сливающаяся съ наивностью самихъ дѣтей, этотъ юморъ, растворенный какою-то умиленною любовью къ этимъ крошечнымъ Божіимъ созданіямъ, къ чистому еще свѣту ихъ разума, къ незапятнанной чистотѣ ихъ чувства; но это не все.

„Психологическій анализъ“—модное теперь слово. Многіе думаютъ что этотъ „психологическій анализъ“ только-что сейчасъ

выдуманъ; высказывается такое мнѣніе, что лишь въ нашемъ столѣтіи, съ появленіемъ новой формы—романа было отведено надлежащее мѣсто психологическому анализу. Такое мнѣніе составилось потому, что подъ именемъ „психологическаго анализа" понимаютъ *описаніе* душевныхъ состояній дѣйствующихъ лицъ повѣствованія. И какъ только такому описанію въ новѣйшемъ романѣ было отведено особое мѣсто, такъ тотчасъ же и возникъ самый терминъ: „психологическій анализъ." Между тѣмъ, именно въ этомъ надо видѣть признакъ паденія искусства: оно сошло какъ бы на одну ступень ниже; именно это есть признакъ упадка творчества, ослабленія творческаго духа. У великихъ художниковъ нѣтъ никакого „психологическаго анализа", они не анализировали, а просто *изображали* душу человѣческую съ такою ясностью, что всѣ изгибы этой души выходили наружу. Великіе художники слова достигали этого тѣмъ же пріемомъ, какъ и великіе художники кисти, рѣзца: они изображали, а не описывали, и въ самомъ изображеніи уже былъ заключенъ анализъ души. Гоголь нигдѣ не описываетъ состояніе души своихъ героевъ: онъ рисуетъ только ихъ портреты, и въ самомъ этомъ изображеніи душевное состояніе ихъ дѣлается яснымъ, какъ ясно оно на сдѣланныхъ кистью и красками портретахъ великихъ мастеровъ. Точно такъ же Пушкинъ показываетъ душевное состояніе своихъ героевъ въ дѣйствіи и въ изображеніи, а не описываетъ его. Припомните всю сцену осады Бѣлогорской крѣпости Пугачевцами въ *Капитанской дочкѣ*. Тамъ нѣтъ *описанія* душевнаго состоянія коменданта и криваго поручика Ивана Игнатьевича, не говорится о томъ, что̀ они думали и чувствовали, но въ изображеніи, но въ дѣйствіи душа ихъ обнажена предъ нами, и мы понимаемъ не только состояніе ихъ души въ данную минуту, подъ впечатлѣніемъ извѣстныхъ событій, но понимаемъ и *всю* ихъ душу, во всей ея индивидуальности. Одинъ отвѣтъ криваго поручика, стоящаго предъ Пугачевымъ, съ петлей на шеѣ: „ты, дядюшка, воръ и самозванецъ", даетъ намъ болѣе ясное понятіе и о состояніи его души, и о его душѣ вообще, нежели могли бы дать самыя подробныя описанія, какія мы встрѣчаемъ у Толстаго или Достоевскаго.

У Пушкина, въ *Мѣдномъ Всадникѣ*, не описывается состояніе души безумнаго Евгенія; оно уже заключено въ общемъ изображеніи, во всей картинѣ:

Евгеній вздрогнулъ. *Прояснились*
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто надъ водою возвышался
Во мракѣ гордой головой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ—какой огонь!
Куда ты мчишься гордый конь
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты, надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?
Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ
И взоры дикіе навелъ
На ликъ Державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшоткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь: онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ—
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
„Добро строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
„Ужо тебѣ!“ И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. *Показалось*
Ему, что грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...

Я привелъ только отрывокъ. Припомните его окончаніе, припомните всю поэму. Въ ней нѣтъ *описанія* душевнаго состоянія героя, *описанія* его характера, его наклонностей; вся она—цѣльная и законченная картина, гдѣ сливаются въ одной общей гармоніи всѣ переливы свѣта и тѣни, всѣ краски, отъ самыхъ яркихъ до мимолетныхъ, едва брошенныхъ на полотно. Въ ней нельзя ничего прибавить и нельзя ничего убавить. Въ приведенномъ отрывкѣ мы видимъ тоже только картину—изображеніе и дѣйствіе, но именно въ этомъ изображеніи и дѣйствіи страшное пробужденіе омраченной, находящейся въ состояніи холоднаго отчаянія души Евгенія передано съ потрясающею силою и съ такою ясностью, которой не можетъ достигнуть никакое описаніе.

Великіе художники понимали, что неотразимое впечатлѣніе на душу человѣческую производитъ только поэзія изображенія и живость дѣйствія; они понимали, что читатель только тогда пойметъ чужую душу, будетъ страдать ея страданіями, радоваться ея радостями, когда почувствуетъ *поэзію* этой души и черезъ эту поэзію сроднится съ нею. Этого нельзя достигнуть никакимъ описаніемъ душевнаго состоянія. Описаніе, въ лучшемъ случаѣ, если оно вѣрно и если оно глубоко, какъ у Толстаго или Достоевскаго, заставитъ насъ *понять*, но не заставитъ *сочувствовать*. Сочувствовать можно только живому образу. Описаніе, въ самомъ лучшемъ случаѣ, какъ напримѣръ у Бальзака есть всего только анатомія души. А отъ художественныхъ созданій мы требуемъ не анатоміи, а живыхъ образовъ.

Прошу извиненія у читателей за это отступленіе—но вотъ къ чему я велъ.

Если еще имѣетъ смыслъ анализъ механики душевныхъ движеній взрослаго человѣка, то въ примѣненіи къ дѣтской душѣ этотъ пріемъ совершенно невозможенъ. Вотъ почему такъ отвратительны своею безжизненностью дѣти, выводимыя иными современными, и даже очень даровитыми беллетристами, какъ напримѣръ Золя. Это механическіе куклы, а не дѣти. Лишите дѣтскую душу ея поэзіи, и отъ нея ничего не останется. А *описаніе* душевныхъ движеній, какъ бы оно вѣрно и точно ни было, именно лишаетъ душу ея поэзіи.

Г. Короленко въ своемъ очеркѣ *Ночью* изображаетъ дѣтей во всей ихъ обстановкѣ, показываетъ ихъ въ дѣйствіи, показываетъ ихъ со всею поэзіею ихъ настроенія, и вотъ это-то, вмѣстѣ съ

общими тономъ его разсказа, по наивности своей сливающимся съ дѣтской наивностью, по юмору своему, сливающемуся съ материнской любовью къ дѣткамъ—вотъ это-то и производитъ неотразимое впечатлѣніе на читателя, заставляетъ его пережить дѣтскую жизнь, сообщаетъ его душѣ то настроеніе, которое спасаетъ человѣка, открываетъ ему путь къ Богу. „Если не обратитеся и не станете, какъ дѣти...“ Разсказъ г. Короленко хотя на короткое мгновеніе именно заставляетъ читателя почувствовать *это* настроеніе—и вотъ почему нѣтъ словъ благодарности, съ какими можно было бы обратиться къ автору за то истинное *благодѣяніе*, какое онъ оказываетъ намъ своимъ прелестнымъ разсказомъ...

О, онъ не описываетъ, онъ живетъ съ дѣтьми; вы видите какъ бы самого его, здѣсь, среди дѣтишекъ—и въ этомъ секретъ его поэзіи, и въ этомъ секретъ обаянія его разсказа. Этого нельзя подсмотрѣть, этого нельзя подслушать, этого нельзя „наблюдать“, какъ теперь выражаются—это нужно выносить въ душѣ своей, выносить, какъ нѣчто драгоцѣнное, безконечно значительное, можетъ быть, какъ самое драгоцѣнное, что есть въ жизни—и это выношенное, взлелѣянное безконечною нѣжностью и грустнымъ умиленіемъ передъ святыней дѣтской чистоты и простоты, выльется изъ души взрослаго человѣка, въ тѣ чистыя мгновенія его жизни, когда человѣкъ „обратится“ и станетъ какъ ребенокъ—въ чистыя минуты, когда его посѣтитъ *вдохновенье*. Этого нельзя подслушать, подсмотрѣть, запомнить, потому что тутъ дѣло не въ словахъ, не въ выраженіяхъ, не въ мозаичной поддѣлкѣ подъ дѣтскій языкъ, которая всегда противна для чуткаго уха, какъ бы она ни была искусна—тутъ дѣло въ общемъ тонѣ, въ фонѣ картины, такомъ прозрачно-таинственномъ, какъ сама дѣтская душа—въ томъ волшебномъ сочетаніи словъ, которое доступно только поэзіи и которое возможно только на этомъ поэтическомъ фонѣ. Вотъ просыпаются Вася и Мордикъ, вотъ они разговариваютъ—„Ага, отчего? А карты помнишь?“ Развѣ это можно подслушать, подсмотрѣть? Это можно только выносить въ своей душѣ, выносить съ любовью материнскаго юмора. Развѣ это „папа украдывалъ маму;“ это „горничная, которая тоже съ нимъ женилась“ — весь этотъ тонъ, развѣ это можно подслушать? Подслушать, подсмотрѣть, запомнить можно то, что теперь называютъ „реальными подробностями,“ но тутъ не реальныя подробности, а чистое движеніе творческаго духа... Развѣ можно

подсмотрѣть и подслушать такую маленькую сценку. Дѣти продолжают свои разговоры и споры около таза со свѣчей. Вдругъ откуда-то неожиданно послышался плачъ родившагося ребенка.

„Плакалъ маленькій ребеночекъ какимъ-то особеннымъ, тонкимъ, захлебывающимся голосомъ, но упрямо и громко...

„Это было такъ неожиданно, и плачъ слышался такъ ясно, что даже малькая Шура очнулась, подняла голову и сказала:

„— Дѣтинька... пáцитъ.

„Впрочемъ, ее это повидимому нисколько не удивило.

„За то всѣ остальные повскакали съ мѣстъ. Маша захлопала въ ладоши, а Маркъ кинулся къ дверямъ.

„— Пойдемъ туда!

„Вася пошелъ за нимъ. но у порога остановился.

„— А заругаютъ?..

„— Ну, одинъ разъ ничего... успокоилъ Маркъ. Онъ хотѣлъ сказать, что именно этотъ разъ, въ эту ночь все позволительно.— А вы, дѣвочки, оставайтесь...

„Но Маша думала иначе:

„— Вотъ какой умный! Оставайся самъ, если хочешь... Пойдемъ, Шурочка, пойдемъ, милая!—И она торопливо подняла Шуру.

„— Пускай идутъ, поддержалъ Вася, понимавшій хорошо, что онъ и самъ ни за что бы не остался.“

Развѣ можно подслушать это „дѣтинька... пáцитъ“... Да вѣдь, читая разсказъ, прочитывая эту сценку, вы *видите* этихъ дѣтей, чувствуете ихъ, видите крошечную Шуру, слышите ея полусонный голосокъ: „Дѣтинька.. пáцитъ“.

Я не стану передавать все содержаніе очерка *Ночью*. Онъ такъ законченъ, такъ поэтиченъ, что никакимъ пересказомъ, никакими выдержками нельзя передать того впечатлѣнія, какое онъ производитъ. Прочтите эти разговоры и споры дѣтей о тѣхъ же вѣчныхъ вопросахъ, которые волнуютъ человѣчество: о Богѣ, объ ангелахъ, о человѣкѣ, о томъ, „какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ“—прочтите, и чувство грустнаго умиленія охватитъ вашу душу. О, эти дѣтишки, вѣдь они очень умны,—можетъ быть, умнѣе взрослыхъ, они очень впечатлительны и чутки, уже навѣрное болѣе чутки и впечатлительны, нежели взрослые. Мордикъ упоренъ. Онъ скептикъ. Когда вопросъ о томъ, откуда берутся дѣти, разрѣшается въ томъ смыслѣ, что ихъ приносятъ ангелы, Мордикъ замѣчаетъ „Ангеловъ, можетъ быть, еще и нѣтъ“.—„Ну ужь это ты не говори. Это грѣхъ. Ужь это всѣ

знаютъ, что есть", возражаетъ Вася. *„А дядя Михаилъ"*, замѣчаетъ Мордикъ. Положимъ, Вася окончательно сбилъ съ позиціи Мордика, объявивши, что жидъ Мошка видѣлъ ангеловъ, но „дядѣ Михаилу" надо бы быть осторожнѣе. Онъ, этотъ „дядя Михаилъ", позабылъ вѣчныя слова о тѣхъ, кто „соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ" вѣрующихъ въ Него... Дѣтки, вѣдь они все слышатъ, все замѣчаютъ. „Дядя Михаилъ" еще молодъ и не знаетъ этого. Онъ проповѣдывалъ при дѣтяхъ не только объ ангелахъ, но еще и о другомъ. Еслибъ онъ послушалъ, что говорится въ дѣтской, то вѣрно былъ бы осторожнѣй. Дѣтки слышали, какъ онъ спорилъ съ „дядей Генрихомъ" и знаютъ, за что сердился „дядя Генрихъ", у котораго недавно умерла отъ родовъ его жена „тетя Катя"

„— Я знаю, отчего онъ сердится. Я слышалъ, какъ они сильно ссорились: Михаилъ говорилъ, когда человѣкъ умретъ, то изъ него сдѣлается порошокъ и человѣка нѣтъ вовсе. А Генрихъ говоритъ, что человѣкъ уходитъ на тотъ свѣтъ и смотритъ оттуда и жалѣетъ...

„— Такъ что̀? за что жь тутъ сердиться?

„— Э! видишь: если изъ человѣка дѣлается порошокъ, то значитъ и изъ Кати тоже. А онъ этого не хочетъ"...

Но дѣтки не долюбливали Михаила, потому что онъ, какъ молодой еще мальчикъ, относился къ нимъ высокомѣрно. Дѣтки слышали, какъ взрослые разговаривали о Михаилѣ, и тоже запомнили это.

„Михаилъ былъ гораздо моложе брата. У него были голубые глаза, бѣлокурые волосы въ мелкихъ кудряхъ, и очень бѣлое, правильное веселое лицо. Вася зналъ его еще гимназистомъ, съ краснымъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, но это все-таки было давно. Потомъ онъ появлялся изъ Кіева въ синемъ студенческомъ мундирѣ и при шпагѣ. Старшіе говорили тогда между собой, что онъ становится совсѣмъ взрослый, влюбился въ барышню, сдѣлалъ разъ „операцію" и уже не вѣритъ въ Бога. Всѣ студенты перестаютъ вѣрить въ Бога, потому что рѣжутъ трупы и ничего уже не боятся. Но когда приходитъ старость, то опять вѣрятъ и просятъ у Бога прощенія. А иногда и не просятъ прощенія, но тогда и бываетъ имъ плохо, какъ доктору Войцеховскому... Такіе всегда умираютъ скоропостижно, и у нихъ лопается животъ, какъ и у Войцеховскаго..."

Дѣти такъ и остались при этомъ взглядѣ на Михаила, какъ и на студентовъ вообще. О, вѣдь этотъ народъ, дѣтки, они очень умны, потому что еще чисты сердцемъ и не „умствуютъ“, а непосредственно воспринимаютъ всѣ явленія жизни. Они навѣрно умнѣе взрослыхъ. Они и разговоры взрослыхъ облекаютъ неуловимой прелестью своего своеобразнаго лепета—и въ ихъ пересказѣ эти разговоры становится и умнѣе, и проще, и понятнѣе, и сердечнѣе: „Всѣ студенты перестаютъ вѣрить въ Бога, потому что рѣжутъ трупы и ничего уже не боятся. Но когда приходитъ старость, то опять вѣрятъ и просятъ у Бога прощенья“.

Вотъ какъ умно, мило и простодушно разсудили дѣтки это дѣло о дядѣ Михаилѣ...

Вообще всѣ вопросы они обсуждаютъ правильно, гораздо правильнѣе, нежели ихъ обсуждаютъ взрослые. Такъ разсудили они и вопросъ о томъ, откуда берутся дѣти. Предположеніе о лопухѣ было опровергнуто, но зато предположеніе объ ангелахъ, которые приносятъ дѣтокъ было принято. Объ этомъ разсказывалъ Мошка, а Мошка знаетъ все таинственное, потому что „у Евреевъ многое бываетъ“. Вотъ какъ разсуждаютъ объ этомъ дѣтки, сидя ночью у таза со свѣчей, настроенные таинственно, такъ какъ знаютъ, что у мамы долженъ родиться ребеночекъ:

„— Да, такъ вотъ тогда Мошка много мнѣ разсказывалъ... и то, какъ родятся дѣти.

„— Ну?

„— Онъ говоритъ, у Бога есть два ангела: одинъ вынимаетъ изъ людей душу, а другой приноситъ новыя души съ того свѣта. Вотъ когда надо у кого-нибудь родиться ребеночку, та женщина дѣлается больна.

„— Отчего?

„— А оттого, что Богъ посылаетъ обоихъ ангеловъ: маршъ оба на землю къ такимъ-то людямъ и ждите моего приказа. Если на тѣхъ людей Богъ не разсердится, то говоритъ: положите ребенка около матери и ступайте оба назадъ. Тогда мать опять выздоравливаетъ. А иногда говоритъ: возьми ты, смерть, душу у матери. И тогда мать умираетъ. А иногда говоритъ: возьми и мать, и ребенка,—тогда оба умираютъ...

„— А знаешь что, добавилъ Голованъ, можетъ еще это и правда, потому что всегда боятся, когда надо ребенку родиться, и мама недавно говорила: а можетъ я умру.

„— А тетя Катя и умерла.

„— Ну, вотъ видишь.

„— Должно-быть этотъ ангелъ страшный.

„— Нѣтъ, зачѣмъ... я думаю, не очень страшный. Вѣдь онъ не по своей волѣ. Думаешь, ему очень пріятно, когда черезъ него всѣ плачутъ? Да что жь ему дѣлать? Богъ велитъ, — онъ долженъ слушаться. Онъ вѣдь не отъ себя.“

Такъ разсудили дѣтки — разсудили правильнѣе, поэтичнѣе и возвышеннѣе, чѣмъ разсуждаютъ многіе взрослые. Такъ думалъ и „дядя Генрихъ“, у котораго умерла Катя, и который не хотѣлъ, чтобъ она „обратилась въ порошокъ“, а хотѣлъ вѣрить, что она смотритъ съ неба и жалѣетъ. „Дядя Генрихъ“ прекрасно объяснилъ, почему онъ такъ думаетъ. Когда дѣтки разсказали объ ангелахъ, которые приносятъ ребеночка, и Вася, обращаясь къ старшимъ, спросилъ: „Что же это... все правда?“— дядя Генрихъ отвѣчалъ: „Все правда, мальчикъ, все это правда“! Но тутъ вмѣшался Михаилъ и у нихъ вышелъ споръ:

„Тогда Михаилъ, еще за минуту передъ тѣмъ утверждавшій, что ребятъ находятъ подъ лопухомъ, нетерпѣливо повернулся на стулѣ.

„— Не вѣрь, Маркъ! Все это — глупости, глупыя Мошкины сказки... Охота, — повернулся онъ къ Генриху, — забивать дѣтскую голову пустяками!

„— А ты сейчасъ не забивалъ ее лопухомъ?

„— Это не такъ вредно: это—очевидный абсурдъ, отъ котораго имъ отдѣлаться легче.

„— Ну, разскажи имъ ты, если можешь...

„— Ты знаешь, что̀ я могъ бы разсказать...

„— Что̀?

„Михаилъ звонко засмѣялся.

„— Физіологію... разумѣется, въ популярномъ изложеніи... Надѣюсь, это была бы правда.

„— Напрасно надѣешься...

„— То-есть?

„— Ты знаешь немногое, а думаешь, что знаешь все... А они чувствуютъ тайну и стараются облечь ее въ образы... *По-моему они ближе къ истинѣ*“.

Да, безъ сомнѣнія, дѣтки ближе къ истинѣ. Истины, *реальной* истины никто объ этомъ не знаетъ. Намъ доступны только общія очертанія ее да и то доступны болѣе нашему чувству, если оно не затемнено страстью самомнѣнія и гордости, нежели нашему разуму. Разумъ нашъ—если опять-таки онъ не затемненъ гордыней, если онъ не увѣровалъ самъ въ себя и не поклонился себѣ—разумъ нашъ въ безсиліи останавливается передъ подобными вопросами, и только, какъ гейневскій юноша спрашиваетъ:

Кто мнѣ откроетъ, что̀ тайна отъ вѣка:
Въ чемъ состоитъ существо человѣка,
Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ...

Но всѣмъ существомъ своимъ мы чувствуемъ здѣсь *тайну*, и если облекаемъ ее въ тѣ или иные образы, то конечно, мы все же ближе къ истинѣ нежели тѣ, которые вовсе не чувствуютъ *тайны*, хотя она очевидна. Эти не чувствующіе, не чувствуютъ просто по грубости своей нравственной организаціи, и, считая себя реалистами, именно дальше всѣхъ удаляются отъ реальной истины. Они подобны человѣку, который, не умѣя приспособить свой глазъ къ микроскопу, смѣется надъ тѣми, кто утверждаетъ, что въ чистой каплѣ воды кишатъ миріады организмовъ. Вотъ почему эти нравственно близорукіе и не видятъ ничего кромѣ прозы жизни, кромѣ міра явленій, кромѣ того условнаго и временнаго, что такъ скучно и такъ неспособно удовлетворить высокихъ запросовъ души человѣческой. А дѣтки своимъ незатемненнымъ внутреннимъ окомъ проникаютъ въ міръ поэзіи, въ тотъ міръ, который лишь отражается въ явленіи тускло и неполно.

Посмотрите, какую поэтическую грезу навѣваетъ Васѣ его вѣра въ то, что дѣтокъ приносятъ ангелы. Дѣйствіе происходитъ тамъ-же въ дѣтской, около таза со свѣчкой.

„Дождь, очевидно, совсѣмъ пересталъ. Прежній непрерывный шумъ разорвался, изъ-за него яснѣе выступили дальніе звуки: колыханіе древесныхъ верхушекъ, лай сонной собаки и еще какой-то тихій гулъ, который, начавшись гдѣ-то очень далеко, на самомъ краю свѣта, теперь понемногу выросталъ и подкатывался все ближе.

„— Кто-то ѣдетъ это,—сказалъ Мордикъ.

„— Далеко, въ городѣ.

„Среди сна и тишины ночи, нарушаемой только плескомъ воды изъ водосточныхъ трубъ да шелестомъ вѣтра, этотъ одинокій звукъ колесъ невольно приковывалъ вниманіе. Кто ѣдетъ, куда, въ эту странную ночь?.. Вася задумался. Ему представилась въ отдаленіи катящаяся по темнымъ и пустымъ улицамъ маленькая коляска,—непремѣнно маленькая, съ маленькими коваными колесиками, потому что и этотъ мелодичный рокотъ казался маленькимъ и тихимъ, хотя долеталъ ясно. Маленькія лошадки быстро отбиваютъ дробь копытами по мостовой, и маленькій кучеръ заноситъ руку съ кнутомъ. Кто же это ѣдетъ въ поздній часъ по улицамъ спящаго города?..

„Колеса рокотали, катились ближе, быстрѣе... Потомъ шумъ сразу оборвался — и послышалось только тихое тарахтѣніе по мокрой немощеной дорогѣ; то лязгъ обода о камешекъ, то скрипъ деревяннаго кузова прорывались время отъ времени и каждый разъ все ближе.

„— Полемъ ѣдетъ... къ намъ,—сказалъ Мордикъ.

„Домъ стоялъ на краю города, рядомъ съ широкимъ пустыремъ, заросшимъ бурьянами и травой. Кто же это могъ ѣхать къ нимъ ночью, да еще въ такую ночь, когда все такъ странно, и у нихъ долженъ родиться ребеночекъ? И сразу этотъ стукъ подъѣзжавшаго экипажа присоединился ко всему, что̀ было необычно, что̀ творилось у нихъ только въ одну эту ночь,..

„Затаивъ дыханіе, дѣти слушали, какъ отворялись ворота, какъ колеса шуршатъ по двору и подъѣзжаютъ къ крыльцу. Послѣ этого суетня усилилась, участилось хлопанье дверей и движеніе на той половинѣ.

„— Это привезли ребеночка?—спросила Маня.

„— Молчи!..

„— Вася прислушался, и въ его воображеніи рисовалась странная картина: ангелы вылѣзали изъ коляски, они бережно несутъ ребеночка, отдаютъ его мамѣ и поздравляютъ: все слава Богу, все слава Богу. Берите его себѣ, всѣ будутъ живы“...

„Все слава Богу, все слава Богу! Берите его себѣ всѣ будутъ живы“...

Эта дивная поэзія — поэзія особенная, тонкая, хрупкая, прозрачная, какъ бы вся сотканная изъ золотистыхъ, тонкихъ, какъ паутина, нитей — поэзія, укрѣпляющая любовь, питающая надежду. Намъ нужны эти добрые ангелы, ѣдущіе въ маленькой колясочкѣ, эти заботливые ангелы, которые радуются съ людьми и плачутъ съ ними и о нихъ, намъ нужна эта поэтическая греза, потому что безъ нее, съ одною физіологіей, съ одними „низкими истинами" и самая жизнь обратится въ голую и безплодную пустыню, населенную страшными и отвратительными призраками. Въ этой грезѣ и правда,—правда высокаго чувства — и правда объективная, нашедшая себѣ отраженіе въ этой правдѣ чувства—правда, говорящая о томъ, что не „физіологія," а таинственныя силы, проникающіе собою міръ, управляютъ жизнью людей—иначе эта жизнь не имѣла бы смысла и значенія, представлялась бы дикою и безпощадною безсмыслицей...

И эта безсмыслица жизни, и эта ея случайность проповѣдуются во имя разума. Разумъ не можетъ проникнуть въ сущность таинственнаго—но разумъ здравый, непомраченный разумъ можетъ понять и понимаетъ смыслъ его. Непомраченный разумъ отвращается отъ безсмысленнаго и случайнаго, не можетъ признать его и всегда признаетъ ту *тайну*, не проницаемую для разума, но которая даетъ смыслъ міру и жизни. Непомраченный разумъ понимаетъ, что логикой не исчерпывается все разнообразіе и глубина жизни, что разсужденіемъ нельзя объяснить смысла мірозданія—что этотъ смыслъ можно только *прозрѣвать* всею совокупностью неповрежденныхъ способностей души. Вотъ почему дѣтская сказка о томъ, какъ ангелы приносятъ ребеночка, поэтическое впечатлѣніе мальчика съ поэтичной душой *ближе къ правдѣ*, нежели всѣ наши раціональныя, а вѣрнѣе сказать, тупыя, грубыя и невѣжественно-самонадѣянныя разсужденія о смыслѣ міра и жизни... .

Въ этомъ заключается прекрасный и высокій смыслъ поэтичнаго разсказа г. Короленко. Этотъ разсказъ является какъ бы иллюстраціей къ словамъ Спасителя: „Если не обратитесь и не станете, какъ дѣти, не внидите въ Царство Небесное". „Не внидите въ царство небесное;" не узрите истины и здѣсь на землѣ. Мы видимъ этихъ дѣтей, изображенныхъ г. Короленко: прямыхъ, простодушныхъ, наивныхъ, съ чистымъ сердцемъ, съ свѣтлымъ разумомъ, не умствующихъ и воспринимающихъ все непосредственно. Ни самолюбіе, ни гордость, ни тщеславіе не затемня-

ютъ отъ нихъ истины, какъ затемняютъ отъ насъ. И вдумываясь въ смыслъ этихъ изображеній, мы поймемъ, что̀ значитъ „обратиться и стать, какъ дѣти;“ это значитъ путемъ тяжелаго подвига пріобрѣсти то простодушіе, то смиреніе, безъ которыхъ невозможно созерцать *истину*.

X.

Повидимому симпатіи автора склоняются на сторону „дяди Генриха“, который не хочетъ, чтобъ его Катя „превратилась въ порошокъ“, а хочетъ, чтобъ она смотрѣла съ неба и жалѣла—таково чувство автора, но онъ никакъ не можетъ *осмыслить* это чувство.

Очевидно, осмыслить это чувство мѣшаютъ ему разнообразные предразсудки современности, выше которыхъ онъ не можетъ стать. Онъ чувствуетъ, что въ жизни есть что-то таинственное, загадочное, непонятное одному человѣческому разуму, что есть таинственныя силы, управляющія судьбою людей, но этому чувству противорѣчитъ его мысль, воспитанная въ извѣстномъ направленіи, связанная предразсудками современности, и онъ никакъ не можетъ выйти изъ этого противорѣчія. Это вовсе не скептицизмъ. Въ современномъ человѣкѣ нѣтъ и слѣда серіознаго скептицизма. Это просто шаткость мысли, *мыслебоязнь*, вслѣдствіе которой современный человѣкъ можетъ уживаться со всевозможными противорѣчіями между мыслью и чувствомъ, лишь бы не выходить изъ того круга мыслей, къ которому онъ привыкъ, съ которымъ онъ освоился. Нѣтъ, это не скептицизмъ. Скептицизмъ, напротивъ, всегда „мыслитъ до конца“ и, сталкиваясь съ чѣмъ-нибудь непонятнымъ для разума, такъ и признаетъ непонятное непонятнымъ.

Великій скептикъ, принцъ Гамлетъ, столкнувшись съ этимъ таинственнымъ, непонятнымъ, говоритъ: „На землѣ и на небѣ, Гораціо, есть многое, о чемъ не смѣетъ думать твоя мудрость.“ Онъ говоритъ это тогдашнему *раціоналисту* Гораціо, который все стремится объяснить однимъ разсужденіемъ, не понимая, что есть тайны, въ которыя можно проникнуть только подъемомъ всей совокупности способностей души.

Нѣтъ, это не скептицизмъ. Современный человѣкъ, чувствуя *тайну*, не хочетъ признать ее, не хочетъ признать факта. Скеп-

тицизмъ всегда послѣдователенъ, онъ не останавливается на полдорогѣ, онъ не утѣшаетъ себя ничѣмъ, и если то, что̀ ему кажется *истиной*, предстанетъ предъ нимъ во всемъ своемъ безобразіи, онъ приметъ ее такою, какая она есть и не отступитъ. Достоевскій, говоря о современныхъ ему нашихъ самоубійцахъ, ужасался, что у нихъ нѣтъ „ни одного Гамлетовскаго вопроса:

Но страхъ, что будетъ *тамъ*...“

„Въ нашемъ самоубійцѣ“, писалъ онъ, „даже и тѣни подозрѣнія не бываетъ о томъ, что онъ называется *я* и есть существо безсмертное.“ Эти самоубійства Достоевскій называлъ „безмысленными“.

Бывали, конечно, такія самоубійства — и много; но бывали и другіе. Въ романахъ того же Достоевскаго мы находимъ изображеніе цѣлаго ряда самоубійствъ уже не „безмысленныхъ“. Смыслъ этихъ самоубійствъ, описанныхъ у Достоевскаго, у Толстаго (самоубійство Анны Карениной) заключался въ томъ, что натуры съ запросами идеальными, съ зачатками благородства и великодушія, но лишенныя „подпоры прочной“, увѣровали во зло и поклонились ему. А, конечно, *вѣра во зло* могла привести такія натуры только къ могилѣ...

Говоря о „безмысленныхъ“ самоубійцахъ, Достоевскій, въ видѣ контраста имъ, приводитъ въ примѣръ Вертера.

„Самоубійца Вертеръ“, пишетъ онъ, „кончая съ жизнью, въ послѣднихъ строкахъ имъ оставленныхъ, жалѣетъ, что не увидитъ больше „„прекраснаго созвѣздія Большой Медвѣдицы““, и прощается съ нимъ. О, какъ сказался въ этой черточкѣ только-что тогда начинавшійся Гете! Чѣмъ же такъ дороги были Вертеру эти созвѣздія? Тѣмъ, что онъ сознавалъ каждый разъ, созерцая ихъ, что онъ вовсе не атомъ и не ничто передъ ними, что вся эта бездна таинственныхъ чудесъ Божіихъ вовсе не выше его мысли, не выше его сознанія, не выше идеала красоты, заключеннаго въ душѣ его, а стало-быть равна ему и роднитъ его съ безконечностью бытія... и что за все счастіе чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто онъ? — *онъ обязанъ лишь своему лику человѣческому*.“

Тутъ же Достоевскій, подразумѣвая нашихъ „безмысленныхъ“ самоубійцъ, прибавляетъ: „У насъ разбиваютъ этотъ данный человѣку ликъ совершенно просто и безо всякихъ этихъ нѣмецкихъ фокусовъ“.

Пусть такъ. Пусть наши „физiологическiя“ самоубiйства совершались слишкомъ уже *просто*; но я даже имъ, подобнымъ самоубiйцамъ, не рѣшился бы поставить въ примѣръ „нѣмецкiе фокусы“. Не говорю уже о „психологическихъ“ нашихъ самоубiйствахъ (какъ самоубiйства изображенныя у Достоевскаго, у Толстаго, у Тургенева—подразумѣваю Клару Миличъ). Эти самоубiйства представляются дѣломъ очень сложнымъ, но совершались они точно, безъ „нѣмецкихъ фокусовъ“. Это показываетъ, что въ подобныхъ самоубiйствахъ нѣтъ и тѣни сентиментальности, что тутъ *реализмъ*, что человѣкъ на маломъ помириться не можетъ, что ему, для того, чтобы найти выходъ изъ сознаннаго имъ зла жизни, найти примиренiе и разрѣшенiе тѣхъ ужасающихъ контрастовъ, которыя предъявляетъ жизнь, что ему для этого мало Большой Медвѣдицы и *своего лика человѣческаго;* что безъ вѣры въ осязаемый, конкретный „Ликъ Христовъ“, который высится тамъ, *надъ* этими звѣздами, *надъ* этимъ небомъ, *надъ* „ликомъ человѣческимъ“, что безъ вѣры въ „Ликъ Христовъ“, который одинъ можетъ дать *всему* смыслъ и значенiе—и „лику человѣческому“, и этому небу, и этимъ звѣздамъ, въ которомъ одномъ свидѣтельство бытiя идеальнаго начала въ жизни и залогъ побѣды этого начала, что безъ вѣры въ Ликъ Христовъ и это небо, и эти звѣзды, и этотъ „ликъ человѣческiй“—такое же зло, такое же ничтожество, такой же безсмысленный обманъ, какъ и все остальное...

Принцъ Гамлетъ, этотъ великiй скептикъ, выразившiй собою всю тоску человѣчества, готовый истребить себя и остановленный только „Гамлетовскимъ вопросомъ“, (а ужъ никакъ не звѣздами и поклоненiемъ *своему лику человѣческому*)—принцъ Гамлетъ, столь родственный и близкiй нашей, русской душѣ, хорошо понималъ и чувствовалъ это. Онъ, жаждавшiй „укрыться отъ вѣтра“—отъ вѣтра жизни—„въ могилѣ“, онъ такъ говоритъ объ этомъ:

„Съ недавнихъ поръ утратилъ я всю мою веселость, оставилъ обычныя занятiя, и точно—душѣ моей такъ худо, что это прекрасное созданiе, земля, кажется мнѣ безплодною скалою, этотъ небосклонъ, эта величественная кровля, сверкающая золотымъ огнемъ, она мнѣ кажется только смѣшенiемъ ядовитыхъ паровъ. Какое образцовое созданiе человѣкъ! Какъ благороденъ разумомъ, какъ безграниченъ способностями, какъ значителенъ

и чудесенъ въ образѣ и движеніяхъ! И что же? Для меня это эссенція праха!"

Такъ говоритъ принцъ Гамлетъ, великій духъ котораго омрачился. Онъ не можетъ помириться на своемъ „ликѣ человѣческомъ" и на сентиментальныхъ „нѣмецкихъ фокусахъ".

Дѣло въ томъ, что всякій человѣкъ чему-нибудь да подчиняется, хотя бы и считалъ себя свободнымъ; весь вопросъ въ томъ—*чему* подчиняется человѣкъ? Одинъ подчиняется своей похоти, другой видитъ „свободу" именно въ подчиненіи какой нибудь теоріи, третій—своему „лику человѣческому", своей субъективной мысли, своему субъективному чувству, не провѣреннымъ ничѣмъ высшимъ, не утвержденнымъ ни на чемъ незыблемомъ. Но есть люди, которые, какъ Гамлетъ, разъ мысль ихъ разбужена—идутъ до конца, и потому не могутъ подчиниться ничему здѣшнему, земному, и вотъ они-то, не находятъ никакого исхода изъ своего глубокаго скептицизма и отчаянія до тѣхъ поръ, пока не найдутъ Бога, высшее, безконечное, всесовершенное Существо, стоящее внѣ міра.—Существо, въ которое они могутъ *свободно* увѣровать, которому они могутъ *свободно* поклониться. Только черезъ такую вѣру находятъ они примиреніе съ міромъ, съ жизнью, съ человѣкомъ—съ міромъ и жизнью, которые до того казались имъ „заглохшимъ садомъ", съ человѣкомъ, который до того представлялся имъ „эссенціей праха"... Да, скептицизмъ не отступитъ ни передъ чѣмъ. Если онъ не можетъ увѣровать въ высшее начало, дающее смыслъ міру и жизни, то онъ такъ и признаетъ, что жизнь есть безсмысленная случайность, міръ— „заглохшій садъ" а человѣкъ—„эссенція праха"— онъ посмотритъ этой ужасающей истинѣ прямо въ глаза и не станетъ себя утѣшать тѣмъ, что „наука" когда нибудь объяснитъ загадку жизни и устроитъ общее счастье человѣчества уже на раціональныхъ началахъ. Скептицизмъ мужественъ и не боится истины, а современный человѣкъ труслив, боится „мыслить до конца" и поддерживаетъ свое душевное равновѣсіе современными малодушными бреднями.

Вотъ эта то малодушная современная мысль о томъ, что тотчасъ же все и устроится къ общему благополучію, какъ только народъ сдѣлается такъ же равнодушенъ къ истинѣ, какъ и „интеллигенція", проникаетъ собою разсказъ г. Короленко *На затменіи*.

Тѣмъ не менѣе это превосходный разсказъ. Это всего только

впечатлѣніе туриста, но и въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ, связывающихъ фантазію, авторъ временами создаетъ истинно-художественныя картины.

Это потому, что у г. Короленко, какъ я уже не разъ замѣчалъ, настроенія его, сочувствія его, симпатіи и антипатіи почти всегда правильныя—но очень часто при совершенно неправильной и, что хуже, при совершенно шаблонной, проникнутой поверхностнымъ духомъ господствующей современности мысли. Это на первый взглядъ странное явленіе происходитъ отъ того, что какъ я только что сказалъ, современные люди совершенно потеряли способность „мыслить до конца"; они страдаютъ мыслебоязнью, недостаткомъ смѣлости, и эта болѣзнь дѣйствуетъ тѣмъ губительнѣе, что страдающіе ею не замѣчаютъ этого, въ полной увѣренности, что они-то и есть „свободные мыслители", и что наше время именно и есть время свободы мысли, что въ этомъ его характерная особенность.

А между тѣмъ, врядъ ли когда люди были опутаны столькими предразсудками, связывающими мысль, не дающими ей простору, усыпляющими ее, какъ именно въ наше время, врядъ ли когда люди были болѣе несвободны, нежели несвободенъ современный человѣкъ.

Во всѣ времена были предразсудки, всякій вѣкъ имѣлъ свои, но это были предразсудки болѣе или менѣе грубые, а, главное, такъ сказать, частные. Мысль человѣческая, мысль людей, способныхъ стать выше своего вѣка, легко побѣждаетъ предразсудки, грубые и частные; но нашъ вѣкъ, отдѣлавшись отъ предразсудковъ грубыхъ, замѣнилъ ихъ предразсудками очень тонкими, и притомъ имѣющими одинъ корень — въ предразсудкѣ общемъ. Изъ тонко, но прочно сплетенной сѣти этого предразсудка трудно вырваться мысли современнаго человѣка.

Въ нашъ вѣкъ человѣчество увѣровало въ свой разумъ, какъ въ абсолютный критерій истины и поклонилось ему: увѣровало не въ то, что этотъ разумъ, одухотворенный вѣрою, можетъ иногда проникать въ пути Божіи и въ тайны Божіи, явленныя въ природѣ, а въ то, что этихъ путей, этихъ тайнъ вовсе нѣтъ, и что человѣчество однимъ своимъ разумомъ должно и можетъ устроиться здѣсь, на теперешней землѣ, уже въ совершенной и окончательной гармоніи. Отсюда это преклоненіе передъ „ликомъ человѣческимъ", то - есть предъ *своимъ* ликомъ, и идущее на ряду съ нимъ отрицаніе безсмертной души человѣческой, а

слѣдовательно отрицаніе *абсолютной* цѣнности человѣческой личности; отсюда и взглядъ на человѣка только какъ на часть человѣчества. Вотъ почему на исторію человѣчества смотрятъ не какъ на искупительный подвигъ, не какъ на подвигъ очищающаго страданія, не какъ на тотъ „узкій путь", который приведетъ человѣка и человѣчество въ царствіе Божіе, а какъ на какое-то случайное скитаніе, въ которомъ нѣтъ никакого смысла, и которое только теперь, сейчасъ, должно быть освѣщено свѣтомъ человѣческаго разума. Этотъ разумъ человѣческій долженъ привести человѣчество къ какой-то неизвѣстной, но прекрасной цѣли. Не возникаетъ даже вопроса, что вѣдь нельзя идти къ цѣли, которой не знаешь, и самое существованіе которой есть всего только плодъ воображенія.

Таковъ этотъ странный предразсудокъ, таково, по моему глубокому убѣжденію, это дьявольское навожденіе — которое опутало современнаго человѣка тонкою, неуловимою, невидимою, но крѣпкою сѣтью; таковъ этотъ странный предразсудокъ, подъ вліяніями котораго помутился не только умъ, но и сердце человѣческое.

Этотъ же предразсудокъ произвелъ и другое явленіе: странную раздвоенность, какую можно замѣтить въ лучшихъ изъ современныхъ людей, опутанныхъ этимъ предразсудкомъ, ту раздвоенность, которую мы замѣчаемъ и въ г. Короленко, какъ писателѣ. Онъ не можетъ стать выше предразсудка своего вѣка, и вотъ у него „умъ съ сердцемъ не въ ладу". Его сердечныя сочувствія правильны, но мысль его опутана общимъ предразсудкамъ вѣка: онъ не свободенъ, онъ не можетъ „мыслить до конца", а потому не можетъ осмыслить своихъ собственныхъ сочувствій. Эта раздвоенность тѣмъ ярче сказывается, что настроеніе его очень близко къ настроенію христіанскому, а въ тоже время мысль его, подчиненная предразсудку вѣка, враждебна этому настроенію. Вотъ откуда и его недоумѣнія, и его скорбные вопросы.

Тоже недоумѣніе, тѣже вопросы мы находимъ и въ разсказѣ *На затменіи.*

Дѣло идетъ о солнечномъ затменіи, которое было 7-го августа 1887 года. Въ мѣстечкѣ Юрьевцѣ на берегу Волги собрались астрономы изъ столицъ и даже изъ-за границы, чтобы наблюдать затменіе. Этотъ пунктъ оказался самымъ удобнымъ. Туда же поѣхалъ и авторъ разсказа. Описаніе этой поѣздки сдѣлано прекрасно, изображеніе настроеній самого автора, народа,

отдѣльныхъ лицъ изъ простонародья, наконецъ, описаніе самаго затменія—все это истинно художественно. Описаніе временной обсерваторіи, мимоходомъ изображенная фигура старика ученаго, наблюдавшаго затменіе, истинно превосходно. Именно въ самомъ этомъ художественномъ изображеніи авторъ могъ бы найти полный и совершенно ясный отвѣтъ на свои недоумѣнія, но онъ, самъ создавшій это изображеніе, остается при недоумѣвающемъ вопросѣ—и только.

Въ народѣ, конечно, не понимали въ чемъ дѣло и простонародью страннымъ казалось, что затменіе *предсказано* астрономами и должно произойти именно въ предсказанный часъ и минуту. Страннымъ казалось народу и то, что астрономы и прочая публика съѣзжаются именно въ этотъ городокъ. „Дозвольте спросить, обратился одинъ изъ стражей къ кучкѣ молодыхъ господъ, проходившихъ впереди меня“, пишетъ авторъ— „нѣшто, къ примѣру, въ другихъ городахъ этой планиды не будетъ? На насъ однихъ Господь посылаетъ?“

Вообще, народное настроеніе по случаю затмѣнія, тревожное:

„Уже нѣсколько дней въ народѣ ходятъ толки о затменіи и о томъ, что въ Нижній съѣхались астрономы, которыхъ сѣрая публика зоветъ то „остроумами“, то „астроломами“. Слова эти часто слышны теперь на Волгѣ и звучатъ частію иронически („Иностранные остроумы! Больше Бога знаютъ...“), частію даже враждебно, какъ будто поднятая ими суета и непонятныя приготовленія сами по себѣ могутъ накликать грозное явленіе. Вчера съ вечера брошюра „о солнечномъ затменіи 7 августа 1887 года“ мелькала среди простой публики. Въ ней объяснялось, что такое затменіе, и почему удобно наблюдать его, между прочимъ, изъ Юрьевца. Но большинство пассажировъ третьяго, а также значительная часть втораго класса относилось къ ней сдержанно и даже съ оттѣнкомъ холодной вражды.

„Люди же „старой вѣры“ избѣгали брать ее въ руки и предостерегали другихъ.“

„Больше Бога знаютъ!“—въ этихъ словахъ общій тонъ простонародныхъ разсужденій. Въ толпѣ ходятъ, конечно, самые невозможные разсказы про „остроумовъ“ и про ихъ миссію. Доходитъ до того, что разсказываютъ за вѣрное, будто сторожу Гришкѣ велѣли крестъ съ себя снять и лишь подъ этимъ условіемъ взяли его въ сторожа:

„На палубѣ идетъ тихій говоръ, кое-гдѣ читаютъ молитвы и обсуждаютъ признаки пришествія антихриста... Одинъ изъ этихъ признаковъ имѣетъ чисто мѣстный характеръ. Какой-то старикъ разсказываетъ слушателямъ, что въ Юрьевецъ пріѣхалъ Нѣмецъ-остроумъ и склоняетъ на свою сторону народъ. Гришка съ заводу уже продался за 25 рублей...

„— Да вѣдь это его въ караульщики наняли, къ трубамъ, объясняетъ кто-то изъ темноты.

„— Въ караульщики!.. А крестъ да поясъ зачѣмъ приказалъ снять? Какъ это поймешь?..“

Иные старики помнятъ когда-то бывшее затменіе солнца, но тогда „никто не упреждалъ“, а теперь предсказано астрономами, и это больше всего ихъ смущаетъ. Старикъ раскольникъ, начетчикъ, не вѣритъ чтобы предсказаніе сбылось, а если сбудется, то произойдетъ вовсе не затменіе, а начнется кончина міра: „Солнце съ другой стороны подымется, земли будетъ трясеніе, люди не станутъ узнавать другъ дружку. А тамъ и міру скончаніе“.

Когда занялась заря, старикъ раскольникъ тоже появился на берегу, возлѣ временной обсерваторіи:

„Онъ смотритъ изъ-подъ насупленныхъ бровей глубоко сидящими угрюмыми глазами, и я сильно подозрѣваю, что это онъ именно почерпнулъ эти мрачныя пророчества въ какой-нибудь древней книгѣ, въ изъѣденномъ молью кожаномъ переплетѣ. Половина пророчества не оправдалась: солнце поднялось въ обычномъ мѣстѣ. Старецъ молчитъ, и по его лицу трудно разобрать, доволенъ ли онъ, какъ и прочіе безхитростные люди, или, быть-можетъ, онъ предпочелъ бы, чтобы солнце сошло съ предначертаннаго пути и міръ пошатнулся, лишь бы авторитетъ кожанаго переплета остался незыблемъ. Все время онъ стоялъ молча и затѣмъ молча же и удалился, не подѣлившись болѣе ни съ кѣмъ своею дряхлою думой...“

Но вотъ отрывокъ изъ описанія самого затменія:

„Однако, пока остается тонкій серповидный ободокъ солнца, все еще царитъ впечатлѣніе сильно поблѣднѣвшаго дня, и мнѣ казалось, что разсказы о темнотѣ во время затменій преувеличены. Неужели, думалось мнѣ, эта остающаяся еще ничтожная

искорка солнца, горящая какъ последняя, забытая свечка въ огромномъ мірѣ, такъ много значитъ?.. Неужели, когда она потухнетъ, вдругъ должна наступить ночь?

„Но вотъ эта искра исчезла. Она какъ-то порывисто, будто вырвавшись съ усиліемъ изъ-за темной заслонки, сверкнула еще золотымъ брызгомъ и погасла. И вмѣстѣ съ этимъ пролилась на землю густая тьма. Я уловилъ мгновеніе, когда среди сумрака набѣжала полная тѣнь. Она появилась на югѣ и, точно громадное покрывало быстро, пролетѣла по горамъ, по рѣкѣ, по полямъ, обмахнувъ все небесное пространство, укутала насъ и въ одно мгновеніе сомкнулась на сѣверѣ. Я стоялъ теперь внизу, на береговой отмели, и оглянулся на толпу. Въ ней царило гробовое молчаніе. Даже Нѣмецъ смолкъ и только метрономъ отбивалъ металлическіе удары. Фигуры людей сливались въ одну темную массу, а огни пожарища на той сторонѣ опять пріобрѣли прежнюю яркость...

„Но это не была обыкновенная ночь. Было настолько свѣтло, что глазъ невольно искалъ серебристаго луннаго сіянія, пронизывающаго насквозь синюю тьму обычной ночи. Но нигдѣ не было сіянія, не было синевы. Казалось, тонкій, не различимый для глаза пепелъ разсыпался сверху надъ землею, или будто тончайшая и густая сѣтка повисла въ воздухѣ. А тамъ, гдѣ-то по бокамъ, въ верхнихъ слояхъ чувствуется озаренная воздушная даль, которая сквозитъ въ нашу тьму, смыкая тѣни, лишая темноту ея формы и густоты. И надъ всею смущенною природой чудною панорамой бѣгутъ тучи, а среди нихъ борьба... Круглое, темное, враждебное тѣло точно паукъ впилось въ яркое свѣтило, и они несутся вмѣстѣ въ заоблачной вышинѣ. Какое-то сіяніе, льющееся измѣнчивыми переливами изъ-за темнаго пятна, придаетъ зрѣлищу движеніе и жизнь, а облака еще усиливаютъ эту иллюзію своимъ тревожнымъ, безшумнымъ бѣгомъ.

„— Владычице святая, Господь-батюшка, помилуй насъ грѣшныхъ! говоритъ какая-то старушка и бѣжитъ съ холмика ко мнѣ навстрѣчу.

„— Куда ты, тетка?..

„— Домой, родимый, домой помирать, видно, всѣмъ, помирать съ дѣтками съ малыми...“

Вся эта сумятица, произведенная затменіемъ, наводитъ автора на грустныя размышленія:

„Охъ, „„скоро ль будетъ день на святой Руси““, подумалъ я невольно“, пишетъ онъ,—„тотъ день, когда разсѣются призраки, недовѣріе, вражда и взаимныя недоразумѣнія между тѣми, кто смотритъ въ трубы и изслѣдуетъ небо, и тѣми, кто только припадаетъ къ землѣ, и въ изслѣдованіи видитъ оскорбленіе Бога?“

Таковъ недоумѣвающій вопросъ автора. Говоря другими словами, онъ спрашиваетъ, скоро ли прекратится недоразумѣніе между народомъ и образованными классами общества.

Мы прибавимъ еще вопросъ: кто виноватъ въ этомъ недоразумѣніи, въ этой розни?—и постараемся найти отвѣтъ на оба вопроса въ самомъ разсказѣ г. Короленко.

Недоразумѣніе между „тѣми, кто смотритъ въ трубы и изслѣдуетъ небо“, и народомъ прекратится тогда, когда эти изслѣдующіе небо усвоятъ себѣ народную точку зрѣнія, когда они поймутъ, что „затѣмъ *данъ* разумъ человѣку“, чтобъ онъ благоговѣйно изслѣдовалъ тайны Божіи, когда они усвоятъ то настроеніе, съ которымъ „смотрѣли въ трубы“ и „изслѣдовали небо“ Коперникъ и Ньютонъ, Кеплеръ и Тихо-де Браге, ибо это настроеніе народное есть вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянное настроеніе всѣхъ величайшихъ умовъ человѣчества, всегда чувствовавшихъ *тайну*, всегда понимавшихъ, что жизнь шире и глубже логическихъ разсужденій, что въ нѣдрахъ ея скрыто нѣчто таинственное, что можно не понимать а постигать.

Чтобы не искать примѣровъ въ вѣкахъ прошедшихъ, отдаленныхъ отъ насъ, возьмемъ одного изъ величайшихъ писателей нашего вѣка—Карлейля. Вотъ что мы читаемъ въ его книгѣ *О герояхъ*.

„Первый мыслитель, среди дикихъ людей, первый человѣкъ, начавшій мыслить, представлялъ собою именно такого возмужавшаго ребенка — Платона: *простосердечный и откровенный, какъ дитя; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ уже чувствуется сила и глубина зрѣлаго человѣка*. Онъ не далъ еще природѣ названія, онъ не объединилъ еще въ одномъ словѣ все это безконечное разнообразіе зрительныхъ впечатлѣній, звуковъ, формъ движеній, что мы теперь называемъ общимъ именемъ—*вселенная*, *природа* или какъ-нибудь иначе, и такимъ образомъ отдѣлываемся отъ нихъ однимъ словомъ. Для дикаго, глубоко-чувствовавшаго человѣка все было еще ново, не прикрыто словами и формулами;

все стояло передъ нимъ обнаженное, ослѣпляло его своимъ свѣтомъ, прекрасное, грозное, невыразимое. Природа была для него тѣмъ, *чѣмъ она остается всегда для мыслителя и пророка—сверхъ*—естественной. Эта скалистая земля, зеленая и цвѣтущая, эти деревья, горы, рѣки, моря со своимъ вѣчнымъ говоромъ, это необозримое, глубокое море лазури, рѣющее надъ головой человѣка; вѣтеръ, проносящійся вверху; черныя тучи, громоздящіяся одна на другую, постоянно измѣняющія свои формы и разражающіяся то огнями, то градомъ и дождемъ—что̀ такое все это? Да, что̀? Въ сущности мы не знаемъ этого до сихъ поръ *и никогда не въ состояніи будемъ узнать*. Мы избѣгаемъ затруднительнаго положенія, вовсе не потому, что обладаемъ бо̀льшею прозорливостью, а благодаря своему легкому отношенію, своему невниманію, *недостатку* глубины въ нашемъ взглядѣ на природу. Мы перестали удивляться всему этому только потому, что *перестаемъ думать* объ этомъ. Вокругъ нашего существа образовалась толстая, затвердѣлая оболочка традицій, ходячихъ фразъ, однихъ только *словъ*, плотно и со всѣхъ сторонъ обволакивающая всякое понятіе, какое мы ни составили бы себѣ. Мы называемъ этотъ огонь, прорѣзывающій черное, грозное облако „„электричествомъ““, изучаемъ его научнымъ образомъ и путемъ тренія шелка и стекла вызываетъ нѣчто подобное ему, но что̀ такое оно? Что̀ производитъ его? Откуда появляется оно? Куда исчезаетъ? Наука много сдѣлала для насъ; *но жалка та наука, которая бы захотѣла скрыть отъ насъ всю громаду, глубину, святость нескончаемаго невѣдѣнія, куда мы никогда не можемъ проникнуть и на поверхности котораго все наше знаніе плаваетъ, подобно легкому налету*. Этотъ міръ, несмотря на все наше знаніе и на всѣ наши науки, остается до сихъ поръ чудомъ, удивительнымъ, неисповѣдимымъ, *волшебнымъ* для всякаго, кто *задумывается* надъ нимъ“.

„Для первобытныхъ людей“, замѣчаетъ Карлейль далѣе—„всѣ предметы и всякій предметъ, какой только они видѣли существующимъ рядомъ съ собой, представлялся эмблемою божественною, эмблемой какого-то Бога“. „И обратите вниманіе“, продолжаетъ онъ, „какая непрерывающаяся никогда нить истины проходитъ здѣсь. Развѣ божество не говоритъ такъ же и нашему уму въ каждой звѣздѣ, въ каждой былинкѣ, если мы только откроемъ свои глаза и свою душу? Наше почитаніе не имѣетъ теперь такого характера, но не считается развѣ до сихъ поръ

особымъ даромъ, признакомъ того, что мы называемъ „„поэтической натурой““ способность видѣть въ каждомъ предметѣ его божественную красоту, видѣть насколько каждый предметъ представляетъ дѣйствительно „„окно, черезъ которое мы можемъ заглянуть въ самую безконечность““? Человѣка, способнаго въ каждомъ предметѣ подмѣчать то, что заслуживаетъ любви, мы называемъ поэтомъ, художникомъ, геніемъ, человѣкомъ одареннымъ, любвеобильнымъ. Эти бѣдные сабеиты дѣлали на свой ладъ то же, что дѣлаетъ и такой великій человѣкъ. Какимъ бы образомъ они ни дѣлали это, во всякомъ случаѣ уже одно то, что они дѣлали, говоритъ въ ихъ пользу; *они стояли выше, чѣмъ современный глупый человѣкъ, ни о чемъ подобномъ не помышляющій*".

Вотъ какъ думаетъ Карлейль, великій мыслитель, постигшій всю мудрость вѣковъ, вотъ каково его настроеніе. Точно такъ же думаетъ нашъ народъ, „простосердечный и открытый какъ дитя, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладающій уже силою и глубиной взрослаго человѣка". Что это такъ, можно видѣть изъ самого разсказа г. Короленко.

Если въ народѣ есть грубые предразсудки — результатъ его „темноты", если эта темнота народная отражается созданіемъ нелѣпыхъ разсказовъ и слуховъ—то общее настроеніе народное совершенно правильное. Это общее настроеніе, какъ видно и изъ разсказа г. Короленко, настроеніе благоговѣйнаго страха передъ таинственными явленіями природы, настроеніе покаянія и молитвы, страха передъ тѣмъ, чтобы гнѣвъ Божій не засталъ душу неприготовленною. Шелуха народныхъ предразсудковъ облекаетъ собою драгоцѣнную жемчужину—*вѣру*, и плодъ этой вѣры—страхъ не за свое тѣло, а за свою душу.

Кто же правѣй, чье настроеніе правильнѣе: настроеніе народное, которое по существу своему совпадаетъ съ настроеніемъ величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ, или настроеніе образованнаго общества? Какъ сойтись народу съ обществомъ, если это общество не имѣетъ уже вѣры, не страшится уже за свою душу, а увѣрено только въ своемъ разумѣ, именно въ той „наукѣ", которую великій мыслитель, Карлейль, называетъ „жалкою" и въ безграничной власти этого разума и этой „науки", надъ природой? Что будетъ хорошаго, если это общество, если эти „изслѣдующіе небо", разрушая въ народѣ шелуху предразсудковъ, повредятъ и заключенное въ этой шелухѣ зерно вѣры? Могутъ ли

сказать „остроумы", что истина, вся, полная истина извѣстна имъ, что на землѣ и на небѣ для нихъ нѣтъ ничего таинственнаго и загадочнаго? А если они скажутъ это, то будетъ ли это правда?

Припомнимъ „отвѣтъ дяди Генриха" одному изъ „остроумовъ" утверждающему, что онъ знаетъ все, знаетъ „въ чемъ состоитъ существо человѣка, какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ", — и что все это открываетъ ему „физіологія".

„Ты знаешь немногое", говоритъ „дядя Генрихъ", „а думаешь, что знаешь все. А они (дѣти) чувствуютъ тайну и стараются облечь ее въ образѣ. *По-моему, они ближе къ истинѣ*".

Тоже самое можно сказать и „остроумамъ", думающимъ, что они знаютъ все или могутъ узнать все. Невѣжественный народъ, чувствующій тайну и облекающій ее въ образы, безъ сомнѣнія, *ближе къ истинѣ*, уже потому ближе, что стремится къ *полнотѣ познанія*, а не удовлетворяется лишь частью его.

И только тогда, когда „остроумы" съумѣютъ соединить очищенное отъ предразсудковъ правильное настроеніе народное съ тѣмъ, что создано наукой, съ живымъ духомъ изслѣдованія, только тогда, когда образованное общество станетъ дѣйствительно образованнымъ, дѣйствительно просвѣщеннымъ, станетъ дѣйствительно *свободно* мыслить, „мыслить до конца", то-есть проникнется духомъ и настроеніемъ величайшихъ умовъ всѣхъ вѣковъ—только тогда оно будетъ въ состояніи правильно уничтожать шелуху народныхъ предразсудковъ, не повреждая драгоцѣннаго зерна, заключеннаго въ этой шелухѣ.

„Остроумамъ" можно напомнить вѣчныя слова: „вынь бревно изъ своего глаза"—освободить отъ современныхъ ходячихъ предразсудковъ, отъ суевѣрія той *жалкой* науки, о которой говоритъ Карлейль, „и тогда увидишь *какъ* вынуть порошинку изъ глаза ближняго"—порошинку народныхъ суевѣрій и предразсудковъ.

И вотъ когда образованное общество проникнется такимъ настроеніемъ, когда оно станетъ дѣйствительно образованнымъ тогда, быть-можетъ, „наступитъ день на святой Руси" и уничтожится та рознь, которая существуетъ между народомъ и тѣми, „кто смотритъ въ трубы и изслѣдуетъ небо".

XI.

Какой же теперь возможенъ „день на святой Руси“—если для насъ эта Русь уже не есть *святая* Русь, если мы этотъ полный глубокаго смысла эпитетъ ставили единственно потому, что, какъ говорится, „изъ пѣсни слова не выкинешь“, если лучшіе, даровитѣйшіе люди, какъ хотя бы тотъ же г. Короленко, люди „одаренные“, имѣющіе даръ Божій—талантъ—если такіе люди, опутанные современными суевѣріями, бродятъ какъ въ потемкахъ и никакъ не могутъ выйти изъ лабиринта безнадежныхъ противорѣчій? Я не говорю уже о прочихъ, о „посредственности хладной, завистливой, къ соблазну жадной“, которой ничего не нужно, которая рѣшительно равнодушна ко всему, кромѣ своего эгоистотическомъ *я*, которая въ области умственной и нравственной довольствуется тѣмъ, что прицѣпливаетъ къ себѣ какой нибудь безсмысленный ярлыкъ, свидѣтельствуетъ о себѣ словами, не имѣющими никакого человѣческаго смысла: либералъ, консерваторъ, радикалъ, народникъ. Между тѣмъ, какъ всѣ эти либералы, консерваторы, радикалы, народники, соціалисты и т. д. всѣ, носящіе ярлыкъ, отмѣтку, уже потому, что носятъ ярлыкъ, могутъ быть обозначены однимъ общимъ именемъ, „безъ различія партій и направленій“—именемъ обыкновенной житейской пошлости. Потому чтокакой же человѣкъ, дѣйствительно мыслящій и чувствующій, можетъ раздѣлять мнѣніе *партіи* или *направленія*. *Всякая* мысль, какъ только она дѣлается мыслью партійною—обращается въ пошлость; *всякая* мысль, какъ только она обращается въ направленіе, теряетъ и свою глубину, и свой цвѣтъ, обращается опять таки въ „общедоступную“ пошлость.

Гдѣ-то я читалъ слѣдующій анекдотъ о Писемскомъ. Онъ выходилъ изъ театра послѣ представленія надѣлавшей шуму піесы. Къ нему подскочилъ какой-то репортеръ. „А. Ѳ.! Что вы думаете о піесѣ?“—„*Вовсякомъ случаѣ* не то что, вы“, отвѣчалъ Писемскій.

Человѣкъ, дѣйствительно мыслящій, дѣйствительно чувствующій, дѣйствительно ищущій истины, а не равнодушный къ ней, такъ точно отвѣтитъ всякимъ „партіямъ“ и „направленіямъ“, такъ точно отвѣтитъ на *всѣ* современныя ходячія мнѣнія: „*во всякомъ случаѣ* не то, что вы“.

Вотъ что надобно бы запомнить г. Короленко, который, къ сожалѣнію, если не въ чувствѣ своемъ, то въ мысли своей подчиняется инымъ ходячимъ мнѣніямъ.

Онъ чувствуетъ, правильно, а мыслитъ, подчасъ, какъ заурядный „интеллигентъ", выхваченный прямо изъ дюжины. Онъ чувствуетъ и безконечную значительность природы, и ея красоту, и ея тайну. Прочтите его прелестный очеркъ *Рѣка играетъ*, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ томъ же очеркѣ онъ создаетъ прелестный, полный жизни народный типъ. Вѣдь этотъ его перевощикъ Тюлинъ—изумительная фигура, изображенная съ поразительнымъ юморомъ, какъ бы сливающимся съ юморомъ самого народа. Тотъ же юморъ мы находимъ въ другомъ прелестномъ разсказѣ *Іомъ-Кипуръ*. Очевидно, въ этомъ разсказѣ авторъ вдохновился ранними созданіями Гоголя—но это не подражаніе имъ, а совершенно самостоятельное творчество, лишь проникнутое гоголевскимъ настроеніемъ эпохи *Вечеровъ на хуторѣ*. А прелестный образъ крестьянской дѣвушки, Гали? Какъ онъ простъ и реаленъ и въ то же время онъ дышитъ всѣмъ обаяніемъ свѣжей поэзіи, поэзіи безконечныхъ полей, бѣгущей среди камышей рѣчки, поэзіей яворовъ и плакучихъ ивъ, обрамляющихъ эту рѣчку.

Но и въ лучшихъ разсказахъ г. Короленко чувствуется мѣстами что-то холодное, дѣланное—холодное равнодушіе, съ какимъ онъ отворачивается отъ иныхъ значительныхъ и поэтичныхъ явленій жизни. Особенно это чувствуется въ его разсказѣ *За иконой*.

Тема разсказа—перенесеніе изъ города въ отдаленный монастырь чудотворной иконы. Авторъ со своимъ пріятелемъ, сапожникомъ Андреемъ Ивановичемъ, отправляется, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ пѣшкомъ „за иконой", и въ разсказѣ своемъ передаетъ рядъ впечатлѣній, вынесенныхъ ими изъ этого путешествія.

Въ разсказѣ есть прекрасныя отдѣльныя сцены, написанныя съ юморомъ и живо, но нѣтъ главнаго—настроенія, души. Въ самомъ героѣ разсказа, сапожникѣ Андреѣ Ивановичѣ схвачено главнымъ образомъ только внѣшнее: внѣшняя забавность его. Это внѣшнее схвачено мастерски. Когда бѣдный Андрей Ивановичъ, по своему простодушію и излишней страстности во всѣхъ дѣлахъ, попадаетъ впросакъ—авторъ описываетъ его положеніе такъ живо и съ такимъ добродушіемъ, что невольно смѣешься добродушнымъ, веселымъ смѣхомъ. Но и въ томъ, въ чемъ есть

не только внѣшне—смѣшное, а и иное, болѣе глубокое, авторъ кромѣ смѣшного ничего не видитъ.

Такъ Андрей Ивановичъ, человѣкъ религіозный, вступаетъ въ споры съ раскольничьими начетчиками, въ споры, кончающіеся чуть ли не дракой. Конечно, тутъ есть сторона юмористическая, но не только эта, но авторъ только ею и пользуется въ своемъ изображеніи.

А между тѣмъ образъ этого простонароднаго, какого-то угрюмаго и добродушнаго Донъ-Кихота задуманъ авторомъ очень не дурно; кое-гдѣ въ обрисовкѣ этого лица мелькаютъ черты типичныя; но въ общемъ оно испорчено поверхностнымъ отношеніемъ къ нему автора.

Авторъ рѣшительно не обращаетъ вниманія на душевную жизнь своего героя. Даже о душевномъ состояніи самого автора мы имѣемъ возможность узнать гораздо болѣе нежели о душевномъ состояніи Андрея Ивановича. Мы узнаемъ, что автора побудило пойти „за иконой“ отчасти любопытство, отчасти желаніе ознакомиться съ религіозною жизнью народа; по какому же побужденію идетъ „за иконой“ Андрей Ивановичъ — этого не видно. Такъ какъ онъ споритъ съ раскольниками о предметахъ вѣры, такъ какъ и авторъ вскользъ упоминаетъ, что Андрей Ивановичъ человѣкъ набожный, можно догадываться, что онъ пошелъ за иконой ради набожности, но только догадываться. Какія впечатлѣнія переживалъ Андрей Ивановичъ путешествуя „за иконой“, изъ чего складывались эти впечатлѣнія, какъ и чѣмъ душа Андрей Ивановича отзывалась на нихъ — все это остается совершенно темнымъ въ изображеніи г. Короленко.

Между тѣмъ мы знаемъ, какъ простые, набожные люди ходятъ на богомолье. Вѣдь былъ же Андрей Ивановичъ у обѣдни, непремѣнно служилъ молебенъ, панихиду, подавалъ поминанья, просфоры — вообще молился; вѣдь при совершеніи всего этого въ душѣ его происходилъ тотъ или иной психологическій процессъ, вѣдь онъ же мыслилъ и чувствовалъ среди всей этой обстановки, отзывался мыслью и чувствомъ на всѣ эти впечатлѣнія. Гдѣ же все это? Въ разсказѣ г. Короленко всего этого нѣтъ и слѣда...

Поражаетъ так же мѣстами тонъ разсказа—сухой и ненатуральный. Авторъ какъ бы старается подчеркнуть съ особою сухостью и тщательностью, что вѣдь онъ только посторонній зритель, ни мало не причастный ко всѣмъ этимъ... „суевѣріямъ“.

Мѣстами онъ даже и къ Андрею Ивановичу относится съ тою же дѣланною сухостью, какъ бы желая сказать: „вѣдь я его только наблюдаю, какъ интересный субъектъ, а что же у насъ можетъ быть общаго?“ Желаніе выгородить себя отъ подозрѣнія въ сочувствіи „суевѣріямъ“ доходитъ даже до какой-то странной притупленности ощущеній. Вотъ авторъ ставитъ свѣчи предъ иконой—и тотчасъ же тщательно и сухо оговаривается: „поставивъ предъ иконой нѣсколько свѣчей по порученію, данному мнѣ какими-то старушками, я вышелъ.“

Послѣ разсказа о чудесахъ, который можетъ и долженъ быть чрезвычайно поэтиченъ, но котораго пересказать поэтично г. Короленко не съумѣлъ, нашъ авторъ опять заботится только о томъ, чтобы нельзя было его заподозрить въ сочувствіи „суевѣріямъ“. И опять сухой, канцелярскій тонъ...

Я не разъ указывалъ на *поэзію*, составляющую главную прелесть тона г. Короленко въ лучшихъ его разсказахъ. Здѣсь же у него нѣтъ и намека на поэзію, несмотря на всю поэтичность темы. Что же это значитъ?

Значитъ, что нашему автору, собственно говоря, слѣдовало бы пропустить тотъ рядъ явленій, какія онъ тронулъ въ своемъ разсказѣ *За иконой*, потому что изобразить *художественно* все то, что необходимо такъ изобразить въ подобномъ разсказѣ, можно лишь самому имѣя теплую вѣру, а во всякомъ случаѣ *свободу духовную*, которой у нашего автора нѣтъ...

Дѣло въ томъ, что истинные таланты (не говоря о размѣрахъ этихъ талантовъ) умѣли—и при міросозерцаніи повидимому далекомъ отъ непосредственной вѣры—улавливать въ душѣ человѣческой и передавать въ образахъ высокое религіозное настроеніе.

Такъ Пушкинъ создалъ дивный монологъ патріарха о чудѣ св. Димитрія *(Борисъ Годуновъ)* въ тотъ періодъ своей жизни, когда его міросозерцаніе еще далеко отстояло отъ непосредственной вѣры; такъ Тургеневъ, всю жизнь остававшійся пессимистомъ съ оттѣнкомъ матеріалистическаго мистицизма, создаетъ свою Лизу; такъ Толстой, человѣкъ не вѣрующій въ то время (какъ это видно изъ его *Исповѣди*), въ *Дѣтствѣ и Отрочествѣ* создаетъ трогательный образъ юродиваго; Гете, „великій язычникъ,“ пантеистъ Гете, создаетъ Гретхенъ, все существо которой проникнуто теплымъ, религіознымъ чувствомъ—онъ проникаетъ въ ея душу, улавливаетъ въ этой душѣ самыя тонкія, самыя глубокія движенія этого чувства...

Что же помогало всѣмъ имъ, какъ же могли они заставить звучать тѣ струны, на которыя, повидимому, не было отзвука въ ихъ душахъ? Помогало поэтическое настроеніе соединенное съ *свободою духовною*. Поэзія уже сама въ себѣ носитъ элементъ религіозный; человѣкъ, хотя бы и не вѣрующій, но обладающій *свободой духовной* — пусть не вѣритъ, но *смѣетъ вѣрить*. Вотъ почему онъ смѣло проникаетъ силой поэзіи въ область вѣры, въ область религіозную; онъ не можетъ вѣрить, но *смѣетъ* вѣрить, а еслибы могъ, то и повѣрилъ бы. Онъ человѣкъ свободный и не ограждаетъ себя малодушно ни отъ чего...

Г. Короленко не свободенъ духовно и, вотъ почему поэзія оставляетъ его, какъ только онъ касается области религіозной, вотъ почему онъ не можетъ проникнуть въ душу вѣрующаго, уловить настроеніе этой души.

По поводу разсказа *За иконой* мнѣ невольно припоминается одно изъ прекрасныхъ созданій русской поэзіи. Я говорю объ одномъ стихотвореніи Майкова, которое сейчасъ приведу цѣликомъ, такъ какъ оно освѣтитъ намъ дѣло лучше всякихъ разсужденій:

Дорогъ мнѣ передъ иконой
Въ свѣтлой ризѣ золотой
Этотъ ярый воскъ, возженый
Чьей — невѣдомо — рукой...
Знаю я,—свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ,
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ;
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую, трепетной душой.
Это — мѣдный грошъ вдовицы,
Это — лепта бѣдняка,
Это — можетъ быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души..

Безъ сомнѣнія, это удивительное стихотвореніе произведетъ сильное впечатлѣніе на всякаго способнаго чувствовать поэзію, будь онъ вѣрующій или нѣтъ. И, хотя Майковъ, какъ видно изъ многихъ его произведеній, человѣкъ глубоко вѣрующій, но такое стихотвореніе могъ создать и поэтъ съ инымъ міросозерцаніемъ, *но свободный духовно*, не ограждающій себя ни отъ какихъ впечатлѣній жизни.

Вотъ другой поэтъ, Огаревъ, деистъ по міросозерцанію,—но, какъ истинный, свободный духомъ поэтъ, онъ смѣло усвоиваетъ себѣ чуждое его міросозерцанію настроеніе и создаетъ слѣдующее, поражающее своею искренностью стихотвореніе:

Молю Тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже,
Дай людямъ миръ...
Благослови страдальца сонъ и нищенское ложе
И слезы тихія любви,
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ свои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани...

У г. Короленко именно и нѣтъ той свободы духовной, которая бы дала ему возможность найти высокую поэзію въ религіозныхъ движеніяхъ души человѣческой. Вотъ почему всѣ его впечатлѣнія, вынесенныя изъ путешествія „за иконой" или мелочныя, общежитейскія впечатлѣнія, или сухія, такъ-сказать, притупленныя. Тамъ гдѣ свободный духомъ поэтъ „этихъ свѣчъ знаменованье чуетъ трепетной душой", нашъ не свободный духомъ авторъ видитъ только обыкновенное „суевѣріе". Онъ не замѣчаетъ той дѣйствительной и великой *правды*, скрытой подъ оболочкой кажущагося ему „суевѣрія", той правды, которую почувствовалъ поэтъ:

Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ...

Онъ, не свободный духомъ, тупо и внѣшне воспринимаетъ впечатлѣнія, а потому онъ не можетъ почувствовать, что все передъ нимъ совершающееся есть—

....свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши...

„Въ дикомъ мракѣ и глуши" жизни—всей жизни вообще, и той, какою живетъ самъ авторъ и окружающее его общество.

Скованная несвободой духовной фантазія автора тухнетъ и не разгорается; его поэтическое чувство замираетъ и не отзывается на самыя поэтичнѣйшія впечатлѣнія. Онъ не можетъ уже почувствовать, что весь глубокій смыслъ разсказа на взятый имъ сюжетъ именно и заключается въ томъ, чтобы уловить—

Это свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши...

Вотъ почему въ разсказѣ г. Короленко прежде всего нѣтъ *реальной правды*, нѣтъ картины, а есть только фонъ ея, да и то плохо сдѣланный. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ пьяница—купчикъ, ѣдущій на богомолье и по дорогѣ подбирающій мѣщанскихъ дѣвицъ, желающихъ побаловаться подъ видомъ благочестія; развѣ всѣ эти отрывочно проходящіе въ разсказѣ фигуры развеселыхъ богомольцевъ и богомолокъ; развѣ, наконецъ, самъ Андрей Ивановичъ, взятый съ тѣмъ внѣшнимъ пріемомъ, съ какимъ взялъ его авторъ—развѣ все это въ самомъ лучшемъ случаѣ, можетъ являться чѣмъ нибудь кромѣ фона? Но этого мало. Нашъ авторъ, несвободный духовно, не только не даетъ воли своей фантазіи для созданія надлежащихъ образовъ, не только не даетъ воли своему поэтическому чувству для созданія надлежащаго настроенія, онъ даже пропускаетъ и то, что прямо попадается ему на глаза...

Вотъ что мы читаемъ въ одномъ мѣстѣ разсказа:

„— Пройдя еще съ полверсты, Андрей Ивановичъ толкнулъ меня локтемъ и круто остановился.

„— Гляди-ка, старушка-то... ай-ай-ай!

„Въ сторонѣ, по тропинкѣ, опираясь на палку и сгорбившись, плелась какая-то старуха. Очевидно, каждый шагъ давался ей очень трудно. Сгорбленная спина качалась, голова, опущенная внизъ, дрожала, ноги передвигались съ трудомъ. Она не поднимала глазъ и сосредоточенно смотрѣла только подъ ноги, отмѣривая шагъ за шагомъ своего многотруднаго пути.

„— Матушка, а матушка! окликнулъ ее Андрей Ивановичъ.

„— Что тебѣ, касатикъ?

„Въ голосѣ старушки слышалось усиліе. Она подняла сморщенное лицо съ потускнѣвшимъ взглядомъ и посмотрѣла на Андрея Ивановича, продолжая шагать попрежнему.

„— Ты какъ же это, а? недоумѣвалъ мой впечатлительный спутникъ.—Чай вѣдь трудно?

„— Трудно, родимый, трудно! Главное дѣло ноги вотъ, ноги не ходятъ, — стара.

„Слеза выкатилась изъ моргающаго глаза и упала на песокъ дорожки. Андрей Ивановичъ дѣлалъ какія-то нелѣпыя движенія, что у него служило признакомъ внутренняго волненія.

„— Нешто этакъ возможно? Вѣдь тебѣ никакъ не дойти.

„— Авось, матушка Владычица донесетъ. Порадѣть хочется Матушкѣ... Стара... Помирать скоро, — порадѣть хочется. А что, далеко ли еще до Каменки, до ночлегу?

„— Верстъ еще двѣнадцать.

„— Охъ, батюшки, далеко!.. Иди, иди, касатикъ. Не смотри на меня, старую... Негоже вамъ глядѣть-то... Ноженки-то у васъ рѣзвыя, а я, вишь, измучилась... Не замай, проходите, родимые...

„Мы двинулись дальше, и оба долго молчали. Наконецъ, остановившись, по обыкновенію, неожиданно, Андрей Ивановичъ посмотрѣлъ на меня долгимъ укоризненнымъ взглядомъ.

„— Неужели это она напрасно?.. Думаете, не зачтется? Не можетъ-быть, враки!..“

Только всего и есть въ разсказѣ о старушкѣ, а между тѣмъ образъ этой уже дѣйствительной „подвижницы“ долженъ быть однимъ изъ центральныхъ образовъ подобнаго разсказа. Но несвободный духомъ авторъ пропускаетъ его мимо, ограничиваясь лишь недоумѣвающимъ вопросомъ Андрея Ивановича.

Проникнуть въ душу этой подвижницы, выставить наружу „всѣ изгибы“ этой души, осмыслить свое впечатлѣніе мѣшаетъ автору все то же рабство духовное, губящее его дарованіе.

Освободиться отъ этого рабства духовнаго „вымести изъ души соръ давно изжитаго наслѣдья“, посмотрѣть на всѣ явленія жизни широкимъ и смѣлымъ взглядомъ художника, не бояться даже подлинныхъ и дѣйствительныхъ предразсудковъ, а стараться, по слову поэта, и въ нихъ отыскать „обломокъ древней правды“ — наконецъ, освободить свою душу отъ оковъ иного характера предразсудковъ и суевѣрій — отъ „общеинтеллигентныхъ“ предразсудковъ и суевѣрій — вотъ чего отъ души пожелаетъ автору всякій *искренній* почитатель его прекраснаго дарованія... *Правда*, гдѣ бы она ни была, одна правда должна руководить перомъ художника, а въ рабствѣ духовномъ нѣтъ правды и быть не можетъ..

Ю. Николаевъ.

О ПОЭЗІИ ФЕТА.

Критическій очеркъ.

О, еслибъ безъ слова
Сказаться душой было можно!
А. А. Фетъ.

I.

Необходимое условіе поэзіи—дать больше, чѣмъ могутъ дать слова.

Задача поэзіи—высказать душу, раскрыть то, чѣмъ дѣйствительно живетъ человѣкъ, то-есть его внутреннюю жизнь, закрытую отъ другихъ людей. Средство поэзіи—слова. Но сколько бы въ языкѣ ни было словъ, ограниченное число ихъ во всякомъ случаѣ недостаточно для выраженія безконечнаго ряда мгновеній, изъ которыхъ слагается душевная жизнь. Кромѣ того, слова—только условные знаки, имѣющіе одинаковое значеніе для всѣхъ, и это общее, неизмѣнное, заключающее въ себѣ лишь то, что̀ доступно всѣмъ, никогда не можетъ передать всего разнообразія отдѣльной, личной жизни. Поэтому прозаическая рѣчь, въ которой слова должны подчиняться своему точному, буквальному смыслу, являясь неоцѣненнымъ орудіемъ практической жизни, совершенно безсильна высказать душевную жизнь личности. Для этой цѣли необходимо иное средство, и такое средство есть искусство, художественное творчество.

Человѣкъ, отъ начала своей исторіи стремившійся разсказать то, что̀ скрыто у него въ душѣ, заключенной въ границы индивидуальнаго существованія, изобрѣлъ не мало такихъ средствъ. Въ архитектурныхъ произведеніяхъ, въ созданіяхъ скульптуры, въ картинахъ, въ музыкальныхъ композиціяхъ онъ непрерывно старался передать то, что̀ носилъ въ своей душѣ. Но если душа можетъ говорить душѣ посредствомъ камней, красокъ и звуковъ, то этой же цѣли можетъ служить и слово. Въ этомъ качествѣ оно есть основаніе особаго рода искусства—поэзіи.

Какъ средства или матеріалъ всякаго другаго искусства, такъ и слово можетъ быть пригодно для разныхъ цѣлей. Какъ камни далеко не всегда идутъ на постройку художественныхъ зданій, какъ мраморъ и бронза не всегда служатъ ваятелю, но часто простымъ ремесленникамъ, какъ краски встрѣчаются не только на палитрѣ живописца, но и въ ведрѣ красильщика и на печатномъ станкѣ фабрики, такъ точно и слово есть не только даръ поэтовъ, но вмѣстѣ и орудіе обмѣна мыслей въ различныхъ случаяхъ вседневной жизни. Но въ этихъ случаяхъ оно говоритъ лишь сознанію и говоритъ лишь столько, сколько можно извлечь изъ его логическаго содержанія. Въ одной поэзіи слово получаетъ особенную силу выражать не только мысли, но всю полноту душевной жизни, выражать больше, чѣмъ сколько вложено въ него сознаваемымъ его смысломъ. Какимъ образомъ этотъ звукъ, символъ, условный знакъ логическаго понятія можетъ стать откровеніемъ души человѣческой — это тайна творчества, этому учитъ врожденная способность, поэтическій геній. Но въ существующихъ уже произведеніяхъ слова безъ особеннаго труда можно отдѣлить поэзію отъ прозы. Важнѣйшимъ внѣшнимъ признакомъ поэзіи является стихъ — то гармоническое сочетаніе словъ, которое отвѣчаетъ не только ихъ смыслу, но и музыкальнымъ требованіямъ, то-есть требованіямъ метра и рифмы, или по крайней мѣрѣ одного метра. Въ прежнее время, когда понятія были тверды и опредѣленны, этотъ признакъ считался настолько существеннымъ, что все, что̀ не имѣло стихотворной формы, не признавалось поэзіей. Но „nous avans changé tout cela“, и у насъ появилась поэзія въ прозѣ. Оправданіе свое это, строго говоря, безсмысленное выраженіе находитъ въ томъ, что̀ называется слогомъ или стилемъ писателя. Еще Бюффонъ говорилъ: человѣкъ это стиль. Съ помощью стиля, нѣкоторые прозаическіе писатели, подобно настоящимъ поэтамъ, могли выразить не однѣ только мысли, но также и свои настроенія и то, что̀ жило въ ихъ душѣ, волновало ее. Только посредствомъ стиля могла проявиться ихъ личность, оригинальность, темпераментъ. Это настолько вѣрно, что нельзя себѣ представить двухъ оригинальныхъ писателей, стиль которыхъ былъ бы одинаковъ. Всѣ крупные представители нашей художественной прозы: Гоголь, Тургеневъ, Толстой, Достоевскій — имѣли свой особый стиль; всѣ же писатели, подражавшіе имъ въ слогѣ, не внесли въ литературу ничего личнаго, своеобразнаго.

Если, однако, стихотворная форма или, по крайней мѣрѣ, стиль необходимы для поэтическаго творчества, то съ другой стороны, конечно, не все то поэзія, что̀ написано стихами. Извѣстное посланіе Ломоносова къ Шувалову о пользѣ стекла или менѣе давніе, но болѣе забытые фельетоны Некрасова (напримѣръ „Газетная“) не превратились, безъ сомнѣнія, въ поэзію оттого, что изложены стихами. Истинная поэзія лишь тамъ, гдѣ поэтическое содержаніе нашло для себя полное выраженіе, то-есть свою совершенную форму. Эта форма — слова; но только тѣ слова — поэзія, въ которыхъ сумѣла проявиться живая, личная душа.

II.

Поэтическое содержаніе стихотвореній Фета совершенно неоизмѣримо съ буквальнымъ смысломъ словъ, изъ которыхъ они состоятъ. Поэтому его произведенія—истинная поэзія, и поэтому же ихъ часто не понимаютъ и не цѣнятъ. Извѣстность Фета и въ настоящее время не особенно широка, а лѣтъ двадцать или тридцать назадъ передовая критика, пользовавшаяся въ публикѣ наибольшимъ сочувствіемъ, относилась къ поэту не иначе, какъ съ насмѣшкой и глумленіемъ. Критикѣ этой было мало дѣла до искусства, до поэзіи; она искала и цѣнила только опредѣленныя мысли и потому не дѣлала никакого различія между прозою и поэтическими произведеніями. Не чувствуя и не цѣня въ творчествѣ Фета того, что̀ въ немъ было дѣйствительно поэтическаго, критика эта осуждала его за то, что не находила въ его произведеніяхъ качествъ умной прозы. Критика эта была чужда сознанія, что жизнь души наполняется не одними понятіями, что не однѣ только мысли имѣютъ право на выраженіе въ литературѣ и что слова въ ихъ логическомъ сочетаніи, то-есть прозаическія произведенія—безсильны передавать внутренюю жизнь человѣка. Рѣдко кому тогда было понятно то, что̀ заставило одного изъ современниковъ Фета, даровитаго лирическаго поэта, съ горечью воскликнуть:

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Вотъ чѣмъ нужно проникнуться, чтобы понять и оцѣнить поэзію Фета. Самъ онъ глубоко чувствовалъ „роковую ложь“ словъ, предъ которой у него „клонитъ голову маститую мудрецъ“, и однако былъ поэтомъ, художникомъ слова. Но онъ даетъ въ своихъ произведеніяхъ больше, чѣмъ могутъ дать слова. Онъ пишетъ слова, но въ нихъ вы чувствуете біеніе сердца и трепетъ нервовъ. Онъ не композиторъ, не живописецъ, не ваятель, онъ не можетъ выражать душевныя настроенія въ звукахъ, краскахъ или формахъ, онъ—поэтъ, въ его распоряженіи только слова. Но съ помощью средствъ поэзіи, съ помощью стиха, которымъ онъ владѣетъ съ замѣчательною легкостью, свободою и изяществомъ, съ помощью сочетанія словъ, своеобразнаго или даже страннаго, съ помощью эпитетовъ неожиданныхъ и съ перваго раза поразительныхъ, ему удается пробиться сквозь условность словъ, вырваться за тѣсный предѣлъ ихъ логическаго значенія и хоть на мгновеніе нарушить законъ вѣчнаго молчанія души.

Среди произведеній Фета можно найти не мало такихъ, въ которыхъ съ необыкновенною искренностью, непосредственностью и правдою передаются различные моменты душевной жизни. Выборъ здѣсь затруднителенъ только потому, что такихъ стихотвореній очень много. Но для того, чтобы сразу почувствовать размѣръ дарованія Фета, прочтите его „Фантазію“.

Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ... тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.
Что жь молчимъ мы? или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи мая?
Иль поетъ и ярко такъ и страстно
Соловей, надъ розой изнывая?
Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзда,
И дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды?
На суку извилистомъ и чудномъ
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньѣ изумрудномъ,
Надъ водой качается жаръ-птица;
Росписныя раковины блещутъ

Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы;
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры;
Много сновъ проносится знакомыхъ,
И на сердцѣ много сладкой вѣры;
Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ;
Мигъ еще... и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ.
Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ... тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

Нельзя не плѣниться прелестью этого стихотворенія. Въ немъ слово творитъ чудеса, вызываетъ образы удивительной ясности, покорно слѣдуетъ за причудливою игрой фантазіи, передаетъ во всей ея необычайности ту грезу души, тотъ неустойчивый, улетающій, какъ сонъ, мигъ ея жизни, когда вся роскошь волшебной сказки становится для нея дѣйствительностью. Здѣсь форма нераздѣльно слитá съ содержаніемъ. Это фантастическое видѣніе не только невозможно передать прозою, но нельзя сдѣлать ни малѣйшаго измѣненія въ построеніи стихотворенія, чтобы не нарушить его обаянія.

Эта неотдѣлимость формы отъ содержанія есть, конечно, общее свойство истинной поэзіи, въ особенности же поэзіи лирической. Но стихи Фета въ этомъ отношеніи еще болѣе нѣжны и неприкосновенны, чѣмъ произведенія другихъ поэтовъ. Легкія, едва уловимыя движенія души, составляющія почти исключительные мотивы поэзіи Фета, требуютъ для своего выраженія особенныхъ условій. Слова сами по себѣ недостаточны для этого, и только одно какое-либо ихъ сочетаніе, музыкальность размѣра и своеобразіе рифмы держатъ въ себѣ поэтическую мысль произведенія. Вспомните, напримѣръ, „Старыя письма", „Знаю я, что ты малютка", „Не отходи отъ меня", „Жду я тревогой объятъ", „Прежніе звуки, съ былымъ обаяньемъ", „Въ дымкѣ невидимкѣ" и пр. Каждое изъ этихъ произведеній цѣликомъ, съ его рифмами, съ его размѣромъ вылилось изъ души автора, изъ

опредѣленнаго настроенія, и вы не можете себѣ представить другихъ словъ, другой формы, въ которыхъ съ такою же искренностію и полнотою возможно было бы передать тѣ же мысли и настроенія.

Отсюда ясно, что для того, чтобы проникнуться мыслью поэтическаго произведенія, нужно воспринимать его во всей его цѣлости. Какъ все живое и органическое, его нельзя анатомировать и расчленять, не убивъ въ немъ жизни. И если произведенія Фета не выдерживали того логическаго анализа, съ которымъ приступали къ нему прежняя критика и многіе читатели, то это есть лучшее доказательство, что его творчество—не холодное придумываніе, не реторика, а дѣйствительная поэзія, настоящая лирика, истинный языкъ души.

III.

Высказать душу—всегдашняя задача поэзіи, и потому признать нашего автора поэтомъ, даже поэтомъ лирическимъ, значитъ еще немного сдѣлать для его характеристики. Фетъ не только истинный и слѣдовательно оригинальный поэтъ, но поэтъ совсѣмъ особенный. Большинство другихъ поэтовъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, на произведеніяхъ которыхъ мы выросли и воспитались, чьи имена мы вспоминаемъ всегда, когда говоримъ о поэзіи, въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ изображаютъ обыкновенно настроеніе или чувство такъ, какъ они представляются сознанію, въ томъ ихъ значеніи, какое они имѣютъ для жизни, въ какомъ они могутъ стать основаніемъ драмы или источникомъ размышленія. Эти чувства болѣе или менѣе цѣльны, опредѣленны, ихъ можно назвать, объ ихъ значеніи можно говорить. Такова лирика у Шиллера, Гете, Байрона, Гюго, Державина, Пушкина, Лермонтова, Полонскаго или Майкова.

Не останавливаясь на такихъ вещахъ, какъ, напримѣръ, знаменитое „Resignation“ Шиллера (Auch ich war in Arkadien geboren), „Богъ“ Державина, „Поэту“ Пушкина, „Дума“ Лермонтова, „Ангелъ и Демонъ“ Майкова—произведеніяхъ сильныхъ и значительныхъ по мысли, въ нихъ выраженной,—возьмите даже интимныя, искреннія, навѣянныя случайнымъ настроеніемъ стихотворенія, напримѣръ: „Для береговъ отчизны дальней“ Пушкина, „Парусъ“ или „Тучки небесныя“ Лермонтова, „Пришли и

стали тѣни ночи“ или „Вальсъ“ Полонскаго — въ каждомъ изъ нихъ вы найдете опредѣленное жизненное положеніе и соотвѣтствующее ему чувство или настроеніе, связь которыхъ съ этимъ положеніемъ ясна и понятна сознанію.

Совсѣмъ иное—поэзія Фета. Въ его стихотвореніяхъ, въ особенности наиболѣе своеобразныхъ, отмѣченныхъ личностью автора, намъ являются не цѣльныя, законченныя чувства или настроенія, но минуты, мгновенія душевной жизни, для которыхъ нѣтъ слова въ языкѣ, нѣтъ образа въ сознаніи, которыя пришли неизвѣстно откуда и исчезнутъ навсегда, быть-можетъ не оставивъ послѣ себя никакаго слѣда въ жизни, даже воспоминанія. Это „неясный бредъ“ души всегда живой, всегда дѣятельной, но не всегда сознающей себя. Прихотливыя формы этой жизни, эти мгновенныя сочетанія ощущеній и чувствъ безпрерывно возникаютъ въ душѣ и разсѣиваются, исчезаютъ подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній, подобно тому, какъ въ морѣ каждую минуту прежняя волна смѣняется новою. Никому недоступны эти глубокія, скрытыя области душевной жизни. Человѣкъ одинъ переживаетъ совершающееся въ нихъ, и минуты этой жизни такъ прихотливы и случайны, такъ своеобразны и независимы, что не могутъ служить никакимъ цѣлямъ, никакимъ отношеніямъ, не оказываютъ почти никакого вліянія тамъ, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ сознательно, гдѣ онъ живетъ съ другими людьми, гдѣ идетъ его жизненная дорога. Ничего внѣшняго, никакой дѣятельности, никакой борьбы, никакой драмы не производятъ эти проходящія минуты одинокаго существованія человѣческой души, но въ нихъ погружена едва ли не бо̀льшая часть ея жизни. Фетъ сумѣлъ ввести въ поэзію эту область душевной жизни, сумѣлъ дать ей непосредственное выраженіе. У него сердце или иногда нервы говорятъ сами отъ себя, говорятъ своимъ языкомъ, его стихотворенія—остановившіеся моменты дѣйствительной жизни души, а не тѣ обобщенія чувствъ и ощущеній, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ, выходящихъ изъ сознанія.

Вотъ одно изъ стихотвореній Фета въ этомъ родѣ.

Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ,
Травы степныя унизаны влагой вечерней,
Рѣчи отрывистѣй, сердце опять суевѣрнѣй,
Длинныя тѣни вдали потонули въ ложбинѣ.
Въ этой ночи, какъ въ желаніяхъ все безпредѣльно,

Крылья растутъ у какихъ-то воздушныхъ стремленій,
Взялъ бы тебя и помчался бы также безцѣльно,
Свѣтъ унося, покидая невѣрныя тѣни.
Можно ли другъ мой томиться въ тяжелой кручинѣ?
Какъ не забыть, хоть на время, язвительныхъ терній?
Травы степныя сверкаютъ росою вечерней,
Мѣсяцъ зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынѣ.

Въ чемъ содержаніе этой мелодіи? Можно ли на языкѣ сознанія какимъ-либо словомъ назвать предметъ стихотворенія, то чувство или настроеніе, которое въ немъ выражено? Что это — радость, бодрость, мечтательность? Нѣтъ, всякое слово слишкомъ обще, слишкомъ бѣдно для того, чтобы выразить тѣ странныя минуты душевнаго настроенія, которыя свободно родились подъ впечатлѣніемъ лунной ночи, которымъ дѣла нѣтъ до того, что въ языкѣ не существуетъ словъ для ихъ названія и которыя нашъ поэтъ сумѣлъ уловить и закрѣпить въ своихъ стихахъ.

Еще лучше своеобразіе лирики Фета выяснится изъ сопоставленія какого-либо изъ его стихотвореній, въ которомъ не трудно опредѣлить источникъ вдохновенія, съ произведеніемъ другаго поэта на тотъ же мотивъ. Едва ли не чаще всего лирическіе поэты вдохновлялись любовью, и стихи, посвященные этому предмету, можно найти у всякаго изъ нихъ. У графа А. Толстаго, современника Фета, есть слѣдующее маленькое стихотвореніе:

Не вѣрь, мой другъ, когда въ избыткѣ горя
Я говорю, что разлюбилъ тебя—
Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря,
Оно къ землѣ воротится любя.
Ужь я тоскую прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебѣ отдамъ—
И ужь бѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны
Издалека къ любимымъ берегамъ.

Припомните также другія стихотворенія этого автора: „Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты“, или извѣстное, какъ романсъ, „Средь шумнаго бала случайно“. Какъ ни своеобразны мотивы этихъ произведеній, но всѣ они — обобщеніе сознанія, извлеченное изъ жизни души, всѣ они поэтическое развитіе опредѣленной мысли или опредѣленнаго душевнаго состоянія. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній — образъ морскаго прилива для выраженія приливовъ и отливовъ любви, во второмъ — образъ бури, опу-

стошившей садъ, для изображенія души, надъ которою пронеслась страсть, въ третьемъ—эстетическое увлеченіе женщиной, еще лишь предчувствуемая любовь.

Рядомъ съ этимъ прочтите у Фета:

Тихая, звѣздная ночь,
Трепетно свѣтитъ луна;
Сладки уста красоты
Въ тихую, звѣздную ночь.
Другъ мой! въ сіяньи ночномъ
Какъ мнѣ печаль превозмочь?
Ты же свѣтла, какъ любовь,
Въ тихую, звѣздную ночь.
Другъ мой, я звѣзды люблю—
И отъ печали не прочь...
Ты же еще мнѣ милѣй
Въ тихую, звѣздную ночь.

Несомнѣнно, это стихотвореніе также навѣяно любовью, но оно—не поэтической образъ для выраженія любви, какъ цѣльнаго чувства. Въ дѣйствительности существуютъ именно такія минуты, случайныя, сложныя. Но другіе поэты стремятся передать цѣльное, законченное чувство, очищенное въ сознаніи отъ всего мгновеннаго и случайнаго. Фетъ даетъ именно это мгновенное со всѣмъ его содержаніемъ, даетъ все то, что было въ душѣ въ изображаемую минуту, хотя оно и страннѣе и сложнѣе извѣстныхъ намъ чувствъ и не имѣетъ себѣ названія.

Чѣмъ можно объяснить эту связь звѣздной ночи, печали и „сладкихъ устъ красоты"? Откуда, зачѣмъ здѣсь эта печаль, что̀ она дополняетъ въ изображаемомъ настроеніи? Отвѣтъ одинъ: все это связано жизнью личной души. Такъ было, и Фетъ сдѣлалъ это мгновеніе достояніемъ поэзіи, и вы чувствуете, что такъ могло быть.

Слѣдующее стихотвореніе также весьма характерно для Фета:

Люди спятъ; мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ!
Люди спятъ; однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей
И не слышатъ—слышитъ только соловей...
Да и тотъ не слышитъ—пѣснь его громка.
Развѣ слышатъ только сердце да рука:
Слышитъ сердце, сколько радостей земли,

Сколько счастія сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо.

И эта пьеска вообще можетъ быть отнесена къ разряду тѣхъ, которыя посвящены любви. Но и здѣсь авторъ не старается, подобно другимъ поэтамъ, высказать, какъ онъ любитъ, что̀ для него эта любовь въ жизни, а даетъ только минуту изъ пережитаго—впечатлѣніе ночи, трепетъ рукопожатія, жаръ крови, ощущеніе принесеннаго счастья — все, что было въ эту минуту въ сердцѣ.

Фетъ выражаетъ эти настроенія мгновеннаго во всей ихъ полнотѣ и своеобразности. Въ его поэзіи предъ нами не обглоданный сознаніемъ остовъ чувства, но само это чувство, трепещущее, полное жизни. Фетъ схватываетъ и открываетъ въ своихъ стихахъ тѣ ощущенія, которыя дѣйствительно переживаетъ сердце, все то, что даетъ ему непостигнутая нами судьба, прихотливый случай. Его поэзія—записная книжка сердца, которое вписываетъ туда странными знаками свою исторію. Исторія же каждаго сердца своеобразна и особенна, ее нельзя предсказать или построить изъ какихъ-нибудь данныхъ. Оттого поэзія Фета такъ нова и свѣжа, такъ неожиданна и самобытна. Оттого она кажется иногда загадкой, иногда какимъ-то внутреннимъ откровеніемъ.

IV.

Поэтъ-импрессіонистъ, поэтъ мгновеннаго и одиноко переживаемаго, Фетъ рѣзко отличается отъ тѣхъ поэтовъ прошлаго, главную силу которыхъ составляетъ паѳосъ мысли. Но область чувствъ и ощущеній, которыя преимущественно выражаетъ Фетъ, представляетъ цѣлую стихію внутренняго міра человѣка, существующую съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ на свѣтѣ. Можетъ ли быть поэтому, чтобы до Фета эта область душевной жизни никогда не находила для себя поэтическаго выраженія? Неужели Фетъ открылъ ее, неужели онъ такъ исключительно оригиналенъ, что не имѣетъ ни предшественниковъ, ни преемниковъ?

Давно извѣстно, что въ мірѣ людей нѣтъ ничего новаго, ничто не создается сразу, и было бы странно, еслибы поэзія Фета

представляла въ этомъ случаѣ исключеніе. Подробное изслѣдованіе лирики, начиная съ первыхъ временъ ея исторіи и кончая нашими днями, несомнѣнно раскрыло бы въ народной пѣснѣ, въ античной поэзіи, въ мистицизмѣ романтиковъ присутствіе тѣхъ стихій душевной жизни, которыя выражаются въ произведеніяхъ Фета. Но и не задаваясь такою широкою задачей, интересно сравнить Фета съ поэтами, творчество которыхъ ближе всего примыкаетъ къ роду его поэзіи. Ограничивая область сравненія ближайшимъ къ намъ временемъ, въ числѣ такихъ поэтовъ можно указать—во французской литературѣ Шарля Боделера, въ нѣмецкой – Генриха Гейне и въ нашей—Тютчева.

Шарль Боделеръ, подобно Фету, не только лирикъ по преимуществу, но имѣетъ съ нимъ и то ближайшее сходство, что въ произведеніяхъ его проявляются не только условно цѣльныя чувства, такъ-сказать неразложимыя категоріи души, но нерѣдко также и не установленныя еще сознаніемъ и незавершенныя настроенія. Въ такомъ родѣ, напримѣръ, у него стихотвореніе „Звуки смерти“.

Короткая пора мелодій и цвѣтовъ,
Прощай! Мы къ будничнымъ должны вернуться звукамъ.
Ужь, слышно, падаютъ на мостовой дворовъ
Тяжелыя дрова съ печально рѣзкимъ стукомъ.
И вотъ опять зима встаетъ передо мной,
Со злобой, дрожью, тьмой, съ заботой, жизнью мглистой...
И сердце станетъ вновь въ груди моей больной,
Какъ солнце полюса, лишь глыбой красноьдистой.
Паденье каждаго полѣна слышу я:
Такъ строятъ эшафотъ зловѣщій утромъ рано.
Какъ башня твердая, дрожитъ душа моя
Подъ неустанными ударами тарана!
И все мнѣ чудится, что то гробовщики
Кому-то гробъ поспѣшно забиваютъ.
Не лѣта ль餐 ясного звучатъ и замираютъ
Вдали послѣдніе шаги?...

И здѣсь случайныя впечатлѣнія и мгновенные образы, какъ и у Фета. Но все же нашъ поэтъ не подписался бы подъ этимъ стихотвореніемъ, и даже не особенно привыкшее къ его мелодіямъ ухо безъ труда услышитъ здѣсь другую лиру.

Боделеръ неустанно прислушивается къ жизни своего сердца,

ищетъ чувствъ. Но они не находятъ у него свободнаго выраженія. Его стихотворенія не вылившіяся минуты душевной жизни, не непосредственный голосъ сердца, а плодъ ума, наблюдавшаго эту жизнь, результатъ внимательнаго и подробнаго анализа сердца. Бодлеръ не беззаботный пѣвецъ настроеній, высказывающій ихъ лишь потому, что они были или представились его фантазіи, но вѣчно рефлектирующій, наблюдающій за собой умъ, оцѣнивающій внутреннее достояніе души человѣческой. Въ его произведеніяхъ—не только выраженіе чувства, но и значеніе его и приговоръ надъ нимъ. Этотъ приговоръ у такого поэта, какъ Бодлеръ, всегда, конечно, горькій, безрадостный.

Вездѣ вы узнаете поэта, который самъ о себѣ говоритъ:

Je suis la plaie et le couteau,
Je suis le soufflet et la joue,
Je suis la victime et la roue,
Et les membres et le boureau.

Вся его поэзія—голосъ горькой насмѣшки надъ жизнью, болѣзненный стонъ утонченнаго и пресыщеннаго сердца, которое цѣнитъ только изысканное и страдаетъ скукой и разочарованіемъ. Это страданіе и эту насмѣшку вы чувствуете въ каждомъ произведеніи Бодлера; вы заранѣе угадываете тотъ выводъ, къ которому поэтъ непремѣнно придетъ, о чемъ бы онъ ни началъ писать, и ради котораго онъ всегда пишетъ. Это свойство поэзіи Бодлера придаетъ ей характерность и опредѣленность, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ ее монотонною, ограниченною, почти преднамѣренною.

Какая разница съ Фетомъ, у котораго настроеніе непосредственно выливается въ стихахъ, безъ рефлексіи, безъ помощи анализа и не съ цѣлію какихъ-либо выводовъ, а ради него самого, у котораго сердце не подавлено скорбью, но отзывается на жизнь всѣми звуками, не исключая и радостныхъ!... Едва ли нужно прибавлять къ этому, что содержаніе поэзіи Бодлера не имѣетъ ничего общаго съ поэзіей Фета: французскій поэтъ вдохновлялся въ своемъ творчествѣ сложною, напряженною, громадною жизнью Парижа, поэзія же Фета навѣяна мирною природой русской деревни.

О сходствѣ Фета съ Генрихомъ Гейне много говорилъ Ап. Григорьевъ, писатель, съ успѣхомъ практиковавшій у насъ пріемы психологической критики еще въ то время, когда она не была

модною во Франціи. По мнѣнію Григорьева, въ Фетѣ слѣдуетъ различать двѣ стороны: поэта антологическаго, отличающагося ясностью образовъ, опредѣленностью выраженія, типичностью чувства и объективно спокойнымъ античнымъ созерцаніемъ, и поэта субъективнаго, поэта самыхъ болѣзненныхъ стремленій сердца современнаго человѣка. Этою стороной Фетъ соприкасается съ болѣзненною нѣмецкою поэзіей, самымъ яркимъ представителемъ которой былъ Гейне.

Въ этой характеристикѣ прежде всего поражаетъ совмѣщеніе противоположныхъ свойствъ. Если такое соединеніе и было въ дѣйствительности, то тѣмъ не менѣе его не должно быть въ характеристикѣ. Послѣ приведенной характеристики все-таки приходится спросить: въ чемъ же, по мнѣнію Ап. Григорьева, основная черта поэтической натуры Фета?

Теперь, по завершеніи его художнической дѣятельности, не можетъ уже представляться сомнительнымъ, что самобытность дарованія поэта проявилась не въ антологическихъ его произведеніяхъ. Правда, и въ этомъ родѣ онъ достигъ совершенства, но въ нихъ нѣтъ той индивидуальности, по которой ихъ можно было бы отличать отъ подобныхъ произведеній у Пушкина или Майкова. Яркая особенность творчества Фета сказывается въ произведеніяхъ другаго рода, которыя, въ отличіе отъ первыхъ, можно пожалуй назвать субъективными.

Если сравнить эти произведенія съ лирическими стихотвореніями Гейне, то въ разнообразномъ творчествѣ послѣдняго нельзя, конечно, не замѣтить, между прочимъ, и такихъ пьесъ, которыя по характеру своему приближаются къ поэзіи Фета. Но сходство между ними только внѣшнее, чисто литературное или артистическое. Выразительность ихъ стиха приблизительно одинакова—достигаетъ передачи одной и той же глубины душевной жизни. Въ произведеніяхъ того и другаго—фантазія, грезы, настроенія, и оба владѣютъ стихомъ разнообразнымъ, гибкимъ, мелодичнымъ, способнымъ передавать самыя легкія движенія чувства и самую причудливую игру воображенія. Но внутренній строй души, но направленіе чувства у того и другаго поэта совершенно различны.

Если вѣчный внутренній разладъ, терзавшій Гейне,—этого романтика, осмѣивающаго романтизмъ, и скептика, жаждущаго упованій,—можно было назвать болѣзнью вѣка, если вѣяніе этого раздвоенія чувствуется почти въ каждомъ произведеніи поэта „міровой скорби“, то этой болѣзни нельзя отыскать у автора,

написавшаго извѣстное „Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“ автора удивительно цѣльнаго въ своихъ чувствахъ и совершенно чуждаго ироніи. Вопреки мнѣнію Ап. Григорьева, Фетъ не только не можетъ быть названъ крупнѣйшимъ представителемъ у насъ болѣзненнаго настроенія вѣка, но, напротивъ, представляется поэтомъ необыкновенно цѣльной натуры, чувствующимъ жизнь свѣжо, свободно и ясно. Поэзія его полна мечтательности, едва пробивающихся воспоминаній, недоконченныхъ чувствъ, мгновенныхъ наслажденій и желаній, его мелодіи звучатъ нерѣдко грустью, стихъ дышетъ иногда меланхоліей и задумчивостью, но вся эта жизнь, дремлющая гдѣ-то въ недосягаемой для сознанія душевной глубинѣ, не болѣзнь, не уродливое отклоненіе, а естественное достояніе всякаго человѣка, хотя, конечно, не всякій человѣкъ и даже не всякій поэтъ можетъ выражать ее. А грусть, меланхолія, задумчивость?.. Кого изъ поэтовъ можно назвать здоровымъ, если считать эти настроенія признакомъ болѣзни!..

Ближе всѣхъ къ Фету стоитъ нашъ Тютчевъ. Слѣдующее стихотвореніе этого замѣчательнаго, но мало у насъ извѣстнаго поэта хотя и не принадлежитъ къ числу лучшихъ, но довольно характерно для выясненія его сходства съ Фетомъ:

Смотри, какъ роща зеленѣетъ,
Палящимъ солнцемъ облита,
И въ ней какою нѣгой вѣетъ
Отъ каждой вѣтки и листа!
Войдемъ и сядемъ подъ корнями
Деревъ, поимыхъ родникомъ,—
Тамъ, гдѣ обвѣянный ихъ мглами,
Онъ шепчетъ въ сумракѣ нѣмомъ.
Надъ нами бредятъ ихъ вершины,
Въ полдневный зной погружены,
И лишь порою крикъ орлиный
До насъ доходитъ съ вышины...

—одно изъ тѣхъ настроеній, которыми полны произведенія Фета. Такой же стихъ, выливающійся однимъ порывомъ минутнаго вдохновенія. Разница между обоими поэтами лишь въ степени, до которой каждый изъ нихъ доводитъ импрессіонизмъ въ своемъ творчествѣ. Тютчевъ въ этомъ отношеніи болѣе сдержанъ; у него нерѣдко замѣтна примѣсь сознанія, направляющаго порывы его впечатлѣній. Фетъ непосредственнѣе, смѣлѣе и выра-

зительнѣе. Передаваемыя имъ настроенія болѣе неожиданны, причудливы, подчасъ даже капризны. Стихъ его разнообразнѣе, послушнѣе прихотливымъ движеніямъ души, легче и своеобразнѣе. Вслѣдствіе этого поэзія Фета имѣетъ большее литературное значеніе и заслоняетъ собою однородную съ нею лирику Тютчева.

Въ послѣднее время нерѣдко указываютъ на сходство между поэзіей Фета и школой новѣйшихъ поэтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ декадентовъ. Говорятъ, что отъ поэзіи несознаваемыхъ настроеній, какою представляется поэзія Фета, до тѣхъ намековъ на мистическое, которые составляютъ содержаніе произведеній писателей-декадентовъ, всего лишь одинъ шагъ, что писатели эти идутъ въ томъ же направленіи, какъ и Фетъ, но идутъ дальше него.

Мнѣніе это имѣетъ только одно основаніе: ни стихотворенія Фета, ни произведенія декадентовъ не служатъ для выраженія мыслей. Но обобщать предметы на основаніи отрицательныхъ признаковъ нельзя; что же касается положительныхъ свойствъ той и другой поэзіи, то они совершенно различны, и достаточно послѣ лирическихъ пьесъ Фета прочитать что-нибудь изъ произведеній декадентовъ, чтобы убѣдиться, что преемственности здѣсь нѣтъ никакой. Для примѣра привожу слѣдующее стихотвореніе Метерлинка, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ среди декадентовъ:

Serre chaude.

O serre au milieu des forêts!
Et vos portes á jamais closes!
Et tout ce qu'il y a sous votre coupole!
Et sous mon âme en vos analogies!
Les pensées d'une princesse qui a faim,
L'ennui d'un matelot dans le désert,
Une musique de cuivre aux fenêtres des incurables.
Allez aux angles les plus tiédes!
On dirait une femme évanouie un jour de moisson,
Il y a des postillons dans la cour de l'hospice;
Au lain, posse un chasseur d'élans, devenu infirmier.
Examinez au clair de lune!
(Oh rien n'y est á sa place!)
On dirait une folle devant les juges,
Un navire de guerre á pleines voiles sur un canal,

Des oiseaux de nuit sur des lys,
Un glas vers midi,
(Lá—bas sous ces cloches!)
Une étape de malades dans la prairie,
Une odeur d'éther un jour de soleil.
Mon Dieu! mon Dieu! quand aurons-nous la pluie,
Et la neige et le vent dans la serre!

Эта пьеса не производитъ на читателя инаго впечатлѣнія, кромѣ напраснаго усилія передать что-то непередаваемое, недоступное. Она не вызываетъ никакого чувства или настроенія и съ перваго раза совершенно непонятна. Безсвязный наборъ словъ, рядъ символовъ, смыслъ которыхъ безъ комментаріевъ остается темнымъ. И только кропотливая умственная работа открываетъ вамъ наконецъ какіе-то проблески мысли. Такія произведенія даже странно называть поэзіей... Стихотворенія же Фета—несомнѣнная, чистѣйшая поэзія. Въ нихъ заключена сила поэтическаго очарованія: они непосредственно говорятъ сердцу, подобно музыкѣ, и пробуждаютъ въ читателѣ опредѣленное настроеніе. Читая ихъ, чувствуешь, какъ цѣльно вылились они изъ поэтическаго вдохновенія автора. Произведенія же молодой французской школы—плодъ труднаго нанизыванія словъ, въ которыхъ уму мерещится что-то неясное. Между такими произведеніями и поэзіей нѣтъ ничего общаго.

V.

Поэзія Фета вышла не изъ той области души, гдѣ родятся мысли и сознательныя желанія, но изъ темныхъ нѣдръ ея, гдѣ самовольно и невѣдомо для сознанія работаютъ иныя силы—ощущенія и чувства. Этимъ основнымъ свойствомъ опредѣляются прочія особенности его творчества. Творчество это чуждо всего преднамѣреннаго, всякаго принужденія. Въ немъ отражается душа въ ея естественныхъ, совершенно свободныхъ движеніяхъ. Поэтъ высказываетъ въ своихъ стихахъ то, что̀ было въ душѣ, что̀ свободно родилось въ ней и само просится наружу, требуетъ выраженія, не заботясь о томъ, насколько это важно и значительно для людей и предоставляя другимъ судить, интересны ли его произведенія. Поэзія Фета создалась органически: стихотворенія его не сдѣланы, но выросли изъ души по-

эта, какъ трава и цвѣты растутъ изъ почвы. Свободнѣе всего и прежде всего въ душѣ выростаютъ тѣ сѣмена, которыя заброшены въ нее самою природой. Природа и человѣкъ, душа поэта и объемлющая его вселенная — этого довольно для поэзіи. Поэзія можетъ обойтись безъ людей, безъ общества, безъ тѣхъ интересовъ, стремленій и заботъ, которыя приноситъ жизнь общества. Поэзія Фета именно такова. Она черпаетъ свое содержаніе изъ природы, изъ впечатлѣній міра, окружающаго поэта, а не изъ общественной среды, не изъ людскихъ отношеній. Живи нашъ поэтъ одинъ на свѣтѣ, и тогда онъ могъ бы создать свою поэзію. Большинство его произведеній вызвано впечатлѣніями природы. При изданіи своихъ стихотвореній авторъ, соотвѣтственно ихъ содержанію, даже распредѣлялъ ихъ по такимъ отдѣламъ: „вечера и ночи", „снѣга", „весна", „море" и проч. Правда, много стихотвореній посвящено у него также любви. Но любовь — врожденная способность сердца, потребность души, не умирающая и въ одиночествѣ, женщина же лишь то явленіе міра, на которое эта потребность направлена. Нигдѣ у Фета, какъ у поэта истинно-лирическаго, женщина не является ради нея самой, ради изображенія ея характера и жизни. Она только та часть природы, тотъ предметъ внѣшняго міра, который способенъ пробуждать въ душѣ особенныя чувства и настроенія.

Въ своихъ произведеніяхъ Фетъ никогда почти не отзывался на общественные вопросы, на то, чѣмъ интересовались и волновались его современники. Въ этомъ смыслѣ поэзія его совершенно лишена признаковъ времени. То, чему она дала выраженіе, не зависитъ отъ эпохи и не мѣняется десятилѣтіями. Содержаніе ея составляетъ только вѣчное и общечеловѣческое.

Рѣдко какой поэтъ удерживался въ этой сферѣ исключительно внутренней жизни, независимой отъ общественныхъ событій. Если же мы припомнимъ при этомъ, что бо́льшая часть поэтической дѣятельности Фета выпадаетъ на то время, когда были совершены крупнѣйшія общественныя преобразованія, и когда интересъ къ дѣламъ общественнымъ отодвигалъ далеко назадъ прочія требованія жизни, то нельзя не удивляться необыкновенной самобытности и независимости творчества нашего поэта. Въ качествѣ помѣщика, мироваго судьи или автора экономическихъ статей Фетъ заплатилъ дань суетѣ и злобѣ практической жизни, но свою поэзію никогда не выводилъ на площади и улицы, ни-

когда не заставлялъ служить посторовнимъ ей цѣлямъ. Поэзія сама была для него цѣлью, святыней, и, какъ поэтъ, онъ служилъ только ей. Онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать про себя, обращаясь къ своей музѣ:

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященныхъ я къ тебѣ не звалъ,
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не оскверинялъ.
Все та же ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

Если, однако, все то, на чтò отозвался Фетъ въ своей поэзіи—природа, любовь, прошлое - само по себѣ вѣчно и независимо отъ времени, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы самая поэзія эта вовсе не имѣла свойствъ, характерныхъ для эпохи. Старый, вѣчный міръ отпечатлѣвалъ свой образъ въ душѣ поэта, но душа его — произведеніе времени. Она воспринимала и чувствовала жизнь по своему, какъ не чувствовали ее раньше, какъ, можетъ-быть, не будутъ чувствовать ее потомъ. Поэтому и поэзія Фета, отраженіе міра его душой, является также характернымъ произведеніемъ времени.

Глубокая внутренняя отзывчивость на внѣшнія явленія, тонкость ощущеній, элегическій тонъ стихотвореній — все это дѣлаетъ его роднымъ намъ по духу, сыномъ той эпохи, которая произвела пейзажъ въ живописи и содѣйствовала необыкновенному развитію музыки. Было время, когда поэты оставались совершенно равнодушными къ природѣ, интересуясь только человѣческимъ (ложно - классическая литература), въ послѣдующую эпоху природа возбуждала главнымъ образомъ воображеніе поэтовъ (романтики), въ ближайшее къ намъ время природа получила власть надъ сердцемъ человѣка, завладѣла его настроеніемъ. Эта способность души отзываться внутреннею жизнью на впечатлѣнія природы породила пейзажъ въ живописи, она же вызвала и особую лирическую поэзію - поэзію настроенія. Фетъ самый яркій представитель такой поэзіи. Онъ не созерцаетъ природу, не наслаждается красотой ея формъ, но чувствуетъ ее, живетъ сердцемъ подъ ея впечатлѣніями, уносится въ мечты и воспоминанія подъ ея обаяніемъ, точно подъ звуки симфоніи.

Стихотворенія его не картинки природы, но пѣсни, вызванныя изъ души природой. Все въ природѣ говоритъ чуткому сердцу поэта — весна, ночь, звѣзды, лѣса и степи, сады, цвѣты и деревья—все заставляетъ звучать легкія струны его души. Вспомните, напримѣръ, „Первый ландышъ“, „Ивы и березы“, „Въ саду“, или прочтите это стихотвореніе, навѣянное впечатлѣніями весны:

Еще весна,—какъ будто неземной
Какой-то духъ ночнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча,—медленно и рядомъ
Мой темный профиль движется со мной.
Еще аллей не сумраченъ пріютъ,
Между вѣтвей небесный сводъ синѣетъ,
А я иду,—душистый холодъ вѣетъ
Въ лицо—иду—и соловьи поютъ.
Несбыточное грезится опять,
Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.
Придетъ пора,—и скоро, можетъ-быть,
Опять земля взалкаетъ обновиться,
Но это сердце перестанетъ биться
И ничего не будетъ ужь любить.

У Фета совсѣмъ нѣтъ произведеній безъ настроенія. Даже когда онъ, повидимому, только описываетъ какое-нибудь явленіе, и тогда его стихи проникнуты отголосками душевной жизни. Какъ дышетъ внутреннимъ настроеніемъ, напримѣръ, слѣдующее стихотвореніе:

Зрѣетъ рожь надъ жаркой нивой,
И отъ нивы и до нивы
Гонитъ вѣтеръ прихотливый
Золотые переливы.
Робко мѣсяцъ смотритъ въ очи,
Изумленъ, что день не минулъ,
Но широко въ область ночи
День объятія раскинулъ.
Надъ безбрежной жатвой хлѣба
Межъ заката и востока
Лишь на мигъ смежаетъ небо
Огнедышащее око.

Характерны также и самыя настроенія Фета. Это не сильныя, крѣпкія и опредѣленныя чувства, проявлявшіяся у такихъ страстныхъ и мощныхъ натуръ, какъ, напримѣръ, Лермонтовъ или у такихъ простодушныхъ поэтовъ, какъ Кольцовъ. Въ стихотвореніяхъ Фета — вся нервность, весь избытокъ чувствительности нашего времени. Его настроенія сложны, прихотливы, нѣжны и граціозны. Въ нихъ, какъ въ сердцѣ современнаго человѣка, необъяснимые переходы, неразрѣшимыя противорѣчія. Фетъ понимаетъ и муку счастья и радость страданья. Въ его поэзіи слышатся аккорды музыки Шопена или Шумана. Его душа полна жаждой жизни, хотя бы эта жизнь была и печаль, и ничего такъ не жалѣетъ, какъ прошлаго, невозвратнаго.

Недвижныя очи, безумныя очи,
Зачѣмъ вы средь дня и въ часы полуночи
Такъ жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы въ томъ потонули минувшемъ,
Давно и мгновенно предъ вами мелькнувшемъ,
Котораго сердцу такъ жаль?
Не высмотрѣть вамъ, чего нѣтъ и что̀ было,
Что̀ сердце, тоскуя, въ себѣ схоронило
На самое темное дно;
Не вамъ допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой безпощадной,
Что̀ было такъ щедро дано.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ: „сказать прости чему-нибудь душѣ казалося утратой“... Это сожалѣніе о минувшемъ, это чувство утраты составляетъ постоянный мотивъ въ творчествѣ Фета и придаетъ его поэзіи задумчивый, элегическій характеръ.

Разнообразны и прихотливы минуты вдохновенія Фета, но и въ нихъ есть общее, есть внутренняя связь, подчиненіе цѣльной личности поэта. Поэтъ мгновеннаго, поэтъ одинокихъ настроеній, необыкновенно отзывчивый, тонко чувствующій и мечтательно преданный своей тоскѣ о минувшемъ — вотъ образъ Фета, вотъ общее впечатлѣніе его творчества. Къ этому образу можно прибавить еще одну черту, относящуюся уже къ области сознательной умственной жизни. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Фетъ говоритъ: „Лишь незаслуженное благо“... Эта мысль предполагаетъ опредѣленное міровоззрѣніе и можетъ быть

основаніемъ для цѣлаго ряда выводовъ. Кто можетъ такъ думать, тотъ очевидно знаетъ тщету человѣческихъ усилій и стремленій. Никакая предусмотрительность, никакія заботы не могутъ предохранить человѣка отъ зла и дать ему благо. Истинное благо даетъ человѣку судьба, одаряя его при рожденіи добрыми качествами сердца и посылая ему въ жизни неожиданныя и незаслуженныя минуты блаженства. Приведенное выраженіе рисуетъ предъ нами поклонника судьбы, полнаго фаталиста. И не трудно замѣтить, что это покорное упованіе на судьбу какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ всему внутреннему строю нашего поэта, чуждаго стремленій и дѣятельности, и пассивно, хотя и жадно, ожидающаго впечатлѣній объемлющей его жизни.

VI.

Единственный матеріалъ поэзіи—слова. Какимъ же образомъ Фетъ высказываетъ такъ много завѣтнаго для души, когда языкъ безсиленъ для этого, когда слова—только роковая ложь?

Въ послѣднее время высказывалась иногда мысль, что лирическая поэзія—скорѣе музыка, чѣмъ литература, и что дѣйствіе ея обусловливается больше звуками стиха и рифмы, чѣмъ смысломъ словъ. Насколько эта мысль утверждаетъ значеніе стихотворной формы для лирики, она безспорна; но полное уподобленіе лирической поэзіи музыкѣ едва ли можетъ быть защищаемо сколько-нибудь серьезно. Поэзія не располагаетъ всѣмъ разнообразіемъ музыкальныхъ средствъ и, съ другой стороны, имѣетъ свое особенное, характеризующее ее средство, не существующее въ музыкѣ, и это средство есть слово.

Слова покорны не одной только логикѣ разума, но и памяти сердца. Въ жизни сердца много неясныхъ и странныхъ минутъ, для которыхъ нѣтъ словъ. Но то, что̀ породило эти минуты, или то, что̀ имъ сопутствовало, иногда можетъ быть выражено посредствомъ словъ. Такимъ образомъ открывается косвенный путь для проявленія жизни сердца. Когда-то васъ взволновалъ моментъ разлуки, гдѣ-то случайно васъ плѣнило милое лицо, когда-то лунная ночь охватила васъ своимъ очарованіемъ, ваша душа быть можетъ не разъ смутно грезила подъ звуки скрипки. Вызванныя всѣми этими причинами настроенія такъ своеобразны и чудны, такъ легки, воздушны и неустойчивы, что опредѣлить

или описать ихъ въ словахъ невозможно. Но они способны возрождаться, когда душа находитъ знакомый образъ, черту былаго, слово, связанное съ пережитымъ. Этимъ соотношеніемъ и можетъ пользоваться поэзія. Конечно, не всякій образъ и не всякое слово имѣетъ власть надъ душой. Такая сила принадлежитъ только поэтическому образу, и искусство создавать его есть дарованіе поэта. Фетъ владѣетъ этимъ искусствомъ въ высокой степени. Ему доступна тайная связь душевныхъ волненій съ нѣкоторыми порожденіями фантазіи, съ сочетаніемъ словъ, иногда неожиданнымъ и страннымъ, съ музыкой рифмы и, вводя въ свои стихотворенія эти образы и слова, мѣняя размѣръ и свободно распоряжаясь рифмой, онъ трогаетъ пружины нашей души и своевольно пробуждаетъ въ ней чувства и настроенія.

Для примѣра прочтите прелестное и характерное для нашего поэта стихотвореніе:

> Въ дымкѣ-невидимкѣ
>   Выплылъ мѣсяцъ вешній,
> Цвѣтъ садовый дышетъ
>   Яблонью, черешней,
> Такъ и льнетъ, цѣлуя
>   Тайно и нескромно.
> И тебѣ не грустно?
>   И тебѣ не томно?
> Истерзался пѣсней
>   Соловей безъ розы,
> Плачетъ старый камень,
>   Въ прудъ роняя слезы;
> Уронила косы
>   Голова невольно.
> И тебѣ не томно?
>   И тебѣ не больно?

Въ послѣдней части стихотворенія—три образа, повидимому, совершенно несвязанные между собою, странно сопоставленные. И, однако, посредствомъ ихъ авторъ внушаетъ вамъ щемящее, сладостно-томительное чувство весенней ночи.

Иногда поэтическое настроеніе пьесы сообщается какимъ-нибудь однимъ образомъ, напримѣръ въ томъ стихотвореніи, гдѣ, изображая обаяніе прежнихъ знакомыхъ звуковъ, авторъ говоритъ: „Точно изъ сумрака блѣдныя руки призраковъ нѣжныхъ

манитъ за собой", или тамъ, гдѣ онъ въ первой строкѣ восклицаетъ: „Какое счастіе: и ночь и мы одни!" и сразу вводитъ читателя въ страстно восторженный строй души.

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ поэтическое обаяніе производятъ даже не образы, а слова, которыя въ своемъ неожиданномъ сочетаніи полны какого-то особаго смысла. Такъ въ небольшой пьескѣ „Цвѣты" есть слѣдующее четверостишіе:

Цвѣты глядятъ съ тоской влюбенной,
Безгрѣшно чисты, какъ весна,
Роняя съ пылью благовонной
Плодовъ румяныхъ сѣмена.

Или припомните эти слова въ другомъ стиховореніи:

Заря и счастье, и обманъ!
Какъ сладки вы душѣ моей!

Здѣсь нѣтъ поэтическаго образа, и мысль стихотворенія держатъ въ себѣ слова, подобранныя съ необъяснимымъ чутьемъ къ правдѣ внутренней жизни.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль автора сосредоточивается даже какъ будто въ одномъ словѣ или эпитетѣ. Напримѣръ, когда онъ говоритъ: „Надъ сердцемъ счастье *тяготѣло*", или когда онъ толпу называетъ „слѣпцомъ стоокимъ". Но особенно характерно въ этомъ отношеніи то произведеніе, гдѣ, говоря о томъ, что каждое чувство бываетъ понятнѣе ночью, авторъ поясняетъ, что онъ чувствуетъ это тогда, когда, лежа неподвижно съ книгой въ рукахъ, онъ пробѣгаетъ въ умѣ *„все невозможно-возможное, странно-бывалое"*...

Наконецъ, иногда настроеніе пьесы больше всего передается своеобразнымъ размѣромъ и музыкою стиха. Напримѣръ, въ произведеніяхъ:

„Какая ночь! на всемъ какая нѣга!" или
Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
Я при свѣчахъ навела,
Въ два ряда свѣтъ—и таинственнымъ трепетомъ
Чудно горятъ зеркала и т. д.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, то-есть въ искусствѣ стихосложенія, Фетъ удивительный и неподражаемый мастеръ. Разнообразіе размѣра, звучность и оригинальность рифмъ, гибкость,

изящество стиха и соотвѣтствіе его внутреннему содержанію—по истинѣ изумительны у Фета. Безъ преувеличенія можно сказать, что этими качествами онъ превосходитъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ.

Истинный поэтъ по содержанію своего творчества, писатель блестящимъ образомъ преодолѣвшій трудности художественнаго выраженія, изящный по формѣ и давшій русской литературѣ рядъ произведеній, замѣчательныхъ своею оригинальностью и самобытностью, Фетъ не пользуется, однако, расположеніемъ большаго круга читателей. Не трудно предвидѣть, что онъ и не будетъ любимымъ поэтомъ читающей массы. Чтобы привлечь эту массу, ей непремѣнно нужно сказать что-нибудь важное для практической жизни. Въ поэзіи Фета нѣтъ ни политическихъ, ни нравственныхъ идей, на которыя всего сильнѣе отзывается толпа. Достоинства же чисто художественныя сами по себѣ не даютъ широкой извѣстности.

Въ такой судьбѣ писателя нѣтъ ничего удивительнаго, да нѣтъ и ничего грустнаго. Не всѣмъ нравится одно и то же, и не въ томъ больше всего красоты, что нравится самому большому количеству людей. Каждый авторъ имѣетъ свою публику. Имѣетъ свою публику и Фетъ. И тотъ, кто испыталъ хоть разъ обаяніе его поэзіи, съ наслажденіемъ будетъ читать и перечитывать его стихотворенія и, перечитывая, находить въ нихъ все больше смысла и чарующей прелести. Тѣ движенія сердца, которыя вдохновляли Фета на творчество, можетъ-быть, интересны для немногихъ людей. Но отъ этого значеніе его творчества не уменьшается. Предъ искусствомъ одинаковая заслуга—выразить мысль или выразить настроеніе или чувство.

Бар. Р. Дистерло.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Наша дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Мы желали бы обратить вниманіе читателей на статью А. Владимірова „О положеніи Православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ", окончаніе которой помѣщено въ настоящей книжкѣ. Статья крайне интересная и по тому вопросу, который ею затронутъ и по тому обилію вѣскихъ фактическихъ данныхъ, которыя находятся въ распоряженіи А. Владимірова. Мы уже не разъ указывали, какое громадное для насъ значеніе имѣетъ то или иное положеніе вещей въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Мы не разъ останавливались на свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ церковной жизни этой многострадальной окраины. Статья А. Владимірова даетъ прекрасную картину не только современнаго положенія Православія въ Западномъ краѣ, но и тѣхъ политическихъ условій за послѣднее полустолѣтіе, которыя вызвали это положеніе. Картина эта основана на твердыхъ фактическихъ данныхъ, и потому производитъ неотразимое и въ то же время крайне грустное впечатлѣніе. Съ нашей стороны было, повидимому, сдѣлано все въ Западномъ краѣ, чтобы дѣло Православія поставить на ложную почву всевозможными экспериментами, начиная съ „обращенія" цѣлыхъ католическихъ приходовъ и кончая постройкой множества лишнихъ костеловъ. Эти эксперименты обусловливались, конечно, тѣми или иными желаніями лицъ, стоящихъ у кормила власти, но постоянное шатаніе изъ стороны въ сторону ихъ политики не всегда можно объяснить только недомысліемъ или даже предательствомъ. Причины этого шатанія и перехода отъ одной системы къ другой болѣе общаго характера. Онѣ кроются

въ той путаницѣ понятій, въ той неустойчивости мысли, которыя характеризуютъ наше самосознаніе. Это понятно. Извѣстной системѣ дѣйствій предшествуетъ всегда работа мысли, уясняющая цѣль и направленіе дѣйствій. Если же этого нѣтъ, то наши дѣйствія будутъ отличаться случайностью, безцѣльностью, разбросанностью. Если политика наша въ Сѣверо-Западномъ краѣ до сихъ поръ была не однообразна и носила характеръ случайности и зависимости отъ личныхъ склонностей и желаній, то причиной тому, конечно, неясность нашей политической мысли, пробѣлы въ нашемъ самосознаніи. Пока мы не уяснили себѣ, какъ слѣдуетъ, съ одной стороны, задачи нашей политики на западной окраинѣ, съ другой стороны — средства наиболѣе къ тому пригодныя и вѣрныя, до тѣхъ поръ никакихъ положительныхъ результатовъ никогда мы не достигнемъ. Стало-быть первая наша цѣль и главная забота—ясно *понять*, что̀ и какъ и дѣлать; а безъ этого нельзя и шагу впередъ ступить. Къ сожалѣнію, въ этомъ вся трудность и заключается. Во-первыхъ, наша публицистика слишкомъ мало занимается русскимъ дѣломъ на западной окраинѣ; она какъ-то безучастно молчаливо старается обойти этотъ вопросъ великой важности, а при такомъ отношеніи общественной мысли къ вопросу какихъ плодовъ мы можемъ ждать? Во-вторыхъ, положеніе дѣла на западной окраинѣ несравненно болѣе сложно, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, благодаря исторически сложившимся условіямъ. Уже много вѣковъ на западной окраинѣ идетъ борьба духовная и политическая; съ одной стороны борьба Православія съ воинствующимъ католицизмомъ, съ другой—русской народности съ полонизмомъ. Рознь вѣроисповѣдная, конечно, не имѣла бы того остраго характера, какъ теперь, еслибы то или другое вѣроисповѣданіе въ краѣ не было знаменемъ той или другой народности. Эта связь элемента національно-политическаго съ религіознымъ такъ сильна, что понятія „православный“ и „католикъ“ стали синонимами понятій „Русскій“ и „Полякъ“, и въ народномъ, обычномъ словоупотребленіи совсѣмъ исчезли названія православная вѣра и католическая, а замѣнились словами: *русская вѣра* и *польская.* Такое смѣшеніе понятій имѣетъ за собою историческій смыслъ и оправданіе; какъ Православіе вошло въ плоть и кровь русскаго народа, такъ и Поляка нельзя вообразить не католикомъ. Но если подобное смѣшеніе понятій и опредѣленій имѣетъ свое оправданіе и понятно, то уже совсѣмъ иное значеніе имѣетъ смѣшеніе

способовъ дѣйствій, средствъ, оружія—въ двухъ различныхъ областяхъ жизни. Какъ бы ни была тѣсна связь области религіозной съ политической, но результатомъ этой связи не можетъ быть полнаго уподобленія всего религіознаго политическому и наоборотъ: цѣли, задачи, средства, сфера дѣятельности, направленіе—все это совершенно различное у государства и у Церкви; всякая попытка смѣшенія здѣсь приводила и приводитъ къ плачевнымъ результатамъ. Къ сожалѣнію, въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ нашей дѣятельности по укрѣпленію Православія и русской народности мы встрѣчаемся съ самымъ пагубнымъ смѣшеніемъ способовъ и пріемовъ этой дѣятельности. Наши задачи на этой окраинѣ ясны; къ чему стремиться?—этотъ вопросъ не вызываетъ возраженій. Но *средства* нашей дѣятельности, но *какъ* достигать намѣченной цѣли—это вопросъ слишкомъ запутанный и непонятный для большинства лицъ, призванныхъ рѣшать его практически.

А. Владиміровъ въ своей статьѣ „о положеніи Православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ" устанавливаетъ очень опредѣленно извѣстную точку зрѣнія на данный вопросъ. Этой точки зрѣнія придерживается не одинъ г. Владиміровъ; онъ высказываетъ только то, что̀ составляетъ выработанную политическую программу цѣлой группы лицъ. Поэтому выводы А. Владимірова очень важны и представляютъ большой интересъ для каждаго интересующагося русскимъ дѣломъ на окраинахъ. Желательно было бы, чтобы статья А. Владимірова возбудила въ нашей печати дѣльное обсужденіе поставленнаго вопроса и послужила бы къ болѣе опредѣленному его рѣшенію. Мы, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, основанныхъ какъ на своемъ личномъ знакомствѣ съ жизнью западной окраины, такъ и на тѣхъ фактахъ этой жизни, которые отмѣчены самимъ А. Владиміровымъ.

Точкой отправленія въ нашихъ сужденіяхъ служитъ та безспорная для насъ мысль, что задачи религіознаго характера не могутъ достигаться средствами политическими. Мечъ государственный и мечъ духовный,—двѣ вещи совершенно различныя, и смѣшивать ихъ никому непростительно. Поэтому все то, что̀ вноситъ въ нашу церковную жизнь на Западѣ политическія средства борьбы,—вноситъ и задатокъ безплодности этой борьбы.

Факты, сообщаемые А. Владиміровымъ, подтверждаютъ нашу мысль.

Вспомнимъ описаніе возсоединенія уніатовъ съ Православною Церковью въ тридцатыхъ годахъ. „Прежде всего мы должны установить фактъ", говоритъ А. Владиміровъ, „что инициатива возсоединенія не вышла изъ среды народа: въ немъ не было никакого движенія къ возсоединенію; это подтверждается всѣми дальнѣйшими результатами. Какъ „соединеніе" западнорусскаго Православія съ католичествомъ (унія) было дѣломъ польской политики, такъ и „возсоединеніе" уніи съ Православіемъ было дѣломъ русской политики" [1].

Далѣе, описывая формальный процессъ возсоединенія, А. Владиміровъ говоритъ о результатахъ очистки уніатскаго обряда. „Наиболѣе хлопотъ было съ удаленіемъ органовъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ прихожане на защиту ихъ вооружились кольями. Потребовались казаки. Но скоро дѣло было улажено; найденъ былъ сносный modus vivendi: сосѣдніе ксендзы обязательно предложили возбужденнымъ прихожанамъ „возсоединенныхъ церквей органы, звонцы и прочее въ своихъ костелахъ. Бо́льшая часть возсоединенныхъ храмовъ оказались крайне бѣдны, нуждались въ самой необходимой церковной утвари. Эта нужда въ скоромъ времени удовлетворена была богатыми присылками церковной утвари изъ Великоруссіи и особенно изъ Москвы. Но большинство „возсоединенныхъ" священниковъ не умѣли ею пользоваться и не умѣли служить: большею частью вмѣсто православной обѣдни пѣли католическую литанію. Потомъ нѣкоторые выучились. Впрочемъ, и не для кого было совершать богослуженіе: народъ перестал ходить въ свои церкви съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были „возсоединены". „Возсоединеніе" сдѣлало то, чего напрасно добивались папы отъ уніи столько лѣтъ: народъ въ огромномъ числѣ перешелъ въ католичество. А оставшіеся при „возсоединенныхъ" церквахъ числились по бумагамъ православными, а на самомъ дѣлѣ были тайными католиками, требы совершали для нихъ ксендзы, на богослуженіе ходили они въ костелы, — и на все это возсоединенное духовенство смотрѣло сквозь пальцы. Впрочемъ, и дѣлать-то было нечего. Здѣсь сбывалась поговорка: „Лошадь можно подвести къ водѣ, но заставить пить ее нельзя". Оставалось одно — ждать, когда она сама захочетъ".

Описаніе это такъ краснорѣчиво, что не требуетъ никакихъ

---

[1] *Русское Обозрѣніе*, мартъ, стр. 196.

комментаріевъ. Нельзя болѣе рѣзко осудить ту систему дѣйствій, которая обращаетъ вниманіе только на внѣшнюю сторону дѣла, а не на внутреннюю сущность. Эта система сама себя осуждаетъ въ своихъ результатахъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторая непослѣдовательность мышленія мѣшаетъ многимъ дѣятелямъ Сѣверо-Западнаго края (и въ томъ числѣ А. Владимірову) отрѣшиться отъ этой системы и стать на вѣрную почву. Даже ясные *факты* иногда бываютъ невразумительны. Въ той же своей статьѣ А. Владиміровъ говоритъ, что „въ 64—65 г. Муравьевъ рѣшился „очистить край отъ католичества“. Вызваны были „обращенія“ крестьянъ католиковъ цѣлыми приходами. Лица, хорошо понимавшія суть дѣла, говорили, что католичество будетъ выброшено за Нѣманъ. И оно могло быть выброшено! Этого не на шутку испугались петербургскіе радѣтели польщизны и добились отозванія графа Муравьева изъ Вильны. Однако и „обращенія“ католиковъ въ существѣ дѣла оказались неудачнымъ средствомъ укрѣпленія Православія, а „обращенные“—ненадежными православными. „Виленскій генералъ-губернаторъ Альбединскій, говоритъ А. Владиміровъ, въ виду громадно разросшейся при Потаповѣ силы ксендзовства, которая, поддерживаемая мѣстными Поляками землевладѣльцами, безпрепятственно отрывала отъ Православія и увлекала въ католичество множество „возсоединенныхъ“ въ 39-мъ году и „обращенныхъ“ въ 1864—65 году, просилъ Виленскаго архіепископа, впослѣдствіи Московскаго митрополита, Макарія изыскать средства къ удержанію обращенныхъ въ Православіи. На это архіепископъ Макарій отвѣчалъ: „Такъ какъ обращали ихъ въ Православіе чиновники, то пусть чиновники же изыскиваютъ и средства къ удержанію ихъ“. „Отвѣтъ не „пастыря добраго!“ добавляетъ А. Владиміровъ, „и не государственнаго человѣка“. И мы думаемъ, что не государственнаго человѣка; но во всякомъ случаѣ пастыря добраго и примѣрнаго. Иначе онъ и не могъ отвѣтить. У Церкви нѣтъ никакихъ средствъ удерживать въ повиновеніи тѣхъ, которые привлечены къ ней помимо своей воли. Средства эти могутъ быть только государственныя; къ нимъ и отослалъ приснопамятный архипастырь своимъ отвѣтомъ. Въ области духовной прочно лишь то, что имѣетъ въ своей основѣ свободное произволеніе; Церковь даетъ средства возбудить это произволеніе и поддерживать его.—Когда это есть, тогда и дѣло прочно, и не приходится бросаться изъ стороны въ сторону; когда этого нѣтъ—Церковь

безсильна, потому что безоружна. А между тѣмъ неудачу дѣла „обращенія“ католиковъ А. Владиміровъ старается объяснить, конечно, апатіей духовенства, хотя понимаетъ различіе между мечемъ государственнымъ и церковнымъ, между кесаревымъ и Божіимъ. Но интересы политическіе у него, конечно, заслоняютъ собою интересы церковные, и это онъ объясняетъ очень откровенно. „Дѣйствительно, говоритъ онъ, „обращеніемъ“ католиковъ по преимуществу занимались чиновники; но дѣло ихъ было хорошее, возвращавшее Православной Церкви ея древнее достояніе,—и главное безотлагательно нужное, *чтобы скорѣе положить конецъ польскимъ махинаціямъ въ краѣ черезъ посредство костела* (курсивъ нашъ). Между тѣмъ тогдашнее мѣстное православное духовенство, погруженное, по свидѣтельству отца Котовича, въ „апатію“, не способно было иниціативно вести это дѣло: не дожидаться же было, когда оно выйдетъ изъ своей апатіи. Оставалось естественно вести дѣло чиновникамъ“. Замѣчательно ясно и просто въ этихъ словахъ обрисованъ весь узелъ положенія русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Политическое положеніе въ краѣ было въ зависимости отъ костела; чтобы положеніе сдѣлать благопріятнымъ и спокойнымъ, необходимо отдѣлить народъ отъ костела; выводъ изъ этихъ положеніи ясенъ, и выводъ этотъ сдѣлалъ весьма послѣдовательно графъ Муравьевъ. Дѣло присоединенія католиковъ къ Православной Церкви для края есть дѣло государственной важности; мы это хорошо понимаемъ и съ *государственной,* политической точки зрѣнія ничего не имѣемъ противъ такой мѣры, какъ Муравьевское „обращеніе“ цѣлыхъ приходовъ. Это понятно и послѣдовательно. Но зачѣмъ же эту чисто-политическую мѣру навязывать духовенству и требовать отъ него того, что несогласно съ духомъ служенія пастырей Церкви? Зачѣмъ же упрекать этихъ пастырей въ „апатіи“ и бездѣйствіи, когда *энергія и дѣятельность понимаются и требуются только въ политическомъ смыслѣ?* Зачѣмъ сваливать на духовенство вину въ той неурядицѣ и путаницѣ, въ коей оно менѣе всего повинно? Въ этомъ непониманіи различія духовныхъ и политическихъ принциповъ, въ этомъ смѣшеніи ихъ и навязываніи другъ другу неподобающей дѣятельности—заключается узелъ всего вопроса. И какую нужно имѣть путаницу въ понятіяхъ для того, чтобы серьезно спрашивать: „почему чиновникъ не можетъ быть распространителемъ Православія?“

Къ нашему прискорбію, необходимо сознаться, что эта пута-

ница понятій, а отсюда и дѣйствій, есть грѣхъ не однихъ только „чиновниковъ" въ Западномъ краѣ, но и пастырей Церкви. Таковъ уже тамъ складъ жизни, таковы историческія теченія, повліявшія на этотъ складъ. Тѣсная связь интересовъ религіозныхъ и политическихъ совершенно спутала оружіе союзниковъ. Если обычное явленіе въ краѣ чиновникъ, распространяющій Православіе, то совсѣмъ не рѣдкость встрѣтить тамъ „боеваго" священника, въ политическомъ смыслѣ этого слова. Это совсѣмъ особый типъ священника, незнакомый центральной Россіи и выработанный жизнью западной окраины преимущественно воздѣйствіемъ на нее католическихъ понятій. Такъ и называются эти священники „боевые". Они представляютъ изъ себя довольно точную копію ксендзовъ. По крайней мѣрѣ дѣйствія ихъ всецѣло исходятъ изъ положенія „цѣль оправдываетъ средства".—Высокомѣрное отношеніе къ своимъ прихожанамъ, подчиненіе ихъ себѣ посредствомъ тонко выработанной дисциплины, разжиганіе въ нихъ политической ненависти къ своимъ противникамъ—достаточно характеризуетъ ихъ. Борьба явная и тайная съ ксендзами всѣми возможными средствами, постоянные розыски лицъ, упорно отклоняющихся отъ Православія, воздѣйствіе на нихъ черезъ посредство чиновъ полиціи, постоянное хожденіе по судамъ и возбужденіе дѣлъ „о совращеніи" — занимаетъ у этихъ „пастырей" все ихъ свободное время. Результаты такой дѣятельности не особенно благопріятны для Православія. Почему? Это мы объяснимъ въ слѣдующій разъ, а пока для иллюстраціи только скажемъ, что знаемъ лично одного священника, который на весь уѣздъ славится своей боевой дѣятельностью. И что же? У него въ приходѣ наибольшее число уклоненій, возстановилъ онъ противъ себя даже дѣйствительно православныхъ прихожанъ и никогда изъ дому не выходитъ безъ револьвера въ карманѣ. Истинно *боевой* священникъ!

Мы могли бы наполнить страницы описаніемъ противоположной этому дѣятельности пастырей—не боевыхъ, истинно православныхъ по духу, которыхъ также есть (благодареніе Богу) не малое число въ Западномъ краѣ. Но и этихъ краткихъ замѣчаній, кажется, достаточно, чтобъ уяснить нашу мысль.

Тѣсная связь между собою религіозныхъ и политическихъ вопросовъ въ Западномъ краѣ ставитъ рѣшеніе этихъ вопросовъ во взаимную зависимость; въ этомъ одномъ заключается уже трудная задача. Но дѣло осложняется еще и тѣмъ, что, благо-

даря этой зависимости, происходить, иногда сознательно, иногда невольно, *вторженіе въ чужую область и пользованіе не своимъ оружіемъ*. Въ этомъ весь узелъ вопроса. Чтобы нѣсколько оріентироваться въ этомъ трудномъ положеніи, необходимо прежде всего точно уяснить себѣ и опредѣлить тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ должна происходить дѣятельность религіозная и политическая, и за которыя она не должна выходить, а также и тѣ задачи, которыя должны преслѣдовать, каждый въ своей сферѣ, дѣятели церковные и политическіе. Тогда только и возможно будетъ подойти нѣсколько къ рѣшенію вопроса.

Такъ какъ насъ интересуетъ преимущественно церковная жизнь Сѣверо-Западнаго края, то мы нѣсколько подробнѣе должны остановиться на задачахъ дѣятельности духовенства, поскольку эта дѣятельность способствуетъ тому или иному положенію Православія въ краѣ. Но объ этомъ до слѣдующаго раза.

ХРОНИКА.

Принятіе духовнаго сана свѣтскими людьми въ послѣднее время стало явленіемъ почти обычнымъ.

13 февраля въ церкви С.-Петербургской Академіи состоялось постриженіе въ монашество студента III курса Григорія Дмитріевича Воеводина. Нареченный при постриженіи Гавріиломъ, Воеводинъ—сынъ петербургскаго мѣщанина, родился въ 1869 году; первоначальное и среднее образованіе получилъ въ 8-й Петербургской Гимназіи. Будучи гимназистомъ, онъ любилъ посѣщать Александро-Невскую Лавру и мѣстныя монастырскія подворья. Въ 1890 году онъ выдержалъ вступительный экзаменъ и поступилъ въ Духовную Академію, гдѣ со втораго курса сталъ принимать участіе въ проповѣданіи слова Божія по церквамъ и фабрикамъ Петербурга.

Недавно, по сообщенію *Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*, въ г. Бійскѣ постриженъ въ монашество, съ именемъ Алексія, учитель Бійскаго Миссіонерскаго Катихизаторскаго Училища А. Ѳ. Капелькинъ, готовившійся въ евангельской проповѣди среди язычниковъ Алтая. Новопостриженный о. Алексій родился и воспитывался въ Москвѣ въ такой средѣ, которая менѣе всего рас-

полагала къ монашеству, готовился къ военному званію и воспитаніе получилъ въ высшей военной школѣ. Но Господь судилъ ему другое жизненное поприще. Вмѣсто блестящаго мундира—послалъ ему мантію и клобукъ, вмѣсто меча—крестъ и посохъ, вмѣсто брани со врагами—брань со мракомъ язычества.

28 февраля въ Москвѣ былъ посвященъ въ санъ священника находящійся въ запасѣ гвардіи полковникъ Л. М. Чичаговъ, состоящій товарищемъ предсѣдателя Московскаго Отдѣленія Общества Бѣлаго Креста.

Новопосвященный отецъ Чичаговъ приходится внукомъ извѣстнаго адмирала Чичагова. Онъ получилъ образованіе въ Пажескомъ Корпусѣ, по выходѣ изъ котораго въ 1874 году поступилъ на военную службу въ гвардейскую конную артиллерію и состоялъ адъютантомъ при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ. Во время послѣдней Русско-Турецкой войны онъ участвовалъ въ этой кампаніи и былъ награжденъ нѣсколькими орденами за храбрость. По окончаніи войны имъ было основано въ Петербургѣ Общество Бѣлаго Креста. Выйдя въ отставку въ 1881 году съ чиномъ полковника, онъ поселился въ Москвѣ и здѣсь, благодаря его стараніямъ, было открыто отдѣленіе Петербургскаго Общества Бѣлаго Креста, въ которомъ онъ занимаетъ въ настоящее время мѣсто товарища предсѣдателя.

* * *

По сообщенію *Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей*, въ Св. Синодѣ выработаны правила, касающіяся устройства религіозно-нравственныхъ бесѣдъ для образованнаго общества. Бесѣды будутъ носить характеръ правильныхъ курсовъ, причемъ веденіе ихъ въ столичныхъ и университетскихъ городахъ предполагается поручить профессорамъ духовныхъ академій и профессорамъ богословія въ университетахъ, а въ другихъ городахъ—преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній. Въ первый курсъ войдетъ объясненіе Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, съ подробнымъ изученіемъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, а во второй—церковная исторія. Въ случаѣ успѣшнаго окончанія первыхъ двухъ курсовъ, бесѣды могутъ быть продолжены и коснутся обзора иновѣрныхъ исповѣданій.

* * *

14-го марта въ Петербургѣ, въ залѣ Главнаго Тюремнаго Управленія, происходило общее собраніе Прибалтійскаго Православнаго Братства по поводу исполнившагося десятилѣтія его дѣятельности. Предсѣдательствовалъ почетный предсѣдатель Братства преосвященный Арсеній, епископъ Рижскій. Засѣданіе было открыто рѣчью начальника Главнаго Тюремнаго Управленія М. Н. Галкина-Врасскаго, сдѣлавшаго краткій перечень успѣховъ, достигнутыхъ Братствомъ. Въ сентябрѣ 1882 года возникшія въ шестидесятыхъ годахъ Прибалтійское Братство Христа Спасителя и Гольдингенское Божіей Матери слились въ одно Прибалтійское Православное Братство. При своемъ образованіи Братство располагало капиталомъ во 146.723 рубля, каменнымъ и деревяннымъ домами при братскомъ храмѣ въ Гольдингенѣ, семьюдесятью десятинами земли близъ Гольдингена и имѣло въ въ ближайшемъ вѣдѣніи двѣ церкви и одну школу. За десятилѣтній періодъ капиталъ Братства возросъ до 488.339 руб.; изъ него израсходовано 279.590 руб. и въ остаткѣ состоитъ 208.748 руб. Недвижимая собственность увеличилась постройкой каменнаго храма въ Якобштадтѣ и пріобрѣтеніемъ школьныхъ зданій съ землей. Оказано матеріальное пособіе при учрежденіи Успенскаго женскаго монастыря въ Пюхтицѣ, при покупкѣ земли для Иллукскаго женскаго монастыря и при устройствѣ двухъ церквей и часовни. Открыто шесть новыхъ школъ, одинъ пріютъ, одна лѣчебница и общежитіе для бѣдныхъ: три школы надѣлены землей, учреждены двѣ стипендіи, выговорено безплатное помѣщеніе въ Іеввенской школѣ двадцатипяти стипендіатовъ и ежегодно обучается во всѣхъ школахъ до ста бѣдныхъ православныхъ дѣтей. Уплачено за пансіонеровъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ до 6.000 рублей; выдано различныхъ пособій на 90.000 руб.; издано книгъ духовнаго содержанія и листковъ 567 тыс. экз. Бѣднымъ приходамъ отпускались безвозмездно колокола, церковная утварь и облаченія. Въ школы разослано 2954 книги и 356 учебныхъ пособій. Кромѣ того, Братство образовало въ балтійскихъ губерніяхъ девять отдѣленій, которыя, служа органами центральнаго управленія Братства, имѣютъ и свой мѣстный, независимый кругъ дѣятельности. Затѣмъ М. Н. Галкинымъ-Врасскимъ отъ имени совѣта былъ предложенъ на обсужденіе вопросъ объ ассигнованіи изъ капитала Братства суммъ на достройку зданій вновь возникающей въ Ригѣ Свято-Троицкой женской общины. Преосвященный Арсеній въ живой и увлека-

тельной рѣчи изложилъ исторію возникновенія этой общины, созданной по мысли фрейлинъ Мансуровыхъ. Сначала это былъ небольшой, нанимаемый домикъ, въ которомъ былъ устроенъ пріютъ на шесть сиротъ. Затѣмъ мало-по-малу пріютъ этотъ разросся до предѣловъ общины, имѣющей значеніе православнаго учрежденія въ самомъ центрѣ лютеранства. Замѣчательно, что когда въ общинѣ стали читать псалтирь для вѣчнаго поминовенія усопшихъ, то откликнулось не мало и лютеранъ, сдѣлавшихъ для этой цѣли нѣсколько взносовъ. Въ оказаніи матеріальной помощи принялъ дѣятельное участіе и оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ. Нынѣ для помѣщенія общины строятся два дома—для общины и для пріюта. Въ послѣднемъ сооружается домовая церковь. На постройку этихъ зданій Братство ассигновало 5.000 руб. Въ этомъ же засѣданіи была утверждена смѣта на 1893 годъ съ балансомъ въ 17.000 рублей. Въ почетные члены Братства избраны: высокопреосвященный митрополитъ Палладій, отецъ Іоаннъ Сергѣевъ (Кронштадтскій), управляющій Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ статсъ-секретарь В. И. Вешняковъ и товарищъ синодальнаго оберъ-прокурора В. К. Саблеръ. Засѣданіе закончилось выборами въ члены совѣта и въ ревизіонную коммиссію. *(Москов. Вѣдом.)*.

* * *

Св. Синодъ въ своей заботѣ о развитіи церковно-религіозной жизни дѣятельно занимается изысканіемъ мѣръ въ этомъ направленіи. Для сего предположено открыть цѣлый рядъ новыхъ самостоятельныхъ и викаріатскихъ архіерейскихъ каѳедръ. Пока обращено особенное вниманіе на Сибирь, гдѣ въ этомъ смыслѣ религіозныя потребности наиболѣе настоятельны и требуютъ скорѣйшаго удовлетворенія. Въ этихъ интересахъ найдено необходимымъ образовать двѣ новыя отдѣльныя епархіи—Читинскую и Омскую. Мѣста самостоятельныхъ архіереевъ займутъ теперешніе тамошніе викаріи, которые и будутъ имѣтъ резиденціи въ городахъ Читѣ и Омскѣ. *(Москов. Вѣдом.)*.

* * *

Мы уже отмѣчали дѣятельность С.-Петербургскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви. Въ настоящее время совѣтъ Общества, съ благословенія митрополита Палладія, предположилъ въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ устроить рядъ собесѣдованій съ пашковцами по всѣмъ существеннымъ вопросамъ христіанскаго православнаго ученія, въ рѣшеніи которыхъ погрѣшаютъ эти сектанты. На бесѣдахъ предположено допускать обмѣнъ мнѣній, конечно въ совершенно приличной формѣ, если явятся вопрошающіе изъ сектантовъ. Первая бесѣда состоялась въ Казанскомъ соборѣ въ четвергъ 25-го февраля. Къ восьми часамъ вечера обширный соборъ былъ до тѣсноты переполненъ людьми всякихъ званій и положеній. Бесѣда посвящена была ознакомленію слушателей съ сектой. Возбудивъ живой интересъ къ пашковщинѣ, бесѣда эта повторена была въ Казанскомъ соборѣ въ воскресенье 28-го февраля. Слушателей на этотъ разъ было еще больше, чѣмъ въ первый разъ. Вторая по программѣ бесѣда, по болѣзни собесѣдника, не могла быть предложена 4-го марта, почему въ этотъ день не въ очередь бесѣдовалъ „о поминовеніи усопшихъ“ священникъ М. И. Соколовъ. Проповѣдникъ въ своей бесѣдѣ опровергалъ на основаніи слова Божія, общепротестантскій отрицательный взглядъ по этому вопросу. Пашковцы, несмотря на вызовъ обмѣняться мнѣніями, не выступаютъ со своими возраженіями; однако, очевидно, посѣщаютъ бесѣды, потому что пишутъ проповѣдникамъ письма, въ которыхъ то бранятъ ихъ, то противопоставляютъ православному ученію свои взгляды. Въ одномъ изъ такихъ писемъ на имя перваго собесѣдника написано: „Спросите себя самого, готовы ли вы предстать предъ лицо Бога въ ту минуту, когда вы предъ тысячною толпой опровергаете евангельскую истину, что *спасеніе дается даромъ по вѣрѣ?*“ Познакомивъ слушателей съ содержаніемъ этого письма, проповѣдникъ доказалъ, что Православіе, котораго онъ сынъ и служитель, не опровергаетъ истину о спасеніи даромъ по вѣрѣ, но разъясняетъ и дополняетъ въ духѣ *всего* ученія Св. Писанія. „Мы спасаемся вѣрой, но вѣрой *во все* дѣло Христово. А это дѣло слагается изъ ученія Христова, предваряемаго Ветхозавѣтнымъ Писаніемъ, которое, по Апостолу, все богодухновенно и полезно и которое все должно быть принимаемо нами для спасенія, изъ примѣра Его жизни, которому мы должны подражать, изъ крестныхъ страданій и смерти Богочеловѣка, въ которыхъ мы должны участво-

вать, какъ сердечною вѣрой, такъ и посредствомъ спасительныхъ таинствъ, въ которыхъ подается намъ благодатная помощь Св. Духа. Спасеніе должно быть усвоено человѣкомъ, и оно не такъ легко дается человѣку, какъ думаютъ сектанты, почему Господь и учредилъ Церковь, непогрѣшимую въ истинѣ и неодолимую въ силѣ, въ коей только и можетъ быть спасеніе усвоено человѣкомъ". Въ заключеніе проповѣдникъ горячо призывалъ сектантовъ читать *все́* Священное Писаніе, а не подчеркнутыя только мѣста изъ Новаго Завѣта, а православныхъ — крѣпко держаться Церкви, внѣ которой нѣтъ спасенія. Никто изъ сектантовъ и въ этотъ разъ не выступилъ съ возраженіями. *(Церк. Вѣд.)*

—Ь.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Царскія заботы о духовенствѣ.—Смерть Н. А. Алексѣева.—Новый «Императорскій» Лицей. — Новый министръ Государственныхъ Имуществъ. — Еще утрата. († К. А. Трутовскій.)—Столѣтіе присоединенія къ Россіи западныхъ ея областей.—Неожиданный оборотъ дѣлъ въ Сербіи.

Значеніе духовенства въ русской исторіи вообще и въ исторіи русскаго просвѣщенія въ особенности — неизмѣримо велико и, кажется, уже общепризнано. Мы разумѣемъ, конечно, здѣсь по преимуществу то значеніе, то вліяніе, какимъ пользовалось это сословіе въ Руси прежняго времени, въ Руси до-петровской. Это было очень понятно, очень естественно и просто. Будучи поставлено блюстителемъ свѣта истиннаго просвѣщенія, принесеннаго на землю Христомъ, и, милостію Божіею, занесеннаго и на Русь, будучи къ тому же, по особеннымъ историческимъ условіямъ, значительно просвѣщеннѣе прочихъ сословій и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, духовенство считало своимъ долгомъ, своею священною обязанностію заботиться о просвѣщеніи своей паствы. Тутъ не было ни тѣни кичливости, высокомѣрія, желанія первенствовать; тутъ было, напротивъ, глубокое смиреніе, но при этомъ—правильное пониманіе своего долга и страхъ отвѣтственности передъ Богомъ. Здѣсь не было желанія вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла изъ *духовной гордости* и *властолюбивыхъ цѣлей*: здѣсь было лишь сознаніе неотвратимой *необходимости*, сознаніе своего *долга* освѣщать свѣтомъ истиннаго просвѣщенія какъ внѣшнія явленія жизни, такъ и внутреннія движенія человѣческой души,—и въ этомъ великая, неоцѣнимая заслуга русскаго духовенства передъ русскимъ народомъ...

Но вотъ, когда Русь, возжаждавъ расширенія своего умственнаго кругозора, пошла на Западъ, въ „европскія“ школы, нашему духовенству пришлось смиренно посторониться передъ новыми „учителями“; великая заслуга его была почти совершенно забыта; значеніе его стало много меньше, роль незамѣтнѣе; оно вынуждено было отойти на второй планъ, пришло въ забвеніе и оскудѣніе—какъ матеріальное, такъ частію даже и духовное. Оскудѣніе духовное, то-есть пониженіе уровня духовныхъ интересовъ и запросовъ, духовной энергіи зависѣло частію отъ того высокомѣрнаго и скудоумнаго пренебреженія, съ которымъ не въ мѣру увлекшееся и зарвавшееся русское общество стало относиться ко всему своему, родному, и между прочимъ къ своему духовенству, частію же отъ причинъ чисто матеріальнаго свойства, то-есть отъ того же вышеупомянутаго оскудѣнія матеріальнаго.

Наше бѣлое духовенство, — преимущественно, конечно, сельское,—бьется нерѣдко въ прямой нуждѣ, въ настоящемъ значеніи этого слова. Необходимость пріобрѣтать содержаніе себѣ и своей, часто многочисленной, семьѣ скудными поборами съ прихожанъ, которые мѣстами и сами крайне нуждаются и скорѣе сами требуютъ помощи и поддержки, чѣмъ могутъ оказать ее другому,—эта грустная необходимость отодвигаетъ въ сторону и принижаетъ всѣ другіе болѣе высокіе интересы нашего духовенства, не даетъ средствъ и возможности на выполненіе иныхъ, чисто пастырскихъ обязанностей и задачъ, часто при полномъ сознаніи всей важности и настоятельности ихъ, а, главное, ложится печальною тѣнью на отношенія между пастыремъ и пасомыми, мутитъ ихъ чистоту и ясность, вноситъ въ нихъ какую-то фальшивую и непріятную ноту. Оттого-то и представляется порой, что современное духовенство наше оказывается иногда какъ бы не вполнѣ на высотѣ своего великаго историческаго призванія. Говоря это, мы, разумѣется, не имѣемъ въ виду, какъ отдѣльныхъ, исключительныхъ явленій, тѣхъ истинныхъ свѣтильниковъ, которые свѣтятъ немеркнущимъ свѣтомъ, преодолѣвая и покоряя все, и которыми, милостію Божіей, никогда не оскудѣвала Русская Земля, не оскудѣваетъ и доселѣ,—мы говоримъ лишь вообще, о всей совокупности современнаго русскаго духовенства, и притомъ вполнѣ понимая всю трудность, сложность, многообразіе и тонкость предъявляемыхъ ему нашимъ временемъ запросовъ и задачъ...

Да, въ наше время, когда русское общество, по крайней мѣрѣ,

его лучшіе, болѣе чуткіе, истинно передовые представители повертываютъ уже *домой*, возвращаясь изъ „европскихъ“ школъ, сильно разочарованные во многомъ, повертываютъ съ тѣмъ, чтобы попристальнѣе вглядѣться и вдуматься въ свое, родное, поразобраться хорошенько въ чужомъ, принесенномъ со стороны, отдѣливъ въ немъ тщательно пшеницу отъ плевелъ, подходящее для насъ отъ неподходящаго,—теперь-то именно и хотѣлось бы слышать отъ нашего духовенства вновь то твердое, авторитетное, властное и живое, учительное слово, которое не разъ уже раздавалось въ прежнія времена нашей исторической жизни, и которое такъ нужно было бы намъ теперь, чтобы возможно правильнѣе и скорѣе разобраться въ нашей многолѣтней и многообразной путаницѣ...

Настаетъ, повидимому, время, когда будетъ все больше и больше тѣхъ, которые, по вдохновенному слову поэта, [1]

Возжаждутъ Истины и Свѣта пожелаютъ,

а потому крайне важно и нужно, чтобы при этомъ, какъ говоритъ тотъ же поэтъ,

Имъ было бъ *чѣмъ* свои свѣтильники возжечь...

Но для того, чтобы духовенство могло стать на высотѣ своего историческаго призванія и сдѣлаться однимъ изъ рычаговъ нашего возрожденія, необходимо дать ему возможность поднять свой духовный уровень, а для этого прежде всего обезпечить хоть сколько-нибудь его матеріальное положеніе.

И вотъ, полный непрестанной думы о благѣ ввѣренной Ему Богомъ страны, Державный Вождь Русскаго народа, съ обычною Ему чуткостью и прозорливостью, уже спѣшитъ отозваться на одну изъ существенныхъ потребностей своего времени. Войдя въ мудрую и глубокую мысль, впервые высказанную Его Державнымъ Дѣдомъ и совсѣмъ было оставленную и забытую, Онъ съ трогательною сердечностью и заботливостью приступаетъ къ ея осуществленію.

Заслуга перваго почина въ этомъ важномъ дѣлѣ, заслуга указанія исторической послѣдовательности развитія и наступившаго затѣмъ забвенія мысли Императора Николая Павловича, а также и разъясненія, что для исполненія этой мысли нѣтъ, повицимому,

---

[1] А. Н. Майкова.

другихъ путей, кромѣ указанныхъ тѣмъ же Императоромъ, принадлежитъ г. оберъ-прокурору Св. Синода.

Вотъ подробное изложеніе всего хода этого важнаго дѣла, согласно свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, по вѣдомству православнаго исповѣданія, за 1888 и 1889, г. г. между прочимъ, говорилось: „Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи приходскаго духовенства составлялъ немаловажную заботу всѣхъ правительствъ, начиная съ Императора Петра I. Однако, стремленіе къ разрѣшенію его не имѣло полнаго успѣха, какъ за неотысканіемъ достаточныхъ средствъ къ приличному обезпеченію духовенства на огромномъ пространствѣ Россіи, такъ и за трудностью собрать необходимыя для сего свѣдѣнія о состояніи и нуждахъ всѣхъ церковныхъ причтовъ въ Имперіи. Съ наибольшею рѣшительностью и опредѣленностью приступилъ къ разрѣшенію сего вопроса блаженныя памяти Императоръ Николай Павловичъ, который съ первыхъ годовъ своего царствованія обратилъ особливую заботливость на обезпеченіе приходскаго духовенства, каковую выразилъ въ именномъ указѣ Святѣйшему Синоду, отъ 11 января 1828 года, въ слѣдующихъ словахъ: „Въ постоянномъ Нашемъ попеченіи о благѣ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, состояніе духовенства всегда привлекало на себя особенное Наше вниманіе. Въ твердой увѣренности, что добрые христіанскіе нравы составляютъ первое основаніе общественнаго благоденствія, а нравы назидаются наставленіями и примѣромъ духовенства, Мы всегда желали, чтобы чинъ духовный имѣлъ всѣ средства и къ образованію юношества. Церкви посвящаемаго, и къ прохожденію служенія его съ ревностью и свойственнымъ ему достоинствомъ, не препинаясь заботами жизни и безбѣднаго своего содержанія Изъявивъ уже въ разныхъ случаяхъ Святѣйшему Синоду мысль и волю Нашу о столь важныхъ предметахъ, Мы признали за благо снова повелѣть, дабы Святѣйшій Синодъ неукоснительно представилъ Намъ способы, какіе найдетъ онъ нужными, съ одной стороны, къ успѣшнѣйшему образованію духовнаго юношества, и съ другой, дабы лица, духовному званію себя посвящающія, особливо же приходскаго духовенства, обезпечены были въ средствахъ содержанія ихъ вездѣ и особенно въ приходахъ бѣдныхъ.“

6 декабря того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе

отпускать ежегодно, съ 1830 г., въ распоряженіе Св. Синода по 500.000 р. ассигнаціями. Учрежденный затѣмъ особый совѣщательный комитетъ для изысканія средствъ къ обезпеченію сельскаго духовенства призналъ наилучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ — назначеніе духовенству постояннаго содержанія изъ казны, и съ этою цѣлью выработалъ нормальные штаты содержанія причтовъ. Эти штаты были Высочайше утверждены 4 апрѣля 1842 г. и тогда же Высочайше повелѣно отпускать изъ казны необходимыя суммы, постепенно возраставшія и достигшія въ 1861 году 3.315.000 руб. Эти суммы, по мѣрѣ ихъ ассигнованія, распредѣлялись прежде всего на содержаніе духовенства Западнаго края, а затѣмъ и по остальнымъ окраинамъ Россіи и Сибири. Въ 1861 году, вслѣдствіе введенія новаго порядка составленія финансовыхъ смѣтъ и внесенія въ нихъ новыхъ кредитовъ не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министромъ Финансовъ, постепенный отпускъ суммъ изъ казны на содержаніе духовенства въ остальныхъ епархіяхъ Россіи былъ прекращенъ, и правительство обратилось къ изысканію мѣстныхъ способовъ къ дальнѣйшему обезпеченію духовенства. Но учрежденное въ 1862 году съ этою цѣлью особое присутствіе, въ теченіе своей 23-лѣтней дѣятельности, не изыскало никакихъ другихъ способовъ къ обезпеченію духовенства, кромѣ сокращенія приходовъ и уменьшенія численности духовенства, съ цѣлью увеличенія доходовъ наличныхъ членовъ причтовъ. Такая мѣра, однако, повела ко многимъ печальнымъ послѣдствіямъ и, между прочимъ, къ усиленію раскола.

Въ настоящее время отпускается изъ казны на содержаніе приходскаго духовенства Имперіи 6.329.143 руб., которые распредѣляются на содержаніе причтовъ около 19.000 приходовъ, между тѣмъ какъ всѣхъ приходскихъ церквей въ Россіи около 39.000. Изъ означенныхъ 6.329.143 руб. обращается около 3.650.000 р. на содержаніе причтовъ въ епархіяхъ западныхъ, прибалтійскихъ, привислинскихъ и закавказскихъ, остальные же до 2.680.000 руб. распредѣляются по остальнымъ окраинамъ Россіи и Сибири; на внутреннія же епархіи Европейской Россіи это благодѣяніе до сихъ поръ не распространяется, такъ что въ епархіяхъ: Московской, Владимірской, Ярославской, Вятской, Рязанской, части Тверской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, части Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Орловской, Курской, Донской и Кишиневской большинство приходскаго духо-

венства и до сихъ поръ вынуждено довольствоваться только платой за требоисправленія и земельными надѣлами, не получая никакого пособія изъ казны.

Такимъ образомъ дѣло о матеріальномъ обезпеченіи приходскаго духовенства, начатое такъ успѣшно по волѣ блаженныя памяти Императора Николая Павловича, осталось недоконченнымъ, — и притомъ въ епархіяхъ, составляющихъ ядро Россійскаго государства — только вслѣдствіе уклоненія съ того пути, какой былъ указанъ для этого Императоромъ Николаемъ I. Противъ объясненія оберъ-прокурора о томъ, что „въ будущемъ невозможно придумать другихъ, болѣе дѣйствительныхъ, способовъ къ обезпеченію духовенства, кромѣ возстановленія того порядка, какой установленъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и дѣйствовалъ съ 1842 по 1860 годъ, то-есть постепеннаго отпуска изъ казны въ распоряженіе Св. Синода хотя бы по 100.000 р. въ годъ дотолѣ, пока будетъ назначено содержаніе духовенству во всѣхъ епархіяхъ", Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: *„Въ высшей степени желательно возстановить этотъ порядокъ."*

Вслѣдъ затѣмъ Государь Императоръ изволилъ лично выразить министру Финансовъ Свою Высочайшую волю объ изысканіи средствъ къ постепенному обезпеченію приходскаго духовенства, начиная съ текущаго же года. Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія, оберъ-прокуроромъ Св. Синода, въ декабрѣ минувшаго года, внесено было представленіе въ Государственный Совѣтъ объ ассигнованіи въ 1893 году изъ казны на содержаніе духовенства 250.000 р. и о дальнѣйшемъ продолженіи дополнительныхъ ассигнованій до тѣхъ поръ, пока будетъ обезпечено содержаніемъ духовенство во всей Россіи. На состоявшееся затѣмъ постановленіе Государственнаго Совѣта о внесеніи въ финансовую смѣту Св. Синода на текущій годъ означенной суммы 28 декабря минувшаго года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе.

26 минувшаго февраля Его Величество Государь Императоръ, благосклонно принявъ всеподданнѣйшій адресъ Святѣйшаго Синода съ выраженіемъ благодарности за всемилостивѣйшее пожалованіе изъ казны средствъ за содержаніе сельскаго духовенства, Собственноручно изволилъ начертать:

„Сердечно благодарю Св. Синодъ за выраженныя чувства. Буду вполнѣ радъ, когда Мнѣ удастся обезпечить все сельское духовенство".

Выслушавъ знаменательныя слова Государя Императора, Святѣйшій Синодъ 4 марта опредѣлилъ: объявить объ этой монаршей милости синодальнымъ членамъ и прочимъ епархіальнымъ архіереямъ циркулярно, чрезъ *Церковныя Вѣдомости*, пригласивъ ихъ совершить благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому.

Адресъ Синода былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Благочестивѣйшій Государь! Съ самыхъ первыхъ дней Твоего Царствованія Ты, какъ Верховный Покровитель Православной Церкви, не переставалъ, по примѣру благочестивыхъ Предковъ Своихъ, внимательно и съ теплымъ участіемъ входить въ положеніе ея служителей, въ особенности приходскаго сельскаго духовенства, направляя возможную помощь туда, гдѣ скудость и нужда наиболѣе выступали и яснѣе сказывались. Нынѣ, не ограничиваясь частными пособіями, Ты обращаешься къ мудрой и благодѣтельной мысли Твоего Дѣда, блаженной памяти Императора Николая Павловича, о назначеніи всему приходскому духовенству постояннаго пособія отъ Государства и Всемилостивѣйше повелѣваешь возобновить осуществленіе этой мысли. Вѣсть о таковой Монаршей милости несказанно обрадуетъ бѣдныхъ священнослужителей. Горячо молиться будутъ они о Тебѣ предъ Господомъ. Твое благодѣяніе незабвенно будетъ въ роды родовъ. Помощь, оказываемая нынѣ духовенству, по Твоей, Государь, милости, не останется безъ благотворныхъ послѣдствій; она отзовется поощряющимъ образомъ на пастырской его дѣятельности, расширитъ, возвыситъ и усилитъ ее къ столь желаемому Тобою образованію народа въ духѣ Православной вѣры и преданности Тебѣ во благо Церкви и Государству. Синодъ, скорбящій скорбями приходскаго духовенства и радующійся его радостями, въ Твоемъ Монаршемъ милосердіи къ нему почерпаетъ для себя великое утѣшеніе и, движимый умиленнымъ чувствомъ, поставляетъ священнымъ долгомъ повергнуть къ стопамъ Твоимъ выраженіе своей, идущей изъ глубины сердечной, благодарности. За Твою милость онъ молитвенно призываетъ Божію милость и Божіе благословеніе на Тебя, Великій Государь, на Августѣйшую Семью Твою, на Твою Державу, на всѣ Твои благія Царственныя дѣла и начинанія и со всею силой любви и преданности молитъ, да сохранитъ Тя Господь на многая лѣта“.

* * *

Итакъ, Державный Вождь, полный непрестанныхъ царственныхъ думъ и заботъ о своемъ народѣ, съ чуткою отзывчивостью идетъ на встрѣчу всѣмъ насущнымъ нуждамъ его и потребностямъ, стараясь о наилучшемъ ихъ удовлетвореніи. Твердою рукой ведетъ Онъ, съ Божіей помощью, народъ свой къ его великимъ историческимъ судьбамъ по указанному ему Богомъ пути.

Но для успѣшнаго выполненія великаго дѣла Царева, Ему необходимы вѣрные и доблестные слуги, надежные и разумные помощники, крѣпкіе и неутомимые борцы за дѣло общественное и государственное, способные служить этому дѣлу до самозабвенія, до самопожертвованія, оставаясь до послѣдняго издыханія „на своемъ посту"...

Такими людьми, слава Богу, не оскудѣваетъ еще Русская Земля. Но какимъ чувствомъ жгучей боли сжимается сердце всякій разъ, какъ кому-либо изъ этой доблестной дружины приходится *выбывать изъ строя*, и притомъ выбывать *безвременно* и *трагически*!..

Такое именно чувство испытала Москва 11 марта при неожиданной вѣсти о безвременной и трагической смерти своего городскаго головы, Н. А. Алексѣева, погибшаго „на своемъ посту", при исполненіи своихъ обязанностей, въ новомъ, имъ же недавно отстроенномъ зданіи Городской Думы, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и энергіи, въ самомъ разгарѣ кипучей дѣятельности...

Какою-то русскою ширью, удалью и мощью, соединенной съ сердечною теплотой и благодушіемъ русскаго богатыря, вѣяло отъ этого человѣка...

Образъ Алексѣева, окруженный ореоломъ трагической кончины, надолго сохранится въ памяти народа.

Ниже мы помѣщаемъ особую статью, посвященную его памяти и характеристикѣ.

* * *

„Будьте дѣтьми своего народа и трудитесь, чтобы стать его украшеніемъ и силой. Будьте крѣпкими бойцами правды и свѣта и во всякомъ благомъ дѣлѣ доблестными слугами вашего Государя и Отечества".

Чтò это за совѣтъ? Откуда эта мысль? Чье это слово высокой пробы и высокаго чекана, блещущее яркимъ свѣтомъ и крѣпостью алмаза? Это слово М. Н. Каткова, это его проба, его чеканъ, это—мысль, горѣвшая яркими буквами на его зна-

мени, это—его завѣтъ основанному имъ Лицею, это—выдержка изъ его рѣчи къ воспитанникамъ Лицея на торжественномъ актѣ 13 апрѣля 1870 года...

15 марта текущаго года Августѣйшимъ попечителемъ Лицея, Московскимъ генералъ-губернаторомъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Сергіемъ Александровичемъ объявлено Лицею состоявшееся Государя Императора повелѣніе о наименованіи Лицея Цесаревича Николая „Императорскимъ".

Чѣмъ же можетъ Лицей отблагодарить какъ Великаго Князя, такъ и Самого Царя за Ихъ новую къ нему милость? Да ничѣмъ инымъ, какъ если будетъ продолжать стараться огненными буквами вжигать въ сердца своихъ питомцевъ великій завѣтъ славнаго патріота, его основателя. Воспитаніе „дѣтей своего народа", „крѣпкихъ бойцовъ правды и свѣта" и „доблестныхъ слугъ своего Государя и Отечества" будетъ со стороны Лицея лучшею благодарностью за всѣ царственныя милости къ нему и немалою заслугой предъ родиной. Онъ будетъ тогда „Императорскимъ" не по одному названію...

* * *

Другой, старшій „Императорскій" Лицей—Александровскій (прежде Царскосельскій) успѣлъ выпустить изъ своихъ стѣнъ уже не одного крупнаго дѣятеля. Надняхъ (Высочайшимъ приказомъ, помѣченнымъ первымъ днемъ св. Пасхи) одинъ изъ такихъ его питомцевъ назначенъ на высокій постъ министра Государственныхъ Имуществъ. Мы разумѣемъ глубокоуважаемаго сотрудника нашего журнала *Алексѣя Сергѣевича Ермолова.*

Назначеніе это нельзя не привѣтствовать отъ души, ибо въ лицѣ А. С. Ермолова мы встрѣчаемъ крайне важное и необыкновенно цѣнное соединеніе человѣка глубокихъ и обширныхъ теоретическихъ сельско-хозяйственныхъ познаній съ прекраснымъ практикомъ сельско-хозяйственнаго дѣла.

Вотъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ.

Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ принадлежитъ къ славному роду. Онъ внукъ знаменитаго кавказскаго героя А. П. Ермолова. Образованіе онъ получилъ, какъ мы уже говорили, въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, гдѣ окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, съ чиномъ девятаго класса, въ 1866 году. Затѣмъ онъ поступилъ въ С.-Петербургскій Земледѣльче-

скій Институтъ. Окончивъ въ послѣднемъ курсъ со степенью кандидата сельскаго хозяйства, А. С. началъ печатать одну за другою статьи въ сельско-хозяйственныхъ изданіяхъ: „О добываніи, переработкѣ и употребленіи кругляковъ фосфорно-кислой извести во Франціи", „Новыя изслѣдованія фосфорита" и пр. Слѣдуетъ прибавить, что надъ изслѣдованіемъ фосфоритовъ А. С. Ермоловъ работалъ еще въ Институтѣ подъ руководствомъ, безвременно погибшаго въ нынѣшнемъ году и не дожившаго до появленія своего ученика на министерскомъ посту, проф. А. Н. Энгельгардта. По порученію Министерства Государственнныхъ Имуществъ, А. С. составилъ подробную программу изслѣдованій для рѣшенія вопроса объ удобреніи почвъ, написалъ особую брошюру о русскихъ фосфоритахъ для Вѣнской всемірной выставки, подобную же брошюру для Парижской выставки и статистическое описаніе для международнаго Конгресса. Изъ другихъ его работъ извѣстны: „О винокуреніи изъ стеблей кукурузы", „О выдѣлываніи свекловицы въ Россіи", „О развитіи картофельнаго винокуренія въ Россіи", „О кавказскомъ винодѣліи", „О высшемъ агрономическомъ образованіи въ Россіи", переводъ сочиненія Жоржа Вилля: „Химическія удобренія" и проч. Въ двухъ изданіяхъ разошелся его солидный трудъ: „Организація полеваго хозяйства". Обратили на себя общее вниманіе его письма: „Съ черноземной полосы" въ первые годы его дѣятельности, а за послѣдніе годы рядъ его очерковъ въ *Русскомъ Обозрѣніи*, вышедшихъ затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Современные сельско-хозяйственные вопросы". Въ послѣднее время обратила на себя особенное вниманіе его замѣчательная книга „Неурожай и народное бѣдствіе", гдѣ затронутъ цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ вопросовъ о причинахъ пережитаго нами въ 1891 году бѣдствія и на ряду съ этимъ указаны мѣры къ предотвращенію въ будущемъ повторенія подобныхъ явленій. Заслуги А. С. Ермолова по сельскому хозяйству оцѣнены, между прочимъ, присужденіемъ ему въ прошломъ году особой золотой медали, выдаваемой Департаментомъ Земледѣлія и Сельской Промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ. Особенно цѣнило заслуги А. С. и Императорское Вольное Экономическое Общество, гдѣ онъ былъ одно время вице-президентомъ.

Государственная служба А. С. началась съ 1867 года. Чрезъ 12 лѣтъ онъ былъ начальникомъ статистическаго отдѣла въ Департаментѣ Земледѣлія и Сельской Промышленности и членомъ

ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Затѣмъ, онъ перешелъ въ Министерство Финансовъ и въ 1885 году занималъ постъ директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ; къ 39½ годамъ онъ имѣлъ уже чинъ тайнаго совѣтника и рядъ высшихъ орденовъ. За послѣднее время, А. С., какъ извѣстно, былъ товарищемъ министра Финансовъ и со свойственной ему энергіей работалъ въ рядѣ коммиссій образованныхъ С. Ю. Витте. Во время службы своей въ Департаментѣ Земледѣлія и Сельской Промышленности А. С. Ермоловъ образцово организовалъ сельско-хозяйственную статистику, воспользовавшись услугами мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ качествѣ директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ, г. Ермоловъ провелъ законъ о сельскохозяйственномъ винокуреніи. Въ настоящее время А. С. Ермолову около 46 лѣтъ.

Выступая теперь на вполнѣ самостоятельное поприще государственной дѣятельности, А. С. Ермоловъ сосредоточиваетъ на себѣ надежды сельскохозяйственной Россіи. Отъ всей души желаемъ ему оправдать эти надежды.

Принимая чиновъ ввѣреннаго ему Министерства, новый управляющій Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ А. С. Ермоловъ обратился къ нимъ со слѣдующими словами привѣтствія:

„Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть мнѣ вступить въ управленіе Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Приступая къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей, я отнюдь не скрываю отъ себя всей трудности предстоящей мнѣ задачи, въ особенности въ виду тѣхъ ожиданій, которыя вся Россія возлагаетъ нынѣ на наше вѣдомство, призванное стоять во главѣ сельскохозяйственнаго дѣла. Послѣ того тяжелаго года, который пережила Русская Земля, на нашу долю прежде всего выпадаетъ забота о возстановленіи ея потрясенныхъ невзгодой, но не оскудѣвшихъ производительныхъ силъ, намъ предстоитъ широкая созидательная дѣятельность, которая потребуетъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ и долгихъ лѣтъ упорнаго, но за то и благодарнаго труда. Представляясь Государю Императору, я имѣлъ счастіе получить отъ Его Императорскаго Величества ближайшія указанія относительно того пути, на который уже вступили мои предшественники, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что я найду въ васъ, господа, ревностныхъ исполнителей Высочайшей воли и что вы поможете мнѣ оправдать высокое довѣріе Его Величества.

„Со своей стороны я хорошо знаю, что не обладаю многолѣтнею административною опытностью моихъ высокоуважаемыхъ предшественниковъ, Михаила Николаевича Островскаго и Владиміра Ивановича Вешнякова, но я позволяю себѣ разсчитывать на тѣ силы, которыя они въ лицѣ вашемъ оставили мнѣ въ наслѣдіе. Съ большинствомъ изъ васъ мы уже знакомы давно. Съ небольшимъ 25 лѣтъ тому назадъ я впервые вступилъ въ это зданіе въ качествѣ причисленнаго къ Министерству и тѣмъ болѣе далекъ былъ отъ мысли когда-либо стать во главѣ его, что вовсе и не думалъ сперва посвятить себя государственной службѣ. Вступая въ это вѣдомство, я только надѣялся получить возможность ближе ознакомиться съ различными сторонами сельскохозяйственной жизни Россіи, изучить ихъ, какъ теоретически, такъ и практически. Получивъ разрѣшеніе прослушать полный курсъ сельскохозяйственныхъ наукъ въ бывшемъ Земледѣльческомъ Институтѣ, я потомъ исполнилъ цѣлый рядъ порученій, которыя поставили меня въ соприкосновеніе съ самыми разнообразными сторонами сельскаго хозяйства, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Будучи самъ землевладѣльцемъ, я имѣлъ возможность заняться и чисто практическою дѣятельностью, съ которою не разрывалъ связи и тогда, когда я, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, вынужденъ былъ вступить на служебное поприще, и этой связи съ живыми сельскохозяйственными дѣлами, я, быть-можетъ, болѣе всего обязанъ и тѣмъ, что нынѣ удостоился быть поставленнымъ во главѣ того учрежденія, которому ввѣрены интересы сельскаго хозяйства въ Россіи. Но именно потому, что я близко знаю многія стороны той сферы дѣятельности, которая мнѣ предстоитъ, и которая въ будущемъ можетъ еще расшириться, я не могу не сознавать, какъ много и какъ усиленно намъ придется работать. Не могу не сознавать я и того, что какъ бы энергически мы сами ни работали, этой работы будетъ недостаточно, если мы не сумѣемъ пойти навстрѣчу живой и плодотворной дѣятельности русскихъ сельскихъ хозяевъ. Мы должны поднять ихъ духъ, пробудить ихъ энергію, внушить имъ довѣріе къ нашимъ начинаніямъ и со своей стороны поддерживать въ нихъ каждый проблескъ иниціативы, каждое стремленіе къ прогрессу во всѣхъ сферахъ производительной дѣятельности Русскаго народа, ввѣренныхъ нашему попеченію. Въ вѣдѣніи нашего Министерства состоятъ и земли, и лѣса, и воды, и даже нѣдра Русской Земли. Вездѣ таятся неисчислимыя,

нетронутыя еще богатства, вездѣ дремлютъ великія силы, которыя можно пробудить и направить на путь широкаго развитія. Въ этомъ и заключается ближайшимъ образомъ, господа, та задача, которая намъ предстоитъ. Всѣ свои силы, всѣ свои знанія и энергію я готовъ положить на это дѣло, которому я, можно сказать, посвятилъ всю жизнь,—позвольте же мнѣ выразить увѣренность, что такую же готовность, такую же энергію я встрѣчу и въ васъ, моихъ ближайшихъ сотрудникахъ и помощникахъ. Ближе намъ придется познакомиться уже на дѣлѣ, на той живой работѣ, которая насъ свяжетъ, насъ соединитъ еще болѣе, и я молю Бога, чтобъ Онъ благословилъ наши совмѣстные труды ко благу нашей родины, во исполненіе высокихъ предначертаній Державнаго Хозяина Русской Земли."

Отъ души присоединяемся къ этой высокой и благородной молитвѣ, которою новый министръ закончилъ свою рѣчь. Богъ въ помощь! Помогай Богъ!...

* * *

Привѣтствуя вступленіе одного изъ нашихъ сотрудниковъ на высокій постъ, намъ приходится проводить скорбнымъ словомъ въ могилу другаго...

17 марта въ родовомъ сельцѣ Яковлевкѣ (Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи) скончался извѣстный художникъ, академикъ Императорской Академіи Художествъ, Константинъ Александровичъ Трутовскій.

Въ лицѣ покойнаго русское искусство лишилось одного изъ самыхъ талантливыхъ и симпатичныхъ своихъ представителей.

Кромѣ крупнаго и обаятельнаго художественнаго таланта, Трутовскій до старости, до могилы сохранилъ какую-то молодую энергію, живой, гибкій, любознательный умъ, юношески чуткое, отзывчивое, благородное сердце. Можно сказать, что почти ни одно сколько-нибудь живое и выдающееся явленіе въ области искусства и литературы не ускользало отъ его взора: всюду спѣшилъ онъ со словомъ привѣта, со словомъ ободренія...

Въ этой книжкѣ нашего журнала мы помѣщаемъ новый отрывокъ изъ воспоминаній Трутовскаго, подъ заглавіемъ „Пятницы художниковъ", переданный намъ еще самимъ покойнымъ. Ниже мы помѣщаемъ также особую статью, посвященную его памяти.

* * *

27 марта исполнилось ровно сто лѣтъ съ того знаменательнаго въ русской исторіи дня, когда былъ обнародованъ манифестъ Императрицы Екатерины II, которымъ нынѣшніе Юго-Западный край и Минская губернія, области такъ называемаго „втораго раздѣла“, послѣ тяжелаго и унизительнаго трехвѣковаго рабства подъ властью католическо-іезуитской Польши, были возсоединены наконецъ со своимъ исконнымъ, природнымъ и законнымъ отечествомъ, Великою Россіей.

Возсоединеніе это было однимъ изъ послѣднихъ актовъ, завершавшихъ великое дѣло собиранія Руси, начатое еще московскими великими князьями и царями.

Многое сдѣлано въ эти сто лѣтъ для заживленія старыхъ, глубокихъ ранъ, но сколько предстоитъ еще сдѣлать!.. Вопросъ о томъ, какъ болятъ еще эти старыя раны, и какъ много еще нужно великихъ заботъ, великаго труда и великой энергіи для окончательнаго ихъ заживленія, уже не разъ затрогивался на страницахъ нашего журнала, говорится о немъ не мало и въ настоящей книжкѣ, и мы не разъ еще будемъ возвращаться къ нему и впредь, какъ къ вопросу существенной важности, требующему большаго вниманія и основательныхъ обсужденій.

* * *

Большая путаница въ маленькой Сербіи кончилась самымъ неожиданнымъ и блистательнымъ образомъ... Конецъ этой путаницѣ внезапно положилъ самъ вѣнчанный юноша, почти ребенокъ. Возмужавъ подъ вліяніемъ своихъ душевныхъ страданій и почуявъ въ себѣ силу взять въ свои окрѣпшія руки бразды правленія, юный король Александръ разомъ разорвалъ свои ненавистныя путы и силой авторитета своей верховной власти прекратилъ въ своей странѣ, пришедшей въ восторгъ отъ его смѣлаго, геройскаго подвига, страшныя смуты, раздоръ и борьбу политическихъ партій, дошедшіе до послѣднихъ предѣловъ.

Молодой орлёнокъ, въ виду опасности, грозившей его родному гнѣзду, внезапно почуялъ приливъ мужества и силы, взмахнулъ едва подросшими крыльями и разомъ разсѣялъ стаю хищныхъ вороновъ.

Вотъ телеграмма, возвѣстившая міру объ этомъ удивительномъ событіи:

„*Бѣлградъ*, 2 апрѣля. Вчера вечеромъ регенты и министры были приглашены во дворецъ ужинать. Король Александръ въ концѣ ужина, поблагодаривъ регентовъ за труды, объявилъ, что нынѣ онъ беретъ власть въ свои руки. Регенты протестовали, но маршалъ двора пригласилъ ихъ и министровъ въ сосѣдній залъ, гдѣ они и были задержаны. Народъ ликуетъ доселѣ, передъ дворцомъ устраиваются громадныя оваціи. Король благодарилъ съ балкона за преданность и объявилъ, что отнынѣ онъ будетъ блюстителемъ конституціи и народныхъ правъ. Король отправился въ соборъ, сопровождаемый народомъ, восторженно привѣтствовавшимъ его“.

Отъ души поздравляемъ сербскій народъ и сердечно желаемъ, чтобы поразительная энергія, умственная зрѣлость, необыкновенная сила характера, чувство любви къ своему народу, чувство патріотизма и благочестія, обнаруженныя въ данномъ случаѣ его юнымъ королемъ, не оставляли его во все время правленія своимъ государствомъ, помогали ему сбрасывать также всяческія иныя нежелательныя, вредныя путы и помогли, наконецъ, вывести свой народъ на истинный, самобытный, славянскій путь!..

ПАМЯТИ Н. А. АЛЕКСѢЕВА.

(Родился 15 октября 1852 г.—скончался 11 марта 1893 г.)

„Я умираю, какъ солдатъ, на своемъ посту.“

Эти предсмертныя слова самого Алексѣева могутъ служить отличною характеристикой его дѣятельности, во всякомъ случаѣ выдающейся и незабвенной въ исторіи городскаго самоуправленія, а трагическая кончина, постигшая внезапно этого энергичнаго общественнаго дѣятеля, заставляетъ относиться еще съ бо́льшимъ уваженіемъ къ его памяти, которой мы и посвящаемъ эти нѣсколько страницъ.

Покойный Николай Александровичъ Алексѣевъ, потомственный почетный гражданинъ, происходилъ изъ старинной семьи именитаго купечества. Получивъ прекрасное домашнее образованіе и воспитавъ въ себѣ любовь къ труду и къ изящнымъ искусствамъ, онъ выступилъ на путь общественной дѣятельности, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ. Первые шаги его на этомъ пути относятся къ Московскому отдѣленію Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, гдѣ онъ трудился вмѣстѣ съ покойнымъ Н. Г. Рубинштейномъ. Дальнѣйшая его дѣятельность весьма разнообразна: онъ былъ и санитарнымъ попечителемъ Городской Думы, и учредителемъ школъ, предсѣдателемъ распорядительнаго комитета по устройству въ Москвѣ Всероссійской художественно-промышленной выставки, состоявшейся въ 1882 году, казначеемъ и членомъ многихъ обществъ, уѣзднымъ земскимъ гласнымъ, затѣмъ гласнымъ губернскаго собранія,

гласнымъ Городской Думы; участвовалъ въ разныхъ коммиссіяхъ, былъ членомъ Городскаго по Воинскимъ Дѣламъ Присутствія, хлопоталъ надъ устройствомъ коронаціонныхъ празднествъ,—и всюду, гдѣ бы ни приходилось ему служить, какъ бы ни было разнообразно и трудно это служеніе, онъ проявлялъ недюжинную энергію, глубокое знаніе дѣла и любовь къ принятымъ на себя обязанностямъ.

Съ 1885 года онъ былъ избранъ московскимъ городскимъ головою, и съ этого времени, со времени расширенія поля его дѣятельности, открывается предъ нами цѣлый рядъ смѣлыхъ идей, настойчиво осуществляемыхъ, и блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ Алексѣевымъ надъ „темнымъ царствомъ“ небрежности, затхлости и сна. Сразу одинъ за однимъ получили ходъ многіе насущные вопросы, ожидавшіе своей очереди долгое время; не будь Алексѣева, имъ пришлось бы прождать еще неизвѣстно сколько времени. За свои энергичные труды Н. А. удостоился получить Монаршее благоволеніе и глубокую признательность московскаго городскаго общественнаго управленія. Съ 1886 года онъ состоялъ членомъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для обсужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Это былъ человѣкъ труда, человѣкъ дѣла и удивительной энергіи, подъ вліяніемъ которой оживало и все его окружающее. Его смѣлыя рѣчи, основательное знакомство со всякимъ дѣломъ, о которомъ онъ рѣшался говорить, его замѣчательный даръ слова—все невольно подкупало въ его пользу, и всякій, согласившійся съ нимъ, никогда не раскаивался. Это умѣніе увлечь за собою толпу и при этомъ не разочаровать ее въ увлеченіи составило Н. А. огромную, покорную его волѣ партію, слѣдовавшую за нимъ на всѣхъ путяхъ. Онъ самъ увлекался дѣломъ, за которое брался, и любилъ, чтобъ увлекались этимъ дѣломъ и всѣ другіе, которые взялись за его исполненіе. Онъ отдавалъ всю душу, всю жизнь, всѣ заботы общественному служенію, оттого онъ и былъ строгъ ко всѣмъ подчиненнымъ. Человѣкъ безусловно честный и дѣятельный, онъ не могъ видѣть халатнаго отношенія къ дѣлу со стороны кого бы то ни было, отчего и нажилъ себѣ немало противниковъ, хотя даже эти противники уважали въ немъ его трудъ, энергію и честность. По удачному выраженію одного изъ гласныхъ, Алексѣевъ, „какъ бы предчувствуя кратковременный удѣлъ своей жизни, спѣшилъ жить и работать—и умеръ среди работы“.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ...
...Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то...

Приведенная выдержка изъ Лермонтовскаго стихотворенія какъ разъ подходитъ къ дѣятельности Алексѣева. Эта боязнь не успѣть совершить на пользу общественную всего, что постоянно зрѣло и кипѣло въ его умѣ, это опасеніе возможности кратковременнаго удѣла жизни, такъ характерно для Н. А., такъ близко пришлось къ его недремлющей, вѣчно дѣятельной натурѣ, что имъ-то и объясняется его всегдашнее правило — не оставлять ничего до завтра, что̀ можно сдѣлать сегодня, даже сейчасъ. Это правило руководило Алексѣевымъ во всѣхъ его грандіозныхъ начинаніяхъ. Дѣйствительно, удѣлъ его былъ слишкомъ кратковременнымъ, онъ не успѣлъ совершить еще многаго, чего мы были въ правѣ ожидать отъ него, еслибы жизнь его не пресѣклась роковой случайностью. Чтобы не быть голословнымъ, я напомню въ короткихъ словахъ о подвигахъ Н. А. въ Губернскомъ Земскомъ Собраніи, когда въ пятнадцать минутъ онъ рѣшилъ вопросъ о призрѣніи душевно-больныхъ, который въ теченіе пятнадцати лѣтъ оставался открытымъ и, можетъ-быть, не былъ бы осуществленъ до сихъ поръ, еслибы не удивительная настойчивость Алексѣева.

— Еслибы вы взглянули на этихъ страдальцевъ, лишенныхъ ума, говорилъ онъ Собранію,—изъ которыхъ многіе сидятъ на цѣпяхъ въ ожиданіи нашей помощи, вы не стали бы разсуждать ни о какихъ проектируемыхъ переписяхъ и прямо приступили бы къ дѣлу.

— Нужно найти помѣщеніе, говорилъ онъ далѣе, — *сегодня* его отопить, *завтра* наполнить койками, а *послѣ завтра* — больными!

При этомъ онъ тутъ же указалъ на подходящее помѣщеніе, которое можно „въ одну недѣлю обратить въ психіатрическое заведеніе на 50 больныхъ“.

Денегъ потребовалось 25.000 рублей, которые Алексѣевъ предлагалъ взять изъ земскаго запаснаго капитала, настаивая сдѣлать все дѣло черезъ десять дней.

— У васъ нѣтъ коекъ, я дамъ вамъ на время городскія койки. У васъ нѣтъ бѣлья, я даю вамъ запасное городское бѣлье. Я

сдѣлаю все, чтобы пріютъ открылся не далѣе, какъ черезъ десять дней. Это условіе необходимо, чтобы важное дѣло оградить отъ медлительности и затяжекъ.

— Въ десять дней ничего нельзя сдѣлать, возразили ему земцы. Наше постановленіе войдетъ еще въ силу только черезъ восемь дней.

— Оно войдетъ въ силу завтра! отвѣтилъ Алексѣевъ.—Я ручаюсь, что постановленіе наше будетъ представлено сегодня же, сейчасъ же къ утвержденію, и завтра все будетъ готово.

— Это невозможно: журналъ сегодняшняго засѣданія будетъ готовъ только завтра.

— Да зачѣмъ намъ журналъ! Возьмемъ листъ бумаги, напишемъ наше постановленіе и сегодня же пошлемъ на утвержденіе.

Во время краткаго перерыва Алексѣевъ успѣлъ повидаться съ собственникомъ намѣченнаго дома и заручиться его согласіемъ.

На другой день Н. А. уже докладывалъ собранію, что дача Ноева уже отоплена, для нея заготовлены уже казарменныя койки, сформированъ штатъ прислуги, готово больничное бѣлье.

И больница была открыта въ удивительно короткій срокъ, всецѣло обязанная своимъ существованіемъ настойчивости Алексѣева.

Точно такъ же, какъ въ это, такъ и во всѣ другія дѣла отъ крупныхъ до мелочей онъ умѣлъ внести жизнь и душу; все лишнее предъ нимъ разступалось и гибло, все нужное воскресало и процвѣтало. За кратковременный срокъ служенія Н. А. сломаны старые городскіе ряды съ убогими перекосившимися стѣнками, съ арестантскими рѣшотчатыми окошками, занимавшіе лучшую площадь въ Москвѣ, и вмѣсто нихъ воздвигнуты теперь новые ряды, получившіе европейскую извѣстность; устроены городскія бойни, сооруженъ водопроводъ, начаты работы по канализаціи, построено собственное роскошное зданіе Городской Думы, которое по роковой случайности послужило Н. А. гробомъ. Въ теченіе его службы открыто до тридцати городскихъ училищъ, построена психіатрическая лѣчебница, открывается Боевскій домъ призрѣнія; въ вѣдѣніе города перешла знаменитая Третьяковская картинная галлерея, сдѣлавшая Москву чуть ни центромъ русскаго художества; черезъ руки Алексѣева проходили громадные капиталы отъ жертвователей, причемъ нѣкоторые давались даже безъ назначенія, а просто на личное усмотрѣніе городскаго головы. Это доказываетъ только безграничное довѣріе, которымъ пользовался Н. А.

Обладая громадными личными средствами („особа баснословно богатая", какъ выразился о немъ Французъ Ноблъмеръ), Алексѣевъ стоялъ внѣ подозрѣній, и ни для кого не было тайной, что городская служба обходится ему крайне дорого. Онъ жертвовалъ ради службы и временемъ, и здоровьемъ, и большими деньгами, и, наконецъ, поплатился жизнью, оставивъ по завѣщанію 300.000 рублей на окончаніе постройки лѣчебницы для душевно-больныхъ.

Указавъ на нѣкоторые результаты Алексѣевской дѣятельности въ сферѣ городскаго благоустройства, нельзя обойти молчаніемъ и другихъ характерныхъ его поступковъ, гдѣ его энергія и справедливость проявились рѣзко и опредѣленно, начиная опять съ мелочей и кончая крупными реформами, какъ это произошло, напримѣръ, съ Сиротскимъ Судомъ, ветхозавѣтнымъ учрежденіемъ, съ допотопнымъ жалованіемъ и вслѣдствіе этого съ неизбѣжными безпорядками и волокитой, гдѣ столоначальники получали около трехъ рублей въ мѣсяцъ (имѣя на свои средства помощниковъ), гдѣ вообще высшее жалованіе получалъ сторожъ. Ясно, какъ велось дѣло...

Алексѣевъ сразу передѣлалъ все, принялъ на себя должность первоприсутствующаго, отоплялъ и освѣщалъ на личныя средства Сиротскій Судъ, пока рѣшался вопросъ, на чьи деньги это должно дѣлаться. Онъ водворилъ тамъ образцовый порядокъ, лично слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не было злоупотребленій и прежнихъ взятокъ, для чего увеличилъ жалованіе почти въ сорокъ разъ. Предсѣдательствуя въ Городскомъ по Воинскимъ Дѣламъ Присутствіи, онъ внезапно сдѣлалъ экзаменъ тѣмъ лицамъ, которыя представили учительскія свидѣтельства, освобождающія отъ воинской повинности, чѣмъ и обнаружилъ страшное злоупотребленіе: оказалось, очень многіе изъ этихъ „учителей" не могли грамотно написать даже двухъ словъ. И этотъ способъ уклоненія, практиковавшійся долгое время, немедленно прекратился. Алексѣевъ слегка подбодрилъ и Кредитное Общество, облагоразумилъ твердымъ словомъ представителей Газоваго Общества, ставшихъ было небрежничать съ освѣщеніемъ улицъ, упрекнулъ и земство, разузнавши о существованіи „земскаго" аршина, имѣющаго двадцать вершковъ...

Во время голоднаго года Алексѣевъ также проявилъ не мало энергіи. Во-первыхъ, онъ заявилъ, что существующія цѣны на хлѣбъ и мясо—неправильныя и предложилъ установить таксу;

а чтобы пекаря не вздумали сдѣлать стачку и прекратить вовсе печеніе хлѣба, онъ поручился, что этого не будетъ: „Я принимаю экстренныя мѣры: въ печахъ, спеціально устроенныхъ, уже готовыхъ, будетъ изготовляться хлѣбъ для продажи, и средства на это также у меня готовы. Словомъ, мы не позволимъ спекулянтамъ наживаться отъ народнаго бѣдствія!“ Такса была установлена и хлѣбъ подешевѣлъ. Позднѣе Алексѣевъ отправился на югъ для закупки хлѣба и для раздачи его голодающимъ. Это было почти милліонное благотворительное дѣло, и всѣ понимали, что поручить его Алексѣеву, значитъ—быть увѣреннымъ и спокойнымъ за результаты.

Въ виду приближавшейся холеры, Алексѣевъ хлопоталъ о мѣрахъ предосторожности, предлагалъ временныя палатки при больницахъ, устраивалъ дешевыя чайныя для народа, заботился объ очисткѣ города, усиливалъ городской обозъ, появлялся на разсвѣтѣ на базарахъ, конфискуя недозрѣлыя ягоды и платя за нихъ деньги болѣе бѣднымъ разносчикамъ. Онъ не былъ безучастенъ ни къ какому дѣлу, особенно тамъ, гдѣ касалось больныхъ, несчастныхъ или бѣдныхъ людей. Послѣ опустошительнаго пожара на Бабьемъ городкѣ онъ объявилъ подписку и первый пожертвовалъ пять тысячъ рублей. Онъ съ изумительною быстротой умѣлъ вообще собрать громадныя суммы на благотворительныя дѣла, начиная всегда съ перваго самого себя. Ради добраго дѣла онъ не щадилъ ни трудовъ, ни времени, поступался иногда и личнымъ самолюбіемъ, на что не всякій бываетъ согласенъ. Такъ разсказываютъ, одинъ купецъ заявилъ при свидѣтеляхъ, что еслибъ Н. А. ему поклонился въ ноги, онъ далъ бы сейчасъ же на благотворительность столько-то денегъ (кушъ былъ довольно солидный). Алексѣевъ, не раздумывая, поклонился ему въ ноги—и деньги были получены. Онъ всегда шелъ твердыми, увѣренными шагами къ намѣченной цѣли и не обращалъ вниманія на побочныя мелочи, нерѣдко касавшіяся очень близко его, какъ частнаго человѣка.

Коренной москвичъ, коренной Русакъ, онъ усвоилъ себѣ и коренной русскій характеръ—широкій, самостоятельный, и коренной русскій обычай—хлѣбосольство. Всѣ эти съѣзды и конгрессы, происходившіе въ послѣднее время, всѣхъ этихъ заатлантическихъ гостей и представителей франко-русскихъ симпатій, и все, что было связано въ смыслѣ торжественныхъ пріемовъ съ Москвою, Алексѣевъ зачастую, какъ представитель города,

бралъ на свой счетъ, устраивалъ пышные банкеты, встрѣчалъ и провожалъ иноземныхъ и знатныхъ гостей, знакомилъ ихъ съ Москвою, не манкируя въ то же время своею разностороннею службой. Не мудрено, что многіе удивляются, какъ хватало у него времени на всѣ эти дѣла

9 марта, когда въ Думѣ было назначено приведеніе къ присягѣ новыхъ гласныхъ и затѣмъ заявленія кандидатовъ въ городскіе головы, Алексѣевъ явился, по обыкновенію, съ утра къ своимъ обязанностямъ и принималъ просителей, среди которыхъ оказался новохоперскій мѣщанинъ Андріановъ, отвѣтившій на вопросъ Алексѣева „что вамъ угодно?" двумя выстрѣлами изъ револьвера. Первая пуля ранила Н. А. въ нижнюю полость живота, вторая пролетѣла мимо пальцевъ и засѣла въ двери. Страшно поблѣднѣвъ, Н. А. успѣлъ уйти въ кабинетъ, но вскорѣ потерялъ сознаніе. Несмотря на поданную первую помощь и на сдѣланную вечеромъ серьезную операцію подъ руководствомъ лучшихъ врачей и профессоровъ, пули найдено не было, и здоровье Н. А. внушало большія опасенія. Печальное извѣстіе о покушеніи мгновенно облетѣло всю Москву, и къ больному сейчасъ же начали съѣзжаться должностныя и высокопоставленныя лица, близкіе, родные, друзья. Тѣмъ временемъ площадь предъ Думой переполнилась публикою: всѣ спѣшили узнать, въ чемъ дѣло, живъ ли Н. А., и толпа эта, мѣняясь, не расходилась до поздней ночи. На утро по всей Москвѣ не было другихъ интересовъ, не было иного разговора, какъ только о здоровьѣ Алексѣева. Предъ Думой толпа не расходилась. Многіе побросали свои занятія и дежурили около Думы, ожидая благопріятныхъ извѣстій. Газеты печатали дневныя прибавленія и бюллетени, которые покупались на-расхватъ. Москвой овладѣлъ ужасъ. Все затихло, все пріуныло, и въ этомъ внезапномъ уныніи сказалась вся любовь москвичей и вся благодарность за неутомимые труды Алексѣева на общее благо.

Въ четвертомъ часу утра на 11 марта Н. А., въ страшныхъ мученіяхъ, почти не теряя до послѣдней минуты сознанія, скончался.

Въ эти трое сутокъ, пока гробъ его стоялъ въ главномъ думскомъ залѣ, поклониться праху покойнаго пришла почти буквально вся Москва, начиная съ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, московскаго генералъ-губернатора, присутствовавшаго за панихидою и возложившаго вѣнокъ и кончая всѣми классами городскаго населенія до рабо-

чихъ включительно. Цѣлыми днями не расходились толпы отъ Думы. Ото всѣхъ городскихъ обществъ, учрежденій, отъ многихъ редакцій, торговыхъ товариществъ и фирмъ, отъ многочисленныхъ сторонниковъ, отъ публики, отъ родныхъ и знакомыхъ на гробъ были возложены вѣнки лавровые, фарфоровые и серебряные. Съ вѣнками явились депутаціи отъ многихъ русскихъ городовъ, колоній, возлагали вѣнки консулы иностранныхъ державъ, труппы артистовъ, служащіе, гласные, словомъ,—не только вся Москва, но и значительная часть Россіи почтила память покойнаго. Думская парадная лѣстница была затянута чернымъ сукномъ, а на самомъ зданіи выкинуты были траурные флаги. Огромная зала, въ которой находился гробъ, была также задрапирована черною и бѣлою матеріей и сплошь увѣшана вѣнками, которыхъ насчитываютъ до 230.

Городская Дума въ своемъ экстренномъ засѣданіи, послѣ краткой рѣчи г. Пржевальскаго, рѣшила принять похороны Н. А. на счетъ Москвы, возложить серебряный вѣнокъ и присутствовать въ полномъ составѣ при погребеніи, выразить вдовѣ и матери покойнаго глубокое соболѣзнованіе, ассигновать 200.000 рублей на дѣла благотворенія съ цѣлью увѣковѣчить память Н. А. и поставить въ залѣ думскихъ засѣданій его портретъ во весь ростъ со слѣдующею надписью:

„Николай Александровичъ
Алексѣевъ,

московскій городской голова съ 9 ноября 1885 года, безвременно погибшій въ стѣнахъ Думы при исполненіи обязанностей службы.

Родился 15 октября 1852 года, скончался 11 марта 1893 года.

Такихъ похоронъ, какія устроила 14 марта Москва своему городскому головѣ, такой пышности, такого общаго горячаго участія, такого множества народа, слѣдовавшаго за гробомъ и стоявшаго на всемъ десятиверстномъ пути слѣдованія, переполнявшаго улицы, окна домовъ, крыши, заборы—врядъ ли запомнятъ москвичи. Въ процессіи принимали участіе депутаціи отъ всѣхъ городскихъ учрежденій, общественныхъ и частныхъ; на погребеніи присутствовали всѣ должностныя и административныя лица города и представители духовенства.

Могила Н. А. Алексѣева находится въ Новоспасскомъ мона-

стырѣ, почти около самыхъ дверей собора, при фамильномъ склепѣ. При погребеніи не говорилось никакихъ рѣчей, въ которыхъ не было и надобности, потому что дѣятельность Н. А. слишкомъ громко говоритъ сама за себя. Если что̀ и остается высказать, такъ только громкое сожалѣніе, что такая дорогая для общества жизнь прекращена въ разгарѣ кипучей дѣятельности какимъ-то никому невѣдомымъ, страннымъ и загадочнымъ, всего скорѣе—просто сумасшедшимъ человѣкомъ, личность котораго предстоитъ выяснить судебному слѣдствію.

Н. Т.

ПАМЯТИ К. А. ТРУТОВСКАГО.

17 марта текущаго года въ своемъ небольшомъ, родовомъ имѣніи, Яковлевкѣ, Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда, умеръ одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ, Константинъ Александровичъ Трутовскій. Дѣлать оцѣнку его художественной дѣятельности теперь не время, — это дѣло потомства, мы же дѣти одного съ нимъ вѣка и отнестись къ нему объективно еще не можемъ; но мы можемъ и въ этомъ случаѣ имѣемъ даже преимущество передъ потомствомъ собирать данныя для его біографіи, и это-то я и хочу сдѣлать въ настоящей статьѣ.

Константинъ Александровичъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Изъ его предковъ намъ извѣстенъ только одинъ, Василій Трутовскій, служившій при Екатеринѣ II, который отличался игрою на гусляхъ и считается первымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ. Это собраніе было имъ издано, но стало теперь библіографической рѣдкостью. Отецъ нашего художника служилъ въ военной службѣ, самъ былъ большимъ любителемъ искусства и въ сынѣ поощрялъ рано развившуюся страсть къ рисованію.

Константинъ Александровичъ родился 28 января 1826 года въ гор. Курскѣ, а дѣтство свое провелъ въ имѣніи отца, въ деревнѣ Поповкѣ—Семеновкѣ тожь, Курской губерніи, Ахтырскаго уѣзда. Девяти лѣтъ онъ отданъ былъ въ пансіонъ г. Земницкаго въ Харьковѣ, а въ 1839 г. поступилъ въ четвертый младшій классъ Николаевскаго Инженернаго Училища въ Петербургѣ. Онъ самъ разсказываетъ слѣдующій бывшій съ нимъ тамъ характерный случай: [1]

[1] См. *Наши Художники*, изданіе Ѳ. Булгакова, для котораго К. А. Трутовскій далъ автобіографическій очеркъ.

— „Во время одного класса онъ, сидя на задней скамейкѣ, рисовалъ каррикатуры сидящихъ за экзаменаціонными столами директора генерала Шангорста, инспектора и преподавателей. Инспекторъ, полковникъ баронъ Дальвицъ, замѣтилъ это и, подойдя къ Трутовскому, потребовалъ, чтобъ онъ, Трутовскій, отдалъ ему рисунки. При тогдашней строгости дисциплины, это былъ проступокъ не маловажный. Инспекторъ понесъ рисунки прямо къ директору. Посмотрѣвъ рисунки, директоръ подозвалъ къ себѣ Трутовскаго: „Да, вѣдь, у васъ талантъ! Посмотрите, господа, сказалъ онъ преподавателямъ, вѣдь это я, да какъ похожъ! Хотя, конечно, въ каррикатурѣ, а вотъ и вы, полковникъ" и т. д. Затѣмъ рекомендовалъ инспектору обратить вниманіе на Трутовскаго и дать ему всѣ матеріалы для рисованія".

Въ одно время съ нимъ въ Училищѣ были: Д. В. Григоровичъ, Ѳ. М. Достоевскій и И. М. Сѣченовъ. Такое общество не могло не имѣть хорошаго вліянія на юнаго художника. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Ѳ. М. Достоевскомъ онъ прямо выражается такъ: [1]—„Ѳедоръ Михайловичъ далъ сильный толчекъ моему развитію своими разговорами, руководя моимъ чтеніемъ и моими занятіями." Точно также въ одномъ изъ писемъ къ автору настоящей статьи онъ говоритъ: — „Съ Ѳ. М. Достоевскимъ я воспитывался въ Инженерномъ Училищѣ и потомъ былъ съ нимъ очень друженъ. Я былъ моложе его, и онъ очень помогъ мнѣ въ моемъ развитіи и въ направленіи, указывая мнѣ, еще очень юному, сочиненія великихъ авторовъ."

По окончаніи курса К. А. Трутовскій долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга на службу въ одну изъ крѣпостей, но, по иниціативѣ директора Училища, генерала Ломновскаго, несмотря на свою крайнюю молодость (ему было тогда 19 лѣтъ), былъ оставленъ при Инженерномъ Училищѣ, въ качествѣ репетитора въ классахъ рисованія и архитектуры, такъ какъ начальство желало доставить ему возможность въ то же время заниматься и въ Академіи Художествъ. Въ Академіи онъ считался ученикомъ Ѳ. А. Бруни. Въ то время тамъ царила классическая живопись, и нашъ художникъ сперва сталъ заниматься тоже исключительно исторической живописью, но его болѣе тянуло къ сценамъ изъ народной жизни, и на досугѣ онъ сталъ зачерчивать разные народные типы и сцены.

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* 1893 г. кн. I.

Въ 1849 году умерла его мать, и ему пришлось оставить Академію и Училище и снова переселиться въ Поповку.

„Малороссія, говоритъ онъ [1], произвела на меня чарующее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что имѣніе отца моего удивительно красиво. Домъ окруженъ большимъ садомъ, за садомъ прудъ, за прудомъ вѣковой лѣсъ; вся деревня тоже утопала въ садахъ. Съ жаромъ я принялся рисовать все, что мнѣ попадалось на глаза Но не долго я прожилъ: черезъ годъ, вслѣдствіе недоразумѣній съ братомъ, съ которымъ мы ни въ чемъ не сходились, ни въ воззрѣніяхъ на жизнь, ни въ самой жизни, я съ сестрой Лизой и съ кошкой Мурзой, зимой отправились въ Яковлевку, гдѣ былъ только маленькій флигель изъ двухъ комнатъ и прихожей. (Новый домъ былъ построенъ моей матушкой только вчернѣ). Тутъ я и остался“.

Въ это время Константинъ Александровичъ женился на племянницѣ С. Т. Аксакова, С. А. Самбурской и, благодаря этому, очень сблизился съ семействомъ Аксаковыхъ, особенно съ самимъ Сергѣемъ Тимофеевичемъ, что также не осталось безъ вліянія на воспріимчиваго художника. „На Сергѣя Тимофеевича, говоритъ онъ, я смотрѣлъ съ благоговѣніемъ и полюбилъ его всей душей... Много мы говорили съ нимъ по поводу моихъ занятій, и много я отъ него слышалъ полезныхъ замѣчаній. Онъ находилъ, что мнѣ непремѣнно нужно переселиться въ Москву и очень хлопоталъ, чтобы устроить что-нибудь для меня. Въ то время средства у меня были небольшія, и на нихъ жить въ Москвѣ, женившись, я никакъ не могъ“.

Поэтому, послѣ свадьбы молодые переѣхали въ деревню, и Константинъ Александровичъ принялся за работу,—чертилъ карандашомъ эскизы, наброски, рисовалъ акварелью и даже, въ первый разъ по выходѣ изъ Академіи, принялся за масляныя краски. Въ 1853 году онъ послалъ свои рисунки въ Петербургъ, въ Общество Поощренія Художниковъ, черезъ Анановыхъ, и предполагалъ составить цѣлый альбомъ малороссійскихъ сценъ съ тѣмъ, чтобы альбомъ этотъ пріобрѣло Общество. Въ этомъ принялъ дѣятельное участіе С. Т. Аксаковъ и много хлопоталъ, главнымъ образомъ, черезъ М. П. Погодина. Но въ отвѣтъ на всѣ хлопоты Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ Ѳ. И. Прянишникова [2]:

[1] Воспоминанія о С. Т. Аксаковѣ. *Русск. Худож. Архивъ*. 1892 г. вып. II.
[2] Тамъ же.

„На почтеннѣйшее письмо Вашего Превосходительства, отъ 31-го минувшаго октября, объ оказаніи содѣйствія отставному инженеръ-поручику Трутовскому въ заказѣ ему альбома малороссійскихъ сценъ, имѣю честь увѣдомить, что присланные рисунки я представлялъ въ засѣданіе Комитета Общ. Поощр. Худ., бывшее 15-го сего ноября, изъ которыхъ гг. члены Комитета, хотя и видѣли бойкость кисти и юморъ, но, по неоконченности работъ этихъ, не могли рѣшиться въ настоящее время заказать ему вышеозначенный альбомъ и предоставили г. Трутовскому представить въ Общество, какъ образецъ, рисунокъ, въ величину предполагаемаго альбома, дабы Комитетъ могъ видѣть какъ форматъ этого альбома, такъ и оконченность изображенія, при семъ увѣдомить о количествѣ листовъ. Возвращая при семъ ящикъ съ рисунками, прошу принять“ и т. д.

Послѣ этого Сергѣй Тимофеевичъ показалъ рисунки Ю. Ѳ. Самарину и А. С. Хомякову, но дѣло это такъ и не состоялось.

Въ слѣдующемъ году К. А. Трутовскій представилъ, черезъ А. Н. Макрицкаго, въ Академію три масляныхъ картины: „Уѣздная лавочка“, „Коробочка“ и „Слѣпой музыкантъ - Малороссъ, обучающій мальчика игрѣ на скрипкѣ“. Академія постановила [1]: „по достоинству представленныхъ работъ удостоить (его) званія некласснаго художника“.

Скульпторъ Н. А. Рамазановъ, увидя эти картины и нѣсколько рисунковъ нашего художника, написалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* восторженный отзывъ о К. А. Трутовскомъ, со свойственною ему горячностью сравнивая его не только со Штернбергомъ, но даже съ Гогартомъ.

Вскорѣ послѣ этого, въ маѣ 1856 г., Константинъ Александровичъ получилъ письмо отъ С. П. Шевырева, бывшаго тогда члена Московскаго Художественнаго Общества. „Онъ писалъ мнѣ, разсказываетъ самъ художникъ [2], что, увидѣвъ мои рисунки, онъ пришелъ въ восторгъ, что видитъ во мнѣ русскаго художника, отъ котораго ждетъ произведеній, изображающихъ русскій народный бытъ. Поэтому онъ находитъ, что я непремѣнно долженъ поселиться въ Москвѣ, и предлагаетъ употребить всѣ старанія, чтобы устроить меня тамъ (въ Москвѣ) и проситъ пріѣхать меня въ Москву, гдѣ онъ познакомитъ меня съ членами Московскаго

---

[1] *Сборн. Матер. къ исторіи Акад. Худож.* т. III, стр. 263.

[2] *Русск. Худож. Архивъ* 1892 г. вып. 3.

Художественнаго Общества, выражая надежду, что и они отнесутся ко мнѣ сочувственно. Я, конечно, былъ въ восторгѣ отъ такого обѣщанія. Въ маѣ же мѣсяцѣ я поѣхалъ въ Москву, видѣлся съ членами и получилъ отъ нихъ новыя обѣщанія и просьбу переѣхать въ Москву къ сентябрю мѣсяцу". Но такъ какъ дѣло шло помимо секретаря Общества, А. Г. Собащинскаго, то все окончилось тѣмъ, что Константинъ Александровичъ понапрасну разстроилъ хозяйство въ своемъ имѣньи, потерявъ рублей 500 на поѣздку въ Москву и, несолоно хлебавши, повѣсивъ голову, принужденъ былъ вернуться въ деревню, стыдясь даже сосѣдей, передъ которыми хвасталъ приглашеніемъ въ Москву.

Между тѣмъ С. Т. Аксаковъ показалъ одну изъ картинъ Трутовскаго В. А. Кокореву, который пришелъ отъ нея въ восторгъ, купилъ ее и далъ художнику тысячу рублей на поѣздку за границу.

„Я пустился въ путь, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Константинъ Александровичъ [1], черезъ Петербургъ, а оттуда моремъ въ Штетинъ, заѣхалъ въ Берлинъ, посѣтилъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Кельнъ и остановился въ Дюссельдорфѣ. Вездѣ я осматривалъ картинныя галлереи, простаивалъ часы передъ художественными произведеніями. Дрезденская Мадонна меня поразила необычайно. Я подолгу сидѣлъ передъ ней, и настроенный еще прежде чтеніемъ объ этомъ дивномъ произведеніи, мнѣ казалось, что передо мной не картина, а какое-то видѣніе. Кромѣ Сикстинской Мадонны на меня особенно произвели впечатлѣніе: Поль-Веронецъ, Гвидо-Рени, Рубенсъ и картины фламандской школы. Послѣ долгой однообразной жизни въ деревнѣ, я былъ ошеломленъ массой художественныхъ и иныхъ впечатлѣній, и я все время находился въ нервномъ и возбужденномъ состояніи духа. Я посѣщалъ и знакомился съ иностранными художниками, съ восторгомъ глядѣлъ на старинныя части городовъ, на древніе замки и на культуру полей.

Въ Дюссельдорфѣ я прожилъ долѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Художники, которыми населенъ весь городъ, чрезвычайно привѣтливо меня принимали и приглашали въ свое общество, которое собиралось лѣтомъ въ ихъ саду (Mall-Casten). Разумѣется, меня въ высшей степени интересовали работы художниковъ. Все въ ихъ работѣ было для меня ново, — у насъ въ Россіи въ то время такъ юно еще было искусство, у насъ еще почти не было ху-

[1] *Русск. Худож. Архивъ* 1892 г. вып. 3.

дожниковъ народныхъ (жанристовъ), а между тѣмъ въ Германіи, Франціи, Англіи были уже великіе мастера въ этомъ родѣ. Во время моего путешествія я довольно часто получалъ письма то отъ жены, то отъ Аксаковыхъ, но не отъ Сергѣя Т. Жена, чтобы не нарушать моего пріятнаго настроенія, писала мнѣ довольно веселыя письма, но въ письмахъ Аксаковыхъ проглядывала довольно безпокойная нотка относительно здоровья жены. И вотъ въ одинъ прекрасный день мной овладѣло такое безпокойство, что я взялъ билетъ train directe на Берлинъ, а оттуда чрезъ Бреславль, Варшаву, маль-постомъ черезъ Брестъ-Литовскъ полетѣлъ прямо въ Москву, оттуда въ Абрамцево. Такъ окончилось мое первое путешествіе за границу. Кажется, мы въ іюлѣ уѣхали опять въ Яковлевку, и съ этого времени пошли невзгоды какъ у Аксаковыхъ, такъ и у меня въ семьѣ. Сергѣй Тимофеевичъ сталъ сильно болѣть, письма его ко мнѣ прекратились. Въ 1858 году лѣтомъ умерла моя жена; осенью я поѣхалъ въ Петербургъ". Тамъ его встрѣтили очень радушно члены художественнаго собранія, такъ называемыхъ „Пятницъ", о которыхъ онъ до конца жизни сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія.

„Это были, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ автору настоящей статьи, въ высшей степени интересные (вечера),—въ нихъ участвовало все, что было талантливаго въ то время въ Петербургѣ по всѣмъ искусствамъ, и они оставили неизгладимое воспоминаніе въ моей памяти, и не думаю, чтобы могло скоро повториться что-либо подобное".

Незадолго до своей смерти, онъ описалъ было эти вечера, чтобы напечатать въ *Русскомъ Художественномъ Архивѣ*, но, за прекращеніемъ этого журнала, разсказъ остался ненапечатаннымъ [1].

Въ 1857 году Королевское Бельгійское Общество Акварелистовъ избрало нашего художника своимъ членомъ.

Въ Петербургѣ онъ много работалъ и съ успѣхомъ выставлялъ свои картины на выставкахъ, Академической и Общества Поощренія Художниковъ; но вскорѣ смерть сына снова заставила его вернуться въ Малороссію, а въ 1861 году онъ женился на внучатной племянницѣ А. С. Грибоѣдова. О. И. Лисицыной.

23 сентября 1860 года Академія опредѣлила [2]: „художника

---

[1] Переданъ намъ К. А. Трутовскимъ въ послѣдній пріѣздъ его въ Москву и помѣщенъ въ настоящей книгѣ *Русскаго Обозрѣнія. Ред.*

[2] Сборникъ *Матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ*, Т. III.

Трутовскаго, за исполненную имъ и доставленную сего 23 числа сентября въ Совѣтъ Академіи картину, изображающую „Русскій хороводъ", признать академикомъ", а 28 августа слѣдующаго года дѣйствительно признала его „академикомъ по живописи народныхъ сценъ" [1].

Съ этихъ поръ К. А. Трутовскій постоянно участвовалъ на выставкахъ и во всевозможныхъ иллюстрированныхъ періодическихъ и непеpіодическихъ изданіяхъ. Между прочимъ онъ иллюстрировалъ басни Крылова; къ сожалѣнію, это изданіе теперь очень трудно достать, такъ какъ оно стало уже библіографической рѣдкостью.

Въ 1857 году онъ опять ѣздилъ за границу, во Францію, Англію и Бельгію. Въ 1865 году его избрали предсѣдателемъ Обоянской Земской Управы. Онъ прослужилъ тамъ полтора года, но, видя, что это дѣло отвлекаетъ его отъ горячо любимаго имъ искусства, онъ оставилъ службу. Въ 1871 году то самое Училище Живописи, Ваянія и Зодчества, куда раньше онъ такъ тщетно разсчитывалъ попасть въ преподаватели, пригласило его быть инспекторомъ. И онъ съ любовью отнесся къ этому новому роду дѣятельности, заботясь о благѣ ввѣренныхъ его попеченію воспитанниковъ съ истинно отеческою нѣжностью. Но преданный только дѣлу, онъ оказался слабымъ въ борьбѣ съ интригою, ловко подведенною надъ него людьми преслѣдующими собственныя выгоды, и въ 1881 году принужденъ былъ оставить это мѣсто, хотя вскорѣ тѣ же самыя мѣры, за которыя будто бы такъ нападали на него, въ силу необходимости были возобновлены, и утрачено только то хорошее, что̀ было во время управленія сердечно преданнаго своему дѣлу и горячо гуманнаго Константина Александровича.

Съ этихъ поръ онъ уже почти безвыѣздно жилъ въ своей деревнѣ до самой смерти, не переставая, впрочемъ, слѣдить за всѣмъ, что̀ происходило въ области искусства и литературы. Не было ни одного сколько-нибудь симпатичнаго ему явленія въ художественной жизни, къ которому онъ не отнесся бы съ чисто-юношескимъ энтузіазмомъ.

Мнѣ пришлось испытать это на собственномъ примѣрѣ. Когда я принялъ на себя редакцію *Русскаго Художественнаго Архива*, то, по моему порученію, сынъ покойнаго, Владиміръ Констан-

---

[1] Тамъ же.

тиновичъ, поѣхавши въ это время къ отцу, передалъ ему мое приглашеніе принять участіе въ новомъ журналѣ. Въ это время какъ разъ наступалъ голодъ; опасность собственнаго матеріальнаго недостатка и видъ крестьянъ, съ ужасомъ ожидающихъ этого страшнаго явленія, вконецъ разстроили старика, и онъ впалъ въ сильную меланхолію. Но эта вѣсть разомъ оживила его. Онъ радовался чуть ли не больше меня самого и, конечно, не замедлилъ присылкою своихъ воспоминаній и рисунковъ.

Статьи эти, можно смѣло сказать, были лучшимъ украшеніемъ нашего журнала,—помимо необыкновенно интереснаго содержанія, онѣ были изложены прекраснымъ языкомъ, такъ какъ у него дѣйствительно былъ и литературный талантъ. Еще покойный С. Т. Аксаковъ въ одномъ письмѣ говорилъ ему: [1] „Не могу единожды навсегда не сказать вамъ, что вы имѣете рѣшительный и замѣчательный талантъ писать! Языкъ вашъ, несмотря на то, что въ немъ слышенъ элементъ гоголевскаго юмора и его пріемы, всегда оригиналенъ. Я думаю, что у васъ перо можетъ соперничать съ кистью“.

Каждаго выпуска журнала онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ и отъ души радовался ему, радовался каждому успѣху, каждому благопріятному отзыву. Самъ старался помочь мнѣ совѣтомъ, какимъ бы образомъ еще болѣе содѣйствовать этому успѣху. Уже за нѣсколько дней до смерти, пріѣхавъ въ Москву лечиться отъ своей роковой болѣзни, онъ привезъ съ собою еще статью для журнала о художественныхъ „Пятницахъ“, про которую я уже упоминалъ, и самъ поѣхалъ къ одному изъ старѣйшихъ членовъ этихъ „Пятницъ“, къ Ѳ. Ѳ. Львову, чтобы вмѣстѣ съ нимъ перечитать ее и пополнить; затѣмъ цѣлый вечеръ бесѣдовалъ со мною, мечталъ о лучшемъ времени для художественныхъ изданій, негодовалъ на косность нашей публики въ художественныхъ интересахъ. Но всѣмъ этимъ мечтамъ не суждено было осуществиться. Журналъ угасъ, не успѣвъ даже напечатать его послѣднее предсмертное произведеніе, и онъ самъ едва успѣлъ вернуться въ деревню, какъ тоже угасъ, тихо, безболѣзненно, безо всякихъ страданій оставивъ этотъ міръ для другаго, лучшаго міра, оставшись среди насъ только въ своихъ произведеніяхъ.

А. Новицкій.

1893 г. 5 апрѣля.

---

[1] *Русск. Художест. Архивъ*, 1892 г. вып. 2.

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

ЖИЗНЬ И ВОСПИТАНІЕ.

Какъ по имени автора, такъ и по самому предмету, вниманіе читателей естественно останавливается на статьѣ проф. В. О. Ключевскаго „Два воспитанія" [1] (*Русская Мысль*, мартъ). Авторъ затрогиваетъ вопросъ объ отношеніяхъ семьи и школы, которыхъ взаимныя жалобы такъ обыкновенны въ настоящее время. Тема важная, и излишне говорить, что у проф. Ключевскаго мы, какъ всегда, находимъ много интересныхъ фактовъ и поучительныхъ соображеній. Но, думается, въ концѣ-концовъ читатель все-таки остается нѣсколько разочарованъ или, по крайней мѣрѣ, не выясняетъ себѣ, въ чемъ же собственно основной недостатокъ нашего воспитанія.

Дѣло въ томъ, что проф. Ключевскій возбуждаетъ болѣе глубокій вопросъ, а разбираетъ менѣе важный. Онъ начинаетъ съ упрека въ томъ, что мы не знаемъ сами, *кого* мы хотимъ воспитывать. „Воспитатели и учители, говоритъ онъ, должны знать, *кого* имъ должно воспитать и выучить, знать не только тотъ педагогическій матеріалъ, который сидитъ и бѣгаетъ подъ ихъ руководствомъ, но и тотъ умственный и нравственный *идеалъ*, къ которому они обязаны приблизить эти ввѣренные имъ маленькія живыя будущности". Это начало превосходно, и подводитъ насъ конечно къ самой сущности предмета. Не менѣе кажется плодотворенъ и историческій путь сравненія, которымъ проф. Ключевскій предполагаетъ выяснить недостатки современнаго воспитанія.

[1] Первоначально она была, въ видѣ публичной лекціи, читана авторомъ 1 февраля.

„Когда, говоритъ онъ, исчезаетъ изъ глазъ тропа, по которой мы шли, мы оглядываемся назадъ, чтобы по направленію пройденнаго угадать, куда идти дальше. Двигаясь ощупью, въ потемкахъ, мы видимъ передъ собою полосу свѣта, падающую на нашъ дальнѣйшій путь отъ кого-то сзади насъ. Это проводница наша — исторія, съ ея свѣточемъ, съ ея уроками и примѣрами“.

Вниманіе читателя возрастаетъ до высшей степени. Но къ сожалѣнію пр. Ключевскій далѣе какъ бы забываетъ имъ самимъ указанную сущность вопроса. Онъ начинаетъ разбирать *только* отношеніе семьи и школы. Онъ какъ бы поддается слабости публики, которая всегда легче разбираетъ чужіе грѣхи чѣмъ свои. Дѣйствительно—если мы не знаемъ самого *идеала* воспитанія, не знаемъ, *что* вырабатывать изъ дѣтей, то, каковы бы ни были отношенія между семьей и школой, воспитаніе окажется плохимъ. Настоящій путь къ его поднятію — очевидно состоитъ въ томъ, чтобы выяснить самимъ себѣ цѣли и идеалъ воспитанія. Но это дѣло трудное. Гораздо легче педагогу школьному жаловаться на семью, которая, дескать, портитъ его дѣло, и семьѣ точно также жаловаться на педагога школьнаго. Забывая каждый свои недостатки, мы, отцы и учителя, предпочитаемъ жаловаться другъ на друга. Профессоръ Ключевскій, вмѣсто того, чтобы указать намъ на эту нашу ошибку, присоединяется къ нашему хору и начинаетъ разбирать дѣло такъ, какъ его можно бы было разбирать, еслибы у насъ, родителей и педагоговъ, у самихъ все обстояло благополучно.

Подобно намъ, проф. Ключевскій сводитъ разсужденіе на разборъ *отношеній между семьей и школой*. „Мы, говоритъ онъ, довольно спокойно говоримъ о нашей семьѣ, сохраняемъ то же спокойствіе, когда рѣчь заходитъ о нашей школѣ. Но мы всегда волнуемся, когда въ нашихъ бесѣдахъ встрѣчаются семья и школа. Мы чувствуемъ, что въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ у насъ есть какое то недоразумѣніе“.

Правы ли мы, однако, оставаясь спокойными при мысли о *семьѣ* и *школѣ* порознь? Дѣйствительно ли воспитаніе въ семьѣ удовлетворительно такъ же, какъ и въ школѣ? Правы ли мы, замѣчая ненормальность только въ ихъ взаимномъ отношеніи? Конечно нѣтъ, и самъ профессоръ Ключевскій, заподозривая насъ въ отсутствіи *идеала* воспитанія, очевидно не долженъ бы вѣрить въ благополучный ходъ воспитанія семейнаго и школьнаго, порознь взятыхъ. Тутъ наше спокойствіе есть, очевидно,

совершенная ошибка. И однако пр. Ключевскій даже не пытается насъ разувѣрить, а разсматриваетъ только *отношеніе* семьи и школы.

Это, конечно, ошибка со стороны автора, и притомъ такая ошибка, которая не можетъ не отозваться и на его историческихъ сравненіяхъ. Отказавшись въ настоящемъ отъ разбора *центральнаго* вопроса (т. е. вопроса объ идеалѣ личности, составляющей предметъ воспитанія), авторъ и въ прошломъ уже принужденъ недостаточно его помнить. Поэтому его сравненіе двухъ типовъ воспитанія, въ разныя времена испробованныхъ въ Россіи, дѣлается неяснымъ. Въ каждомъ изъ этихъ типовъ воспитанія есть три стороны: 1) идеалъ личности, 2) педагогическіе пріемы, 3) отношеніе семьи и школы. Чтобы сравненіе дало отчетливые результаты, нужно не упустить изъ виду ни одного изъ этихъ элементовъ. Въ мастерскомъ историческомъ изложеніи, какимъ всегда отличается пр. Ключевскій, мы, конечно, находимъ извѣстные *матеріалы* для такого сравненія. Но самъ авторъ его не дѣлаетъ, и въ сущности трудно сказать, что̀ именно онъ сравниваетъ въ этихъ двухъ типахъ.

Конечное поученіе, поэтому, выходитъ неяснымъ и даже спорнымъ, подобно тому, какъ исходный пунктъ разсужденія.

Посмотримъ, однако, средину разсужденія автора, наиболѣе цѣнную и интересную. Онъ развертываетъ передъ глазами читателя двѣ живыя панорамы двухъ воспитаній, изъ которыхъ съ однимъ Россія пережила Московскую эпоху, другое впервые попробовала при Екатеринѣ II, въ системѣ Бецкаго. Эти двѣ системы, говоритъ пр. Ключевскій, даютъ діаметрально противуположныя отношенія между семьей и школой. „Древняя Русь стремилась утвердить школу у домашняго очага и включить ея задачи въ число заботъ и обязанностей семьи; во второй половинѣ XVIII в. была предпринята попытка оторвать школу отъ семьи", устранить семью отъ воспитанія. Въ древне-русскомъ воспитаніи „главное вниманіе педагогіи было обращено на житейскія правила, а не на занятія научныя. Кодексъ свѣдѣній, чувствъ и навыковъ, какіе считались необходимыми для усвоенія этихъ правилъ, составляли науку о „христіанскомъ жительствѣ", о томъ, какъ подобаетъ жить христіанамъ. Этотъ кодексъ состоялъ изъ трехъ наукъ или *строеній:* то были строеніе душевное, ученіе о *долгѣ душевномъ*, или дѣло спасенія душъ, строеніе *мірское*, наука о гражданскомъ общежитіи, и строеніе *домовое*, наука о

хозяйственномъ домоводствѣ. Школой душевнаго спасенія для мірянъ была приходская церковь съ ея священникомъ, духовнымъ отцомъ своихъ прихожанъ. Его преподавательскія средства — богослуженіе, исповѣдь, поученіе, примѣръ собственной жизни.

Въ составъ его курса входили три части: богословіе,—*како вѣровати*, политика,—*како Царя чтити*, нравоученіе—*како чтити духовный чинъ и ученія его слушати, аки изъ Божьихъ устъ.* Эта школа была своего рода учительскою семинаріей. Ученіе, преподаваемое приходскимъ священникомъ, разносилось по домамъ домовладыками, отцами семействъ. Онъ не только дѣлалъ дѣло ихъ душевнаго спасенія, но училъ, какъ они, помогая ему, должны подготовлять къ этому и своихъ домашнихъ. Хозяинъ дома, отецъ семьи, былъ настоящій народный учитель въ древней Руси. Народная школа тогда заключалась въ семьѣ. Это было не простое естественное семейство, а довольно сложный юридическій союзъ, туго стянутый дружными вѣковыми усиліями Церкви и государства. Домовладыка считалъ въ составѣ семьи не только жену и дѣтей, но и *домочадцевъ*, то-есть младшихъ родственниковъ и слугъ съ ихъ семьями. Это было его домашнее царство, здѣсь онъ былъ не только мужъ и отецъ, но и прямо назывался *государемъ*. Этотъ домовый государь и былъ домашнимъ учителемъ, его домъ былъ его школой". Съ большимъ сожалѣніемъ сокращаю я выписки изъ этой мастерски и тепло, хотя независимо, написанной картины. „Трудъ воспитанія домовладыка дѣлитъ съ женой.... Древнерусская мысль не боялась и не скучала (то-есть не лѣнилась) думать о женщинѣ и даже расположена была идеализировать образъ доброй жены". Итакъ отецъ семьи, съ главною помощницею - женой, подъ руководствомъ священника, преподавалъ начатки *строенія душевнаго*. Затѣмъ слѣдовало *мірское строеніе*—„какъ жить православнымъ христіанамъ въ міру съ женами и дѣтьми, и съ домочадцами и ихъ учити". Далѣе, въ *домовомъ строеніи* педагогическій трудъ раздѣлялся между хозяиномъ и хозяйкой, какъ бы на два параллельные класса.

Школа въ собственномъ смыслѣ, публичное училище, съ книгами и другими орудіями грамотности, существовала, но въ составъ „общеобязательнаго воспитанія" не входила. Такая школа имѣла лишь дѣла спеціальныя. Такъ *Стоглавъ*, современный Домострою, предположилъ учреждать книжныя училища — „чтобъ ученики, пришедши въ возрастъ, были достойными священниче-

скаго сана". Школа, какъ воспитательное учрежденіе, была замѣнена *семьей*.

При такой системѣ воспитанія, „ребенокъ долженъ былъ быть воспитываемъ не столько уроками, которые онъ слушалъ, сколько тою нравственною атмосферой, которой онъ дышалъ. Это было не пятичасовое, а ежеминутное дѣйствіе, посредствомъ котораго дитя впитывало въ себя свѣдѣнія, взгляды, чувства, привычки. Какъ бы ни была неподатлива природа питомца, эта непрерывно капающая капля способна была продолбить какой угодно педагогическій камень". Воздѣйствіе получалось могучее, но оно имѣло и тѣневыя стороны. „Все здѣсь было обдумано, искусно размѣрено и разграничено, каждая вещь положена на свое мѣсто, каждое слово логически опредѣлено и нравственно взвѣшено, каждый шагъ разученъ, какъ танцовальное па, каждый поступокъ предусмотрѣнъ и подсказанъ, подъ каждое чувство и помышленіе подведена запретительная или поощрительная цитата изъ писанія или отеческаго преданія, всѣ эти шаги, помышленія и чувства расписаны по церковному календарю, и человѣкъ, живой человѣкъ, съ индивидуальною мыслью и волей, со свободнымъ нравственнымъ чувствомъ, двигался по этому церковно-житейскому трафарету автоматическимъ манекеномъ. *При такомъ общемъ направленіи жизни и при тогдашнихъ образовательныхъ средствахъ семьи* воспитанію грозила опасность погасить духъ обрядомъ, превратить заповѣди въ простыя привычки, выработать автоматическую совѣсть, нравственное чувство, дѣйствующее по памяти и навыку".

Такое обвиненіе противъ древне-русскаго воспитанія довольно обычно въ современной Россіи. Но когда его произноситъ профессоръ Ключевскій, то желательно было бы знать, какую *степень автоматичности совѣсти* онъ признаетъ въ результатѣ этого воспитанія, какъ фактъ достигнутый? Затѣмъ желательно бы знать, какими именно сторонами воспитанія производилась автоматизація совѣсти? Безъ этого—невозможно себѣ хорошо выяснить результаты сравненія съ явившейся потомъ системой Бецкаго. Но, какъ я замѣтилъ выше, профессоръ Ключевскій самъ осудилъ свою работу на эти неясности, поставивъ въ основу плана разсужденія отношеніе семьи и школы. Перейдемъ затѣмъ къ системѣ Бецкаго. Общее ея отличіе отъ предыдущей формулируется авторомъ такъ: „Въ древне-русской домашней дѣтской старались направить человѣка такъ, чтобъ онъ и съ завязан-

ными глазами зналъ, куда идти, а питомецъ закрытой философской школы, еслибъ онъ удался, былъ бы похожъ на человѣка, который, вышедши изъ дому съ желаніемъ пройтись, не знаетъ, куда идти, и потому вертится вокругъ самого себя, не двигаясь съ мѣста". Сравненіе живописное и даже мѣткое, но откуда явились такое различіе результатовъ?

Когда профессоръ Ключевскій начинаетъ обрисовывать новую школу (Бецкаго), онъ въ ней показываетъ черты, до такой степени напоминающія „Домострой", что самъ спрашиваетъ: „Какъ? Стало-быть, наши педагоги надѣялись по правиламъ Монтескьё, Локка и Руссо создать новую породу людей, не похожихъ ни на отцовъ, ни на матерей, и не догадывались, что въ этой репетиціи шестаго дня міротворенія они реставрировали уже знакомыхъ намъ автоматовъ древней Руси, то-есть только передѣвали въ новое модное платьице старую педагогическую куклу попа Сильвестра"? „Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, не совсѣмъ такъ, и даже не слѣдуетъ такъ выражаться". Разница будто бы въ томъ, что древнерусская педагогія отчеканивала автоматическую *совѣсть*, а педагогія XVIII вѣка—автоматическое *чувство*, „сердце".

Это общія опредѣленія. Посмотримъ самые факты.

Несомнѣнно, какъ впрочемъ они и сами выражались, Бецкіе имѣли цѣлью создать *новую породу людей*. Такая идея, „кажется", говоритъ профессоръ Ключевскій, а на дѣлѣ не „кажется", а несомнѣнно, могла возникнуть только при взглядѣ на человѣка, какъ „живую организованную пустоту", которая „постепенно наполняется, соприкасаясь со внѣшнимъ міромъ". Человѣкъ—создается *внѣшними условіями*. Такова была идея. Итакъ, стóитъ создать извѣстныя внѣшнія условія, и мы получимъ такого человѣка, какого хотимъ. Но почему же нуженъ былъ непремѣнно *новый* человѣкъ, отличный отъ стараго? Профессоръ Ключевскій не задается въ достаточной степени этимъ вопросомъ, но кто же не знаетъ, почему нуженъ былъ *новый* человѣкъ? Потому, что старый міръ отрицался, „человѣчество", въ лицѣ реформаторовъ XVIII вѣка, открывало „новую эру". Итакъ нуженъ былъ „новый человѣкъ". Чтобы создать его, требовалось устранить ребенка изъ-подъ вліяній стараго міра. Въ образцовомъ корпусѣ Бецкаго „5—6-лѣтній ребенокъ на цѣлыя 15 лѣтъ совершенно вырывался изъ семьи. Отдавая дѣтей въ Корпусъ, родители обязывались подпиской до окончанія курса не требовать ихъ обратно, *отнюдь ни подъ какимъ видомъ*, даже во временной отпускъ".

„Весь курсъ дѣлился на пять трехлѣтнихъ возрастовъ. Въ первомъ ребенка встрѣчала, взамѣнъ натуральной, педагогическая мать, въ лицѣ воспитательницы. При комплектѣ возраста во 120 человѣкъ у каждой воспитательницы было по 12 питомцевъ; весь возрастъ состоялъ изъ 10 педагогическихъ семействъ, только безъ отцовъ. Въ двухъ дальнѣйшихъ возрастахъ дѣти становились подъ руководство педагогическихъ отцовъ, безъ матерей. Составъ семей становился сложнѣе и потому число ихъ уменьшалось. Въ двухъ послѣднихъ возрастахъ дѣти превращались въ молодыхъ людей, и семейный строй воспитанія кончался, начиналась подготовка къ обществу и къ службѣ. Въ пятомъ возрастѣ, по уставу, кадетъ долженъ былъ „зрѣло обсуждать, какое бы для себя избрать состояніе въ обществѣ, на великомъ театрѣ свѣта". Сообразно съ этимъ, являлись два отдѣленія: одно для службы гражданской, другое для военной.

На воспитаніе обращалось больше вниманія, нежели на знанія Корпусное руководство учитъ, прежде всего, въ ребенкѣ „соорудить, по правиламъ натуры и физики", крѣпкое и выносливое сложеніе, потомъ вкоренить въ душѣ его страхъ Божій, спокойствіе, самообладаніе, „изящныя мысли", вдохнуть ненависть ко всему противному чести и добродѣтели, пріучить юношу „о людяхъ разсуждать и распознавать ихъ", научить его „что̀ есть человѣкъ въ обществѣ, чего требуетъ чинъ, мѣсто и состояніе, въ какомъ онъ находится", и т. д. Предполагалось воспитать людей какихъ-то универсальныхъ, на все способныхъ, „чтобы генералъ, одержавъ побѣду, могъ рѣшить судное дѣло въ Сенатѣ, распоряжать теченіе доходовъ, поправлять земледѣліе", и т. д. и т. д. Главнымъ средствомъ вліянія на воспитанниковъ должно было быть нравственное вліяніе, наказаній тѣлесныхъ ни въ какомъ видѣ не допускалось.

Полная неудача постигла эти планы, основанные на незнаніи природы человѣка. Говоря о заоблачности и теоретичности всей затѣи, профессоръ Ключевскій все-таки прибавляетъ: „Программа этой школы подкупаетъ своею задушевностью, вѣрой въ природу человѣка (?), любовью къ дѣтямъ". Трудно признать за нею и эти качества! Какая же это вѣра въ природу человѣка? „Домострой" скорѣе вѣрилъ въ природу, въ ея самостоятельныя начала добра и зла, считалъ необходимымъ бороться противъ зла. А здѣсь не „вѣра въ природу", а вѣра въ природную безлич-

ность, позволяющую вложить въ человѣка что угодно, даже безъ всякой борьбы съ нимъ.

Опытъ не удался. Очень понятно. Но что̀ же мы можемъ вывести изъ сопоставленія двухъ системъ? Профессоръ Ключевскій полагаетъ остановиться на слѣдующемъ:

„Опытъ Бецкаго убѣдилъ, что въ дѣлѣ воспитанія школа не можетъ оторваться отъ семьи, какъ опытъ древней Руси показалъ, что школѣ трудно и небезопасно слиться съ семьей. Семья и школа не сожительницы и не соперницы, а сосѣдки и сотрудницы. Школа не можетъ замѣнить семьи, какъ и семья не можетъ обойтись безъ школы.“ Въ семьѣ развиваются *индивидуальныя особенности* человѣка, въ школѣ—*общій типъ*, требуемый временемъ, страной и культурой. Дома дитя пріучается любить *своихъ*, въ школѣ учится превращать для себя чужихъ въ *ближнихъ*.

Такъ ли это? Потому ли нужна и семья, и школа? Объ этомъ можно было бы очень и очень поговорить. Но допустимъ на минуту правильность формулы профессора Ключевскаго. Что̀ же все-таки она даетъ намъ для постановки нашего современнаго воспитанія? Нужна *и* семья, *и* школа? Прекрасно. Это мы имѣемъ. Онѣ должны быть сотрудницы? Это всѣ говорятъ и нынче. Распредѣлить сотрудничество именно согласно указанію профессора Ключевскаго, можетъ-быть, мы и не сумѣемъ. На это есть серьезныя причины. Во-первыхъ, индивидуальность ребенка развивается особенно въ тѣ годы, когда онъ, по требованіямъ образовательнымъ, принадлежитъ уже больше школѣ, чѣмъ семьѣ. Итакъ, если школа, какъ къ сожалѣнію нерѣдко бываетъ, откажется отъ заботы объ его индивидуальности, то дѣло выйдетъ, пожалуй, и очень плохо. Во-вторыхъ, семья гораздо сильнѣе школы испытываетъ вліянія живаго *общаго типа* національности, а слѣдовательно не можетъ не передавать его ребенку, а еслибы и могла какъ-нибудь отъ этого воздержаться (что̀ невозможно), то изъ этого получится только то, что ребенокъ выйдетъ именно „отвлеченнымъ“ отъ своего мѣста, времени и племени. Но оставимъ все это, а обратимъ вниманіе на то, съ чего профессоръ начинаетъ свою статью. Онъ говорилъ, что нужно имѣть *идеалъ* воспитанія. Онъ совершенно справедливо указывалъ, что если мы не знаемъ, *кого* готовить, то „*соединенныя* усилія не могутъ быть *дружными*, и тогда изъ нихъ не выйдетъ цѣльнаго и складнаго дѣла“. Итакъ, допустимъ, что наша семья и школа распредѣлили свои усилія

совсѣмъ такъ, какъ рекомендуетъ профессоръ Ключевскій, но вѣдь онѣ все-таки не знаютъ, *кого* воспитывать, къ какому *идеалу* приближать воспитываемаго. Стало-быть у нихъ „цѣльнаго складнаго дѣла все-таки не выйдетъ". Этого мало. Допустимъ, что мы установили себѣ идеалъ, но ложный, ошибочный: сумѣемъ ли мы тогда получить воспитаніе правильное и плодотворное? Этого вопроса профессоръ Ключевскій какъ бы и не предполагаетъ вовсе, а онъ далеко не лишенъ значенія.

Еслибы человѣкъ, по природѣ духовной, былъ такая tabula rasa, какъ полагали педагоги XVIII вѣка, то воспитателямъ достаточно было бы установить любой, по своему вкусу, идеалъ, и затѣмъ дружно и искусно отливать въ его форму своихъ воспитанниковъ. Но въ дѣйствительности природа человѣка сама въ себѣ заключаетъ извѣстный идеалъ, и дѣло педагога не сочинить его, а *понять*. Дѣло педагога не отливать души въ форму произвольнаго идеала, а способствовать прорастанію того идеала, какой уже данъ самой природой человѣка. Потому-то воспитаніе и не есть *обезличеніе*, а совершенно наоборотъ — развитіе личности, но именно въ томъ случаѣ, если педагогія вложила правильное содержаніе въ свой идеалъ личности. Если же это содержаніе опредѣлено ошибочно, то педагогія будетъ обезличивать, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дружнѣе примутся за работу семья и школа. Такимъ образомъ вопросъ о *содержаніи идеала* чрезвычайно важенъ. Критикъ системы воспитанія древнерусскаго, Бецкаго, современнаго, долженъ бы начинать съ вопроса о томъ, каково въ данную эпоху содержаніе идеала личности, составляющаго цѣль педагогіи? Распредѣленіе педагогическаго труда между семьей и школой есть уже вопросъ вторичный. Я увѣренъ, что еслибы проф. Ключевскій поискалъ причинъ успѣховъ и неудачъ педагогіи древнерусской и Бецкаго въ самомъ содержаніи ихъ идеаловъ воспитанія, онъ бы пришелъ къ заключеніямъ гораздо болѣе значительнымъ и поучительнымъ для современниковъ.

Собственно для нашего времени это вопросъ прямо первостепенный. Воспитаніе готовитъ человѣка для жизни, для той жизни, какова она есть въ дѣйствительности. Для чего же мы, нынче, готовимъ своихъ дѣтей? Тѣ родители и учители, которые сами ни во что серьезно не вѣрятъ, *кого* они воспитываютъ изъ своихъ дѣтей и учениковъ? А можетъ ли проф. Ключевскій сказать, какой процентъ нынѣшнихъ родителей и учителей *серьезно* во что-нибудь вѣритъ? Конечно, всѣ они увѣрены, что, напри-

мѣръ, не слѣдуетъ воровать, убивать, вообще обижать безъ надобности, но многіе ли изъ нихъ, въ глубинѣ своей совѣсти скажутъ — почему и для чего нужны такія, а не иныя правила поведенія, навыки нравственности? У попа Сильвестра надо всей жизнью развертывался Божественный законъ, въ который онъ вѣрилъ такъ же, какъ мы нынче вѣримъ, напримѣръ, въ политическую экономію или гигіену. У педагоговъ XVIII вѣка была фанатическая вѣра въ полную революцію человѣческихъ отношеній, въ наступающее царство разума. Обѣ школы *знали* куда идти, а потому могли развертывать хотя силу воздѣйствія на воспитанниковъ. Но нынѣшній родитель или учитель — гдѣ онъ возьметъ силу воздѣйствія? Для него самого въ жизни ясно одно — что нужно ѣсть, пить, служить, вообще добывать деньги, не дѣлать особеннаго зла, а засимъ — все далѣе скрыто въ туманѣ. Онъ самъ не знаетъ *зачѣмъ* живетъ.

Не отсюда ли являются пререканія между семьей и школой? Родители, не зная, *кого* воспитывать, требуютъ, чтобъ это сказала школа, а школа — сама этого не знаетъ и сердится на родителей, что они не умѣютъ ничего внушить дѣтямъ. Когда является семья, знающая *кого* готовить, то-есть, напримѣръ, серьезно христіанская семья, или серьезно революціонная (что нынче рѣдчайшее исключеніе), эти семьи скорѣе *боятся* школы. Точно также когда является педагогъ, знающій *кого* готовить изъ дѣтей, онъ боится семьи, не ждетъ отъ нея ничего. И вотъ почему мы всѣ такъ волнуемся, когда рѣчь заходитъ объ отношеніяхъ семьи и школы. Размежевка между ними — едва ли можетъ чему-нибудь помочь. Отецъ, знающій *кого* готовить, ни за что не уступитъ современной школѣ задачи вырабатывать въ его дитяти *общій типъ*, и онъ правъ. Точно также и живой педагогъ, знающій свои цѣли, ни за что нынѣ не положится на выработку родителями *индивидуальности* питомца, потому что онъ очень хорошо понимаетъ, что въ видѣ общаго правила современные родители эту задачу исполнятъ совершенно неудовлетворительно. Выходъ изъ этого положенія, изъ этихъ отношеній — между семьей и школой, — никакими размежевками, никакимъ раздѣленіемъ труда не можетъ быть данъ. Онъ будетъ данъ только *осмысленіемъ* воспитанія, которое явится, когда мы, родители и педагоги, будемъ знать *кого* воспитывать, другими словами — *для чего* жить намъ и воспитанникамъ нашимъ. Когда

же это для насъ станетъ ясно, когда педагогическій трудъ родителей и учителей станетъ осмысленнымъ, то сомнительно, чтобы между семьей и школой осталась какая-либо тѣнь недоразумѣній. Никакихъ размежевокъ тутъ и не требуется, дѣло у родителей и школы совершенно *общее*, одно и то же. Воспитаніе и образованіе требуетъ бо́льшаго количества силы, нежели способна дать семья, и вотъ почему нужны школы. Недостатокъ школъ, какой былъ въ древней Руси, составлялъ, конечно, большее несчастье, но собственно потому, что крайне ограничивалъ воспитально-образовательныя средства страны. И у Бецкаго устраненіе семьи было вредно не столько само по себѣ, какъ по *мотивамъ* своимъ. Семья, безъ сомнѣнія, въ воспитаніи не можетъ быть устранена школою, потому что школа только *дополняетъ* дѣйствіе семьи. Если семья теряетъ воспитательную способность, то со стороны школы нужно настоящее безуміе для того, чтобы вообразить себя способною замѣнить семью. Это попытка гальванизировать мертвое тѣло. Источникъ воспитательной силы общества въ семьѣ, и ужь если онъ здѣсь изсякъ, то тѣмъ паче его неоткуда взять въ школѣ. И такъ *вообще* семья въ воспитаніи неустранима. Но если въ странѣ вообще семья остается при болѣе или менѣе нормальныхъ воспитательныхъ способностяхъ, то весьма возможно какое-нибудь отдѣльное училище, которое *по нуждѣ* обходится безъ родителей, какъ, напримѣръ, въ сиротскихъ домахъ, исправительныхъ пріютахъ и т. п. Тутъ семью не устраняютъ нарочно, семьи нѣтъ не потому, чтобы педагогъ начиналъ „мудрить“, а просто—нѣтъ ея—гдѣ же ее взять? Но педагогъ старается дѣйствовать такъ, чтобы остаться въ гармоніи съ общесемейнымъ воспитаніемъ, и его усилія вовсе не даютъ такихъ „сумбурныхъ“ результатовъ какъ въ школѣ Бецкаго. Напротивъ, изъ этихъ пріютовъ выходятъ нерѣдко вполнѣ добропорядочныя силы. Конечно отсутствіе семьи и здѣсь тяжело педагогу, онъ не имѣетъ самаго лучшаго и сильнаго помощника. Но въ концѣ-концовъ кое-какъ обходится, и изъ уличныхъ воришекъ успѣваетъ приготовить честныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ. Дѣло не столько въ размежевкѣ между семьей и школой, какъ въ *содержаніи* воспитательнаго идеала.

Думается, что и въ современныхъ взаимныхъ жалобахъ семьи и школы основа недоразумѣній—въ тусклости воспитательныхъ идеаловъ, въ неясности *зачѣмъ* жить, а стало-быть и *къ чему*

готовить. Какіе-то пробѣлы въ этомъ отношеніи были конечно и въ древне-русскомъ воспитаніи, иначе оно бы не рухнуло такъ легко подъ напоромъ въ сущности довольно жалкихъ европейскихъ вліяній. О фальшивости идеаловъ школъ XVIII вѣка, думаю, можно и не распространяться. Они отцвѣтаютъ, не успѣвши и расцвѣсть. Но у насъ, въ настоящее время, нѣчто едва ли не хуже. Тогда хотя *ошибались*, а мы даже и не ошибаемся, а просто *ни во что* не вѣримъ. Какое же тутъ можетъ быть воспитаніе?

Л. Тихомировъ.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

СТУДЕНЧЕСТВО 60-хъ ГОДОВЪ.

Въ мартовской книжкѣ *Наблюдателя* помѣщены воспоминанія студента шестидесятыхъ годовъ („Студенческіе годы") Московскаго Университета. Очерки, живые и объективные, воскрешаютъ въ памяти времена, до сихъ поръ для многихъ остающіяся предметомъ весьма мало заслуженнаго поклоненія.

Молодой человѣкъ ѣхалъ во храмъ наукъ, конечно, со всякими розовыми надеждами. „Я считалъ университетъ и студенческую жизнь средоточіемъ всего прекраснаго, честнаго и возвышеннаго. Сколько разъ, сидя за приготовленіемъ къ окончанію экзамена изъ какого-либо предмета, я оставлялъ записки или учебники и уносился мыслью въ университетскій городъ".

Но на первый же разъ пришлось начинать *взяткой* чиновникамъ университета, якобы для того, чтобы быть принятымъ, несмотря на незаконный возрастъ (семнадцать лѣтъ). Тутъ канцелярскіе чиновники, вѣроятно, просто надули мальчика, но впечатлѣніе отъ этого не измѣнилось.

„Часа черезъ два пришли чиновники; появилась на столѣ соленая закуска изъ балыка и икры; къ нимъ, разумѣется, поданы водка и вино; стали закусывать и пропускать по рюмочкѣ. Чиновники были въ восторгѣ отъ закуски; языки у нихъ порядочно развязались, и они стали нѣсколько фамильярничать. Чтобы поскорѣй отдѣлаться отъ нихъ, Чер—ій отозвалъ меня и А. въ сторону и посовѣтовалъ дать имъ по три руб.; мы исполнили это, и я былъ увѣренъ, что тѣмъ и кончится, но каково же было мое удивленіе, когда одинъ изъ нихъ, уже порядочно подпившій, безцеремонно протянулъ ко мнѣ руку, говоря: „encore"! Нечего дѣлать, я полѣзъ въ сумку, висѣвшую у меня на шеѣ, вынулъ еще три руб. и далъ ему; но мой чиновникъ, пріобрѣвшій какую-то особенную развязность, лаконически повторилъ: „encore"! Я совершенно потерялся при такомъ нахальствѣ и безсознательно вынулъ и отдалъ третью бумажку; этотъ маневръ онъ повторилъ еще разъ, и я въ четвертый разъ отдалъ три руб.

На лицахъ товарищей выражалось изумленіе, и даже его сослуживецъ сконфузился и остановилъ его; послѣ этого выпили еще малую толику; въ заключеніе визита, тотъ же нецеремонный „чинушка“ попросилъ отрѣзать ему балыка на дорогу; мы все это исполнили, чтобы только поскорѣй раздѣлаться съ ними, и наконецъ они распрощались“.

Непріятное впечатлѣніе произвели на молодаго человѣка и товарищи, хотя онъ самъ живо втянулся въ ихъ образъ жизни. „Сознавая себя совершенно свободными, избавившимися отъ прежняго обязательнаго труда, видя передъ собою обширное поле, на которомъ можно гулять по своей волѣ, мы, очертя голову, бросились въ самую безалаберную жизнь. Карты, вино, женщины, гульбища самыя разнообразныя смѣняли другъ друга“.

Все это, пожалуй, и не бѣда, еслибы было немножко поэстетичнѣе, чѣмъ обыкновенно бываетъ. Но ужъ настоящая бѣда, что „наука“ оказалась сразу мало способною привлечь къ себѣ юношу. Болѣе притягательную силу оказали нелѣпѣйшія „волненія“.

„Недѣли черезъ три послѣ начала лекцій въ аудиторіяхъ стали появляться подметные листки, призывавшіе молодежь къ возстанію противъ „стѣснительныхъ“ университетскихъ правилъ. Въ воззваніяхъ довольно ловко затрогивалась чувствительная струна молодежи. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней сентября, войдя въ университетъ, я подошелъ къ группѣ студентовъ, стоявшихъ въ передней; они читали прокламацію. Это уже не было для меня новостью, и я спросилъ: что же будетъ дальше? Одинъ изъ студентовъ, Гижицкій, замѣтилъ мнѣ, что потомъ кто-нибудь прочтетъ воззваніе во всеуслышаніе и тогда условятся въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Чрезъ часъ послѣ того, я уже увидѣлъ Гижицкаго въ большой словесной аудиторіи, читавшаго прокламацію съ каѳедры; онъ былъ полонъ какого-то особеннаго одушевленія. Прокламація была получена изъ Петербургскаго Университета, который вообще первый началъ волноваться и потомъ былъ закрытъ; начиналась она, помню, такъ: „Правительство намъ бросило перчатку (!); теперь посмотримъ, сколько окажется смѣлыхъ, чтобъ ее поднять“; затѣмъ шла безпощадная критика университетскихъ правилъ и введенныхъ въ Петербургскомъ Университетѣ „матрикулъ“. Гижицкій заключилъ чтеніе словами: „насъ не забудетъ потомство, имена наши вспомянетъ исторія!“ Какъ ни смѣшны теперь кажутся эти слова,

но въ то время они имѣли силу электрической искры надъ слушателями, отвѣчавшими на воззваніе громкими рукоплесканіями и криками. Такъ начались „студенческія демонстраціи". Каждый день стали собираться сходки, на которыхъ читались воззванія, свѣдѣнія, получаемыя изъ другихъ университетовъ, проекты адресовъ къ попечителю, министру и такъ далѣе. Поднимались самые разнородные толки. Тѣмъ, кто высказывалъ мнѣніе, согласное съ настроеніемъ толпы, дѣлались оваціи; порицанія и насмѣшки встрѣчали тѣхъ, кто осмѣливался предлагать образъ дѣйствій умѣренный и осторожный. Помню, кто-то на сходкахъ справедливо замѣтилъ, что дай этимъ ярымъ либераламъ власть въ руки, они явились бы самыми страшными деспотами. Лекціи посѣщались немногими, фамиліи которыхъ вывѣшивались на посмѣяніе подъ рубрикой: „прилежные ученики". Первые два курса юридическаго факультета были совсѣмъ закрыты. Сходки собирались съ самаго ранняго утра, большею частью, въ саду стараго университета; доступъ на нихъ былъ свободенъ всѣмъ, тѣмъ болѣе, что форма студенческая — весьма некстати — была отмѣнена, и въ штатскомъ платьѣ въ толпу могъ протискаться всякій. Появлялись, понятно, и переодѣтые полицейскіе чиновники, слѣдили за всѣмъ изо дня въ день и замѣчали особенно выдающихся дѣятелей изъ студентовъ. Начались аресты по всѣмъ факультетамъ и курсамъ; были арестованы, между многими, извѣстные всему университету старые студенты: Понятовскій, Славутинскій, Аргиропуло, Кельсіевъ (впослѣдствіи эмигрантъ и авторъ интересныхъ записокъ: „Пережитое и передуманное"), Гижицкій и пр., и пр. Аресты товарищей страшно распалили студенчество; арестованные являлись въ его глазахъ „мучениками за правду". Этимъ настроеніемъ только и можно объяснить дикія выходки противъ добрѣйшаго и прекраснѣйшаго попечителя, генерала Н. В. Исакова, который, думая повліять на студентовъ своимъ словомъ, вошелъ въ аудиторію, во время сходки, съ однимъ изъ московскихъ полицеймейстеровъ и сталъ „увѣщевать" молодежь. Ему не дали сказать даже нѣсколькихъ словъ, забросали бранью, заглушили криками: „какая картина? просвѣщеніе идетъ рука объ руку съ полиціей! Долой попечителя, долой полицію!" и т. п.

4 октября происходила демонстративная панихида въ память Грановскаго, окончившаяся впрочемъ безъ скандаловъ. Но сходки становились все многолюднѣй, возбужденіе среди студентовъ все

росло; масса арестованныхъ,—число которыхъ доходило уже до нѣсколькихъ десятковъ,—окончательно переполнила чашу, и вотъ на громаднѣйшей сходкѣ 11 октября было порѣшено: на слѣдующій день идти къ генералъ-губернатору съ депутаціей изъ нѣсколькихъ студентовъ во главѣ и требовать объясненія причины арестовъ и вообще разныхъ строгостей полиціи относительно студентовъ, въ родѣ обысковъ, допросовъ и т. п. 12 октября, къ 10—11 часамъ утра, дворы университета были наполнены студентами; избрана депутація. Огромной толпой (до 2.000 человѣкъ) студенты двинулись на Тверскую къ дому генералъ-губернатора. Не успѣлъ хвостъ процессіи выйти изъ университетскихъ воротъ, какъ вслѣдъ за нимъ появились пѣшіе и конные жандармы изъ Экзерциргауза. Мы съ ироніей посматривали на нашъ конвой. Какъ только толпа остановилась на Тверской, передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ, и депутація отъ студентовъ вошла въ домъ, жандармы окружили ее плотнымъ кольцомъ, что произвело замѣтно непріятное впечатлѣніе на толпу. Лошадь жандарма прижала кого-то изъ близъ стоявшихъ студентовъ; послѣдовало нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній изъ толпы; жандармы поналегли еще тѣснѣе, изъ толпы кто-то крикнулъ отъ боли, затѣмъ послѣдовала брань и крики: „жандармы давятъ, бьютъ, валяй ихъ, ребята!“ Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, съ тѣхъ поръ, какъ депутація вошла въ бельэтажъ, она не успѣла даже сказать и двухъ словъ генералъ-губернатору, глубокоуважаемому всей Москвой старику Тучкову,—который, по своей необыкновенной добротѣ и деликатности, не отказался принять ее, — какъ началась свалка. Жандармы, полицейскіе, дворники ближайшихъ домовъ бросились на толпу и стали гнать и мять ее, гдѣ и какъ попало. Толпа, разумѣется, сейчасъ же разсѣялась по Тверской вверхъ и внизъ, и въ переулки. Нѣсколькихъ студентовъ проѣзжавшія по Тверской какія-то барыни посадили къ себѣ въ экипажи и спасли отъ преслѣдованій; многіе получили довольно значительные ушибы, а одинъ студентъ-Полякъ получилъ ударъ въ голову, какъ говорили, копытомъ лошади; отъ вспрыскиванія водой онъ скоро пришелъ въ себя и первыми словами его были: „ничего, друзья, дѣйствуйте! обо мнѣ не безпокойтесь“. Кончилось тѣмъ, что большинство изъ толпы разбѣжалось, а насъ, человѣкъ 300—400, арестовали и загнали во дворъ Тверской части“.

Любопытны дальнѣйшія подробности объ арестованныхъ. То-

варищи ушибленнаго въ голову Поляка потребовали для него врача; полиція предложила своего, но студенты „съ негодованіемъ“ отвергли ея услуги и „потребовали“ немедленно послать за кѣмъ-либо изъ профессоровъ-медиковъ“. Студентъ-Полякъ Колышко, энергичный малый, такъ внушительно заявилъ, что онъ отправляется за профессоромъ для необходимой медицинской помощи, что полицейскіе и часовые безпрекословно пропустили его. Черезъ нѣсколько времени онъ привезъ профессора Захарьина, который, осмотрѣвъ больнаго, нашелъ, что ушибъ серьезный, и предложилъ немедленно отправить его въ клинику. Колышко, почувствовавшій себя совсѣмъ на свободѣ, нанялъ первую попавшуюся извощичью карету и отвезъ ушибленнаго въ клинику. (Этотъ самый Колышко во время польскаго возстанія 1863 г. бросилъ университетъ, — гдѣ уже ему не представлялось особеннаго интереса,—ушелъ въ „повстанье“, сдѣлался очень извѣстнымъ предводителемъ одной значительной банды и, взятый въ плѣнъ, былъ повѣшенъ)“.

Послѣдовала, конечно, разборка, кое-кто высланъ и т. п. Авторъ обвиняетъ профессоровъ въ неумѣньи не допустить безпорядковъ. „Люди, которые одни могли что-нибудь сдѣлать въ это время силою слова и убѣжденія, могли подѣйствовать на молодежь больше, чѣмъ грубая сила, — проходили равнодушно мимо того, что̀ происходило у нихъ передъ глазами, или выражали только сожалѣніе. Я говорю о профессорахъ. Кому, какъ не имъ, слѣдовало принять участіе въ этомъ дѣлѣ и подѣйствовать нравственно на молодежь: сколькихъ бы жертвъ избѣжали мы“? Быть-можетъ профессора и виноваты, но въ сущности едва ли бы они удержали молодежь, еслибы даже и не сочувствовали ея „протесту“. Тутъ виноваты не одни профессора, а все общество, и не одного даннаго момента, а цѣлаго историческаго періода.

Авторъ далѣе описываетъ, на чемъ и какъ „развивалась“ молодежь.

„Время проходило въ нескончаемыхъ спорахъ о предметахъ, въ которыхъ мы, къ сожалѣнію, очень мало разумѣли. У насъ появились: „Сила и матерія“ Бюхнера, „Сущность христіанства“ Фейербаха, Молешотъ и Лоранъ—альфа и омега матеріалистическихъ убѣжденій бо̀льшей части студентовъ. Студентъ знакомился съ этими сочиненіями, прежде чѣмъ съ сочиненіями, относящимися къ его университетскому курсу, вслѣдствіе чего

изъ вѣрующаго онъ почти внезапно становился атеистомъ. Мы становились „матеріалистами“, не имѣя къ тому никакого серьезнаго основанія; намъ достаточно было прочитать какого-нибудь легковѣснаго Бюхнера, чтобъ перемѣнить совершенно свои убѣжденія и даже смѣяться надъ тѣмъ, что нѣсколько дней тому назадъ мы считали святою истиной, чему безусловно вѣрили. Не могу, по этому поводу, не разсказать здѣсь одного курьезнаго факта еще изъ времени моего пребыванія въ гимназіи. Это было въ церкви, подъ Свѣтлый праздникъ. Я стоялъ вмѣстѣ со студентомъ, уже пробывшимъ годъ въ университетѣ. За все время службы онъ ни разу не перекрестился и, обращаясь ко мнѣ съ разными вопросами, между прочимъ, спросилъ: „скажи, пожалуйста, кому ты молишься“? Этотъ вопросъ меня озадачилъ, но, какъ ни страненъ былъ онъ, однакожъ я отвѣтилъ. Тогда студентъ сталъ объяснять мнѣ, что всѣ мои „вѣрованія—чепуха“, что въ дѣйствительности не существуетъ того, во что мы вѣруемъ. Матеріализмъ находилъ вообще какое-то стадное сочувствіе въ извѣстной части нашего общества (быть-можетъ, потому что оно никогда не было серьезно настроено на идеалистическій тонъ)“.

Конечно, *вся бѣда и вся причина именно въ послѣднемъ обстоятельствѣ*. Падала не религія, а одна декорація ея, которою до тѣхъ поръ прикрывалось духовное убожество деморализированнаго общества. Такъ же легко „рухнули“ и декораціи соціально-политическія.

„Въ нашихъ заоблачныхъ стремленіяхъ мы доходили до необходимости „коммунистическаго построенія общества“ и введенія исключительно „гражданскихъ браковъ“. Отъ религіи и соціальныхъ теорій мы переходили съ такою же скоропалительностью въ область политики. Изданія А. И. Герцена были однимъ изъ любимыхъ предметовъ для чтенія. Въ зимній холодный вечеръ возьмешь, бывало, „Ваньку“ и тащишься версты за три отъ квартиры къ кому-нибудь изъ товарищей, обѣщавшихъ, не больше какъ на одинъ вечеръ, книжку знаменитой *Полярной Звѣзды* или нѣсколько нумеровъ *Колокола*; и везешь ихъ къ себѣ, какъ сокровище, съ трепетнымъ ожиданіемъ узнать что-нибудь новое. Товарищи уже собрались; въ тѣсной комнаткѣ едва можно повернуться; одни заняли стулья, другіе растянулись на кровати, нѣкоторые на столѣ, а иной просто расположился на полу, поджавши ноги; двери запираемъ; окна на улицу завѣшены. При-

нявъ такого рода предосторожности, начинаемъ чтеніе. Все „запрещенное“, пока о немъ или молчали въ литературѣ и въ обществѣ, или говорили только обиняками и шепотомъ, имѣло какой-то обаятельный интересъ и пользовалось большимъ сочувствіемъ“. Науками „казенными“ мало занимались, да и гдѣ тутъ при такой „большой опекѣ“ объ всемъ человѣчествѣ! Но авторъ предупреждаетъ читателей. „Пусть не думаютъ, что въ нашихъ увлеченіяхъ, въ нашемъ бездѣльничествѣ мы не всматривались въ самихъ себя, въ свой внутренній міръ. Часто, анализируя свои поступки, мы доходили до мучительнаго состоянія, нравственно страдали за свое бездѣльничество, за свою распущенность“. Это, конечно, правда до извѣстной степени, но странно звучатъ успокоительныя слова автора. „Хорошія стороны молодой неиспорченной натуры, всегда заявлявшія себя, не дали заглохнуть молодымъ силамъ. Молодежь пошатнулась, но не упала; уроки прошлаго не прошли для нея даромъ, они научили ее отличать вѣрное отъ ложнаго, дѣйствительность отъ призрака. Броженіе университетской молодежи, бывшее только отголоскомъ подобнаго же состоянія нашего общества, скоро прошло, и поворотъ къ нормальному ходу явленій и къ разумной дѣятельности быстро смѣнилъ увлеченіе. Теперь эти ложные либералы и крикуны, которымъ мы апплодировали, не находятъ никакого сочувствія въ большинствѣ молодежи и вездѣ преслѣдуются этимъ большинствомъ“. Когда это „теперь?“ Вѣдь послѣ шестидесятыхъ годовъ были семидесятые съ „волненіями“ похуже прежнихъ, были нелѣпѣйшія волненія и въ восьмидесятыхъ годахъ. *Теперь*—дай Богъ, чтобы авторъ былъ правъ. Но это зависитъ *отъ общества*. Молодежь шумна и увлекается, но *собственнаго* содержанія она никогда не можетъ имѣть. Ей содержаніе дается *обществомъ*. Насколько общество умнѣетъ и духовно зрѣетъ, настолько возвышается и жизнь молодежи. А много ли мы, общество, сдѣлали успѣховъ? Въ этихъ случаяхъ безопаснѣе смотрѣть на свои недостатки, требующіе исправленія, на пустоту, требующую наполненія, нежели успокаивать себя преждевременнымъ самодовольствомъ.

Л. Т.

СПИРИТИЗМЪ И ВѢРА.

Г. Эльпе пишетъ въ *Новомъ Времени* (№ 6132) о спиритизмѣ и вѣрѣ. Статья весьма заслуживаетъ вниманія. Авторъ отмѣчаетъ странное, но довольно распространенное мнѣніе, будто бы спиритизмъ полезенъ тѣмъ, что поддерживаетъ вѣру въ безсмертіе души.

„Вотъ явленіе, характернѣйшее для конца нашего извѣрившагося вѣка. До чего, въ самомъ дѣлѣ, долженъ извѣриться человѣкъ, какъ всецѣло, хотя и безсознательно для себя, долженъ быть зараженъ онъ грубо-матеріалистическими идеями, чтобы искать доказательства безсмертія души въ вертящихся или подымающихся на воздухъ столахъ, въ передвигающихся предметахъ и т. п. „медіумическихъ явленіяхъ". Не только искать но и усматривать въ такомъ исканіи нѣчто „прекрасное" „въ нравственномъ отношеніи!"

„Наши отцы вѣрили въ душу и ея безсмертіе; *но они вѣрили истинною вѣрой, не требующею «доказательствъ»*, потому что чувствовали въ себѣ эту высшую, творческую силу, чувствовали ее непосредственно, какъ внутренній фактъ, въ которомъ сознаніе никогда не подверглось и не могло подвергаться сомнѣнію, ибо здѣсь сомнѣніе было равносильно небытію, отрицанію человѣческаго существованія.

„Нынѣ такъ вѣрить способны немногіе. Потребность вѣры есть, но внутреннее чувство, одно лишь могущее заполнить эту потребность, вытравлено матеріалистическими идеями; внутренній голосъ существа жизни, души заглушенъ внѣшними звуками предметнаго міра. Въ этихъ внѣшнихъ звукахъ, въ проявленіяхъ этого предметнаго міра или въ искусственныхъ съ ними сближеніяхъ, извѣрившійся человѣкъ ищетъ непосредственныхъ доказательствъ того, что неизмѣримо выше всякаго внѣшняго опыта и безусловная достовѣрность чего можетъ быть дана сознанію только внутреннимъ фактомъ волевой, творческой дѣятельности.

„Но сознаніе, зараженное тяжелою атмосферой матеріалистическихъ принциповъ, механическихъ воззрѣній на жизнь, глухо къ непосредственному свидѣтельству этихъ внутреннихъ фактовъ психическаго міра. Вотъ это-то суженное сознаніе современнаго

интеллигента и лишаетъ его *величайшаго блага:* способности чувствовать въ себѣ душу непосредственно, какъ фактъ безусловной достовѣрности, не требующій никакихъ „опытныхъ“ доказательствъ. Оно-то именно и побуждаетъ современнаго интеллигента относиться съ сомнѣніями къ показаніямъ внутренняго чувства, побуждаетъ искать такимъ „субъективнымъ“ показаніямъ „объективныя“ подтвержденія въ эспирементахъ и въ „свидѣтельствѣ“ внѣшнихъ чувствъ.

„Здѣсь, конечно, имѣются въ виду не тѣ монстры матеріализма, у которыхъ вытравлена самая потребность вѣры. Нѣтъ, мы говоримъ объ интеллигентѣ, у котораго эта потребность есть, который „по убѣжденіямъ не матеріалистъ“ (по крайней мѣрѣ, онъ такъ думаетъ), но сознаніе котораго, помимо его вѣдома, до того заражено атмосферой нераздѣляемаго имъ міровоззрѣнія, что подводитъ его къ душѣ съ тою самою мѣркою, какой оцѣниваетъ онъ „реальность“ внѣшняго предметнаго міра. Внѣшній „фактъ“, хотя бы въ дѣйствительности мнимый, „свидѣтельство“ внѣшнихъ чувствъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ иллюзарное,—представляютъ для него гораздо бо́льшую „достовѣрность“, нежели непосредственное показаніе внутренняго чувства. Онъ радъ вѣрить въ существованіе души; но нужно, чтобы ему показали ее со стороны—въ себѣ онъ видѣть ее не способенъ; нужно, чтобы ему дали почувствовать ее во внѣ, *предметно*, какъ познается и чувствуется имъ объективный, вещественный міръ. Словомъ, ему нужны „эксперименты“ Евзампіи Паладино. Эти „эксперименты“ для него доказательнѣе всей его внутренней духовной дѣятельности, всѣхъ его психическихъ способностей: ихъ, пожалуй, можно еще свести къ механикѣ, а вотъ „эксперименты“ Евзампіи Паладино—тутъ съ механикой ничего не подѣлаешь, тутъ ужь несомнѣнно видна нематеріальная, духовная сила.“

Авторъ продолжаетъ далѣе:

„Удивительно это нежеланіе понять, что такой фактъ, какъ вертящійся или поднявшійся на воздухъ столъ, самъ по себѣ рѣшительно ничего не говоритъ, и видѣть подобное явленіе совсѣмъ еще не значитъ видѣть въ немъ что-либо иное, кромѣ работы вещественной механической силы (за исключеніемъ, конечно, случаевъ коллективныхъ галлюцинацій), то-есть работы, противоположной той творческой, разумной, цѣлесообразной дѣятельности, которою проявляется не механическое, духовное начало. И сказанное въ одинаковой мѣрѣ относится ко всѣмъ безъ

исключенія медіумическимъ явленіямъ. Достаточно обратить вниманіе на характеръ этихъ явленій, на то, что̀ они изъ себя представляютъ, чтобы понять, что для возникновенія ихъ совсѣмъ не требуется участія духовнаго міра, что между медіумическими явленіями и явленіями духовнаго міра нѣтъ и быть не можетъ (?) ничего общаго, никакой связи, что относить ихъ на счетъ духовнаго міра значитъ посягать на самое святое чувство человѣка, извращать его вѣру, низводя понятіе о духовной жизни на степень самыхъ грубыхъ механическихъ дѣяній."

Вообще эти замѣчанія сами по себѣ очень вѣрны, хотя могутъ привести къ крайности не менѣе ошибочной, чѣмъ тѣ, которыя г. Эльпе опровергаетъ. Духовное воздѣйствіе на матеріальный міръ есть фактъ, о которомъ учитъ сама же вѣра. Какъ „отцы наши", такъ и мы—вѣруя, конечно, *прежде всего* по непосредственному чувству,—не станемъ отрицать ни *чуда* въ частности, ни того, что вся жизнь есть въ сущности постоянное чудо, объяснимое только воздѣйствіемъ духа на матерію. За этими оговорками замѣчанія г. Эльпе и справедливы, и очень своевременны.

Л. Т.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

---

1) «L'isolement du clergé en France» et «Les tendances actuelles du clergé à sortir de cet isolement» («Обособленность французскаго духовенства» и «Стремленіе духовенства выйти изъ своей обособленности»), par. P. Schwalm, un des Frères prècheurs. (La Science Sociale. Décembre 1892 et Février 1893).

Обѣ статьи Швальма, при всей своей безыскусственной простотѣ производятъ на читателя сильное впечатлѣніе глубокою сознательностью выраженнаго въ нихъ пессимизма. Чувство одиночества всегда тягостно для человѣка, даже тогда, когда онъ самъ себѣ его создалъ; такъ насколько же мучительна должна быть вынужденная отчужденность отъ прочаго міра тѣмъ, которые, по самому призванію своему, посвятили себя на служеніе ближнему! Именно таково теперь положеніе католическаго духовенства во Франціи по отношенію къ мірянамъ. Авторъ прямо въ началѣ своей статьи сознается, что во Франціи только очень ограниченная часть общества, состоящая преимущественно изъ лицъ, занимающихся благотворительностью, поддерживаетъ постоянныя и дружелюбныя отношенія съ духовенствомъ, а вся остальная часть народонаселенія относится къ нему или враждебно, или вполнѣ безразлично, или же смотритъ на священника, какъ на служебное лицо, обязанность котораго состоитъ въ совершеніи требъ. Такое безотрадное положеніе пастырей Церкви среди ихъ паствы начинаетъ за послѣднее время вызывать протестъ, выраженіемъ котораго отчасти служатъ статьи Швальма. Въ первой изъ нихъ онъ разсматриваетъ причины обособленности духовенства во Франціи, а во второй, служащей

продолженіемъ и заключеніемъ предыдущей, предлагаетъ своимъ собратьямъ лучшіе, по его мнѣнію, способы выйти изъ ихъ тягостнаго положенія.

Одну изъ главныхъ причинъ отчужденности авторъ видитъ въ духѣ касты, которымъ проникнуто духовенство по отношенію къ мірянамъ. Самое воспитаніе въ католическихъ семинаріяхъ вырабатываетъ въ юношахъ эту черту, внушая имъ высокомѣрное отношеніе къ свѣтской молодежи. Въ настоящее время такое направленіе духовныхъ училищъ находитъ себѣ особенно благодарную почву, потому что большинство воспитанниковъ по происхожденію своему принадлежатъ къ крестьянскому сословію или мелкой буржуазіи, и, слѣдовательно, само званіе семинариста является для нихъ нѣкоторымъ повышеніемъ въ глазахъ родныхъ и сверстниковъ. Высокомѣрный взглядъ на мірянъ постепенно переходитъ въ недоброжелательство къ нимъ; мало того, такого рода вражда ко всему свѣтскому нѣкоторыми изъ духовныхъ лицъ возводится въ принципъ, основаніемъ которому они полагаютъ слова Спасителя о томъ, что „Царство Божіе—не отъ міра сего". При всей очевидной односторонности этого толкованія текстовъ, оно находитъ себѣ, все-таки, много приверженцевъ, и результатомъ такого взгляда является взаимная отчужденность духовенства и мірянъ. Другая причина этой отчужденности заключается въ томъ, что во Франціи духовныя лица слишкомъ зависятъ отъ свѣтской власти и въ глазахъ народа являются только чиновниками, назначенными правительствомъ. Большинство народа даже не знаетъ, что епископы рукополагаются папой, по его усмотрѣнію, а правительство только утверждаетъ ихъ въ должности, что священниковъ избираетъ епископъ, а свѣтскія власти только „соглашаются" на ихъ назначеніе. Самое существованіе партіи клерикаловъ, принимающей такъ или иначе участіе въ судьбѣ духовныхъ лицъ, вредитъ имъ во мнѣніи общества. Партійное начало особенно развито во Франціи, и замѣчателенъ тотъ фактъ, что большинство партій, мирно уживающихся между собою, враждебно относятся къ клерикаламъ и стоящему во главѣ ихъ духовенству. Иначе и быть не можетъ: всякій человѣкъ партіи, будь онъ республиканецъ, бонапартистъ или роялистъ—можетъ въ борьбѣ поступиться нѣкоторыми изъ своихъ убѣжденій и сообразоваться съ требованіями окружающаго его общества, а духовныя лица этого сдѣлать не вправѣ, какъ представители Церкви, первый принципъ которой, по самому существу ея—незыб-

лемость и твердость основъ. Слѣдствіемъ этого, при вынужденной зависимости духовныхъ лицъ отъ свѣтской власти, является враждебное отношеніе правительства къ духовенству. Понятно также, что духовныя лица, не находя себѣ опоры тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находится власть въ данную минуту, ищутъ сочувствія въ той партіи, гдѣ надѣются найти его, и этимъ путемъ въ представителяхъ Церкви вырабатывается духъ вражды, противный самому ученію Христа. Одна возможность такого упрека, справедливо заслуженнаго духовенствомъ, еще болѣе отдаляетъ его отъ міранъ. Нельзя сказать, чтобы французское духовенство мирилось со своею обособленностью, считая ее естественною: напротивъ, теперь слышится въ немъ горячій протестъ и толки о томъ, какимъ путемъ выйти изъ этого тягостнаго положенія. Во второй статьѣ своей Швальмъ подробно обсуждаетъ этотъ вопросъ, хотя и нѣсколько односторонне, а именно: будучи самъ проповѣдникомъ, онъ настаиваетъ на томъ, чтобы духовенство старалось *путемъ постепеннаго сближенія съ частными лицами* заставить общество себя слушать, и затѣмъ уже въ проповѣдяхъ проводило свои идеи. Главною основой успѣха должны служить, говоритъ онъ, личная энергія проповѣдниковъ и увѣренность ихъ въ своихъ силахъ: вотъ качества, которыя должно выработать въ себѣ современное французское духовенство.

Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться потому, что духовное краснорѣчіе, подогрѣваемое внѣшними побужденіями и нужное тому высокому дѣлу, которому призвано служить, сдѣлается опять, даже помимо воли проповѣдника, орудіемъ той же партійной борьбы, противъ чего такъ возстаетъ самъ авторъ статьи. Оттого, вѣроятно, и зависитъ неуспѣхъ даже наиболѣе талантливыхъ католическихъ проповѣдниковъ, что они не могутъ отрѣшиться отъ своего „я“ и говорить только отъ лица Церкви. Народъ не можетъ не чуждаться проповѣдниковъ, отъ которыхъ получаетъ, вмѣсто назиданія въ Словѣ Божіемъ, политическую пропаганду — камень вмѣсто хлѣба. Католическое духовенство должно проникнуться этою мыслію и до тѣхъ поръ не ждать сближенія съ мірянами, пока не дойдетъ само до правильнаго пониманія словъ Спасителя: „Воздадите Кесарево Кесареви, а Божіе Богови“.

---

2) «Le secret du précepteur», (Тайна наставника), par Victor Cherbuliez (Revue des Deux Mondes. Décembre 1892, Janvier et Février 1893).

Почти всѣ французскіе романисты обладаютъ драгоцѣннымъ для писателя свойствомъ—умѣть обращаться съ читателемъ: въ этомъ одна изъ причинъ того успѣха, которымъ пользуются французскіе романы, по качеству даже очень посредственные, на международномъ книжномъ рынкѣ. Въ нихъ можетъ не найтись ни одной глубокой мысли, ни одного цѣльнаго, выдержаннаго характера, но зато фабула всегда разсчитана на то, чтобы возбудить любопытство читателя, распредѣленіе составныхъ частей сдѣлано умѣло, дѣйствующія лица ведутъ между собою живую и остроумную бесѣду. Для извѣстнаго круга читателей этого и довольно, бо́льшаго они отъ писателя и не требуютъ. Но зато тѣмъ досаднѣе бываетъ, когда и эти скромныя требованія остаются неудовлетворенными, въ особенности, когда авторъ романа по таланту дѣйствительно выдается изъ среды своихъ, менѣе счастливо одаренныхъ собратій.

Эти мысли невольно приходятъ въ голову, когда читаешь новый романъ Шербюлье. Онъ начался въ послѣдней декабрьской книжкѣ прошлаго года, и, судя по началу, можно было предполагать, что изъ него выйдетъ хорошо и живо написанная вещь годная для семейнаго чтенія въ часы вечерняго отдыха. Разсказъ ведется отъ лица героя, профессора одного изъ французскихъ университетовъ, и начинается съ того, что онъ, уставъ отъ занятій, и огорченный отказомъ невѣсты, которая не могла привыкнуть къ его комично-безобразной наружности, рѣшаетъ дать себѣ отдыхъ и взять года на два мѣсто домашняго наставника въ какой-нибудь богатой семьѣ.

Судьба ему благопріятствуетъ, и онъ вскорѣ находитъ желаемое мѣсто, хотя на первыхъ порахъ нѣсколько колеблется принять его, потому что онъ разсчитывалъ на занятіе съ юношей-подросткомъ, а ему приходится быть наставникомъ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ 18 и 16 лѣтъ. Отецъ ихъ, богатый негоціантъ, M r *Brogues* стремиться дать имъ „либерально-раціональное“ воспитаніе, и съ этою цѣлью беретъ имъ не гувернантку, а гувернера, заранѣе, все-таки, поставивъ себѣ задачей найти такого, наружность котораго исключала бы всякую возможность увлеченія, или какого бы то ни было чувства, кромѣ дружбы.

M-r Tristan—такъ зовутъ précepteur'a,—не обманывается относительно своей внѣшности и отлично понимаетъ, какое именно качество его доставило ему возможность занять столь отвѣтственную должность. Онъ принимаетъ мѣсто. Первое знакомство его съ ученицами описано съ неподражаемымъ, чисто-французскимъ юморомъ. Старшая изъ сестеръ, красавица Сидони, старается изобразить изъ себя ученую и задаетъ ему цѣлый рядъ вопросовъ самаго отвлеченнаго характера. Младшая—Моника или Никетъ, какъ ее зовутъ въ семьѣ, въ противоположность сестрѣ, очень недовольна, что имъ дали такого ученаго гувернера, и сразу засыпаетъ его дождемъ колкостей и дерзостей, въ надеждѣ поссориться съ нимъ и заставить его уѣхать. Но, какъ всегда бываетъ, умъ и находчивость героя преодолѣваютъ всѣ затрудненія: спустя нѣсколько дней мы видимъ его настоящимъ членомъ семьи и самымъ преданнымъ другомъ бѣдовой Моники. Проходитъ еще нѣсколько времени, и бѣдный наставникъ принужденъ сознаться предъ самимъ собой, что онъ до безумія влюбленъ въ младшую ихъ своихъ ученицъ. Но, конечно, эта любовь составляетъ его тайну, которую онъ намѣренъ хранить до конца дней своихъ. По завязкѣ романъ Шербюлье очень похожъ на тѣ, которыми изобилуетъ англійская литература, хотя именно эта первая часть его безконечно превосходитъ ихъ по художественной стройности и изяществу обработки. И вотъ, воображеніе читателя рисуетъ себѣ картину послѣдовательнаго хода романа, при удачной или неудачной развязкѣ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ является нѣкоторое ожиданіе, что, можетъ-быть, дѣло приметъ и какой-нибудь совершенно новый оборотъ. Послѣднее можно въ особенности предполагать, благодаря характеру самой героини, въ которой, судя по первымъ главамъ романа, все оригинально, начиная съ очень самостоятельнаго міровоззрѣнія и кончая японскимъ типомъ выразительнаго личика. Но каково же разочарованіе читателя, когда, послѣ безконечно долгихъ и скучныхъ описаній домашняго быта семьи Brogues, ихъ родныхъ и знакомыхъ, авторъ заставляетъ героиню выйти замужъ за одного изъ сосѣдей, только изъ желанія досадить другому молодому человѣку, который, какъ оказывается потомъ, увезъ г-жу Brogues въ самый день свадьбы ея дочери. „Le secret du précepteur" такъ и остается тайной для всѣхъ, кромѣ двухъ изъ друзей героя и самой Моники, которая, однако, настолько тактична, что дѣ-

лаетъ видъ, будто не поняла его словъ, когда онъ разъ, въ порывѣ увлеченія, признался ей въ своемъ чувствѣ.

Читая, невольно себя спрашиваешь: неужели авторъ *Оливье Моганъ* могъ написать такую нелѣпую и скучную вещь? Съ молодыми, начинающими писателями часто бываетъ, что они, придумавъ сложную завязку, не умѣютъ справиться съ дальнѣйшимъ ходомъ романа и потому заканчиваютъ его какимъ-нибудь deus ex machina, которому болѣе серіозные цѣнители снисходительно улыбнутся, а менѣе требовательная часть читателей нерѣдко даже подумаетъ, что такъ и быть должно. Но Шербюлье—писатель уже вполнѣ сложившійся, отъ него можно требовать извѣстнаго совершенства въ пріемахъ творчества, и недостатокъ его заключается отнюдь не въ неумѣньи, а въ непростительной небрежности, на которую имѣетъ право сѣтовать всякій, кто возьметъ въ руки его романъ.

---

3) *La civilisation Mycénienne (Цивилизація Микенъ)* par G. Perrot (*Revue des Deux Mondes* 1-er et 15 Février 1893).

Первая изъ статей Перро заключаетъ въ себѣ описаніе раскопокъ, произведенныхъ за послѣднее двадцатилѣтіе Шлиманомъ на развалинахъ древней Трои и Микенъ, вторая же занята изслѣдованіемъ такъ называемой „сокровищницы Атридовъ“ и другихъ древностей, найденныхъ въ гробницахъ и курганахъ Аргоса. Въ своемъ научномъ изслѣдованіи авторъ задался цѣлію выяснить вопросъ, къ какой именно эпохѣ можно отнести цивилизацію Микенъ, ко времени ли Троянскаго похода, или къ болѣе позднему періоду. Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ находится другой — о дѣйствительномъ мѣстоположеніи Трои, такъ какъ ученыхъ до сихъ поръ нерѣдко приводило въ недоумѣніе несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ свидѣтельствъ Гомера о домашнемъ бытѣ и обычаяхъ описываемыхъ имъ племенъ съ тѣми предметами, которые были найдены Шлиманомъ при раскопкахъ. Самъ Шлиманъ слѣпо вѣрилъ въ то, что найденныя имъ въ Малой Азіи развалины города суть дѣйствительно остатки древняго Иліона, и въ одномъ изъ находящихся въ Микенахъ скелетовъ хотѣлъ непремѣнно видѣть останки царя Агамемнона, но ученые болѣе скептически относились къ дѣйствительной важности сдѣланныхъ открытій и до сихъ поръ еще не могутъ придти

къ соглашенію по этому вопросу. Перро является представителемъ совершенно новаго взгляда на этотъ предметъ. Онъ говоритъ и подтверждаетъ многими доказательствами, что періодъ процвѣтанія Микенъ несомнѣнно предшествовалъ Троянской войнѣ, и походъ противъ Иліона былъ уже не первымъ хищническимъ нападеніемъ, предпринимаемымъ жителями Аргоса на сосѣднія прибрежья Средиземнаго моря. Какъ одно изъ доказательствъ своей теоріи Перро, между прочимъ, приводитъ тотъ фактъ, что въ гробницахъ Аргоса найдены скелеты, а не урны съ прахомъ. Очевидно, тамъ покойниковъ погребали, а не сжигали, какъ описано у Гомера. Сжиганіе труповъ свидѣтельствуетъ уже, по мнѣнію автора статьи, объ извѣстномъ развитіи понятія о томъ, что жизнь человѣка не кончается вполнѣ съ разрушеніемъ его тѣла; чтобы дойти до этого сознанія, надо было имѣть болѣе высокое міросозерцаніе, которое могло явиться лишь въ позднѣйшій періодъ.

Относительно мѣстоположенія Трои Перро совершенно согласенъ съ Шлиманомъ; что же касается несоотвѣтствія между описаніями Гомера и предметами, найденными при раскопкахъ, то онъ объясняетъ это долгимъ промежуткомъ времени, отдѣляющимъ пѣвца Иліады и Одиссеи отъ воспѣтыхъ имъ событій; кромѣ того, Гомеръ въ изображеніи домашняго быта, вѣроятно, руководствовался или ближайшею или современною ему эпохой, благодаря чему въ его поэму должны были вкрасться многіе анахронизмы.

Въ общемъ, археологическое изслѣдованіе Перро, написано такъ образно и живо, что представляетъ выдающійся интересъ не только для спеціалистовъ, а съ удовольствіемъ прочтется и общимъ кругомъ читателей того журнала, въ которомъ оно помѣщено.

---

4) „Le particularisme et le cosmopolitisme juifs“ (Обособленность и космополитизмъ Евреевъ], par Anatole Leroy-Beaulieu (*Revue des Deux Mondes*) Février 1893. [1]

Въ этой статьѣ Леруа Болье разсматриваетъ историческія условія, которыя служили причиной обособленности еврейскаго народа и выработали въ немъ способность пріурочиваться къ самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ жизни и быта. Онъ начинаетъ съ того, что отвергаетъ совсѣмъ общепринятое мнѣніе, будто стремленіе Евреевъ держать себя въ сторонѣ отъ прочихъ народовъ вырабатывается въ нихъ вѣроученіемъ, заставляющимъ ихъ видѣть врага во всякомъ, кто не исповѣдуетъ одинакую съ ними религію. Наоборотъ, говоритъ онъ, сепаратизмъ Евреевъ зависитъ исключительно отъ презрительнаго и несправедливаго къ нимъ отношенія, даже и тамъ, гдѣ они дѣйствительно были полезными гражданами и членами общества. Неуклонная строгость законовъ доходила въ нѣкоторыхъ странахъ до того, что Евреямъ предписывался извѣстный покрой одежды, отъ котораго они не могли отступить подъ страхомъ строжайшаго наказанія. Они всегда и вездѣ терпѣли притѣсненія—во всякомъ стремленіи къ гражданской и общественной дѣятельности, не говоря уже о презрѣніи къ нимъ, котораго не коснулась даже громкая проповѣдь о свободѣ, братствѣ и равенствѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Если въ чемъ упрекать Евреевъ, говоритъ авторъ статьи, то ужь отнюдь не въ стремленіи къ обособленности, а скорѣе въ неумѣренномъ иногда желаніи слиться съ тѣмъ народомъ, среди котораго они живутъ, несмотря на его сопротивленіе. Такъ, извѣстно множество примѣровъ, гдѣ Евреи ходатайствовали о перемѣнѣ фамилій, слишкомъ явно свидѣтельствовавшихъ о ихъ семитическомъ происхожденіи, и теперь многіе изъ нихъ замѣняютъ свое настоящее имя христіанскимъ, болѣе или менѣе подходящимъ къ нему по произношенію. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше замѣчается среди образованнаго класса Евреевъ стремленіе сблизиться съ христіанами и уподобить внѣшнія формы своей жизни быту того народа, среди котораго они живутъ. Леруа-Болье предполагаетъ, что еслибъ Евреямъ удалось дѣйствительно достичь этого, космопо-

[1] См. *Русск. Обозр.* январь. 1893.

литизмъ ихъ пересталъ бы быть отрицательнымъ явленіемъ, и они на самомъ дѣлѣ сдѣлались бы вѣрными сынами своего названнаго отечества. Тогда, говоритъ онъ, не будетъ какъ теперь, польскихъ, французскихъ или нѣмецкихъ Евреевъ, а въ суммѣ общаго народонаселенія будетъ насчитываться извѣстное число Поляковъ, Французовъ или Нѣмцевъ еврейскаго вѣроисповѣданія. Способъ достичь этой желанной, по его мнѣнію, цѣли, онъ видитъ въ дарованіи Евреямъ, давно живущимъ въ странѣ, равноправности съ остальными гражданами и предоставленія имъ возможности безпрепятственно переселяться изъ одного мѣста въ другое. При этомъ онъ совершенно отрицаетъ, чтобы религіозныя убѣжденія Евреевъ и связанное съ ними недружелюбное отношеніе къ кореннымъ жителямъ страны могли дѣйствительно служить во вредъ этимъ послѣднимъ: вѣдь принципы вѣры въ пришествіе Мессіи, на которыхъ основанъ законъ Моисея, составляютъ основу христіанской религіи и идти съ нею въ разрѣзъ не могутъ. Эта послѣдняя часть статьи Леруа-Болье — наиболѣе слабая изо всего его сочиненія о современномъ положеніи Евреевъ: онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что у Евреевъ, на ряду съ Библіей, служитъ настольною книгой Талмудъ, создавшій вѣроученіе, совершенно противное христіанскому духу, и что еврейскія общины имѣютъ свое особенное устройство и управляются кагалами, власть которыхъ хотя и тайнымъ, но тяжелымъ гнетомъ ложится на окрестное населеніе. Съ этимъ согласится всякій, кто сколько-нибудь знаетъ устройство еврейской общины въ Царствѣ Польскомъ и южной Россіи, и остается только пожалѣть, что Леруа-Болье недостаточно знакомъ именно съ этою стороной затрогиваемаго имъ вопроса: тогда, вѣроятно, не было бы въ его статьѣ безосновательныхъ и несправедливыхъ нападокъ на русскія власти за придирчивое отношеніе ихъ къ Евреямъ, которымъ, будто бы, нигдѣ не живется хуже, чѣмъ въ Россіи.

---

5) Friedrich Nietzsche' s. Weltanschauung und ihre Gefahren (Міровоззрѣніе Фр. Ницше и вредъ, причиняемый этимъ міровоззрѣніемъ) von Ludwig Stein (Deutsche Rundschau. 15 März 1893).

Въ настоящее время нѣтъ писателя, имя котораго пользовалось бы въ Германіи такою громкою извѣстностью, какъ имя Фридриха Ницше. Популярность философа еще не есть мѣрило дѣйствительнаго достоинства его произведеній: часто распространенность ихъ зависитъ отъ отрицательнаго качества—поверхностности, дѣлающей ихъ доступными пониманію массы, или свидѣтельствуетъ только о блестящихъ діалектическихъ способностяхъ автора. Поэтому вполнѣ понятно скептическое отношеніе людей науки къ такъ называемой модной философіи, которое есть ничто иное, какъ желаніе выяснить себѣ ея настоящее значеніе. По отношенію къ Ницше было написано довольно много, но его сочиненія доставляютъ для изслѣдованія обширный и разнообразный матеріалъ, который, вѣроятно, не скоро еще удастся изслѣдовать вполнѣ. А между тѣмъ, значеніе его все увеличивается, а фанатизмъ его поклонниковъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, и потому серьезное изслѣдованіе его философіи, какъ статья Людвига Штейна имѣетъ въ настоящее время выдающійся интересъ. Статья Штейна посвящена разбору міросозерцанія Ницше и того вреда, который можетъ принести обществу распространеніе его теорій. Собственно, главный вредъ онъ усматриваетъ въ томъ, что Ницше, при всей кажущейся опредѣленности его воззрѣній совсѣмъ не выработалъ собственнаго міросозерцанія. Школа нео-цинизма, какъ называетъ Штейнъ ученіе Ницше и его послѣдователей, не создала никакихъ новыхъ теорій: всѣ высказываемые ими взгляды мы встрѣчаемъ послѣдовательно въ ученіи древнѣйшихъ циниковъ, затѣмъ стоиковъ, преимущественно Эпиктета, и въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо. То же ученіе „о возвращеніи къ природѣ“, которое составляло основу философіи циниковъ, стоиковъ и Руссо съ тѣмъ только разграниченіемъ, что каждый изъ нихъ понималъ самое слово „природа“ по-своему, есть также главный принципъ философіи Ницше. У него эта формула является только руководящимъ мотивомъ, который звучитъ во всѣхъ его произведеніяхъ, придавая имъ нѣкоторую общую окраску, но отнюдь не связывая между собою выраженныя въ нихъ мысли. Самая

эта членораздѣльность ученія Ницше въ одно и то же время дѣлаетъ каждую отрасль его очень доступною для пониманія, но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ отчетливость и стройность цѣлаго. Эта постановка вопроса представляетъ удобную почву для афоризма, т. е. того пріема, въ которомъ Ницше не имѣетъ себѣ равнаго. Такимъ образомъ для него становится возможнымъ, будучи противникомъ Руссо, проповѣдывать возвращеніе къ природѣ, приводить посылки стоиковъ въ подтвержденіе своей теоріи о законномъ правѣ человѣка пользоваться наслажденіемъ и выставлять главнымъ двигателемъ въ человѣческой жизни—желаніе власти, отрицая въ то же время самое существованіе отвлеченныхъ понятій. Вся его философія есть рядъ непослѣдовательностей, основанныхъ на такихъ тонкихъ софизмахъ, что почти нѣтъ никакой возможности въ нихъ разобраться. Штейнъ поставилъ себѣ отчасти задачей разоблачить этотъ пріемъ разбираемаго имъ философа и сдѣлалъ это довольно удачно, подтверждая свои мнѣнія примѣрами и выдержками изъ сочиненій самого Ницше. Изслѣдованіе Штейна тѣмъ болѣе цѣнно, что оно отличается строгимъ безпристрастіемъ, чего нельзя сказать о другихъ критикахъ Ницше, изъ которыхъ одни признаютъ его за безусловный авторитетъ, а другіе отрицаютъ въ немъ даже и положительныя его достоинства. Діалектическіе пріемы Ницше Штейнъ признаетъ образцовыми и сожалѣетъ только о томъ, что они не были направлены на другія, болѣе благородныя цѣли.

Е. Г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) РУССКАЯ.

Историко-этнографическіе труды о Западныхъ Окраинахъ Россіи, изданные покойнымъ П. Н. Батюшковымъ.

а) *Атласъ народонаселенія Западно-Русскаго края по исповѣданіямъ* (СПБ. 1863 и 1865 г. два изданія); б) *Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ* (8 вып. съ 1865 по 1886); в) *Холмская Русь.* Историческія судьбы Русскаго Забужья (СПБ. 1887); г) *Волынь.* Историческія судьбы Юго-Западнаго края (СПБ. 1888); д) *Бѣлоруссія и Литва.* Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края (СПБ. 1890); е) *Подолія.* Историческое описаніе (СПБ. 1891); и ж) *Бессарабія.* Историческое описаніе (СПБ. 1892 г.).

Въ виду исполнившейся 20 марта годовщины со дня смерти П. Н. Батюшкова († 20 марта 1892 г.) попытаемся сдѣлать общій очеркъ его поистинѣ замѣчательныхъ историко-этнографическихъ трудовъ.

Чтобы судить о высокомъ достоинствѣ и важномъ историческомъ и государственномъ значеніи всѣхъ этихъ изданій, посвященныхъ историко-этнографическому описанію нашего Западнаго края, представляющихъ собою плодъ болѣе чѣмъ тридцатилѣтнихъ трудовъ не одного человѣка, и по своему внѣшнему объему и по внутреннему содержанію поражающихъ своею грандіозностію, слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на самую исторію этого края въ его отношеніи къ намъ.

Твердо нужно помнить, что всѣ наши такъ-называемыя западныя губерніи составляютъ съ нами одно могучее Русское царство не потому только, что и онѣ точно такъ же, какъ и мы находятся подъ скипетромъ одного Самодержавнѣйшаго Го-

сударя Россіи, а и потому, главнымъ образомъ, что народонаселеніе ихъ родное намъ испоконъ вѣка не только по плоти, а и по духу, по вѣрѣ. Всѣ эти области издавна населены были славянскими племенами (Дулебами и Бужалами,—такъ-называемая Забужная Русь, извѣстная подъ именемъ Холмщины и Подляшья, и составляющая нынѣшнія Люблинскую и Сѣдлецкую губерніи,—Бѣлоруссами, Малороссами и Литовцами—нынѣшняя Волынь и Подолія и т. д.), въ самую начальную пору своей исторической жизни составляли нераздѣльную часть Кіевскаго княжества, и всѣ тогда же при Св. Равноапостольномъ князѣ Владимірѣ приняли христіанскую вѣру, въ томъ ея видѣ, въ какомъ принесли ее Славянамъ еще за долго до этого времени св. Кириллъ и Меѳодій, то-есть православную, греческую. Тогда же во всей Руси принято было и славянское богослуженіе. Но потомъ области эти почти всѣ одновременно распались на удѣльныя княжества и, что вполнѣ естественно, подпали подъ чужое иго. А иго это было не лучше татарскаго; это послѣднее было только внѣшнее, такъ сказать, матеріальное; иго западныхъ Славянъ было внутреннее духовное. Польша, уже въ то время мечтавшая стоять чуть не во главѣ славянства, давно уже окатоличилась, а теперь стремилась окатоличить и эти сосѣднія съ нею славянскія области. Правда, Православная вѣра и славянское самосознаніе слишкомъ крѣпки были здѣсь для того, чтобы славянскія племена можно было сдвинуть съ ихъ дѣдовскихъ основъ; но все же путемъ обмана, лести и насилія въ концѣ-концовъ здѣсь введена была унія, которая, подчинивъ принявшихъ ее папѣ, исказила внѣшній обликъ Православной вѣры. Вмѣстѣ съ этимъ духовнымъ рабствомъ отдѣлившіеся отъ Кіевскаго княжества, которое съ теченіемъ времени все шире и шире, все плотнѣе и плотнѣе стало объединяться и собираться въ великое и славное царство Московское, западные братья наши естественно подпали и внѣшнему рабству—польскому, и даже нѣмецкому. Правда, вслѣдствіе этого внѣшняго отдѣленія отъ Великороссіи и духовнаго подчиненія латинству православно-русское самосознаніе не утратилось въ этихъ областяхъ вконецъ, и отторженныя отъ насъ области возвратились къ стародавнему единенію съ нами сначала внѣшнему въ смыслѣ добровольнаго покоренія подъ власть московскаго государя, а потомъ и духовному—въ смыслѣ присоединенія къ Православію, которое, начавшись на юго-западѣ, перешло, наконецъ, и на сѣверъ въ Холмщину и

Подляшье (здѣсь присоединеніе уніатовъ совершилось только въ 1875 году); такъ что въ настоящее время одна только Галиція, или Червонная Русь, томится еще подъ польско-нѣмецкимъ внѣшнимъ и латинскимъ (папистическимъ) внутреннимъ игомъ; но и доселѣ польско-католическая іезуитская пропаганда не положила своего оружія; доселѣ еще въ Бѣлоруссіи, напр.,—на Подолѣ и на Волыни рядомъ съ русскою школою существуютъ тайныя латино-польскія, открываемыя ксендзами; богатые католическіе костелы и доселѣ во многихъ мѣстахъ самымъ видомъ своимъ подавляютъ небогатыя православныя церкви, а въ этихъ костелахъ ксендзы порицаютъ русскую „мужицкую" вѣру; въ пограничныхъ мѣстностяхъ іезуитскія миссіи завлекаютъ православный народъ послушать „большой науки", „столѣтняго казаля"; рядомъ съ народною русскою пѣсней, оглашавшею страну съ незапамятныхъ временъ, слышатся польскіе гимны и „кандачки" костельнаго напѣва. А что было раньше, тяжело и вспоминать. Не говоря уже о прошедшемъ, напр., столѣтіи или началѣ настоящаго, вспомнимъ хоть времена царствованія Императора Николая и начало царствованія Александра II. До шестидесятыхъ, напримѣръ, годовъ въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ, 3/4 населенія котораго православные, и который присоединенъ былъ еще въ прошедшемъ столѣтіи, католическихъ костеловъ было въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ православныхъ церквей, такъ что православные принуждены были или вовсе оставаться безъ удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ или удовлетворять ихъ въ костелахъ, при посредствѣ ксендзовъ. А эти послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ, ловкіе ученики Лойолы. Мы же—старшіе братья этихъ обездоленныхъ доселѣ почти оставались глухи и слѣпы ко всему этому. Легко сказать, что до шестидесятыхъ годовъ ни въ одномъ изъ центральныхъ учрежденій Россіи не имѣлось точныхъ свѣдѣній по исторіи, статистикѣ и этнографіи этого края и во всемъ должны были вѣрить польскимъ католическимъ, часто апокрифическимъ, измышленнымъ и всегда тенденціознымъ; ибо лѣтописныя и устныя преданія были искажены Поляками, а уцѣлѣвшіе отъ уничтоженія и фальсификаціи древне-русскіе памятники были преднамѣренно скрываемы. Извращая бытовыя данныя и тѣмъ отрицая самобытность древнихъ православно-русскихъ элементовъ края, польская и даже извѣстная часть русской печати отрицали даже права Россіи на эти окраины. Подъ вліяніемъ этой польской идеи многіе даже изъ

русскихъ государственныхъ людей дѣйствовали здѣсь прямо во вредъ государственнымъ интересамъ, и гнали тѣхъ, кто осмѣливался высказать православно-русское слово. Извѣстная исторія столкновенія покойнаго Батюшкова, въ бытность его попечителемъ Виленскаго Учебнаго Округа, съ управлявшимъ Сѣверо-Западнымъ краемъ, генералъ-губернаторомъ Потаповымъ, окончившаяся удаленіемъ перваго, представляетъ собою одинъ изъ подтверждающихъ это фактовъ.

Мы нарочито указали на этотъ именно фактъ для того, чтобъ охарактеризовать имъ тѣ отношенія, при которыхъ Помпею Николаевичу приходилось работать въ краѣ для возстановленія въ немъ Православія и оживленія его русскаго самосознанія. Работа эта была начата имъ больше чѣмъ на десять лѣтъ раньше этого инцидента. Въ 1856 году П. Н. Батюшковъ назначенъ былъ вице-директоромъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ то же время на него возложено было, по Высочайшему повелѣнію, завѣдываніе дѣлами по устройству въ западныхъ губерніяхъ православныхъ церквей, которыя подъ патронатствомъ польскихъ помѣщиковъ дошли до постыднаго убожества. Благодаря его неустанной энергіи, несокрушимой стойкости и вмѣстѣ ясной мысли и т. п., въ теченіе десяти лѣтъ было осмотрѣно, устроено и снабжено утварью болѣе четырехъ тысячъ храмовъ. Это-то живое дѣло возстановленія Православія въ Западномъ краѣ и дало собою толчокъ, средство, матеріалъ и направленіе тѣмъ историко-этнографическимъ трудамъ объ этомъ краѣ, которые начаты были подъ редакціей П. Н. Батюшкова еще въ 1858 году, которымъ посвятилъ онъ 34 года своей жизни, и заключительнымъ звеномъ которыхъ была недавно—уже послѣ смерти П. Н. Батюшкова—вышедшая „Бессарабія“.

Первымъ изъ этихъ трудовъ по времени своего появленія былъ „Атласъ населенія десяти губерній Западнаго края по исповѣданіямъ и національностямъ.“ Атласъ этотъ, выдержавшій два изданія (въ первый разъ онъ вышелъ въ 1863 году, а потомъ въ 1865 году), былъ составленъ, на основаніи разработанныхъ полковникомъ Риттихомъ подъ наблюденіемъ П. Н. Батюшкова и подъ его же наблюденіемъ раньше того собранныхъ штабъ-офицерами Генеральнаго Штаба матеріаловъ о мѣстномъ населеніи края по исповѣданіямъ и народностямъ. Снабженный таблицами и картами атласъ этотъ показалъ всѣмъ и доказалъ, что По-

ляки въ этомъ краѣ составляютъ менѣе десяти % жителей и что господствующая вѣра, по численности исповѣдывающихъ ее здѣсь, есть православная. Атласъ этотъ составляетъ теперь библіографическую рѣдкость; но пройти его молчаніемъ нельзя, ибо всѣ послѣдующіе литературные труды П. Н. по Западному краю имѣютъ съ нимъ самую тѣсную внутреннюю связь, представляя собою или оправдательные документы его, или его комментарій; въ вышедшемъ въ 1891 году описаніи Подоліи помѣщена „синхронистическая таблица древнихъ княжествъ Западно-Русскаго края съ общимъ указаніемъ дальнѣйшей судьбы его до нашихъ временъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: Кіевской, Подольской, Волынской, Люблинской, Гродненской, Сѣдлецкой, Минской, Могилевской, Витебской, Виленской и Ковенской.“ Таблица эта взята изъ того атласа и впослѣдствіи лишь исправлена и дополнена.

Слѣдующимъ трудомъ П. Н. Батюшкова по описанію Западно-Русскаго края было превосходнѣйшее изданіе: „Памятники Русской старины въ Западныхъ губерніяхъ“. Это прекрасное изданіе, состоящее изъ восьми выпусковъ (1865 — 1886 года), сдѣлано въ видѣ роскошныхъ альбомовъ (in folio и in quarto) и заключаетъ въ себѣ рисунки и чертежи памятниковъ древности Волыни, Литвы и Забужья съ приложеннымъ къ нимъ объяснительнымъ текстомъ, имѣющимъ научное значеніе, ибо въ немъ предлагается не одно простое описаніе ихъ, но и научное обслѣдованіе ихъ, основанное на письменныхъ сказаніяхъ и народныхъ преданіяхъ.

Въ виду ограниченнаго количества изданныхъ экземпляровъ „Памятниковъ русской старины“ и ихъ относительно высокой цѣны, съ появленіемъ въ свѣтъ VII и VIII выпусковъ, явилась мысль воспользоваться заключающимся въ этомъ изданіи матеріаломъ для составленія пособія преподавателямъ въ школахъ и вообще людямъ близко стоящимъ къ народу въ нашихъ западныхъ Русскихъ окраинахъ, чтобы чрезъ ихъ посредство *творилась истина, грядущая къ свѣту*. По всеподданнѣйшему докладу г. министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа Дим. А. Толстаго о пользѣ, какую можетъ принести широкое распространеніе вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о русскихъ мѣстностяхъ Привислянскаго края Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить издателю памятниковъ составить и напечатать историческій очеркъ Забужной Руси. Очеркъ этотъ тог-

да же и былъ составленъ профессоромъ Кіевской Духовной Академіи Н. И. Петровымъ, которому по просьбѣ издателя П. Н. Батюшкова было оказано содѣйствіе со стороны профессора той же Академіи И. И. Малышевскаго. Книга эта, изданная въ 1887 году (въ ней XVI + 216 + 61 = 293 стр.), снабжена множествомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ, изображающихъ портреты Царствующихъ особъ и другихъ дѣятелей, участвовавшихъ въ исторіи Холмщины, снимки памятниковъ древне-русскаго искусства, письменности и вѣры и т. п. гравюрами (всего 47) и картой. Содержаніе ея представляетъ собою провѣренное и подтвержденное цѣлымъ рядомъ новыхъ документальныхъ данныхъ историческое описаніе Холмщины въ этнографическомъ, религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ; заключительнымъ выходомъ этого описанія служитъ выраженное нами выше положеніе, что Забужная Русь есть исконная православно-русская область. Но такъ какъ то же самое заключеніе имѣетъ свое мѣсто и значеніе по отношенію и къ другимъ областямъ Западно-Русскаго края, изученнаго и описаннаго въ „Памятникахъ Русской Старины" П. Н. Батюшкова, каковы: Волынь, Бѣлоруссія, Литва и Подолія, и исторія этихъ послѣднихъ неразрывна съ исторіей Холмщины,—то вслѣдъ за описаніемъ Холмской Руси, въ слѣдующемъ же 1888 году, появилось совершенно такое же историческое описаніе Волыни, потомъ въ 1890 г. Бѣлоруссіи и Литвы, а въ 1891 г. Подоліи. И эти три послѣднія книги, принадлежащія перу того же проф. Н. И. Петрова, написаны совершенно въ такомъ же родѣ, какъ и первая: и онѣ точно также заключаютъ въ себѣ цѣлую массу или доселѣ забытыхъ и искаженныхъ, а теперь возстановленныхъ и исправленныхъ, или совсѣмъ доселѣ неизвѣстныхъ и теперь только открытыхъ фактовъ въ оправданіе и подтвержденіе православно-русскаго происхожденія и характера этихъ областей; написанныя живымъ и литературно-обработаннымъ языкомъ и они точно также снабжены прекрасно исполненными портретами, рисунками, гравюрами и картами, объяснительный текстъ къ которымъ, отличающійся исторической обстоятельностію, составленъ г. Городецкимъ.

Изданіемъ послѣдней книги „Подолія" оканчивалось возложенное на П. Н. Батюшкова Высочайшею волею порученіе по Западному краю; этою книгой заканчивалось правдивое, основанное на документахъ и личныхъ изслѣдованіяхъ людей науки

описаніе тѣхъ одиннадцати Западныхъ губерній, которыя испытали на себѣ гнетъ Польши и католицизма и теперь еще не вполнѣ оправились отъ него; въ длинной цѣпи нашихъ пограничныхъ юго-западныхъ областей отъ Балтійскаго моря до Чернаго оставалась не описанною одна Бессарабія, которая, гранича съ Румыніей и Галиціей, составляетъ послѣднее южное звено въ этой цѣпи. Правда, область эта стояла внѣ круга областей, оправданіе православно-русскаго происхожденія и характера которыхъ въ опроверженіе польско-католическому лганью составляло послѣднюю цѣль тридцатилѣтнихъ трудовъ истинно-русскихъ православныхъ дѣятелей съ П. Н. Батюшковымъ во главѣ; но и здѣсь издавна жили славянскія племена, принимавшія даже участіе въ образованіи и развитіи Русскаго государства, и здѣсь племена эти, составившія потомъ изъ себя особыя княжества Валахію и Молдавію, подпали подъ иновѣрное и иноземное—татаро-турецкое вліяніе и иго, и здѣсь благодаря Русскому народу и государству это вліяніе и иго свержено было наконецъ, и Бессарабія, выдѣлившаяся еще раньше въ особую область изъ славяно-румынскихъ княжествъ Валахіи и Молдавіи, въ 1812 году присоединена было къ Россіи, которая съ тѣхъ поръ досѣлѣ неусыпно заботится о прекращеніи румынизаціи края и возстановленіи ея духовной родственной намъ жизни. Вотъ почему Государю Императору благоугодно было при окончаніи вышеозначенныхъ историческихъ изслѣдованій и описаній Западнаго края повелѣть подвергнуть такому же изслѣдованію и Бессарабію и написать такое же описаніе ея. П. Н. Батюшковъ былъ уже въ это время болѣе чѣмъ 80-лѣтнимъ старцемъ; но въ немъ жива была русская душа, и онъ едва не на смертномъ одрѣ съ такимъ же усердіемъ и жаромъ, какъ и прежде, но зато съ большею сравнительно съ прежнимъ временемъ практическою подготовкою и опытностью принялся за это дѣло. Матеріалы для историческаго описанія Бессарабіи имъ при посредствѣ хорошо извѣстныхъ ему и испытанныхъ имъ русскихъ ученыхъ дѣятелей были уже собраны, обработаны и даже частію начаты печатаніемъ, какъ смерть унесла отъ насъ этого неустаннаго труженика въ могилу, такъ что вышедшее въ прошедшемъ году описаніе Бессарабіи, которымъ заключается серія историческихъ трудовъ по описанію нашихъ западно-пограничныхъ областей, явилось на свѣтъ уже послѣ смерти Помпея Николаевича.

Книга эта написана тѣмъ же профессоромъ Кіевской Акаде-

міи Н. И. Петровымъ. Содержаніе ея представляетъ собою основанное на документальныхъ данныхъ, добытыхъ составителемъ въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ и книгохранилищахъ Бессарабіи историческое описаніе Бессарабской губерніи и раздѣляется на 8 томовъ (161 стр.), въ которыхъ говорится сначала о появленіи русскихъ Славянъ въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи и ихъ участіи въ образованіи Русскаго государства, объ образованіи изъ нихъ и развитіи особыхъ княжествъ Валахіи и Молдавіи съ выдѣлившеюся изъ нихъ Бессарабскою областію, о подчиненіи ихъ владычеству Турокъ и освобожденіи ихъ отъ этого ига Россіей и въ заключеніе о судьбахъ Бессарабіи подъ русскимъ владычествомъ съ 1812 года до настоящаго времени. Эти послѣдніе отдѣлы (главы V—VIII) отличаются особенною обстоятельностію и живостію. Особенно много мѣста удѣлено здѣсь описанію дѣятельности лицъ, трудившихся въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія Бессарабіи. Въ книгѣ помѣщено три фототипіи, 53 гравюры, объяснительный текстъ къ которымъ составленъ Городецкимъ и карта Бессарабской губерніи. Въ концѣ книги приложена къ ней составленная Л. Майковымъ полная біографія П. Н. Батюшкова и написанное послѣднимъ предисловіе книги.

Таковы въ общихъ чертахъ происхожденіе, содержаніе, основная мысль и характеръ историческихъ изданій П. Н. Батюшкова по описанію Западнаго края, послѣднее изъ которыхъ— *Бессарабія* только что появилась. Правда, въ своемъ библіографическомъ очеркѣ мы уклонились отъ подробнаго разсмотрѣнія содержанія этихъ изданій, но и изъ сказаннаго уже съ достаточною ясностію слѣдуетъ, что изданія эти представляютъ собою цѣнный вкладъ въ историческую западно-русскую литературу, особенно если вспомнимъ предшествующую имъ скудость и спутанность нашихъ свѣдѣній объ описанныхъ въ нихъ областяхъ. Теперь изъ этихъ изданій и на основаніи ихъ данныхъ для всѣхъ очевидно стало, что Западный край, забытый нами и какъ бы отданный чужому вліянію, есть искони русскій, православный край, вполнѣ заслуживающій той братской любви и того единенія съ нами, къ которому такъ давно стремился онъ, и которое оказываетъ ему въ послѣднее время Великороссія съ Русскимъ Царемъ во главѣ; теперь для всѣхъ должно быть ясно, что иновѣрныя и иноплеменныя притязанія на него есть плодъ нашей уступчивости и завистливой лжи нашихъ недруговъ. Въ

этомъ отношеніи и съ этой стороны изданія покойнаго Батюшкова не только—великая историческая заслуга, но и гражданскій подвигъ, патріотическое дѣло. Не одними православными храмами, въ такомъ обиліи благодаря щедрости Царствующаго Дома и истинно русскихъ людей построеннымъ покойнымъ, а и этими литературными изданіями своими онъ возбудилъ, оживилъ, уяснилъ и укрѣпилъ православно русское самосознаніе не только въ тѣхъ меньшихъ братьяхъ, которыхъ касалось его слово, а и въ насъ самихъ. И какъ благовременно это дѣло! Въ прошедшемъ году Волынь праздновала 900-лѣтіе со времени принятія Православной вѣры при Св. Равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ; въ настоящемъ 1893 году исполняется столѣтіе со времени возсоединенія съ Россійскимъ государствомъ Подоліи.

Слово.

Е. Поселянинъ. *Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божіимъ строилась Русская земля.* Изданіе 2. Москва. 1893 г.

Е. Поселянинъ задумалъ въ связномъ историческомъ повѣствованіи изложить всѣ, видимыя для насъ, чудесныя проявленія Промысла Божьяго въ жизни русскаго народа. Замыселъ прекрасный и очень цѣнный въ наше время, когда многіе, причисляющіе себя къ православному исповѣданію, какъ-то стыдятся серьезно говорить о чудѣ. Именно теперь полезно освѣтить нѣкоторыя событія русской исторіи съ той стороны, которая чаще всего игнорируется. И потребность въ этомъ довольно живо ощущается; это видно даже изъ того несомнѣннаго успѣха, какой имѣла книга Е. Поселянина. Первое изданіе ея въ короткій срокъ разошлось въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ.

Къ сожалѣнію, при всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ, книга Е. Поселянина не свободна отъ недостатковъ, которые могли бы быть устранены при послѣдующихъ изданіяхъ.

Главный недостатокъ книги — недостаточно строго выдержанная форма „повѣсти“ или повѣствованія.

Подъ повѣстью мы разумѣемъ связное изложеніе событій въ послѣдовательномъ порядкѣ. Поэтому Е. Поселянинъ долженъ былъ бы намъ дать, хоть краткое, но послѣдовательное *изложеніе Русской исторіи*, изложеніе, въ которомъ красною нитью отмѣчено было бы видимое Промыслительное устроеніе Русской

земли. Это было бы повѣстью. Е. Поселянинъ далъ намъ изложеніе отдѣльныхъ эпизодовъ русской исторіи, правда, въ хронологическомъ порядкѣ, но связанныхъ между собою *искусственно*. Для каждаго знакомаго съ исторіей это обстоятельство не важно; пропущенное въ повѣсти легко восполняется въ памяти. Иное дѣло для дѣтей или народа; для нихъ многое въ книгѣ Е. Поселянина останется неяснымъ или непóнятнымъ, благодаря тому, что предъ ними не цѣльный, связный разсказъ, а только отдѣльные эпизоды. Точно также маленькимъ читателямъ „повѣсти" останется многое непонятнымъ благодаря излишней краткости автора и нѣкоторой вычурности изложенія; такъ, напримѣръ, на страницѣ 41 въ разсказѣ о походѣ Дмитрія Донскаго противъ Мамая встрѣчается такое мѣсто: „Димитрій двинулся. Не одни живые бодрствовали на стражѣ: изъ тихаго Владиміра ополчался за родину Невскій богатырь"... И затѣмъ описывается нѣкое видѣніе служителя той церкви, гдѣ покоилось тѣло благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Вообще, отрывочность рѣчи и во многихъ мѣстахъ риторичность ея, а также нѣсколько приподнятый тонъ—принадлежатъ къ легко-исправимымъ недостаткамъ литературной манеры г. Поселянина. Образцомъ этой манеры можетъ служить предисловіе къ повѣсти: „Великими подвигами, многою вѣрою и мольбою сложилась Русь. Извѣдала она глубину всякихъ золъ, крестилась муками и слезами. Поразительными испытаніями лежалъ таинственный путь ея. Тяжкія скорби перемогла она, очистилась и освятилась. Выстрадала и живою сохранила въ себѣ Божію правду, пронесла крестъ свой и назвалась православною"... и т. д.

Часто свою рѣчь Е. Поселянинъ замѣняетъ рѣчью лѣтописца или церковнаго проповѣдника, какъ, напримѣръ, Святителя Филарета. Иногда это выходитъ хорошо, а очень часто неудачно. „Это было первое великое торжество Руси надъ Татарами, начало нашего освобожденія—и бяше чудно зрѣніе и дивна побѣда" (стр. 45) или „въ тотъ же день и часъ Тамерланъ изъ Рязанской земли внезапно поднялся и обратился въ бѣгство: убояся, и устрашеся, и ужасеся, и смятеся; восколебашася аки нѣкими гоними быша". Подобные обороты рѣчи должны употребляться съ большою осторожностью и во всякомъ случаѣ ихъ лучше избѣгать въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя предназначаются для дѣтей или народа.

Еще одно замѣчаніе. На страницѣ 87 при описаніи смутнаго

времени находимъ такое выраженіе: „Наконецъ Сергій устроилъ спасеніе"... Выраженіе неудобное, потому что рѣчь идетъ объ Угодникѣ Божіемъ Преподобномъ Сергіи. Для краткости (если она такъ нужна) употребляется въ этихъ случаяхъ двѣ буквы „Св.". Автору, конечно, это не безызвѣстно, да мы и не предполагаемъ здѣсь ничего болѣе, кромѣ недосмотра, но эти недосмотры опасны. Подобныя выраженія въ другомъ трудѣ Е. Поселянина (отецъ Амвросій) вызвали ему со стороны многихъ заслуженные упреки.

Въ общемъ книга Е. Поселянина читается съ интересомъ и удовольствіемъ. Большое значеніе она можетъ имѣть для дѣтей школьнаго возраста. Да и взрослымъ полезно почитать ее. Издана она прекрасно и безукоризненно.

Украшаютъ ее множество прекрасныхъ рисунковъ и виньетокъ, чуть ли не на каждой страницѣ. По цѣнѣ (35 к.) доступна всѣмъ. Въ роскошномъ переплетѣ можетъ служить хорошею наградой прилежнымъ ученикамъ. Отъ души желаемъ и второму изданію такого же успѣха, какой имѣло первое.

Краткое сказаніе о жизни оптинскаго старца іеросхимонаха о. Амвросія. Съ приложеніемъ избранныхъ поученій его. Составилъ Е. В. Изданіе Оптиной пустыни. Москва. 1893.

Сказаніе дѣйствительно очень краткое, но краткость его не мѣшаетъ ясности и полнотѣ очерка жизни приснопамятнаго старца. Къ достоинствамъ сказанія надо отнести и то, что читатель не найдетъ здѣсь ничего невѣрнаго, неточнаго или легендарнаго, отчего не свободно ни одно изъ появившихся жизнеописаній старца.

Видно, что сказаніе написано человѣкомъ не книжнымъ, но стоявшимъ очень близко къ о. Амвросію. Съ внѣшней стороны сказаніе издано довольно прилично. Въ приложеніи помѣщены избранныя поученія старца. Цѣна 15 коп. довольно высока, такъ какъ изданіе несомнѣнно предназначено для народа. Вообще всѣ изданія Оптиной Пустыни довольно дороги и уступаютъ въ этомъ отношеніи изданіямъ Пантелеимоновскаго монастыря, которыя, благодаря своей дешевизнѣ, расходятся во множествѣ. Продается сказаніе, какъ и всѣ Оптинскія изданія, въ Синодальной книжной лавкѣ въ Москвѣ, а въ Петербургѣ у И. Л. Тузова.

Свящ. І. Фудель.

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.—Выпускъ первый: *А—Втас.* Спб. 1891 г. Цѣна 85 к.—Выпускъ второй: *Втас—Да.* Спб. 1892 г. Цѣна 75 к.

Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ предпринятъ трудъ важный и неотложно-необходимый – изданіе *Словаря русскаго языка.* Словарь издается подъ главною редакціей вице-президента Академіи Я. К. Грота. Дѣло ведется энергично. Изданіе быстро подвигается впередъ. Годъ тому назадъ вышелъ первый выпускъ *Словаря,* обнимающій буквы: А, Б и часть В, а въ началѣ текущаго года поступилъ въ продажу и второй выпускъ (окончаніе буквы В. и часть Д).

Это уже третій по счету академическій словарь.

Первый словарь принадлежалъ предшественницѣ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ—Императорской Россійской Академіи [1]: *Словарь Академіи Россійской.* Спб. 1789 – 1794 годовъ (въ шести частяхъ). Трудъ этотъ Академія посвятила своей Вѣнценосной Основательницѣ—Императрицѣ Екатеринѣ II. Этотъ словарь былъ изданъ въ словопроизводномъ порядкѣ: коренныя слова расположены по алфавиту, но за каждымъ кореннымъ словомъ слѣдуетъ цѣлый рядъ производныхъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя тотъ же словарь въ исправленномъ и дополненномъ видѣ былъ переизданъ Академіей съ всеподданнѣйшимъ посвященіемъ Императору Александру I, причемъ былъ измѣненъ и порядокъ расположенія словъ. Это—*Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный* (въ шести частяхъ) Спб. 1806—1822 гг.

Вторымъ академическимъ *словаремъ* является словарь, принадлежащій уже преемнику Россійской Академіи. Это—*Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ* (четыре тома). Спб. 1847 г. Спустя двадцать лѣтъ (т. е. въ 1867 году), съ разрѣшенія Академіи, онъ былъ переизданъ Н. Л. Тибленомъ.

---

[1] *Императорская Академія Наукъ,* какъ извѣстно, основана Петромъ Великимъ 12 января 1724 года. *Императорская Россійская Академія,* учрежденная Императрицей Екатериной II—30 сентября 1783 года, Высочайшимъ рескриптомъ отъ 19 октября 1841 года присоединена была къ Императорской Академіи Наукъ «въ видѣ особаго отдѣленія русскаго языка и словесности», или «Втораго Отдѣленія».

Это второе изданіе было сдѣлано безъ измѣненій, такъ что послѣднимъ академическимъ словаремъ слѣдуетъ считать словарь 1847 года.

Но уже въ то время въ кругу академиковъ словарь этотъ признавался недостаточнымъ. Уже тотчасъ послѣ появленія его,—какъ значится въ предисловіи, предпосланномъ первому выпуску новаго словаря,—Отдѣленіе трудилось надъ составленіемъ дополненій къ нему и извлеченіемъ примѣровъ изъ писателей.

Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ слишкомъ лѣтъ. Въ области русскаго языка, какъ организма живаго и живущаго, многое устарѣло, много появилось новаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ и русское правописаніе требовало бо́льшей устойчивости. Въ составленіи новаго академическаго словаря чувствовалась настоятельная необходимость. Удовлетвореніемъ такой необходимости и является словарь, составляемый нынѣ Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, призваннымъ „хранить и утверждать языкъ".

Новый Академическій Словарь „имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный и дѣловой языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковнославянскаго же и древнерусскаго сохраняетъ только слова, которыя употребляются въ современномъ литературномъ языкѣ [1].— Въ этомъ—первое и существенное отличіе новаго словаря отъ всѣхъ предыдущихъ, соединявшихъ русскій языкъ съ церковнославянскимъ и смѣшивавшихъ различные періоды историческаго развитія языка.—Затѣмъ, онъ во многомъ исправляетъ и дополняетъ своихъ предшественниковъ. Такъ, напримѣръ, въ прежнемъ словарѣ (1847 года) глаголъ: *благодарствовать* объясняется такъ: То же, что благодарить. *Благодарствую за посѣщеніе, за добрый совѣтъ.*—Новый словарь дѣлаетъ поправку:

Благода́рствовать, ствую, ствуютъ, *ср.* кому.

1. Оказывать добро, благотворить.

2. Благодарить.

Въ прежнемъ изданіи академическаго словаря гл. *благодарствовать* показанъ только однозначащимъ съ гл. *благода́рить* и въ примѣръ приведено выраженіе: *благодарствую за посѣщеніе.* Но первоначальное значеніе его (оказывать добро) видно изъ слѣдующихъ двухъ стиховъ Онежской былины:

«*Благодарствуешь Илья да сынъ Ивановичъ,*
«*Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя.*

---

[1] Предисл. стр. VI.

Когда говорять: *благодарствуйте*, то въ этой формѣ слѣдуеть видѣть измѣненіе первоначальной: *благодарствусте*, выражающей сознаніе говорящаго, кому оказано добро.

Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не *пью*.

Лерм. «Бела».

Оттуда и *благодарствуй* вм. *благодарствуешь* и т. д.

Не мало находимъ въ новомъ словарѣ и такихъ словъ, которыхъ не было въ прежнихъ: *Активъ*, *активный*, *акцентъ* и мн. др.

При словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, по большей части указывается и то иностранное слово, отъ котораго данное русское произошло, чего въ прежнихъ словаряхъ не дѣлалось. Такъ, напримѣръ: *Балéтъ*, а, м. (фр. ballet отъ ит. ballare танцовать), *баллáда*, ы, ж. (отъ ит. ballata плясовая пѣсня); *бальзáмъ*, а, м. (гр. βάλσαμον—дерево или кустарникъ, дающій благовонную смолу)...

По внѣшности новый словарь напоминаетъ своего ближайшаго предшественника: форматъ, шрифтъ, площадь печати—тѣ же, что и въ словарѣ 1867 года. Слова такъ же печатаются сплошь, т. е. безъ отдѣленія корней отъ суффиксовъ и флексій. Знаніе корней—это, какъ извѣстно, камень преткновенія для преподавателей русскаго языка. Но для такого словаря (съ точнымъ указаніемъ словопроизводства), повидимому, еще не настало время. Попытка въ этомъ родѣ, сдѣланная въ первомъ академическомъ словарѣ 1789—1794 гг., была признана несвоевременною и неудачною. Съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ, но и до сихъ поръ еще „производство многихъ словъ загадочно или сомнительно“ [1].

Объемомъ же своимъ новый словарь, несмотря на то, что онъ, какъ сказано выше, ограниченъ болѣе тѣсными рамками, повидимому, значительно превзойдетъ своего предшественника: такъ, въ двухъ вышедшихъ нынѣ выпускахъ (отъ буквы *А* до *Да*) находимъ 948 столбцовъ вмѣсто 633 столбцовъ въ словарѣ 1867 года. Увеличеніе объема словаря зависитъ вообще отъ той полноты, съ которою онъ составляется, главнымъ же образомъ отъ обилія оправдательныхъ примѣровъ, которые заимствуются большею частію изъ произведеній первоклассныхъ и нѣкоторыхъ второстепенныхъ писателей.

Для бóльшей наглядности позволимъ себѣ привести параллельно нѣсколько словъ съ объясненіями изъ прежняго и новаго словаря:

---

[1] Предисл. стр. VII.

Въ прежнемъ:

Балыкъ, à, *с. м.* Провѣсная осетровая или бѣлужья спинка.

Въ новомъ:

Ба́лыкъ, а́, *м.* (тюрк.-рыба). Провѣсная осетровая или бѣлужья спинка; полоса мягкаго и нѣжнаго мяса, вырѣзанная по бокамъ хребтины... *за ними* [щами] *слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ.*

С. Акс. Сем. Хр.

Въ прежнемъ:

Боровикъ, â, *с. м.* Boletus edulis, грибъ.

Въ новомъ:

Боровикъ, à, м. (отъ боръ).

1. Грибъ Boletus edulis. *Бѣлый грибъ*.

«*Ужъ какъ вздумалъ грибъ*,
«*Загадалъ де боровикъ*,
«*Всѣмъ грибамъ полковникъ*...

Народная пѣсня.

2. Трава Chimaphila umbeleata. *Становникъ. Боровый изгонъ.*
3. Тетеревъ, особенно косачъ.
4. Боровика́, о́въ, *мн.* Дикія боровыя пчелы.

Въ прежнемъ:

Будуаръ, а, *с. м.* Дамскій кабинетецъ.

Въ новомъ.

Будуаръ, а, м. (фр. boudoir). Изящно убранная дамская гостиная.

«*Въ будуаръ благоуханный*
«*Въ ночь прокрадусь я тайкомъ.*

А. Майк. Lorenzo.

(Въ гостиной) *царствовалъ полумракъ, какъ въ модномъ будуарѣ.*

Фрег. Палл.

Въ прежнемъ:

Втай и
Втайнѣ, *нар.* Тайно, скрытно.

Въ новомъ:

Втай, *нар.* То же, что *втайнѣ*, но малоупотребит.

«*Втай вездѣ его слѣдитъ.*

Держ.

Втайнѣ, *нар.* Тайно, скрытно.

«*Тому, кого караетъ явно,*
«*Онъ втайнѣ милости творитъ.* Пушк. Друзьямъ.

Мы взяли первыя попавшіяся слова; но уже и изъ этихъ немногихъ приведенныхъ нами образцовъ можно судить и о большей полнотѣ объясненій, даваемыхъ въ новомъ словарѣ и объ обиліи оправдательныхъ примѣровъ: примѣры эти являются во многихъ мѣстахъ, гдѣ они прежде отсутствовали.

При измѣняемыхъ частяхъ рѣчи дѣлаются грамматическія объясненія. Такъ, при именахъ существительныхъ, какъ можно видѣть уже изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, указывается родительный падежъ, родъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ и множественное число. Жаль только, что при этомъ не обозначается и склоненіе, къ которому принадлежитъ данное существительное. Въ самомъ дѣлѣ, мы до сихъ поръ не знаемъ, сколько склоненій имѣютъ русскія имена существительныя. Если пересмотримъ различныя руководства русскаго языка, то найдемъ здѣсь большія разногласія: одни составители признаютъ два склоненія, другіе — три и т. д. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, голосъ Академіи Наукъ могъ бы имѣть рѣшающее значеніе.

Нельзя не пожалѣть также, что редакція словаря рѣшилась отказаться отъ помѣщенія въ словарѣ собственныхъ именъ, такъ какъ и здѣсь встрѣчается не мало разногласій какъ въ написаніи (Фонъ-Визинъ и Фонвизинъ, Кантеміръ и Кантемиръ, Вакхъ и Бахусъ и т. п.), такъ и въ удареніяхъ (Да̀рвинъ и Дарви́нъ, Ми́льтонъ и Мильто́нъ, Га̀млетъ и Гамлѐтъ и т. п.).

Что касается пропусковъ и недосмотровъ, то они могутъ быть замѣчены лишь при болѣе продолжительномъ пользованіи словаремъ. Но едва ли ихъ окажется много: словарь составляется тщательно и подробно, и въ общемъ производитъ хорошее впечатлѣніе. По всей вѣроятности, онъ достигнетъ своей цѣли — быть настольною справочною книгой практическаго характера. Но кромѣ того, безъ сомнѣнія, онъ придастъ и русскому правописанію бо́льшую устойчивость.

С. Кр—въ.

Стихотворенія И. И. Козлова. Изданіе исправленное и значительно дополненное Арс. И. Введенскимъ. Съ біографическимъ очеркомъ и съ портретомъ Козлова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Маркса. 1892.

30 января 1890 г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти поэта Козлова, когда-то пользовавшагося сочувствіемъ читающей публики, затѣмъ незаслуженно забытаго и извѣстнаго почти только по имени. Съ 1855 по 1889 годъ произведенія его не переиздавались. Хотя Жуковскій въ своей статьѣ о Козловѣ (Сочиненія. 1885. VI. 52) и заявилъ, что имъ собраны для изданія 1840 г. *всѣ* стихотворенія покойнаго поэта, однако уже Бѣ-

линскій (V. 285) обратилъ вниманіе на то, что ни въ одно изъ изданій не вошла поэма Козлова „Байронъ". Но кромѣ этой пьесы въ изданіе 1840 не были включены еще 25 мелкихъ стихотвореній Козлова, изъ которыхъ 22 были напечатаны въ журналахъ и альманахахъ 1821—1839 и три найдены въ бумагахъ поэта послѣ его смерти. Изъ числа этихъ 25 стихотвореній двадцать указаны вѣрно въ замѣткѣ Лонгинова *Русскій Архивъ* 1864, 230—232 и два ошибочно: „Къ М. Шимановской", напечатанное сначала въ *Радугѣ* 1830. 167 и вошедшее въ изданія 1833. 274, 1840. 207, 1855. 207, и „Графинѣ Фикельмонъ", помѣщенное въ *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* 1838. № 15. 288 и въ изданіяхъ 1840. 314, 1855. 313. Редактированное Введенскимъ изданіе стихотвореній Козлова, заключающее и тѣ пьесы, которыя не вошли въ изданіе 1840, является, повидимому, полнымъ собраніемъ произведеній поэта. Кромѣ того, къ настоящему изданію приложена біографія поэта и библіографическія примѣчанія, чего не было при прежнихъ изданіяхъ. Теперь читающая публика имѣетъ возможность вспомнить или узнать вновь все, что написано Козловымъ, и судить о достоинствахъ и недостаткахъ его произведеній.

Четыре изданія сочиненій Козлова 1828, 1833, 1840 и 1855 имѣли много недостатковъ внѣшнихъ и внутреннихъ; не вполнѣ свободно отъ нихъ и изданіе, редактированное Введенскимъ. „Въ основаніе нашего изданія", говоритъ редакторъ въ предисловіи,— „мы положили изданіе 1840 года, съ любовью и знаніемъ дѣла исполненное подъ руководствомъ В. А. Жуковскаго". Взглядъ этотъ представляется вдвойне ошибочнымъ: изданіе 1840 не можетъ быть названо исполненнымъ съ любовью и знаніемъ дѣла, и слѣдовательно оно не можетъ и служить руководствомъ при установленіи текста.

Изданіе 1840 года лишено біографіи поэта, хотя кому болѣе, чѣмъ Жуковскому, другу Козлова, біографія послѣдняго могла быть извѣстнѣе? И несомнѣнно, изъ-подъ его пера она вышла бы гораздо лучшей, чѣмъ тѣ скудные отрывки, которые помѣщаются обыкновенно при изданіяхъ стихотвореній Козлова. Затѣмъ, въ изданіе 1840 не вошли многія стихотворенія Козлова. Наконецъ, текстъ стихотвореній третьяго отдѣла, прибавленнаго Жуковскимъ, напечатанъ не въ томъ видѣ, въ какомъ является онъ въ журналахъ и альманахахъ, гдѣ эти стихотворенія были первоначально помѣщены. Два первые недостатка устранены въ

изданіи 1892 года, а послѣдній нѣтъ, и мы имѣемъ текстъ третьяго отдѣла мелкихъ стихотвореній въ этомъ изданіи въ измѣненной, не принадлежащей Козлову редакціи. При отсутствіи рукописей, изданія, вышедшія при жизни автора, до нѣкоторой степени замѣняютъ рукописи; и Козловъ, редактируя свои пьесы для журналовъ, альманаховъ и отдѣльныхъ изданій, не могъ не слѣдить за тѣмъ, чтобъ онѣ помѣщались именно въ томъ видѣ, въ какомъ самъ авторъ желалъ ихъ видѣть напечатанными. Изданіе 1840 года вышло по смерти Козлова, и измѣненія текста въ немъ, неоговоренныя издателями, представляются сдѣланными безъ вѣдома и желанія автора. Можно возразить и противъ помѣщенія въ изданіи 1892 года стихотвореній Козлова въ случайномъ, а не хронологическомъ порядкѣ. Имѣющихся данныхъ достаточно для расположенія стихотвореній по годамъ, въ порядкѣ ихъ напечатанія въ журналахъ и альманахахъ; при нѣкоторыхъ пьесахъ есть даты времени ихъ написанія.

Библіографія, приложенная къ изданію 1892, нуждается въ поправкахъ и дополненіяхъ. „Венгерскій лѣсъ“ былъ напечатанъ въ *Невскомъ Альманахѣ* 1827. 89, 1828. 4. — „Аккерманскія степи“—въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1828. ч. XIX. № 3. 323.—„Португальская пѣсня“, напечатанная въ *Сынѣ Отечества* 1820. № 12 и помѣченная: „Варшава“, не принадлежитъ Козлову; это другой, анонимный переводъ пьесы Байрона: „From the portuquese“.—„Княжнѣ С. Д. Радзивилъ“ — въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1826. 96 — „Къ С—ѣ“ („Въ альбомъ“...) въ исправленномъ видѣ — *Новости Литературы* 1823. № XII. 188. — „Молодая узница“—*Невскій Альманахъ* 1827. 46—„Байронъ въ Колизеѣ“— *Библіотека Для Чтенія* 1834. VII. 120. — „Ревность“.—*Библіотека Для Чтенія* 1836. XIX. 11. Пропущенныя указанія: „Кіевъ“ — *Сѣверные Цвѣты* 1825. 314.—„Разбойникъ“—*Московскій Телеграфъ* 1825. № 8. 276.—„Плѣнный Грекъ въ темницѣ“— *Новости Литературы* 1822. № VII. 111 подъ заглавіемъ: „Плѣнный воинъ въ темницѣ“. — „Подражаніе сонету Мицкевича“— *Сѣверные Цвѣты* 1829. 57 подъ заглавіемъ: „Стансы. Вольное подражаніе Адаму Мицкевичу“.

Въ текстѣ можно замѣтить нѣсколько погрѣшностей. Эпиграфъ къ „Чернецу“ пропущенъ; V. 16 (стр. 17): „молился“ вм. „молися“.—„Къ другу В. А. Ж.“, стр. 35, строка 3: „одобритель“ вм. „ободритель“; строка 12: „слава“ вм. „снова“.— „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“ II, VIII. 34 (стр. 58):

„Предъ ней встревоженной унылый“, стихи 13 — 38 („Она у волнъ въ раздумьи сѣла“—„Надъ рощей мѣсяцъ засіялъ“) стр. 61 относятся не къ XI, а къ XII. строфѣ, и должны читаться послѣ 14 стиха XII строфы: „Осеннихъ бурь и мглы ночей“. Перепутанные въ изданіи 1840, вслѣдствіе неправильнаго счета страницъ, главы XI и XII вошли въ искаженномъ видѣ въ изданія 1855 и 1892. II, XIV. 9 (стр. 65): „То видѣлъ все“ вм. „*Тотъ* видѣлъ все“. — „Безумная“, стр. 68, строка 17: „Но въ немъ Москва привѣтъ, *а* не укоръ“. — „Венгерскій лѣсъ“ — пропущено: „Александрѣ Андреевнѣ Воейковой“; стр. 93, строфа 18, стихъ 3: „но разъ — *ея* въ пещерѣ нѣтъ“. — „Невѣста абидосская“—эпиграфъ пропущенъ; стр. 135, строка 7: „подразумѣваютъ“ вм. „подразумѣваетъ“.—„Крымскіе сонеты“—пропущено: „Посвящено Мицкевичу отъ переводчика“; въ XII сонетѣ пунктуація стиховъ 7 и 8 должна быть такая: „И вѣетъ ароматъ; отъ слуха утаенный, Онъ сердцу говоритъ въ мелодіи цвѣтовъ.“ — „Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи“ I. 5 (стр. 149): „Поселянинъ *скорѣй* спѣшитъ съ работы“. — „Къ Свѣтланѣ“, стихъ 5 (стр. 158): „Подвластна грусть моя тебѣ“.— „Ночь въ замкѣ Лары“, стр. 162: „Укоръ, хвалу“... — „На погребеніе англійскаго генерала Сира Джона Мура“, стр. 165. стихъ 4 строфы 7 кажется нужно читать: „*Тебѣ* онъ не вѣстникъ сраженья“. — „Сельская сиротка“, стр. 192, строка 34: „Одна между *крестовъ*“. — „Къ альпамъ“, стр. 194, пропущено: „Подражаніе Дюсису“.—„Къ тѣни Дездемоны“, стр. 213, стихъ 2: „Далека тревогъ земли“.—„Явленіе Франчески“, стр. 218, строки 29 и 30: „Глубокій мой сонъ на то прекращенъ, Чтобъ я была счастлива, ты былъ спасенъ“.—„Смерть Клоринды“, стр. 231, послѣдняя строка: „Затмилася краса *ея* младая“.—„Новые стансы“ (стр. 239) первый стихъ должно читать: „Прости! ужь полночь; *подъ луною*“. — „Мечтаніе“ (стр. 245), стихъ 8: „Несли чрезъ дальній океанъ“. — „Подражаніе сонету Мицкевича“ (стр. 249) порядокъ риѳмъ во второй строфѣ: собою—мечтой—красотою—душой. — „Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику“ (стр. 252), стихъ 4: „Подъ чьей державой“...—„Эрминія на берегахъ Іордана“, стр. 255, строка 26: „Тревожитъ грудь страдалицы младой“.—„Жнецы“, стр. 275, строка 32: „То поле, тѣ жнецы“...—„Къ печальной красавицѣ“ (стр. 275) пропущенъ эпиграфъ и дата.—„Свѣтлана и Русланъ“, стр. 285, 2 стихъ 4 строфы: „Слезы изъ очей“. — „Байронъ“, стр. 316, строка 30:

„Думъ тяжкихъ, глубокихъ въ немъ видны черты“.—„Стансы“, стр. 320, стихъ 3: „И нѣжной музыки“...—„Элегія“ (стр. 323), стихъ 2: „*Діаны* не блестишь въ плѣнительныхъ лучахъ“.—„Поэтъ и буря“, стр. 326, послѣдняя строка: „Дрожало вновь, и слезъ источникъ *билъ* небесный“.—„Пѣснь о Маркѣ Висконти“, стр. 327—дата пропущена.

Несмотря на указанные недосмотры, редактированное Введенскимъ изданіе стихотвореній Козлова можно рекомендовать читающей публикѣ, какъ очень полное и довольно исправное въ типографскомъ отношеніи.

К. Трушъ.

К. Э. Линдеманъ. *Итальянская саранча въ Саратовской губерніи.* (Докладъ, представленный въ Саратовскую Губернскую Земскую Управу). Саратовъ, 1892.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ итальянская саранча и нѣкоторыя родственныя ей породы насѣкомыхъ до такой степени размножились въ нѣкоторыхъ губерніяхъ средней и юго-восточной Россіи и причинили тамъ такой вредъ, что поневолѣ составляли предметъ усиленныхъ заботъ со стороны земствъ этихъ губерній. Для изслѣдованія условій размноженія и для указанія мѣръ истребленія ихъ, земства разныхъ губерній неоднакратно обращались къ извѣстному знатоку и спеціалисту, пользующемуся заслуженной извѣстностью по этому предмету, проф. К. Э. Линдеману. Такъ въ 1891 г. проф. Линдеманъ по приглашенію губернскихъ управъ посѣтилъ Борисоглѣбскій уѣздъ Тамбовской губ. для изслѣдованія появленія тамъ итальянской саранчи, Трубчевскій и Сѣвскій уѣзды Орловской губ., гдѣ весною того года появились значительные выводки настоящей саранчи, и четыре уѣзда Уфимской губ. Въ іюнѣ 1892 года онъ посѣтилъ различныя мѣстности въ пяти уѣздахъ Тамбовской губерніи для изслѣдованія появившейся тамъ итальянской саранчи, въ іюлѣ съ тою же цѣлью четыре уѣзда Воронежской губ. Такимъ образомъ поѣздка въ Саратовскую губ. въ августѣ 1892 г. завершаетъ длинный рядъ экскурсій, предпринятыхъ съ одинаковою цѣлью и дающихъ возможность, располагая значительнымъ матеріаломъ, предложить проектъ организаціи истребленія итальянской саранчи. Въ виду этого докладъ проф. Линдемана пред-

ставляетъ большой интересъ. [1] Хотя итальянская саранча принадлежитъ къ числу исконныхъ обитателей южной Россіи и всегда присутствуетъ въ степныхъ мѣстностяхъ ея, но въ прежнее время вредъ, причиняемый ею, не достигалъ значительныхъ размѣровъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются условія наиболѣе благопріятныя для ея размноженія. А въ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ сѣверныхъ и западныхъ предѣловъ области ея обычнаго распространенія, какъ напр. въ Тамбовской, Воронежской и въ Саратовской губ., мѣстные старожилы не помнятъ случаевъ такого размноженія итальянской саранчи, какое произошло въ 1892 году. Это объясняется тѣмъ, что послѣдніе годы, благодаря чрезвычайнымъ засухамъ, итальянская саранча страшно размножилась въ области, постоянно ею обитаемой, и отсюда стала распространяться большими тучами за обычные предѣлы, поражая такіе уѣзды и губерніи, которые до сихъ поръ были отъ нея свободны. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ итальянская саранча была замѣчена большими массами въ степяхъ Самарской и Астраханской губ. и области Войска Донскаго. Отсюда она двинулась на сѣверъ и сѣверо-западъ и вторгнулась въ губерніи юго-восточной и средней Россіи, размножаясь, благодаря господствовавшимъ здѣсь необычайнымъ засухамъ и жарамъ, дѣлавшимъ эти средне-русскія губерніи сходными по климату съ тѣми южными степями, которыя представляютъ исконное отечество итальянской саранчи. Такое наступленіе этого насѣкомаго на губерніи, ему обыкновенно чуждыя, началось лѣтомъ 1889 года, когда саранча залетѣла въ нѣкоторые уѣзды Тамбовской, Воронежской и Саратовской губ. Но на это обратили вниманіе только весною слѣдующаго (1890) года, когда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были находимы выводки молодой саранчи. Лѣтомъ 1890 года эта саранча разлетѣлась уже по бо̀льшей площади, такъ что весною слѣдующаго (1891) года выводки ея были обнаружены уже въ бо̀льшемъ числѣ уѣздовъ трехъ упомянутыхъ выше губерній. Мѣстами они отродились въ такомъ большомъ количествѣ, что уже тогда начали принимать мѣры къ ихъ истребленію. Лѣтомъ 1891 года тучи саранчи распространились по всей Воронежской губ. и по многимъ уѣздамъ Тамбовской и Саратовской губ.; мало

---

[1] Обращаемъ вниманіе также на появившуюся популярную брошюру проф. Линдемана: «Итальянская саранча и мѣры ея истребленія», (съ рисунками). Москва, 1892 г., цѣна 10 коп.

того, проникли въ Елецкій, Ливенскій и Трубчевскій уѣзды Орловской губ. и въ смежные съ Воронежской губ. уѣзды Курской губерніи. По изслѣдованіямъ проф. Линдемана, всюду въ предѣлахъ этой вновь завоеванной области итальянская саранча заложила тогда значительное количество яичекъ, которыя, благополучно перезимовавъ выплодили весною 1892 года массы молодой саранчи, которая произвела значительныя опустошенія на хлѣбахъ и травахъ этой области. Наконецъ, лѣтомъ 1892 года, окрылившаяся саранча продолжала надвигаться на среднюю Россію, такимъ образомъ все более и более расширяя занятую ею область. Тучи саранчи разсѣялись по многимъ уѣздамъ Саратовской и Тамбовской губ., распространились почти по всѣмъ уѣздамъ Воронежской и Орловской губ., проникли въ нѣкоторые уѣзды Пензенской, Рязанской, Тульской и Владимірской губерній, были замѣчены въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губ. и даже къ сѣверу отъ Москвы, на поляхъ Петровской Академіи. Такимъ образомъ итальянская саранча занимаетъ теперь въ средней и восточной Россіи громадную площадь и, конечно, со временемъ можетъ распространиться на еще бо̀льшій районъ. Эти массы отчасти произошли черезъ размноженіе саранчи, уже съ 1889 года надвинувшейся на сѣверные предѣлы области ея настоящаго мѣстожительства, отчасти вслѣдствіе постоянно повторяющихся новыхъ налетовъ съ юга, изъ мѣстностей, играющихъ роль постоянныхъ разсадниковъ этого вреднаго насѣкомаго. Отсюда понятно, что истребленіе этого насѣкомаго можетъ увѣнчаться успѣхомъ только тогда, когда всѣ пораженныя имъ губерніи будутъ солидарны въ принятіи необходимыхъ мѣръ противъ него. „Иначе саранча будетъ постоянно распространяться изъ губерній, гдѣ ничего не предпринимается противъ нея, и, вторгаясь извнѣ, постоянно наносить вредъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сельскіе хозяева и администрація напрягаютъ всѣ свои силы для того, чтобы уничтожить это вредное насѣкомое“.

Нѣкоторые, основываясь на томъ, что итальянская саранча не постоянно обитаетъ въ этихъ мѣстностяхъ, а пришла со стороны, съ юга, высказываютъ надежду, что она „сама собою“ исчезнетъ, за невозможностью долго существовать при чуждыхъ ей мѣстныхъ условіяхъ. Но въ виду столь быстро идущаго распространенія ея и въ виду того громаднаго вреда, который она причиняетъ, было бы легкомысленно, конечно, полагаться на это русское „авось“ и не принимать мѣръ къ ея истребленію; тѣмъ

болѣе что, чѣмъ далѣе откладывать борьбу съ этимъ вреднымъ насѣкомымъ, тѣмъ больше оно успѣетъ распространиться, и тѣмъ труднѣе будетъ принимать противъ него мѣры.

Чтобы дать понятіе, въ какомъ громадномъ количествѣ саранча эта появилась въ пораженныхъ ею мѣстностяхъ, можно сообщить, что Бобровская Земская Управа, докладывая собранію, что въ уѣздѣ истреблено 40.000 пудовъ саранчи, указывала вмѣстѣ съ тѣмъ, что это количество ничтожно въ сравненіи съ тою массою, какая осталась неистребленною. Проф. Линдеманъ сообщаетъ, что въ Саратовской губерніи, гдѣ весною истреблено болѣе 53.000 пудовъ саранчи, это количество также совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣми массами ея, которыя, окрылившись, разлетѣлись по площади всей губерніи О томъ, какъ велики были мѣстами эти массы саранчи, свидѣтельствуетъ, напримѣръ, то, что „въ началѣ іюня товарные поѣзда Саратовской желѣзной дороги, поднимаясь по уклону близъ села Шевыревка, неоднократно должны были останавливаться и посыпать рельсы пескомъ, такъ какъ огромныя массы саранчи, раздавленной при переходѣ ея черезъ рельсы, устраняли треніе и не допускали наступательное движеніе поѣздовъ.“

Вредъ, причиняемый итальянскою саранчею, достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ. До послѣдняго времени многіе склонны были думать, что слухи о громадныхъ опустошеніяхъ, причиняемыхъ этими насѣкомыми, преувеличены. Но лѣто 1892 года разсѣяло всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ и доставило въ избыткѣ доказательства, что итальянская саранча насѣкомое крайне вредное и въ этомъ отношеніи нисколько не уступаетъ обыкновенной саранчѣ. Чтобы дать понятіе о томъ вредѣ, какой она причиняетъ, слѣдуетъ замѣтить, что безкрылая саранча кормится почти всѣми сельскохозяйственными растеніями, за исключеніемъ проса, которое ѣстъ только въ томъ случаѣ, когда застигаетъ его молодые всходы. Она ѣстъ молодую пшеницу; всходы подсолнуха поѣдаетъ дочиста, не оставляя отъ него никакихъ слѣдовъ; съѣдаетъ начисто молодые всходы гречи; молодые всходы ржи, льна и конопли съѣдаетъ до основанія. Менѣе охотно она ѣстъ ячмень и овесъ, табакъ, бахчевыя растенія, горчицу, хотя и на этихъ растеніяхъ можетъ производить значительныя поврежденія. Охотно поѣдаетъ она всходы травъ; а въ молодыхъ лѣсныхъ насажденіяхъ личинки саранчи ѣдятъ листья маленькихъ дубковъ и вязовъ и даже объѣдаютъ кору на моло-

дыхъ стебляхъ и вѣткахъ. Крылатая итальянская саранча кормится тѣми же растеніями, а кромѣ того нападаетъ на овесъ и просо, на которыхъ переѣдаетъ вѣтви метелокъ, отчего онѣ падаютъ на землю. Отсюда можно видѣть, какія обширныя и разнообразныя поврежденія можетъ причинять это вредное насѣкомое. Что касается степени причиненныхъ поврежденій, то проф. Линдеманъ сообщаетъ относительно этого также много любопытныхъ фактовъ. Плохое состояніе травъ на залежахъ въ Саратовской губерніи въ началѣ приписывали вліянію засухи, но потомъ убѣдились, что травы плохи не отъ засухи, а потому, что поѣдены саранчею. Въ Бобровскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, громадныя степи были такъ опустошены саранчею, что мѣстами имѣли такой видъ, какъ будто не задолго передъ тѣмъ опустошены были пожаромъ „на значительномъ протяженіи залежи были совершенно черныя, нигдѣ не представляя ни единаго зеленаго листика".

На основаніи имѣвшихся у него свѣдѣній, проф. Линдеманъ опредѣляетъ величину вреда, нанесеннаго итальянскою саранчею прошлымъ лѣтомъ въ Воронежской губерніи, въ нѣсколько милліоновъ рублей. Вредъ, нанесенный ею въ Саратовской губерніи, достигаетъ не меньшихъ размѣровъ. Это совершенно ясно показываетъ, что итальянская саранча есть такой же бичъ Божій, какъ и настоящая саранча. „Эти факты дѣлаютъ обѣ породы саранчи совершенно равнозначащими для сельскаго хозяина, для администраціи и для законодательства, и на будущее время желательно, чтобы всѣ законоположенія и правила, относящіяся до саранчи, были бы одинаково распространяемы и на итальянскую саранчу." Таковъ вполнѣ основательный выводъ, къ которому приходитъ авторъ.

Что касается мѣръ истребленія итальянской саранчи, то авторъ дѣлитъ ихъ на два разряда, а именно: 1) осеннія или предупредительныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы предупредить отрожденіе саранчи въ будущемъ, и 2) весеннія, служащія для истребленія уже отродившихся выводковъ. Саранча складываетъ свои яички въ іюлѣ и августѣ, при этомъ она закапываетъ ихъ подъ поверхность земли, гдѣ они, во-первыхъ, остаются скрытыми отъ глазъ и преслѣдованія враговъ—многочисленныхъ насѣкомоядныхъ животныхъ, звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, во-вторыхъ, защищаются этимъ отъ вредныхъ крайностей погоды: отъ слишкомъ большой сухости, отъ вреднаго

вліянія осеннихъ дождей и отъ сильныхъ морозовъ. Поэтому осеннія мѣры состоятъ главнымъ образомъ въ мелкой перепашкѣ или боронованіи мѣстъ, занятыхъ яичками саранчи.

Вслѣдствіе этого спрятанныя яички выворачиваются наружу и дѣлаются доступны вышеупомянутымъ врагамъ и вліянію неблагопріятныхъ условій погоды. Такимъ путемъ можно даже достигнуть полнаго истребленія этихъ яичекъ и предупредить появленіе саранчи весной слѣдующаго года. При этомъ, конечно, было бы полезно принять какія-нибудь мѣры для того, чтобы на такія мѣста обратить вниманіе птицъ (грачей и др.). Для этой цѣли было бы полезно разсыпать горсточку ржаныхъ зеренъ, чтобъ устроить „грачевыя дорожки", какія съ успѣхомъ устраивалъ въ своемъ имѣніи покойный князь А. И. Васильчиковъ. Эти дорожки изъ хлѣбныхъ зеренъ приводятъ птицъ къ данному мѣсту, гдѣ онѣ и примутся за уничтоженіе червей.

Весеннія мѣры состоятъ, во-первыхъ, въ уничтоженіи молодыхъ малоподвижныхъ выводковъ а, во-вторыхъ, въ болѣе трудномъ и дорогомъ уничтоженіи болѣе взрослой саранчи. Авторъ настаиваетъ, что для этого весенняго истребленія саранчи можно брать главнымъ образомъ дѣтей и подростковъ отъ 10-лѣтняго возраста, такъ какъ бо̀льшая часть этихъ работъ не требуетъ большой физической силы. „Въ то же время подростки представляютъ то преимущество, что они гораздо внимательнѣе къ дѣлу, имѣютъ больше интереса къ нему, тогда какъ взрослые рабочіе принимаются за него съ убѣжденіемъ въ его безполезности, отчего оно зачастую дѣйствительно и выходитъ таковымъ. Привлекая деревенскую молодежь къ дѣлу истребленія саранчи, мы въ то же время дадимъ ей множество свѣдѣній, которыя будутъ ей полезны на случай новаго налета саранчи въ будущемъ".

Хотя тѣ и другія мѣры должны быть равно обязательны, но должно особенно рекомендовать и крестьянамъ, и землевладѣльцамъ осеннія мѣры, стремящіяся уничтожить саранчу въ зародышѣ. Не говоря уже о томъ, что истребленіе яичекъ саранчи осенью избавляетъ отъ необходимости принимать болѣе трудныя и болѣе дорогія мѣры истребленія ея весной, это избавляетъ еще хозяевъ отъ того вреда, какой отрождающаяся саранча во всякомъ случаѣ причинитъ имъ весной. Для этого особенно важно учрежденіе особаго тщательнаго надзора въ мѣстностяхъ, пораженныхъ саранчей. Осенью надо разыскивать и отмѣчать мѣста, гдѣ заложены яички итальянской саранчи, весной необходимо

слѣдить за появленіемъ выводковъ саранчи въ мѣстахъ, замѣченныхъ въ предшествовавшую осень. Своевременное открытіе такихъ мѣстъ съ саранчей поможетъ истребить это насѣкомое своевременно принятыми наиболѣе простыми и наиболѣе дешевыми способами. На вопросъ о томъ, кому поручить такой надзоръ, авторъ отвѣчаетъ, что лучшій контингентъ таковыхъ надзирателей можно найти среди народныхъ учителей, такъ какъ они обладаютъ достаточнымъ для этого образованіемъ и, какъ мѣстные жители, хорошо знакомы съ топографіей своей мѣстности и пользуются довѣріемъ среди мѣстнаго населенія. Кромѣ того, молодое поколѣніе села, привлеченное къ дѣлу истребленія саранчи подъ руководствомъ своего народнаго учителя, можетъ оказать ему большое содѣйствіе при розысканіи мѣстъ, пораженныхъ саранчей.

Кромѣ всего этого авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы было учреждено постоянное наблюденіе и истребленіе саранчи въ мѣстахъ ея первоначальнаго размноженія (въ южно-русскихъ степяхъ). „Учрежденіе такого надзора и постояннаго истребленія саранчи въ этихъ мѣстахъ обусловитъ расходъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, тогда какъ при отсутствіи этой организаціи хлѣбодородныя губерніи нашего юга періодически несутъ милліонныя потери подъ вліяніемъ неожиданно совершающихся налетовъ саранчи“.

Въ виду того, что иногда принимаемыя противъ подобныхъ вредныхъ насѣкомыхъ мѣры ложатся тяжелымъ бременемъ на населеніе и приносятъ иногда бо́льшій убытокъ, чѣмъ сами насѣкомыя (какъ бывало иногда при борьбѣ съ филоксерой), заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующій общій руководящій взглядъ, высказываемый проф. Линдеманомъ. „Въ борьбѣ съ какимъ бы то ни было вреднымъ насѣкомымъ мы ставимъ себѣ задачей уменьшить убытки, наносимые имъ, а вовсе не стремимся къ тому, чтобы непремѣнно, во что̀ бы то ни стало, уничтожить каждую послѣднюю особь вредящей намъ породы. Ставя дѣло истребленія вредныхъ насѣкомыхъ на такую экономическую почву, мы постоянно должны имѣть въ виду, чтобы примѣненіе рекомендуемыхъ мѣръ истребленія стоило меньше того убытка, какой причиняютъ эти насѣкомыя народному хозяйству, и вызывало бы много менѣе огорченій и неудобствъ, чѣмъ обусловливаютъ потери, наносимыя этими насѣкомыми“.

Л.

Опасное начинаніе. Нѣсколько словъ о реформѣ нашего фабричнаго дѣла. В. Н. Семенковича, инженеръ-механика. Москва. Печатня Яковлевой. 1893 г.

Означенная брошюра г. Семенковича затрогиваетъ очень важный вопросъ современной фабричной жизни—о фабричныхъ инспекторахъ и ихъ отношеніи къ фабрикантамъ и рабочимъ.

Институтъ фабричныхъ инспекторовъ введенъ недавно, въ 1886 г.; но потому ли, что мысль о немъ возникла гораздо ранѣе, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ самый разгаръ „диктатуры сердца", потому ли, что, на первыхъ порахъ, дѣло попало не въ надлежащія руки и повелось людьми, которыхъ менѣе всего слѣдовало бы допускать входить въ ближайшее общеніе съ фабричнымъ людомъ, — фабричный инспекторатъ возбудилъ массу нареканій и неудовольствій какъ со стороны фабрикантовъ, противъ которыхъ онъ почти исключительно направилъ свою дѣятельность, такъ и въ самихъ рабочихъ, интересы которыхъ, по словамъ новыхъ „защитниковъ" народа,—фабричныхъ инспекторовъ,—онъ думалъ защищать.

Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ еще разъ съ очевидностію обнаружилось, что не всегда кабинетное стремленіе улучшить матеріальное положеніе народа, защитить его интересы, якобы попираемые „эксплуататорами"—помѣщиками и фабрикантами — встрѣчаетъ сочувствіе этого защищаемаго народа и не потому, что здѣсь виноваты пресловутыя забитость и невѣжественность его, а потому, что у нашего народа и у его кабинетныхъ защитниковъ различныя понятія о добрѣ и злѣ, и что̀ защитники, по послѣднимъ нѣмецкимъ книжкамъ, считаютъ для народа за благо, то этотъ послѣдній, по своему складу, по своей вѣковой исторіи и опыту, считаетъ зломъ.

Авторъ приводитъ рядъ мыслей, которыя у него возникли при близкомъ практическомъ знакомствѣ съ фабричнымъ дѣломъ и у насъ, и за границей, и приходитъ къ тому выводу, что фабричный инспекторатъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ у насъ существуетъ, не удовлетворялъ и не удовлетворитъ никогда насущной потребности нашего фабричнаго населенія въ правильномъ, чисто русскомъ устройствѣ взаимныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими, потому что въ основу устройства дѣла фабричной инспекціи положенъ неправильный взглядъ на наше-

го рабочаго, приравнивающій этого послѣдняго къ какому-то французскому или бельгійскому ouvrier'у и еще болѣе неправильный взглядъ на нашего фабриканта, приравнивающій его къ заграничному фабриканту. Тамъ эти два сословія искони борятся на жизнь и смерть между собою, и каждый параграфъ ихъ законодательства, каждый пунктъ правилъ, регулирующихъ ихъ отношенія, есть какъ бы трактатъ, заключенный послѣ ожесточенной борьбы, навязанный побѣдителемъ побѣжденному, и исполненіе этихъ трактатовъ вынуждается всегда силой.

У насъ ничего подобнаго, по счастію, нѣтъ, и наши правящіе классы скорѣе можно упрекнуть въ излишнемъ стремленіи къ поблажкамъ массѣ населенія, стремленіи привить къ нему понятіе о такихъ правахъ и потребностяхъ, о которыхъ народъ ничего не знаетъ, чѣмъ въ стремленіи уподобиться заграничному предпринимателю, поставившему цѣлію своей жизни власть надъ народомъ, эксплуатацію его труда и безпрекословное повиновеніе своимъ стремленіямъ.

Все это заставляетъ г. Семенковича придти къ заключенію, что „слѣдуетъ задуматься очень внимательно всѣмъ приступающимъ къ „регулированію отношеній фабрикантовъ и рабочихъ" и, вникнувъ во все его глубокое соціальное значеніе, десять разъ примѣрить прежде, чѣмъ легкомысленною рукой изъ глубины петербургскаго кабинета рѣзануть по живому тѣлу нашего общественнаго и государственнаго строя", съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться. Прекраснымъ дополненіемъ къ брошюрѣ г. Семенковича можетъ служить и статья его, напечатанная ниже въ этой же книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія*, и статьи г. Морокина въ 12-й книжкѣ прошлаго года и г. К. С. въ 3-й нынѣшняго. Въ этихъ статьяхъ людей практики, людей всю жизнь проведшихъ при фабричномъ дѣлѣ, въ ближайшемъ общеніи съ фабричными рабочими, обрисовывается истинное положеніе дѣла, и изъ нихъ можно вывести заключеніе, въ какомъ направленіи желательно вести фабричное законодательство, чтобы русская промышленность, наконецъ, стала твердо на ноги и вышла изъ-подъ зависимости отъ заграницы.

В.

2) ПЕРЕВОДНАЯ.

Эдэмсъ и Кённингэмъ. *Швейцарія и ея учрежденія. (The Swiss confederation, by sir Francis Ottiwel Adams and Cunningham).* Переводъ съ англійскаго. Цѣна 1 р. 25 к. Спб. 1893.

Мы обыкновенно очень мало знакомы съ нашими сосѣдями, съ ихъ нравами, образомъ жизни, характерными особенностями народнаго быта и государственнаго устройства ихъ страны. Наши знанія въ этомъ отношеніи ограничиваются уцѣлѣвшими въ головѣ воспоминаніями когда-то въ юности плохо заученныхъ учебниковъ географіи и безсвязными отрывками изъ разныхъ путевыхъ записокъ, дневниковъ и мемуаровъ разныхъ путешественниковъ, обо всемъ судящихъ съ налету, по первому впечатлѣнію, по субъективному капризу.

Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія въ русской печати сочиненій, хотя бы переводныхъ, въ которыхъ бы подробно и безпристрастно описывались отличительныя черты народной и государственной жизни нашихъ сосѣдей.

Помимо того, что всякое новое знаніе никогда не бываетъ лишнимъ, подобныя сочиненія могутъ принести значительную пользу всякому человѣку, интересующемуся международными отношеніями и часто неотчетливо себѣ уясняющему ихъ смыслъ и значеніе именно вслѣдствіе незнакомства съ общимъ строемъ общественной жизни того или другаго народа.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ описаніе политическихъ и соціальныхъ условій жизни швейцарскаго народа, гдѣ въ сжатомъ очеркѣ представлена какъ исторія постепеннаго развитія Швейцарскаго союза, такъ и результаты этого шестивѣковаго развитія въ томъ видѣ, въ какомъ они выражаются въ народной жизни и въ государственномъ устройствѣ Швейцаріи теперь, на границѣ XX вѣка.

Несмотря на особое развитіе и примѣненіе на практикѣ въ Швейцаріи демократическихъ началъ, которыя многими считаются спасительной панацеей отъ всякихъ смутъ и волненій, которыя должны де обезпечить на землѣ миръ и счастіе, гарантировать свободу и т. д., несмотря на это шестивѣковая жизнь Швейцарскаго союза, начавшаяся въ 1291 году въ видѣ

лиги трехъ общинъ, и до настоящаго времени была чрезвычайно бурной, обильной всякими волненіями и перемѣнами.

Она пережила за это время семь фазъ (лига трехъ общинъ—1291 г., союзъ восьми кантоновъ—1353 г., союзъ тринадцати кантоновъ—1513 г., гельветическая республика—1798 г., актъ посредничества съ девятнадцатью кантонами—1803 г., союзный договоръ 22 кантоновъ—1815 г., союзная конституція 1848 г., пересмотрѣнная въ 1874 году), причемъ смѣна одной фазы другою всегда сопровождалась разными болѣе или менѣе болѣзненными потрясеніями всего государственнаго организма.

Но это такъ сказать кульминаціонные пункты въ исторіи политической жизни Швейцаріи, а сколько было менѣе значительныхъ перемѣнъ и переворотовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ авторы названнаго сочиненія на стр. 23 и 24.

„Въ теченіе нѣскольких мѣсяцевъ [1] двѣнадцать кантоновъ, въ томъ числѣ Люцернъ и Фрейбургъ, измѣнили свои конституціи, нѣкорые мирнымъ путемъ, а другіе—*путемъ революціи*... Въ промежутокъ времени между 1830 и 1847 годами было всего 27 пересмотровъ кантональныхъ конституцій".

Видно, и въ блаженной странѣ всякихъ вольностей и широкаго примѣненія въ теоріи принциповъ народовластія не всегда царятъ миръ и тишина; оказывается, что и тамъ, несмотря на всеобщее голосованіе (даже вопросы религіозные [2], напримѣръ, выборъ между католичествомъ и протестанствомъ, рѣшаются большинствомъ голосовъ), гражданамъ частенько приходится браться за оружіе, чтобы возстановлять свои нарушенныя права или добиваться новыхъ вольностей.

По поводу всеобщаго голосованія въ разбираемомъ сочиненіи находимъ любопытный фактъ, который рекомендуемъ всѣмъ защитникамъ и приверженцамъ „гражданской и политической свободы" и нахожденія истины при посредствѣ счета голосовъ.

30 іюля 1882 года *нація* отвергла законъ о нѣкоторыхъ эпидеміяхъ громаднымъ большинствомъ 254.340 голосовъ противъ 68.027, и законъ о *привилегіяхъ*, предложенный въ измѣненіе

---

[1] Въ 1830 году послѣ паденія Бурбоновъ.

[2] Кстати, любопытно отмѣтить, что швейцарская конституція, гарантируя полную свободу совѣсти, *воспрещаетъ*, между прочимъ, основывать новые монастыри и возстановлять уже закрытые. Въ нѣкоторыхъ городахъ не дозволяются никакія религіозныя процессіи; католическое духовенство *не имѣетъ права* носить присвоенное ему платье. *Прим. автора.*

союзной конституціи. Вотъ подлинныя слова авторовъ книги о Швейцаріи:

„Отклоненіе закона о привилегіяхъ приписываютъ тому обстоятельству, что оба послѣднія предложенія подверглись всенародному голосованію въ одинъ и тотъ же день, и чрезвычайной непопулярности статьи объ обязательной привычкѣ, включенной въ законъ объ эпидеміяхъ, *такъ что многіе подали свои голоса противъ того и другаго закона*" (стр. 97).

Неправда ли, весьма любопытно!

Но интересно вотъ что: несмотря на самое широкое развитіе референдума (всеобщей подачи голосовъ) и привычки рѣшать самые важные общественные вопросы большинствомъ голосовъ—Швейцарія относительно суда присяжныхъ оказалась позади насъ, Русскихъ, заимствовавшихъ этотъ „институтъ" изъ Франціи.

Въ Швейцаріи „для оправданія или осужденія подсудимаго должно составиться большинство *не менѣе десяти голосовъ изъ двѣнадцати;* въ противномъ случаѣ назначается новое разсмотрѣніе дѣла съ другимъ составомъ присяжныхъ" (стр. 82).

Такой порядокъ дѣла гораздо болѣе даетъ гарантіи въ томъ, что приговоръ присяжныхъ не будетъ противорѣчить здравому смыслу или чувству справедливости — какъ бываетъ у насъ сплошь да рядомъ; но, разумѣется, и ему далеко до того совершенства, какое могло бы быть, еслибы возстановить древній, исконный русскій обычай *единогласнаго* рѣшенія дѣла!

Просматривая книгу о Швейцаріи и ея учрежденіяхъ, приходишь къ слѣдующему заключенію.

Долголѣтнее господство въ ней гражданской свободы и обиліе всякихъ политическихъ правъ—не застраховали ее нисколько отъ внутреннихъ смутъ и потрясеній. Она не меньше, а пожалуй больше другихъ государствъ страдала отъ разныхъ раздоровъ, гражданскихъ войнъ и неустойчивости правительственной власти.

Широкое развитіе гражданской свободы не повлекло за собой въ Швейцаріи процвѣтанія наукѣ и искусствъ.

Совершенно напротивъ,—и въ то время какъ другія государства, гдѣ процвѣтала *тираннія*, то-есть была твердая государственная власть, рѣшавшая дѣла не по случайному большинству голосовъ, были извѣстны во всемъ мірѣ благодаря славѣ своихъ геніальныхъ министровъ, полководцевъ, проповѣдниковъ, поэтовъ, художниковъ – Швейцарія славилась наемниками, служившими въ войскахъ у иностранныхъ государей!

Чего можно ожидать отъ Швейцаріи въ будущемъ, какую роль сыграетъ еще эта страна на сценѣ исторіи?

Опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ, конечно, невозможно; но есть нѣкоторыя данныя, позволяющія намъ сдѣлать одно предположеніе.

Вся позднѣйшая исторія Швейцарскаго союза представляетъ одно ясно опредѣлившееся теченіе—а именно стремленіе къ все большей и большей централизаціи государственной власти: власть союзнаго совѣта возрастаетъ, самостоятельность отдѣльныхъ кантоновъ падаетъ; можно ожидать, что въ рукахъ союза постепенно сосредоточится сильная власть. Но остановится ли дѣло на этомъ, или усиленіе центральной власти пойдетъ далѣе и поведетъ къ замѣнѣ власти союзнаго совѣта властью единоличной?

Кто знаетъ: вѣдь республиканская форма правленія мыслима и логична только для народовъ, находящихся въ младенчествѣ или дѣлающихъ первые шаги на исторической сценѣ; какъ только наступаетъ для какого-нибудь народа періодъ развитія всѣхъ его силъ, когда жизнь становится сложнѣе, республика уступаетъ мѣсто монархіи, какъ формѣ правленія болѣе совершенной, болѣе обезпечивающей народу спокойствіе внутри и безопасность извнѣ—при увеличивающейся сложности жизненныхъ отношеній. Швейцарія считаетъ всего 600 лѣтъ своего существованія—періодъ времени небольшой; такъ что ей предстоитъ одно изъ двухъ: или увянуть, не дождавшись полнаго расцвѣта своихъ народныхъ силъ, или пройти всѣ три фазиса государственности: дѣтства, зрѣлости и дряхлости, изъ которыхъ первый и послѣдній въ политической жизни знаменуются республиканской, а второй—фазисъ расцвѣта, монархической формой правленія.

А. Ш.

Заговоръ Фіеско въ Генуѣ, траг. въ пяти дѣйств. Фр. Шиллера, перев. съ нѣмецкаго. Изданіе книгопродавца-издателя Ф. Іогансона. Кіевъ. 1892.

Кажется, намъ ли не умѣть переводить съ иностранныхъ языковъ, когда наша литература наводнена переводами. А между тѣмъ послѣ Жуковскаго у насъ не было ни одного образцоваго перевода иностранныхъ классиковъ. Ни Шекспиръ, ни Гёте, ни Шиллеръ, ни иные не могутъ похвалиться такимъ воспроизведеніемъ на русскій языкъ, какимъ, напримѣръ, отличается переводъ Шекспира на нѣмецкій. Но рѣдко когда и у насъ встрѣчается столь легкое отношеніе къ оригиналу, какое проявилъ

анонимный кіевскій переводчикъ въ обращеніи съ твореніемъ Шиллера. Вольность перевода бросается въ глаза съ первой страницы. Характеристика дѣйствующихъ лицъ, подробная у Шиллера, ограничивается у переводчика передачей однихъ именъ съ краткимъ указаніемъ ихъ общественнаго положенія. У переводчика объ Андреѣ Доріа, дожѣ генуэзскомъ, не въ примѣръ прочимъ дѣйствующимъ лицамъ сказано, что онъ почтенный старецъ 80 лѣтъ; у Шиллера же сказано кромѣ того: „Слѣды внутренняго огня. Главная черта: вѣскость и строгая повелительная краткость рѣчи". Далѣе, у переводчика: „Джіанеттико Доріа, племянникъ дожа". У Шиллера прибавлено къ этому: „26 лѣтъ. Грубъ и рѣзокъ въ рѣчахъ, походкѣ и манерахъ; мужицкая гордость. Неблаговоспитанъ" и т. д. Эта же вольность отражается и на всемъ переводѣ. Затруднительныя мѣста, гдѣ яркость нѣмецкой рѣчи должна быть выражена соотвѣтственно яркой русской, переводчикъ совсѣмъ выкидываетъ, и образный языкъ Шиллера ложится въ безцвѣтную форму газетныхъ статей. Жена Фіеско Леонора, ревнуя мужа къ графинѣ Юліи, улавливаетъ признаки взаимной любви то въ глазкахъ Юліи, то въ поцѣлуяхъ Фіеско, въ которыхъ другіе видятъ простую любезность. По Шиллеру она говоритъ: „Und das emsige Wechselspiel ihrer Augen? das ängstliche Lauern auf ihre Spuren? der lange verweilende Kuss auf ihren entblösten Arm, dass noch *die Spur seiner Zähne flammrothen Fleck zurückblieb?* Переводчикъ пишетъ: „А обмѣнъ страстныхъ взглядовъ? а робкое преслѣдованіе ея движеній? а этотъ продолжительный, медленный поцѣлуй, оставившій еще до сихъ поръ красное пятно на ея рукѣ?" „Слѣдъ зубовъ въ пламенно-красномъ пятнѣ", „обнаженная рука", эта точность выраженій ревнивой женщины, все подмѣчающей, выпала безслѣдно въ русской передачѣ, не говоря о томъ, что „das emsige Wechselspiel" нисколько не говоритъ о „страстныхъ взглядахъ". Леонора страдаетъ не отъ обмѣна „страстными" взглядами, а отъ того, что въ вѣчной смѣнѣ выраженій при взглядѣ влюбленныхъ другъ на друга, она видитъ слѣды установившейся близости.

Кромѣ двухъ, трехъ счастливыхъ выраженій, вполнѣ передающихъ характеръ подлинника, вся трагедія въ русскомъ переводѣ настолько слаба, что пришлось бы выписать почти все, еслибъ указывать на недостатки. Но не могу удержаться, чтобы не передать еще одного, двухъ образцовъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ переводчикъ грѣшилъ прямо противъ русскаго языка. „Я знаю прекрасно эту женщину и хочу знать, чѣмъ она заслужила стать жертвой одной дуры? „Sie haben die Gnade, Graf“ (сдѣлайте милость, графъ) въ переводѣ: „Вы обѣщали, графъ“.

Мѣстами переводъ становится совсѣмъ неясенъ, и понять смыслъ можно лишь съ подлинникомъ въ рукахъ. Мавръ разсказываетъ Фіеско, на какія категоріи дѣлятся негодяи, подобные ему. Выслушавъ о первой, самой низкой категоріи, Фіеско проситъ назвать лучшихъ изъ мошенниковъ; Мавръ переходитъ къ шпіонамъ и лазутчикамъ. Можно ли понять это изъ такого діалога? „*Мавръ*. Жалкое ремесло, не создавшее ни одного великаго человѣка, работаетъ только на розги и исправительный домъ и рѣдко достигаетъ висѣлицы. *Фіеско*. Прекрасная цѣль. А теперь скажи что-нибудь получше. *Мавръ*. Это—шпіоны и лазутчики“

Русская литература не ощутила бы никакой потери, еслибы подобныхъ переводовъ совсѣмъ не появлялось.

А. Г.

„Отъ Варшавы до Константинополя“, записки гвардейскаго гусара. (Съ предисловіемъ Пьера Лоти). Перевелъ съ франц. Ю. Елецъ.

Авторъ этихъ записокъ, ротмистръ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка Гейманъ сдѣлалъ всю послѣднюю турецкую кампанію вольноопредѣляющимся въ этомъ полку, и потому имѣлъ полную возможность представить живое и разностороннее описаніе событій, которыми вправѣ будетъ всегда гордиться наша исторія. При всей простотѣ изложенія, небольшая книжка эта написана очень живо и интересно: видно, что авторъ говоритъ о предметѣ, близкомъ ему, и читатель можетъ себѣ составить по этимъ запискамъ ясное понятіе о настроеніи, господствовавшемъ въ войскахъ во время турецкаго похода. Военные, участвовавшіе въ Русско-Турецкой войнѣ, съ удовольствіемъ увидятъ на страницахъ этихъ записокъ отраженіе своихъ собственныхъ впечатлѣній и воспоминаній, а для прочихъ читателей она представляетъ очень удачное и общедоступное изложеніе военной исторіи, отличающееся большою искренностью и правдивостью. Нельзя было лучше оцѣнить значенія этой книжки, чѣмъ сдѣлалъ это Пьеръ Лоти въ своемъ предисловіи къ ней, сказавъ, что „читатель, разъ открывши ее, прочтетъ до конца, какъ живую и интересную страницу исторіи“.

Е. Г.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ИЗЪ ВАРШАВЫ.[1]

Православный Соборъ.

Надежды здѣшнихъ Русскихъ на то, что къ Святой будетъ сдѣланъ шагъ впередъ въ рѣшеніи вопроса о постройкѣ въ нашемъ городѣ новаго православнаго соборнаго храма, оправдались. Въ № 77, отъ 23 марта, мѣстнаго оффиціальнаго органа *Варшавскаго Дневника* мы съ радостью прочли, что Его Императорскому Величеству угодно было разрѣшить по всей Имперіи сборъ пожертвованій на сооруженіе новаго собора въ Варшавѣ, а присутствовавшіе на общемъ собраніи членовъ Варшавскаго Свято-Троицкаго Братства, происходившемъ 21 марта, были обрадованы, услышавъ изъ устъ читавшаго отчетъ о дѣятельности Братства въ 1892 году товарища предсѣдателя братскаго совѣта, что главный начальникъ края генералъ Гурко „твердо уповаетъ", что часть суммы, необходимой для сооруженія новаго православнаго собора у насъ будетъ отпущена правительствомъ. Мы не сомнѣваемся, что Русь щедро откликнется на Высочайшее разрѣшеніе сбора пожертвованій на постройку въ Варшавѣ новаго собора. Какъ необходимъ здѣсь новый православный соборъ, мы уже говорили въ январской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* за

[1] Въ предыдущее письмо изъ Варшавы, помѣщенное въ мартовской книжкѣ, вкралось нѣсколько опечатокъ, вмѣсто: *Знай, Ляше, по Санъ—наше*, ошибочно напечатано: «Знай, Ляте, по Сонъ—наше»— и далѣе, притокъ Вислы *Санъ* два раза ошибочно названъ Сонъ.

этотъ годъ. Много объ этомъ говорилось и въ другихъ органахъ нашей печати. Мы, здѣшніе Русскіе, какъ люди по преимуществу служилые, не располагаемъ такими средствами, чтобы на наши пожертвованія, хотя бы самыя щедрыя, можно было построить соборный храмъ, который по своему внѣшнему виду и внутреннему убранству занялъ бы среди варшавскихъ храмовъ другихъ вѣроисповѣданій подобающее ему мѣсто; поэтому вся наша надежда на помощь правительства и Русскихъ людей изъ другихъ городовъ и мѣстностей. А на какой же городъ намъ больше всего надѣяться, какъ не на Москву-матушку? Не она ли хранитъ наши историческія преданія и завѣты древняго русскаго благочестія, не она ли всегда первой откликается на всякое святое дѣло? На нашей окраинѣ мало православныхъ храмовъ, въ которыхъ не было бы иконъ, церковной утвари, священническихъ облаченій, колоколовъ, пожертвованныхъ москвичами. Не обязано ли въ значительной степени своимъ успѣшнымъ развитіемъ открытое пять лѣтъ тому назадъ при теперешнемъ нашемъ соборѣ Свято-Троицкое Братство пожертвованіямъ москвичей? Вотъ почему мы увѣрены, что не будемъ забыты Москвой и въ этотъ разъ, когда пожертвованія нужны на дѣло первостепенной важности, на удовлетвореніе насущныхъ религіозныхъ потребностей русскихъ жителей центра нашей окраины и на увѣнчаніе Варшавы храмомъ, который своимъ величіемъ и благолѣпіемъ свидѣтельствовалъ бы предъ инославными о глубокой религіозности Русскаго народа и о томъ, что сила русскаго религіознаго духа, распространяясь и на нашъ край, единитъ его съ другими частями Россіи! Да и можно ли допустить, чтобы намъ не помогла Москва, всегда стоявшая во главѣ объединительныхъ стремленій и положившая начало внѣшнему и внутреннему объединенію отдѣльныхъ частей Россіи, помнящая 1612 и 1812 годы, когда Поляки, первый разъ предводительствуемые своими же полководцами, а второй—Наполеономъ, безчинствовали въ ея стѣнахъ, знающая, что и въ 1612 и въ 1812 году Русь спаслась отъ враговъ крѣпостью вѣры, и давшая нашему краю рядъ выдающихся дѣятелей, съ честью поработавшихъ и работающихъ въ общерусскомъ духѣ?

А. С.

ИЗЪ КРАПИВНЫ (Тульской губерніи).

Вопросъ о страхованіи отъ огня имуществъ духовенства Тульской губерніи.

Общества страхованія отъ огня въ настоящее время преслѣдуютъ двѣ цѣли: 1) вознаграждаютъ потерпѣвшихъ отъ пожарныхъ убытковъ, и 2) заботятся объ обогащеніи страховаго учрежденія или акціонернаго общества страхованія. Эта вторая цѣль обусловливаетъ собою высокую страховую плату, восходящую для сельскихъ построекъ съ соломенными крышами отъ 1¼ до 2% и болѣе. Поэтому многіе, находя, что само страхованіе является медленнымъ пожаромъ, не страхуютъ своихъ построекъ. Имѣя въ виду эти факты, духовенство Тульской епархіи пришло въ послѣднее время къ мысли основать „Общество взаимнаго вспоможенія на случай пожара", которое, при минимальныхъ страховыхъ взносахъ (а въ будущемъ, какъ увидимъ, можетъ-быть и безъ всякихъ взносовъ) могло бы вознаграждать всѣ убытки отъ пожаровъ духовенства епархіи.

Первоначально эту мысль развилъ отецъ А. Успенскій въ статьѣ „По вопросу о страхованіи отъ огня". [1] Состоя много лѣтъ священникомъ и благочиннымъ 2-го Ефремовскаго округа, онъ въ простыхъ ариѳметическихъ выкладкахъ показываетъ, какъ много денегъ даромъ должно переплачивать страховымъ обществамъ духовенство его округа. „Всѣхъ строеній духовенства, помимо церквей, церковныхъ и училищныхъ строеній при церквахъ", говоритъ отецъ Успенскій о своемъ округѣ, по приблизительной оцѣнкѣ, „существуетъ (въ немъ) на сумму 52.500 рублей. Строенія всѣ почти подъ соломенною крышей, значитъ страховыхъ платятъ выше 1½% до 2 и болѣе; но мы возьмемъ за норму 1½%, что составитъ 787 р. 50 к. годовыхъ страховыхъ платежей съ одного округа, а съ добавленіемъ расхода при страхованіи за марки, въ пользу агента, въ пользу города, разныхъ государственныхъ налоговъ и т. п. и всѣ 900 р. уплатитъ округъ въ годъ." Принимая во вниманіе, что съ этихъ 900 р. духовенство, считая по 5%, получало бы въ годъ 45 р. дохода, отецъ Успен-

[1] №№ 7 и 10 «Прибавленій» къ *Тульскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ* за 1892 годъ.

скій высчитываетъ годовые расходы духовенства на страховку въ 945 р. Прибавляя ежегодно къ этой суммѣ 900 р. и высчитывая теряемые проценты, получатъ, что въ теченіе 35 лѣтъ духовенство 2-го Ефремовскаго округа должно уплатить страховыхъ денегъ 79.804 р. 54 к. „Но въ 35 лѣтъ моего служенія", заканчиваетъ свои разсчеты отецъ Успенскій, „по нашему округу было только семь пожаровъ, всѣ врозь, именно на сумму въ 200 р., 400 р.. два года по 700 р., въ 800 р., въ 1.100 р. и въ 1.200 р., всего на сумму 6.900 р." [1] Авторъ указываетъ и причины, почему зданія духовенства менѣе подвергаются пожарамъ, чѣмъ другія сельскія постройки. Зданія духовныхъ стоятъ вдали отъ большихъ поселковъ, съ большими переулками, окружены растеніями и т. д. Затѣмъ само духовенство болѣе аккуратно смотритъ за печами, трубами, чѣмъ крестьяне, мѣщане.

Имѣя въ виду устраненіе непроизводительныхъ расходовъ духовенства на страховку, отецъ Успенскій и предложилъ духовенству основать „Общество взаимнаго вспоможенія на случай пожара" и правила для этого Общества:

„1) Благочинный съ двумя депутатами изъ сосѣднихъ священниковъ составляетъ опись всѣхъ построекъ духовенства округа, а по желанію и движимаго имущества, съ оцѣнкой къ страхованію. Опись эта подписывается владѣльцемъ имущества, съ выраженіемъ желанія участвовать въ Обществѣ. *Примѣчаніе.* Съ теченіемъ времени дѣлается переоцѣнка имущества... 2) Описи представляются въ правленіе кассы духовенства Тульской епархіи [2], которое разсылаетъ каждому страхователю книжки (въ родѣ полиса), въ коихъ занесена опись постройки съ оцѣнкой. Въ этой книжкѣ, на подобіе кассовыхъ, будутъ расписываться отцы благочинные въ полученіи взносовъ на удовлетвореніе погорѣльцевъ. Со дня врученія этой книжки имущество считается застрахованнымъ. 3) Въ случаѣ пожара, благочинный съ депутатами дѣлаетъ оцѣнку остатковъ отъ пожара опредѣляетъ сумму вознагражденія и доноситъ о семъ правленію кассы, которое

---

[1] Пишущему эти строки извѣстны данныя относительно страховыхъ расходовъ духовенства по городу Крапивнѣ. Въ теченіе болѣе чѣмъ 30 лѣтъ духовенство получило двѣ страховыя преміи по 200 руб. (сгорѣло два сарая), между тѣмъ страховыхъ денегъ оно ежегодно уплачиваетъ приблизительно 100 руб. или болѣе.

[2] У духовенства Тульской епархіи уже 15 лѣтъ существуетъ эмиритура. Капиталъ кассы простирается до 70 тысячъ рублей.

немедленно высылаетъ погорѣльцу ассигнованную сумму изъ общихъ средствъ кассы, хранящихся въ банкахъ. 4) За каждое полугодіе правленіе кассы дѣлаетъ учетъ всей суммы, выданной погорѣльцамъ, съ добавленіетъ $^{1}/_{2}\%$ въ мѣсяцъ, со дня полученія денегъ изъ банка по 1 октября въ первомъ полугодіи и по 1 февраля во второмъ полугодіи, такъ какъ возвратъ этой ссуды производится непремѣнно въ теченіе сентября и января — два раза въ годъ. Дѣлаетъ раскладку всей этой суммы на сумму оцѣнки всѣхъ застрахованныхъ строеній и, поскольку придется на сотню, сообщаетъ благочиннымъ не позже половины августа и половины декабря. 5) Благочинные, получивъ раскладку изъ правленія кассы, учитываютъ, поскольку слѣдуетъ получить отъ каждаго лица (напримѣръ, если въ епархіи въ теченіе полугодія, по раскладкѣ правленія кассы, сгорѣло по 10 коп. на сотню оцѣнки, то съ лица, застраховавшаго свой домъ въ 200 р., взимать 20 коп., въ 500 р.—50 к., въ 1.000 р.—1 р. и т. д.) въ началѣ сентября и января, при сдачѣ полугодовыхъ и годовыхъ отчетностей, получаютъ эти деньги и непремѣнно отсылаютъ ихъ въ томъ же мѣсяцѣ, чтобы касса снова успѣла помѣстить ихъ за проценты къ 1 октября и февраля. 6) Помимо 6% на капиталъ краткосрочной ссуды, въ пользу кассы, на расходы почтовые, канцелярскіе, типографскіе и пр. назначить 1.000 р. со всей епархіи, сумму эту взимать со страхователей, причитая къ раскладкѣ на сотню суммы вознагражденія за пожаръ. 7) Для образованія собственнаго фонда Общества взимать со страхователей по $^{1}/_{2}\%$ съ суммы оцѣнки страхуемаго имущества черезъ каждыя пять лѣтъ. Фондъ этотъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока проценты съ этого капитала не будутъ равняться половинѣ суммы вознагражденія за пожары. Когда же процентъ возрастетъ до такого размѣра, то половину процентовъ употреблять на вознагражденіе погорѣльцевъ хотя бы въ счастливые годы ничтожнаго количества пожаровъ (у меня въ 28 лѣтъ вовсе не было пожаровъ). Это случилось и скоро. При значительномъ количествѣ пожаровъ въ годъ, когда по раскладкѣ окажется вознагражденія погорѣльцамъ до 2% съ рубля оцѣнки, половину процентовъ съ фонда взимать въ дополненіе по взносамъ по раскладкѣ, хотя бы это случилось въ первый, пятый и другой годъ по учрежденіи Общества. Вотъ и всѣ правила Общества. Добавить придется мелочи. Если по оцѣнкѣ всего имущества въ епархіи окажется на два милліона,

вотъ уже прямо въ 10 тысячъ образуется фондъ и, возрастая процентами, съ добавленіемъ по 10 тысячъ, чрезъ каждыя пять лѣтъ, со временемъ возрастетъ до того, что проценты съ фонда будутъ покрывать все вознагражденіе за пожары. Тогда Общество будетъ вполнѣ самостоятельно. Духовенство ничего не будетъ платить, а дома будутъ застрахованы."

Предложеніе отца Успенскаго встрѣтило себѣ сильное сочувствіе среди духовенства. Въ № 13 „Прибавленій" къ *Тульскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ* отецъ Гастевъ въ замѣткѣ „О взаимномъ страхованіи отъ огня" выступилъ со своими предложеніями, между прочимъ, съ предложеніемъ обязательнаго страхованія, въ № 14 отецъ Бурцевъ, въ статьѣ „Объ учрежденіи кассы взаимнаго вспомоществованія духовенства Тульской епархіи въ пожарныхъ случаяхъ" предложилъ подробный проектъ положеній о кассѣ. Онъ сообщилъ также приблизительныя данныя относительно пожаровъ строеній духовенства по всей епархіи. Оказывается, что „въ годъ сгорало строеній отъ $^1/_5$% и до $1^1/_2$%, на сумму отъ $^1/_8$% и до $^9/_{10}$% стоимости ихъ (сгорало не все), среднимъ же числомъ около $^3/_5$% домовъ, на сумму $^1/_2$% стоимости ихъ". Въ сентябрѣ на епархіальномъ съѣздѣ духовенства, бывшемъ въ Тулѣ, было постановлено дать движеніе дѣлу устроенія „Общества взаимнаго вспоможенія на случай пожара", произвести точную оцѣнку зданій, принадлежащихъ духовенству, точно опредѣлить число пожаровъ, уничтожающихъ эти зданія, выработать окончательно уставъ Общества и т. д. Надо думать, что въ недалекомъ будущемъ эти подготовительныя работы будутъ закончены, и Общество начнетъ свою дѣятельность.

С. Г.

ИЗЪ КЕМИ (Архангельской губ.).

Нужды единовѣрческой церкви.

Казалось бы давно пора обратить вниманіе на тщательное изученіе и всестороннее ознакомленіе съ истиннымъ состояніемъ единовѣрія въ нашей отдаленной епархіи и выяснить какъ нужды прихожанъ, такъ и пастырей, а равно опредѣлить точнѣе ихъ обязанности въ отношеніи пасомыхъ, такъ какъ выполненіе таковыхъ по отношенію къ прихожанамъ-единовѣрцамъ остав-

ляетъ еще желать очень и очень многаго. Если пастыри не оказывались покуда на высотѣ своего призванія, то удивляться тутъ особенно нечему, такъ какъ очень недавно они посвящаемы были изъ простыхъ мужичковъ. Правы ли въ такомъ случаѣ ревнители Православія, когда ропщутъ и сѣтуютъ на „крайне нежелательное явленіе" распространенія нѣкоторыхъ сектъ среди единовѣрцевъ изъ смежной съ Кемскимъ уѣздомъ Финляндіи?

Оставляемые подолгу безъ священниковъ по причинѣ своего дальняго расположенія у границъ Финляндіи, единовѣрческіе приходы тѣмъ самымъ поставлены въ незавидное положеніе, дѣлаясь поприщемъ усиленной пропаганды со стороны сектъ весьма вредныхъ и по своему характеру нетерпимыхъ [1], и не рѣдко пользующихся широкимъ распространеніемъ и вербующихъ не мало послѣдователей среди единовѣрческаго населенія. Эта сторона дѣла, впрочемъ, признается и удостовѣрена оффиціально въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, въ одномъ изъ ноябрьскихъ номеровъ за 1891 годъ;—подтверждена она и въ недавнихъ очеркахъ того же *Правительственнаго Вѣстника* за настоящій 1893 годъ, касающихся положенія Православія въ самой Финляндіи.

Живутъ единовѣрцы главнымъ образомъ въ приходахъ Ухтинскомъ, Вокнаволоцкомъ, Топозерскомъ и Юшкозерскомъ, изъ коихъ ближайшій отстоитъ отъ Кеми на 200 верстъ. Мѣстные представители власти, вѣроятно, по незнакомству съ мѣстными условіями назначили городъ Кемь мѣстопребываніемъ единовѣрческаго священника, на самомъ же дѣлѣ городъ Кемь не имѣетъ въ этомъ ровно никакой нужды, такъ какъ мѣстное населеніе принадлежитъ къ безпоповщинскому толку, который, какъ извѣстно, отвергаетъ таинства, совершаемыя священниками, „ставленными" отъ нынѣшнихъ епископовъ. Такимъ образомъ единовѣрцы, отрѣзанные бо́льшую часть года отъ уѣзднаго города бездорожьемъ и продолжительными осеннею и весеннею распутицами, волею-неволею принуждены оставаться нерѣдко по цѣлымъ годамъ безъ удовлетворенія насущныхъ духовныхъ потребностей, не говоря уже о назиданіи словомъ Божіимъ въ храмѣ; сами же священники не посѣщаютъ свою паству на мѣстахъ ея жительства, частію по дальности разстоянія, частію по незнанію старообрядства или ихъ нарѣчія, или же просто по неподготовленности къ такому служенію.

---

[1] Проникающія изъ Норвегіи въ наши предѣлы — отличаются крайнимъ изувѣрствомъ.

Отчеты о положеніи единовѣрія въ нашей епархіи не особенно до сихъ поръ гнались за истиною; большею частію они фиктивны, и число единовѣрцевъ въ нихъ опредѣляется крайне произвольно и неодинаково, безо всякаго соотвѣтствія истинному положенію дѣла. Легкое до чрезвычайности отношеніе составителей отчетовъ къ представляемымъ ими свѣдѣніямъ лучше и ярче, нагляднѣе всего дастъ намъ даже самое показываемое ими въ отчетныхъ вѣдомостяхъ число единовѣрцевъ; такъ въ 1876 году считалось 369 обоего пола, въ 1877 году—212, въ 1878—215, въ 1879 году—78, въ 1880—77, въ 1889—166 человѣкъ. Непостижимыя колебанія! Какъ объяснить такое уменьшеніе числа единовѣрцевъ въ какіе-нибудь три года?! Даны цифры, и о нихъ составители отчетовъ ни полусловомъ больше нигдѣ даже и не обмолвились. Такъ сильно въ подлежащихъ сферахъ равнодушіе къ судьбамъ единовѣрія. Впрочемъ въ 1892 году сдѣлана была попытка къ улучшенію положенія дѣла, но удачна ли она?

Мѣстная Консисторія, убѣдившись въ необходимости перемѣщенія единовѣрческаго священника изъ города Кеми въ болѣе соотвѣтствующее мѣсто, опредѣлила для этой цѣли — деревню Подужемье (за 16 верстъ отъ Кеми), гдѣ также нѣтъ ни одного единовѣрца, а такъ какъ кандидатовъ на эту должность изъ лицъ, знакомыхъ съ единовѣрческими обрядами, не нашлось, то рѣшено было назначить священника изъ православныхъ діаконовъ. — Лучше ли это распоряженіе прежняго? Исправлена ли ошибка?

М. Ивановскій.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Къ вопросу о фабричной инспекціи.

Среди многихъ вопросовъ русской экономической жизни, выдвинутыхъ новымъ министромъ Финансовъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ внесенное въ мартѣ въ Государственный Совѣтъ представленіе о расширеніи дѣятельности и увеличеніи персонала фабричной инспекціи вмѣстѣ съ реформою центральнаго учрежденія управляющаго дѣятельностію этого института.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, предложенія, выработанныя въ Департаментѣ Мануфактуръ и Торговли, во-первыхъ, расширяютъ дѣйствіе закона 3 іюня 1886 года на всѣ промышленныя губерніи Россіи, во-вторыхъ, переводятъ въ органъ инспекціи нынѣшнихъ губернскихъ механиковъ и упорядочиваютъ ихъ службу и, въ-третьихъ, создаютъ при Департаментѣ особое отдѣленіе, которое и будетъ центральнымъ учрежденіемъ, объединяющимъ всю дѣятельность фабричной инспекціи.

Кромѣ того, согласно петербургской корреспонденціи *Московскихъ Вѣдомостей*, въ самомъ текстѣ дѣйствующаго фабричнаго закона предложены нѣкоторыя измѣненія, необходимость коихъ выяснилась съ самаго начала дѣйствій фабричныхъ инспекторовъ, но проведеніе коихъ черезъ высшее законодательное учрежденіе Имперіи откладывалось предшественниками С. Ю. Витте, не придававшими большаго значенія безчисленнымъ жалобамъ, раздававшимся на дѣйствія инспекціи преимущественно изъ Московско-Владимірскаго промышленнаго округа.

Между тѣмъ именно въ этихъ поправкахъ и измѣненіяхъ въ текстѣ закона 3 іюня и правилъ о надзорѣ и заключается наибольшій интересъ для важнѣйшаго изъ русскихъ мануфактурныхъ округовъ. Въ *Русскомъ Обозрѣніи* уже говорилось о дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ и о безчисленныхъ недоразумѣніяхъ иногда крайне прискорбнаго свойства, этою дѣятельностію порождаемыхъ. Теперь мы считаемъ нелишнимъ ознакомить читателя съ подробной и обстоятельной разработкой этого вопроса, сдѣланной въ первомъ же году дѣятельности фабричной инспекціи лучшими московскими мануфактурными силами. Начало дѣятельности новаго учрежденія, явившагося наслѣдіемъ экономическихъ и политическихъ взглядовъ, господствовавшихъ въ нашемъ финансовомъ вѣдомствѣ столь долгое время, врученіе пастырскаго надъ фабрикантами Московскаго округа жезла извѣстному профессору Янжулу и первыя распоряженія его подчиненныхъ и его самого вмѣстѣ съ почти безгласіемъ Губернскаго и Городскаго по фабричнымъ дѣламъ Присутствій вызвали въ средѣ московско-владимірскихъ фабрикантовъ крайнее возбужденіе. Основанное въ концѣ 1885 года Московское Отдѣленіе Общества для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ горячо взялось за разработку этого вопроса. По почину покойнаго предсѣдателя Отдѣленія Т. С. Морозова была организована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Н. К. Крестовникова. Въ нѣсколько засѣданій коммиссія разсмотрѣла цѣлый архивъ переданныхъ ей фабрикантами жалобъ на инспекцію и раздѣлила свой трудъ на двѣ части: сначала были разсмотрѣны тѣ недоумѣнія, которыя, не касаясь самого текста закона, выражали лишь личный произволъ инспекціи, ложныя толкованія ею намѣреній законодателя и тенденціозное, почти можно сказать, преслѣдованіе хозяевъ. Затѣмъ коммиссія перешла къ разсмотрѣнію самого текста закона и редактировала нѣсколько весьма существенныхъ въ немъ измѣненій. Послѣдовательно одно за другимъ были составлены, утверждены Общимъ Собраніемъ Отдѣленія и вручены И. А. Вышнеградскому два ходатайства отъ 10 и отъ 30 марта 1887 года.

Несмотря на то, что въ извѣстномъ отвѣтѣ на нижегородскую „интерпелляцію", надѣлавшую въ свое время столько шума, бывшій министръ Финансовъ выразился объ этихъ ходатайствахъ, что „онъ былъ пріятно удивленъ какъ крайней умѣренностію, такъ

и полною справедливостью требованій фабрикантовъ"[1] оба ходатайства Московскаго Отдѣленія остались безъ движенія, и только теперь, при разработкѣ вопроса о реформѣ фабричной инспекціи, вспомнилъ о нихъ С. Ю. Витте и, повидимому, принялъ во вниманіе нѣкоторые пункты ходатайства. Такъ можно заключить по петербургской корреспонденціи *Московскихъ Вѣдомостей*, подписанной *М.* и появившейся въ № 90 этой газеты.

Но для московскаго промышленнаго міра важно не заимствованіе нѣсколькихъ незначительныхъ пунктовъ этихъ ходатайствъ, а серьезное обстоятельное ихъ разсмотрѣніе тѣми, на чей судъ передается вопросъ о необходимыхъ измѣненіяхъ въ законѣ 3 іюня 1886 года. Вотъ почему мы и считаемъ необходимымъ напомнить здѣсь о содержаніи обоихъ названныхъ документовъ, не только не утратившихъ своей жизненности и свѣжести, но являющихся какъ бы вчернѣ написанными или сугубо оправданными за истекшія шесть лѣтъ.

Съ самаго начала примѣненія новаго фабричнаго закона,—говорится въ первомъ ходатайствѣ Московскаго Отдѣленія,—возникли между фабрикантами и инспекціею разномыслія и пререканія, которыя, обостряясь все болѣе и болѣе, не могли пройти безслѣдно на взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ и вообще на ходѣ фабричнаго дѣла. Полемическія статьи въ газетахъ, оффиціальныя жалобы на фабричную инспекцію вслѣдствіе ея излишней требовательности, совершенно несогласной съ закономъ, не приносящей никакой пользы рабочимъ, въ защиту которыхъ она какъ будто выступаетъ, но только стѣсняющей и фабрикантовъ и рабочихъ и затрудняющей самое производство, породили видъ какой-то борьбы между инспекціею, какъ бы защитницею рабочихъ, и хозяевами фабрикъ, какъ бы ихъ эксплуататорами въ самомъ крайнемъ смыслѣ этого слова. „Наконецъ-то и наши рабочіе дождались своего 19-го февраля!"—восклицаетъ членъ Фабричныхъ Присутствій Московскаго округа, прокуроръ Окружнаго Суда г. Обнинскій, въ статьѣ *Юридическаго Вѣстника*.

„Какое знаменательное сопоставленіе, какая зловѣщая аналогія!" приводитъ тотъ же авторъ восклицаніе другаго писателя,—какъ будто и въ самомъ дѣлѣ между помѣщикомъ-крѣпостникомъ,

---

[1] См. отчетъ о петиціи Нижегородскаго ярмарочнаго купечества въ августѣ 1887 г. и объ отвѣтной рѣчи И. А. Вышнеградскаго въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* и *Москов. Вѣдомостяхъ*.

имѣвшимъ право по своему произволу продавать и покупать себѣ подобныхъ, отдавать своихъ крестьянъ въ солдаты, ссылать на поселеніе, разрѣшать имъ вступленіе въ бракъ и т. д... и хозяиномъ-фабрикантомъ можетъ быть проведена какая-нибудь аналогія!

Подобное тенденціозное отношеніе къ фабричному вопросу не со стороны какого-либо органа печати, или представителя извѣстнаго литературнаго направленія, но со стороны крупнаго агента правительства, имѣющаго прямую возможность дѣйствовать въ области фабричной промышленности—чрезвычайно характерно. А такъ какъ голосъ г. Обнинскаго вовсе не является исключительнымъ, но, наоборотъ, характеризуетъ собою настроеніе большинства дѣятелей фабричной инспекціи, то немудрено, что все это поставило вопросъ на ложный путь и породило большія затрудненія.

Разногласіе въ мнѣніяхъ инспекціи и большинства фабрикантовъ кроется въ непониманіи и ложномъ толкованіи инспекціею новаго закона, что̀ выражается какъ въ предъявленіи ею требованій, не вытекающихъ изъ смысла новаго закона, такъ и въ томъ, что инспекція признаетъ въ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими дѣйствіе и силу лишь одного новаго закона 3-го іюня съ приложенными къ нему „Правилами о надзорѣ“, тогда какъ фабриканты вмѣстѣ съ тѣмъ—дѣйствіе и силу общихъ постановленій закона о личномъ наймѣ, какъ вполнѣ относящихся къ дѣламъ, возникающимъ изъ взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ. Другими словами, инспекція видитъ въ лицѣ нанявшагося на фабрику въ качествѣ рабочаго: 1) рабочаго и 2) обыкновеннаго правоспособнаго гражданина. Въ первомъ случаѣ лицо это ограничивается въ своихъ правахъ и обязанностяхъ, по отношенію къ хозяину фабрики, а сей послѣдній, по отношенію къ рабочему, исключительно предѣлами новаго фабричнаго закона, во второмъ же случаѣ — предѣлами общихъ законодательныхъ постановленій. Отсюда вытекаютъ двѣ сферы компетенціи закона во взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ, которыя одна другую исключаютъ.

Такого рода мнѣніе не основывается ничуть на положительномъ законодательствѣ, гдѣ, какъ извѣстно, рабочій законъ является лишь частнымъ дополненіемъ общаго гражданскаго закона и гдѣ съ достаточной ясностью указаны случаи, въ которыхъ общій законъ уступаетъ свою компетенцію закону спеціальному.

Воззрѣнія инспекціи на взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими построены на совершенно ложномъ предположеніи противоположности интересовъ сторонъ. Отсюда объясняется и толкованіе инспекціею новаго фабричнаго закона, какъ орудія, направленнаго преимущественно къ урегулированію этой противоположности. Такой взглядъ и такое толкованіе новаго фабричнаго закона невѣрны какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи.

Фабричное дѣло составляетъ одну изъ отраслей промышленной дѣятельности, въ которой принимаетъ участіе главнымъ образомъ трудъ и капиталъ. Рабочіе являются здѣсь представителями матеріальнаго труда, а фабриканты — представителями умственнаго труда и капитала. Первые не могутъ обойтись безъ вторыхъ и наоборотъ. На хозяинѣ фабрики, какъ предпринимателѣ, лежитъ обязанность составленія проекта предпріятія, предварительное соображеніе его осуществимости и доходности, почему и трудъ его называется предпринимательскимъ, хозяйскимъ, въ противоположность физическому труду рабочихъ, который носитъ названіе исполнительнаго труда. Союзъ двухъ этихъ родовъ труда могъ произойти не иначе, какъ на основаніи *сходства* интересовъ, ибо еслибы сіи послѣдніе были несходны, то и не явилось бы основаній къ союзу. Хозяинъ, если получаетъ значительную долю пользы отъ предпріятія, такъ это какъ потому, что безъ его умственнаго труда и капитала физическій трудъ рабочихъ остался бы безплоднымъ, такъ и потому, что онъ несетъ на себѣ рискъ дѣла, тогда какъ рабочіе и служащіе, какъ лица наемныя, въ этомъ рискѣ не участвуютъ. Положеніе рабочихъ и служащихъ является положеніемъ опредѣленнымъ, обусловленнымъ договоромъ съ хозяиномъ, а положеніе сего послѣдняго неопредѣленнымъ, сопряженнымъ со всякаго рода рискомъ, составляющимъ неизбѣжную принадлежность всякаго предпріятія. Нельзя поэтому строить доктрину противоположности интересовъ рабочихъ и хозяевъ фабрикъ на томъ только, что хозяинъ пользуется въ удачные годы значительною частію доходовъ предпріятія. Нельзя точно также строить эту доктрину и на томъ, что чѣмъ меньше жалованья и заработной платы фабрикантъ выдастъ служащимъ и рабочимъ, тѣмъ болѣе дохода останется ему отъ предпріятія. Это противорѣчитъ самымъ основнымъ началамъ политической экономіи. Дешевое жалованье и дешевая плата рабочимъ, естественно, повлекутъ за

собою пониженіе въ качествѣ работы, а доходность предпріятія зависитъ именно отъ качества работы. Было бы ошибочно думать, что доходъ предпріятія зависитъ отъ урѣзыванья жалованья или рабочей платы, составляющихъ одно изъ послѣднихъ условій успѣха въ дѣлѣ. На практикѣ же конкурренція фабрикантовъ устраняетъ всякую возможность произвола со стороны фабриканта при опредѣленіи заработной платы.

Московское Отдѣленіе, напротивъ, видитъ въ сотрудничествѣ хозяевъ и рабочихъ на фабрикахъ союзъ, основанный на *сходствѣ* интересовъ и *различіи* способностей, дополняющихъ одно другое; слѣдовательно и толкованіе новаго фабричнаго закона должно отправляться, по его мнѣнію, изъ этой исходной точки зрѣнія.

Изъ разсмотрѣнія многочисленныхъ жалобъ, представленныхъ въ Отдѣленіе фабрикантами, оно пришло къ необходимости формулировать слѣдующіе вопросы, нуждающіеся въ разъясненіи со стороны высшей власти:

1) За изданіемъ закона 3 іюня 1886 года „О наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы“ и „Правилъ о надзорѣ“ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“, остались ли въ силѣ и дѣйствіи законоположенія о личномъ наймѣ, изложенныя въ томѣ X, части I, гражданскихъ законовъ? Въ виду того, что при изданіи новаго фабричнаго закона объ отмѣнѣ ихъ ничего не говорится и нигдѣ не опубликовано, напротивъ, въ мнѣніи Государственнаго Совѣта 3 іюня 1886 года, основной части новаго фабричнаго закона, въ 1 пунктѣ I статьи, прямо говорится, „что наемъ рабочихъ въ заведеніяхъ фабричной промышленности совершается на основаніи общихъ постановленій о личномъ наймѣ, съ дополненіями, изложенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“—слѣдуетъ заключить, что общія постановленія о личномъ наймѣ, содержащіяся въ X томѣ, I части Св. Зак. Гражд., не отмѣнены новымъ закономъ, который составляетъ лишь дополненіе къ этимъ общимъ постановленіямъ. То же самое доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ упомянутомъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, въ статьѣ первой оговариваются статьи закона, которыя замѣнены новымъ фабричнымъ законодательствомъ. Еслибъ общія постановленія о личномъ наймѣ, изложенныя въ X томѣ Св. Зак., были замѣнены или отмѣнены, то Государственный Совѣтъ въ вышеупомянутомъ мнѣніи своемъ отъ 3 іюня 1886 года вы-

разилъ бы это, какъ выразилъ тамъ же относительно замѣны главы III раздѣла II (XI тома Зак. Граж.) Устава промышленности фабричной и заводской. Поэтому дѣйствіе обоихъ Московскихъ Фабричныхъ Присутствій, не признающихъ законнымъ введеніе въ разсчетную книжку рабочаго такихъ общихъ постановленій закона, которыя не отмѣнены и не замѣнены изданіемъ новаго іюньскаго закона, должно считаться неправильнымъ и предложеніе ихъ, что для условій найма, послѣ изданія іюньскаго закона, сей послѣдній исчерпываетъ всѣ случаи таковыхъ условій, слѣдовательно фабриканты обязаны руководствоваться лишь статьями новаго фабричнаго закона,—не имѣетъ за собою никакого основанія.

2) Имѣетъ ли право фабричный инспекторъ утверждать или не утверждать *условія найма* въ виду 24 статьи пункта д) „Правилъ о надзорѣ" (Законъ 13 іюня 1886 года) и въ виду 7 статьи тѣхъ же правилъ и ссылки при этомъ на статьи 27, 28, 29 и 34? Такъ какъ въ указанныхъ статьяхъ предоставляется полное право договаривающимся сторонамъ означать въ разсчетной книжкѣ всѣ безъ исключенія условія найма, какія онѣ найдутъ нужнымъ внести въ книжку, и такъ какъ всѣ случаи, гдѣ требуется утвержденіе фабричнаго инспектора, оговорены тѣми же статьями, то за силою ихъ можно положительно сказать, что фабричный инспекторъ утверждать условія найма законнаго права не имѣетъ и подчиняться его требованіямъ—представлять условія найма къ его утвержденію—значило бы подчиняться его произволу.

3) 21 статьею „Правилъ о надзорѣ" постановляется, что „каждому рабочему, не позднѣе семи дней по допущеніи къ работѣ на фабрикѣ, должна быть выдана разсчетная книжка *утвержденнаго Губернскимъ Присутствіемъ образца*". Отвѣчаетъ ли требованіямъ закона выпущенная Московскимъ Столичнымъ и Губернскимъ Присутствіями разсчетная книжка?

Принимая во вниманіе, что фабрикантъ, по взаимному уговору съ рабочими, имѣетъ право помѣщать въ разсчетной книжкѣ тѣ или другія правила внутренняго распорядка, которыя по каждой отдѣльной фабрикѣ утверждаются фабричною инспекціей и ранѣе Губернскому Присутствію неизвѣстны, остается на долю Губернскаго Присутствія, какъ издателя образцовой книжки, только исполненіе требованій выраженныхъ въ статьѣ 24 „Правилъ о надзорѣ", а также выборъ статей закона, помѣщеніе которыхъ обязательно въ разсчетной книжкѣ. Но и при этой весьма огра-

ниченной роли Московскія Губернское и Столичное Присутствія нашли возможнымъ показать явную тенденціозность, выбирая по своему произволу статьи закона, пропуская всѣ общія постановленія о личномъ наймѣ X тома, части I Св. Зак. Гражд., напримѣръ статьи 1.528, 1.530, 2.233, 2.234 и другія статьи, и помѣстивъ вопреки пункту *ж.* статьи 24 „Правилъ о надзорѣ" постановленія закона, не относящіяся къ обязанностямъ и отвѣтственности рабочихъ.

4) Имѣетъ ли право инспекторъ утверждать цѣну заработной платы? По статьѣ 26-й „Правилъ о надзорѣ" „разцѣночныя табели и вѣдомости, урочныя правила и тарифы выставляются въ мастерскихъ за подписью завѣдывающаго фабрикою", а не инспектора, и въ случаѣ спора или суда, „если условія договора, заключеннаго съ рабочимъ, недостаточны для точнаго исчисленія слѣдующей ему заработной платы, принимаются за основаніе къ исчисленію ея". Вмѣстѣ съ тѣмъ и по 7-й статьѣ тѣхъ же правилъ, если и предоставляется инспектору разсматривать и утверждать таксы, табели и росписанія, то въ силу ссылки пункта в) этой статьи на статьи 27, 28, 29 и 34 „Правилъ о надзорѣ" таксы въ этомъ случаѣ относятся къ платежамъ рабочихъ за пользованіе ими отъ фабрикъ квартирами, банею, чайными и столовыми; росписанія относятся къ предметамъ продаваемымъ изъ фабричныхъ лавокъ; табели относятся къ взысканіямъ за нарушенія рабочими порядка на фабрикѣ; но ни въ этой статьѣ, ни въ какой другой изъ статей закона 3 іюня ни слова не говорится о правѣ инспектора вмѣшиваться въ разцѣнку заработной платы.

Какъ видно изъ отзыва Присутствія на нѣкоторыя жалобы, оно основываетъ свои требованія о представленіи разцѣнокъ на утвержденіе инспектора, не на законѣ, а на своемъ собственномъ постановленіи отъ 2 октября 1886 года.

Но въ законѣ 3 іюня и въ ст. 4 „Правилъ о надзорѣ" точно обозначено, что Фабричныя Присутствія имѣютъ право издавать обязательныя постановленія по вопросамъ, касающимся лишь охраненія *жизни, здоровья и нравственности* рабочихъ, а также въ отношеніи врачебной помощи имъ (п. *а*.). Далѣе, Фабричныя Присутствія имѣютъ право издавать дополнительныя правила о подручныхъ рабочихъ и работающихъ артелью или на-отрядъ (п. *г*.). Ни по какимъ другимъ предметамъ Фабричному Присутствію права изданія обязательныхъ постановленій не предостав-

лено, а потому постановленіе Московскаго Столичнаго Присутствія отъ 2 октября 1886 года, какъ незаконное, обязательнымъ для фабрикантовъ быть не можетъ.

На основаніи вышеизложеннаго Московское Отдѣленіе признаетъ неправильнымъ и незаконнымъ напечатанное въ образцовой разсчетной книжкѣ обоихъ Московскихъ по фабричнымъ дѣламъ Присутствій выраженіе, касающееся до заработной платы, а именно: „съ платою по цѣнѣ, обозначенной въ особыхъ табеляхъ „*утвержденныхъ инспекціею*". Выраженіе „утвержденныхъ инспекціею" должно быть исключено.

На основаніи общихъ постановленій т. X, ч. I Св. Зак. Гражд. (стт. 1.528, 1.530 и 2.218) и перваго пункта ст. 1-й закона 3 іюня 1886 г. опредѣленіе цѣны найма, или рядной платы, принадлежитъ исключительно добровольному соглашенію договаривающихся сторонъ.

Нетрудно видѣть, что требованіе представленія на утвержденіе разцѣнки рабочихъ платъ совершенно разрушаетъ начало добровольнаго соглашенія и дѣлаетъ утвержденную инспекціей плату принудительною, но при этомъ только для одной стороны, именно для фабриканта, тогда какъ другая сторона—рабочій, остается свободною и можетъ на эту плату не согласиться.

Отъ установленія правильной разцѣнки зависитъ въ большинствѣ случаевъ успѣхъ самого дѣла. Предоставленіе поэтому инспектору права утверждать размѣръ заработной платы—было бы равносильнымъ предоставленію ему, лицу не компетентному въ производствѣ и въ немъ не заинтересованному, почти всей иниціативы по веденію самого дѣла. Превращаясь такимъ образомъ изъ блюстителей закона въ активныхъ распорядителей фабричными производствами фабричные инспектора получаютъ власть, которая, очевидно, не только инспекціи, но и никому не можетъ быть предоставлена никакимъ закономъ въ благоустроенномъ государствѣ.

Неутвержденіемъ, а иногда и несвоевременнымъ утвержденіемъ разцѣнки *инспекція получаетъ возможность немедленно закрыть производство на любой фабрикѣ*. Нечего и говорить, что законъ 3 іюня и „Правила о надзорѣ" никогда не могли имѣть въ виду поставить фабричную и заводскую промышленность въ такую невозможную *зависимость отъ произвола инспектора* и что претензіи въ этомъ смыслѣ, высказываемыя очень недвусмысленно

московскою инспекціею, основаны только на ея глубокомъ непониманіи смысла закона и цѣлей законодателя.

5) Какъ должно понимать 12-ю статью мнѣнія Государственнаго Совѣта 3 іюня 1886 г. относительно срока выдачи заработной платы рабочимъ и законно ли требованіе инспектора, чтобы въ условіяхъ найма срокъ этотъ назначался не иначе, какъ въ послѣднихъ числахъ того мѣсяца, за который слѣдуетъ уплата заработной платы? Законно ли также его произвольное указаніе въ помѣткахъ на представляемыхъ къ его утвержденію проектахъ правилъ внутренняго распорядка, что подсчитываніе заработковъ въ разсчетныхъ книжкахъ не должно продолжаться долѣе 3, 5, 7 дней, и наконецъ: подходитъ ли условіе найма, опредѣляющее срокъ выдачи заработной платы, подъ категорію правилъ внутренняго распорядка, которыя по силѣ 29 ст. „Правилъ о надзорѣ" должны утверждаться фабричнымъ инспекторомъ?

12-я статья мнѣнія Государственнаго Совѣта 3 іюня 1886 г. говоритъ: „выдача заработной платы рабочимъ должна производиться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца, и не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ при наймѣ на срокъ неопредѣленный. Счетамъ съ рабочими ведется особая книга".

Въ 24-й статьѣ „Правилъ о надзорѣ" при опредѣленіи того, что̀ должно быть означаемо въ разсчетной книжкѣ, въ пунктѣ *в.* этой статьи сказано: „размѣръ заработной платы, указаніе основаній ея исчисленія и срокъ платежей".—Законъ говоритъ о выдачѣ заработной платы, то-есть такой, которая уже заработана, слѣдовательно выдачи ея можетъ быть совершена лишь по истеченіи рабочаго мѣсяца, иначе была бы выдача денегъ впередъ, а не заработанныхъ, какъ того требуетъ законъ. Въ законѣ не говорится, чтобы плата была непремѣнно за текущій мѣсяцъ, а не за прошедшій. Онъ требуетъ только, чтобы она выдавалась не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца и не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ при наймѣ на срокъ неопредѣленный. Какого же именно числа будетъ производиться эта выдача—зависитъ отъ фактической возможности и взаимнаго соглашенія договаривающихся сторонъ. Понимая въ такомъ смыслѣ требованіе вышеупомянутой 12-й статьи закона, Московское Отдѣленіе считаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что воззрѣніе фабричнаго инспектора на точный смыслъ этой статьи произвольно и незаконно, и что обязывать фабрикантовъ подсчиты-

вать заработки въ разсчетныхъ книжкахъ рабочихъ въ 3, 5, или 7 дней фабричный инспекторъ не имѣетъ никакого права, тѣмъ болѣе, что и самое утвержденіе сроковъ платежей рабочимъ заработанныхъ ими денегъ, по точному смыслу закона, ему не подлежитъ (статья 7 и 29 „Правилъ о надзорѣ"). Въ законѣ опредѣлены всѣ права и обязанности инспекціи и указано все то, чтò подлежитъ ея утвержденію, но указанія на то, что сроки выдачи заработанной платы рабочимъ подлежатъ утвержденію инспектора, или имъ самимъ назначаются—нигдѣ нѣтъ. По смыслу закона, опредѣленіе какъ размѣра заработанной платы, такъ и срока ея уплаты, составляя предметъ договора между нанимающимъ и нанимаемымъ, не подлежитъ никакому утвержденію. Въ одномъ только случаѣ законъ ставитъ порядокъ и сроки удовлетворенія заработною платою въ зависимость отъ опредѣленія Губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ Присутствій—а именно: когда идетъ рѣчь *о подручныхъ рабочихъ и лицахъ, работающихъ артелью, или на-отрядъ* (примѣчаніе къ 26-й статьѣ „Правилъ о надзорѣ"). Обращаясь затѣмъ къ практической сторонѣ дѣла, Отдѣленіе пришло къ тому заключенію, что на разныхъ фабрикахъ могутъ явиться и разные случаи фактической возможности произвести въ тотъ или другой срокъ подсчитываніе разсчетныхъ книжекъ. Это зависитъ отъ числа рабочихъ, отъ дробности и сложности основаній исчисленія заработной платы и другихъ сторонъ фабричнаго производства. Интересъ же рабочихъ требуетъ, чтобы подсчитываніе книжекъ было наиболѣе точное и вѣрное, для чего при значительномъ количествѣ рабочихъ и при сложныхъ записяхъ и разсчетахъ необходимъ и значительный промежутокъ времени.

6) Такъ какъ 24-ая статья „Правилъ о надзорѣ" предоставляетъ договаривающимся сторонамъ право означать въ разсчетной книжкѣ и прочія условія найма, которыя стороны сочтутъ нужнымъ внести въ книжку, то будетъ ли законно и цѣлесообразно внесеніе въ разсчетную книжку такого рода условія:

«Въ случаѣ надобности рабочихъ въ деньгахъ для уплаты повинностей или для удовлетворенія ихъ нуждъ, контора фабрики можетъ выдать имъ деньги въ счетъ будущихъ заработковъ и внѣ общихъ сроковъ, общихъ выдачъ»?

Въ новомъ фабричномъ законѣ нигдѣ не упоминается о запрещеніи фабрикантамъ выдавать рабочимъ деньги впередъ, въ счетъ будущихъ заработковъ; въ X томѣ 1-ой части въ статьѣ 2239-ой и въ рѣшеніяхъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департа-

мента 1873 г. № 930 прямо говорится о долгѣ работника хозяину за забранныя впередъ деньги и о томъ, что работникъ можетъ погасить этотъ долгъ или работою, или уплатою наличными деньгами. При этомъ должно замѣтить, что 15-я статья мнѣнія Государственнаго Совѣта 3 іюня 1886 г., запрещающая „при производствѣ рабочимъ платежей дѣлать вычеты на уплату ихъ долговъ", нисколько не отмѣняетъ дѣйствія упомянутой 2239-ой ст., ибо трактуетъ о предметѣ совершенно другомъ, именно не о хозяинѣ фабрики, а о третьихъ лицахъ, могущихъ явиться заимодавцами рабочихъ.

На основаніи сего и въ виду того, что выдача денегъ впередъ рабочимъ часто вызывается крайнею нуждою сихъ послѣднихъ для уплаты повинностей, или для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей, и что лишеніе рабочихъ правъ заключать съ хозяиномъ такого рода условіе найма, которое оговаривало бы возможность выдачи рабочему денегъ впередъ въ счетъ будущихъ заработковъ, поставило бы рабочихъ въ совершенно безвыходное положеніе, какъ при несчастныхъ случаяхъ, могущихъ ихъ постигнуть, такъ и въ смыслѣ обезпеченія ихъ продовольствіемъ на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ не имѣется харчевыхъ лавокъ; имѣя въ виду также, что 25 ст. закона о наймѣ рабочихъ на сельскія работы 11 іюня 1886 г. не запрещаетъ выдачи денегъ впередъ подъ работу, Отдѣленіе пришло къ заключенію, что приведенная выше выдача денегъ впередъ должна быть признана законной и внесеніе ея въ книжку вполнѣ соотвѣтствующимъ какъ 24-ой статьѣ „Правилъ о надзорѣ", такъ и основной цѣли разсчетной книжки съ рабочимъ.

7) Бываютъ такіе случаи, что рабочіе не желаютъ получать въ тотъ или въ другой срокъ выдачи заработной платы, заработанныхъ ими денегъ и оставляютъ эти деньги за конторою; при ревизіи рабочихъ книжекъ инспекціею, или вслѣдствіе злоумышленной жалобы со стороны самого рабочаго, подвергается ли фабрикантъ отвѣтственности за то, что вслѣдствіе неявки рабочаго не выдалъ ему въ обычный срокъ заработной платы, причемъ послѣдняя осталась за конторою? Владимірское Губернское Присутствіе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно; фабрикантъ, по мнѣнію Присутствія, чтобы снять съ себя отвѣтственность, обязанъ взять съ рабочаго росписку въ томъ, что онъ, рабочій, по своему собственному желанію оставилъ зара-

ботанныя имъ деньги за конторою, и на сей конецъ Присутствіе выработало даже особенную форму таковой росписки.

Московское Отдѣленіе полагаетъ, что фабрикантъ въ этомъ случаѣ не можетъ подвергаться никакой отвѣтственности и что усложнять дѣлопроизводство фабричной конторы взятіемъ съ рабочихъ росписокъ вовсе не представляется нужнымъ, тѣмъ болѣе, что по силѣ 13-й статьи мнѣнія Государственнаго Совѣта 3 іюня 1886 года рабочій, не получившій въ срокъ причитающейся ему платы, вслѣдствіе задержанія ея хозяиномъ, имѣетъ право требовать судебнымъ порядкомъ расторженія заключеннаго съ нимъ договора.

8) Будетъ ли согласно съ закономъ, если фабрикантъ помѣститъ въ разсчетную книжку такое условіе найма, которое устанавливаетъ отвѣтственность рабочаго предъ хозяиномъ:

«за порчу товара, за недостатокъ матеріала противъ выданнаго количества, за порчу орудій производства и машинъ, и за утрату и порчу имущества, записывая всѣ эти удержанія на вычетъ въ книжку рабочаго»?

Московское Отдѣленіе полагаетъ, что рабочій достаточно гарантированъ принадлежащимъ ему правомъ судебной защиты и можетъ обжаловать суду размѣръ удержанныхъ убытковъ, если признаетъ таковой несправедливымъ. Такое свое мнѣніе Отдѣленіе основываетъ на нижеслѣдующихъ соображеніяхъ.

По смыслу общихъ постановленій закона о вознагражденіи за вредъ и убытки, послѣдовавшіе отъ дѣяній, не признаваемыхъ преступленіями и проступками, въ силу 684-й статьи X тома 1-й части гражданскихъ законовъ, „всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляли ни преступленія, ни проступка, если только будетъ доказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями закона или правительства, или необходимою личною обороной, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить“.

По силѣ статьи 2233 того же тома, „нанявшійся, который небреженіемъ своимъ причинитъ вредъ или ущербъ ввѣренному ему имуществу, платитъ за то хозяину безотговорочно или выслуживаетъ причиненные имъ убытки“.

По силѣ статьи 2234, „нанявшійся, который промотаетъ хозяйское, платитъ хозяину убытки и сверхъ того въ такомъ поступкѣ судится, какъ воръ, уголовнымъ порядкомъ“.

По силѣ статьи 2239, „работникъ долженъ заслуживать убытокъ, причиненный имъ хозяину утратой или порчей вещей, если не въ состояніи за то заплатить".

7-я статья закона 3 іюня, говоря о содержаніи и веденіи разсчетныхъ книжекъ съ рабочими, упоминаетъ о томъ, что въ книжкахъ этихъ „отмѣчаются также всѣ производимые съ рабочимъ разсчеты и дѣлаемые съ него, по условію, вычеты за прогулъ и причиненіе вреда хозяину".

Фабричная инспекція считаетъ стт. 2233, 2234 и 2239 т. X ч. 1 Св. Зак. Гр. отмѣненными статьей 70 т. I ч. 1 Св. Зак. Гр. и пунктомъ 15 ст. I-й закона 3 іюня 1886 года. Но признавать такое толкованіе закона Отдѣленіе не считаетъ возможнымъ.

Ст. 70-я т. I ч. 1-й Св. Зак. Гр. гласитъ:

«Высочайшій указъ, по частному дѣлу послѣдовавшій, или особенно на какой-либо родъ дѣлъ состоявшійся, по сему именно дѣлу или роду дѣлъ отмѣняетъ дѣйствіе законовъ общихъ.»

Пунктъ же 15-й ст. I закона 3 іюня 1886 г. гласитъ:

«При производствѣ рабочимъ платежей не дозволяется дѣлать вычеты на уплату ихъ долговъ. Къ числу такихъ долговъ не относятся однако разсчеты, производимые фабричными управленіями за продовольствіе рабочихъ и снабженіе ихъ необходимыми предметами потребленія изъ фабричныхъ лавокъ. Въ случаѣ предъявленія исполнительнаго листа на денежное взысканіе съ рабочаго, съ послѣдняго можетъ быть удерживаемо при каждой отдѣльной расплатѣ не болѣе $1/3$ причитающейся ему суммы, если онъ холостъ, и не болѣе $1/4$, если онъ женатъ или вдовъ, но имѣетъ дѣтей.»

Очевидно, что новымъ закономъ въ силу ст. 70-й т. I ч. 1-й были бы отмѣнены лишь тѣ постановленія X тома ч. 1-й, которыя трактуютъ въ обоихъ законахъ о дѣлахъ однородныхъ, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ. Пунктъ 15 ст. I-й закона 3 іюня говоритъ о вычетахъ съ рабочихъ на уплату ихъ долговъ третьимъ лицамъ, между тѣмъ какъ приведенныя выше стт. 2233, 2234 и 2239 т. X ч. 1-й говорятъ не о долгахъ рабочихъ, но объ утратѣ и порчѣ ввѣреннаго или даже не ввѣреннаго рабочему имущества, каковое имущество, разумѣется, давалось рабочему не въ долгъ. Далѣе, тамъ говорится не о третьихъ лицахъ, но о хозяинѣ.

Два совершенно разныя понятія: *о ввѣренномъ имуществѣ* и *о долгѣ* или *займѣ*, настолько несродны, что смѣшивать ихъ и считать указанныя статьи X тома отмѣненными является въ высшей степени нелогичнымъ.

Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на то, что ст. 70-я т. I ч. 1 говоритъ о Высочайшемъ указѣ, послѣдовавшемъ по частному дѣлу или особому роду дѣлъ. Въ настоящемъ случаѣ подобнаго Высочайшаго указа не имѣется. Существуетъ вновь опубликованный законъ, который прежде всего содержитъ въ себѣ указаніе, что онъ изданъ „взамѣнъ главы III раздѣла 2-го Уст. о промышленности фабр. и зав. (ст. 50—60 изд. 1879 года)“.

Далѣе въ новомъ законѣ говорится, что взамѣнъ отмѣненныхъ узаконеній, ясно поименованныхъ, вводятся слѣдующія правила: „п. 1 й: наемъ рабочихъ въ заведеніяхъ фабричной промышленности совершается *на основаніи общихъ постановленій о личномъ наймѣ съ дополненіями, изложенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ...*“

Точный и буквальный смыслъ этого законоположенія не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оно не отмѣняетъ, но лишь дополняетъ „общія постановленія о личномъ наймѣ“ и что, слѣдовательно, эти общія постановленія, содержащіяся въ главѣ I раздѣла 4-го книги IV т. X. ч. 1 Св. Зак. Гр., остаются въ полной силѣ и подлежатъ исполненію и при дѣйствіи закона 3 іюня 1886 года совмѣстно съ нимъ.

Наконецъ, Московское Губернское Присутствіе считаетъ п. 7 ст. I закона 3 іюня не дѣйствующимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены „Правила о надзорѣ“ и замѣненнымъ тамъ якобы ст. 22-й закона 3 іюня и статьей 39 Правилъ о надзорѣ. Такое толкованіе закона нельзя не признать также крайне произвольнымъ.

Ст. 22-я ясно говоритъ о томъ, что „Правила о надзорѣ“ не отмѣняютъ законоположеній 3 іюня, а дѣйствуютъ сверхъ постановленій ст. 1—21-й. Статья 39-я „Правилъ о надзорѣ“ могла бы замѣнить п. 7 ст. I закона 3 іюня лишь въ томъ случаѣ, еслибы касалась того же предмета. Но ст. 39 говоритъ о поступленіи въ рабочій фондъ *дисциплинарныхъ* взысканій съ рабочихъ, пунктъ же 7 ст. I говоритъ объ *убыткахъ фабриканта*. Дисциплинарный характеръ взысканій, устанавливаемыхъ правилами о надзорѣ, совершенно ясно опредѣленъ въ ст. 30, гдѣ прямо сказано: *Въ видахъ поддержанія на фабрикахъ должнаго порядка* завѣдующимъ сими заведеніями предоставляется налагать на рабочихъ собственною властью денежныя взысканія: а) за неисправную работу, б) за прогулъ и в) за нарушеніе порядка. Затѣмъ, въ ст. 31 ясно выраженъ чисто дисциплинарный

характеръ взысканія и за неисправную работу, такъ какъ это взысканіе опредѣляется сообразно *свойству неисправности*, а не сообразно размѣру убытка. Отсюда ясно видно, что ст. 39 „Правилъ о надзорѣ“ замѣнить п. 7 ст. I закона 3 іюня не можетъ, ибо говоритъ не объ убыткахъ хозяина, не о порчѣ или пропажѣ имущества, но о предметѣ совершенно иномъ: о дисциплинарныхъ наказаніяхъ рабочимъ для поддержанія порядка на фабрикахъ. Вслѣдствіе этого Отдѣленіе полагаетъ, что п. 7 ст. I закона 3 іюня и ст. 2234, 2233 и 2239 т. X ч. I Св. Зак. Гражд. слѣдуетъ признавать дѣйствующими.

Принимая все вышеизложенное во вниманіе, Московское Отдѣленіе признаетъ утвердительный отвѣтъ на первую половину вопроса вполнѣ согласнымъ съ точнымъ смысломъ общихъ законоположеней и основной части закона 3 іюня. Не подлежитъ также сомнѣнію, что по пункту 7 статьи I этого закона дозволяется записывать въ разсчетныя книжки дѣлаемые съ рабочаго вычеты за причиненіе вреда хозяину, слѣдовательно дозволяется удерживать эти вычеты при разсчетѣ съ рабочимъ въ сроки выдачи ему заработной платы, иначе не было бы никакого смысла отмѣчать ихъ въ книжкѣ рабочаго.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что по тому же пункту 7 вычеты за причиненіе вреда хозяину, согласно съ буквой и духомъ общихъ гражданскихъ законовъ, должны обращаться въ пользу потерпѣвшаго, иначе вышла бы „такая безсмыслица, что за дурно исполненную работу или испорченный матеріалъ штрафуется потерпѣвшій убытки фабрикантъ, обязанный взысканія съ рабочихъ за порчу матеріаловъ обращать въ ихъ же пользу“ *(Моск. Вѣд.* № 10, 1887 г.).

Обращаясь затѣмъ ко 2 части вопроса, а именно: „можетъ ли фабрикантъ на законномъ основаніи условиться съ рабочимъ въ томъ, „что фабрикантъ будетъ записывать въ книжку рабочаго и вычитать съ него при разсчетѣ все слѣдующее ему за причиненный ущербъ хозяйской собственности, а онъ, рабочій, можетъ обжаловать въ извѣстный срокъ суду всѣ эти вычеты, если признаетъ ихъ несправедливыми“? Московское Одѣленіе, не находя такого условія противнымъ закону, считаетъ возможнымъ дать въ пользу его утвердительный отвѣтъ.

По поводу этой второй половины вопроса Отдѣленіе полагаетъ, что чѣмъ рѣже встрѣчались бы такіе случаи въ фабричномъ законѣ, которые вызывали бы необходимость обращаться къ суду,

тѣмъ было бы лучше, какъ по отношенія къ фабричной администраціи и взаимнымъ выгодамъ договаривающихся сторонъ (устранялась бы потеря значительнаго времени и матеріальныхъ средствъ отъ разъѣздовъ по судебнымъ мѣстамъ), такъ и по отношенію поддержанія добрыхъ отношеній между хозяевами и рабочими. Законы несутъ въ себѣ воспитательное начало, и отъ нихъ зависитъ направить его въ ту, или другую сторону. Если, какъ утверждаетъ инспекція, новый фабричный законъ не признаетъ возможности соглашенія сторонъ при наймѣ ни относительно уплаты долговъ, ни относительно вычетовъ за причиненный вредъ хозяину утратою или порчею матеріала, машинъ и орудій, то слѣдовательно, во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ отсылаетъ ихъ къ суду. Чего могъ бы достигнуть этимъ законъ? Обезпеченія рабочихъ отъ произвола хозяевъ? Но вѣдь того же самаго можно бы достигнуть посредствомъ условій договора и инспекторскаго надзора. Между тѣмъ, при направленіи сторонъ въ судъ, позволительно думать, что, при нѣкоторой потачкѣ, или поблажкѣ, дурной инстинктъ можетъ развиться имъ же во вредъ. При этомъ, если рабочій, свободно заключая договоръ найма, изъявляетъ готовность покрывать, по соглашенію съ хозяиномъ, причиненные имъ сему послѣднему убытки, то гдѣ же основанія къ непризнанію закономъ сего условія найма? Возможно ли обязывать стороны обращаться къ содѣйствію суда даже и въ томъ случаѣ, когда онѣ не нуждаются въ этомъ содѣйствіи и когда между ними нѣтъ того спорнаго отношенія, которое только и можетъ быть предметомъ судебнаго разбирательства?

Еслибы фабрикантъ по каждому случаю былъ вынужденъ обращаться къ суду, то такая процедура была бы прежде всего до крайности разорительна для самихъ рабочихъ, такъ какъ всякая явка въ судъ сопряжена для рабочаго съ расходами и прогуломъ, причемъ каждый искъ въ нѣсколько копѣекъ обращался бы для рабочаго въ убытокъ на нѣсколько рублей.

Для фабрикантовъ же всякіе иски съ рабочихъ представятъ крайнія затрудненія и, несомнѣнно, въ большинствѣ случаевъ фабриканты предпочтутъ оставлять рабочихъ безъ судебнаго преслѣдованія, что̀ послужитъ къ укорененію въ рабочихъ сознанія своей неотвѣтственности и ненаказуемости за утрату и порчу чужаго имущества. Между тѣмъ въ общей сложности въ теченіе года потеря фабриканта окажется весьма чувствительною; рабочему же дается просторъ къ различнымъ вреднымъ для хозяина

дѣйствіямъ, ведущимъ къ безпорядкамъ и деморализаціи. О порядкѣ же на фабрикахъ заботится законъ, обязывающій „владѣльцевъ заведеній и фабрикъ принимать мѣры къ охраненію благоустройства и порядка на фабрикахъ“ (статья 15 „Правилъ о надзорѣ“); между тѣмъ 31 статья тѣхъ же правилъ, если принимать толкованіе инспекціи, вноситъ въ фабричную жизнь разрушительный безпорядокъ и ради того только, чтобы не включать въ условія обязательство рабочаго, возложенное на него закономъ возмѣщать убытки хозяину, если таковые произошли по винѣ рабочаго, или, другими словами, это дѣлается только ради того, чтобы не уступить вопреки точному смыслу закона принципу раздѣленія взысканій на два разряда: на вычеты въ пользу хозяина и на взысканія въ пользу рабочаго фонда.

9) Фабричный инспекторъ представленное ему расписаніе предметовъ, продаваемыхъ изъ лавокъ, не утвердилъ, потому, что въ расписаніи этомъ не были показаны цѣны. Соотвѣтствуетъ ли закону такое дѣйствіе инспектора?

Отдѣленіе рѣшило этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, имѣя въ виду 28-ю ст. „Правилъ о надзорѣ“, въ коей говорится лишь объ утвержденіи фабричной инспекціей расписанія предметовъ, подлежащихъ продажѣ, и ничего не говорится объ утвержденіи разцѣнки, или таксы, на эти предметы. Кромѣ того, по существу дѣла возможно ли фабриканту съ каждой перемѣной цѣны на какой-либо предметъ ждать утвержденія или неутвержденія инспектора?

10) Согласуются ли дѣйствія инспекціи по утвержденію расписаній предметовъ потребленія фабричныхъ лавокъ съ дѣйствительными потребностями въ таковыхъ фабричныхъ рабочихъ и служащихъ?

Изъ многочисленныхъ заявленій и жалобъ сдѣланныхъ по этому предмету коммиссіи оказывается, что фабричный инспекторъ налагалъ запрещенія на такіе предметы, которые для рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ уже давно составляютъ предметы потребленія первой необходимости. Такъ, напримѣръ, манная крупа, баранки, говядина черкасская, мука гречневая тульская, рыба, грибы, солодъ пшеничный, изюмъ, сахаръ и т. п. были исключаемы инспекторомъ изъ представленныхъ ему на утвержденіе расписаній. Законъ, предоставляя инспектору утвержденіе расписаній предметовъ фабричныхъ лавокъ, опредѣлилъ однако, что предметы эти должны быть, во-первыхъ, предметами

потребленія фабричныхъ, служащихъ и рабочихъ и, во-вторыхъ, недорогіе и доброкачественные.

Между тѣмъ фабричный инспекторъ, какъ изъ вышесказаннаго видно, положилъ запретъ на крупу манную, баранки, говядину черкасскую, муку гречневую тульскую, солодъ пшеничный, ячный, изюмъ, сахаръ и т. п. Что поименованные предметы суть предметы потребленія первой необходимости и притомъ недорогіе — ясно для всякаго, а потому сказанныя дѣйствія со стороны инспектора являются несогласными съ закономъ и слѣдовательно произвольными.

Кромѣ того фабричный инспекторъ долженъ знать, что русскіе рабочіе привыкли соблюдать посты, а потому нельзя запрещать почти всѣ сорта рыбы и грибовъ, оставляя какой-то лишь третій сортъ севрюги и четвертый сортъ сушеныхъ желтыхъ грибовъ, какъ это было сдѣлано имъ въ расписаніи Богородско-Глуховской мануфактуры. Русскій рабочій, какъ православный, крѣпко слѣдуетъ ученію Церкви о соблюденіи постовъ. и потому въ посты всегда предпочтетъ рыбу и грибы говядинѣ, хотя бы послѣдняя была вдвое дешевле, и никогда не повѣритъ, чтобы кто-нибудь, тѣмъ менѣе правительственный чиновникъ, могъ оказывать ему въ этомъ противодѣйствіе, да еще будто бы именемъ закона.

Такія произвольныя дѣйствія фабричной инспекціи ясно указываютъ на необходимость ихъ устраненія.

11) Фабричный инспекторъ призналъ незаконнымъ принятіе на себя рабочими обязанности (выраженной въ правилахъ внутренняго распорядка) тушить пожаръ на фабрикѣ. Онъ держится такого взгляда, — „что подобное обязательство обратило бы всѣхъ рабочихъ въ пожарныхъ.“

Отдѣленіе не считаетъ возможнымъ разбирать *странность* подобнаго взгляда на обязанности рабочихъ.

Мы видимъ, что въ Россіи учреждаются по городамъ „вольныя пожарныя команды“, а въ деревняхъ уже давно возложена обязанность тушить пожаръ на всѣхъ жителей. Почему же все это тамъ законно, а то же самое на фабрикѣ, по понятію инспектора, является незаконнымъ и неужели рабочіе въ виду горящей фабрики должны оставаться совершенно пассивными зрителями? Отдѣленіе далеко отъ того, чтобы видѣть въ этомъ запрещеніи инспектора какую-либо иную мысль, кромѣ страннаго непониманія обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній; но От-

дѣленіе не можетъ не остановиться на характерности подобнаго взгляда: сгорѣвшая фабрика, разоривъ хозяина, оставитъ вмѣстѣ съ тѣмъ безъ работы и самихъ рабочихъ, что можетъ повести къ послѣдствіямъ, подготовляющимъ почву для явленій противныхъ государственному порядку.

12) Точно также фабричный инспекторъ призналъ незаконнымъ то правило внутренняго распорядка, которое установляетъ „право и обязанность рабочаго принимать всѣ мѣры разумной предосторожности, какія найдетъ нужными для предотвращенія могущей грозить ему опасности; если же при обращеніи съ машинами не можетъ лично предотвратить предусмотрѣнную имъ опасность, то обязывается немедленно, при свидѣтеляхъ, заявить о томъ завѣдывающему фабрикою“. Инспекторъ нашелъ „*обязанность эту невозможной*“.

Московское Отдѣленіе не видитъ невозможности въ исполненіи рабочими такого правила внутренняго распорядка. Напротивъ, оно усматриваетъ въ немъ большую пользу, такъ какъ оно пріучаетъ рабочаго къ осмотрительности и предосторожности и клонится къ предупрежденію многихъ случаевъ несчастія съ рабочими. Заявить же завѣдывающему фабрикою о грозящей опасности при свидѣтеляхъ не представляетъ для рабочаго не только невозможности, но даже какой-либо трудности, на томъ основаніи, что на фабрикѣ во время работы въ свидѣтеляхъ недостатка быть не можетъ.

13) Когда должна производиться выдача заработной платы рабочимъ, наемъ которыхъ состоялся на время исполненія какой-либо работы, съ окончаніемъ коей прекращается и самый наемъ? По 19-й статьѣ мнѣнія Государственнаго Совѣта 3 іюня 1886 г. „договоръ найма такого рабочаго съ фабричнымъ или заводскимъ управленіемъ прекращается по окончаніи той работы, исполненіемъ которой былъ обусловленъ срокъ найма“; между тѣмъ въ 12 статьѣ того же закона не указывается время выдачи такому рабочему его заработной платы.

Принимая во вниманіе, что на шелковыхъ и парчевыхъ фабрикахъ нанимаются рабочіе съ условіемъ выработки куска шелковой матеріи или куска парчи, требующей иногда около 2½ мѣсяцевъ времени, Отдѣленіе находило бы, что и срокъ выдачи заработной платы такимъ рабочимъ долженъ опредѣляться этимъ временемъ, то-есть долженъ опредѣляться срокомъ окончанія обусловленной работы.

Затѣмъ Московское Отдѣленіе разсматривало образцы разсчетныхъ книжекъ Московскихъ Губернскихъ и Столичнаго и Владимірскаго по фабричнымъ дѣламъ Присутствій и нашло въ нихъ разницу въ томъ, что въ образцѣ Московскихъ Присутствій не допущены статьи и ссылки на статьи X тома 1-й части Свода Законовъ, тогда какъ въ образцѣ Владимірскаго Присутствія онѣ напечатаны въ отдѣлахъ, касающихся обязанностей и правъ хозяевъ и рабочихъ; затѣмъ въ образцѣ Владимірскаго Присутствія въ „общихъ правилахъ" значатся только тѣ статьи новаго фабричнаго закона, которыя ближайшимъ образомъ касаются взаимныхъ отношеній рабочихъ и хозяевъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ требованію новаго закона, а напротивъ, въ образцѣ Московскаго Присутствія перепечатаны статьи новаго закона до правъ обязанностей и отвѣтственности рабочихъ не относящіяся. Замѣтно, что означенныя Присутствія далеко не тождественны ни во взглядахъ, ни въ толкованіяхъ фабричнаго закона. Отдѣленіе полагаетъ необходимымъ, чтобы въ дѣйствіяхъ и требованіяхъ инспекціи и фабричныхъ присутствій было болѣе единства.

Представляя эти свои заключенія, Московское Отдѣленіе ходатайствовало въ установленномъ порядкѣ передъ гг. министрами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ о разъясненіи перечисленныхъ выше спорныхъ пунктовъ, являющихся, по его словамъ, „къ несчастію, спорными только потому, что фабричная инспекція съ самаго начала своей дѣятельности усвоила себѣ совершенно неправильный взглядъ на фабричныя отношенія и вступила на ложный путь ничѣмъ не оправдываемаго вмѣшательства въ такія внутреннія стороны фабричнаго производства и фабричной жизни, которыя лежатъ за предѣлами ея власти".

„Такое вмѣшательство и такія дѣйствія инспекціи, заключаетъ Московское Отдѣленіе свое первое ходатайство, успѣли уже возбудить крайнее неудовольствіе какъ между фабрикантами, такъ и въ средѣ самихъ рабочихъ и, къ сожалѣнію, между послѣдними уже были случаи, когда неудовольствіе это выразилось въ острой и опасной формѣ".

Въ ходатайствѣ своемъ отъ 10 марта 1887 года Совѣтъ Московскаго Отдѣленія представлялъ заключенія Отдѣленія о неудобствахъ, встрѣтившихся при примѣненіи закона 3 іюня 1886 года и „Правилъ о надзорѣ", которыя не касались текста самого закона и могли быть устранены подлежащею властью въ порядкѣ инструкцій фабричнымъ инспекторамъ и Присутствіямъ.

Во второмъ ходатайствѣ, отъ 10 марта, Совѣтъ представлялъ заключенія Московскаго Отдѣленія о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя необходимо сдѣлать *въ самомъ текстѣ закона* для того, чтобы этотъ послѣдній соотвѣтствовалъ въ полной мѣрѣ *истиннымъ нуждамъ какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ, установляя между ними наиболѣе правильныя отношенія.* Отдѣленіе считало необходимымъ въ текстѣ закона 3 іюня 1886 года о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы:

1) Редакцію пункта 12 статьи I дополнить такъ:

„Когда же наемъ рабочихъ производится на время исполненія какой-либо работы, съ окончаніемъ которой прекращается самый договоръ найма, то въ такомъ случаѣ срокъ выдачи заработной платы рабочимъ представляется добровольному соглашенію сторонъ, а окончательный разсчетъ опредѣляется срокомъ окончанія обусловленной работы".

2) Редакцію пункта 13 статьи I измѣнить такъ:

„Рабочій, не получившій въ срокъ причитающейся ему платы не вслѣдствіе добровольнаго неполученія имъ оной въ срокъ, а вслѣдствіе незаконнаго задержанія денегъ фабрикантомъ, имѣетъ право требовать судебнымъ порядкомъ расторженія заключеннаго съ нимъ договора".

3) Въ томъ же пунктѣ 13,—вмѣсто *трехъ* мѣсяцевъ, даваемыхъ рабочему на вчинаніе иска въ случаѣ неполученія въ срокъ причитающейся ему платы, было бы достаточно и *одного* мѣсяца. Слишкомъ продолжительный срокъ, какъ три мѣсяца, можетъ породить такія случайности, при которыхъ представленіе надлежащихъ доказательствъ будетъ затруднено для обѣихъ сторонъ.

4) Редакцію пункта 15 статьи I измѣнить такъ:

„При производствѣ рабочимъ платежей не дозволяется дѣлать вычеты на уплату ихъ долговъ *третьимъ лицамъ безъ предъявленія исполнительныхъ листовъ.* Въ случаѣ же предъявленія таковыхъ на денежное взысканіе съ рабочаго, съ послѣдняго можетъ быть удерживаемо при каждой отдѣльной расплатѣ не болѣе $^1/_3$ причитающейся ему суммы, если онъ холостъ, и не болѣе $^1/_4$, если онъ женатъ, или вдовъ, но имѣетъ дѣтей. Къ числу такихъ долговъ не относятся, однако, разсчеты, производимые фабричнымъ управленіемъ за продовольствіе рабочихъ и снабженіе ихъ необходимыми предметами потребленія изъ фаббричныхъ лавокъ, а также и за предметы продовольствія или

потребленія, доставляемые рабочимъ артелямъ съ ихъ согласія и отъ поставщиковъ".

5) Въ пунктѣ 20 ст. I говорится о томъ, что „договоръ найма можетъ быть расторгнутъ завѣдывающимъ фабрикою или заводомъ: а) вслѣдствіе неявки рабочаго на работу *болѣе трехъ дней сряду, безъ уважительныхъ причинъ*".

Слѣдуетъ пунктъ этотъ, подъ буквою а) редактировать такъ:

„Вслѣдствіе неявки рабочаго на работу болѣе трехъ дчей сряду, или въ сложности, болѣе шести рабочихъ дней въ мѣсяцъ, безъ уважительныхъ причинъ".

Отдѣленіе полагаетъ, что фабриканту невозможно держать рабочаго прогуливающаго на законномъ основаніи болѣе шести рабочихъ дней въ мѣсяцъ, то-есть четверти всего рабочаго времени, и что законъ долженъ предоставлять ему право увольнять такого рабочаго.

Далѣе, необходимо къ тому-же пункту а) добавить слѣдующее *примѣчаніе:*

„Отлучка рабочаго съ фабрики болѣе двухъ недѣль, хотя бы— и по уважительнымъ причинамъ—служитъ поводомъ къ расторженію договора".

6) Въ пунктѣ 1 статьи III не слѣдовало бы ставить мѣру наказанія и опредѣленіе подсудности завѣдывающаго фабрикою за совершеніе имъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1359 и 1359[1] Улож. о наказ., въ зависимость отъ условія: „когда эти поступки вызвали на фабрикѣ или заводѣ волненіе, сопровождавшееся нарушеніемъ общественной тишины или порядка, и повлекли принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ". По смыслу этой статьи размѣръ наказанія передается всецѣло на усмотрѣніе и добрую волю производящихъ безпорядковъ рабочихъ.

Такъ, напримѣръ, желая повредить хозяину, они могутъ бросить одинъ или нѣсколько камней въ окно фабрики и доказывать затѣмъ, что проступки хозяина вызвали нарушеніе тишины и порядка. Въ виду такой возможности шантажа, было-бы лучше, еслибы фабрикантъ подвергался безусловно и въ первый, и во второй и въ третій разъ наказанію *по приговору суда, а не по приговору Губернскаго по фабричнымъ дѣламъ Присутствія.* Въ настоящей же своей редакціи пунктъ 1-й ст. III-й представляетъ какъ бы готовый поводъ, чтобы безпорядки достигали своей конечной цѣли. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на явное

логическое противорѣчіе, по которому развитіе безпорядковъ вполнѣ зависитъ отъ рабочихъ, всѣ же послѣдствія ложатся на фабриканта, независимо отъ его образа дѣйствій.

Статья 1359 Улож. о наказ. (1885 г.) гласитъ:

„Если содержатели фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ прежде истеченія условленнаго съ работниками сихъ заведеній времени самовольно понизятъ плату своихъ работниковъ или-же будутъ заставлять ихъ, вмѣсто слѣдующей имъ платы деньгами получать ее товарами, хлѣбомъ или другими какими-либо предметами, то они за сіе подвергаются: денежному взысканію отъ ста до трехсотъ рублей, и, сверхъ того, обязаны вознаградить за понесенные вслѣдствіе сего работниками убытки".

Статья 1359[1] гласитъ:

„За выдачу рабочимъ людямъ наемной платы не наличными деньгами, но отдѣленными отъ процентныхъ бумагъ купонами, какъ неподлежащими еще оплатѣ, такъ равно и такими, срокъ платежа по которымъ уже наступилъ, виновные въ томъ наниматели или уполномоченныя ими лица подвергаются: денежному взысканію отъ пятидесяти до трехсотъ рублей.

За совершеніе проступковъ, предусмотрѣнныхъ этими статьями, и притомъ, если эти проступки вызвали волненіе и принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, завѣдывающій фабрикою, или заводомъ подвергается по силѣ новаго фабричнаго закона:

> „аресту на время до трехъ мѣсяцевъ и, сверхъ того, можетъ быть лишенъ навсегда права завѣдывать фабриками или заводами".

Отдѣленіе полагаетъ, что лишеніе навсегда права завѣдыванія фабриками или заводами — слишкомъ жестокое наказаніе, могущее повести за собой ликвидацію дѣлъ и полное разореніе.

Въ виду всего вышеизложеннаго Отдѣленіе пришло къ одобренію слѣдующей редакціи сказанной статьи:

„За совершеніе проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1359 и 1359[1] сего Уложенія, завѣдывающій фабрикою или заводомъ подвергается денежному взысканію по приговору суда въ размѣрѣ отъ 50 до 300 рублей, а при наличности особо отягчающихъ вину обстоятельствъ подвергается аресту на время до трехъ мѣсяцевъ".

7) Въ пунктѣ 2-мъ ст. V-й говорится:

„Въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ Губернскія по фабричнымъ дѣламъ Присутствія, разбирательству сихъ Присутствій

подлежатъ дѣла о нарушеніяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 40—42 „Правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“, *а равно дѣла о нарушеніяхъ ст. 1359*[1] *Улож. о наказаніяхъ, учиненныхъ завѣдывающими фабриками или заводами въ первый и второй разъ, когда сіи послѣднія нарушенія не сопровождались послѣдствіями, указанными въ п. 1 ст. III-й.*

Вторую половину 2-го пункта отъ слова „а равно“ до конца Отдѣленіе вовсе исключаетъ, находя, что фабриканты и заводчики должны нести наказаніе только по приговору суда. Въ этомъ убѣждаетъ насъ примѣръ всѣхъ европейскихъ законодательствъ. Затѣмъ исключеніе означенной половины 2-го пункта зависитъ также и отъ предложеннаго выше измѣненія въ пунктѣ 1-мъ ст. III-й.

Затѣмъ въ текстѣ „Правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“ Отдѣленіе считало необходимымъ:

8) Редакцію 2-й статьи измѣнить такъ: вмѣсто словъ—„предсѣдателя или члена Губернской Земской Управы—по выбору сей Управы и городскаго головы губернскаго города, или члена мѣстной Городской Управы — по выбору послѣдней“ — сказать: „одного члена по выбору Губернскаго Земскаго Собранія и одного члена по выбору Городской Думы,—преимущественно изъ лицъ, знакомыхъ съ фабричнымъ дѣломъ, хотя-бы эти лица и не состояли въ званіи гласныхъ“.

Измѣненіе это мотивируется тѣмъ, что во многихъ случаяхъ городской голова и членъ Губернской Земской Управы могутъ оказаться лицами, не компетентными въ дѣлахъ, касающихся фабричной жизни.

9) Примѣчаніе 2-е къ ст. 2-й редактировать такъ:

„Кромѣ того въ составъ Фабричныхъ Присутствій входятъ: въ столицахъ и тѣхъ губернскихъ городахъ, гдѣ есть биржевыя учрежденія, три члена по выбору биржевыхъ обществъ, въ другихъ-же губернскихъ городахъ по приглашенію губернаторовъ изъ числа мѣстныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ на извѣстный срокъ и съ утвержденія министра Финансовъ.

10) Статью 3-ю дополнить слѣдующимъ Примѣчаніемъ:

„Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ Фабричное Присутствіе является второй инстанціей и разбираетъ спорные вопросы между фабрикан-

томъ и инспекторомъ, голосъ послѣдняго при рѣшеніи дѣла не считается".

Отдѣленіе считаетъ неудобнымъ, чтобы одна изъ спорящихъ сторонъ являлась судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

11) Редакцію статьи 4-й измѣнить такъ: „Дѣлопроизводствомъ Губернскаго по фабричнымъ дѣламъ Присутствія завѣдуетъ особый дѣлопроизводитель. Должность сія со званіемъ окружнаго инспектора или его помощника совмѣщаема быть не можетъ".

Отдѣленіе полагаетъ, что вслѣдствіе активнаго характера дѣятельнисти инспектора, при возникновеніи спорныхъ вопросовъ между инспекціею и фабрикантомъ, составленіе докладовъ и веденіе дѣлопроизводства инспекторомъ даже при наилучшемъ отношеніи послѣдняго къ дѣлу не всегда можетъ быть беспристрастнымъ.

12) Въ статьѣ 5-й пунктѣ б)—исключить со словъ—„а равно дѣлъ" до конца. Затѣмъ прибавить къ этой статьѣ: *Примѣчаніе 2-е.* „Къ разбирательству Губернскимъ по фабричнымъ дѣламъ Присутствіемъ дѣлъ о нарушеніяхъ, перечисленныхъ въ ст. 40—42, касающихся завѣдывающихъ фабриками или заводами, приглашаются сіи послѣдніе или ихъ довѣренные для представленія надлежащихъ по дѣлу объясненій и доказательствъ".

Ни однимъ изъ европейскихъ фабричныхъ законодательствъ право суда не предоставляется учрежденіямъ, которымъ ввѣрено наблюденіе за фабриками. Было бы желательно и у насъ въ дѣлахъ, влекущихъ за собою болѣе тяжкія наказанія, не предоставлять право суда означеннымъ учрежденіямъ, а въ менѣе важныхъ дѣлахъ о нарушеніяхъ дать возможность самозащиты представителямъ фабрикъ и заводовъ.

13) Въ статьѣ 6-й исключить вторую половину статьи отъ словъ: „Постановленія Присутствія" до конца.

Отдѣленіе находитъ крайне неудобнымъ, а для мелкихъ фабрикантовъ и весьма тяжелымъ безапелляціонное взысканіе Губернскимъ Присутствіемъ съ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, или съ завѣдывающихъ ими, денежныхъ штрафовъ въ размѣрѣ до ста рублей за каждый разъ. Основываясь на указаніи иностранныхъ фабричныхъ законодательствъ,— право штрафовать фабрикантовъ принадлежитъ всецѣло суду. Во всякомъ случаѣ необходимо оставить фабриканту хотя право обжалованія постановленій Присутствія.

Относительно самаго размѣра штрафа Отдѣленіе, считая цифру

сто рублей слишкомъ высокою, имѣетъ честь указать, что въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ находятся Казенныя Палаты— административныя учрежденія, также наблюдающія за торговлей и промыслами. Законъ предоставляетъ имъ безапелляціонное наложеніе штрафа только въ размѣрѣ до тридцати руб. Въ виду подобной аналогіи, Московское Отдѣленіе полагаетъ, что высшій размѣръ штафа, налагаемаго Губернскими по фабричнымъ дѣламъ Присутствіями и не подлежащаго обжалованію, не долженъ также превышать указанной цифры.

14) Редакцію ст. 19-й измѣнить такъ: „Завѣдывающій фабрикой признается отвѣтственнымъ за нарушенія настоящихъ правилъ, допущенныя фабричнымъ управленіемъ. Налагаемыя на него денежныя взысканія, въ случаѣ неуплаты въ двухнедѣльный срокъ со времени объявленія рѣшенія, могутъ быть обращаемы на владѣльца фабрики въ томъ только случаѣ, если завѣдывающій фабрикою не былъ снабженъ отъ владѣльца оной законною довѣренностію или когда будетъ доказано, что нарушеніе закона произошло по непосредственному распоряженію владѣльца“.

Отдѣленіе полагаетъ, что въ силу общаго закона всякій долженъ нести отвѣтственность самъ за себя, и что было бы равно несправедливо, какъ карать владѣльца фабрики за нарушенія закона, сдѣланныя безъ его вѣдома его уполномоченнымъ, такъ и завѣдующаго за тѣ нарушенія закона, которыя сдѣланы по распоряженію владѣльца фабрики.

15) Въ статьѣ 20-й—вторую половину статьи измѣнить такъ:

„Виды рабочихъ, живущихъ на квартирахъ при фабрикѣ, равно и на частныхъ квартирахъ, хранятся въ фабричной конторѣ. Въ послѣднемъ случаѣ полиція выдаетъ рабочимъ контрамарки, замѣняющія паспорты“.

16) Редакцію „Примѣчанія“ къ ст. 21-й измѣнить такъ:

„Родителямъ, опекунамъ и ближайшимъ родственникамъ, работающимъ вмѣстѣ съ несовершеннолѣтними, можетъ быть выдаваема одна общая разсчетная книжка“.

Слова „съ разрѣшенія фабричной инспекціи“ исключаются на томъ основаніи, что испрашиваніе и выжиданіе разрѣшенія представятъ потерю времени и затрудненія, не оправдываемыя существенною надобностью.

17) Конецъ ст. 28-й редактировать такъ: „Разцѣнка же, или

такса, сихъ предметовъ вывѣшивается въ лавкѣ за подписью завѣдывающаго фабрикою и утвержденію инспекціи не подлежитъ.

Мотивы этого дополненія подробно изложены въ предыдущемъ ходатайствѣ Отдѣленія отъ 10 марта с. г. № 45.

18) Статью 31-ю необходимо редактировать иначе, причемъ яснѣе выразить, что налагаемое по сей статьѣ взысканіе есть дисциплинарное, ничего общаго съ вознагражденіемъ убытковъ хозяина не имѣющее.

Отдѣленія полагаетъ измѣнить конецъ этой статьи такъ:

„Взысканія за неисправную работу, налагаемыя въ дисциплинарномъ порядкѣ соотвѣтственно свойству неисправности и обращаемыя за силою ст. 39-й въ особый рабочій фондъ, не освобождаютъ рабочаго отъ возмѣщенія причиненныхъ неисправною работою убытковъ хозяину по добровольному соглашенію сторонъ на условіяхъ, оговоренныхъ въ разсчетной книжкѣ, или по суду.

19) Примѣчаніе къ статьѣ 36-й дополнить словами:

„обжаловать суду въ мѣсячный срокъ“.

Установленіе срока для обжалованія Отдѣленіе считаетъ существенно необходимымъ по тѣмъ-же мотивамъ, кои изложены въ пунктѣ 3-мъ настоящаго ходатайства.

20) Въ разъясненіе и дополненіе 2-го пункта 40-й статьи Отдѣленіе предлагаетъ слѣдующую редакцію этого пункта:

„за умышленное записываніе въ сію книжку разсчета съ рабочимъ на основаніяхъ, несогласныхъ съ указанными въ статьяхъ 7-ой и 11-ой мнѣнія Государственнаго Совѣта 3-го іюня 1886 г. и ст. 21—39 „Правилъ о надзорѣ“—подвергается денежному взысканію отъ пяти до двадцати пяти рублей за каждое нарушеніе, а въ случаѣ совокупности нѣсколькихъ нарушеній—суммѣ слѣдующихъ за нихъ взысканій, однако не свыше пятисотъ рублей.

„Неправильное веденіе разсчетной книжки“—понятіе растяжимое, а при большомъ числѣ рабочихъ совокупность взысканій по этой статьѣ можетъ быть исчислена инспекторомъ очень легко въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Несообразность такого взысканія очень понятна, почему Отдѣленіе считаетъ необходимымъ различать въ записяхъ книжки умышленныя ошибки отъ неумышленныхъ.

Въ февралѣ этого года Московское Отдѣленіе въ виду внесенія представленія объ измѣненіяхъ фабричнаго закона въ Госу-

дарственный Совѣтъ представило новое ходатайство по этому вопросу, но увы, ничуть непохожее на приведенные выше документы, такъ полно и широко разрабатывавшіе вопросъ. Оно, словно позабывъ о своихъ первыхъ ходатайствахъ, коснулось только одного и притомъ совершенно второстепеннаго вопроса о характерѣ обязательныхъ постановленій издаваемыхъ Фабричными Присутствіями.

Мы не знаемъ кто и когда собирался, чтобы разсмотрѣть и мотивировать указанное ходатайство, но самый духъ и текстъ его обличаетъ, что лучшіе и серьезнѣйшіе представители московскаго промышленнаго міра едва ли принимали въ немъ участіе. Московское Отдѣленіе ходатайствуетъ, чтобы изданіе постановленій техническаго характера было централизовано въ высшемъ правительственномъ учрежденіи, Присутствія и инспекція были уполномочены лишь на дѣйствія „распорядительныя“.

Это стремленіе къ централизаціи указываетъ ясно, что серьезные люди дѣла не только не принимали участія, но пожалуй и не знали о выработанномъ въ тиши кабинета ходатайствѣ. Обсуждайся ими этотъ вопросъ, они конечно предложили бы нѣчто болѣе простое и жизненное: пополнить, напримѣръ, составъ Фабричнаго Присутствія фабричными техниками или тѣми изъ хозяевъ, которые ведутъ дѣло сами и слѣдовательно не ошибутся въ проектированіи примѣнимыхъ къ жизни правилъ.

По поводу замѣтки г. К. С. въ мартовской книгѣ «Русскаго Обозрѣнія».

Теперь мода говорить объ такъ-называемомъ фабричномъ вопросѣ, фабричномъ законодательствѣ, отношеніяхъ рабочихъ и хозяевъ и т. п. Но, какъ всегда и во всемъ у насъ, разговоры начинаются главнымъ образомъ изъ разныхъ канцелярій и кабинетовъ „ученыхъ спеціалистовъ" и заглушаютъ своею кабинетною авторитетностію всякое живое слово живаго человѣка. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить такое живое слово, пробившееся сквозь плотную стѣну канцелярщины и напускной чинности, и къ числу такихъ словъ мы смѣло можемъ отнести коротенькую замѣтку г. К. С.

Читая ее, мнѣ невольно вспомнился разсказъ почтеннаго директора одной русской фабрики, г. О. Разговорясь о фабричныхъ дѣлахъ и порядкахъ, мы оказались единомышленниками.

— Говорятъ о томъ, сказалъ онъ что наши фабриканты отстаютъ во всѣхъ отношеніяхъ отъ заграничныхъ, что наши техники не знаютъ своего дѣла такъ, какъ его знаютъ иностранцы. Но кто же въ этомъ виноватъ? Я былъ въ Англіи и, по своей спеціальности, старался ознакомиться съ манчестерскими мануфактурами. Благодаря своимъ лондонскимъ знакомымъ, я получилъ рекомендательное письмо къ „самому" Х.—тогдашней знаменитости нашего дѣла, стоявшему во главѣ одной изъ обширнѣйшихъ фабрикъ Англіи. Со страхомъ и трепетомъ отправляюсь къ мистеру Х. Былъ ли онъ въ хорошемъ расположеніи духа или хотѣлъ сдѣлать пріятное лицу, меня рекомендовавшему, но только,—о восторгъ!—Х. рѣшилъ самъ лично повести меня по фабрикѣ!

Всякій, кто былъ въ такомъ положеніи, пойметъ мои чувства—я, молодой русскій техникъ и „самъ" Х.! Надо, думаю, не ударить лицомъ въ грязь, показать, что и мы „за Европой слѣдимъ" и т. п.... Пошли. Прежде всего меня поразила та страшная дисциплина, тотъ священный ужасъ, если можно такъ вы-

разиться, который проявлялся у всѣхъ служащихъ при нашемъ обходѣ; нигдѣ не видалъ я той „фамильярности", которую всегда вы увидите на нашихъ фабрикахъ при разговорахъ служащихъ съ начальствомъ. X. и не думалъ,—къ чему такъ склонно наше заводское начальство,—слегка подлаживаться къ рабочимъ, держать себя съ ними въ какой-то патріархально-фамильярной позѣ ради пресловутаго „сближенія;" напротивъ, — это былъ грозный хозяинъ-судья, который видитъ всякую мелочь до неисправности въ туалетѣ рабочаго и который никакой мелочи не спуститъ во имя „а Богъ съ ними, они тоже люди"; у него всякая вина виновата и всякая наказывается. И надо было видѣть, какъ всѣ политическіе равноправные съ X. мистеры и мистриссъ ходили ходуномъ отъ одного его взгляда! Надо отдать справедливость X. — знатокъ онъ своего дѣла на славу; его объясненія были для меня лекціей, да еще какою — такой мнѣ еще и не снилось въ нашихъ институтахъ! Главное, что̀ меня поразило,—это *духъ* его лекціи: у насъ все вертится на усовершенствованіи, на облегченіи труда, на удобствѣ рабочаго—у X. все это было тоже, но только въ такой мѣрѣ, въ какой это *выгодно* фабрикѣ, *полезно* карману хозяина. Вы убѣждаетесь, что во всѣхъ усовершенствованіяхъ и приспособленіяхъ думали только объ этой выгодѣ и не задавались никакою „идейною мѣрой", никакимъ „благомъ рабочихъ". Ходимъ и разсматриваемъ вещь за вещью, машину за машиной. Дай же, думаю, покажу этому представителю техники, что и мы не лыкомъ шиты:—скажите, м. г. X., вопросилъ я, въ какомъ у васъ положеніи дѣло образованія, каковы школы, училища?.. — „Школы? Какія школы?" — Да для дѣтей рабочихъ, для нихъ самихъ, воскресныя, техническія, популярныя лекціи и пр.?—„А, понялъ!.. Это тамъ!.." Жестъ по направленію къ городу. — А развѣ на самой фабрикѣ ничего нѣтъ въ этомъ родѣ?—„На фабрикѣ? Зачѣмъ? Я васъ не понимаю, да и кому онѣ здѣсь нужны, кто за ними смотрѣть будетъ? Я въ педагогіи ничего не понимаю, да и помощникъ мой долженъ знать только свое дѣло, а не заниматься посторонними предметами. Компанія наша, впрочемъ, даетъ субсидію училищу въ городѣ, за что̀ училище и обязано доставлять намъ служащихъ съ извѣстною подготовкой, которые и отработываютъ послѣ затраченныя на ихъ воспитаніе деньги."

„Вотъ такъ Европеецъ, думаю, у насъ всюду на первомъ

планѣ школы и ее въ первую голову показываютъ всѣмъ посѣтителямъ, а онъ даже и не конфузится, что у нихъ школы нѣтъ!"

Идемъ дальше.

— Скажите, милостивый государь X., а гдѣ у васъ больница и на сколько она постоянныхъ коекъ устроена?

— Больница, какая больница? Мы больныхъ не имѣемъ.

— Какъ не имѣете? А если заболитъ одинъ изъ вашихъ рабочихъ?

— А, вы про госпиталь спрашиваете... Онъ тамъ, въ городѣ, успокоилъ милостивый государь X.—У насъ если кто заболѣетъ, сейчасъ же увольняютъ и онъ идетъ въ госпиталь, семьѣ же его помогаютъ или синдикаты рабочихъ, или изъ приходскаго попечительства.

— А фабрика развѣ не помогаетъ?

— За что̀? У насъ не благотворительное здѣсь учрежденіе, рабочій, получивъ за свою работу сколько ему приходится, не можетъ требовать ничего болѣе!

Въ тонѣ милостиваго сударя X. мнѣ послышалось нѣкоторое раздраженіе...

„Дай-ка, думаю, я его про пищу рабочихъ спрошу, навѣрно у нихъ не теряется столько времени на обѣдъ, завтракъ, чай, отдыхъ и пр., здѣсь—гдѣ time is money—навѣрное все совершается здѣсь же, въ какой-нибудь столовой, устроено потребительское товарищество, фабричныя лавки и пр.

— У васъ какъ же, столовыя для рабочихъ устроены или они ходятъ обѣдать домой?

— Столовыя? Какія столовыя?

— Да для рабочихъ, гдѣ же они ѣдятъ?

— Послушайте, милостивый государь, судя по письму моего друга, м-ръ Н., я думалъ вы интересуетесь техникой, и я стараюсь вамъ объяснить наше дѣло, а вы меня все время спрашиваете о такихъ предметахъ, въ которыхъ я ничего не понимаю, которыми никогда не занимался и которыхъ на фабрикѣ нѣтъ. Какое мнѣ дѣло до какихъ-то школъ, столовыхъ, госпиталей. Повторяю, мы ничего этого не знаемъ. Рабочій, если онъ работаетъ не сдѣльно, долженъ отработать 10 часовъ и получаетъ за это условленную плату; затѣмъ, гдѣ онъ ѣстъ, что̀ онъ пьетъ, гдѣ спитъ, гдѣ учитъ своихъ дѣтей—это насъ совершенно не касается, у насъ и своего дѣла много, чтобы мы могли интересоваться и вмѣшиваться въ частную жизнь рабочихъ.

Видя, что Англичанинъ собирается повернуть домой съ фабрики, считая, что ходить больше со мной не стóитъ, я взмолился. Я изложилъ ему наши порядки, наши обязанности, разсказалъ ему, какъ у насъ относятся къ фабриканту, какъ относятся къ рабочему, сказалъ ему, что у насъ директоръ долженъ знать и педагогію, и архитектуру жилищъ рабочихъ, и устройство и веденіе госпиталей, ясель для дѣтей, и пр. и пр.

Мой Англичанинъ обратился въ подобіе солянаго столба.

— Я не удивляюсь отсталости вашей промышленности, не удивляюсь тому, что у васъ, при дешевизнѣ труда и сырья, невозможна конкурренція съ нами! Развѣ возможно допустить мысль, что одинъ человѣкъ можетъ быть и техникомъ, и педагогомъ и администраторомъ жизни рабочихъ, да гдѣ же на это, не говорю, способности всеобъемлющія, а просто время. Оттого и выходитъ, что у васъ нѣтъ ни дѣльныхъ техниковъ, ни дѣльныхъ педагоговъ и пр. Пока у васъ будутъ такіе порядки, мы можемъ быть покойны, что не потеряемъ нашихъ рынковъ, и вы ихъ отъ насъ не отобьете для своихъ фабрикатовъ!

— Но, позвольте, и въ Германіи, и во Франціи, да отчасти и у васъ, въ Англіи, есть такія же законоположенія, мы-то, собственно, съ за границы все это и взяли, вѣдь, какъ же вы устраиваитесь?

— У насъ, въ Англіи, этихъ теорій, проводимыхъ крайними соціалистами, меньше всего, оттого и промышленность наша выше германской или французской. Но и тамъ, хотя и есть, кажется, подобные законы, но они остаются или мертвою буквой, или обходятся. Законы эти—уступка пагубному духу времени, уступка, нужная для парламентовъ и народныхъ представителей; такъ всѣ на нее и смотрятъ, какъ на необходимую декорацію. Но никто и никогда не подумаетъ вводить эти законы въ жизнь, да даже и требовать-то этого ни одно серьезное правительство не станетъ. Вотъ вамъ примѣръ. Отъ насъ требовали школы, которую вы такъ усердно искали. Вы видите, что вокругъ фабрики расположенъ городъ, который только ей и живетъ и отъ нея зависитъ. Не говоря про рабочихъ, которые, какъ вы видѣли у меня, очень дисциплинированы (онъ это говорилъ съ гордостію), весь магистратъ, вся администрація состоятъ или изъ нашихъ же служащихъ, или отъ насъ зависятъ. Требуютъ школу. Мы вызываемъ мера, синдиковъ и пр. и

объявляемъ имъ, чтобы городъ построилъ на свой счетъ школу, а мы, со своей стороны, окажемъ матеріальную поддержку. Развѣ городъ и его управленіе могутъ этого не исполнить? Такимъ образомъ, при фабрикѣ есть школа, но завѣдуетъ ею городъ, а мы, кромѣ оказанной поддержки и стипендій, которыя даемъ нашимъ же будущимъ служащимъ, никакого отношенія къ ней не имѣемъ и ни за что̀ не отвѣчаемъ. Напротивъ, мы контролируемъ школу, мы приказываемъ измѣнить то или другое, если намъ что̀ не нравится. Тоже и госпиталь. Всякій самъ долженъ о себѣ заботиться, и фабрика не богадѣльня, не пріютъ. Если же среди фабрикантовъ окажется какой-нибудь филантропъ и станетъ строить и школы, госпитали, то это его дѣло, но никогда у насъ не станутъ смѣшивать фабрику со школой и ставить одну въ зависимость отъ другой. Вы, стало-быть, взяли худшую часть заграничнаго законодательства и поставили ее безъ оговорокъ во главѣ всѣхъ дѣлъ. Много еще говорилъ на ту же тему мой Англичанинъ, и справедливость его словъ я понялъ только тогда, когда вернулся на родину и самъ сталъ во главѣ дѣла.

— А еще онъ не зналъ, что̀ такое значитъ „янжуловщина“! заключилъ свой разсказъ О.

Тутъ можно спорить, хорошо ли все это съ идейной стороны, или нѣтъ, но фактъ остается фактомъ — за границей фабрика есть фабрика и ничего болѣе, а у насъ фабрика есть собраніе всевозможнѣйшихъ, а подчасъ и невозможнѣйшихъ, общественныхъ учрежденій, школъ, ясель, больницъ, столовыхъ, вечернихъ классовъ, вспомогательныхъ кассъ и пр. и пр., причемъ самое фабричное дѣло какъ бы только терпится, это есть какъ бы что-то конфузное, объ чемъ и говорятъ-то неохотно, за процвѣтаніемъ фабричнаго дѣла никто изъ начальства не слѣдитъ, а за процвѣтаніемъ каждой школы—слѣдятъ такое количество властьищущихъ, что имъ нѣтъ конца — и воздуху-то мало, и свѣтъ-то корпусъ фабрики загораживаетъ и шумъ машинъ вредно дѣйствуетъ на нервы ребятъ — нельзя ли все это устранить, улучшить. Такова забота начальства и такова задача, которую долженъ рѣшать нашъ техникъ.

А какъ рабочіе спятъ, сколько у нихъ на каждаго кубическихъ футъ воздуху, какія постели, моютъ ли они стѣны и потолки щелокомъ? Развѣ всѣ эти вопросы не важнѣй у насъ, чѣмъ само фабричное дѣло! Если испортятъ штуку миткаля—не бѣда, сбудутъ

гдѣ-нибудь и бракованную, а вотъ если не хватитъ кубическихъ футовъ воздуха, или стѣны щелокомъ не вымоютъ, то пожалуй оштрафуютъ, а то и въ кутузку посадятъ или фабрику прикроютъ. Ну и бѣгаетъ нашъ техникъ отъ школы въ съѣстную лавку, а оттуда, съ ведромъ щелока, въ жилище рабочихъ, а Англичанинъ старается въ это время сдѣлать такой кусокъ ситцу, что вашъ и небракованный-то съ нимъ не сравнится. Отсюда и разница въ порядкѣ „завоеванія рынковъ" и въ ходѣ дѣла. Тамъ полезная работа, а здѣсь залитая щелокомъ стѣна...

Г. К. С. касается слегка того страннаго положенія, по которому нашъ фабрикантъ и его фабрика является какимъ-то вмѣстилищемъ всякой скверны, за ними учреждены цѣлыя плеяды надсмотрщиковъ, а тутъ же, рядомъ съ фабрикой, за ея чертой, гнѣздится всякій порокъ по трактирамъ, свѣтелкамъ и пр., вездѣ грязь, очаги заразы—и никто за этимъ не смотритъ. Эта картина всѣмъ знакома, конечно, и я съ своей стороны тоже добавить ничего не имѣю.

На заграничной фабрикѣ никогда не увидите такой массы посторонняго шляющагося народа, какъ у насъ. Тамъ утромъ рабочій вошелъ, фабрику заперли и, кончено, вплоть до обѣда. Въ обѣдъ выпустятъ, съ надлежащимъ осмотромъ и потомъ, по возвращеніи, запрутъ ворота до вечера. У насъ-то школьники идутъ, то нищу рабочимъ несутъ, то въ больницу идутъ, то за провизіей въ лавочку, все это въ разное время, кому какъ вздумается.

Неугодно ли, при халатности нашихъ сторожей, услѣдить за каждою бабой и за каждымъ ея кувшиномъ. Сплошь и рядомъ слышишь: поймали мальчишку—проносилъ въ сумочкѣ съ книгами пряжу, поймалъ бабу — проносила въ ковригѣ хлѣба подпилки, другая — заткнула пустой кувшинъ шерстью и т. д. Сосчитайте, во что обойдется досмотръ фабриканту, сколько онъ потеряетъ несмотря на досмотръ—и вы поймете, отчего происходятъ убытки.

Помню одинъ случай, бывшій на моимъ глазахъ. Фабрика на берегу большой рѣки. Есть свое пароходство. На берегу лежатъ якоря, запасныя части, якорныя цѣпи. Въ одинъ солнечный денекъ 3—4 школьника забрались на бережокъ играть во что-то. И сторожа и начальство ходитъ, и ничего — пусть играютъ! Вечеромъ, когда фабрику заперли, случайно по этому же мѣ-

сту идетъ директоръ фабрики и видитъ, что огромная якорная цѣпь какъ змѣя ползетъ сама собой въ воду. Вокругъ никого нѣтъ, что за чудо! Позвалъ сторожей; смотрятъ, а на другой сторонѣ, въ кустахъ, нѣсколько человѣкъ вытаскиваютъ эту цѣпь. Дѣло въ томъ, что невинные младенцы днемъ привязали къ цѣпи конецъ веревки, а послѣ окончанія работъ, стали вытаскивать другой конецъ, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣпь.

Такихъ примѣровъ можно бы привести тысячи—но едва ли это надо—они у всѣхъ на глазахъ и всякій практикъ ихъ самъ не меньше моего знаетъ, а кабинетнаго теоретика фабричнаго быта все равно ничѣмъ не убѣдишь.

Что сказать о фабричной инспекціи и инспекторахъ? Г. К. С. сказалъ, въ общихъ чертахъ, что это за учрежденіе. Мнѣ добавить къ этому нечего—съ одной стороны—чтобы гусей не раздразнить, а съ другой потому, что вся оцѣнка ихъ лежитъ въ самомъ ихъ положеніи и составѣ. Кто у насъ идетъ въ фабричные инспектора? Молодые техники, потому - ли, по сему-ли не попавшіе на фабрики, чиновники другихъ вѣдомствъ, которымъ „не повезло" по службѣ, и весь этотъ контигентъ проникается янжуловщиной, взглядомъ на фабриканта какъ на разбойника и на рабочаго — какъ на невиннаго агнца. Ко всему этому прибавьте канцелярщину, канцелярщину и еще разъ канцелярщину...

Если позволено будетъ высказать мое заключеніе, то вотъ оно:

1) Надо на фабрику смотрѣть какъ на промышленное предпріятіе и не навязывать этому послѣднему никакой филантропіи.

2) Надо, чтобы за фабриками смотрѣли лица знакомыя съ требованіями жизни, а не съ требованіями кодекса ходячихъ либеральныхъ истинъ. Отчего землевладѣльцамъ дали великое благо—судиться у самихъ себя, у своихъ земскихъ начальниковъ, а фабриканты не могутъ изъ своей же среды, на подобіе земскихъ начальниковъ, избирать *фабричныхъ начальниковъ?*

Suum cuique! Насколько мы преклоняемся передъ милостію Царевой, создавшей земскихъ начальниковъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, настолько же мы должны желать для фабрикъ и заводовъ, чтобъ и они, а съ ними вмѣстѣ и вся промышленность, получили наконецъ настоящихъ полезныхъ и властныхъ фабричныхъ начальниковъ. Будучи всегда противъ того, чтобы промышленный элементъ вытѣснялъ дворянина-помѣщика изъ его искон-

ной области—землевладѣнія, мы въ такой же мѣрѣ противъ того, чтобы въ область родной промышленности мѣшались и лѣзли отбросы изъ другихъ сословій. Дѣла и жизнь показали, что наши дворяне-помѣщики могутъ сами управлять въ своей области—нѣтъ никакого основанія думать, что наши фабриканты и заводчики не сумѣютъ разобраться сами въ ихъ дѣлѣ.

В. Н. Семенковичъ,
инженеръ-механикъ.

13 апрѣля 1893.
Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ второй.

МАРТЪ.

Стр.

АПРѢЛЬ.

Въ теченіе марта въ редакцію „Русскаго Обозрѣнія“ поступили слѣдующія книги:

Высоцкій Н. Ѳ. Публичная лекція о холерѣ. Казань 1893 г. Ц. 30 к.

Е. В. Краткое сказаніе о жизни о. Амвросія. Москва. 1893 г. Ц. 15 к.

Смоленскій С. В. Пѣснопѣнія божественной литургіи. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Морисъ Блокъ. Матери великихъ людей. Пер. Н. М. Дементьевой. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Липранди А. П. (А. Волынецъ). „Отторженная возвратихъ“. Паденіе Польши и возсоединеніе Западнаго Края. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Юрасовскій А. О дѣтяхъ законныхъ, незаконныхъ, узаконенныхъ и усыновленныхъ. Москва. 1893 г. Ц. 50 к.

Александръ епископъ Дмитровскій. Церковь англиканская по праву-ли присвояетъ себѣ названіе церкви каѳолической? Москва. 1892 г.

Его-же.—Къ торжеству 500-лѣтія памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца. Москва. 1892 г.

Его-же.—Нравоучительные уроки священника къ бывшимъ прихожанамъ въ письмахъ. Москва. 1888 г. Ц. 75 к.

Его же.—Іисусъ Христосъ по Евангелію. Вып. I. II. III. (отд. I). Москва. Ц. 1 р. 20 к.

Столыпинъ Д. А. Очерки философіи и науки. Три части. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 40 к.

Коменскій Янъ-Амосъ. Избранныя педагогическія сочиненія ч. I, пер. Андр. Адольфа и Сергѣя Любомудрова. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Ш—въ. Іоанна Д'Аркъ. Фантазія на современные типы. Москва. 1893 г.

Игрекъ. Е. П. Блаватская и современный жрецъ истины. Отвѣтъ Вс. С. Соловьеву. Спб. Ц. 50 к.

Лeффлеръ А. К. Воспом. о Софьѣ Ковалевской. Перев. со Шведскаго М. Лучицкой. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50.

Е. Гаршинъ. Русская литература XIX в.

Сперанскій. Древніе языки.

Настольный энциклопедическій словарь. А. Гарбель и К° выпуски 62, 63, 64 и 65. Москва 1893. Ц. по 40 к. каждый.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОСЯТЪ О ПОМОЩИ
ДЛЯ СПАСЕНІЯ ЛЮДЕЙ ОТЪ СЛѢПОТЫ.

Слѣпота есть великое несчастіе въ жизни человѣка, между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ во̀время сдѣланной операціи или иного рода лѣченія можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь весьма немногимъ, а большинство гибнетъ навсегда, теряя зрѣніе.

Попечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи, для подачи нужной помощи страдающимъ глазными болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Попечительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у предсѣдателя совѣта статсъ-секретаря Я. К. Грота, въ томъ же домѣ, и у члена совѣта Николая Павловича Забугина (Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ).

ДУБОВЫЙ ПАРКЕТЪ

отъ простыхъ до роскошныхъ мозаичныхъ рисунковъ и „массивный“ съ настилкою по старымъ поламъ 15 р. к. с. Лѣсоп. и парк. заводы на р. Волгѣ, близъ Чебоксаръ, Казанской губ., **С. С. Замятнина.** Контора и складъ: Москва, Мясницкая ул., Фуркасовскій пер., д. Рахманова. Доставка и установка во всѣ города Рос. Имперіи.

Стр.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Выходитъ 15 числа каждаго мѣсяца).

Въ составъ каждой книги журнала входятъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) **Изящная словесность** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д.) 2) **Наука** (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) **Критика.** 4) **Вопросы церковной жизни.** 5) **Современная лѣтопись.** 6) **Иностранныя корреспонденціи.** 7) **Лѣтопись печати.** 8) **Искусство** (обозрѣнія музыкальныя, театральныя, художественныя и др.) 9) **Библіографія** (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ.) 10) **Новыя книги.** 11) **Областной отдѣлъ** (письма и сообщенія изъ провинціи.) 12) **Экономическія замѣтки.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—**15** руб., на полгода—**7** руб **50** коп., на **3** мѣсяца—**3** р. **75** к., на **1** мѣсяцъ—**1** р. **25** к.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—**12** руб., 6 мѣс.—**6** руб., 3 мѣс.—**3** руб., 1 мѣс.—**1** руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЮТЪ:

Въ Москвѣ: контора *Русскаго Обозрѣнія*—Тверская, д. Гинцбурга.

Книжные магазины: *Новаго Времени*, *Н. П. Карбасникова*, *Н. И. Мамонтова*, *В. В. Думнова*, *И. И. Глазунова*, *А. А. Васильева*, *П. К. Прянишникова*, *А. Г. Кольчугина;*—контора *Н. Н. Печковской* и контора *Л. Э. Метиль и К°.*

Въ С.-Петербургѣ: книжные магазины *Новаго Времени*, *Н. П. Карбасникова*, *Н. Фену и К°*, *Березовскаго*, *Мелье и К°*, *К. Риккера*, *Герцъ и К°* и др.

Въ Кіевѣ: книжный магазинъ *Н. Я. Оглоблина* и др.

Въ Харьковѣ: книжный магазинъ *Новаго Времени* и др.

Въ Одессѣ: книжный магазинъ *Новаго Времени*, *Распопова* и др.

Въ Варшавѣ: книжные магазины *Н. П. Карбасникова*, *Истомина* и др.

Въ Казани: книжные магазины *А. А. Дубровина*, *Н. Я. Башмакова* и др.

Книги журнала 1890 и 1891 гг. продаются въ конторѣ редакціи по 8 руб. за годъ, 1892—по 10 руб., всѣ же три года вмѣстѣ—20 руб. Здѣсь же находится складъ сборника статей К. Н. Леонтьева „Востокъ, Россія и Славянство“ 2 тома по 1 р. 50 к. каждый.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: ***Москва, редакція Русскаго Обозрѣнія.*** Тверская ул., д. Гинцбурга.

Редакторъ-издатель: **АНАТОЛІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.**